

ДРЕВНОСТИ СЕМИДВОРЬЯ I

Средневековый двухапсидный храм
в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым)

Археологический альманах № 32

**АРХЕОЛОГІЧНИЙ
АЛЬМАНАХ
№ 32
ARCHAEOLOGICAL
ALMANAC**

NATIONAL UKRAINIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
DONETSK NATURAL HISTORY MUSEUM
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Archaeological Almanac, № 32

ARCHAEOLOGY OF SEMIDVORIE I

**Double apse medieval church in the
Yedi Evler valley (Alushta, Crimea):
studies and materials**

Edited by Iryna Teslenko & Alexander Musin

Kyiv
«Antikvar»
2015

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ДОНЕЦКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Археологический альманах, № 32

ДРЕВНОСТИ СЕМИДВОРЬЯ I

**Средневековый двухапсидный храм
в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым):
исследования и материалы**

Редакторы-составители: И.Б. Тесленко, А.Е. Мусин

Киев
Издательский дом «Антиквар»
2015

УДК 902(4Укр-6Крм)
ББК 63.4(4Укр-6Крм)

Д73 Древности Семидворья I. Средневековый дваапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): исследования и материалы. И.Б. Тесленко, А.Е. Мусин (ред.-сост.). – Археологический альманах, № 32. – Киев: ИД «Антиквар». – 2015. – 408 с. + 2 илл.

ISSN 2306-6164
ISBN 978-617-7285-00-6

Archaeology of Semidvorie I. Double apse medieval church in the Yedi Evler valley (Alushta, Crimea): studies and materials. Edited by I. Teslenko & A. Musin. – Archaeological Almanac, № 32. – Kyiv: “Antikvar”. – 2015. – 408 p. + 2 pl.

Коллективная монография посвящена публикации материалов новых раскопок средневекового дваапсидного храма на холме Тузлух в урочище Еди-Евлер у с. Семидворье (Алушта) в Крыму. В книге предложены наблюдения, касающиеся истории освоения южных склонов Главной гряды Крымских гор во второй половине – конце VIII – первой половине X в. и религиозной культуры византийской провинции этого времени. Издание рассчитано на археологов, историков, палеонтологов, музейных работников, краеведов, преподавателей и студентов исторических специальностей.

The monograph is collective work which presents studies and materials from recent excavations of two-apse early medieval church in the Yedi Evler area near the Semidvorie village (Alushta, Crimea). The book also provides an account of the history of the resettlement and social development of the southern shore of the Crimean peninsula from the second half of the 8th century to the first half of the 10th century, and characterizes the religious culture and devotional practices of the provincial population during the middle-Byzantine period. The publication is designed for archaeologists, historians – both Byzantinists and Medievalists – paleontologists, museum staff, lecturers and students in history, humanities and social sciences.

Главные редакторы:

ЧАБАЙ В.П., член-корреспондент НАН Украины
КОЛЕСНИК А.В., кандидат исторических наук
УСАЧУК А.М., кандидат исторических наук

Ответственный редактор:

ТЕСЛЕНКО И.Б., кандидат исторических наук

Редакционная коллегия:

БУЙСЬКИХ А.В., доктор исторических наук
КУТАЙСОВ В.А., доктор исторических наук
ГЕРШКОВИЧ Я.П., кандидат исторических наук
ДЕНИСЕНКО Е.И., заслуженный деятель искусств Украины
КИСЛИЙ А.Е., доктор исторических наук
МАЙКО В.В., доктор исторических наук
МОГАРИЧЕВ Ю.М., доктор исторических наук
ОТРОЩЕНКО В.В., доктор исторических наук
ПОЛИДОВИЧ Ю.Б., кандидат исторических наук
ЦИМИДАНОВ В.В., кандидат исторических наук

Рецензенты:

ИВАКИН Г.Ю., член-корреспондент НАН Украины
МОГАРИЧЕВ Ю.М., доктор исторических наук
ИОАННИСЯН О.М., кандидат исторических наук

Chief editors:

Dr. V.P. CHABAI, corresponding member of NUAS
Dr. A.V. KOLESNIK
Dr. A.M. USACHUK

Responsible editors:

Dr. I.B. TESLENKO

Editorial board:

Dr. A.V. BUISKIH
Dr. V.A. KUTAIISOV
Dr. Ya.P. GERSHKOVICH
Ye.I. DENISENKO, Honored Art Worker of Ukraine
Dr. A.E. KISLY
Dr. V.V. MAYKO
Dr. Yu.M. MOGARICHEV
Dr. V.V. OTROSCHENKO
Dr. Yu.B. POLIDOVICH
Dr. V.V. TSYMIDANOV

Reviewers:

Dr. G.Yu. IVAKIN, corresponding member of NUAS
Dr. Yu.M. MOGARICHEV
Dr. O.M. IOANNISIAN

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии НАН Украины
The publication of this volume was approved by the Scientific Council of Archaeology Institute,
National Ukrainian Academy of Sciences (NUAS)

Издание этого выпуска «Археологического альманаха» увидело свет благодаря поддержке **Алексея Шереметьева**.
This volume of the *Archaeological Almanac* is published with the generous support of **Oleksii Sheremetiev**.

На обложке – руины дваапсидного храма на холме Тузлух в урочище Еди-Евлер

ISSN 2306-6164
ISBN 978-617-7285-00-6

<http://archaeoalmanac.com>

© Институт археологии НАНУ, 2015

© Донецкий областной краеведческий музей, 2015

© Институт истории материальной культуры РАН, 2015

© Коллектив авторов, 2015

© Archaeology Institute NUAS, 2015

© Donetsk Natural History Museum, 2015

© Institute for the History of Material Culture of the RAS, 2015

© Collective of authors, 2015

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

И.Б. Тесленко <i>I. Teslenko</i>	Введение <i>Introduction</i>	7
АРХИТЕКТУРА И СТРАТИГРАФИЯ <i>Architecture and stratigraphy</i>		15
В.П. Кирилко <i>V. Kirilko</i>	1. Архитектурно-конструктивные особенности и строительная периодизация храма <i>1. Architectural peculiarities of the church and the periodisation of its construction</i>	17
И.Б. Тесленко <i>I. Teslenko</i>	2. Стратиграфия и характеристика культурных отложений <i>2. Stratigraphy and description of cultural deposits</i>	63
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА <i>Material culture</i>		117
И.Б. Тесленко <i>I. Teslenko</i>	3. Керамика <i>3. Pottery and ceramic materials</i>	119
И.Б. Тесленко, А.Е. Мусин <i>I. Teslenko, A. Musin</i>	4. Стекланные сосуды <i>4. Glass lamps</i>	179
А.Е. Мусин <i>A. Musin</i>	5. Металлические кресты <i>5. Metal liturgical crosses</i>	189
И.Б. Тесленко <i>I. Teslenko</i>	6. Изделия из металла, стекла и камня <i>6. Metal, glass, and stone artifacts</i>	219
Г. Г. Гавришь, И.Б. Тесленко <i>G. Gavris, I. Teslenko</i>	7. Подвески из раковины моллюска и зуба оленя <i>7. Pendants of clam shell and deer tooth</i>	225
ФАУНИСТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ <i>Faunal remains</i>		227
Г.Г. Гавришь <i>G. Gavris</i>	8. Птицы <i>8. Birds</i>	229
В.М. Логвиненко <i>V. Logvinenko</i>	9. Млекопитающие <i>9. Mammals</i>	243
Г.Г. Гавришь <i>G. Gavris</i>	10. Рыбы <i>10. Fishes</i>	251
Г.Г. Гавришь <i>G. Gavris</i>	11. Морские моллюски <i>11. Marine mollusks</i>	253
С.В. Леонов <i>S. Leonov</i>	12. Наземные моллюски <i>12. Land snails</i>	259

	ХРОНОЛОГИЯ <i>Chronology</i>	265
И.Б. Тесленко <i>I. Teslenko</i>	13. Хронология строительных периодов <i>13. Chronology of the site</i>	267
	БОГОСЛУЖЕНИЕ И РИТУАЛЫ <i>Worship and rituals</i>	269
А.Е. Мусин <i>A. Musin</i>	14. Литургические особенности храма <i>14. Liturgical rituals practiced in the church</i>	271
И.Б. Тесленко, А.Е. Мусин <i>I. Teslenko, A. Musin</i>	Заключение <i>Conclusions</i>	305
	Summary	313
	Резюме	319
	ПРИЛОЖЕНИЯ <i>Appendixes</i>	323
О.В. Игнатенко, И.Б. Тесленко <i>O. Ignatenko, I. Teslenko</i>	Каталог изделий из керамики и камня <i>Catalogue of ceramic and stone finds</i>	325
И.Б. Тесленко, Н.П. Турова <i>I. Teslenko, N. Turova</i>	Каталог изделий из стекла <i>Catalogue of glass items</i>	339
И.Б. Тесленко, Н.П. Турова <i>I. Teslenko, N. Turova</i>	Каталог изделий из металла и артефактов фаунистического происхождения <i>Catalogue of finds of metal and faunal artifacts</i>	342
И.Б. Тесленко <i>I. Teslenko</i>	Каталог находок из комплексов эпохи бронзы <i>Catalogue of Bronze Age finds</i>	345
В.П. Кирилко <i>V. Kirilko</i>	Каталог архитектурно-конструктивных деталей <i>Catalogue of architectural elements</i>	346
А.Н. Егорьков <i>A. Egor'kov</i>	Результаты оптико-эмиссионной спектрографии стекла <i>Optical emission spectroscopy of glass</i>	347
В.П. Чабай <i>V. Chabai</i>	Анализ кремнёвых находок <i>Flint artifacts</i>	348
	Сведения об авторах <i>Contributors</i>	364
	Письменные источники <i>Written sources</i>	365
	Архивные материалы <i>Archive documents</i>	367
	Литература <i>Bibliography</i>	368
	Список сокращений <i>List of abbreviations</i>	398

ВВЕДЕНИЕ

Современная Большая Алушта – один из регионов на Южном берегу Крыма, который известен не только красотой местной природы, расположенными здесь курортами и активно развивающимся туризмом, но также славен своей историей и памятниками древности. Во второй половине VIII–X в. здесь происходили важные культурно-исторические процессы, связанные с появлением нового населения и освоением им обширных сельскохозяйственных территорий, а также со становлением культурных традиций, которые во многом определили «лицо» Крыма в эпоху средневековья. К этому периоду относится и уникальная двухапсидная церковь у с. Семидворье в балке Еди-Евлер, сохранившиеся руины которой были недавно раскопаны археологами. Полученное в результате этих работ знание о жизни средневекового человека позволяет по-новому осветить некоторые аспекты судеб Крыма и Византийской империи того времени, а также привлечь внимание местной общественности и многочисленных гостей к истории края и судьбе археологического наследия. Публикации и исследованию этого храма и посвящена настоящая монография.

Эпизодические и планомерные разведки на территории Алуштинского региона проводились Алуштинским отрядом Горно-Крымской археологической экспедиции КФ ИА НАНУ, начиная с 1998 г., практически

ежегодно. За пятнадцать лет исследований на территории Большой Алушты (от с. Приветного на северо-востоке до пгт. Партенит на юго-западе) выявлены, нанесены на карту и описаны десятки археологических памятников, значительную часть которых составляют раннесредневековые объекты (Лысенко 2011: 223-224; Лысенко, Тесленко 2002а: 259-261; 2002б: 59-88; 2007: 41-45; Тесленко, Лысенко 2002: 139-147; 2003а: 114-135; 2003б: 270-273; 2004а: 303-305; 2004б: 260-296; 2005а: 290-294; 2005б: 295-297; Телиженко, Тесленко, Лысенко 2010: 421-424; Телиженко, Тесленко, Лысенко 2010: 425-428; Телиженко, Тесленко, Чабай 2010: 429-431 и др.). Среди них наиболее полно изучены древности балки, известной под тюркоязычным названием Еди-Евлер (Едиэв)¹ (рис. 1-3).

¹ В переводе с тюркского топоним означает «Семь дворов». Он известен по крайней мере с начала XIX в. (Кеппен 1837: карта). Современная русскоязычная «калька» этого названия – Семидворье. Менее распространено греко-тюркоязычное название балки – Милья-Дереси. В литературе встречается также греческий (вероятно, полученный уже в новое время путем перевода с тюркского) вариант топонима «Семидворье» – «Гептаспития» (Кондаракис 1873: 233). На «Топографической карте полуострова Крым», снятой полковником Бетевым и подполковником Обергом в 1842 г. (Бетев, Оберг 1842), балка обозначена как Махнан-Дере. Её правый борт в начале XIX в. именовался «Мелея» (*Материалы ...*, л. 17 об).

Рис. 1. Местоположение района археологических исследований 2006-2007 гг., с. Семидворье Лучистовского сельсовета, г. Алушта, АР Крым.

Fig. 1. Location of the archaeological research area in 2006-2007, Semidvorie village, near Luchistoe, Alushta, Crimea, Ukraine.

Рис. 2. Карта археологических объектов в окрестностях с. Семидворье Лучистовского сельсовета, г. Алушта, с обозначением района исследований 2006-2007 гг. М – 1: 100 000.

Fig. 2. Map of archaeological sites in the vicinity of Semidvor'ye village, showing the area of research in 2006-2007.

Балка располагается на юго-восточном склоне горы Южная Демерджи, в административных границах с. Семидворье Лучистовского сельского совета г. Алушта (рис. 2)². Она образована водотоками из оврагов Чакудан-Дере, Фындык-Дере, Агач-Дере, Хайназ-Дереси. Относительно стабильным источником пресной воды для этой местности является карстовый родник Тапшан-Гя. Верховья протекающего по балке

ручья носят название Кобетке. Верхняя её часть прорезала верхнеюрские конгломераты, нижняя – заложена в породах Таврического флиша. Левый борт долины образован склонами горы Малбынын-Хыры (Малба, Кошарский бугор) и её юго-восточного отрога Хуртасан-Хыры (Абдуглу-Бурун), правый – склонами хребта Обурун-Хыры (Ханторын-Хыры) и его юго-восточного отрога г. Милья с восточным отрогом холма Тузлух³. Ближайшие соседние балки: с юго-запада – Салават-

² В работе использован фрагмент археологической карты Алуштинского региона, составленной А.В. Лысенко и И.Б. Тесленко при участии В.Л. Мыца в 2009 г., компьютерная обработка – В. Пички.

³ В переводе с тюркского топоним означает «место, где много соли», возможно «солонец» (Белянский 2010: 144).

Дере, с северо-востока – Аргуч-Дере (Малба-Дере). Устье ручья Еди-Евлер (мыс Едиев-Бурун, см.: *Материалы ...*, л. 15 об) расположено в 6,7 км к северо-востоку от прибрежной крепости Алустон VI–XV вв. и в 3 км к юго-западу от устья балки Сотера, где локализовано поселение VII(?)/IX–XV вв.⁴ (рис. 2).

Историко-архивные сведения о районе исследования

Прямые сведения о балке Еди-Евлер в средневековых исторических источниках до сих пор не выявлены. Для XIV–XV вв. некоторые исследователи *a priori* локализовали в этом месте населённый пункт *Osdaffum* или *de lo Sdaffo*, известный по генуэзским казначейским спискам и относившийся к консульству Солдайя (Braun 1890: 25). Иную точку зрения высказал А.Л. Бертье-Делагард, который полагал, что Еди-Евлер находились на территории генуэзского капитанства Готия (Бертье-Делагард 1920: 24).

Первое исследование средневековых археологических объектов балки Еди-Евлер было осуществлено в начале XX в. В 1913 г. профессор А.А. Брандт на территории находившегося здесь чаира⁵ Харатан изучил руины строения, сложенного из камня на грязевом растворе. Судя по опубликованной фотографии, стены сохранились не менее чем на 0,7 м. В процессе раскопок были обнаружены обломки черепицы (керамид) VIII(?)-X вв. местного крымского производства (Брандт 1914: 8, рис. 7, 8). Точное местоположение этого объекта ныне не известно. Возможно, судя по созвучию топонимов, этот чайр располагался в нижней части хребта Хургасан-Хыры, где находится дом начала XX в., возможно, принадлежавший самому А.А. Брандту, и обнаружены материалы соответствующего периода. Впоследствии, в 70-х гг. XX – начале XXI в., сотрудниками ОАСА, а затем КФ ИА НАНУ в балке эпизодически проводились небольшие археологические работы (Баранов 1986: 240; 1990: 107, табл. 6).

Планомерные разведки на территории с. Семидворье были проведены лишь в 2002 и 2006 гг. Алуштинским отрядом Горно-Крымской экспедиции КФ ИА НАНУ (руководители И.Б. Тесленко, А.В. Лысенко) (Тесленко, Лысенко 2002: л. 8-13; 2003б: 271-272; Лысенко, Тесленко 2006: л. 28-36). В процессе этих исследований в балке были выявлены и нанесены на карту крупное средневековое поселение (общая площадь – около 5 га) с двумя гончарными центрами и двумя или тремя христианскими храмами, а также некрополь первой половины VII–VIII(?) в. (Лысенко, Тесленко 2012: рис. 1) (рис. 2; 3).

⁴ На карто-схемах, приведённых в некоторых работах А.И. Айбабина, Семидворье обозначено юго-западнее крепости Алустон (Айбабин 1999: 184, рис. 78: 51; Айбабин 2003: рис. 4: 51). Вероятно, это техническая ошибка.

⁵ Этот термин, видимо, происходит от крымско-татарского слова *Чайыр*, что может означать: а) «чаир, луг» (горный); б) «отгороженное уголье» (сенокос, сад, огород и т. п. в горах)» (Словарь ойконимов... 2010: 277).

В 2007 г. по заказу Лучистовского сельсовета здесь осуществлялись археологические раскопки. Работы проводились на двух отдельных участках: на территории раннесредневекового некрополя, часть которого была разрушена в процессе строительства дороги, начатого в 2006 г., и в пределах средневекового храма (рис. 2-4).

Публикация материалов этих исследований включает в себя две части, каждая из которых посвящена соответствующему участку. В настоящей коллективной монографии представлены итоги раскопок христианского храма. Результаты исследований некрополя будут опубликованы в следующем томе, который в настоящее время находится в процессе подготовки.

Особенности местоположения и состояние поверхности памятника

Храм расположен на вершине небольшого естественного холма Тузлук, на высоте около 186 м над уровнем моря, на правом борту балки Еди-Евлер, на расстоянии около 260 м от русла ручья и в 380-400 м от берега моря (рис. 3-5)⁶.

Возвышенность сложена породами таврической серии (Подгородецкий 1988: 25, рис. 2). Её северный, северо-восточный и северо-западный склоны были террасированы во второй половине XX в. под посадки лесных культур. По южному склону проходит дорога с бетонным покрытием (глубина врезки в склон – до 3,4-3,7 м). В пределах занимаемой памятником территории сохранился естественный рельеф, представленный участком плоской вершины холма. Поверхность здесь задернована и поросла лесом (рис. 4-6).

К началу работ на современной дневной поверхности была видна верхняя часть слоя разрушения постройки в виде небольшого всхолмления, образованного задернованным развалом камней различной величины и поросшего деревьями (рис. 2.3: 1). Среди развалов камня встречался подъёмный материал – обломки красноглиняных керамид и калиптеров VIII(?)-X вв. (рис. 3.26; 3.27: 154), а также частицы известкового раствора с незначительным количеством балласта. Никаких местных преданий о том, что на этом месте находился христианский храм, не сохранилось. Апсидные полукужия, которые свидетельствовали бы о сакральном характере здания, не проступали сквозь образовавшийся культурный слой. Постройка была идентифицирована как церковь во время разведочных археологических работ в 2006 г.

Методика исследований

Перед началом исследований с поверхности объекта был удалён растительный покров (рис. 2.3). Затем был разбит раскоп прямоугольной в плане формы, размером 11,5×9,0 м, ориентированный по линии юго-запад

⁶ Координаты: широта – 44°42'57,07", долгота – 34°27'33,66".

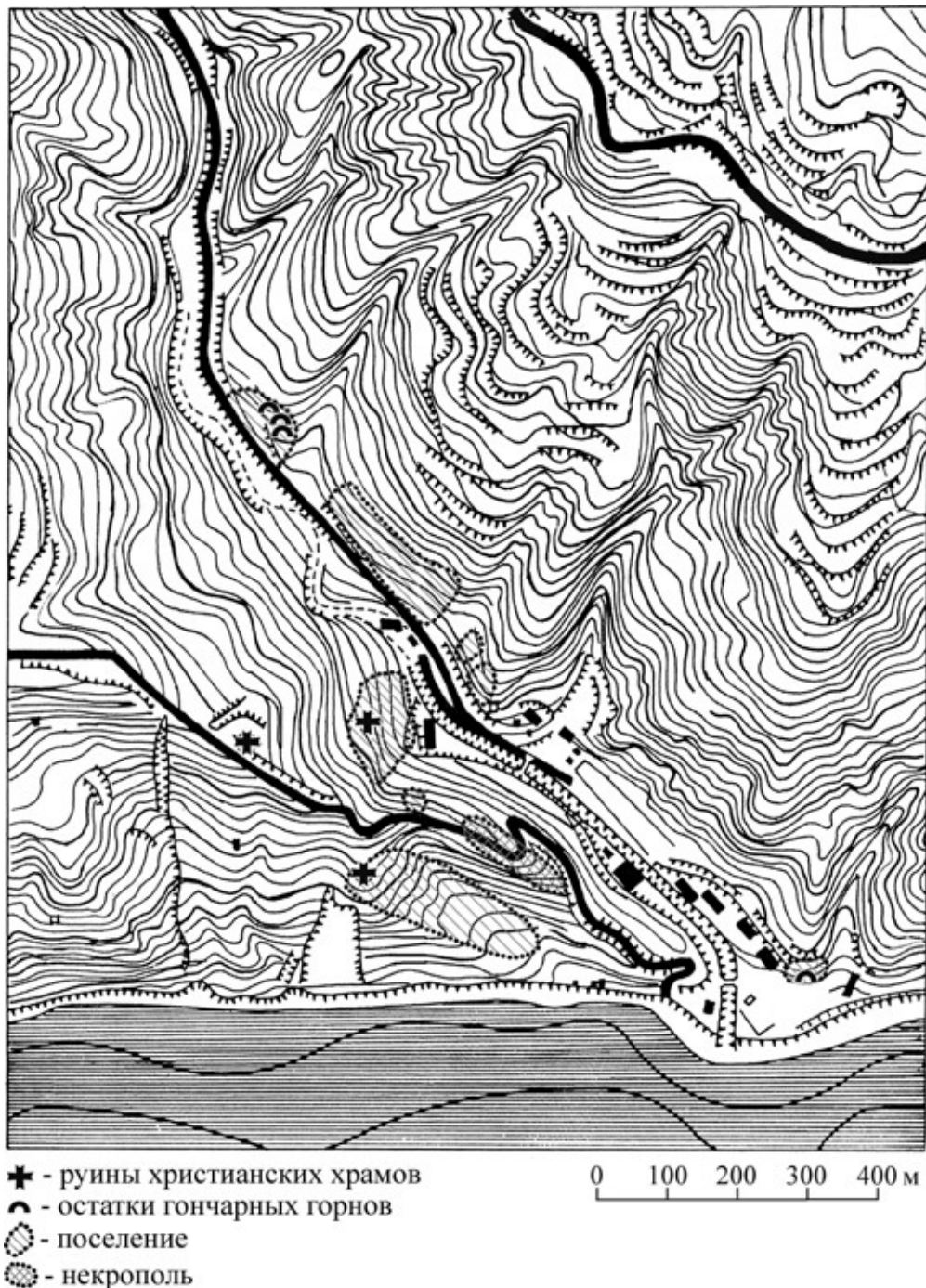

Рис. 3. Карта-схема расположения средневековых археологических объектов в балке Еди-Евлер, с. Семидворье, г. Алушта. М – 1: 10000.

Fig. 3. Map of the location of medieval archaeological sites in the Yedi Evler valley, near Semidvorie village.

– северо-восток, примерно по направлению продольной оси храма. В его пределах с учетом предполагаемой информативности данных стратиграфии были намечены линии разрезов – три продольных и пять поперечных. Сформировавшиеся таким образом 24 разновеликих участка получили условное название квадратов. С северо-востока на юго-запад они получили буквенные (заглавные буквы латинского алфавита от А до F), а с северо-запада на юго-восток цифровые обозначения

(арабские цифры от 1 до 4). Впоследствии, сообразно с особенностями залегания культурных отложений и с учетом расположения погребального сооружения, оказавшегося в пределах исследуемой территории, её границы были несколько изменены (рис. 6; 7). В целом площадь изученного участка составила – 95,6 кв. м, максимальная глубина от современной дневной поверхности – 1,15 м, средняя – около 0,70 м. Раскоп доведён до материка или залегающих на его поверхности архео-

Рис. 4. Балка Еди-Евлер, нижняя часть; холм Тузлук (юго-восточный отрог г. Милья). Местоположение раннесредневекового некрополя и храма, изученных в 2006-2007 гг. Вид с запада.

Fig. 4. Tuzluk hill, southeastern part of the Milya mountain, low part of Yedi Evler valley. The location of the early medieval cemetery and the church excavated in 2006-2007, view from west.

Рис. 5. Вершина холма Тузлук, на которой расположен средневековый храм. Вид с запада – юго-запада.

Fig. 5. Top of the Tuzluk hill with the medieval church, view from west - southwest.

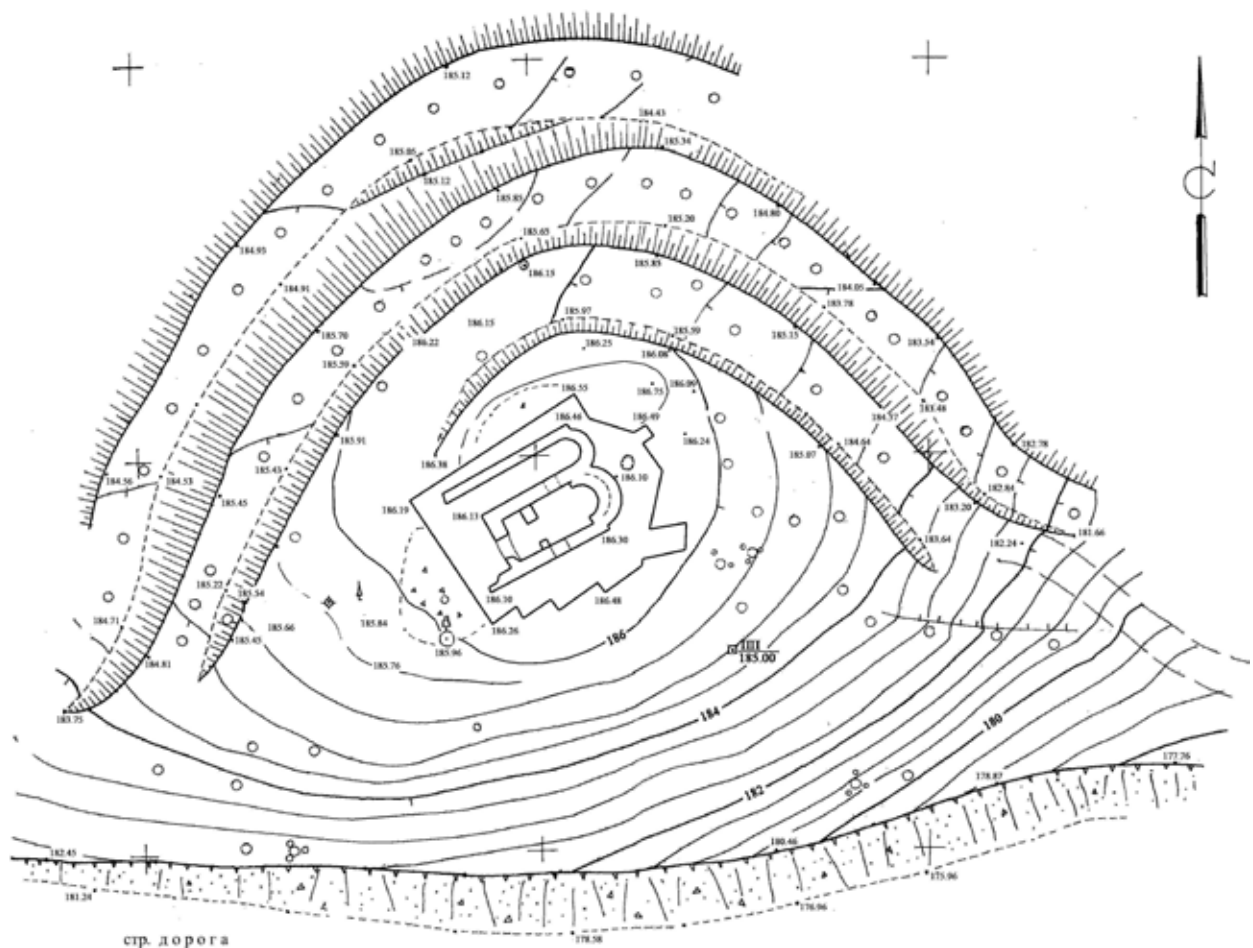

Рис. 6. Средневековый храм на холме Тузлук (юго-восточный отрог г. Милья). Топографический план. М – 1: 200.

Fig. 6. Medieval church on the Tuzluk hill, topographic map.

логически стерильных седиментов.

Высотные отметки брались от условного нуля, расположенного на вершине каменной глыбы в 6 м к юго-востоку от юго-восточной бровки раскопа (рис. 6). Высота репера – 185.00 м над уровнем моря (система высот Балтийская). Разборка культурных напластований осуществлялась по слоям (контекстам), а заполнение могилы – по ярусам. Каждому отмеченному в стратиграфическом разрезе слою или прослойке помимо условных графических обозначений присваивался цифровой индекс. Образовавшиеся напластования фиксировались по линиям поперечных и продольных разрезов, а также по бортам раскопа, в масштабе 1:25. Линии разрезов обозначены арабскими цифрами. Планы и фасировки архитектурных сооружений выполнены в масштабе 1:25. Каждой кладке присвоен номер. Планы отдельных погребений, а также планы и разрезы погребальных сооружений зафиксированы в масштабе 1:10. Раскопки проводились вручную, по слоям. С целью обнаружения мелких артефактов и фаунистических находок все седименты были тщательно перебраны. В ходе работ осуществлялась поэтапная фотофиксация и производилась нивелировка объектов исследования.

Вскрыто два горизонта культурных отложений, насыщенных результатами антропогенной деятельности двух отдаленных друг от друга эпох. Нижний – содержит остатки ям и конструкций, датированные эпохой поздней бронзы. Верхний – связан со строительством, функционированием, разрушением и использованием руин средневекового храма.

Работы осуществлялись на основании «Открытого листа» № 287/0687 (форма 4) и «Разрешения» Государственной службы по вопросам национального культурного наследия Министерства Культуры и Туризма Украины № 22-360/07, выданных на имя научного сотрудника отдела Средневековой археологии КФ ИА НАНУ И.Б. Тесленко.

Ведение полевой документации в ходе работ производилось н.с. отдела Средневековой археологии КФ ИА НАНУ к.и.н. И.Б. Тесленко (раскопки храма) и м.н.с. отдела Скифо-сарматской археологии КФ ИА НАНУ А.В. Лысенко (раскопки некрополя). Обмеры выявленных архитектурных сооружений и полевые чертежи выполнены лаборантом Горно-Крымской археологической экспедиции С.В. Семиным и ст.н.с. отдела Средневековой археологии КФ ИА НАНУ

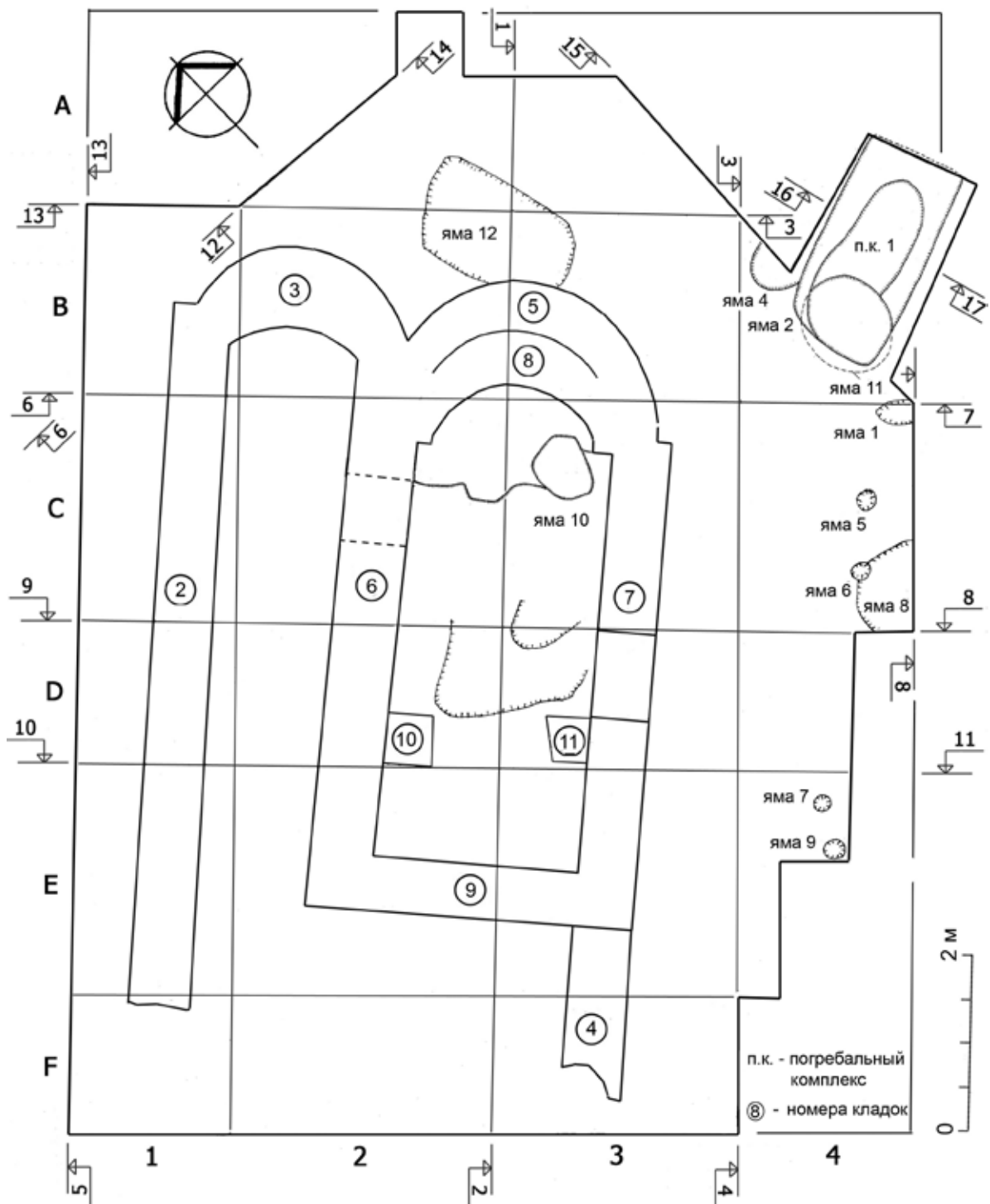

Рис. 7. Средневековый храм на холме Тузлук.

Схема разбивки раскопа на квадраты с обозначением линий стратиграфических разрезов.

Fig. 7. Medieval church on the Tuzluk hill, plan of excavations.

к.и.н. архитектором В.П. Кирилко.

Инструментальную топографическую съёмку археологических объектов произвёл ведущий инженер КФ ИА НАНУ В.В. Семенов. Рисунки основной массы находок и иллюстрации к отчёту выполнили С.В. Семин и ведущий художник-дизайнер Луганского областного краеведческого музея В.А. Телиженко. Из-

делия из кремня нарисованы ст. н. с. Археологического музея ИА НАН Украины к.и.н. В.И. Усиком. Полевую и коллекционную описи находок из раскопок храма, а также их каталог для публикации составили лаборант отдела Средневековой археологии КФ ИА НАНУ О.В. Игнатенко, ст.н.с. Ялтинского историко-литературного музея Н.П. Турова и

И.Б. Тесленко. Обработку находок из кремня произвёл заведующий отделом Каменного века КФ ИА НАНУ д.и.н. В.П. Чабай, анализ образцов стекла выполнил заведующий Лабораторией археологической технологии ИИМК РАН к.т.н. А.Н. Егорьков. Определение монет осуществил ст.н.с. отдела Археологии Киева ИА НАНУ к.и.н. Г.А. Козубовский. Консультационную помощь исследованию оказали сотрудники КФ ИА НАНУ и ИА НАНУ к.и.н. С.А. Телиженко, к.и.н. В.В. Майко, д.и.н. В.П. Чабай, к.и.н. Я.П. Гершкович, ученый секретарь Национального заповедника «Херсонес Таврический» Н.В. Гинькут, ст.н.с. ИА РАН к.и.н. И.О. Гавритухин, в.н.с. ИИМК РАН к.и.н. А.А. Пескова, ст.н.с. Государственного Эрмитажа к.и.н. Д.Д. Ёлшин, н.с. Государственного Эрмитажа Я.В. Френкель, а также исследователь Римско-германского центрального музея д-р Б. Белендорф-Арслан (Beate Böhlendorf-Arslan, Römisch-Germanisches Zentralmuseum, Mainz, Deutschland) и профессор Стамбульского университета Э. Акюрек (Engin Akyürek, Bizans Sanatı Anabilim Dalı, Sanat Tarihi Bölümü, Edebiyat Fakültesi, İstanbul Üniversitesi, İstanbul, Türkiye), которым авторский коллектив выражает свою признательность.

Анализ антропологического материала произведён ст.н.с. НЗ «Херсонес Таврический» антропологом к.и.н. А.В. Ивановым. Фаунистические находки обработаны сотрудниками Института Зоологии НАНУ заведующим отделом орнитологии к.б.н. Г.Г. Гаврисем, с.н.с. Палеонтологического музея ННПМ НАН Украины к.б.н. В.Н. Логвиненко, заведующим Лабораторией зоогеографии Института зоологии им. И.И. Шмальгаузена НАН Украины д.б.н. В.В. Анистратенко, доцентом кафедры зоологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского и н.с. Крымского научного центра НАН Украины и МОНМС Украины к.б.н. С.В. Леоновым. Фотосъёмка хода работ и находок производилась И.Б. Тесленко, А.В. Лысенко и м.н.с. отдела археологии Киева ИА НАНУ А.А. Чекановским. Компьютерная обработка рисунков осуществлялась Н.П. Туровой, И.Б. Тесленко и С.А. Телиженко. Таблицы иллюстраций археологических находок для публикации составлены И.Б. Тесленко. Номера находок, приведённые в таблицах, соответствуют их номерам в каталоге.

Описание архитектурно-строительных остатков культового здания выполнено В.П. Кирилко. Характеристика литургических особенностей храма, а также анализ металлических крестов и стеклянных богослужебных лампад, найденных при раскопках, предприняты в.н.с. ИИМК РАН д.и.н. и кандидатом богословия А.Е. Мусиным.

Активное участие в работе экспедиции приняли лаборант Горно-Крымской археологической экспедиции КФ ИА НАНУ А.Ф. Ганоцкий, доцент кафедры Всемирной истории Черниговского государственного педагогического университета к.и.н. Е.М. Веремейчик, заведующая Научным архивом ИА НАНУ Г.А. Станицына,

м.н.с. ИА НАНУ Т.И. Латуха, ст.н.с. Института истории НАНУ к.и.н. Е.А. Попельницкая, специалист эколог В.В. Станицына.

Редакторы и авторы тома выражают свою глубокую благодарность за помощь в исследованиях и работе с научной литературой таким институтам и их сотрудникам, как Фонду «Дом наук о человеке» (Fondation Maison des sciences de l'homme, Paris, France), Византийской библиотеке Коллеж де Франс в Париже (Bibliothèque byzantine du Collège de France, Paris, France) и её заведующей К. Пиганьоль (Catherine Piganiol) и Г. Кюртзяну (George Kiourtzian), Центру исследований византийской истории и цивилизации (Centre de recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance, UMR 8167 Orient et Méditerranée, Collège de France/CNRS, Paris, France), его директору Ж.-К. Шене (Jean-Claude Cheynet) и Центру исследования Анатолийских Цивилизаций (Research Center for Anatolian Civilizations, Koç University, Istanbul, Turkey) и персонально его директору профессору С. Редфорду (Scott Redford).

Авторы также искренне признательны участникам экспедиции, коллегам, оказавшим помощь в определении находок, рецензентам – всем, чей усердный труд, исследовательский опыт и знания способствовали созданию этой книги. Горно-Крымская экспедиция КФ ИА НАНУ и все авторы тома от души благодарны Лучистовскому сельсовету, лично его председателю Юрию Львовичу Мамчину, а также Александру Александровичу Скоробогачу и другим хорошим людям за понимание ценности и необходимости сохранения древностей алуштинской земли, доброе отношение к археологии и археологам, а также существенную материальную поддержку, без которой проведённые исследования были бы невозможны.

Книга, которую читатель держит в руках, стала результатом совместного труда самых разных специалистов в различных областях гуманитарного и естественнонаучного знания. Они решили объединиться, чтобы представить всем интересующимся средневековой историей по возможности полную картину, открывшуюся благодаря полевым археологическим исследованиям в урочище Еди-Евлер. Такой коллективный труд не исключает, а, наоборот, предполагает диалог исследовательских мнений, возможность индивидуальной интерпретации описываемых фактов и артефактов, не замалчивающей существующие различия, но уважительно относящейся ко взглядам коллег. Редакторы-составители этой книги, её издатели, весь авторский коллектив искренне надеются, что монография послужит не только развитию историко-археологической науки и дальнейшему изучению судеб древнего Крыма и Византии, но и будет способствовать сохранению культурного наследия Украины и всей Восточной Европы, которое таит в себе удивительные ответы на загадки прошлого и послужит источником вдохновения для наших современников и будущих поколений.

АРХИТЕКТУРА И СТРАТИГРАФИЯ

АРХИТЕКТУРНО-КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И СТРОИТЕЛЬНАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ ХРАМА

В результате проведения археологических исследований древней постройки, расположенной на вершине холма Тузлук, были выявлены сильно руинированные остатки прямоугольного в плане христианского храма с двумя разновеликими апсидами, который некогда состоял из двух сообщающихся компартиментов, причём северный оказался значительно уже южного и был открыт с запада (рис. 1.1-1.4). Внутри церкви, в её южной половине, выделяется ограждённое со всех сторон стенами пространство с чётко обозначенным входом с юга. Общие размеры строения: ширина – 5,60-5,70 м, длина – 8,50 м. Толщина стен – около 0,70 м. Азимут – 47°. Остатки сооружения сохранились на высоту до 0,80 м. Кладки храма трёхслойные двухлицевые, выполнены из камня разной величины на грязевом растворе с использованием в качестве вяжущего материковых суглинков. Характер кладочного материала, а также структура и состав грунта, заполнявшего внутренние пустоты конструкции стен, дают основание для вывода о том, что здание неоднократно ремонтировалось.

Сохранившиеся руины строения, несмотря на значительные утраты, позволяют достаточно чётко проследить очерёдность появления отдельных частей храма и получить определённое представление о его архитектонике на разных этапах существования.

Первый строительный период

Первоначальный храм представлял собой прямоугольное в плане здание с полукруглой апсидой, ориентированной на северо-восток. Строение вытянуто продольно. Размеры наоса: внешние – 3,53×5,35 м, внутренние – 2,34×4,15 м. Общая длина сооружения – 6,88 м. Толщина стен – 0,65-0,69 м. Кладки сохранились на высоту 0,20-0,80 м.

Остатки первоначальной апсиды с внутренней стороны и частично сверху закрыты более поздней облицовкой (рис. 1.5-1.14). Ширина алтарного полукружия – около 1,70 м, его глубина – 1,38 м. Внешний диаметр апсиды – 2,13 м. За плоскость стены она выступает на 1,50 м. Ширина плеч: северного – 0,27 м, южного – 0,20 м. Толщина кладки алтарного полукружия – 0,72-0,77 м. Внутренние очертания апсиды в плане могли быть слегка подковообразной формы.

Строение имело, предположительно, три входа – в южной, западной и северной стенах.

Достоверных данных о западном входе в здание нет. Сохранившийся частично северный откос проёма (рис. 1.15-1.17) появился позднее, во время ремонта строения. Вероятнее всего, он повторил первоначальные, утраченные сейчас полностью, формы.

Южный вход впоследствии также был перестроен, но сохранил своё местоположение (рис. 1.18-1.20). Он находится в средней части стены, по отношению к южному и восточному внешним углам здания на расстоянии, соответственно, 2,36 и 1,94 м. Проём в плане прямоугольный. Его размеры на уровне порога: ширина – 1,02 м, глубина – 0,69 м. Расположенная выше часть (третий ряд камней кладки) восточного откоса, нависая, выступает внутрь проёма и сужает просвет до 0,92 м. Кроме того, она немного развёрнута в сторону помещения. Судя по наличию обломков известковой штукатурки в кладочном растворе, не исключена возможность её относительно позднего происхождения.

Северный вход при восстановлении здания в третьем строительном периоде был заложен и в настоящий момент выделяется на фоне сохранившейся кладки лишь благодаря двум чётким относительно вертикальным швам, обозначившим его края, и отложениям культурного слоя на уровне порога в нижней части проёма (рис. 1.21-1.22). Зондированием конструкции выявлены откосы проёма и остатки их штукатурки (рис. 1.23-1.24). По отношению к северному и западному внешним углам строения вход расположен на расстоянии 1,45 и 3,38 м. Со стороны помещения он находится, соответственно, в 0,70 м от апсиды и 2,60 м от передней стены. Проём в плане имеет вид прямоугольной трапеции с немного скошенной западной гранью, сужается наружу. Его размеры: просвет – 0,70 м, внутренняя ширина – 0,74 м, глубина – 0,70 м. Характерной особенностью обоих откосов проёма на исследованном участке является то, что формировавшие их угловые камни кладки между собой образуют достаточно большой зазор шириной 0,07 м, который был заполнен глинистым грунтом и затем покрыт известковым раствором. Толщина: штукатурного слоя – 0,5-1,0 см, шва между конструкцией стены и закладкой входа – 0,5-2,4 см.

Сведений об окнах, каких-либо других проёмах и нишах в материалах археологических исследований нет.

Кладка стен трёхслойная двухлицевая, выполнена из камня разной величины на грязевом растворе с использованием в качестве вяжущего глинистого грунта без явных примесей. Характерной особенностью конструкции является применение относительно большого количества булыг (рис. 1.7; 1.18). Судя по тому, что при возведении стены, по крайней мере, в кладке её нижней части активно использовался окатанный морем или речным течением бут, надо полагать, строители старались учитывать прочность камня. Остальной кладочный материал, собранный в ближайших окрестностях строения, представлен, в основном, блоками аргиллитов и песчаника, которые, хотя и образуют относительно

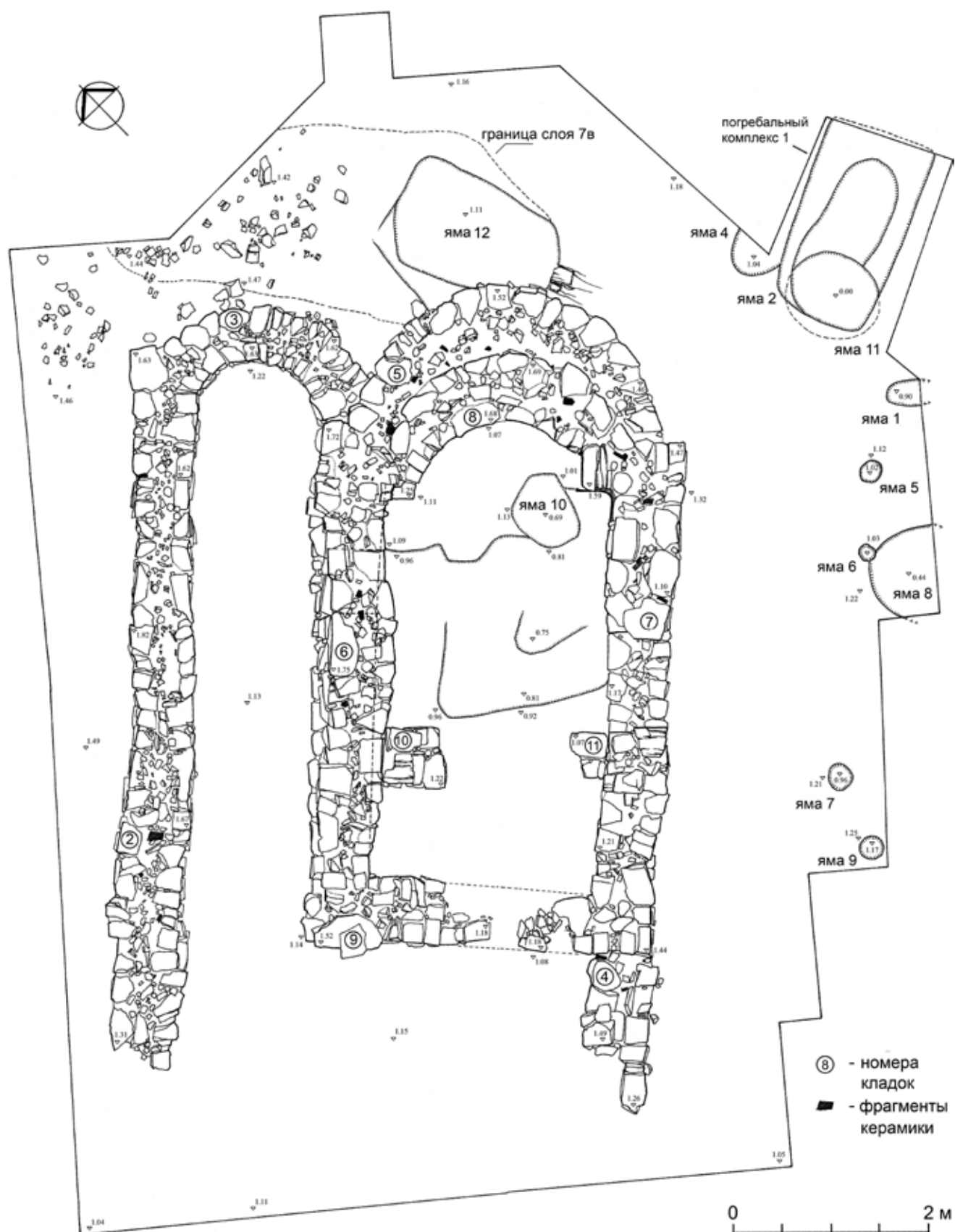

Рис. 1.1. Обмерный план храма.

Fig. 1.1. Plan of the church.

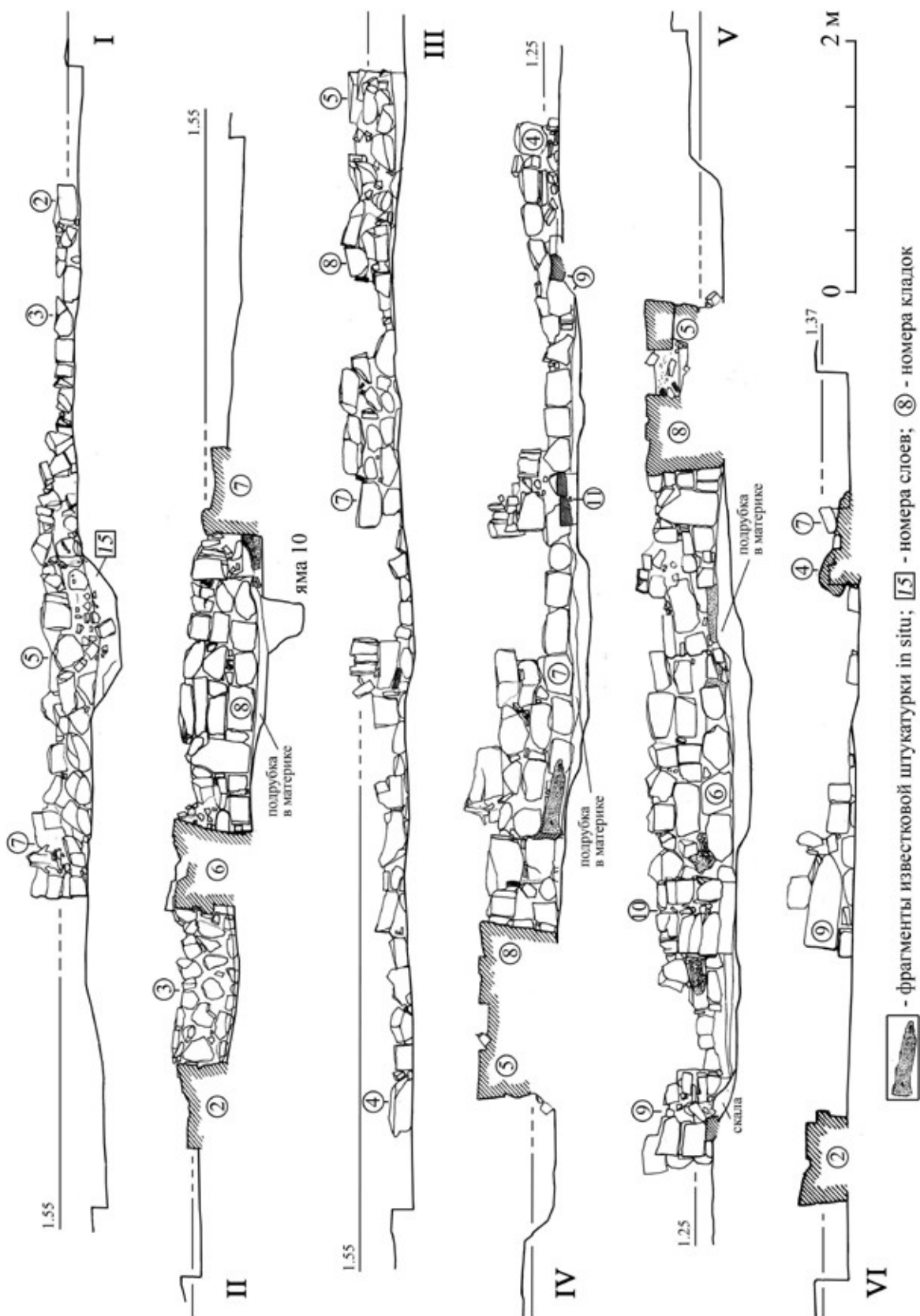

Рис. 1.2. Виды и разрезы храма: I – северо-восточный фасад, вид с юго-запада; II – алтарные полуколонны, вид с юго-востока; III – юго-западный фасад, вид с юго-запада; IV – продольный разрез южного компартимента, вид с северо-запада; V – продольный разрез южного компартимента, вид с юго-востока; VI – поперечный разрез у передней стены строения, вид с юго-запада.
 Fig. 1.2. Views and sections of the church: I – northeastern front, view from southwest; II – apses, view from southeast; III – apses, view from southwest; IV – longitudinal section of the southern part, looking southeast; V – longitudinal section of the southern part, looking northwest; VI – lateral section at the front wall, looking northeast.

Рис. 1.3. Виды и разрезы храма (продолжение): VII – поперечный разрез нартекса и северного компартимента, вид с северо-востока; VIII – поперечный разрез по южному входу, вид с северо-востока; IX – поперечный разрез нартекса и северного компартимента, вид с юго-запада; X – северо-западный фасад; XI – продольный разрез северного компартимента, вид с юго-востока; XII – продольный разрез северного компартимента, вид с северо-запада.

Fig. 1.3. Views and sections of the church (continue): VII – lateral section of the southern entrance, looking south-west; IX – lateral section of the narthex and northern part, looking southwest; VIII – lateral section of the northern part, looking northwest; X – longitudinal section of the northern part, looking southeast.

ровные сколы, отличаются повышенной анизотропией. Как следствие, во внешних слоях конструкции многие камни, выставленные плоскими гранями наружу, в процессе эксплуатации здания покрылись сквозными вертикальными трещинами и расслоились, а местами даже утратили лицевые поверхности (рис. 1.10; 1.46; 1.47). Отмечено использование нескольких обломков конгломерата. Лишь на одном из участков кладки – северного внешнего угла церкви, однозначно принадлежавшего первоначальному сооружению, выявлено применение фрагмента калиптера для заполнения зазора между отдельными камнями (рис. 1.38). Все остальные случаи подобного применения боя керамических изделий при возведении стен храма соотносятся уже с ремонтами здания.

Алтарное полукружие завершалось каменным перекрытием в виде конхи со сферической поверхностью. Возможно, первоначальной конструкции данного свода принадлежали однотипные плиты из известкового туфа, которые во время раскопок были найдены в юго-западной части здания (рис. 2.9-2.11). В культурном слое они залегали компактно и, видимо, оказались там при разборке руин храма. Обработка всех плит одинаковая, плоскости сформированы чётко выраженными сколами от ударов лопатки инструмента. На переднем торце каждой детали сохранились остатки известковой штукатурки, в том числе с частично уцелевшей лицевой поверхностью, которая густо покрыта характерными мелкими бороздками от её выравнивания пучком травы. На всех остальных гранях отсутствуют даже малейшие признаки какого-либо раствора, на основании чего можно утверждать, что кладка конхи велась на грунтовом замесе с использованием в качестве вяжущего материковых суглинков, не оставивших никаких следов на поверхности камня после разрушения конструкции.

Исходя из незначительной прочности несущих стен, перекрытие наоса, вероятнее всего, было стропильным на два ската с черепичной кровлей (рис. 1.63). Завершение храма не отличалась особой надёжностью и, судя по характерным намывам грунта в структуре культурного слоя, не обеспечивало достаточной защиты от атмосферных осадков. Впрочем, протечки кровель в византийских строениях были постоянной проблемой и неизбежно приводили к ослаблению конструкций, вызывая необходимость их замены (Оустерхаут 2005: 160).

С внутренней стороны строения кладки стен были оштукатурены известковым раствором (рис. 1.25-1.35). Толщина слоя – 0,5-2,0 см. Поверхность покрытия неровная, со следами затирки травой (рис. 1.28; 1.35). Штукатурка нанесена непосредственно на поверхность камня, на отдельных участках пустоты и швы кладки предварительно выравнивались плотным суглинком характерного серо-оливкового цвета (рис. 1.25; 1.27; 1.31; 1.32; 1.34). Мощность подготовительного слоя составляет 0,5-11,0 см. На стыке с полом известковое покрытие стен скругляется и немного заступает на его поверхность (рис. 1.26; 1.29; 1.30).

Остатки штукатурки южного заплечика апсиды сохранились *in situ* и чётко прослеживаются на протяжении 0,37 м (рис. 1.25-1.28). Фиксируя первоначальные габариты сооружения, они почти на 0,10 м выступают за пределы его кладки, ширина которой на том же уровне равна всего 0,34 м. Такая разница в размерах, если, конечно, её не обуславливала утрата части угла вследствие расслоения нижнего камня, легко могла быть устранена при оштукатуривании стен с помощью предварительного выравнивания неровностей кладки глиной, что, видимо, в своё время и произошло. По крайней мере, подобная подготовка конструкции под нанесение известкового покрытия выполнена со стороны наоса (рис. 1.25). Толщина формовочной массы составляет 0,5-3,0 см. Аналогичным образом была создана также относительно ровная поверхность сильно западающей части кладки противоположного заплечика, где средняя мощность выравнивающего слоя глины колеблется в пределах 6,0-8,0 см, а максимальная достигает 11,0 см (рис. 1.25; 1.29-1.31).

Стены здания фундамента как такового не имели. Практически повсеместно они поставлены на дно строительного котлована, плотно примыкая к его бортам. Основанием для них являются материковые суглинки с локальными обнажениями аргиллитов. Исключение составляет северный угол строения и смежная часть апсиды. Их кладки выступают за пределы выемки, перекрывая предшествовавшие им отложения культурного слоя (рис. 1.38).

Пол строения земляной, относительно ровный. По отношению к дневной поверхности снаружи здания он заглублён на 0,15-0,20 м.

Площадка алтарного полукружия со стороны наоса имеет криволинейные очертания. Примыкая к южному заплечику, у северного она выступает внутрь храма на 0,55 м, возвышаясь при этом над остальной поверхностью пола на 0,13-0,18 м.

Сведения о декоративном убранстве строения скудны. Судя по находкам нескольких разрозненных обломков известковой штукатурки с остатками монохромной росписи (рис. 1.36), отдельные участки поверхности стен внутри здания могли быть украшены несложным линейным орнаментом либо надписями, выполненными красной краской. В качестве элементов оформления интерьера можно рассматривать многочисленные металлические кресты, являвшиеся votivными приношениями в церковь, которые были обнаружены во время раскопок (рис. 5.1-5.6) (подробнее см. ниже главу 5 «Металлические кресты»). Одни, с заострённым и отогнутым нижним концом (группа I), крепились к конструкциям здания, другие, с отверстиями для подвешивания, могли помещаться на алтарную преграду, следы которой не сохранились, но которая могла существовать в виде завесы, отделявшей алтарь от наоса, или на стены храма (см. ниже главу 14 «Литургические особенности храма»). Внутреннее пространство строения освещалось в богослужебных целях стеклянными лампадками

Рис. 1.4. Кладки нижней части стен храма. Общий вид с юго-запада.
Fig. 1.4. Wall masonry of the church, low rows, view from southwest.

(рис. 4.1-4.4) (см. ниже главу 4 «Стеклянные сосуды»).

Второй строительный период

На данном этапе первоначальный храм был дополнен Г-образной в плане пристройкой, которая, судя по отсутствию в стратиграфии характерных разделительных прослоек (рис. 2.1; 2.2), могла появиться здесь сразу же после возведения основного объёма либо по истечению непродолжительного времени. Она, охватывая здание с севера и запада, представляла собой боковой компартимент, совмещённый с притвором и соединённый с основным объёмом храма дверным проёмом (рис. 1.1; 1.4; 1.39; 1.69). С восточной стороны помещение завершалось полукруглой апсидой. Археологических или архитектурных данных о западной части пристройки нет. Её южная стена присоединена к основному сооружению заподлицо с его боковым фасадом и имеет вид удлинённого пилона (рис. 1.46-1.48).

С внутренней стороны строения апсида плавно сопряжена с продольными стенами (рис. 1.38-1.44). Снаружи она образует чётко выраженное плечо шириной 0,37 м (рис. 1.43; 1.44). Её диаметр: внешний – 1,20 м, внутренний – 0,63 м. Толщина кладки – 0,57-0,59 м. За пределы компартимента алтарное полукружие выступает на 0,45 м.

В отличие от кладки северного плеча первоначального здания, подстилаемой отложениями культурного

слоя, примыкавший к нему вплотную южный край второй апсиды, как и всё сооружение, впущен в материк (рис. 1.38). Разница в уровнях залегания обеих конструкций свидетельствует об их относительной разновременности. Старые и новые кладки между собой на стыках не перевязаны.

Ширина компартимента в западной части – 1,34 м, на восточном конце она уменьшается до 1,26 м. Протяжённость всего помещения была не менее 6,80 м. Глубина апсиды – 0,57 м.

Об архитектурном решении западной части храма можно судить только предположительно. Остатков кладки передней стены пристройки не сохранилось. Более того, раскопками не отмечено даже их следов или каких-либо признаков повреждения культурного слоя, неизбежных в случае выборки камней конструкции. Вероятнее всего, здание спереди было открытым, а навес поддерживался боковыми стенами и промежуточными опорами¹. Учитывая в целом небольшой пролёт соору-

¹ Своего рода аналогией такого обустройства пространства перед западным входом в строение может служить пример близкого по времени жилого дома на поселении около с. Передового (Севастополь, Крым), кстати, ориентированного по сторонам света идентично семидворскому храму (Якобсон 1970: 85). Подобное архитектурное решение использовано и в одном из зданий поселения Сотеры вблизи Алушты второй половины VIII – первой половины IX в. (Теліженко, Тесленко, Лисенко 2010: рис. 1). Открытый спереди портик в антах с двумя промежуточными опорами применён в церкви позднесредневекового монастырского скита на мысе Виноград-

Рис. 1.5. Апсиды храма. Вид с юго-востока.
Fig.1.5. Apses of the church, view from southeast.

жения – 4,15 м, для того, чтобы обеспечить нормальную работу всей конструкции и избежать провисания балки, достаточно одного деревянного столба. Отсутствие со-

ный (XIII–XIV вв.) (Севастополь, Крым) (Яшаева 1996: 146, рис. 3, 5). В храме над балкой Кая-Арасы (около Кыз-Кермена, Бахчисарайский район, Крым), предварительно датированном XIV в., к западному фасаду со временем был пристроен нартекс, возможно, также открытый со стороны входа (Белый 1992: 146, 149, рис. 3: 9).

ответствующих выемок в основании позволяет предполагать, что опора могла быть поставлена на каменную плиту, впоследствии также утраченную. Судя по остаткам юго-восточной стены, вынос навеса составлял 1,65–1,80 м.

Возможна также и иная реконструкция передней части крыши (рис. 1.64; 1.65). Поскольку никаких следов промежуточной опоры не выявлено, хотя близкие

Рис. 1.6. Южная апсида. Фрагмент. Кладка первого строительного периода. Вид с северо-востока.
Fig. 1.6. Southern apse, wall masonry of the first building period, view from northeast.

Рис. 1.7. Южная апсида. Фрагмент. Кладки первого и третьего строительных периодов. Вид с северо-востока, сверху.
Fig. 1.7. Southern apse, wall masonry of the first and third building periods, view from northeast.

Рис. 1.8. Соединение алтарных полуокружий храма. Северное плечо апсиды южного компартимента. Вид с юго-востока, сверху.
Fig. 1.8. Joint of apses, northern part of the southern apse, view from southeast.

Рис. 1.9. Южная апсида. Фрагмент. Южное плечо. Вид с юго-востока.
Fig. 1.9. Southern apse, fragment, southern part, view from southeast.

ей по времени столбы навеса южного входа были впущены в материк (рис. 1.66), велика вероятность того, что консольно выступавшие концы конькового бруса и среднего мауэрлата могли поддерживаться деревянными подкосами – архитектурно-конструктивной деталью, достаточно распространённой в средневековом строительстве причерноморского региона.

Кладки пристройки трёхслойные двухлицевые. В заполнении внутреннего пространства конструкции местами отмечены фрагменты керамической черепицы. На одном из участков внешней продольной стены протяжённостью 2,10 м, расположенном в 1,35 м от северного угла здания, забутовка состоит практически из одних мелких обломков известкового туфа (рис. 1.45). В кладке почти нет булыг. Исключением является угловая плита со скруглёнными краями, формировавшая плечо апсиды (рис. 1.44). В нижней части апсиды использованы также два грубо околотых обломка мшанкового известняка (рис. 1.43; 1.44).

Третий строительный период

В это время здание претерпевает капитальную реконструкцию, которая сопровождалась существенным изменением предыдущей плановой схемы. Ей предшествовало разрушение или серьёзное повреждение всего сооружения.

Характер кладки на участке северного входа, упразднённого в этом периоде, позволяет определить состоя-

Рис. 1.10. Южная апсида. Фрагмент. Южное плечо. Вид с юго-востока, сверху.

Fig. 1.10. Southern apse, fragment, southern part, view from southeast.

ние стен храма во время их ремонта. Судя по тому, что проём заложен крупным камнем, примыкавшим вплотную к откосам, а на высоте 0,50 м от уровня пола была предпринята перевязка старой и новой конструкции (рис. 1.21; 1.22), есть основание считать, что к началу работ стена выше этой отметки была почти полностью утрачена либо подверглась разборке. Остальные части строения сохранились ещё хуже. На юго-восточной и юго-западной стенах здания признаки обновления вид-

Рис. 1.11. Южная апсида. Южное заплечико первого строительного периода с остатками известковой штукатурки и лицевой слой кладки апсиды третьего строительного периода. Вид с юго-запада.

Fig. 1.11. Southern apse, southern part with remains of mortar of the first building period and facing of wall masonry of the apse in the third building period, view from southwest.

Рис. 1.12. Южная апсида. Фрагмент. Южное заплечико первого строительного периода с остатками известковой штукатурки и облицовка апсиды третьего строительного периода. Вид с юго-запада.

Fig. 1.12. Southern apse, fragment, southern part with remains of mortar of the first building period and facing of the apse in the third building period, view from southwest.

Рис. 1.13. Южная апсида. Фрагмент. Северное заплечико, кладка третьего строительного периода. Вид с юго-запада.
Fig. 1.13. Southern apse, fragment, northern part, wall masonry in the third building period, view from southwest.

ны уже на уровне второго ряда камней кладки.

Показательным является способ восстановления апсиды первоначального храма. Уцелевшие к настоящему времени остатки её кладки демонстрируют состояние алтарного полукружия накануне ремонта (рис. 1.5; 1.7; 1.11; 1.25). Высота руин данного сооружения к этому моменту составляла всего 0,30-0,50 м. Более того, край северного заплечика, как показало зондирование кладки, уже был полностью утрачен (рис. 1.13; 1.14; 1.29; 1.30). Новая апсида построена к остаткам прежнего алтарного полукружия с внутренней стороны и частично перекрывает их, заступая на 0,10-0,30 м своей внешней частью (рис. 1.7; 1.8). Первоначальное значение и форму (если не учитывать утрату штукатурного слоя) при вторичном использо-

Рис. 1.14. Южная апсида. Фрагмент. Северное заплечико, кладка третьего строительного периода. Вид с юго-востока.
Fig. 1.14. Southern apse, fragment, wall masonry of the northern part in the third building period, view from southeast.

вании сохранило лишь южное заплечико. Противоположный выступ апсиды был полностью переложен и вынесен вперёд (внутрь наоса) на 0,15 м. Его ширина равна 0,29 м (рис. 1.1; 1.25).

Характерной особенностью новой конструкции алтарной ниши является то, что тыльная сторона её кладки на этом уровне (в пределах вскрытого зондажом участка протяжённостью 0,70 м), практически вплотную примыкая к первоначальному сооружению, имеет прямолинейный абрис и чётко выраженный лицевой слой (рис. 1.8; 1.25). Учитывая сильно уплощённую боковую (южную) поверхность, внутренние очертания ранней апсиды в виде половины правильного восьмигранника в принципе возможны, но маловероятны. Аналогии такой формы нам неизвестны², и логика строителя остаётся непонятной. Более допустимой, как вариант реконструкции, представляется попытка (нереализованная до конца) создания новой апсиды с ломаным внешним контуром плана. Размеры алтарного полукружия после ремонта: пролёт – 1,73 м, глубина – 0,82 м. Его диаметры (центры не совпадают): внутренний – 0,85 м, внешний – 1,44 м. За пределы стены наоса апсиды выступала на 0,85 м. Толщина её кладки: на уровне первоначальных руин – 0,42-0,54 м, в верхней части – 0,59 м.

Новым архитектурно-конструктивным элементом строения стало появление внутри храма массивной

² Правда, в научный оборот введена информация о базилике «с тремя расположенными на одной линии апсидами, полукруглыми снаружи и полигональными изнутри», которая представляется сомнительной. Сам храм находится на юге Кипра в Аматонте и датирован «приблизительно юстиниановской или даже постюстиниановской эпохой» (Хрушкова 2002: 127; со ссылкой на: Pralong 1994: 423-427, fig. 2). Частичная параллель прослеживается лишь в локальной группе армянских церквей на территории северного Ирана, внутренний абрис алтарного пространства которых в плане имел гранёную форму, но при этом восточная часть строения с внешней стороны была решена традиционно – в виде прямоугольника, а сама апсида из плоскости стены основного объёма не выступала (Alprago-Novello 1978: fig. 65, 66).

Рис. 1.15. Передняя стена южного компартамента. Вид с северо-востока, со стороны помещения.
Fig. 1.15. Front wall of the southern part of the church, view from northeast, interior.

Рис. 1.16. Передняя стена южного компартамента. Фрагмент. Вид с северо-востока, сверху.
Fig. 1.16. Front wall of the southern part, view from northeast, from interior.

Рис. 1.17. Передняя стена южного компартимента. Фрагмент. Лицевой слой кладки фасада.

Справа – откос проёма западного входа в храм. Вид с юго-запада.

Fig. 1.17. Front wall of the southern part, fragment, front wall masonry, right - esconson of western doorway to the church, view from southwest.

Рис. 1.18. Южный вход в храм. Вид с юго-востока.

Fig. 1.18. Southern entrance to the church, view from southwest.

каменной перегородки, поперечно разделившей пространство основного, южного, объёма на два смежных помещения – нартекс и наос (рис. 1.1; 1.46; 1.50; 1.66; 1.68; 1.69). Их протяжённость – соответственно, 0,90-1,22 и 2,45 м. В настоящее время данное сооружение представляет собой деформированные остатки двух кладок разной толщины (северо-западная равна 0,59-0,60 м, юго-восточная – 0,43 м), примыкавших к боковым стенам без перевязки (рис. 1.50-1.54). Оба

помещения соединялись между собой проходом шириной не более 0,97 м. Учитывая то, что северо-западная часть перегородки была более массивной, вероятно, она одновременно служила своеобразным контрфорсом для продольной стены.

В отличие от кладки между нартексом и наосом, которую подстилают седименты первоначального пола (рис. 1.51-1.54), новая апсида с внутренней стороны была поставлена непосредственно на материковую по-

Рис. 1.19. Южный вход в храм. Вид с северо-запада, со стороны наоса.
Fig. 1.19. Southern entrance to the church, view from northwest, from naos.

Рис. 1.20. Южный вход в храм. Порог третьего строительного периода. Вид с юго-востока, сверху.
Fig. 1.20. Southern entrance to the church, threshold of the third building period, view from southeast.

Рис. 1.21. Северный вход в храм. Закладка проёма в третьем строительном периоде. Вид с юго-востока.
Fig. 1.21. Northern entrance to the church, closing of the doorway between northern and southern parts of the church in the third building period, view from southeast.

Рис. 1.22. Северный вход в храм. Закладка проёма третьего строительного периода. Вид с северо-запада.
Fig. 1.22. Northern entrance to the church, closing of the doorway between northern and southern parts of the church in the third building period, view from northwest.

Рис. 1.23. Северный вход в храм. Фрагмент. Шов между кладками первого и третьего строительных периодов, остатки известковой штукатурки на западном откосе проёма. Вид с юго-востока, сверху.

Fig. 1.23. Northern entrance to the church, fragment, joint between the masonry wall of the first and third building periods, remains of mortar on the western esconson of the doorway, view from southeast.

верхность алтарной площадки (рис. 1.11).

При восстановлении строения все основные компоненты слоя разрушения храма были применены повторно. После выборки камня из завала, отложения глинистого грунта, ранее скреплявшего конструкцию стены, теперь уже с примесью обломков известковой штукатурки и остеологических остатков – основных сигнатов ремонтных преобразований здания, вновь были использованы для приготовления кладочного раствора. Повышенная насыщенность грунта, повсеместно заполнявшего пустоты кладки северного откоса проёма западного входа (рис. 1.55-1.57), мелкими костями животных позволяет предполагать, что при расчистке пола были потревожены и перемещены соответствующие отложения дневной поверхности, оказавшиеся затем в замесе.

Все без исключения продольные кладки здания, как появившиеся в данном строительном периоде, так и предшествующие им, имеют явно выраженные деформации, судя по одинаковым признакам, единовременного происхождения. Северо-западная и средняя стены по всей длине наклонены к юго-востоку (рис. 1.49). Крен составляет: ближе к углам – 8-12°, в центре – 20-25°. Более того, они сильно искривлены и сдвинуты по отношению к нижнему ряду камней кладки (рис. 1.44).

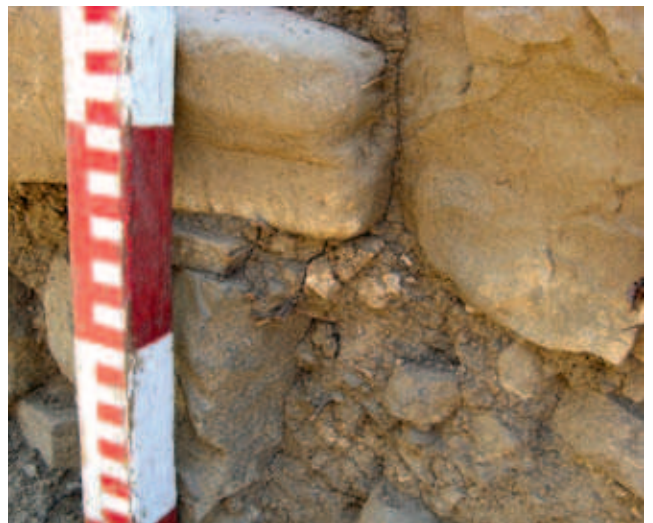

Рис. 1.24. Северный вход в храм. Фрагмент. Шов между кладками первого и третьего строительных периодов, остатки известковой штукатурки на восточном откосе проёма. Вид с запада.

Fig. 1.24. Northern entrance to the church, fragment, joint between the masonry wall, remains of mortar on the western esconson of the doorway, view from west.

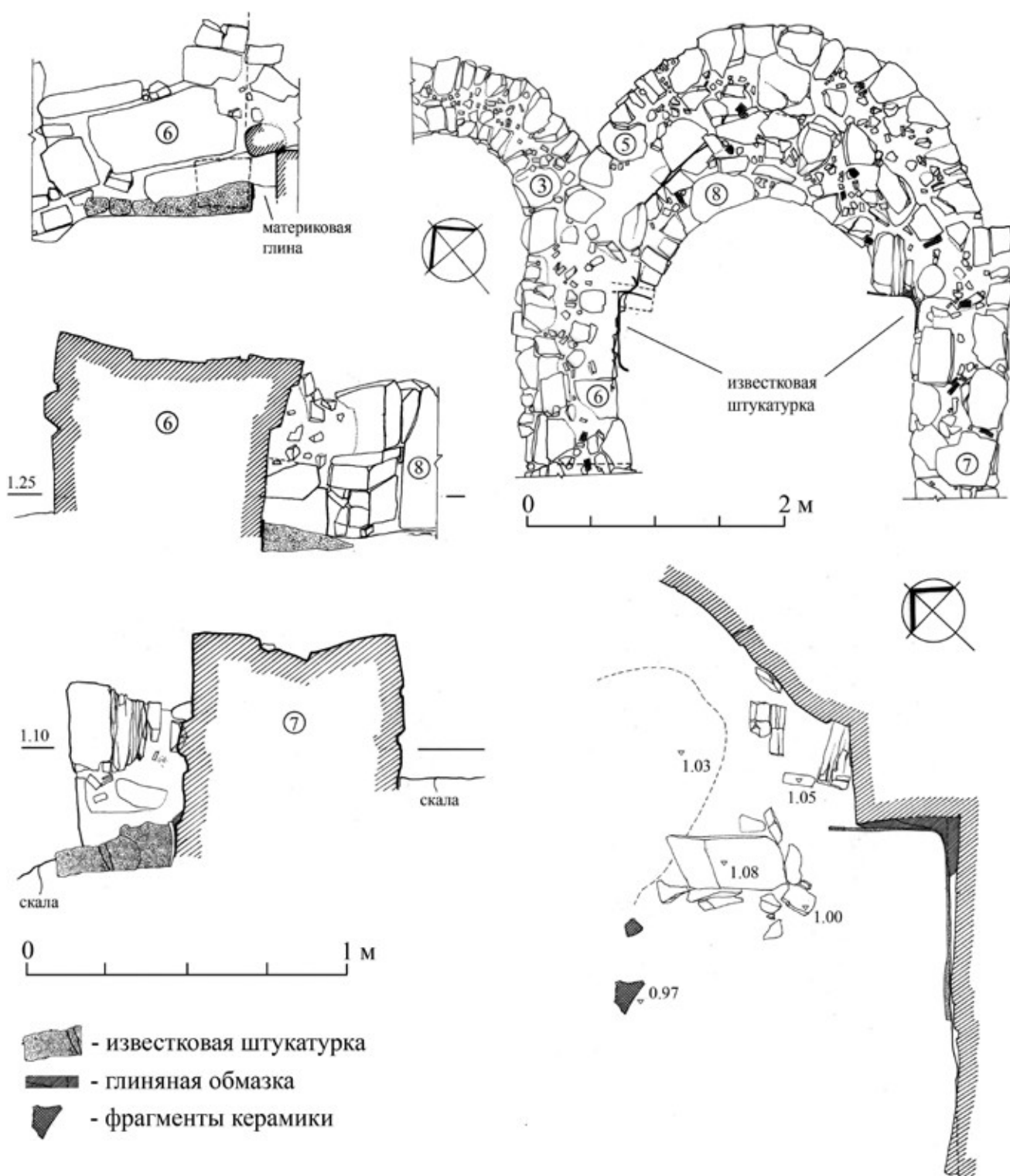

Рис. 1.25. Остатки известковой штукатурки, обнаруженные *in situ* на стенах южного компартимента в алтарной части храма.
План и виды.

Fig. 1.25. Remains of mortar *in situ* on the wall of the southern part of the church in the altar, plan and views.

Рис. 1.26. Остатки известковой штукатурки в восточном углу южного компартамента. Общий вид с запада.
Fig. 1.26. Remains of mortar in the eastern corner of the southern part of the church, view from west.

Рис. 1.27. Остатки известковой штукатурки на южном заплечике. Вид с юго-запада, сверху.
Fig. 1.27. Remains of mortar on the southern part of the apse, view from southwest.

Рис. 1.28. Остатки известковой штукатурки на южном заплечике. Вид с юго-запада.
 Fig. 1.28. Remains of mortar on the southern part of the apse, view from southwest.

Рис. 1.29. Остатки известковой штукатурки на северном заплечике наоса.
 Кладки апсиды первого и третьего строительных периодов. Вид с юга.
 Fig. 1.29. Remains of mortar on the northern part of the naos,
 wall masonry of the apse in the first and third building periods, view from south.

Рис. 1.30. Остатки известковой штукатурки на северном заплечике наоса. Кладки апсиды первого и третьего строительных периодов. Вид с юго-востока.
Fig. 1.30. Remains of mortar on the northern part of the naos, wall masonry of the apse in the first and third building periods, view from southeast.

Рис. 1.31. Остатки известковой штукатурки на северном заплечике наоса. Вид с юго-запада, сверху.
Fig. 1.31. Remains of mortar on the northern part of the naos, wall masonry of the apse, view from southwest.

Рис. 1.32. Остатки известковой штукатурки на северо-западной стене южного компартимента.

Справа – кладка перегородки третьего строительного периода. Вид с юга.

Fig. 1.32. Remains on the northwestern wall of the southern part of the church, right - wall masonry of the partition of the third building period, view from south.

Особенно показательна средняя стена, прежде всего, небольшой участок её конструкции протяжённостью 1,65 м, который примыкает к сохранившему своё первоначальное положение массивному угловому блоку и, помимо прочего, немного развёрнут к востоку (рис. 1.1; 1.4; 1.17; 1.51; 1.53). Смещение данной кладки относительно продольной оси, возможно, было обусловлено наличием перегородки нартекса, проявившей себя как контрфорс. Та, очевидно, удержала на месте и соответствующий участок противоположной боковой стены – южной, обусловив ощутимый сдвиг кладки восточного откоса входа внутрь. Учитывая характер деформаций и структуру культурного слоя, разрушение основных конструкций строения, вероятнее всего, было вызвано сильным сейсмическим явлением, предположительно, ялтинским землетрясением рубежа X–XI вв. (Хапаев 2010: 12-13, 15-16), хотя керамические материалы вроде бы указывают на более раннее время прекращения функционирования храма (см. ниже главу 3 «Керамика» и главу 13 «Хронология строительных периодов»).

Стратиграфические наблюдения и факт упразднения прохода между компартиментами, приведшего к обособлению основного объёма постройки, свидетельствуют, что северная часть храма во время реконструкции не восстанавливалась. При этом с южной стороны здания,

видимо, появляется односкатный навес с черепичной кровлей, примыкавший к церкви по всей длине стены (рис. 1.66). Конструкция сооружения была деревянной. Перекрытие поддерживалось двумя парами круглых столбов, три ямы от которых выявлены раскопками (рис. 1.1). Опоры были заглублены в материк на 0,06-0,18 м. Их диаметр – около 0,17-0,22 м. Шаг стоек: по краям – 0,80 м, посередине – 3,00 м. Пролёт конструкции составлял 1,90-2,25 м.

Четвёртый строительный период

В это время внутри рунированного строения появляется новая кладка (кл. №1). Она расположена поперечно, точно посередине южного компартимента и примыкает без перевязки к северо-западной стене в створе юго-восточного входа (рис. 1.58-1.61). Конструкция трёхслойная двухлицевая, сложена из разномерного бута аргиллита и песчаника на грязевом растворе с зачеканкой пустот мелким камнем. Размеры кладки: длина – 2,85 м, толщина – 0,50-0,67 м. Сооружение сохранилось на высоту до 0,28 м.

Явно дополняя остатки стен северо-восточной половины строения, данная кладка, вероятнее всего, предназначалась для обособления наиболее сохранившейся

части храма, что позволяло его дальнейшее использование в качестве своеобразной часовни (рис. 1.67). Впрочем, возможны и иные варианты использования этого объёма.

Заключение

В течение своего относительно непродолжительного существования, датируемого материалами раскопок в пределах второй половины IX – первой половины X в., семидворский храм дважды основательно перестраивался (рис. 1.62-1.68). Появившись как прямоугольное в плане здание с полукруглой апсидой и тремя входами, он был практически сразу дополнен капитальной пристройкой с собственным алтарным полукружием и стал двухапсидным, а затем, после реконструкции, опять превратился в однефную церковь классического облика, характеризующуюся наличием нартекса и лишь двумя входами, южный из которых имел деревянный навес с черепичной кровлей.

В своём первоначальном виде семидворский храм принадлежит к одному из самых распространённых в средневековом мире типу христианских церковных построек, представленному многочисленными вариантами. Для них обычными являются относительно небольшие размеры, прямоугольная в плане форма наоса с отношением длины к ширине как 5:3, один вход – спереди или сбоку, а также выступающая наружу полукруглая или гранёная апсида. Перекрытие основного объёма строения стропильное либо сводчатое, алтарное полукружие завершалось конхой. На территории Крымского полуострова подобные сооружения получили распространение главным образом после IX в. и возводились до самого позднего времени. Они могли несколько различаться своими пропорциями, отдельными архитектурно-конструктивными деталями и декоративным убранством (Кеппен 1837: 15-20; Бертье-Делагард 1907: 30-31; Домбровский 1974: 36-37; Фирсов 1990: 90-91, 229, 386, 403-404, 414-416; Лосицкий 1990: 36-37, 46; Адаксина 2002: 7-9, 13, 21-22, рис. 5-22, 143; Романчук 2000: 234-243; Айбабина, Бочаров 2002; Лысенко, Тесленко 2002б; Бочаров 2004; Кирилко, Мыц 2004: 214-217; Дьячков 2004; Тесленко, Лысенко 2004б; Кирилко 2010; Адаксина, Мыц 2008: 11-21, рис. 81-131; Адаксина, Мыц, Ушаков 2010: 46-54, 59-60, рис. 152-189).

Рис. 1.33. Остатки известковой штукатурки на северо-западной стене южного компартамента. Справа – кладка перегородки третьего строительного периода. Вид с юго-востока.

Fig. 1.33. Remains of mortar of the northwestern wall of the southern part of the church, right - wall masonry of the partition of the third building period, view from southeast.

Тип строения и основные формы первоначального семидворского храма в целом являются характерными для средневекового культового зодчества региона. Тем не менее, другие церковные здания с тремя входами, аналогичные ему, в Таврике неизвестны³. Как исключение, можно привести отдельные примеры одновременного использования нескольких, в данном случае – лишь двух дверных проёмов в малых храмах средневекового Крыма, что получило распространение в строениях, соотносимых с традициями армянской культовой архитектуры (Якобсон, Таманян 1992: рис. 2, 6, 7; Айбабина, Бо-

³ За пределами Крыма с церквами этого типа в определённой мере соотносимы отдельные храмы Абхазии, плановая схема которых обуславливались либо требованиями ритуала, либо позднее появившимися приделами (Воронов 2002: рис. 11: 9, 18, 31, 33, 34; Армарчук 2010: 181, 186, илл. 1; 5: 1).

Рис. 1.34. Остатки известковой штукатурки на северо-западной стене южного компартимента.

Слева – кладка перегородки третьего строительного периода. Вид с юго-востока.

Fig. 1.34. Remains of mortar of the northwestern wall of the southern part of the church, left - wall masonry of the partition of the third building period, view from southeast.

Рис. 1.35. Остатки известковой штукатурки со следами затирки поверхности травой.

Fig. 1.35. Remains of mortar with traces of treatments of the surface by grass.

чаров 1997: 214, табл. 3; Кирилко 2008: 41-43). В самой Армении наличие двух входов было обычным явлением, причём боковой нередко считался главным и украшался роскошнее западного (Токарский 1973: 18-19). На сопредельных территориях, в Грузии, устройство двух дверей в церквах, по мнению Н.Г. Чубинашвили, обу-

славлялось необходимостью разделить паству: южный вход предназначался для мужчин, западный же, с проходом через нартекс – для женщин. Соответственно, внутри строения центральное пространство храма отводилось мужчинам, западное – женщинам (Чубинашвили 1978: 8).

Отметим здесь же, что традиция применения в интерьере храма votивных железных крестов имеет северокавказские параллели (Минаева 1951: 294, рис. 22: 8; Крупнов 1971: 44, 112, 186, 196, рис. 44; Хрушкова 2002: 184, рис. 61) (об этом феномене см. главу 5 «Металлические кресты»). Подобные находки известны на многих других памятниках Крыма, датируемых обычно VIII–X вв. и позднее. В ряде случаев они соотносятся с территориями, где отмечено присутствие алан, черкесов и лазов.

Двухапсидные храмы – слабо изученное явление средневековой культовой архитектуры, хотя они известны на обширной территории, включающей в себя регионы Причерноморья и Средиземноморья, от Кавказа и Малой Азии на юго-востоке до Корсики на западе. Больше всего подобных памятников встречается в островной Греции, северный ареал представлен локальной зоной в пределах Московского княжества (Хрушкова 2002: 93-95; Альтшуллер 1977: 156-173).

В Крыму двухапсидные церкви единичны и до сих

Рис. 1.36. Фрагменты штукатурки с остатками росписи красной краской.

Fig. 1.36. Fragment of mortar with traces of the wall red painting.

пор традиционно считаются уникальными постройками (Мордвинцев, Кисиль 2002: 187-191; Лосицкий 2002: 134; Кирилко 2012). Ни одна из них не имеет абсолютного сходства с семидворским храмом.

Попытки понять природу и причины появления подобных церквей в культовом строительстве средневекового мира предпринимались неоднократно (см. также

Рис. 1.37. Монохромная роспись храма св. Варвары в Гёреме, Каппадокия. VIII в. Фото Дик Оссеман.

Fig. 1.37. Monochrome wall painting of the St Barbara church, Göreme, Cappadocia, 8th century, photo by Dick Osseman.

Рис. 1.38. Место соединения апсиды северного компартимента с первоначальным храмом. Вид с северо-запада.

Fig. 1.38. Joint of the northern apse to the church building of the first building period, view from northwest.

Рис. 1.39. Кладки нижней части стен северного компартамента храма. Общий вид с юго-запада.
 Fig. 1.39. Wall masonry of the northern part of the church, low rows, view from southwest.

Рис. 1.40. Примыкание апсиды северного компартамента к первоначальному храму. Вид с юго-запада, сверху.
 Fig. 1.40. Joint of the northern apse to the church building of the first building period, view from southwest.

Рис. 1.41. Северная апсида. Общий вид с юго-востока.
Fig. 1.41. Northern apse, view from southeast.

Рис. 1.42. Северная апсида. Вид с юго-запада.
Fig. 1.42. Northern apse, view from southwest.

Рис. 1.43. Северная апсида. Общий вид с северо-востока, сверху.
Fig. 1.43. Northern apse, view from northeast.

Рис. 1.44. Северный компартимент храма. Общий вид с севера.
Fig. 1.44. Northern part of the church, view from north.

главу 14 «Литургические особенности храма»). К настоящему времени обозначилось несколько научных позиций, формирование которых происходило, как правило, регионально – по мере выделения локальных групп сооружений данного типа на определённой территории.

Многочисленными памятниками двухапсидные церкви представлены в армянской архитектуре, имевшей существенное влияние на развитие крымского зодчества. По мнению О.Х. Халпахчьяна, они являются эволюционным этапом, завершавшим стадию развития обычного культового строения – совмещение в одном здании двух совершенно равнозначных храмов. Более того, исследователь выделяет их как самостоятельный оригинальный тип церквей-усыпальниц, получивших распространение в XII–XIV вв. Известны постройки как с одинаковыми апсидами, так и с апсидами разной величины, когда южная оказывается больше северной (Халпахчьян 1954; 1966: 260, рис. 90).

В Грузии и Восточном Причерноморье двухапсидные здания представлены несколькими яркими примерами – раннесредневековой, вероятно, второй половины VI в. церковью № 5 Питиунта-Бичвинта (Хрушкова 2002: 91-96) и группой строений XIII–XIV вв., среди которых особо выделяется храм в Мгвимеви, датированный 80-ми гг. XIII в. (Гомелаури 1982: табл. 2).

Б.Л. Альтшуллер, рассматривая двухапсидные храмы Московского княжества, соотносит их необычную архитектуру с изменением литургических особенностей и выделяет два хронологических этапа. Богоявленский собор конца XIV в. в Старо-Голутвином монастыре даёт ему основание для вывода, что малая северная апсида храма предназначалась для совершения проскомидии.

Подобное дифференцирование алтарного пространства, вызвавшее увеличение площади жертвенника, исследователь связывает с введением нового монастырского «Иерусалимского устава». Позднее, в подобных постройках конца XV–XVI в., получивших широкое распространение, меньшая апсида всегда располагается к югу от основного алтаря, а её необходимость была обусловлена устройством дополнительного придельного престола для совершения литургии (Альтшуллер 1977: 167-168).

Памятники Таврики, территория которой находится в средней части ареала распространения двухапсидных храмов, дали их исследователям основание для собственных обобщений.

Е.А. Айбабина отмечает, что появление подобных церквей как определённого вида небольших построек характерно для удалённых от центра районов Византии (Айбабина 1991: 199).

В.М. Мордвинцев и И.А. Кисиль предприняли попытку систематизировать данные о двухапсидных храмах Таврики и выяснить их истоки (Мордвинцев, Кисиль 2002: 187-191) (анализ этой попытки см. в главе 14 «Литургические особенности храма»). Они считают, что парные апсиды, хотя и противоречат традициям церковного строительства, могут характеризовать «духовное происхождение и земное бытие» Христа. По их мнению, эти архитектурные формы сложились «в Армении под влиянием переселенцев монофизитов, проповедовавших двуличность Иисуса Христа – Бога и Человека», а позднее указанный тип храмов был перенесён на территорию Крыма армянами - переселенцами (Мордвинцев, Кисиль 2002: 188-189).

Рис. 1.45. Внешняя продольная стена северного компартимента. Фрагмент. Обломки известкового туфа в забутовке кладки.
Вид с юго-запада.

Fig. 1.45. Wall of the northern part of the church, exterior side, fragment of lime tufa in the back filling of wall masonry,
view from southwest.

Рис. 1.46. Нартекс храма третьего строительного периода. Общий вид с северо-запада.
Fig. 1.46. Narthex of the church in the third building period, view from southwest.

Е.А. Паршина, опираясь на примеры церкви в Сотере и подобных сооружений Малой Азии (конец VI в.), Грузии (вторая половина VI в., X–XI вв., XII в., XIII–XIV вв.), Армении (XII–XIII вв.) и Московского княжества (XIV–XV вв.), считает, что двухапсидные храмы в ряде случаев могут бытовать длительное время и на достаточно широкой территории, а их возникновение в различных областях и в разное время, скорее всего, не имело единой генетической линии развития (Паршина 2002б: 129-130).

О.И. Домбровский предполагал, что двухапсидные церкви являются не отдельным типом сооружений, а частным случаем расширения одноапсидных часовен (Лосицкий 2002: 134). По его мнению, «строительство небогатых сельских церквей могло осуществляться не сразу в полном объёме, а поэтапно, по мере накопления средств», что и приводило к появлению подобных построек (Домбровский [б.д.]: л. 18).

Изучая морфологию двухапсидного храма, Ю.Г. Лосицкий пришел к выводу о том, что этот довольно редкий тип сооружений нельзя назвать вполне сформировавшимся с архитектурной точки зрения, чем, вероятно, и объясняется его малое распространение, равно как и отсутствие крупных построек. По его мнению, произошло механическое соединение двух объёмов одноапсидных часовен, которое вне зависимости от наличия разделяющих элементов не привело к образованию качественно нового типа сооружений, поскольку в нём не

выделился общий для всего строения центр композиции и отсутствует чёткое соподчинение главных и второстепенных элементов (Лосицкий 2002: 132-133). Мнение любопытно, но верно лишь отчасти, поскольку некоторые постройки изначально были двухапсидными и отличаются цельностью и гармоничностью, а их редкость обуславливается относительно слабой изученностью средневековой архитектуры Крыма.

На данном этапе исследований весьма важным в информационном плане является один из разделов монографии Л.Г. Хрушковой о раннехристианских памятниках Восточного Причерноморья, который посвящен изучению наиболее известного и иногда привлекаемого в качестве аналогии для крымских строений двухапсидного храма в Питуинте. Здесь представлена относительно полная сводка основных публикаций по теме, обычно недоступных исследователям в Восточной Европе. Автор довольно разносторонне рассмотрела два региона средневекового мира – Причерноморье и Средиземноморье, где имеются подобные сооружения, а также мнения изучавших их специалистов, не затрагивая при этом подобные сооружения в Таврике и Грузии как выходящие за хронологические рамки исследования (Хрушкова 2002: 91-96).

Бесспорным достоинством работы Л.Г. Хрушковой является презентация русскоязычному читателю капитального труда греческого ученого Г. Димитрокаллиса (самостоятельный обзор его сочинения см. также в главе

Рис. 1.47. Юго-восточная стена храма. Кладки первого и второго строительных периодов. Общий вид с юго-запада.
Fig. 1.47. Southeastern wall of the church, wall masonry of the first and second building periods, view from southwest.

Рис. 1.48. Примыкание юго-восточной стены пристройки к первоначальному храму. Вид с северо-запада.
Fig. 1.48. Joint of the southeastern wall of the northern part of the church to the church building of the first building period, view of northwest.

14 настоящей монографии «Литургические особенности храма»). Исследовательница считает, что по сравнению с остальными специалистами Г. Димитрокаллис наиболее подробно на середину 1970-х гг. рассмотрел типологию и функции двухапсидных храмов, в публикации названных двуконховыми. Этим термином он обозначил сооружения, состоящие из двух равных или почти равных церквей, которые имеют апсиды, также близкие по размерам и форме. В своем Корпусе исследователь объединяет различные по хронологии и архитектонике сооружения, в результате чего раннехристианские базилики соседствуют здесь со средневековыми купольными церквями. По наблюдению Г. Димитрокаллиса, ареал распространения двухапсидных храмов описывает дугу от Армении до Италии, наибольшее количество примеров известно в Армении, Малой Азии, в Греции и, в особенности, на островах, а также в Италии. Памятники Малой Азии относятся к числу самых древних, поэтому предполагается малоазийское происхождение этого типа. Двухапсидные церкви в большинстве своём малы по размерам (см.: Хрушкова 2002: 94-95).

Анализируя двухапсидные постройки, Л.И. Хрушкова не упоминает весьма информативную публикацию Ф. Перголы, посвящённую средневековому сельскому храму на острове Корсика – двухапсидной церкви Санта Мариона в Тальчини (S. Mariona di Talcini), в контексте изучения которого им представлены другие подобные

сооружения севера Италии и тиренского региона. Тем самым исследователь в определённой мере смог заполнить некоторые лакуны работы Г. Димитрокаллиса. Ф. Пергола считает, что культовые строения с парными апсидами или двумя нефами были достаточно распространены в христианском мире и известны от начала Византийской империи до конца средних веков. Однако, поскольку в большинстве своём они имеют незначительные размеры, простые формы без характерных декоративных элементов и выполнены небрежно, а материалы о них опубликованы в малодоступных изданиях, то у исследователей создается неверное впечатление об их малочисленности (Pergola 1979: 98-103).

Появившийся в 1979 г. исчерпывающий и хорошо обоснованный отзыв М.Р. Капрары на труд Г. Димитрокаллиса позволил, в частности, дополнить корпус двухапсидных церквей новой информацией о строениях юга Италии, а также оспорить разделение, которое греческий исследователь делает между одно- и двухнефными церквями с двумя апсидами. Ф. Пергола, поддержав мнение рецензента, на примере храма Санта Мариона и баптистерия острова Комачина (Comacina) доказывает, что применение единственного нефа в подобных строениях является по сути дела лишь следствием их ограниченных размеров (Pergola 1979: 99).

Разнообразие плановых решений и отсутствие точных данных о назначении двухапсидных храмов,

Рис. 1.49. Деформация кладки стены между компартиентами. Общий вид с юго-запада.
Fig. 1.49. Deformation of the wall masonry between southern and northern parts of the church, view from southwest.

Рис. 1.50. Нартекс храма третьего строительного периода. Общий вид с северо-востока.
Fig. 1.50. Narthex of the church in the third building period, view from northeast.

Рис. 1.51. Кладка северо-западной части перегородки южного компартамента. Вид с северо-востока.
Fig. 1.51. Wall masonry of the northwestern part of the partition in the southern part of the church, view from northeast.

Рис. 1.52. Кладка северо-западной части перегородки южного компартамента. Вид с юга.
 Fig. 1.52. Wall masonry of the northwestern part of the partition in the southern part of the church, view from south.

Рис. 1.53. Кладка юго-восточной части перегородки южного компартамента. Вид с севера.
 Fig. 1.53. Wall masonry of southeastern part of the partition in the southern part of the church, view from north.

Рис. 1.54. Кладка юго-восточной части перегородки южного компартимента. Вид с запада.
Fig. 1.54. Wall masonry of the southeastern part of partition in the southern part of the church, view from west.

представленных многочисленными региональными вариантами, существенно затрудняет их обобщение, классификацию и терминологическое обозначение. В этом плане показателен пример уже известного нам пизундского храма. Его трактовка первым исследователем Т.М. Микеладзе как «двойного мартирия» вызвала возражение Л.Г. Хрушковой, которая считает, что самым приемлемым (нейтральным в литургическом и типологическом смысле) для данного здания является термин «двойная церковь» (*Doppelkirche*), использованный К. Весселем. По её мнению, эта постройка близка к храмам, получившим точное название «церкви-близнецы», у которых обе части симметричны относительно продольной оси и сообщаются между собой, образуя единое сооружение (см.: Хрушкова 2002: 93, 95).

Основываясь на историографическом обзоре Л.Г. Хрушковой возможно заключить, что интерпретация других известных двухапсидных объектов также может быть достаточно разнообразна. Ж.-М. Тьерри предлагает отличать двухапсидные, чаще всего однонефные церкви (*églises à double abside*) от действительно двойных, т.е. состоящих из двух помещений, каждое из которых снабжено собственной апсидой. Примерно так же (*bi-apsidal Churches*, *binated Churches*) подобные храмы трактует и Ш. Маргалит, отмечая случаи постройки обычных церквей в двухапсидные. Некоторые исследователи предпочитают применять термин «двухнефная церковь». В частности, И. Элизбарашвили так называет грузинские храмы с дополнительным помещением, расположенным параллельно однопролётному

наосу. О двухнефных пещерных сооружениях Каппадокии сообщают турецкие исследователи: И. Етюкен среди них выделяет в отдельный тип (А) двухапсидные церкви VII–VIII вв., а Е. Акьюрек отмечает использование в храмовой архитектуре симметричных композиций с двумя апсидами, южная из которых могла служить баптистерием (см.: Хрушкова 2002: 93-94).

Среди памятников северо-западного Средиземноморья Ф. Пергола выделяет строения изначально двухапсидные, ставшие двухапсидными в результате ремонта, и двойные или сдвоенные церкви – в виде двух смежных сооружений с перегородкой, собственно храма и баптистерия, сообщающихся между собой. Архитектоника алтарной части этих церквей им представлена тремя вариантами планового решения – “*deux absides jointes*”, “*deux absides jumelles*”, “*deux absides accolées*” (Pergola 1979: 98-103). Предложенная Ф. Перголой классификация вполне применима к крымским объектам.

Причины, обусловившие появление двухапсидных храмов, до сих пор не выяснены. Чаще всего высказывается мнение о том, что каждая часть церкви обладала самостоятельными функциями: одна предназначалась для совершения Евхаристии, другая – для крещального или мемориального культа. Последнее подтверждается тем, что подобные храмы нередко строились на кладбищах. Согласно наблюдениям Г. Димитрокаллиса, приведённым Л.Г. Хрушковой, 86% от общего числа известных ему двойных церквей находится у воды – на берегу моря, реки, озера или на острове, которая для жителей Средиземноморья всегда была связана с кругом заупо-

Рис. 1.55. Кости животных в кладочном растворе передней стены. Вид с юго-запада, сверху.

Fig. 1.55. Animal bones remains in mortar of the front wall masonry, view from southwest.

кояных представлений. Л.Г. Хрушкова полагает, что эти характерные черты имеет и пицундский храм – он возведён на кладбище и расположен близ моря, а его южная половина, по аналогии с церквями в монастыре Алахан в Малой Азии и в Жистомисличах в Хорватии, могла служить баптистерием. Существует также предположение о том, что в двойных церквях одна часть была летней, а другая – зимней (Хрушкова 2002: 95-96).

Принципиально важным представляется мнение Т. Мэтьюза, согласно которому появление многопрестольных храмов в Византии объясняется процессом «приватизации литургии», связанным с установлением практики повседневного служения заказных Евхаристий в соответствии с семейными и частными нуждами. В частности, превращение храма в своеобразный семейный мавзолей, храм-усыпальницу, обуславливало необходимость проведения частных заупокойных служб, вероятно, не одной в день, что также определяло сооружение придельных алтарей (Чукова 2004: 62-63).

Однако семидворский храм – единственный из всех крымских двухапсидных объектов, который не имеет внутри захоронений – ни в основном помещении, ни в пристройке (Кирилко 2012), хотя его связь с расположенной рядом двойной могилой и некрополем ниже по склону представляется неслучайной, как и факт его сооружения на месте кенотафа эпохи бронзы (рис. 1.62) (см. главу 2 «Стратиграфия и характеристика культурных отложений»). При относительной первостепенности поминальных функций данной церкви назначение двухчастного храма и причины, обусловившие его неоднократные перестройки, надо полагать, всё-таки были иными.

Несмотря на определённые параллели храму в урочище Еди-Евлер, известные в Малой Азии, и даже возможность возникновения самого типа двухапсидных храмов в этом регионе, в качестве одной из близких аналогий семидворскому строению (причём не стиливой либо хронологической, но, главным образом,

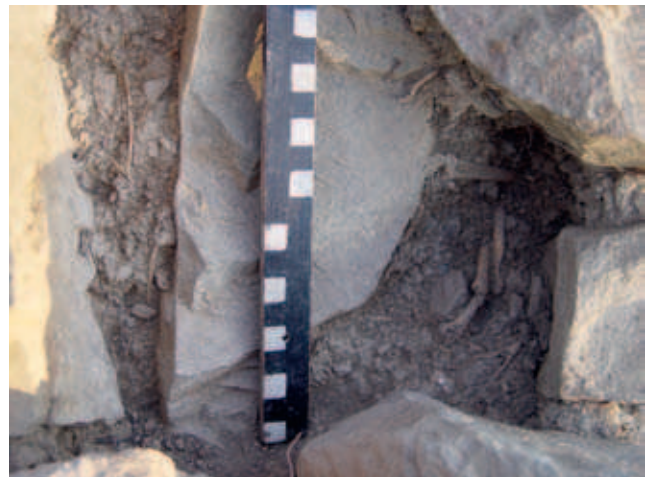

Рис. 1.56. Кости животных в кладочном растворе передней стены. Вид с юго-востока, сверху.

Fig. 1.56. Animal bones remains in mortar of the front wall masonry, view from southeast.

Рис. 1.57. Кости животных в кладочном растворе передней стены. Вид с северо-востока, сверху.

Fig. 1.57. Animal bones remains in mortar of the front wall masonry, view from northeast.

концептуальной и ситуативной) может быть названа церковь «Тхаба-Ерды» в Ингушетии (находится в верховьях р. Ассы, на правом берегу, близ с. Хайрах), обычно датируемая временем не ранее XII в. (рис. 1.70)⁴. По мнению Е.И. Крупнова, первоначально храм имел облик грузинского архитектурного памятника и был

⁴ Не менее любопытной, столь же ситуативной, является аналогия, предложенная А.Е. Мусиным – в виде композиционно близкого двухапсидного храма X–XI вв., исследованного в Богазкой (Хаттуса, Турция) (подробнее см. главу 14 «Литургические особенности храма»). Кроме целого ряда литургических и обрядовых параллелей, на мой взгляд, важно то, что попасть внутрь основного объёма данного храма можно было исключительно через северную пристройку с апсидой, имевшую два самостоятельных входа, из которых боковой (северный), соотносённый с поперечной осью здания и монастырскими воротами, был главным, а передний (западный), расположенный напротив жертвенника, второстепенным. Таким образом, этот храмовый компартимент, подобно тому, что наблюдается в семидворской церкви во втором строительном периоде, в пределах одного помещения сочетал в себе функции притвора и придела, обеспечивая не только сообщение с наосом, но и возможность совершения проскомидии.

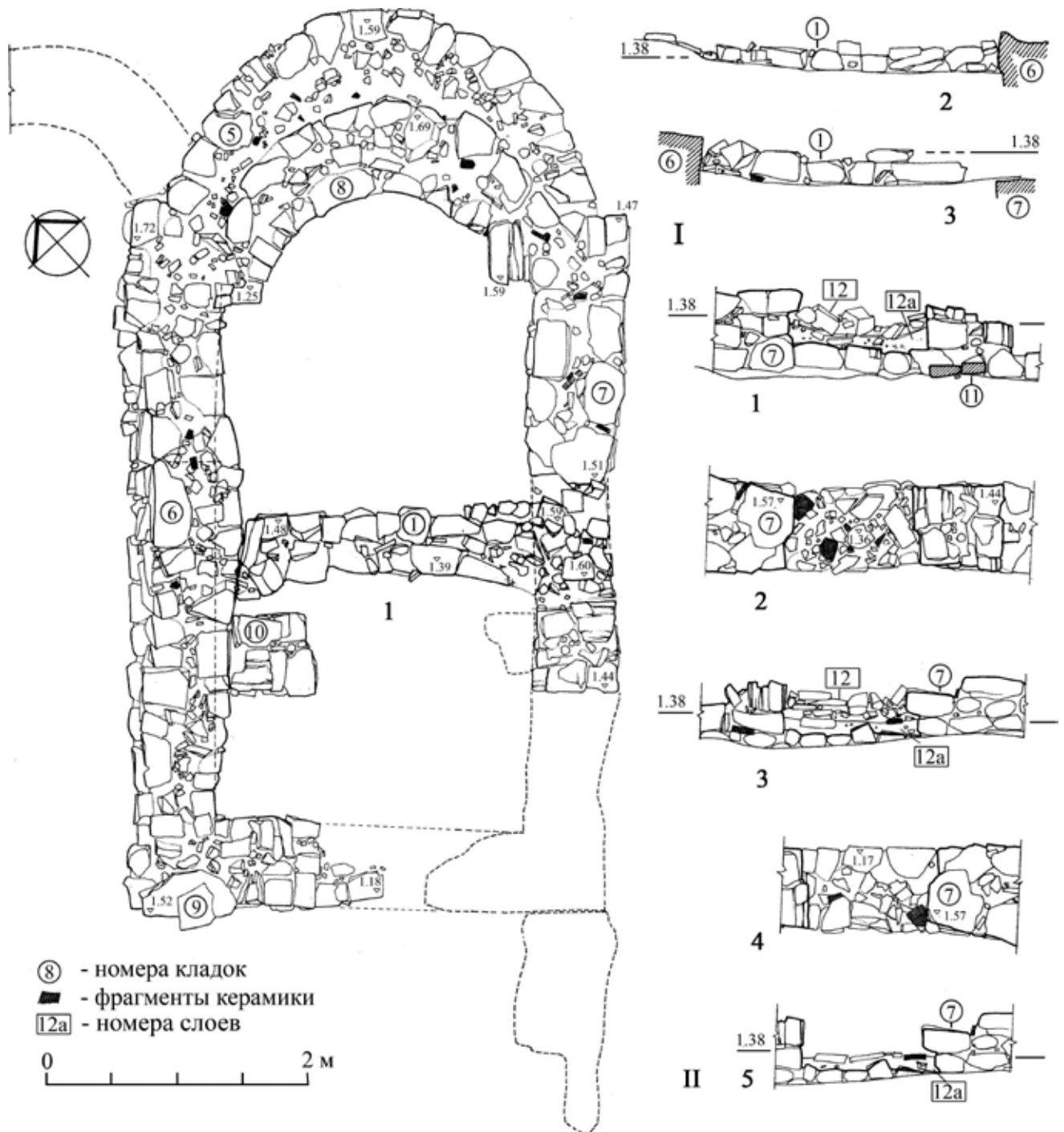

Рис. 1.58. Строительные остатки последней реконструкции храма. Планы и виды. I – кладка четвёртого строительного периода (кл. №1): 1 – план; 2 – вид с северо-востока; 3 – вид с юго-запада. II – южный вход: 4 – заполнения проёма, вид с северо-запада; 5 – заполнения проёма, план; 6 – заполнения проёма, вид с юго-востока; 7 – порог третьего строительного периода, план; 8 – порог третьего строительного периода, вид с юго-востока.

Fig. 1.58. Building remains of the last church rebuilding in the third and fourth building period, plans and views. I – wall masonry of the fourth building period (laying no 1): 1 – plan; 2 – view from northeast; 3 – view from southwest. II – southern entrance: 4 – closing of the doorway, view from northwest; 5 – closing of the doorway, plan; 6 – closing of the doorway, view from southeast; 7 – threshold of the third building period, plan; 8 – threshold of the third building period, view from southeast.

Рис. 1.59. Остатки кладки четвёртого строительного периода (кл. №1). Вид с северо-запада.
Fig. 1.59. Remains of wall masonry of the fourth building period (laying no 1), view from northwest.

Рис. 1.60. Остатки кладки четвёртого строительного периода (кл. №1). Вид с юго-запада, сверху.
Fig. 1.60. Remains of wall masonry of the fourth building period (laying no 1), view from southwest.

Рис. 1.61. Остатки кладки четвёртого строительного периода (кл. №1). Вид с северо-востока.
Fig. 1.61. Remains of wall masonry of the fourth building period (laying no 1), view from northeast.

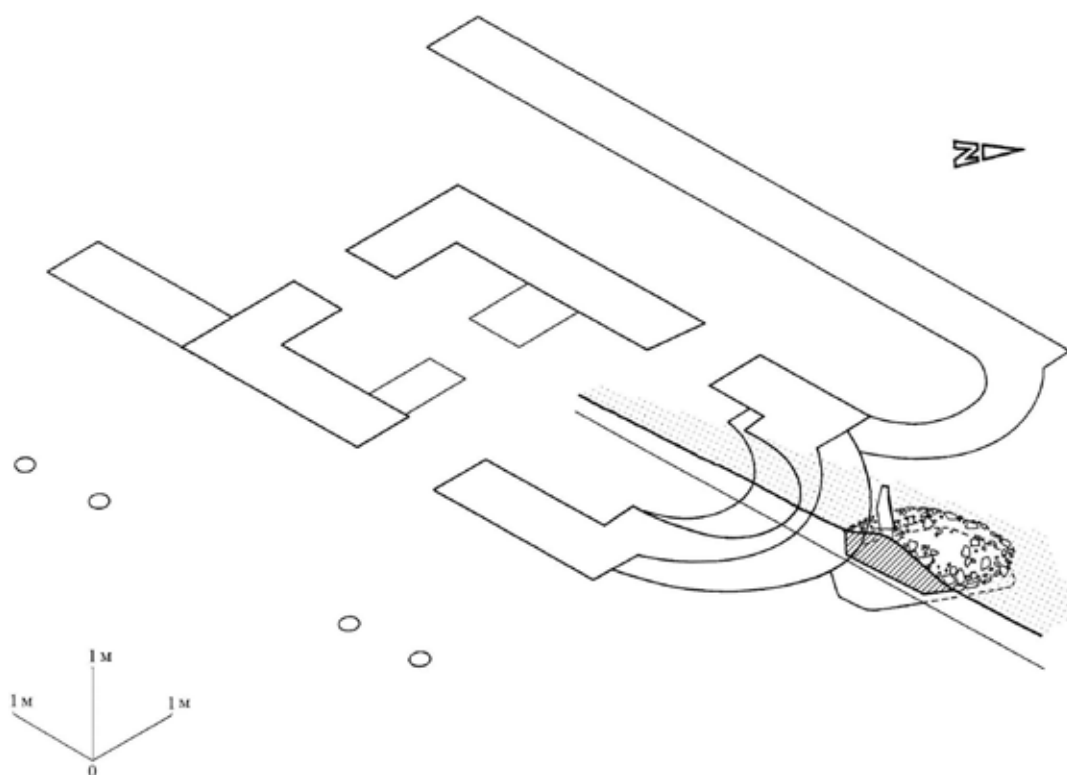

Рис. 1.62. Начальный этап освоения вершины холма Тузлук. Реконструкция. Вид с востока.
 Fig. 1.62. First stage of the cultural activity at the top of the Tuzluk hill, acsonometric reconstruction, looking west.

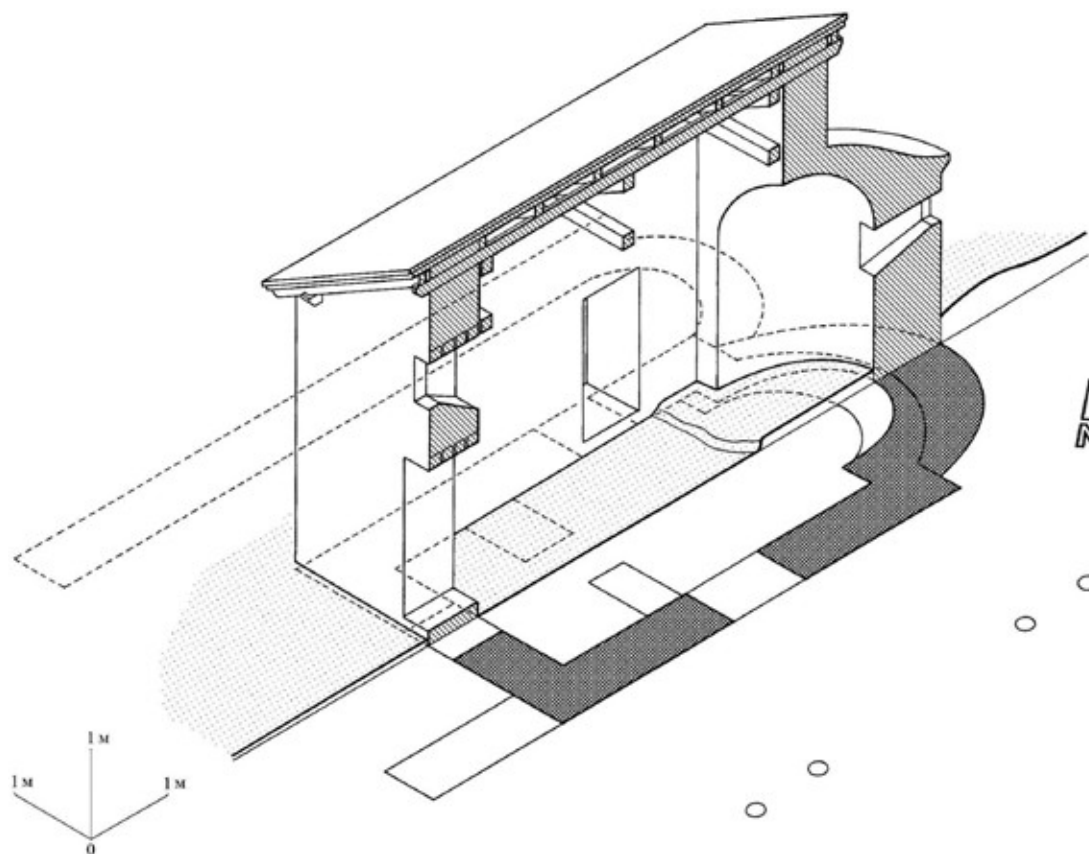

Рис. 1.63. Первый строительный период храма. Реконструкция. Вид с юга.
 Fig. 1.63. First building period of the church, acsonometric reconstruction, looking north.

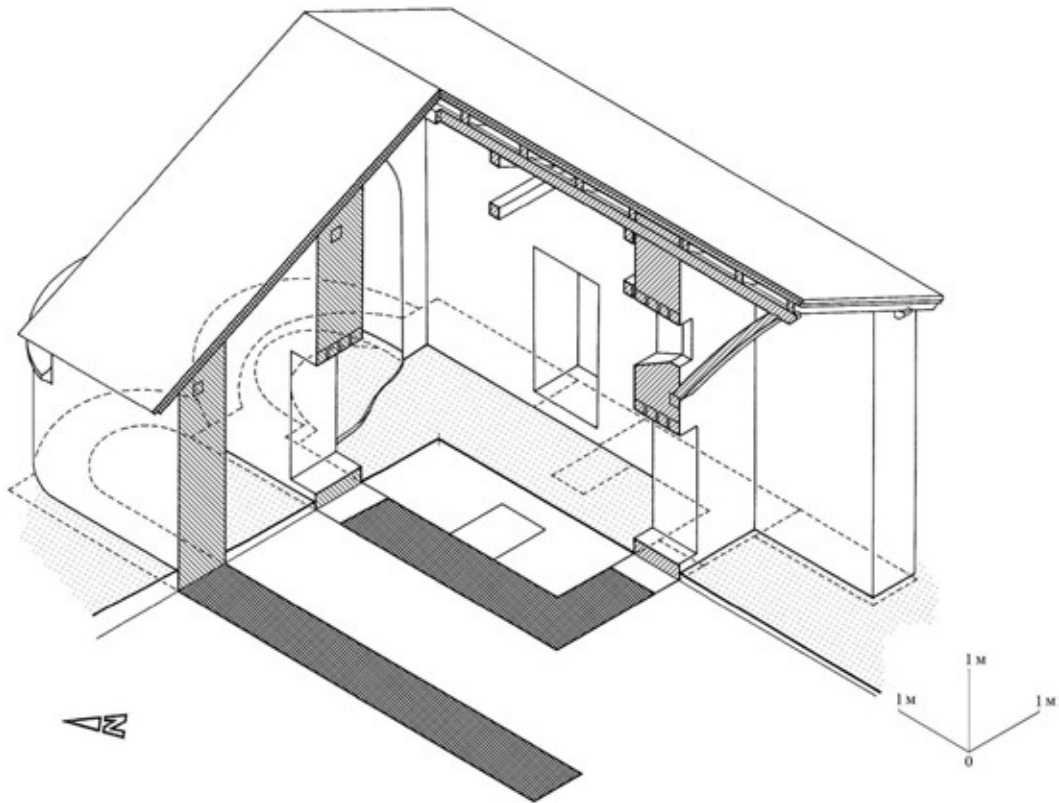

Рис. 1.64. Второй строительный период храма. Реконструкция. Вид с запада.
Fig. 1.64. Second building period of the church, acsonometric reconstruction, looking east.

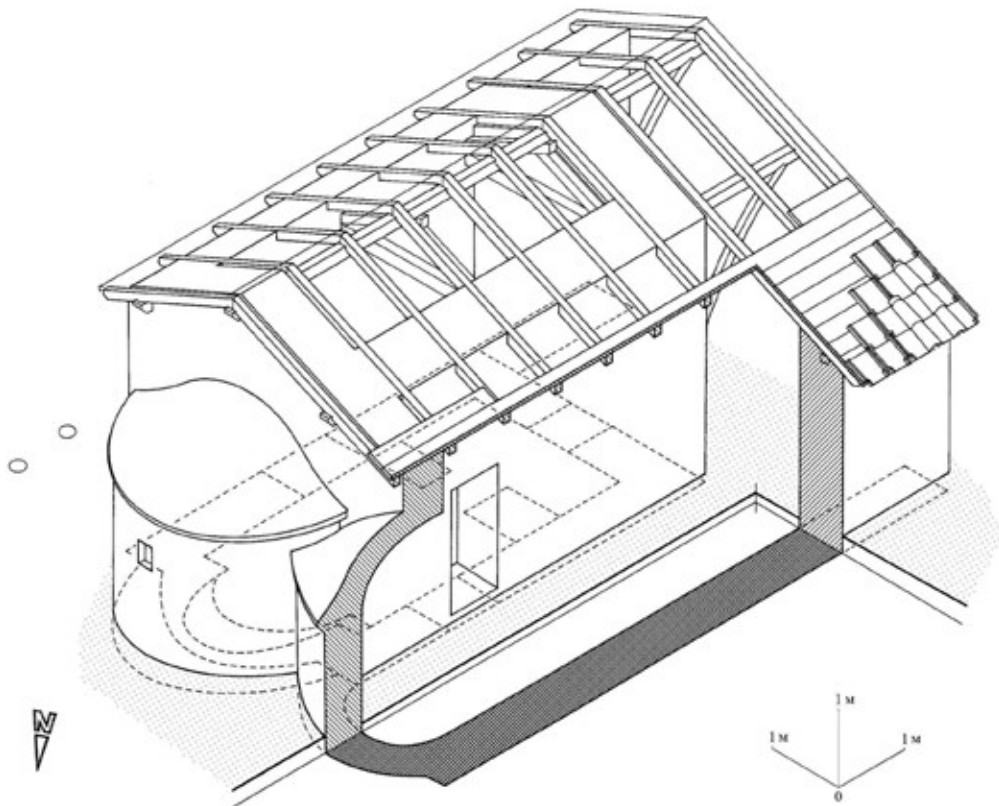

Рис. 1.65. Второй строительный период храма. Реконструкция. Вид с севера.
Fig. 1.65. Second building period of the church, acsonometric reconstruction, looking south.

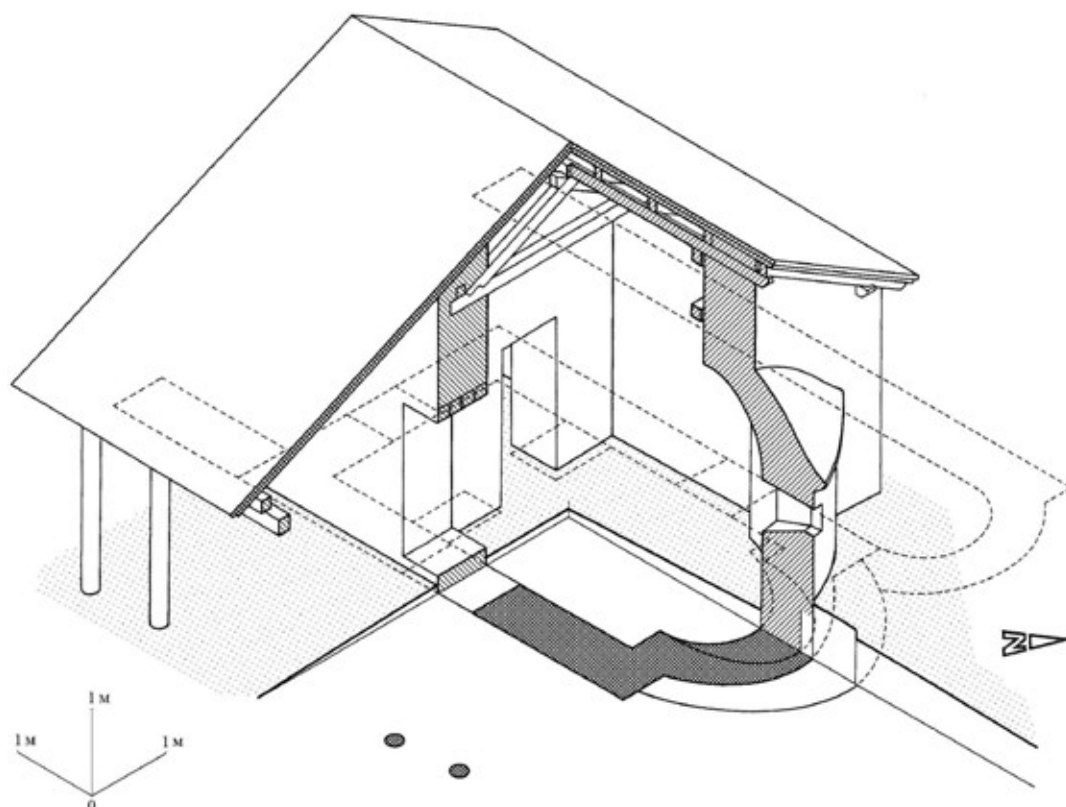

Рис. 1.66. Третий строительный период храма. Реконструкция. Вид с востока.
Fig. 1.66. Third building period of the church, acsonometric reconstruction, looking west.

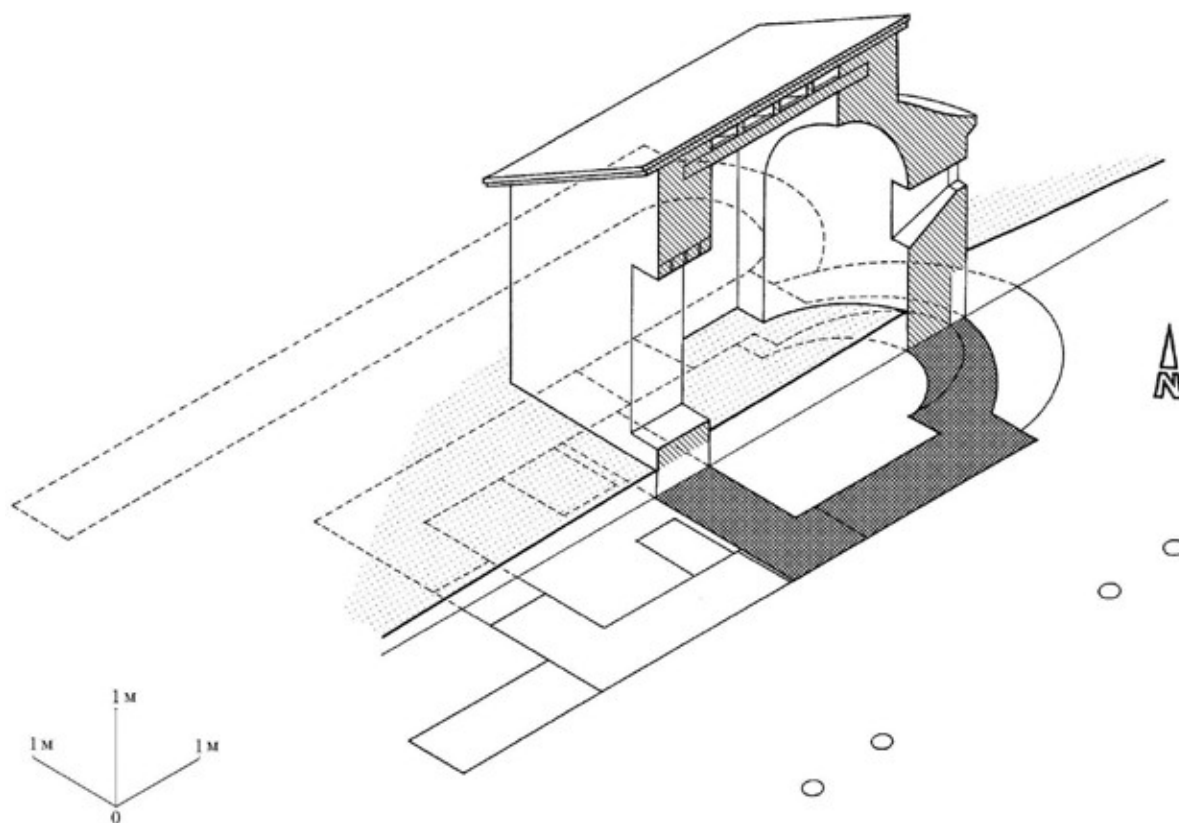

Рис. 1.67. Четвёртый строительный период храма. Реконструкция. Вид с юга.
Fig. 1.67. Fourth building period of the church, acsonometric reconstruction, looking north.

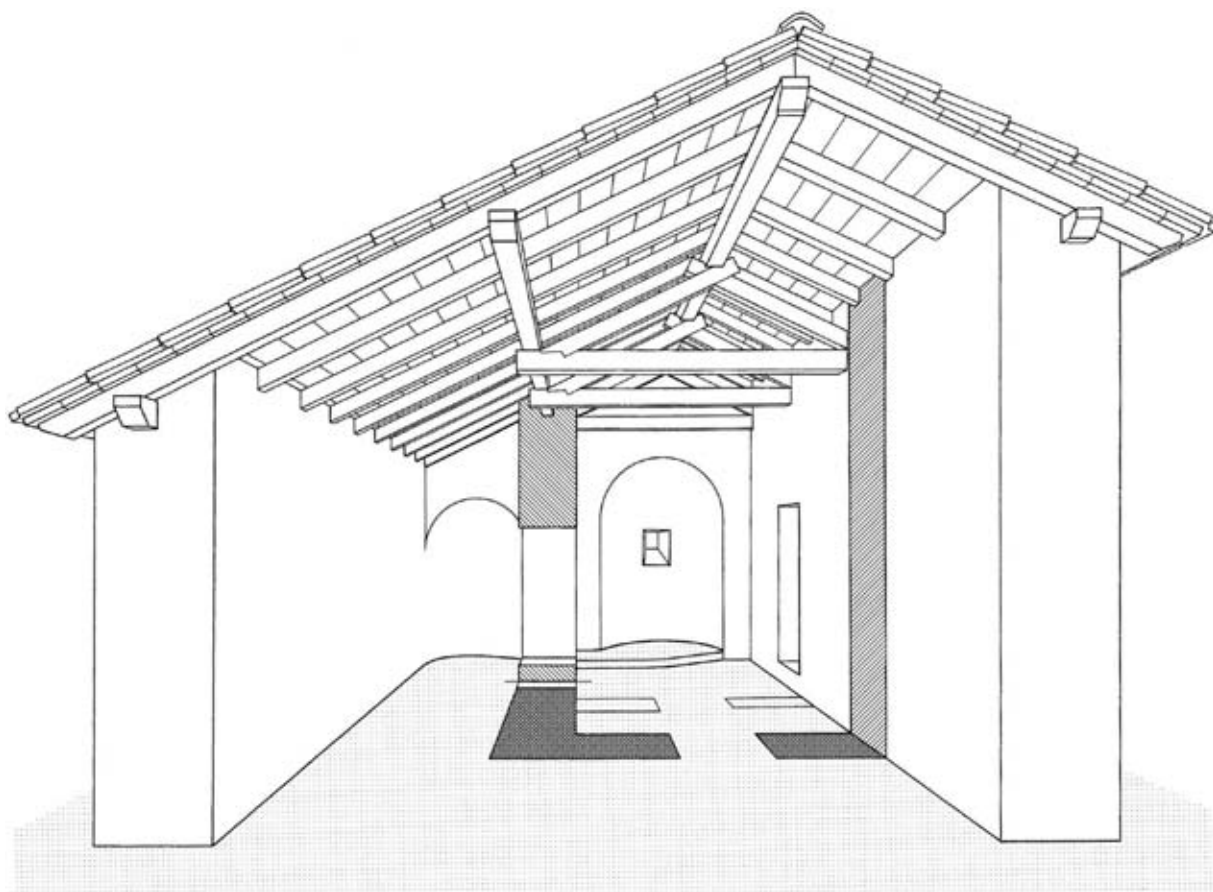

Рис. 1.68. Интерьер двухапсидного храма. Реконструкция. Вид с юго-запада.
Fig. 1.68. Interior of the church, acsonometric reconstruction, looking northeast.

Рис. 1.69. Кладки нижней части стен двухапсидного храма. Общий вид с юго-запада.
Fig. 1.69. Wall masonry of the church, low rows, view from southwest.

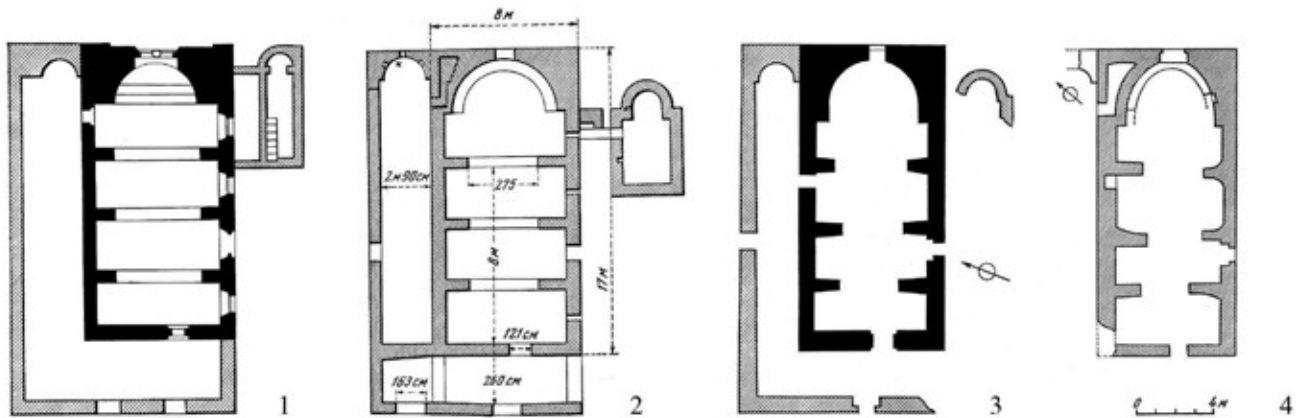

Рис. 1.70. Планы храма «Тхаба-Ерды», Ингушетия: 1 – по М. Энгельгардту, 1811 г.; 2 – по В.Ф. Миллеру, 1886 г.; 3 – по Е.И. Крупнову, 1939 г.; 4 – по В.И. Марковину, 1966 г. (по: Кузнецов 1980: рис. 56, 57).

Fig. 1.70. Plans of the «Tkhaba-Erdy» church made by different researchers as a parallel to the Yedi Evler sanctuary, Ingushetia, Russian Federation.

возведён, скорее всего, при Давиде Строителе (1089-1125), когда централизованное Грузинское государство впервые стало активно включать в сферу своего влияния горцев Северного Кавказа (Крупнов 1947: 116-125; 1971: 87-88). Свой окончательный вид, во многом сопоставимый с архитектурой семидворской церкви, он получил после перестройки здания местными малоквалифицированными мастерами⁵, в результате которой, в частности, основной объём сооружения был дополнен совмещёнными нартексом и северным нефом с апсидой. Первоначальные храмовые постройки в Ингушетии и в Крыму, помимо значительной разницы в размерах, существенно различаются между собой основными конструктивными и архитектурно-декоративными характеристиками, но соотносимы по своей планировке, прежде всего, с учётом количества и одинаковым расположением дверных проёмов – по три в каждом из сооружений: с южной, западной и северной стороны. Дополнительное сходство им придает появление после ремонта новых внутренних конструкций: перегородки в наосе семидворского храма

и пилонов «Тхаба-Ерды». Определённой параллелью могут быть линейные изображения на поверхности штукатурки, нанесённые красной краской – подобная традиция известна в некоторых архитектурных памятниках Ингушетии (Крупнов 1971: рис. 54, 55), хотя не менее яркие примеры таких росписей демонстрируют пещерные храмы Каппадокии (рис. 1.37).

С Северным Кавказом и, отчасти, Восточным Приазовьем может быть связано появление на территории Крыма в предшествующий период и специфической строительной техники возведения стен – кладки «в ёлку», обычно соотносимой с хазарским присутствием на полуострове (Баранов 1990: 45). Подобная конструкция была распространена ещё в античное время под названием *opus spicatum* («рыбья кость») и на ранних крымских памятниках представлена таким ярким примером как цистерна Судакской крепости – сооружение, более известное как Приморское укрепление (Джанов 2004: 63, рис. 5, 6). Истоки же средневекового варианта кладки стен, вероятнее всего, имеют кавказское происхождение, которое в свою очередь было обусловлено геологическими особенностями региона, а именно происходившим в I тыс. н.э. интенсивным опусканием земной поверхности и связанным с этим массовым появлением обломочного материала в виде речной гальки. По мнению специалистов, отсутствие на больших территориях каких-либо других строительных материалов привело к тому, что ещё в древности в Грузии была разработана соответствующая методика строительства – примерно одинаковые по размерам гальки при кладке располагаются строго параллельно своими плоскими сторонами, несколько косо по отношению к нижней плоскости. Углы здания при этом обычно делаются из тесаного камня или кирпича. Для скрепления кладки использовалась известь с примесью песка и мелкой гальки (Петров 1984: 145-146, рис. 42).

На крымских памятниках в подобных конструкциях

⁵ По мнению Г.Г. Гамбашидзе, осуществившего раскопки памятника, современный вид храм приобрел в XV–XVI вв. после ремонта его ингушами, которые приспособили здание для отправления богослужения в соответствии со своими родовыми культурами. Исследователь считает, что самое раннее сооружение имело вид трёхнефной базилики, а строительство храма было начато в IX в. и завершено в конце X – начале XI в., при кахетинских правителях Квирике II (929-976) и Давиде (976-1010) (Кузнецов 1980: 168). В своё время небезынтересное наблюдение, связанное с использованием здания после прекращения проведения в нём православных служб, сделал В.Ф. Миллер: «Любопытно, что четырьмя, образуемыми арками, отделениями церкви местные жители воспользовались оригинальным образом, поделив их между четырьмя аулами: в 1-м справляли праздник Яулинцы, во 2-м – Акальцы, в 3-м – Хамхинцы, в 4-м – Таргинцы. Во время торжества жители каждого из этих аулов варили пиво в своем отделении, резали баранов и быков» (Миллер 1888а: 17-18). Тенденция к дифференциации внутреннего пространства здания, получившая своё выражение в постепенном усложнении плана, имела место и в семидворском храме.

применялся исключительно подручный кладочный материал – в основном брался обычный плитчатый камень разной величины. Известны случаи возведения таких стен из совершенно непригодного для этого округлого бута инкерманского известняка и даже блоков сырцового кирпича (Баранов 1990: 48-55, 65, 137). Имеются многочисленные примеры и классического галечного варианта кладки. Наиболее показательный пример представлен остатками «салтово-маячной постройки», которые были обнаружены И.А. Барановым во время раскопок 1989 г. на берегу моря в 200 м к востоку от поймы р. Ворон близ с. Морское (Капсихор) (Судакский район, Крым). Отметим, что в слое углей и гари под кладкой среди керамических изделий второй половины IX–X в. найден «железный равноконечный кованый крест с горизонтальным крючком для крепления к деревянному основанию» (Баранов 1989: л. 22-23).

Подводя итоги изучению архитектурно-конструктивных особенностей и строительной истории двухапсидного храма в урочище Еди-Евлер, автор настоящей главы полагает, что формирование объёмно-планировочной структуры данной церкви было поэтапным и происходило следующим образом.

В своём первоначальном виде храм представляет собой почти обычное для региона православное культовое строение с отдельными характерными признаками (несколько входов в наос, убранство интерьера, сохранение архаичных ритуалов), соотносимыми с традициями северокавказской церковной архитектуры⁶. Этнический состав общины, в определённой мере, позднее мог повлиять и на реконструкцию здания, превратившую его в двухапсидное сооружение (рис. 1.68-1.69). Однако, поскольку устройство се-

верного входа в раннем храме обуславливалось требованиями литургии и бесспорно предполагало возведение впоследствии специального помещения для жертвенника, изменения архитектоники во втором строительном периоде, вероятнее всего, были предусмотрены изначально⁷. Последовавшее затем, при восстановлении полностью разрушенного здания, упразднение северной пристройки и закладка прохода между компартиментами превратили прежнее сооружение в храм традиционного типа, который имел прямоугольный в плане наос с нартексом и одной полукруглой апсидой. К особенностям окончательного вида строения стоит отнести наличие двух входов, западного и южного, и существование деревянного навеса с черепичной кровлей у южной стены.

⁶ См.: Пищулина 2007б. Отметим, что этим традициям могли сопутствовать некоторые местные обычаи. Ситуация, близкая к зафиксированной в семидворском храме, известна и в одной из церквей в Ингушетии на левом берегу р. Ассы у с. Таргим, где раскопки выявили предметы вооружения и быта и останки жертвенных животных. Очевидно, христианский храм начала XIII в. был со временем приспособлен вайнахами для отправления языческих обрядов. В XVII–XVIII вв. он уже функционировал исключительно как объект языческого культа (Мужухоев 1980: 181, 183). Автор считает возможным поставить вопрос об уровне христианизации местного населения, проживавшего в урочище Еди-Евлер. Так, представляется, что до обновления здания в третьем строительном периоде семидворский храм некоторое время пребывал в запущенном состоянии, на что вроде бы указывают характерные отложения культурного слоя, образовавшиеся в результате ветхости постройки и протекания кровли. Однако, как было отмечено выше, византийские постройки постоянно сопровождали проблемы с протечкой крыш, и это наблюдение не свидетельствует однозначно в поддержку высказанной гипотезы. Вообще же, недостатки приобщения обитателей Крыма к христианству вполне могли иметь место, на что указывали в конце VIII – начале IX в. константинопольский монах Епифаний и, чуть позже, в середине IX в. св. равноап. Кирилл-Константин (Васильевский 1909: 268; Житие Константина 1981: 85-86, 122-123). Со смешением византийских обрядов с племенными обычаями, очевидно, пришлось столкнуться и иеромонаху Матфею во время его путешествия по Крыму на рубеже XIV–XV вв. (Байер 2001: 287), а также о. Ламберти при посещении Мингрелии в XVII в. (Ламберти 1877: 200-208) (об этом подробнее см. ниже в главе 14 «Литургические особенности храма»).

⁷ Вероятнее всего, двучастность церкви была обусловлена особенностями ранневизантийской церемонии входа верующих в храм и приношения ими даров для Евхаристии (об этом см.: Сорочан 2005а: 340), которые, с учётом провинциального характера крымских территорий, на удалённых от городских центров местах вполне могли проявляться в течение длительного времени, гораздо позже VIII в. Аналогичный процесс наблюдается и в древнерусской литургии XI–XII вв., когда сознательное участие мирян в чине проскомидии сопровождалось свободным доступом в жертвенник. Пример церкви св. ап. Иоанна Богослова в Луцке показывает, что общинные традиции эпохи Крещения Руси могли ещё долго существовать в литургической практике, по крайней мере, они отмечены в начале XIII – конце XIV в. (Мусин 2004б: 147-148; см. также главу 14 «Литургические особенности храма»).

СТРАТИГРАФИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРНЫХ ОТЛОЖЕНИЙ

Археологические исследования двухлещидного храма в урочище Еди-Евлер позволили изучить различные по происхождению отложения, попавшие в границы раскопа, и охарактеризовать специфику их формирования.

Раскопками вскрыто два горизонта культурных напластований, насыщенных результатами антропогенной деятельности двух отдалённых одна от другой эпох. Верхний горизонт (I) связан со строительством, функционированием и разрушением средневекового храма, а также использованием его руин. Нижний (II) – содержит остатки ям и конструкций, датированных эпохой поздней бронзы.

В целом выделено 44 культурных слоя, в том числе 37 – средневековых, включая заполнение различных углублений, и 7 – эпохи бронзы, а также 4 археологически стерильных седимента (рис. 2.1; 2.2; 2.65; 2.69; 2.77). Их структура и состав не однородны на разных участках памятника, в особенности внутри северного и южного компартиментов церкви, в заполнении могилы, в различных углублениях и пр. Такие группы отложений рассматриваются отдельно, в связи с каждым конкретным объектом. Материковые отложения (глины и скальные породы таврической серии) на всей площади исследованного участка образуют достаточно ровную поверхность, незначительно понижающуюся к югу, юго-западу и западу. Возможно, площадка перед началом строительства специально выравнивалась. Материк прорезан котлованом здания храма и ямами различного назначения, в том числе и связанными с устройством погребального комплекса. Эти ямы сконцентрированы в северо-восточной и юго-восточной частях раскопа. Абрис поверхности материка и остатки архитектурных сооружений задают конфигурацию профиля залегающих на них слоев.

Горизонт I

Дёрн (рис. 2.1; 2.2: *слой № 1*; 2.3) – *достаточно рыхлый, тёмный, серо-коричневый грунт с мелким делювиальным пород таврической серии* (2.5Y. 3/2, very dark grayish brown)¹. Зафиксирован по всей площади раскопа, мощность – до 0,03-0,07 м. На большей части площади исследованной территории покрывал поверхность равномерно. В центральной и юго-западной части залегал между крупными камнями, образующими верхнюю часть слоя разрушения постройки. Включал в себя значительное количество фрагментов черепицы, также, вероятно, составлявших часть слоя разрушения храма, от-

дельные обломки амфор, пифосов и кухонно-столовой посуды IX – первой половины X в. (рис. 3.4; 3.6: 3; 3.38: 1, 2; 3.41: 4) и два фрагмента стеклянных сосудов (рис. 4.3: 158/1).

Слой достаточно рыхлого, тёмного, желтовато-коричневого грунта с большим количеством крупного и среднего камня (аргиллит) (10YR. 4/4, dark yellowish brown) (рис. 2.1; 2.2: *слой № 2*; 2.3: 2-4; 2.4). Представляет собой продукт разрушения кладок строения. Прослежен практически на всей площади раскопа, за исключением его периферийных частей: юго-западной, юго-восточной и северо-восточной (квв. 1-3F, 4C; квв. 2А-В, 3А-В с внешней стороны апсиды). Наибольшей мощности (до 0,4-0,5 м) достигает в районе южного компартамента. Археологический материал распределен по всему его профилю практически равномерно, включает фрагменты строительной (рис. 3.4; 3.6: 5, 8, 26; 3.7, 3.8: 31), тарной (рис. 3.31: 20; 3.34: 18; 3.36: 9, 10, 21; 3.38: 7, 14, 16, 19, 22, 27-29), кухонно-столовой (рис. 3.39: 6, 11; 3.41: 12, 15, 23, 30), керамики IX – первой половины X в. и один фрагмент белоглиняного поливного сосуда X в. (рис. 3.39; 3.42: 24). Интересны находки в нижней части отложений (восточный угол кв. 2Е) обломков дна коричневоглиняного сосуда закрытой формы группы ЮЗК (рис. 3.43: 13), а также фрагментированной поливной чаши с орнаментом сграффито и полихромной подцветкой (рис. 3.42; 3.43: 17), датирующихся соответственно XIV–XV вв. и второй половиной XIV – первой половиной XV в. Кроме того, в кв. 3Е найден бронзовый бубенчик с одной прорезью (рис. 6.2: 204), а в квв. 1D и 3С – фрагменты пластинчатых крестов из белого металла (рис. 5.6: 205, 206). В слое также обнаружены мелкие обломки известкового туфа (112 ед.) и фаунистические материалы.

В районе северо-восточной части северного компартамента (граница квв. 2В-2С) в структуре слоя зафиксирована линза коричневого рыхлого грунта с большим количеством фрагментов черепицы и отдельными мелкими камнями (рис. 2.1: *разрез 6–7*).

Слой плотно коричневого с оливковым оттенком грунта комковатой структуры (ореховато-комковатая почва) (2.5Y. 4/3, olive brown). Включает незначительное количество мелких камней и древесных углей. Почва накапливалась в различные периоды, вероятно, на тех участках памятника, которые длительное время оставались вне зоны активного посещения и использования, то есть там, где возникали стабильные условия для почвообразования. Этими обстоятельствами обусловлено как горизонтальное распространение отложений, так и характер вертикальных наслоений, образующих три разновременных горизонта (рис. 2.1; 2.2: *слои №№ 3*,

¹ Индексы и названия цветов седиментов здесь и далее приведены по: Munsell... 2000.

3а, 3б). Один горизонт зафиксирован между слоем № 2 и № 4 в квв. 2-3А, 1-3В, 3D-Е с внешней стороны апсид, мощность – до 0,10-0,15 м (рис. 2.1; 2.2: *слой № 3*).

Второй горизонт залегает под слоями №№ 2 и 4 в квв. 1В-Е, 2В-Е, 4В-С, 3С, 3F, с внешней стороны и над остатками северного компартимента (в том числе над кл. №№ 2, 3), а также над южным пилоном (кл. № 4) (рис. 2.1; 2.2: *слой № 3а*). Его мощность – до 0,08-0,12 м. Возможно, в районе северного компартимента слой частично сформировался за счет грунта, использованного в качестве связующего раствора в его кладках.

Третий горизонт находится между слоями №№ 7 и 8, в квв. 1-3F, мощность – до 0,08 м (рис. 2.1; 2.2: *слой № 3б*). Это наиболее ранние остатки почвы, которая образовалась здесь до начала строительства храма. На остальной территории эта почва, вероятно, была удалена в процессе нивелировки площадки перед началом строительных работ. Археологические находки (фрагменты черепицы, пифоса, амфор, кухонно-столовых сосудов) обнаружены только в нижней части слоя № 3. Скорее всего, они происходят из нижележащего слоя № 4.

Слой достаточно рыхлого светло-коричневого с оливковым оттенком грунта с большим количеством крупных обломков черепицы VIII–X вв., архитектурных деталей из известкового туфа, фрагментов известковой штукатурки, разрушенного известкового раствора, включением разномерного камня (2.5Y. 5/3, light olive brown) (рис. 2.1; 2.2: слой № 4; 2.6-2.14). Прослежен практически по всей площади раскопа с внешней стороны руин здания храма и частично над его северным компартиментом (рис. 2.14). Наибольшей мощности (до 0,25-0,27 м) слой достигает с внешней стороны юго-западной стены южного компартимента (квв. 2Е-F, 3Е-F). Здесь его верхняя часть сформирована более рыхлыми отложениями, насыщенными разрушенным известковым раствором и архитектурными деталями из туфа (84 ед. из них 4 целые формы) (рис. 2.9-2.11; 2.14). На некоторых архитектурных деталях сохранились остатки известковой штукатурки, иногда с остатками линейной росписи красной краской. С внешней стороны апсиды и северо-западной стены северного компартимента (квв. 1В, 1D, 2В) слой наименее мощный (до 0,05 м), выклинивается к юго-западу, в нем практически отсутствуют фрагменты известковой штукатурки (рис. 2.2: *разрез 5–13*). Над северным компартиментом на дневной поверхности, соответствующей уровню аккумуляции слоя № 4, обнаружены лишь отдельные обломки керамид (рис. 2.14). Таким образом, основной объём слоя № 4 сформирован продуктами разрушения кровли и, вероятно, стен храма, а также конструкций из мягких пород известняка, определяемого как туф.

Большая часть археологического материала в этом слое представлена крупными фрагментами черепицы (керамиды и калиптеры) VIII–X вв. (рис. 3.1; 3.2: 47; 3.4-3.8: 40, 50, 56, 68, 70; 3.10; 3.11; 3.14: 65, 66; 3.16: 54; 3.18-3.20: 52, 54, 72, 78; 3.21; 3.25: 51, 55; 3.23; 3.24: 53).

Они залегают горизонтально, образуя чётко выраженную поверхность. Компактные скопления артефактов зафиксированы с юго-востока и юго-запада от руин южного компартимента (рис. 2.6-2.8; 2.12; 2.14). Здесь также найдены обломки амфор (рис. 3.36; 3.37: 41, 44, 45, 58, 64) и других керамических сосудов (рис. 3.38-3.41: 38, 39, 42, 43, 46, 59-62, 71), в том числе реконструируемая форма кухонного горшка (рис. 3.38: 46), кремнёвые артефакты (17 ед.), фрагменты стеклянных сосудов (27 ед.) (рис. 4.3; 4.4: 160-162), изделия из металла (один металлический крест, скоба и бронзовый крюк от крепления лампы) (рис. 5.5: 210; 6.1: 207; 6.2: 208), оселок и каменное грузило (рис. 6.3; 6.4: 69, 209), фрагменты костей животных и створки морских моллюсков.

Слой рыхлого коричневого с оливковым оттенком грунта с мелким делювием материковых пород, большим количеством фрагментов известковой штукатурки, древесных угольков, створок морских моллюсков, кремнёвых чешуек, фрагментов стенок стеклянных сосудов (2.5Y. 4/3, olive brown) (рис. 2.1; 2.2: слой № 5; 2.13; 2.14). Залегает непосредственно под слоем № 4 с внешней стороны юго-восточной стены южного компартимента, в районе входа на большей части площади квв. 3-4С, D и в северо-восточной части квв. 3-4Е. Образует овальную в плане линзу, вытянутую по линии ЮЗ-СВ (рис. 2.14). Размер – около 4,20×2,20 м, мощность – до 0,15 м. Отдельные, характерные для слоя находки (кремнёвые обломки и чешуйки, мелкие фрагменты стеклянных сосудов) маркируют уровень дневной поверхности линзы в квв. 2 и 3Е, где соответствующий сколь угодно выразительный седимент не зафиксирован.

Линза довольно плотно насыщена разнообразным археологическим материалом, достигающим наибольшей концентрации в её центральной части. Крупные артефакты, а также небольшие скопления углей и створок моллюсков залегают практически горизонтально на разных уровнях, отражая различные этапы аккумуляции слоя. В числе находок из слоя № 5 – мелкие обломки керамики IX–X вв. (рис. 3.41: 73, 74), фрагменты стеклянных сосудов (339 ед.) (рис. 4.1; 4.2, 4.4: 163-197), кремнёвые артефакты (253 ед.) (рис. 6.3: 355, 387, 505, 639), изделия из чёрного и цветных металлов (железо, бронза, свинец) (рис. 5.2: 214, 218, 219, 220, 225; 6.2: 213, 215-218, 221-223), подвеска из зуба оленя (рис. 6.2: 224) и многочисленные фаунистические останки, представленные преимущественно створками морских моллюсков. Вероятно, слой № 5 образовался в результате каких-то регулярно осуществляемых действий, связанных с возжиганием огня при помощи кремня и кресала, общинной трапезой и интенсивной храмовой жизнью вообще, что и может объяснить порчу в этом месте стеклянных, и, возможно, керамических сосудов (о ритуалах, совершавшихся в церкви, см. главу 14 «Литургические особенности храма»). Слой № 5 примыкает к юго-восточной стене храма и к порогу существовавшего здесь входного проёма, относимого к третьему строительному периоду.

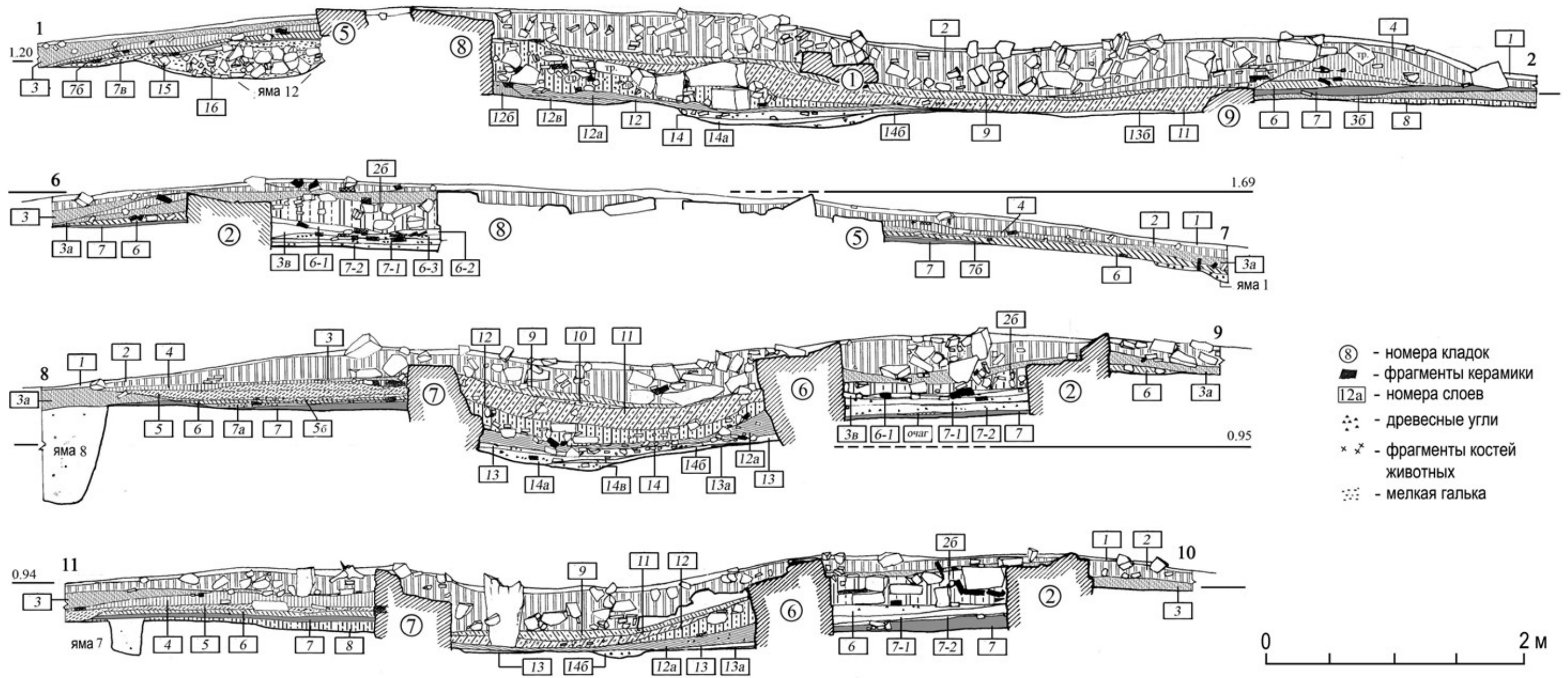

Рис. 2.1. Храм на холме Тузлук. Стратиграфические разрезы.
 Fig. 2.1. Church on the Tuzluk hill, stratigraphical sections.

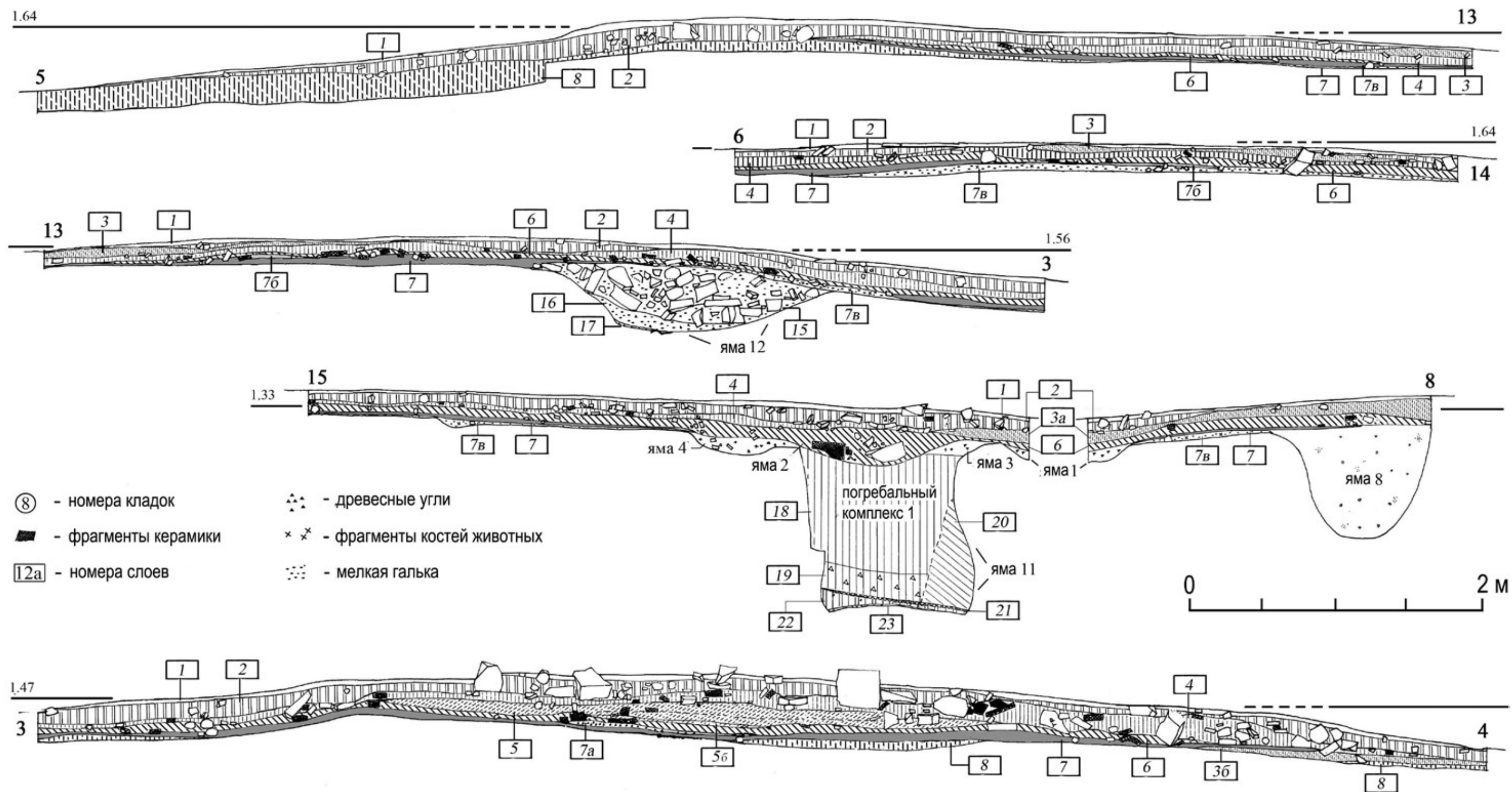

Рис. 2.2. Храм на холме Тузлук. Стратиграфические разрезы.
 Fig. 2.2. Church on the Tuzluk hill, stratigraphical sections.

Рис. 2.3. Руины храма на холме Тузлук до начала раскопок (1) и после удаления дёрна (2-4).
 Fig. 2.3. Ruins of the church on the Tuzluk hill before excavations (1) and after removing the greensward (2-4).

Слой плотного коричневого с оливковым оттенком грунта с большим количеством угольков, фрагментами костей животных и створок морских моллюсков, обломками известковой штукатурки (2.5Y. 4/3, olive brown) (рис. 2.1; 2.2: слой № 5б; 2.16). Представляет собой линзу, расположенную между слоями № 5 и № 6 у входа в храм, насыщенную продуктами горения, вероятно, остатками очага. Размер в плане – около 1,10×1,20 м, мощность – не более 0,03-0,04 м. Очаг несколько смещен к востоку от входа. Центр линзы примерно на 0,25 м отстоит от центральной оси проёма и на 0,30 м – от линии юго-восточной стены здания (кл. № 7). Археологический материал залегает горизонтально, образуя четко выраженную поверхность, включает мелкие фрагменты черепицы и красноглиняной гончарной посуды, обломки известковой штукатурки, стеклянных сосудов (3 ед.) и фаунистические останки. К югу и юго-западу от очага (напротив входа) отмечены скопления значительного количества фрагментов костей птиц и млекопитающих, створок морских моллюсков, связанных с церковными трапезами. Вероятно, этот слой представляет собой остатки первого очага, разожжённого перед

южным входом после реконструкции храма в третьем строительном периоде. Затем здесь с течением времени аккумулировался слой № 5.

Слой плотного желтовато-коричневого грунта с большим количеством крупных фрагментов черепицы VIII–X вв., мелким и средним камнем, фрагментами туфа и известковой штукатурки, обломками стенок красноглиняных сосудов, костями животных, створками морских моллюсков (10YR. 5/4, yellowish brown) (рис. 2.1; 2.2: слой № 6; 2.15; 2.16). Вскрыт практически по всей площади раскопа с внешней стороны руин церкви, за исключением периферийной юго-западной и западной части исследованного участка (квв. 1Е, 1-3F) (рис. 2.16). Средняя мощность слоя – 0,04-0,08 м, максимальная – 0,24 м (в заполнении ямы № 2) (рис. 2.2: разрез 15–8). Находки, в основном крупные обломки керамид и калиптеров, залегают горизонтально, образуя отчётливо выраженную поверхность. Компактные скопления артефактов зафиксированы в восточной и юго-восточной части исследованного участка (рис. 2.16). Кроме черепицы (керамид и калиптеров) VIII – первой половины X в., преобладающей в составе археологического материала

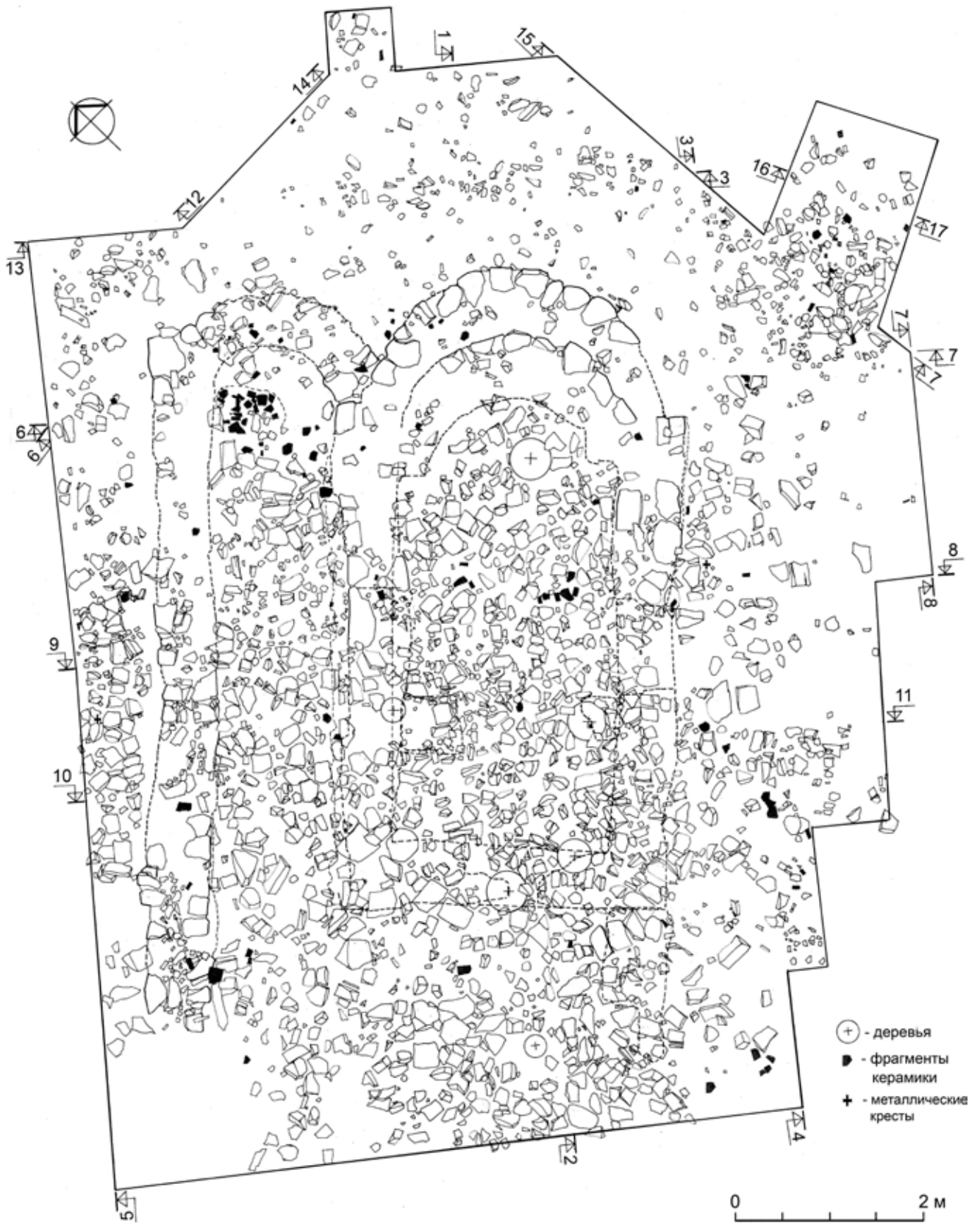

Рис. 2.4. Храм на холме Тузлук. Верхний слой разрушения (№ 2). План.

Fig. 2.4. Church on the Tuzluk hill, upper layer of destruction (no 2). Plan.

Рис. 2.5. Храм на холме Тузлук. Северная часть раскопа. Отложения под верхним слоем разрушения: в северном компартименте – слои №№ 3 и 2б; в южном компартименте – №№ 12 и 9. Вид с юго-запада.

Fig. 2.5. Church on the Tuzluk hill, northern part of the excavation. Deposits under the upper layer of destruction: layers nos 3 and 2b in the northern part of the church; layers nos 12 and 9 in the southern part of the church, view from southwest.

Рис. 2.6. Храм на холме Тузлук. Квадраты 3С и 4С. Слой № 4. Вид с северо-запада.

Fig. 2.6. Church on the Tuzluk hill, squares 3C and 4C, layer no 4, view from northwest.

Рис. 2.7. Храм на холме Тузлук. Квадрат 3F. Слой № 4. Вид с северо-запада.
Fig. 2.7. Church on the Tuzluk hill, square 3F, layer no 4, view from northwest.

Рис. 2.8. Храм на холме Тузлук. Квадрат 3В. Кладка апсиды южного компартамента (№ 5), слой № 4. Вид с северо-востока.
Fig. 2.8. Church on the Tuzluk hill, square 3B, wall masonry of the apses in the southern part of the church (no 5), layer no 4, view from northeast.

Рис. 2.9. Храм на холме Тузлук. Юго-западная часть раскопа (квадраты 1-2Е, 1-2F). Скопление фрагментов архитектурных деталей из известкового туфа (верхняя часть слоя № 4). Вид с юго-запада.
Fig. 2.9. Church on the Tuzluk hill, southwestern part of the excavation (squares 1-2E, 1-2F), concentration of fragments of architectural details of tufa (upper part of the layer no 4), view from southwest.

Рис. 2.10. Храм на холме Тузлук. Юго-западная часть раскопа (квадраты 1-2Е, 1-2F). Скопление фрагментов архитектурных деталей из известкового туфа (верхняя часть слоя № 4). Вид с юго-востока, сверху.
Fig. 2.10. Church on the Tuzluk hill, southwestern part of the excavation (squares 1-2E, 1-2F), concentration of fragments of architectural details of tufa (upper part of the layer no 4), view from the southeast.

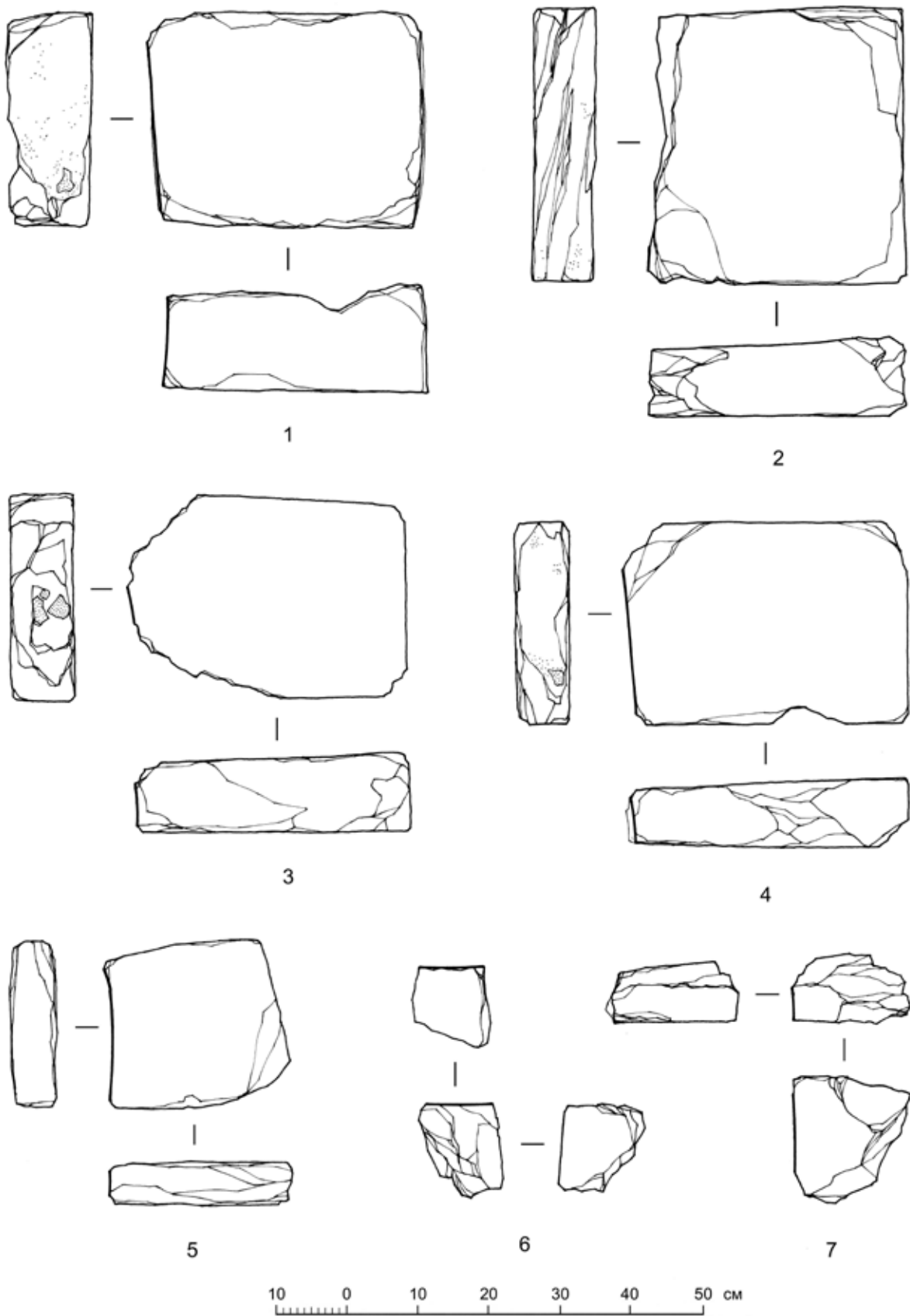

Рис. 2.11. Архитектурные детали из известкового туфа (верхняя часть слоя № 4).
 Fig. 2.11. Church on the Tuzluk hill, architectural details of tufa (upper part of the layer no 4).

Рис. 2.12. Храм на холме Тузлук. Южная часть раскопа (квадраты 3D-F), слой № 4. Вид с северо-востока.
Fig. 2.12. Church on the Tuzluk hill, southern part of the excavation (squares 3D-F), layer no 4, view from northeast.

Рис. 2.13. Храм на холме Тузлук. Разрез по линии 3-4, фрагмент. Вид с северо-запада.
Fig. 2.13. Church on the Tuzluk hill, stratigraphical section (3-4), fragment, looking southeast.

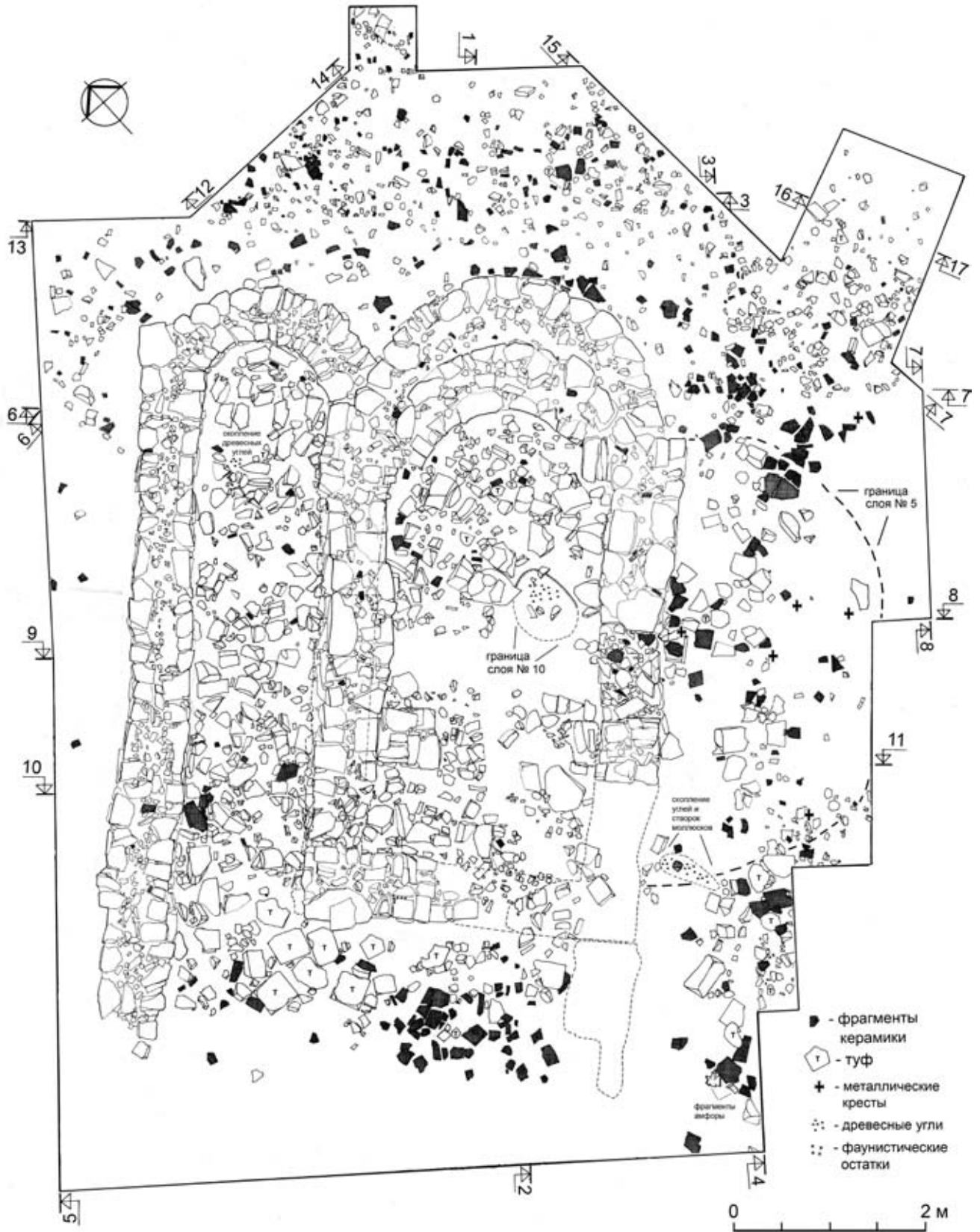

Рис. 2.14. Храм на холме Тузлук. Слои №№ 26, 4, 5, 10, 11, 12. План.
 Fig. 2.14. Church on the Tuzluk hill, layers nos 26, 4, 5, 10, 11, 12, plan.

Рис. 2.15. Храм на холме Тузлук. Юго-западная часть раскопа (квадраты 1-2Е, 1-2F). Слой № 6. Вид с северо-запада.
Fig. 2.15. Church on the Tuzluk hill, southwestern part of the excavation (squares 1-2E, 1-2F), layer no 6, view from northwest.

(рис. 3.1; 3.3: 101; 3.7, 3.8: 96; 3.12, 3.13: 88; 3.14, 3.15: 103; 3.18; 3.20: 97; 3.23-3.25: 93, 98; 3.26; 3.28: 102), в слое обнаружены обломки амфор и кухонной посуды IX–X вв. (рис. 3.34; 3.37: 90, 99, 127; 3.35: 75; 3.38: 95; 3.41; 3.42: 94), фрагменты стеклянных сосудов (11 ед.) (рис. 4.3: 198-200), двух металлических крестов (рис. 5.2: 228, 229), железного наконечника стрелы (рис. 6.1: 227), крест, вырезанный из дирхема (рис. 5.6: 226), петелька из бронзовой проволоки от пуговицы-подвески (рис. 6.2: 230), обломки архитектурных деталей из известкового туфа, фаунистические останки. Таким образом, основной объём слоя № 6, как и слоя № 4, сформирован, вероятно, продуктами разрушения кровли и других конструкций храма.

Слой плотно, тёмного, желтовато-коричневого глинистого грунта с угольками, значительным количеством фрагментов костей животных, отдельными мелкими обломками керамики (10YR. 4/4, dark yellowish brown) (рис. 2.1; 2.2: слой № 7). Прослежен практически на всей площади раскопа, за исключением внутреннего объёма южного компартимента, а также небольших участков к северо-востоку и северу от внешнего контура апсид храма (квв. 2А-В, северная часть кв. 3В) и с внешней стороны северо-западной стены северного компартимента (квв. 1С-Е) (рис. 2.17). Мощность слоя в среднем 0,04-0,06 м. В юго-западной части северного компартимента она достигает 0,08 м, постепенно уменьшаясь к северо-востоку (рис. 2.1: разрез II-10). Здесь в составе слоя встречаются мелкие и средние камни.

Археологический материал равномерно распределён по всему профилю отложений, включает незначительное количество мелких фрагментов керамики (черепи-

цы, амфор, кухонно-столовой посуды) IX–X вв. (рис. 3.35: 122; 3.38: 123), обломков стенок стеклянных сосудов (7 ед.), кремнёвую чешуйку и отщеп, фаунистические останки.

В верхней части слоя зафиксированы три линзы, насыщенные продуктами горения (открытые очаги) (рис. 2.2: слой № 7а; 2.17: очаги 1-3; 2.52; 2.53) и отдельные скопления крупных фрагментов красноглиняных амфор и кухонно-столовых сосудов, сопровождаемые угольками, фрагментами костей животных и створок морских моллюсков (рис. 2.1; 2.2: слой № 7б; 2.17; рис. 3.34: 18; 3.35; 3.37: 76, 80, 81, 83, 85, 91, 92, 126, 128, 258; 3.38: 86, 87). Они залегают горизонтально, образуя выраженную поверхность, в соответствии с рельефом слоя № 7. Скопления обломков амфор отмечены только с внешней стороны апсид (квв. 1-4В), а также над остатками очага № 1 (рис. 2.17). Очажные линзы располагались в районе входов (об этом см. ниже) как снаружи храма, так и внутри северного компартимента.

Очаг № 1 – зафиксирован с внешней стороны юго-восточной стены храма (кл. № 7), немного смещён к востоку от входа (рис. 2.2: слой № 7а; 2.17: очаг № 1). В плане овальный, вытянут по линии СЗ-ЮВ, размер – около 1,12×0,70 м, мощность – не более 0,03-0,04 м. Его центр примерно на 0,80 м отстоит от центральной оси проёма и на 1,15 м от юго-восточной стены здания (кл. № 7). В заполнении очажной линзы отмечено значительное количество фрагментов костей птиц и млекопитающих и створок морских моллюсков.

Очаг № 2 – находился напротив юго-западного входа в северный компартимент, примерно в 0,30 м снаружи от него. В плане овальный, вытянут по линии СВ-ЮЗ,

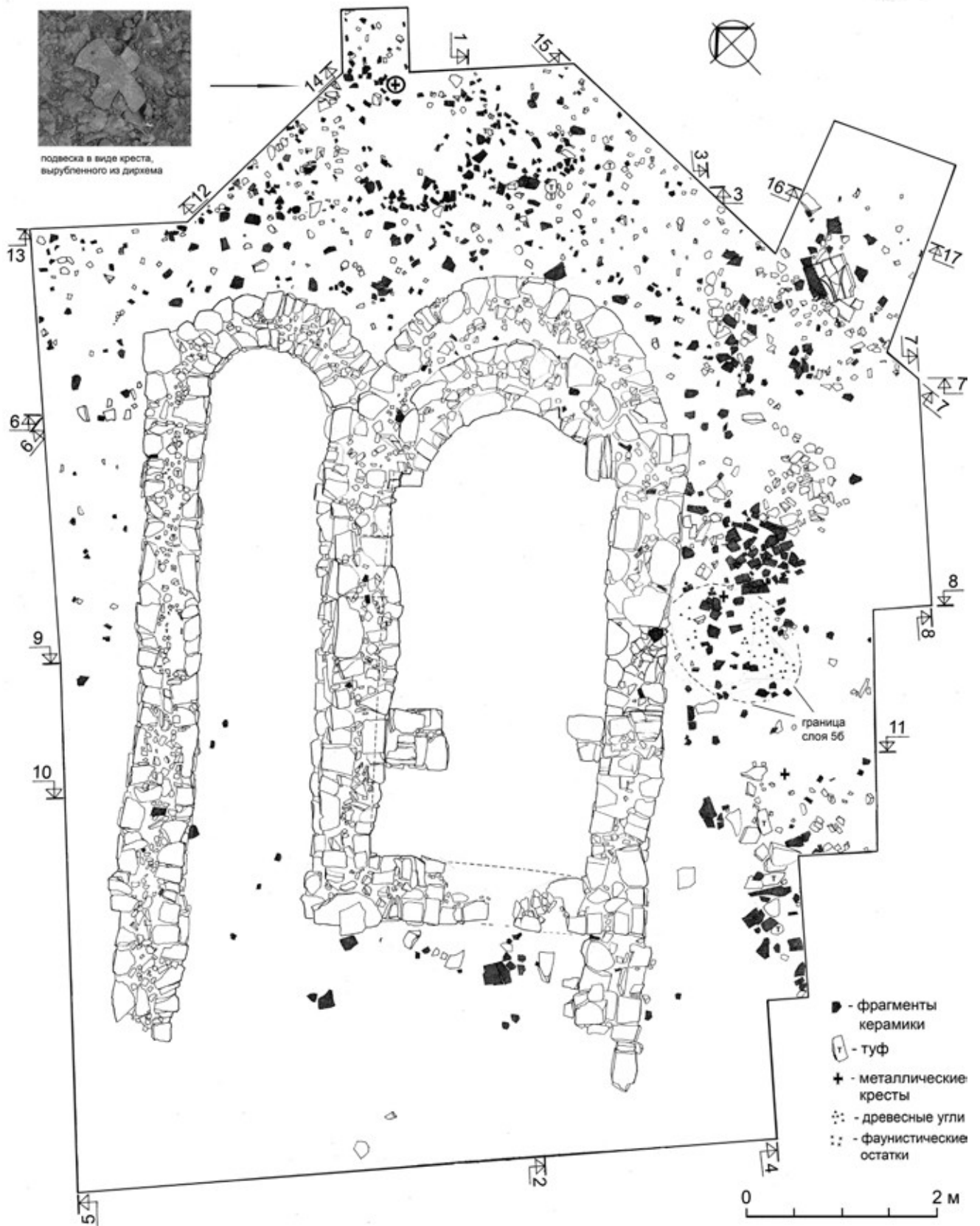

Рис. 2.16. Храм на холме Тузлук. Слой № 6 и 56. План.
 Fig. 2.16. Church on the Tuzluk hill, layers nos 6 and 56, plan.

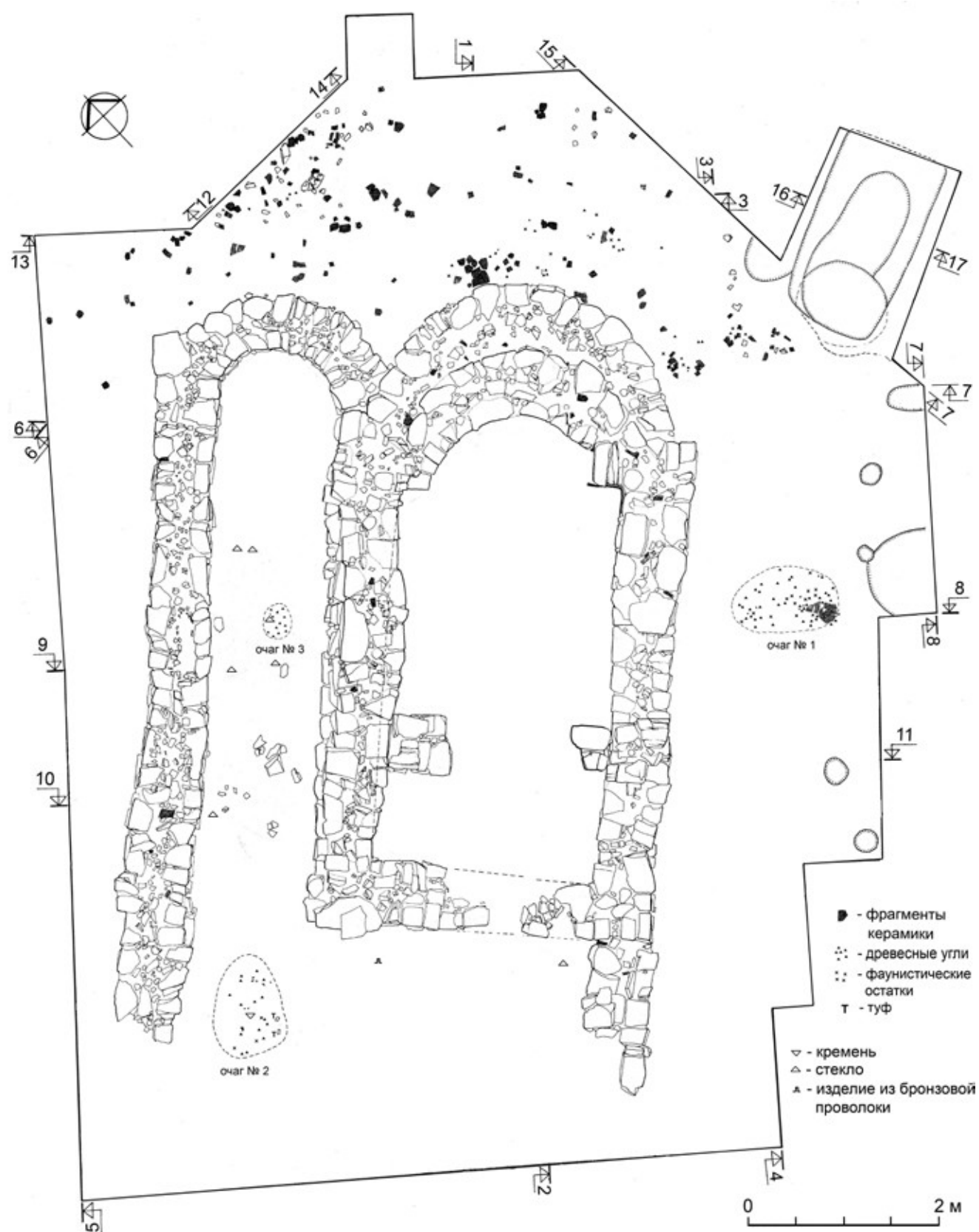

Рис. 2.17. Храм на холме Тузлук. Слой № 7б и 7, очаги, ямы. План.
 Fig. 2.17. Church on the Tuzluk hill, layers nos 7b and 7, hearths and pits, plan.

Рис. 2.18. Храм на холме Тузлук. Южный компартимент.

Слой № 12, верхняя часть. Вид с юго-запада, сверху.

Fig. 2.18. Church on the Tuzluk hill, southern nave, layer no 12, upper part, view from southwest.

размер – около 1,05×0,95 м, мощность – 0,03-0,08 м (рис. 2.17: *очаг № 2*; 2.52; 2.53). Археологический материал из очага включает необожжённые фаунистические останки (кости животных, створки морских моллюсков), мелкие фрагменты туфа, один кремнёвый отщеп.

Очаг № 3 – располагался в центральной части северного компартимента, к западу от юго-восточного входа (рис. 2.1: *разрез 8–9*; 2.17: *очаг № 3*). Центр линзы отстоит примерно на 0,50 м к юго-западу от центральной оси проёма и на 0,40 м от юго-восточной стены (кл. № 6). Очажная линза в плане округлая, размер – 0,36×0,30 м, мощность – не более 0,02-0,03 м. В её заполнении найден фрагмент стенки стеклянного сосуда. Еще четыре аналогичных обломка обнаружены на поверхности слоя № 7 в 0,60 м к северу, в 0,20 и 0,50 м к западу и юго-западу от очага.

Слой № 7 примыкает к кладкам стен храма и порогу входного проёма в юго-восточной стене, соотносимого с первым строительным периодом. Он, вероятно, образовался в процессе выравнивания дневной поверхности вокруг храма и внутри северного компартимента вскоре после завершения строительства здания. На большей части площади раскопа он залегает на материке или археологически стерильных отложениях: древней погребённой почве (рис. 2.1; 2.2: *слой № 3б*) и предматериковом *плотном коричневом глинистом грунте*

с большим количеством разномерного делювия пород таврической серии (рис. 2.1; 2.2: *слой № 8*). Только в северной и северо-восточной части раскопа (кв. 1-3В, 2-3А), а также в юго-восточной части кв. 4С его подстилает культурный слой № 7в (рис. 2.1; 2.2). Кроме того, в кв. 2Е с внешней стороны юго-западной стены (кл. № 9) под слоем № 7 отмечена *линза плотного коричневого глинистого грунта с отдельными фрагментами костей животных*. Отложения, сформировавшие линзу, очень похожи на грязевой раствор, скрепляющий камни кладок первого строительного периода. Размер линзы в плане – около 0,50×0,30 м, мощность – до 0,05 м.

Слой № 7 прорезан ямами №№ 1-7 и 9.

Слой плотного коричневого грунта со значительным количеством мелкой морской гальки, мелким камнем, фрагментами костей животных (10YR. 4/4, dark yellowish brown) (рис. 1.1; 2.1, 2.2: *слой № 7в*). Наибольшей мощности (до 0,07 м) слой достигает к северу и северо-востоку от южной апсиды. Здесь в его структуре отмечено также значительное количество мелкого и среднего камня. Слой № 7в залегает на поверхности материка, между выступами материковой скалы, а также над остатками каменной насыпи культового комплекса эпохи поздней бронзы, в заполнении которого также отмечено большое количество мелкой морской гальки² (рис. 2.1: *разрез 1–2*). Распространение гальки на значительной площади за пределами комплекса, а также скопление камня к северо-западу от него могло быть следствием нивелировки площадки перед началом строительства храма, в результате которой была частично разрушена и перемещена со своего первоначального положения верхняя часть каменной насыпи. Мелкие фрагменты средневековой керамики, обнаруженные в слое № 7в, в кв. 1 и 3В, свидетельствуют в пользу такого предположения. Возможно, также, что скопление камня – это остатки строительного материала, запасы которого могли располагаться к северу и северо-западу от возводимой церкви³.

С дневной поверхности слоя № 7в впущена яма № 8.

ЮЖНЫЙ КОМПАРИМЕНТ

Внутри южного компартимента под верхним слоем разрушения (№ 2) исследовано 13 седиментов, содержащих остатки антропогенной деятельности.

Слой рыхлого, светло-коричневого с оливковым оттенком грунта с незначительным количеством известковой штукатурки, угольков, фрагментов керамики (2.5Y. 5/3, light olive brown) (рис. 2.1: *слой № 9*). Зафиксирован по всей площади южного компартимента под слоем № 2, в северо-восточной части помещения залегает практически горизонтально. Здесь его мощность достигает 0,12 м. К юго-западу уровень отложений по-

² Детальную характеристику комплекса см. ниже.

³ Подобное расположение строительных материалов отмечено при исследовании храмов XIV–XV вв. на г. Аю-Даг и в с. Малый Маяк. В обоих случаях к северу или северо-западу от культовых строений находились ямы для приготовления известкового раствора (Лысенко, Тесленко 2002б: 62, рис. 2; Тесленко, Лысенко 2004б: 280, рис. 3).

Рис. 2.19. Храм на холме Тузлук. Южный компартимент, апсида. Слой № 12, нижняя часть: скопление фрагментов известкового туфа, черепицы, известковой штукатурки, днище кувшина (№ 135). Вид с юго-запада.

Fig. 2.19. Church on the Tuzluk hill, southern apse, layer no 12, low part: concentration of fragments of tufa, tiles, mortar, bottom of jug (no 135), view from southwest.

Рис. 2.20. Храм на холме Тузлук. Южный компартимент, апсида. Слой № 12, нижняя часть: скопление фрагментов известкового туфа, черепицы, известковой штукатурки, днище высокогорлого кувшина (№ 135). Вид с северо-востока.

Fig. 2.20. Church on the Tuzluk hill, southern apse, layer no 12, low part: concentration of fragments of tufa, tiles, mortar, bottom of jug (no 135), view from northeast.

Рис. 2.21. Храм на холме Тузлук. Южный компартимент, южное заплечико. Слой № 12, скопление крупных фрагментов керамид, стенок пифосов, плоских плиток из аргиллита и известкового туфа. Вид с юго-запада.

Fig. 2.21. Church on the Tuzluk hill, southern apse, southern part of the apse, layer no 12, concentration of big fragments of roof tiles, fragmented pithoi, flat slabs of mudstone and tufa, view from southwest.

нижается (угол падения около 10°), мощность не превышает 0,04-0,06 м. В слой № 9 впущен нижний ряд камней кладки № 1. Археологический материал равномерно распределен по всему профилю, представлен фрагментами красноглиняной черепицы VIII–X вв. и гончарных сосудов IX–X вв. (рис. 3.41; 3.42: 131), обломком венчика поливной чаши второй половины XIV–XV вв. (рис. 3.42; 3.43: 130), фаунистическими находками. Отчётливых горизонтальных и/или вертикальных скоплений находок не зафиксировано.

Слой плотного коричневого грунта с большим количеством фрагментов штукатурки, обломков туфа и нуммулитового известняка, мелких и средних камней, фрагментами костей животных, створками морских моллюсков, угольками (2.5Y. 6/4, light yellowish brown) (рис. 2.1: слой № 11). Выявлен практически на всей площади южного компартимента, за исключением апсиды, в кв. 3Е частично перекрывает остатки кладки юго-западной стены храма (кл. № 9). Уровень слоя незначительно понижается к юго-западу (угол падения не более 10°), мощность – 0,08-0,22 м. Археологические находки распределены равномерно, не образуют отчётливых скоплений. Они представлены обломками красноглиняной черепицы VIII–X вв., разнообразных керамических сосудов IX–X вв. (рис. 3.41; 3.42: 132, 133), фрагментами изделий из стекла (5 ед.) и металла (железное кольцо [рис. 6.1: 232], свинцовая полоса [рис. 6.2: 231]), кремнёвыми артефактами, обломками архитектурных деталей из мягких пород известняка, фаунистическими останками. В слое № 11 в значительном количестве присутствуют продукты разрушения стен

Рис. 2.22. Храм на холме Тузлук. Южный компартимент, южное заплечико. Слой № 12, скопление крупных фрагментов керамид, стенок пифосов, плоских плиток из аргиллита и известкового туфа. Вид с северо-запада, сверху.

Fig. 2.22. Church on the Tuzluk hill, southern apse, southern part of the apse, layer no 12, concentration of big fragments of roof tiles, fragmented pithoi, flat slabs of mudstone and tufa, view from northwest.

и других конструкций храма: камни мелкой и средней фракции, мелкие фрагменты изделий из мягких пород известняка, крупные фрагменты известковой штукатурки. Создаётся впечатление, что крупный строительный камень и архитектурные детали из этого слоя преднамеренно выбраны.

Между слоями №№ 9 и 11 зафиксирована линза рыхлого оливково-коричневого грунта с большим количеством древесных углей, костями животных, створками морских моллюсков (2.5Y. 5/4, light olive brown) (рис. 2.1: слой № 10). Линза округлой в плане формы (размер – 0,65×0,74 м, мощность – до 0,04-0,05 м) расположена в центральной части компартимента, на границе квв. 3С-3Д, вероятно, представляет собой остатки очага. Находки залегают практически горизонтально. Кроме многочисленного фаунистического материала (фрагменты костей животных и створки морских моллюсков) здесь обнаружены мелкие фрагменты красноглиняной черепицы, известковой штукатурки и туфа.

Слой плотного коричневого грунта с большим количеством разномерного камня, обломков архитектурных деталей из известкового туфа и черепицы (2.5Y. 6/4, light yellowish brown) (рис. 2.1: слой № 12; 2.18-2.23). Наибольшей мощности (до 0,35-0,40 м) слой достигает в северо-восточной части южного компартимента и практически полностью выклинивается к центру. Основной объём этих напластований образован продуктами разрушения стен (камни разной величины, наиболее крупные экземпляры – до 0,45×0,20×0,12 м) и перекрытия храма (обломки известкового туфа и черепицы VIII–X вв.). Кроме того, в слое обнаружены фрагменты кера-

Рис. 2.23. Храм на холме Тузлук. Южный компартимент. Слой № 12, нижняя часть. План находок.
Fig. 2.23. Church on the Tuzluk hill, southern part of the church, layer no 12, low part, plan of the distribution of finds.

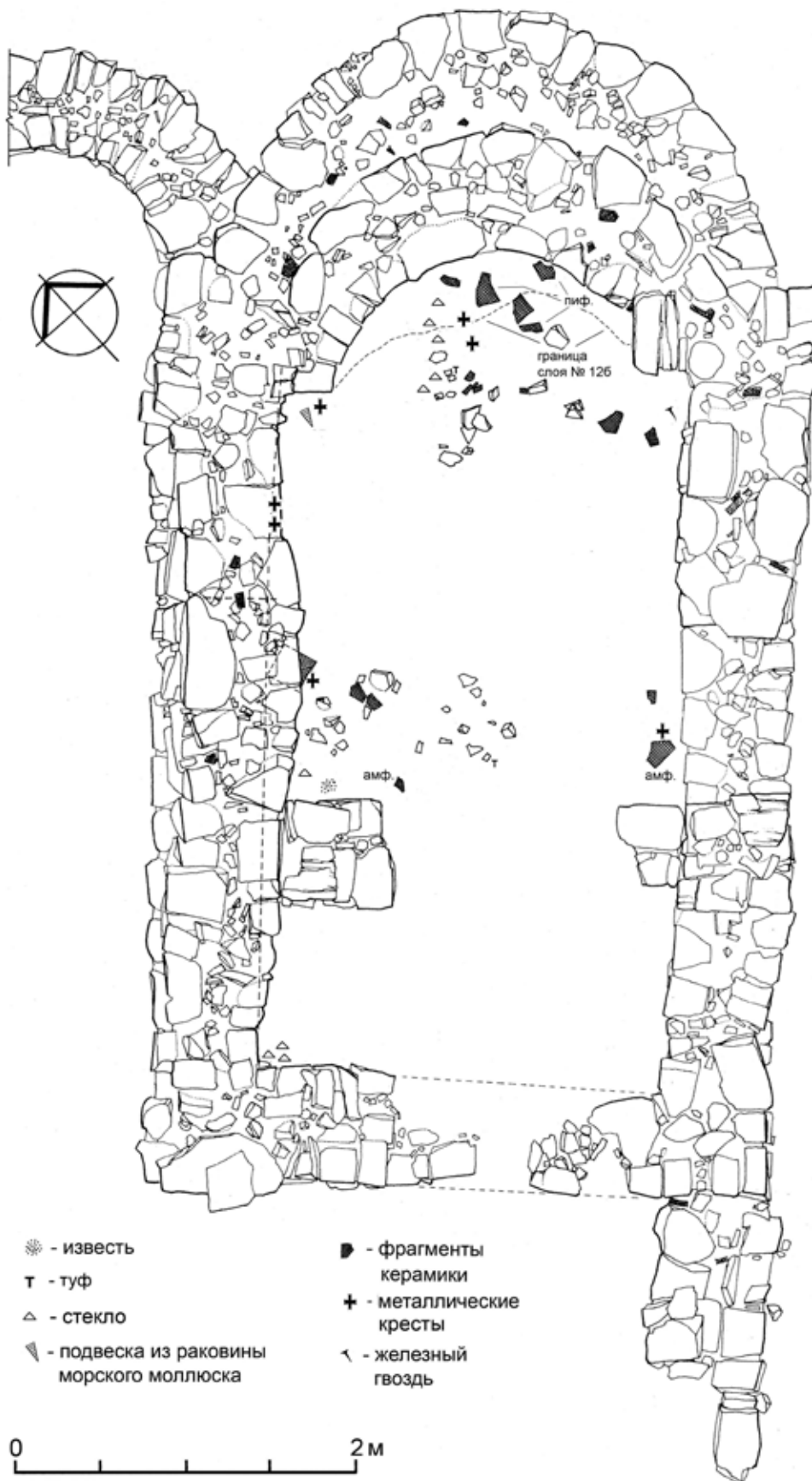

Рис. 2.24. Храм на холме Тузлук. Южный компартимент. Слои №№ 12а, 126. План находок.
 Fig. 2.24. Church on the Tuzluk hill, southern part of the church, layers nos 12a, 126, plan of the distribution of finds.

Рис. 2.25. Храм на холме Тузлук. Южный компартимент. Порог северного входа. Слой № 12а. Фрагменты железных крестов (№№ 237, 238). Вид с юго-востока.

Fig. 2.25. Church on the Tuzluk hill, southern part of the church, doorstep of the northern entrance, layer no 12a, fragments of iron crosses (nos 237, 238), view from southeast.

мической тары и кухонно-столовой посуды IX–X вв. (рис. 3.41: 157), отдельные обломки стенок стеклянных сосудов (5 ед.) и железного стержня (рис. 6.1: 233), фаунистические останки, древесные угольки. Большинство находок залегало горизонтально, было сконцентрировано в нижней части слоя № 12 в квв. 2-3С. У южного заплечика апсиды в кв. 3С зафиксировано компактное скопление крупных фрагментов керамид, стенок пифосов, плоских плиток из аргиллита и туфа. Обломки располагались на площади около 0,40×0,30 м, горизонтально один над другим, в 3 ряда (мощность – около 0,20 м) (рис. 2.21; 2.22). Среди них найден фрагментированный стеклянный сосуд (рис. 4.3: 201)⁴ и металлический крест (рис. 5.4: 244). Сосредоточение значительного количества обломков архитектурных деталей из известкового туфа, крупных фрагментов черепицы и известковой штукатурки отмечено также в центральной части апсидного полукружия (рис. 2.19; 2.20; 2.23), здесь же найдена донная часть высокогорлого кувшина (рис. 3.34; 3.37: 135), большие фрагменты днища и стенки пифоса (рис. 3.31: 134). Возможно, эти скопления представляют собой остатки каких-то конструкций церкви и алтарной преграды, в связи с которыми располагались вышеупомянутые предметы. Форму и параметры конструкций

Рис. 2.26. Храм на холме Тузлук. Южный компартимент. Порог северного входа. Слой № 12а. Фрагменты железных крестов (№№ 237, 238). Вид с юго-востока, сверху.

Fig. 2.26. Church on the Tuzluk hill, southern part of the church, doorstep of the northern entrance, layer no 12a, fragments of iron crosses (nos 237, 238), view from east.

⁴ Два обломка этого же сосуда найдены в слое № 14 и 14г, кв. 3С.

Рис. 2.27. Храм на холме Тузлук. Южный компартимент. Слои №№ 12б, 12в, 13, 14, 13б. Общий вид с юго-запада.
Fig. 2.27. Church on the Tuzluk hill, southern nave, layers nos 12b, 12v, 13, 14, 13b, view from southwest.

установить затруднительно.

Слой достаточно плотного оливково-коричневого, глинистого грунта с большим количеством фрагментов известковой штукатурки, мелкими камнями, угольками, обломками черепицы, отдельными фрагментами красноглиняных сосудов, незначительным количеством костей животных (2.5У. 5/4, light olive brown) (рис. 2.1: слой № 12а; 2.24). Обнаружен непосредственно под слоем № 12 на большей части площади южного компартимента, примыкает к его стенам (за исключением кладки апсиды, от которой граница слоя отстоит на 0,05-0,25 м), перекрывает проёмы в северо-западной и юго-восточной стене. В первом случае – подстилает заклад проёма (рис. 2.25; 2.26), во втором – служит основанием вымостки входа третьего строительного периода (рис. 1.56: II). Кроме того, на слой № 12а поставлены кладки массивной каменной перегородки, разделившей в третьем строительном периоде пространство основного объёма компартимента на два смежных помещения – нартекс и наос (рис. 1.3: VIII, IX; 1.49; 1.50).

Наибольшей мощности (до 0,15-0,20 м) седимент достигает у северо-западной и юго-восточной стен. По направлению к центральной оси строения он становится тоньше или полностью выклинивается (местами угол падения поверхности – около 10-15°). В структуре слоя встречаются комки глины оливкового цвета (5У. 5/4, olive), аналогичной той, которой выравнивались пустоты и швы каменной кладки перед нанесением известковой штукатурки. На стенах храма под слоем № 12а вскрыты участки известковой штукатурки, сохранившиеся *in situ* (рис. 1.26-1.35).

Основной археологический материал – фрагменты керамической кровли, тарных и кухонно-столовых сосудов IX–X вв. (рис. 3.26; 3.27: 137; 3.31: 138; 3.35: 139; 3.39: 136; 3.41: 140, 141), мелкие обломки туфа и фрагменты известковой штукатурки, угли, фаунистические находки – распределен по слою равномерно. Крупные обломки керамических изделий и отдельные индивидуальные находки (обломки стеклянных сосудов [8 ед.] [рис. 4.3: 202], кремнёвая чешуйка, раковина морского

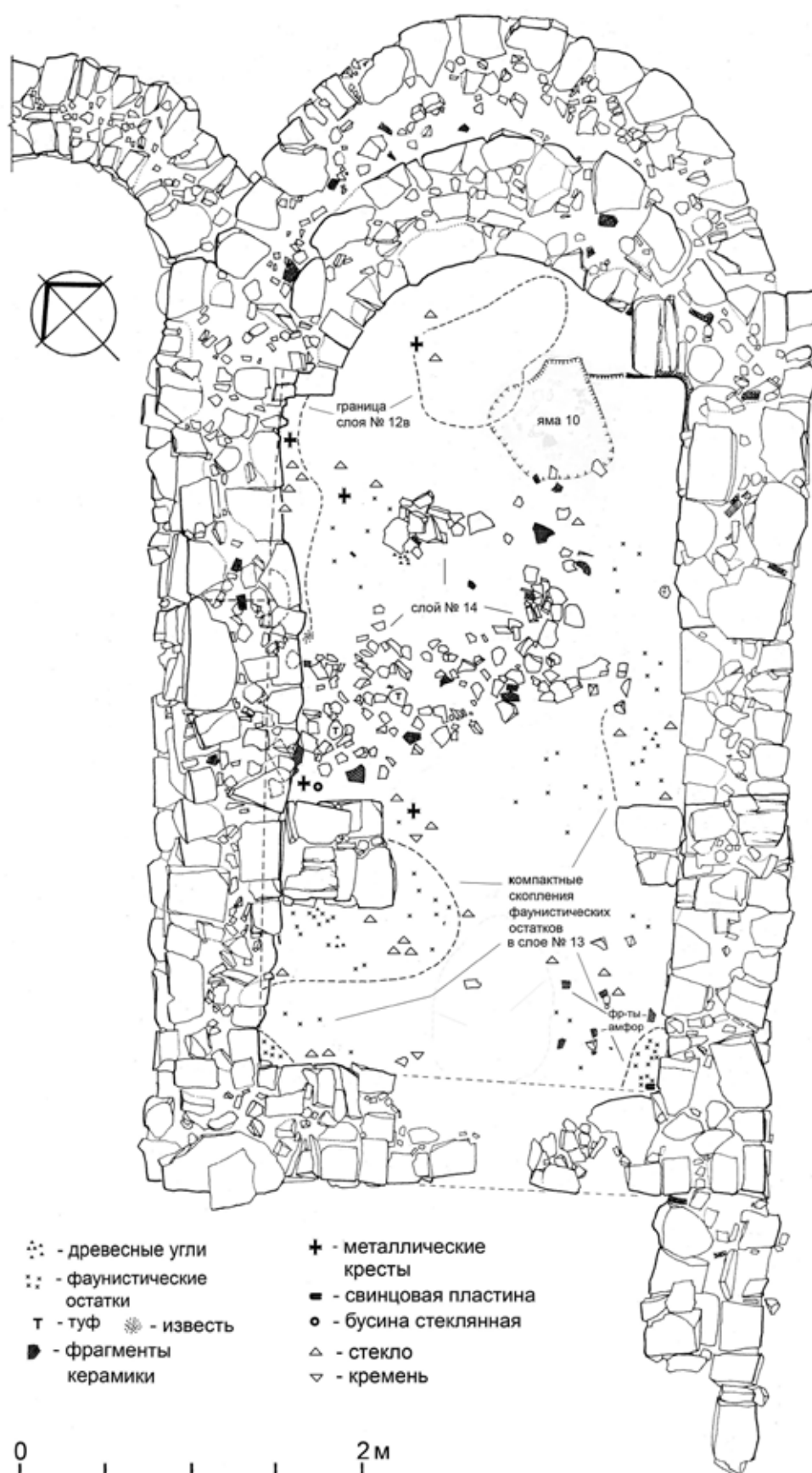

Рис. 2.28. Храм на холме Тузлук. Южный компартимент. Слои №№ 12в, 13, 14. План находок.

Fig. 2.28. Church on the Tuzluk hill, southern part of the church, layers nos 12в, 13, 14, plan of the distribution of finds.

Рис. 2.29. Храм на холме Тузлук. Южный компартимент.
Квадраты 2С-D, 3С-D. Слои №№ 13 и 14.
Вид с северо-запада.

Fig. 2.29. Church on the Tuzluk hill, southern part of the church,
squares 2C-D, 3C-D, layers nos 13 and 14,
view from northwest.

Рис. 2.31. Храм на холме Тузлук. Южный компартимент.
Квадрат 3D. Слои № 13, скопление фаунистических останков.
Вид с северо-запада.

Fig. 2.31. Church on the Tuzluk hill, southern part of the church,
layer no 13, concentration of animal bones remains, view from
northwest.

Рис. 2.30. Храм на холме Тузлук. Южный компартимент.
Квадрат 3D. Слои № 13, скопление фаунистических останков.
Вид с северо-запада.

Fig. 2.30. Church on the Tuzluk hill, southern part of the church,
square 3D, layer no 13, concentration of animal bones remains,
view from northwest.

брюхоногого моллюска вида якорек *Cerithium vulgatum* с отверстием для подвешивания [рис. 6.2: 236], железная пластина и гвозди [рис. 6.1: 235, 240, 252], целые и фрагментированный металлические кресты [рис. 5.2: 239; 5.3: 238; 5.4: 237, 241; 5.6: 234]) залегают в соответствии с углом падения слоя, образуя чётко выраженную поверхность. Интересно отметить, что два креста располагались на пороге прохода из одного компартиента в другой в северо-западной стене, заложенного в третьем строительном периоде, один – в районе входного проёма с противоположной стороны (рис. 2.24-2.26; 2.40; 5.1: 211; 5.3: 238; 5.4: 237). В самом проёме в слое № 12а найден рог 4-5 месячного барана. В апсидной

Рис. 2.32. Храм на холме Тузлук. Южный компартимент.
Яма № 10, верхняя часть заполнения. Вид с юго-запада.

Fig. 2.32. Church on the Tuzluk hill, southern part of the church,
pit no 10, upper part, view from southwest.

части зафиксирован крупный обломок днища и стенки пифоса (рис. 2.24; 2.3: 138). Вероятно, все эти предметы помещены таким образом преднамеренно.

Слой № 12а образовался после первого разрушения храма и расчистки внутреннего пространства южного компартиента, скорее всего, он связан с завершающим

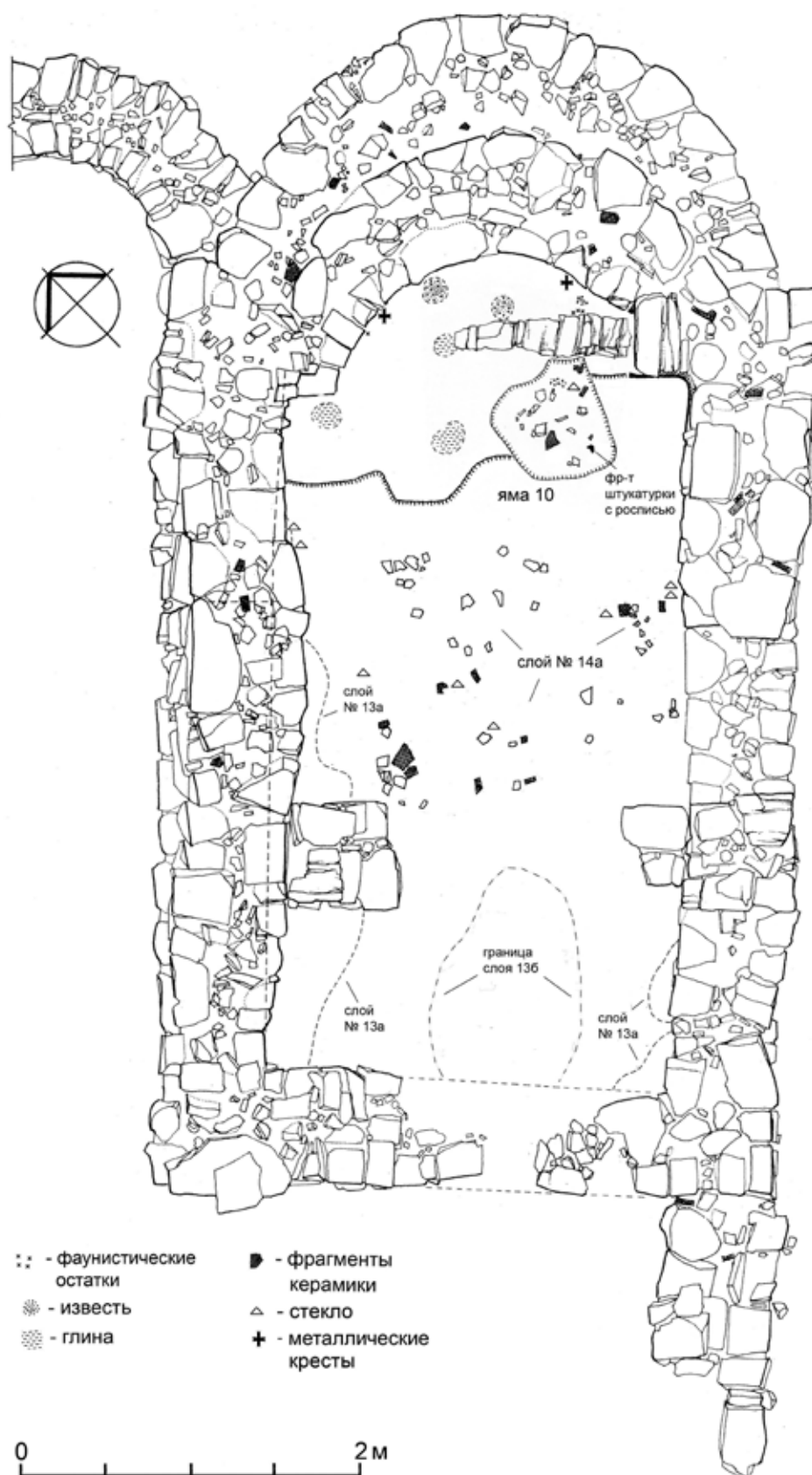

Рис. 2.33. Храм на холме Тузлух. Южный компартимент. Слой №№ 13а, 136, 14а, 146, яма № 10. План находок. Линзы извести и тонкодисперсной глины оливкового цвета в алтарной части. План.

Fig. 2.33. Church on the Tuzluk hill, southern part of the church, layers nos 13a, 136, 14a, 146, pit no 10, lenses of mortar and fine olive clay in the altar area, plan of the distribution of finds.

Рис. 2.34. Храм на холме Тузлук. Южный компартимент, апсида.
Линзы извести на поверхности материка под слоями №№ 12а-в.

Fig. 2.34. Church on the Tuzluk hill, southern apse, lenses of mortar on the surface of natural under layers nos 12a-b.

этапом реконструкции здания в третьем строительном периоде и последующим использованием его внутреннего пространства. Этот слой формирует дневную поверхность указанного строительного периода. Возможно, эти отложения отчасти служили для нивелировки поверхности пола.

Под слоем № 12а зафиксировано несколько различных культурных напластований: в апсиде и у северо-восточной части кладки № 6 – слои №№ 12б и 12в, на остальной территории – №№ 13, 14; у восточного плеча (кв. 3С) – материк и частично контур ямы № 10, впущенной в материковые отложения (рис. 2.24; 2.27; 2.28).

Слой достаточно плотного, тёмного, желтовато-коричневого грунта с крупными угольками, незначительным количеством фрагментов штукатурки и керамики (10.YR. 5/4, yellowish brown) (рис. 2.1: слой № 12б; 2.24; 2.27). Располагался вдоль кладки апсидного полукружия (кл. № 8), частично перекрыт слоем № 12а. У кладки достигает наибольшей мощности (до 0,10-0,15 м), постепенно выклинивается на расстоянии до 0,25-0,30 м от неё. Археологические находки представлены мелкими фрагментами керамики IX–X вв. и известковой штукатурки. Они распределены в слое довольно равномерно, не образуя отчётливых скоплений. На дневной поверхности отложений в кв. 2С найден обломок основания металлического креста (рис. 5.4: 242).

Рис. 2.35. Храм на холме Тузлук. Южный компартимент, апсида. Поверхность под слоем № 12б. Железный крест (№ 253) и отдельные фаунистические останки (фрагменты костей птиц). Вид с юго-запада.

Fig. 2.35. Church on the Tuzluk hill, southern apse, surface beneath layer no 12b, iron cross (no 253), and birds bones remains, view from southwest.

Слой № 12б образовался в третьем строительном периоде после реконструкции алтарного полукружия южного компартиента. Возможно, он представляет собой

Рис. 2.36. Храм на холме Тузлук. Южный компартимент после завершения раскопок. Общий вид с юго-запада.
Fig. 2.36. Church on the Tuzluk hill, southern part of the church after excavations, view from southwest.

своеобразную «отмостку» вдоль нижнего ряда камней кладки апсиды.

Сам слой залегает, в основном, на материке, сформированном материковой глиной и, частично, выходом алевролитово-аргиллитовой скалы в апсиде. Под слоем № 12б в поверхность материка втоптыты отдельные фрагменты штукатурки и мелкие обломки черепицы. Кроме того, в квв. 2С и 3С в непосредственной близости от кладки апсиды под слоем № 12б на поверхности материка найдено 2 металлических креста (рис. 2.33; 2.35; 5.4: 253; 5.5: 248) и отдельные фаунистические останки, прежде всего – фрагменты костей птичьих лап (рис. 2.33-2.35).

Слой плотного оливково-коричневого (пестроцветного) грунта с большим количеством крупных обломков штукатурки и комками глины оливкового цвета (2.5.YR. 5/3, light olive brown; 5Y. 5/4, olive) (рис. 2.1: слой 12в;

2.28). Остатки слоя зафиксированы на двух участках: в апсиде (размер в плане – 0,66×1,10 м, мощность – до 0,04 м) и вдоль северо-восточной части кладки № 6 (размер в плане – 1,50×0,24 м, мощность – не более 0,04 м) (рис. 2.28). Археологический материал представлен одним мелким обломком керамики, фрагментами стеклянных сосудов (6 ед.) (рис. 4.3: 203) и небольшими обломками ветви и основания металлических крестов (рис. 5.2: 245; 5.4: 243), крупными фрагментами известковой штукатурки. Находки залегали горизонтально, образуя выраженную поверхность. Слой № 12в образовался, вероятно, в процессе обрушения известковой штукатурки и глиняной обмазки со стен храма.

Под слоями №№ 12а, 12б и 12в в южной апсиде вскрыты материковые отложения (глины и выход скальной породы таврической серии), прослежен контур ямы № 10 и подрубки материка, отделяющей апсиду от

Рис. 2.37. Храм на холме Тузлук. Северный компартимент, квадрат 2С, слой № 26, верхняя часть. Вид с юго-запада.

Fig. 2.37. Church on the Tuzluk hill, northern part of the church, square 2C, layer no 26, upper part, view from southwest.

остального объема помещения (рис. 2.33; 2.34). Здесь в поверхность материка втопнаны отдельные мелкие камни, несколько мелких фрагментов черепицы и штукатурки. Фрагментами штукатурки кое-где также были заполнены незначительные углубления в материке и

пространство между выходами скалы. Местами также зафиксированы небольшие линзы извести и тонкодисперсной глины оливкового цвета (диаметр в плане – до 0,12-0,15 м, мощность – не более 0,02 м) (рис. 2.33).

Слой плотного оливково-коричневого грунта с большим количеством мелких камней, обломками туфа и черепицы, фрагментами известковой штукатурки и крупными угольками (2.5.YR. 5/3, light olive brown) (рис. 2.1: слой № 14; 2.28; 2.29). Выявлен под слоем № 12а в центральной и северо-восточной части южного компартимента на площади около 1,50×1,80 м, примыкал к материковой подрубке. Слой № 14 заполнял небольшое понижение в полу и, вероятно, выполнял функцию нивелировочной подсыпки. Наибольшей мощности (до 0,08 см) он достигал в центре, постепенно выклинивался к краям. Археологический материал равномерно распределен по всему его профилю. Отчётливых скоплений находок не зафиксировано. В слое обнаружены фрагменты керамики (черепицы, пифоса, кухонно-столовых сосудов IX–X вв.), стенка стеклянного сосуда (рис. 4.3; 4.4: 201), мелкие обломки туфа, известковой штукатурки, фаунистические останки.

Слой плотного оливково-коричневого грунта с большим количеством костей животных, мелким делювием материковых пород, угольками, фрагментами керамики и известковой штукатурки (2.5.YR. 5/3, light olive brown) (рис. 2.1: слой № 13; 2.28; 2.30; 2.31). Залегал практически горизонтально, местами примыкал к стенам храма, по площади компартимента распределен не равномерно: наиболее ярко выражен в юго-западной ча-

Рис. 2.38. Храм на холме Тузлук. Северный компартимент, квадрат 2В, слой № 26. Вид с юго-запада.

Fig. 2.38. Church on the Tuzluk hill, northern part of the church, square 2B, layer no 26, view from southwest.

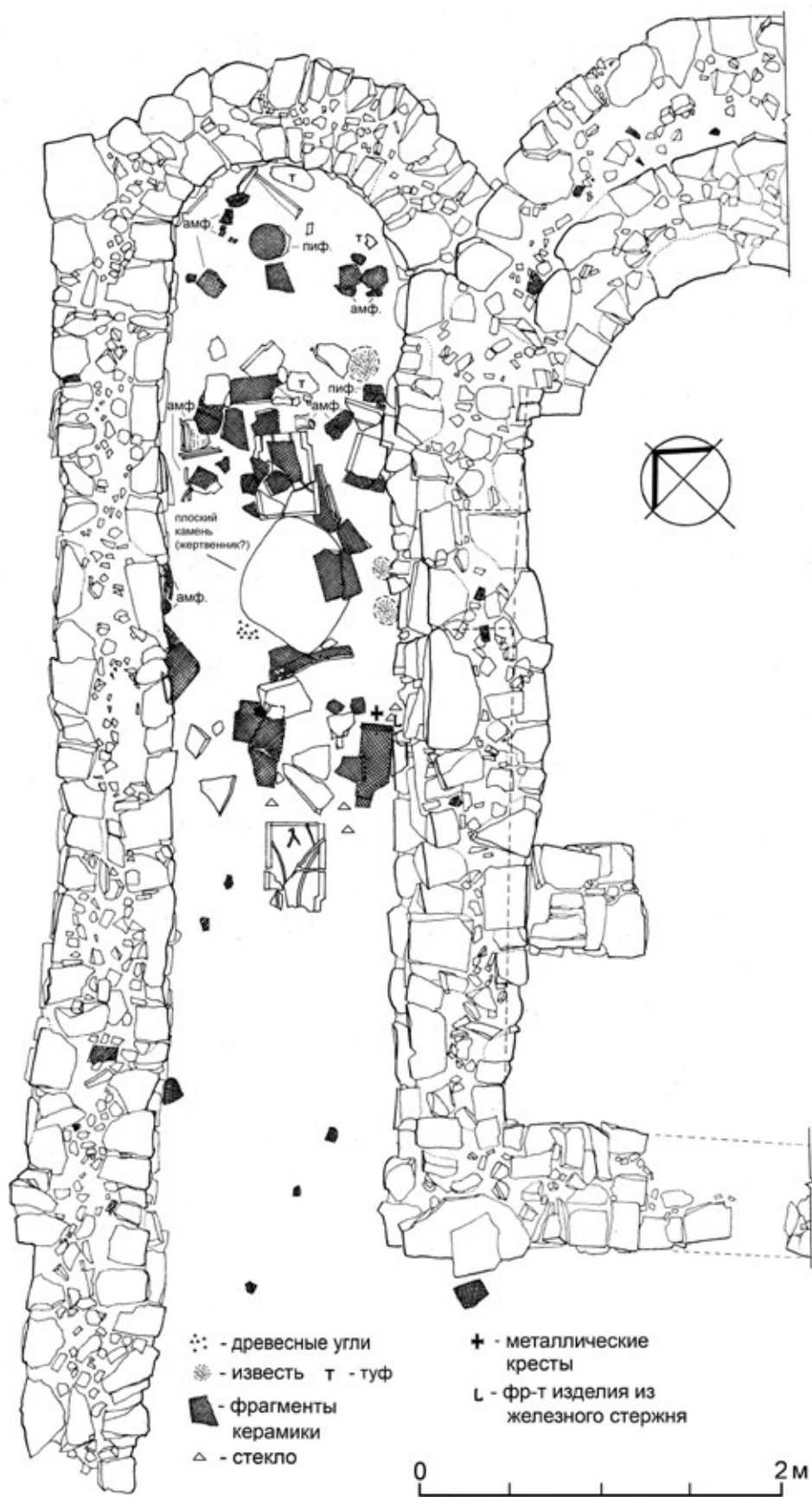

Рис. 2.39. Храм на холме Тузлук. Северный компартимент, слой № 6, верхний уровень фиксации (6-1). План находок.
Fig. 2.39. Church on the Tuzluk hill, northern part of the church, layer no 6, upper level (6-1), plan of the distribution of finds.

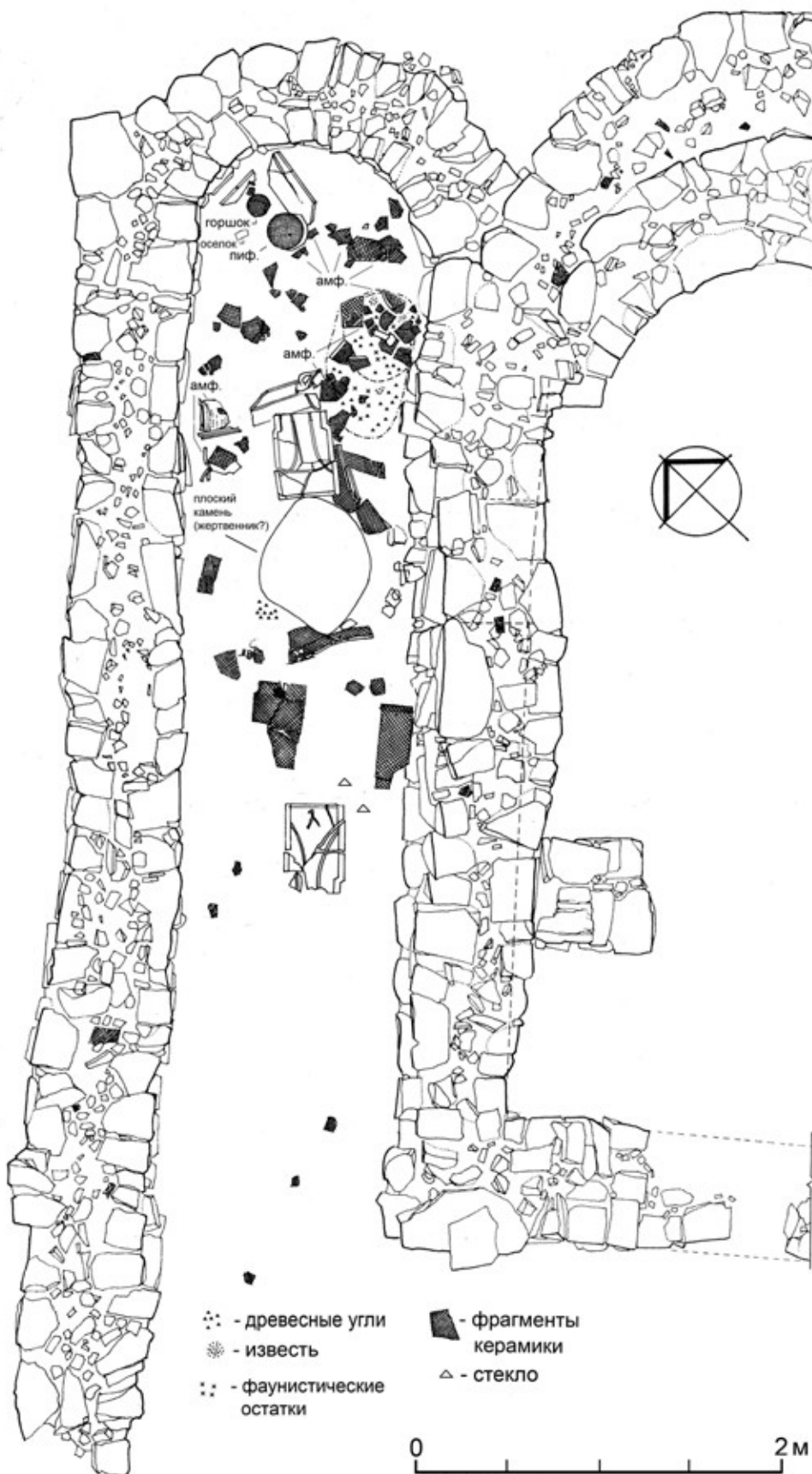

Рис. 2.40. Храм на холме Тузлук. Северный компартимент, слой № 6, средний уровень фиксации (6-2). План находок.
 Fig. 2.40. Church on the Tuzluk hill, northern part of the church, layer no 6, middle level (6-2), plan of the distribution of finds.

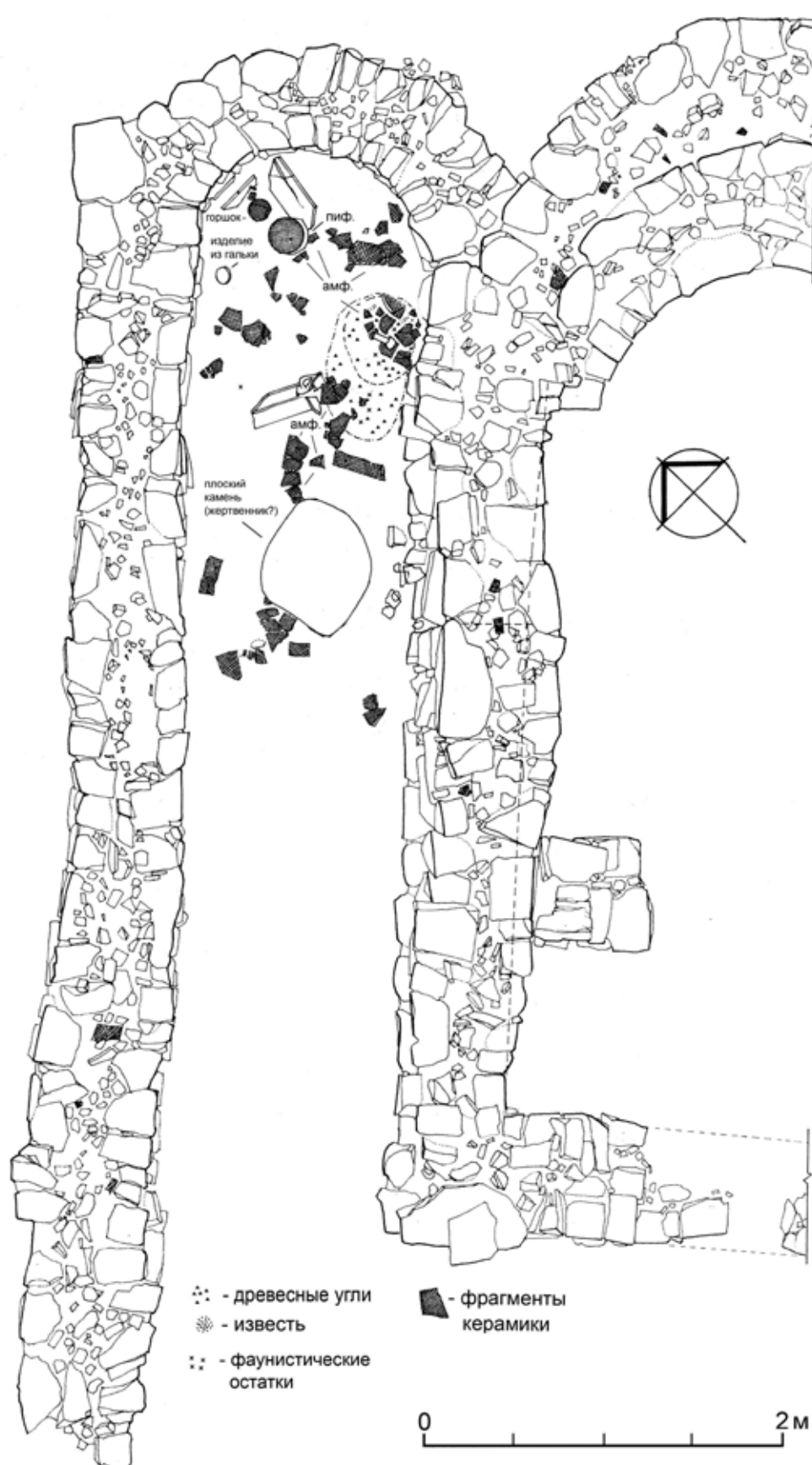

Рис. 2.41. Храм на холме Тузлук. Северный компартимент, слой № 6, нижний уровень фиксации (6-3). План находок.
 Fig. 2.41. Church on the Tuzluk hill, northern part of the church, layer no 6, lower level (6-3), plan of the distribution of finds.

Рис. 2.42. Храм на холме Тузлук. Северный компартимент, квадрат 2D, слой № 6. Фрагментированная керамида с меткой (№ 47). Вид с юго-запада.

Fig. 2.42. Church on the Tuzluk hill, northern part of the church, square 2D, layer no 6, roof tile's fragment with mark (no 47), view from southwest.

сти церкви за исключением небольшого участка у кладки № 9 и в районе проёма в юго-восточной стене (кл. № 7), в центральной части помещения прорезан углублением, заполненным слоем № 14. Мощность – не более

0,04-0,05 м. Археологический материал залегает горизонтально, образуя отчётливо выраженную поверхность. В районе юго-восточного входа, в южном и западном углах помещения и у юго-западной части кладки № 6 в слое № 13 зафиксированы плотные скопления фаунистических останков, большинство которых составляют кости птиц (в том числе водоплавающих), встречаются также кости мелких рыб и млекопитающих⁵. Остальные находки составляют фрагменты черепицы, кухонно-столовой посуды IX–X вв. (рис. 3.41; 3.42: 142, 143), стеклянных сосудов (13), стеклянная бусина (рис. 6.2: 250), кремнёвые артефакты (3 ед.), обломок свинцовой пластины (рис. 6.2: 251), фрагментированные бронзовый и свинцовый кресты и крест, вырезанный из арабосасанидской полудрахмы (вторая половина VII – начало VIII в.) (рис. 5.6: 246, 247, 249).

По всей вероятности слой № 13 образовался на полу южного компартимента в один из периодов наиболее активного функционирования церковного комплекса. Ниже слоя № 13 зафиксированы пятна слоев №№ 13а, 13б, 14а, 14б (рис. 2.33), между которыми вскрыта поверхность материка.

Слой плотного оливкового глинистого грунта с боль-

⁵ Детальную характеристику останков птиц и млекопитающих см. в главах 8 и 9.

Рис. 2.43. Храм на холме Тузлук. Северный компартимент, квадрат 2С, слой № 6. Фрагменты черепицы и амфор, окатанная плита из песчаника. Вид с северо-востока.

Fig. 2.43. Church on the Tuzluk hill, northern part of the church, square 2C, layer no 6, fragments of tiles and amphorae, and rounded slab of sandstone, view from northeast.

Рис. 2.44. Храм на холме Тузлук. Северный компартимент, квадрат 2С, слой № 6. Фрагменты черепицы и амфор, окатанная плита из песчаника. Вид с юго-запада, сверху.
Fig. 2.44. Church on the Tuzluk hill, northern part of the church, square 2C, layer no 6, fragments of tiles and amphorae, and rounded slab of sandstone, view from southwest.

шим количеством мелкой известковой крошки и крошки туфа, мелким песком и угольками (5Y. 5/4, olive) (рис. 2.1: слой № 13а; 2.33). Залегал небольшими пятнами на поверхности материка преимущественно у кладок №№ 6, 7 и в южном углу помещения. Протяженность слоя вдоль северо-западной стены – около 3,2 м, вдоль юго-восточной – до 0,90 м, прослежен на расстоянии не более 0,14-0,44 м от них. Мощность – около 0,02 м. На поверхности слоя в кв. 2С найдены два фрагмента стенки стеклянного сосуда.

Слой достаточно плотного оливково-коричневого грунта с мелкими фрагментами костей животных, редкими угольками, мелким делювием пород таврической сериш (2.5Y. 4/3, olive brown) (рис. 2.1: слой № 13б; 2.33). Зафиксирован в юго-западной части компартимента у кладки № 9, залегал на материке, заполняя неровности его поверхности. Размер пятна культурного слоя в плане – около 0,90×1,40 м, мощность – до 0,03 м. Какие-либо артефакты в слое не обнаружены.

В центральной части южного компартимента исследована пачка культурных слоев, состоящая из трёх седиментов №№ 14а-в, заполнявших углубление в материке и, возможно, являвшихся нивелировочными подсыпками.

Слой плотного оливково-коричневого грунта с большим количеством мелкого камня, обломками черепицы, штукатурки, угольками, фрагментами костей живот-

Рис. 2.45. Храм на холме Тузлук. Северный компартимент, квадрат 2С, слой № 6, средний уровень фиксации (6-2). Керамида с меткой (№ 110), окатанная плита из песчаника. Вид с севера, сверху.

Fig. 2.45. Church on the Tuzluk hill, northern part of the church, square 2C, layer no 6, middle level (6-2), roof tile with mark (no 110), rounded slab of sandstone, view from north.

ных (2.5Y. 4/3, olive brown) (рис. 2.1: слой № 14а; 2.33). Размер пятна культурного слоя в плане – около 2,0×1,5 м, мощность – до 0,08 м. Археологические находки распределены в слое относительно равномерно, не образуют отчётливых скоплений, залегают горизонтально, представлены фрагментами керамики (черепица, пифос, амфоры) IX–X вв., двумя стенками стеклянных сосудов, штукатуркой, фаунистическими останками.

Слой плотного оливково-коричневого грунта с мелкими фрагментами керамики, известковой штукатурки, угольками и отдельными мелкими фрагментами костей животных (2.5Y. 4/3, olive brown) (рис. 2.1: слой № 14б). Зафиксирован под слоем № 14а, на площади около 1,4×1,2 м, мощность – не более 0,06 м. Находки распределены в слое равномерно. Археологический материал представлен фрагментами керамики (черепица, кухонно-столовых сосудов IX–X вв. [рис. 3.38: 14б; 3.41, 3.42: 14а, 145]), известковой штукатурки, фаунистическими останками.

Слой плотного оливково-коричневого грунта с мелким камнем и фрагментами туфа, угольками и отдельными мелкими фрагментами костей животных (2.5Y. 4/3, olive brown) (рис. 2.1: слой № 14в). Располагался под слоем № 14б в центральной части компартимента на площади около 0,50×0,50 м, мощность – до 0,02-0,05 м. В слое обнаружено 4 фрагмента стенок стеклянных сосудов.

СЕВЕРНЫЙ КОМПАРИМЕНТ

Внутри северного компартимента под почвой (слой № 3) исследовано 7 слоев, содержащих остатки антропогенной деятельности.

Слой плотного коричневого с оливковым оттенком грунта с большим количеством разномержных камней, крупными обломками черепицы VIII–X вв., мелкими фрагментами туфа, известковой штукатурки, незна-

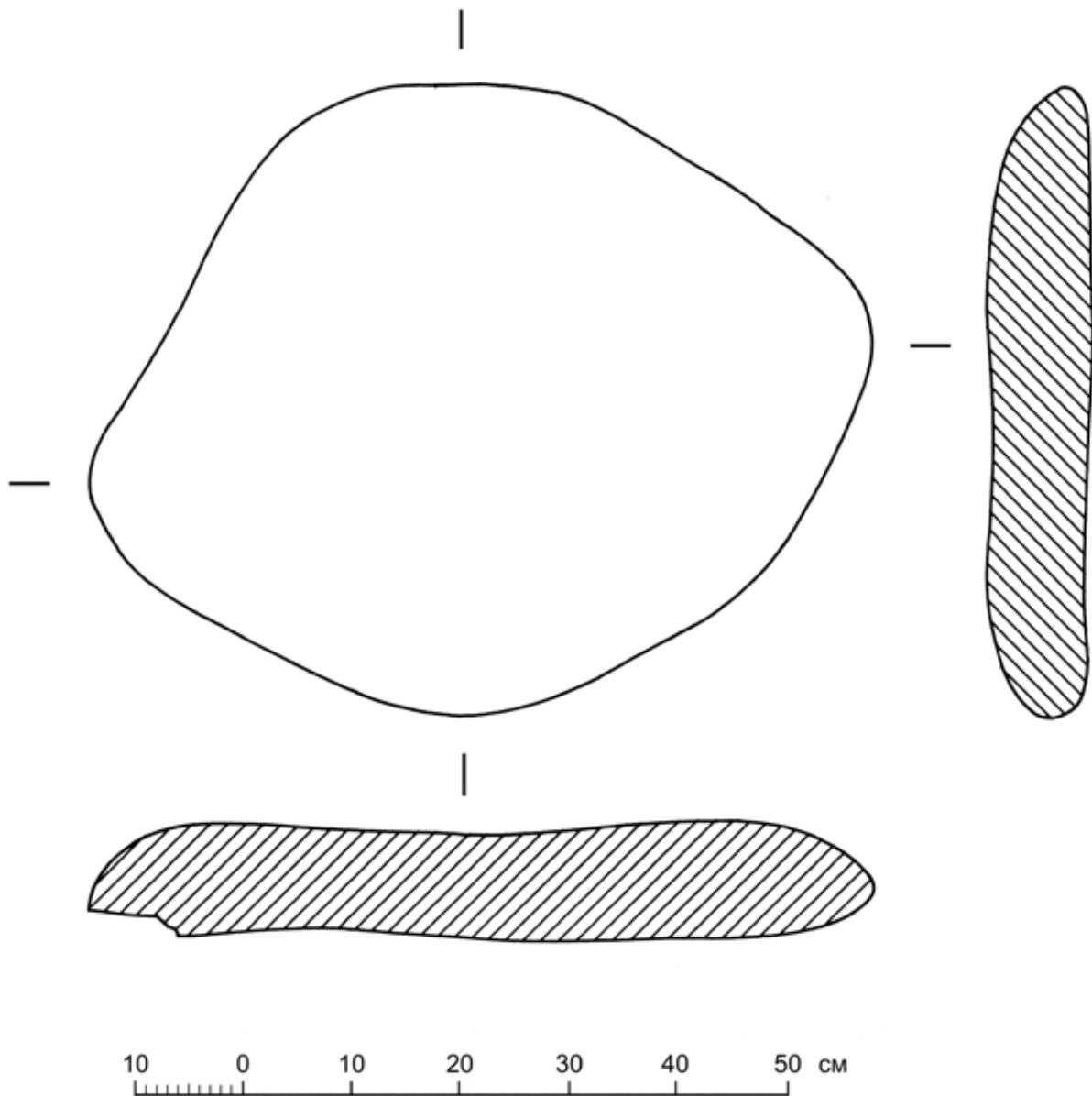

Рис. 2.46. Храм на холме Тузлук. Окатанная плита из песчаника (жертвенник?).
Fig. 2.46. Church on the Tuzluk hill, rounded slab of sandstone (prothesis?).

чительным количеством фаунистических останков (2.5У. 5/4, light olive brown) (рис. 2.1: слой № 2б; 2.14; 2.37; 2.38).

Основной объём этих отложений образован продуктами разрушения кладок строения. На большей части площади северного компартимента камни располагаются хаотично, в верхней части слоя № 2б преобладают мелкие и средние, в нижней – более крупные. Вероятно, крупные камни, лежавшие сверху, были сознательно отобраны местными жителями и перемещены для дальнейшего использования. В апсиде (кв. 2В) можно проследить некоторую упорядоченность в расположении камней: четыре из них залежали вдоль кладки полукружия, и четыре – поперек апсиды, в ряд (рис. 2.14; 2.38). Возможно, камни здесь уложены таким образом преднамеренно, с целью охранения священного места,

поскольку есть основания полагать, что в третьем строительном периоде, после превращения церкви в одноапсидную однефную постройку, северная часть храма была специально законсервирована.

Для археологических находок из этого слоя характерно как горизонтальное, так и субвертикальное залегание на ребре. Большая их часть сконцентрирована в нижней части слоя. Это обломки керамид и калиптеров (в том числе крупные [рис. 3.12; 3.13: 57]), стенка пифоса, фрагменты амфор (в том числе венчиков и ручек [рис. 3.36: 32, 34, 35]) и кухонно-столовой посуды IX–X вв. (рис. 3.38: 33), стенок стеклянных сосудов (2 ед.). Встречаются также обломки туфа и известковой штукатурки, незначительное количество фаунистических останков. В северо-восточной части кв. 2С отмечено небольшое скопление древесных углей (рис. 2.14).

Рис. 2.47. Храм на холме Тузлук. Северный компартимент, квадрат 2С, слой № 6, средний уровень фиксации (6-2).
Развал амфор. Вид с юго-востока, сверху.

Fig. 2.47. Church on the Tuzluk hill, northern part of the church, square 2C, layer no 6, middle level (6-2),
fragments of the amphorae, view from southeast.

Рис. 2.48. Храм на холме Тузлук. Северный компартимент, квадрат 2В (апсида), слой № 6, нижний уровень фиксации (6-3).
Вид с юго-запада.

Fig. 2.48. Church on the Tuzluk hill, northern part of the church, square 2B (apse), layer no 6, lower level (6-3), view from southwest.

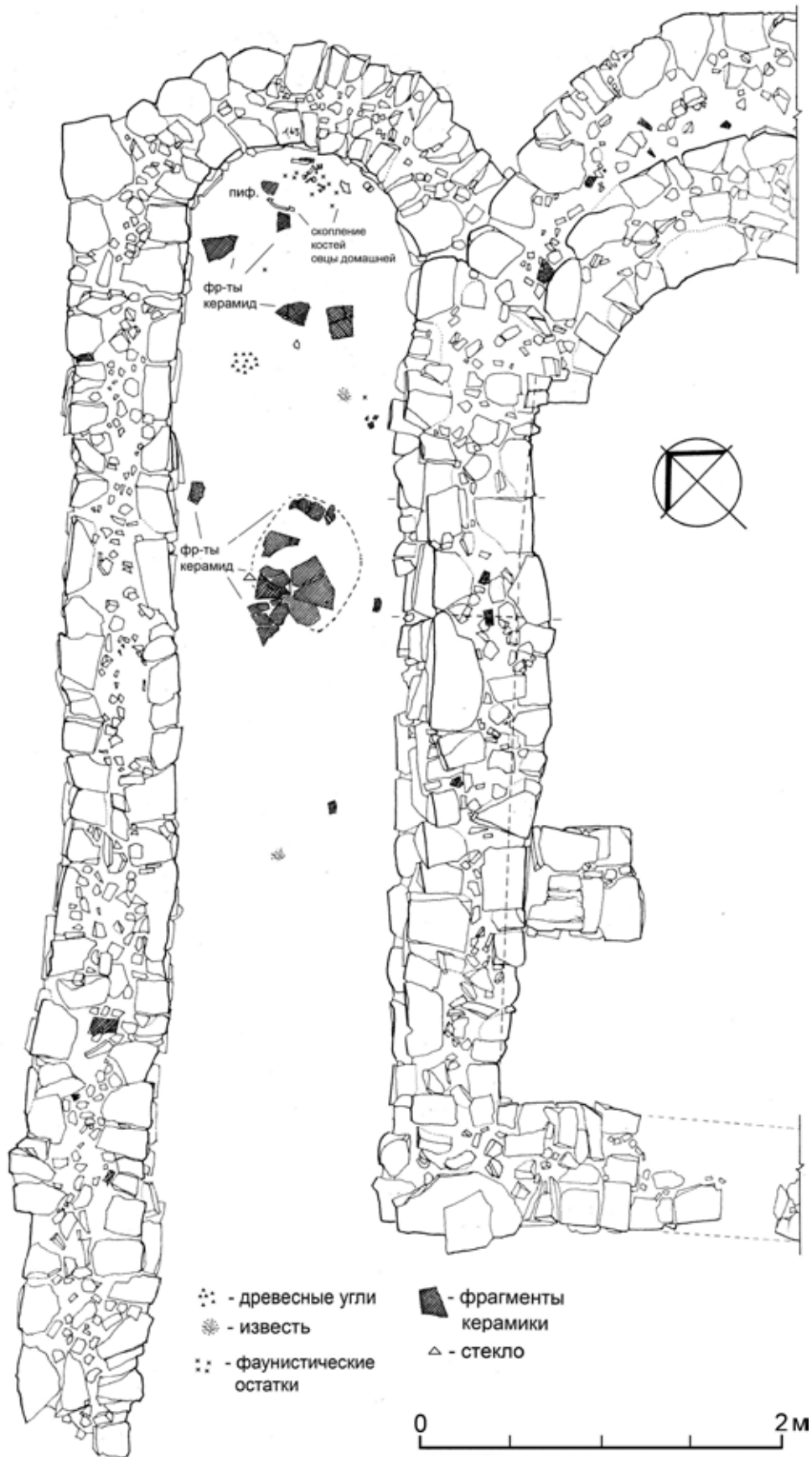

Рис. 2.49. Храм на холме Тузлук. Северный компартимент, слой № 7-1. План находок.
 Fig. 2.49. Church on the Tuzluk hill, northern part of the church, layer no 7-1, plan of the distribution of finds.

Рис. 2.50. Храм на холме Тузлук. Северный компартимент, квадраты 2С, 2D, слои №№ 6-3 и 7-1. Вид с северо-востока.
Fig. 2.50. Church on the Tuzluk hill, northern part of the church, squares 2C, 2D, layers nos 6-3 and 7-1, view from northeast.

Рис. 2.51. Храм на холме Тузлук. Северный компартимент, квадрат 2В (апсида), слои №№ 6-3 и 7-1. Артефакты и фаунистические останки в апсиде. Вид с юго-запада.
Fig. 2.51. Church on the Tuzluk hill, northern part of the church, square 2B (apse), layers nos 6-3 and 7-1, artifacts and animal bones remains in the northern apse, view from southwest.

Рис. 2.52. Храм на холме Тузлук. Северный компартимент, квадрат 2В (апсида), слой № 7-1. Скопление костей барана в апсиде. Вид с юго-запада.

Fig. 2.52. Church on the Tuzluk hill, northern part of the church, square 2B (apse), layers no 7-1, sheep animal bones in the northern apse, view from southwest.

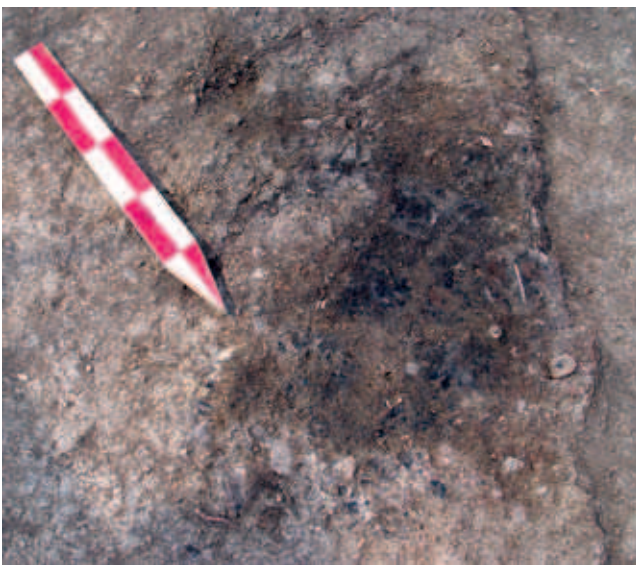

Рис. 2.53. Храм на холме Тузлук. Слой № 7. Очаг перед входом в северный компартимент. Вид с северо-востока, сверху.

Fig. 2.53. Church on the Tuzluk hill, layer no 7, hearth in front of the northern part of the church, view from northeast.

Под слоем № 2б в кв. 2Е-Д располагались отложения плотного желтовато-коричневого грунта с крупными фрагментами черепицы и обломками стенок красноглиняных сосудов, угольками (10YR. 5/4, yellowish brown), соответствующие слою № 6, изученному снаружи храма (рис. 2.1: слой № 6; 2.15; 2.16; 2.39). Мощность его в этом месте составила до 0,08 м. В кв. 2Д в слое № 6 обнаружена археологически целая керамида с меткой в виде «л» (рис. 2.39; 2.42; 3.1; 3.2: 3б). Черепица залегала горизонтально, лицевой поверхностью вверх. Она ориентирована вдоль продольной оси здания.

К северо-востоку, в кв. 2С и 2В, структура слоя № 6 усложняется. Здесь он представляет собой пачку отложений, условно разделённую на 3 уровня фиксации (рис. 2.1: слои №№ 6-1, 6-2, 6-3; 2.39-2.41; 2.43-2.47), сформирован более рыхлым седиментом и плотно насыщен археологическими находками. В слое зафиксированы линзы глинистого грунта, возможно, от обрушившейся глиняной обмазки стен (рис. 2.1: слой № 3в), компактные скопления древесных углей, отдельные камни средних размеров, фрагменты туфа и известковой штукатурки (рис. 2.39-2.41; 2.43-2.48). Штукатурка концентрируется, в основном, у кладки № 6, в районе проёма. Возможно, стены вокруг проёма и внутри него были оштукатурены известью. Вблизи южного входа отмечены два скопления древесных углей. Одно из них,

Рис. 2.54. Храм на холме Тузлук. Слой № 7. Очаг перед входом в северный компартимент, разрез. Вид с юго-востока.
Fig. 2.54. Church on the Tuzluk hill, layer no 7, hearth in front of the northern part of the church, view from southeast.

небольшое (размер в плане – 0,08×0,10 м), располагалось на расстоянии около 0,80 м к северо-западу от «западного» откоса, второе, более значительное (размер в плане – около 0,35×0,65 м) зафиксировано примерно в 0,30 м к северо-востоку от «восточного» откоса проёма (рис. 2.40). Здесь угли залежали под фрагментами амфор и частично между ними. Вероятно, в этом месте находился небольшой открытый очаг. Под углями грунт прокалён на глубину до 0,03 м.

Напротив входа, на расстоянии около 0,28 м от него, обнаружена массивная окатанная плита из мелкоструктурного песчаника (?) (рис. 2.39-2.41; 2.43-2.46). Плита по форме близка к ромбу со скруглёнными углами. Она залегала плашмя по центру компартамента и была ориентирована продольной диагональю вдоль центральной оси храма. Горизонтальное положение плиты зафиксировано специальной вымосткой из фрагментов керамид (рис. 2.49-2.50). Размеры плиты 10,5×72,5×58,5 см, вес – 75 кг (Приложение 5)⁶.

⁶ О возможном назначении плиты см. главу 14.

Рис. 2.55. Храм на холме Тузлук. Северный компартимент после завершения раскопок. Общий вид с юго-запада.
Fig. 2.55. Church on the Tuzluk hill, northern part of the church after excavations, view from southwest.

Рис. 2.56. Храм на холме Тузлук. Восточный борт раскопа (разрез по линии 7–15), ямы 1-4. Вид с запада.
Fig. 2.56. Church on the Tuzluk hill, eastern part of the excavation (section 7–15), pits nos 1-4, view from west.

Другие находки в слое залежали как субвертикально, так и горизонтально, образуя в нижней части отложенной отчётливо выраженную поверхность. Среди них преобладают крупные обломки черепицы (керамид и калиптеров) VIII–X вв. (рис. 3.1; 3.3: 120; 3.4; 3.5: 110; 3.6; 3.7: 112; 3.12; 3.13: 111; 3.14; 3.15: 113; 3.16; 3.17; 3.20: 104, 115, 121; 3.21; 3.22: 114, 116; 3.26; 3.28: 117) и амфор IX–X вв. (три из которых частично реконструированы) (рис. 3.34; 3.35; 3.37: 107-109, 118). Представлены также фрагменты венчика, днища и стенок пифоса VIII–X вв. (рис. 3.31: 105), днище горшка (рис. 3.39: 106) и фрагмент трубчатого слива (от воронки?) (рис. 3.36: 119), обломки стеклянных сосудов (11 ед.) (рис. 4.3; 4.4: 158/2, 159, 199), оселок (рис. 6.3; 6.4: 82) и поперечный скол округлой гальки (рис. 6.3; 6.4: 84), фаунистические останки (преимущественно кости млекопитающих). Примерно в 0,40 м к юго-западу от прохода в юго-восточной стене (кл. № 6), в непосредственной близости от неё найдены фрагменты металлического креста и четырехгранного стержня, изогнутого крюком (звено цепи?) (рис. 5.5: 211; 6.1: 212).

Расположение и состав артефактов в слое № 6 (6-1–6-3) свидетельствуют об их одновременной археологизации в результате обрушения кровли и архитектурных конструкций северного компартимента, а также о том, что после руинирования постройки внутреннее пространство северного компартимента, в отличие от южного, не расчищалось. Была разобрана только верхняя часть завала. На уровне 2-3-х рядов кладки стен продукты их разрушения в виде отдельных камней и глинистого грунта были равномерно распределены по внутреннему пространству северного компартимента, нижняя

часть заполнения осталась ненарушенной. В таком виде объект просуществовал до начала исследования, превратившись в закрытый археологический комплекс хорошей сохранности.

Три нижележащих слоя формируют различные уровни пола внутри северного компартимента.

Слой плотного оливково-коричневого грунта с большим количеством фрагментов костей животных, угольками, незначительным количеством фрагментов керамики, обломками известковой штукатурки (2.5У.

Рис. 2.57. Храм на холме Тузлук. Ямы №№ 6 и 8. Вид с северо-запада.
Fig. 2.57. Church on the Tuzluk hill, pits nos 6 and 8, view from northwest.

Рис. 2.58. Храм на холме Тузлук. Яма № 7.
Вид с северо-запада.

Fig. 2.58. Church on the Tuzluk hill, pit no 7,
view from northwest.

Рис. 2.59. Храм на холме Тузлук. Яма № 2, слой № 6 в
верхней части заполнения. Вид с запада.

Fig. 2.59. Church on the Tuzluk hill, pit no 2, layer no 6 in the
upper part of the pit, view from west.

5/3, light olive brown) (рис. 2.1: *слой № 7-1*; 2.49-2.52). Прослежен в кв. 2В-D и северо-восточной части кв. 2Е. Залегает горизонтально. Мощность слоя – до 0,04-0,06 м, выклинивается к юго-западу. В поверхность слоя втоптанно несколько крупных обломков черепицы и стенки пифоса, фрагменты известковой штукатурки,

Рис. 2.60. Храм на холме Тузлук. Яма № 2, слой № 6,
керамида и калиптер *in situ*. Вид с востока.

Fig. 2.60. Church on the Tuzluk hill, pit no 2, layer no 6, roof tile
and kalypter *in situ*, view from east.

угольки. Несколько фрагментированных керамид компактно залежали напротив южного входа и, вероятно, выполняли функцию нивелировочной вымостки под каменной плитой (рис. 2.49; 2.50). Отдельные разрозненные фрагменты зафиксированы в северной апсиде (рис. 2.49; 2.51). В самом слое археологические находки не многочисленны, довольно равномерно распределены по всему профилю. Среди них мелкие фрагменты керамики IX–X вв., два обломка стенок стеклянных сосудов, известковой штукатурки, угольки, фаунистические останки. Повышенная концентрация фрагментов известковой штукатурки отмечена у юго-восточной стены (кл. № 6). Кроме того, в апсиде зафиксировано скопление костей черепа барана с элементами посткраниального скелета (рис. 2.51; 2.52), вероятно, остатки жертвоприношения и/или общинной трапезы.

Слой плотного коричневого грунта с угольками, мелкими фрагментами известковой штукатурки, туфа, мелкими обломками костей животных и створками морских моллюсков (2.5У. 5/3, light olive brown) (рис. 2.1: *слой № 7-2*). Прослежен в кв. 2В-D. Залегает горизонтально. Мощность слоя – до 0,04-0,07 м, выклинивается к юго-западу. Археологические находки (мелкие фрагменты керамических сосудов, туфа, известковой штукатурки, фаунистические останки) равномерно распределены по профилю слоя, не образуют отчётливых скоплений.

Слой № 7-2 в кв. 2В и северо-восточной части кв. 2С залегал на поверхности материка, на остальной территории его подстилал слой № 7, характеристика которого приведена выше. В юго-западной части северного компартимента слой № 7 достигал мощности 0,08 м, постепенно выклинивался к северо-востоку (рис. 2.1; 2.2: *слой № 7*; 2.17). Здесь, как уже отмечалось, в нем встречаются мелкие и средние камни (4 – средних, 24 – мелких), на поверхности зафиксированы 2 очажные линзы (№№ 2, 3) (рис. 2.17; 2.53; 2.54). Археологические находки (мелкие фрагменты стенок керамических

Рис. 2.61. Храм на холме Тузлук. Могила № 1, плиты перекрытия, верхний ряд. Вид с юго-востока.
Fig. 2.61. Church on the Tuzluk hill, grave no 1, slabs setting, upper row, view from southeast.

Рис. 2.62. Храм на холме Тузлук. Могила № 1, плиты перекрытия, нижний ряд. Вид с юго-востока.
Fig. 2.62. Church on the Tuzluk hill, grave no 1, slabs setting, low row, view from southeast.

Рис. 2.63. Храм на холме Тузлук. Могила № 1, ярус 1.
Вид с северо-востока.

Fig. 2.63. Church on the Tuzluk hill, grave no 1, horizon no 1,
view from northeast.

и стеклянных [6 ед.] сосудов, мелкие фрагменты костей животных) распределены довольно равномерно и не образуют отчётливых скоплений. В северном компартименте слой № 7 залегает на материке, заполняя неровности в его поверхности.

К другим археологическим объектам, связанным с храмом, относятся погребальный комплекс (могила № 1) (рис. 1.1; 2.59-2.69), а также 10 ям различного назначения (рис. 1.1; 2.2; 2.56-2.58).

Могила № 1 (рис. 2.59-2.69). Располагалась в 2,1 м к востоку от южной апсиды храма. Ориентирована по линии З-В с незначительным (не более 5°) отклонением к югу. Представляет собой грунтовую яму подпрямоугольной в плане формы с заплечиками внизу, обрамляющими овальное углубление погребальной камеры. Размер сооружения по верхнему контуру – 2,24×1,05 м, по нижнему – 0,65-0,69×1,75 м, высота заплечиков – до 0,35 м, общая глубина – 1,07-1,10 м от синхронной захоронению дневной поверхности.

Рис. 2.64. Храм на холме Тузлук. Могила № 1, ярус 2.
Вид с северо-востока.

Fig. 2.64. Church on the Tuzluk hill, grave no 1, horizon no 2,
view from northeast.

Могила впущена в литологические отложения трёх видов: плотный коричневый глинистый грунт (предматериковый) с делювием пород таврической серии; алевролит-аргиллитовую скалу; коричневый грунт с мелким делювием материковых пород и древесными угольками, представляющий собой культурный слой (№ 20), заполнявший более раннюю яму. Западная часть могилы № 1 примерно на 0,6-0,7 м врезана в эту яму. Заполнение углубления оказалось довольно рыхлым, из-за чего западная стенка могилы на уровне погребений была дополнительно укреплена отдельными камнями, вероятно, для более надёжной фиксации плит перекрытия, опиравшихся на грунтовые заплечики (рис. 2.66).

Перекрытие могилы зафиксировано на глубине 0,70-0,95 м от современной и примерно в 0,6-0,8 м от синхронной захоронению дневной поверхности, состояло из восьми плит (аргиллит), в западной части уложенных в два ряда (рис. 2.61; 2.62; 2.66). Щели между

Рис. 2.65. Храм на холме Тузлук. Могила № 1, ярус 2, западная часть. Вид с юго-востока.
Fig. 2.65. Church on the Tuzluk hill, grave no 1, horizon no 2, western part, view from southeast.

ними заполнены мелким камнем. Размер плит в плане – 0,49-0,63×0,3-0,39 м, толщина – 0,07-0,12 м. У северо-восточной оконечности перекрытия располагались 2 крупных обломка черепицы (керамиды и калиптеры) (рис. 2.61; 2.66).

На дне могилы расчищены остатки двух nepотревоженных погребений, залегавших в 2 яруса. Один костяк располагался строго над другим без разделяющих прослоек (рис. 2.63; 2.66). Сохранность черепов и костей постраниального скелета плохая.

Ярус 1 (рис. 2.63; 2.66). Погребённый – взрослый мужчина⁷. Костяк в анатомическом порядке. Положение туловища горизонтальное, вытянутое, дорсальное, головой на запад. Лицевая часть черепа ориентирована на восток, ноги выпрямлены, колени сдвинуты, стопы упираются в восточный борт могильной ямы, наклонены друг к другу. Руки согнуты в локтях, скрещены в области живота, левая кисть расположена под костями правого предплечья. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Ярус 2 (рис. 2.64-2.66). Погребённый – взрослый мужчина. Костяк в анатомическом порядке. Положение туловища горизонтальное, вытянутое, дорсальное, головой на запад, лицом на восток. С юга от черепной

коробки был помещён небольшой камень (известняк), предназначенный, вероятно, для устойчивой фиксации головы погребённого. Ноги выпрямлены, колени сдвинуты, стопы упираются в восточный борт могильной ямы, наклонены друг к другу. Левая рука вытянута вдоль тела, отдельные кости пальцев зафиксированы на левом бедре. Правая рука слегка согнута в локте, кисть расположена в области паха. В погребении найдены две бронзовые шаровидные пуговицы-подвески. Эти предметы обнаружены в области левой и правой ключиц погребённого (рис. 2.65; 2.66). Вероятно, они составляли элементы его одежды. Сохранность предметов плохая, частично восстановлена только одна пуговица (рис. 6.2: 254).

Заполнение погребального комплекса двухслойное. Над плитами располагался *плотный оливково-коричневый грунт с угольками, фрагментами керамики, фаунистическими останками* (слой № 18). Археологические находки залегали здесь как горизонтально, так и субвертикально. Среди них – фрагменты черепицы (в том числе с меткой [рис. 3.14: 148]), амфор и плоскодонных гончарных сосудов закрытой формы (рис. 3.34: 127; 3.35: 149; 3.41: 151), отдельные обломки костей животных и створки морских моллюсков, незначительное количество деструктированного известкового раствора и мелких обломков туфа (преимущественно вверху, в западной части заполнения), пережжённый фрагмент кремнёвого нуклеуса.

⁷ Анализ антропологических материалов выполнен ст.н.с. НМЗХТ антропологом к.и.н. А.В. Ивановым. Из-за очень плохой сохранности черепов и костяков точный возраст погребённых определить не удалось.

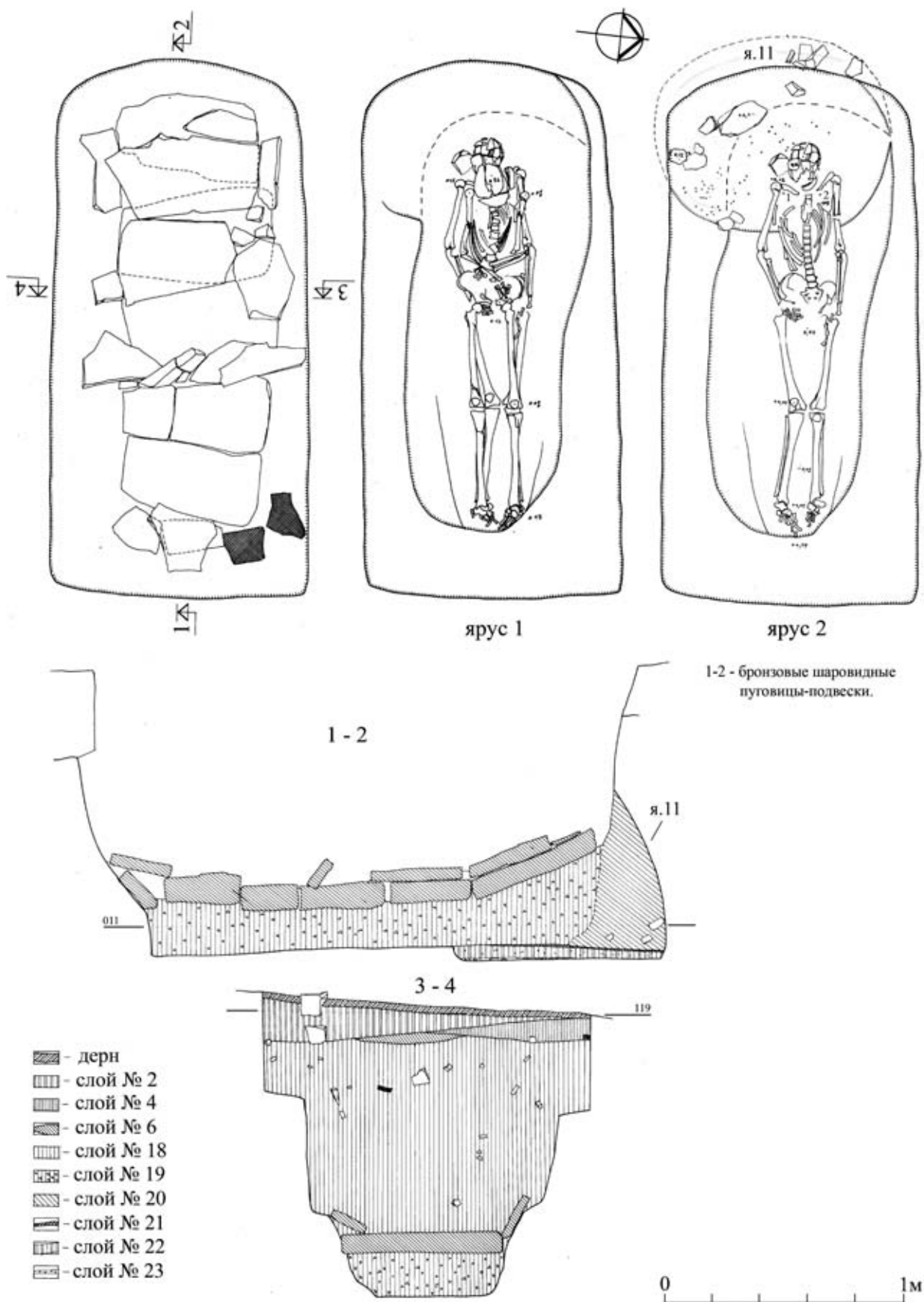

Рис. 2.66. Храм на холме Тузлук. Могила № 1. Планы, разрезы.
 Fig. 2.66. Church on the Tuzluk hill, grave no 1, plans and sections.

Рис. 2.67. Храм на холме Тузлук. Могила № 1, погребальное сооружение. Яма № 11. Вид с северо-востока.
Fig. 2.67. Church on the Tuzluk hill, grave no 1, burial structure, pit no 11, view from northeast.

Рис. 2.69. Храм на холме Тузлук. Могила № 1 и яма № 11 после удаления заполнения. Вид с северо-востока.
Fig. 2.69. Church on the Tuzluk hill, grave no 1 and the pit no 11 after excavations, view from northeast.

Рис. 2.68. Храм на холме Тузлук. Яма № 11. Фрагментированный лепной горшок на дне ямы. Вид с северо-востока.

Fig. 2.68. Church on the Tuzluk hill, pit no 11, fragments of hand-made pottery on the bottom of the pit, view from northeast.

В погребальной камере под плитами над останками погребённых вскрыт *плотный коричневый глинистый грунт с большим количеством дресвы материковых пород (аргиллит)* (слой № 19). Какие-либо артефакты и фаунистические находки в нем не зафиксированы.

Погребения, скорее всего, были совершены во втором строительном периоде в промежутке между окончанием постройки первоначального храма и его первым разрушением. Захоронение могло сопровождаться обрядами, следы которых, возможно, зафиксированы в заполнении могильной ямы в виде угольков, обожжённого кремня, фрагментов амфор, плоскодонных сосудов, костей животных и створок моллюсков, которые могли быть остатками поминального костра и тризны⁸. В заполнении ямы найден также строительный мусор – разрушенный известковый раствор, фрагменты туфа и черепицы.

Ямы

Различного рода углубления, связанные с храмом,

⁸ Сравнимые элементы обряда зафиксированы при исследовании некрополя предшествующего времени, расположенного ниже по склону.

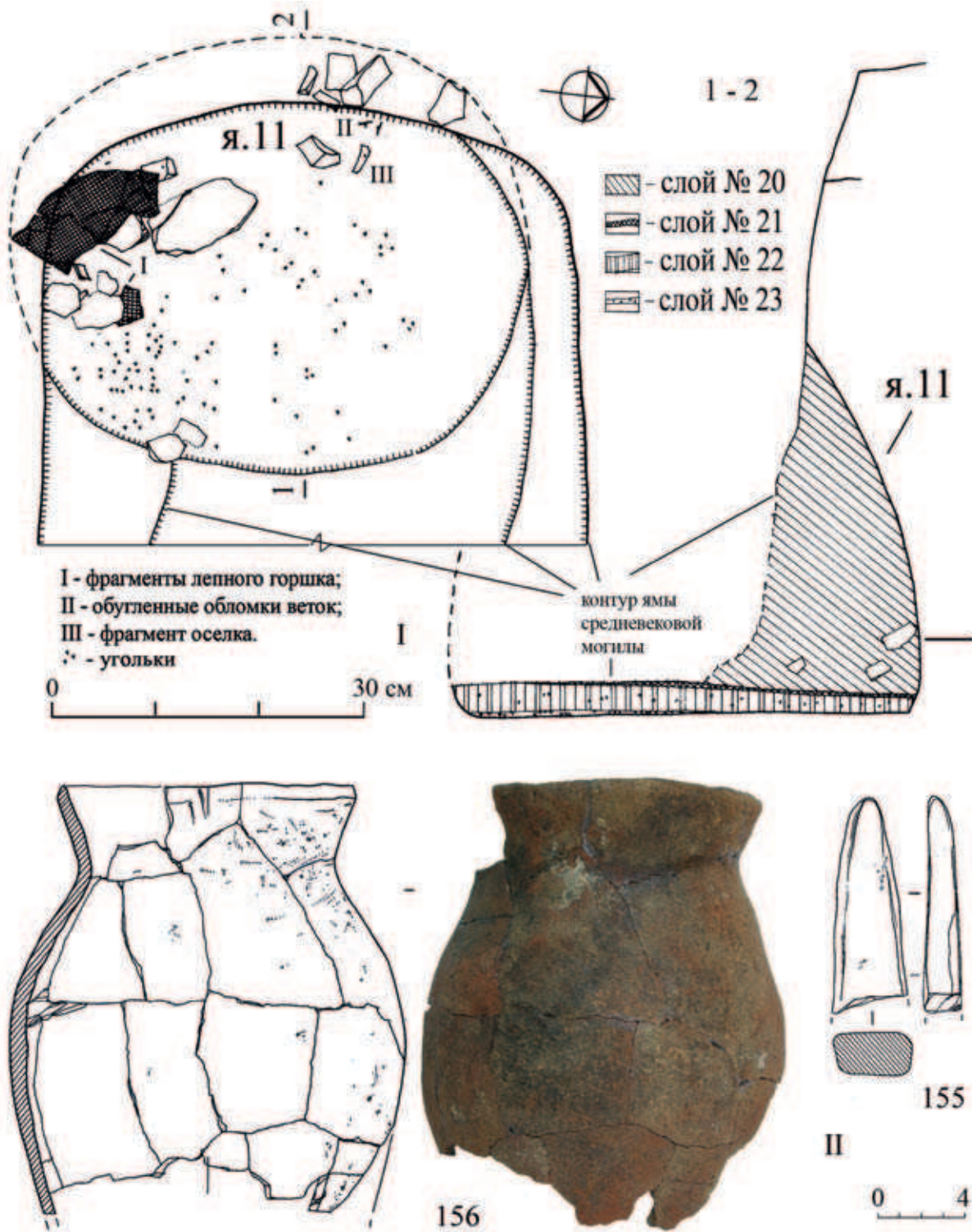

Рис. 2.70. Холм Тузлук. Яма эпохи бронзы (№ 11). I – план, разрез. II – лепной горшок и оселок из заполнения.
 Fig. 2.70. Tuzluk hill, pit of the Bronze Age (no 11). I - plan and section. II – hand-made pottery and touchstone from inside.

обнаружены, в основном, в восточной и юго-восточной части исследованной территории.

Яма 1 выявлена в восточном углу кв. 4С (рис. 1.1; 2.2: разрез 15–8; 2.56). Углубление овальной в плане формы, ориентировано по линии СЗ–ЮВ, с пологими бортами, его ЮЗ часть находится за пределами раскопа.

Размеры исследованной части – 0,28×0,36 м, глубина – 0,11 м. Впущена с поверхности слоя № 7. Заполнена рыхлым тёмно-коричневым грунтом (10.YR. 4/3 brown) с угольками, фрагментами костей животных, мелкими обломками черепицы. В центральной части углубления зафиксирован крупный обломок калиптера, располо-

Рис. 2.71. Храм на холме Тузлук. Северо-восточная часть раскопа. Могила № 1, яма № 11 (на переднем плане), южная апсида храма и культовый комплекс эпохи бронзы (на заднем плане). Вид с юго-востока.

Fig. 2.71. Church on the Tuzluk hill, northeastern part of the excavation, grave no 1, pit no 11 on the front, southern apse and sacral complex of the Bronze Age at the background, view from southeast.

женный вертикально. Назначение ямы не ясно.

Яма 2 открыта в кв. 4В над западной частью могилы № 1 (рис. 1.1; 2.2: *разрез 15–8*; 2.56). Углубление округлой в плане формы с пологими бортами. Диаметр в верхней части – около 0,90-1,00 м, глубина – 0,15 м. Заполнена материалами культурного слоя № 6.

Яма 3 исследована в южной части кв. 4В (рис. 1.1; 2.2: *разрез 15–8*; 2.56). Прорезана ямой № 2, размеры, очертания и назначение углубления не ясны. Прослежена в глубину – до 0,10 м. Заполнена плотным коричневым грунтом с мелким делювием материковых пород и угольками.

Яма 4 открыта в южной части кв. 4В (рис. 1.1; 2.2: *разрез 15–8*; 2.56). Углубление овальной в плане формы, ориентировано по линии З–В, с пологими бортами, его восточная часть находится за пределами раскопа. Размеры исследованной части – 0,20×0,24 м, глубина – 0,12 м. Впущена с поверхности слоя № 7. Заполнена достаточно плотным коричневым грунтом с мелким делювием материковых пород и угольками. Назначение углубления не ясно.

Яма 5 обнаружена в ЮВ части кв. 4С (рис. 1.1). Углубление округлой в плане формы с вертикальными бортами и округлым дном, возможно, предназначалось для установки столба. Диаметр – около 0,22 м, глубина – 0,10 м. Центр ямы расположен на расстоянии около

1,90 м от восточного плеча храма. Прослежена с поверхности слоя № 7. Заполнена достаточно рыхлым коричневым грунтом с мелким делювием материковых пород, угольками.

Яма 6 исследована в южной части кв. 4С (рис. 1.1; 2.57). Углубление округлой в плане формы с вертикальными бортами и округлым дном, возможно, предназначалось для установки столба. Диаметр – около 0,17-0,19 см, глубина – 0,18 м. Центр ямы расположен на расстоянии 1,86 м от юго-восточной стены храма (кл. № 7). Впущена с поверхности слоя № 7. Заполнена рыхлым коричневым грунтом с мелким делювием материковых пород, угольками, мелкими фрагментами керамики и костей животных, деструктурированным известковым раствором.

Яма 7 обнаружена в южной части кв. 4В (рис. 1.1; 2.1: *разрез 11–10*; 2.58). Углубление округлой в плане формы с вертикальными бортами. Размер в плане – около 0,26×0,30 м, глубина – около 0,28 м. Центр ямы расположен на расстоянии 1,78 м от юго-восточной стены храма (кл. № 7). Заполнена рыхлым коричневым грунтом с большим количеством древесного тлена, мелкими фрагментами известковой штукатурки и керамики. В верхней части заполнения найден один обломок кремня. Яма прослежена под слоем № 5. В нижней части её продолжают два канала диаметром

около 0,05-0,08 м, заполненные древесным тленом (рис. 2.58). Вероятно, все эти углубления образованы стволом и корнями дерева, которое было снесено до начала формирования слоя № 5.

Яма 8 исследована частично в южном углу кв. 4С (рис. 1.1; 2.2: *разрез 15-8*; 2.57). Углубление округлой в плане формы, стенки полукруглые, дно скруглённое, центр ямы расположен на расстоянии около 2,50 м от юго-восточной стены храма (кл. 7). Диаметр в верхней части – около 1,00 м, глубина – около 0,75 м. Впущена с поверхности слоя № 7в. Заполнение однородное: достаточно плотный коричневый грунт с мелким делювием материковых пород, мелкой галькой, отдельными фрагментами известковой штукатурки и одним мелким осколком черепицы VIII-X вв. Предназначалась, вероятно, для установки пифоса. Сосуд мог использоваться в качестве ёмкости для воды, возможно, при строительстве храма. По завершении строительных работ пифос, видимо, был изъят со своего места, а углубление засыпано грунтом и перекрыто слоем, образовавшимся вследствие нивелировки поверхности по окончании строительства двухапсидной церкви.

Яма 9 обнаружена в южном углу исследованной части кв. 4Е (рис. 1.1). Углубление округлой в плане формы с вертикальными бортами и округлым дном, возможно, предназначалось для установки столба. Диаметр – около 0,22 м, впущена в материк на глубину около 0,06-0,08 м. Центр ямы расположен на расстоянии 2,25 м от юго-

восточной стены храма (кл. № 7). Прослежена под слоем № 5. Заполнена рыхлым коричневым грунтом с угольками и деструктурированным известковым раствором. Здесь же найден один кремнёвый отщеп с ретушью.

Яма 10 выявлена в южном секторе южной апсиды, в кв. 3С. Она впущена в материк (рис. 1.1; 2.32-2.34). Её центр отстоит примерно на 1,0 м к югу от центра апсидного полукружия и на 0,43 м к западу от восточного плеча компартиментов. Углубление в плане близко к неправильному пятиграннику с разновеликими сторонами и скруглёнными углами, слегка заужено ко дну, стенки прямые. Размер в плане по верхнему контуру – 0,60×0,76 м, глубина – около 0,35 м. Заполнение однородное – достаточно плотный коричневый грунт с мелким камнем, угольками, фрагментами керамики (мелкие обломки черепицы, стенка сосуда закрытой формы) (слой № 14г), отдельными обломками туфа, значительным количеством костей животных. В верхней части заполнения ямы найдены 2 фрагмента венчиков стеклянных сосудов. Примечательно, что обломки этих же сосудов обнаружены в слоях №№ 5 и 12 (рис. 4.3; 4.4: 201, 173).

В целом, исследованные слои и объекты антропогенного происхождения можно разделить на девять групп, отражающих различные этапы в жизни храмового комплекса. Их соотношение с выделенными строительными периодами продемонстрировано в таблице 1 (см. стр.112 настоящего издания).

Рис. 2.72. Храм на холме Тузлук. Южная апсида. Культурное сооружение эпохи бронзы, каменная насыпь. Вид с севера.
Fig. 2.72. Church on the Tuzluk hill, southern apse, sacral complex of the Bronze Age, mound with stone setting, view from north.

Рис. 2.73. Храм на холме Тузлук. Культовое сооружение эпохи бронзы. Каменная насыпь, разрез. Антропоморфная плита. Вид с северо-запада.

Fig. 2.73. Church on the Tuzluk hill, sacral complex of the Bronze Age, section of mound with stone setting, anthropomorphic flagstone, view from northwest.

Рис. 2.74. Храм на холме Тузлук. Культовое сооружение эпохи бронзы. Каменная насыпь, разрез. Антропоморфная плита. Вид с юго-запада.

Fig. 2.74. Church on the Tuzluk hill, sacral complex of the Bronze Age, section of mound with stone setting, anthropomorphic flagstone, view from southwest.

Рис. 2.75. Храм на холме Тузлук. Культовое сооружение эпохи бронзы. Нижняя часть заполнения. Каменные глыбы, установленные вертикально. Антропоморфная плита. Вид с северо-востока.
Fig. 2.75. Church on the Tuzluk hill, sacral complex of the Bronze Age, low part. Blocks of vertically stone setting, anthropomorphic flagstone, view from northeast.

Рис. 2.76. Храм на холме Тузлук. Южная апсида храма. Культовое сооружение эпохи бронзы. Каменные глыбы, установленные вертикально на дне ямы. Вид с северо-востока.
Fig. 2.76. Church on the Tuzluk hill, southern apse of the church, sacral complex of the Bronze Age. Blocks of vertically stone setting on the bottom of the pit, view from northeast.

Рис. 2.77. Храм на холме Тузлук. Южная апсида храма. Культовое сооружение эпохи бронзы после удаления заполнения. Вид с северо-востока.

Fig. 2.77. Church on the Tuzluk hill, southern apse of the church, sacral complex of the Bronze Age after excavations, view from northeast.

Таблица 1.

Строительные периоды	Группы слоев	№№ слоев, объекты
I-II	I (возведение двухапсидного храма)	7, 7в, 7-2, яма № 8
	II (освящение храма)	7а, 7б, очаги 1-3
	III (первый этап функционирования)	13, 13а, 13б, 14а-г, яма № 10, 7-1, 6-3 (частично), могила № 1, ямы №№ 1-4
	IV (первое разрушение)	6, 6-1, 6-2, 6-3 (частично), 3в, 2б, 12в
III	V (реконструкция южного компартимента)	12 а, 12 б, 14, 3а(?), ямы №№ 5-7, 9
	VI (второй этап функционирования)	5, 5а, 5б
	VII (второе разрушение)	3 (частично), 4, 12
IV	VIII (использование руин)	9-11
	IX (окончательное разрушение остатков стен)	1, 2

Горизонт II

Ко второму хронологическому горизонту отнесены археологические объекты, располагавшиеся ниже средневековых культурных отложений: остатки культового сооружения и хозяйственной ямы. Объекты расположе-

ны в 2,4 м друг от друга и в разной степени повреждены при сооружении средневекового храма и синхронной ему могилы № 1 (рис. 2.1; 2.2; 2.66-2.78).

КУЛЬТОВОЕ СООРУЖЕНИЕ

Этот объект обнаружен в северо-восточной части раскопа на границах квв. 2А, 2В, 3А, 3В, частично перекрыт кладкой апсиды южного компартимента (кл. № 5) (рис. 1.1: яма 12; рис. 2.1: разрез 1-2; 2.72-2.78). Представляет собой впущенную в материк грунтовую яму, верхняя часть которой заполнена камнями разной величины (в основном местный аргиллит), коричневым грунтом и мелкой галькой, видимо, образовывала выделяющуюся в рельефе небольшую курганообразную насыпь (рис. 2.72-2.74; 2.78). Ко времени исследования объект возвышался над поверхностью материка не более чем на 0,05-0,08 м. Его вершина, видимо, была разобрана при подготовке площадки под строительство христианского храма. Сохранившаяся часть каменной насыпи в плане овальная (1,90×1,50 м), вытянута по линии СЗ-ЮВ, мощностью до 0,35 м. В её центральной и восточной частях найдено три кремнёвых артефакта (рис. 2.79).

Яма под насыпью в плане подтрапециевидная со скруглёнными углами (1,40×1,90 м, общая глубина – до 0,30-0,40 м), ориентирована по линии СЗ-ЮВ (отклонение направления продольной оси от меридионального – не более 15°) (рис. 2.78). Её стенки покатые, их профиль усложнён уступом (высота – до 0,80-0,12

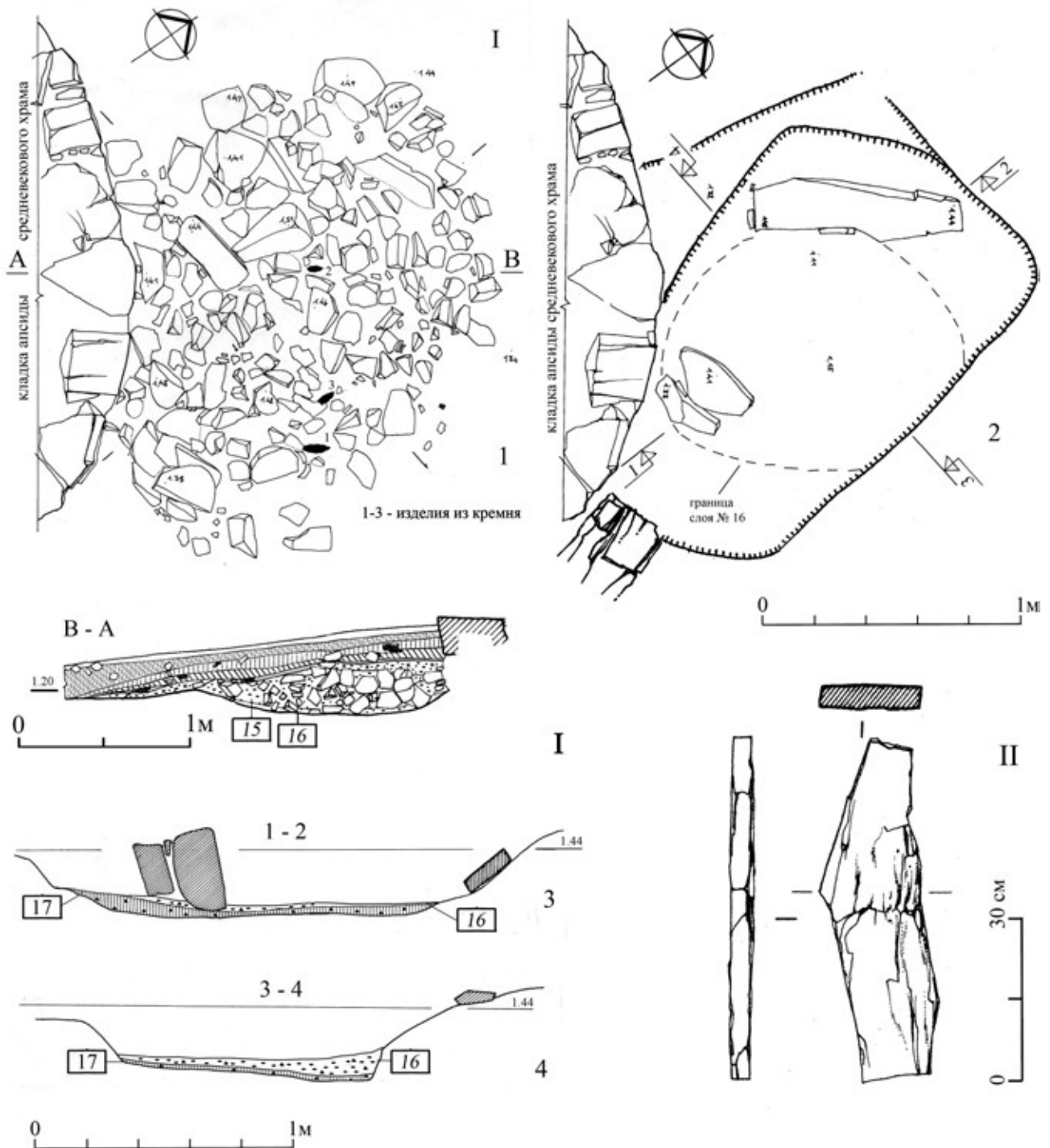

Рис. 2.78. Культурное сооружение эпохи бронзы на холме Тузлук. I – план и разрезы каменной насыпи (1), план и разрезы ямы с вертикально установленными камнями и антропоморфной плитой (2-4); II – антропоморфная плита.

Fig. 2.78. Sacral complex of the Bronze Age at the top of the hill Tuzluk. I – plan and sections of mound with stone setting, plan and sections of the pit with vertically stone setting and anthropomorphic flagstone (2-4); II – anthropomorphic flagstone.

м), обрамляющим округлое дополнительное углубление в центре (диаметр – около 1,30 м) (рис. 2.78: I). В его южной части зафиксированы два установленных субвертикально (на узкие грани), примыкающих друг к другу широкими поверхностями, уплощённых камня (рис. 2.76; 2.78: I). Один из них – глыба конгломерата

(размер $0,32 \times 0,35 \times 0,17$ м), обращенная к ССЗ. Второй – блок аргиллита, подпирающий глыбу с ЮВ. У северо-северо-западного края углубления располагалась стелообразная плита местного песчаника (размер $0,27 \times 0,85$ м, толщина – около 0,06 м), общие очертания которой с определённой долей условности могут

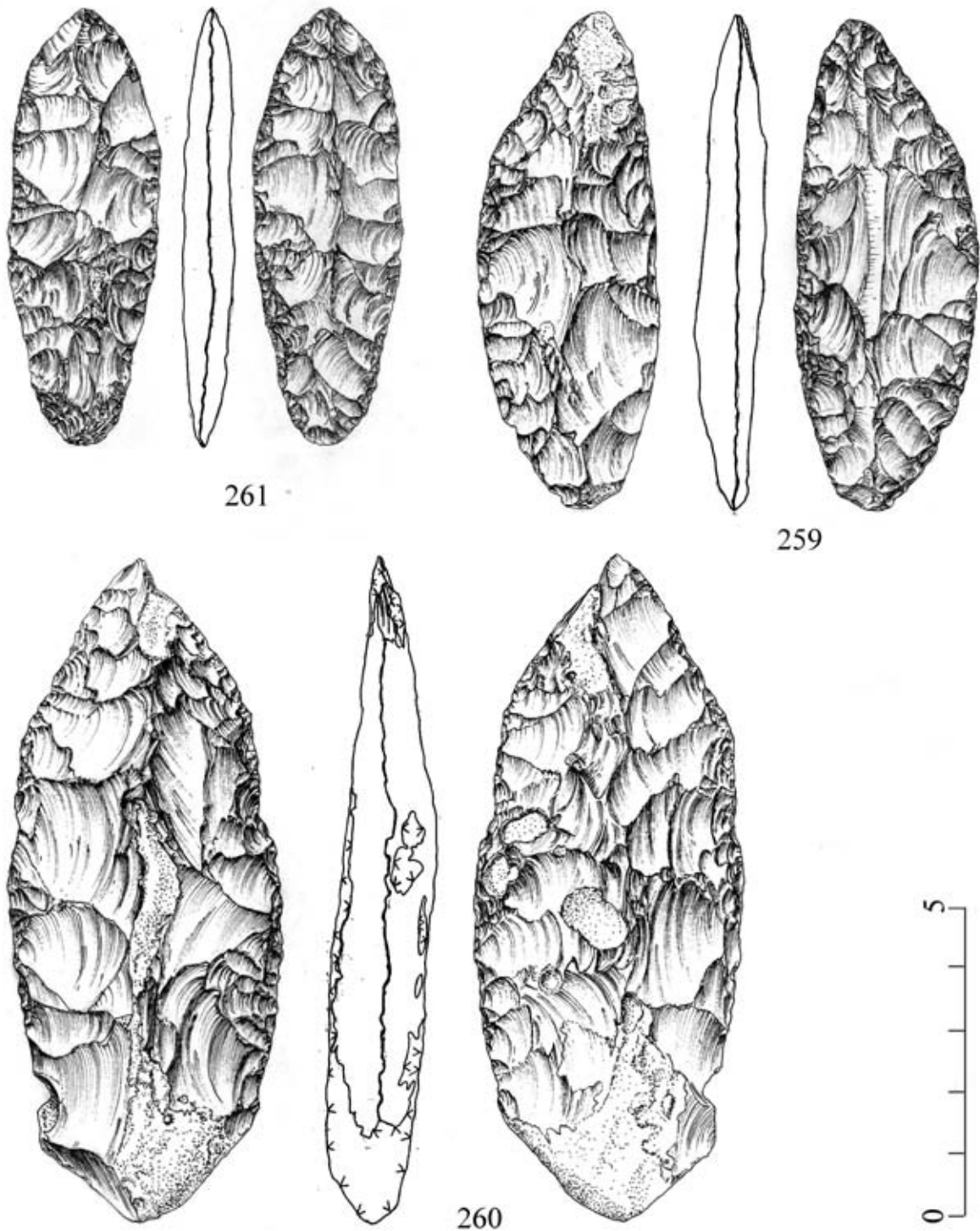

Рис. 2.79. Культовое сооружение эпохи бронзы на холме Тузлук. Кремнёвые артефакты из заполнения комплекса: 261 – листовидный наконечник, 259 – сегментовидный серп бондарихинского типа; 260 – заготовка двухстороннего орудия.
 Fig. 2.79. Sacral complex of the Bronze Age at the top of the hill Tuzluk. Flint artifacts found within complex: 261 – leaf-shaped bifacial point; 259 – Bondarikha type bifacial sickle; 260 – preform of bifacial tool.

восприниматься как антропоморфные (рис. 2.73-75; 2.78: II). Она залегала плашмя на стенке ямы, была ориентирована по направлению ЮЗ–СВ⁹.

⁹ Не исключено, что упомянутые крупные камни предназначались для фиксации основания стеловидной плиты, которая, возможно, изначально была установлена вертикально.

Заполнение ямы под насыпью двухслойное. Насыпь подстилал *плотный желтовато-коричневый грунт с большим количеством мелкой гальки, угольками и мелкими фрагментами костей животных*, без артефактов (10.YR. 5/4 yellowish brown) (рис. 2.1; 2.2: слой № 16; 2.78: I). Мощность – до 0,10 м. Ниже, на дне ямы, вскрыт

плотный оливково-коричневый грунт с мелкими угольками (2.5У. 5/4 – light olive brown) (рис. 2.1; 2.2: *слой № 17*; 2.78: *1*). Мощность слоя – до 0,05 м. Какой-либо археологический и антропологический материал в нем не обнаружен. Однозначно определить функциональное назначение объекта сложно. Возможно, он представлял собой специфический погребально-поминальный/меморативный комплекс (кенотаф) или святилище, созданное по особому случаю и использовавшееся в течение короткого промежутка времени, а затем преднамеренно законсервированное («погребённое»).

О хронологической позиции сооружения можно судить по найденным при его исследовании технологически близким изделиям из кремня. Это два двусторонних орудия (вкладыш серпа бондарихинского типа и листовидный наконечник), а также заготовка двустороннего орудия (рис. 2.79: 259-261)¹⁰. На территории Донецкого бассейна вкладыши серпов бондарихинского типа датируются XII–X вв. до н. э. (Колесник, Гершкович 2001).

Хозяйственная яма

Второй изученный объект горизонта II выявлен юго-восточнее культового сооружения в кв. 4В (рис. 1.1: *яма II*; 2.71). Это остатки впущенной в «материк» хозяйственной ямы. Большая её часть разрушена в эпоху средневековья при устройстве могилы № 1. Зафиксированы дно и юго-западная половина бортов сооружения (рис. 2.66-2.69; 2.70: *1, яма II*). Яма, видимо, колоколовидная, с плоским горизонтальным овальным в плане дном (0,81×0,98 м). Её общая предполагаемая глубина – около 1 м (сохранившейся части – до 0,70-0,80 м).

Заполнение четырехслойное (рис. 2.66; 2.70: *1*). Основной его объём составлял *достаточно плотный коричневый грунт с делювием материковых пород, мелкой морской или речной галькой, древесными угольками* (слой № 20). Его подстилал *слой плотного коричневого грунта с большим количеством древесных углей (в том числе фрагментов обугленных веток длиной до 0,05 м) и частичек глины, прокаленных до кирпично-красного цвета* (слой № 21), мощность – около 0,01-0,02 м, залегал практически горизонтально. В нём, в южной части сооружения, обнаружен фрагментированный лепной горшок и обломок оселка (рис. 2.70). Ниже располагались отложения *плотного тёмно-коричневого грунта с большим количеством мелкого и среднего делювия пород таврической сериш, угольками* (слой № 22), мощность – до 0,05 м. У западной окраины ямы в слое найден один обломок стенки красноглиняного лепного горшка. Под слоем № 22, на скальном дне углубления, зафиксировано *большое количество древесных углей и комочков глины, прокаленных до кирпично-красного цвета* (слой № 23), мощность – не более 0,01 м. Два слоя угольков с обожжённой глиной (№№ 21 и 23), вероятно, свидетельствуют о том, что сооружение периодически (по крайней мере, дважды) обжигалось изнутри.

Датировку ямы определяет находка лепного горшка, форма которого восстановлена примерно на $\frac{3}{4}$ (рис. 2.70: 156). Тулово сосуда оваловидных очертаний с максимальным расширением чуть выше середины высоты. Горло невысокое, в виде раструба, венчик прямой, слегка заужен к краю, внешняя поверхность заглажена. Черепок плотный, на изломе от приглушённого красного до чёрного цвета. Обжиг неравномерный. В глиняном тесте примеси мелкой и средней дресвы аржиллитов и кварцитов, мелкозернистый песок (в т.ч. чёрный), включения рыхлого минерала белого цвета (известняк). Сосуд изготовлен в технике ленточного налёпа. Диаметр венчика – 15 см. Сохранившаяся высота корпуса – 20,5 см. По определению ст.н.с. ИА НАНУ к.и.н. Я.П. Гершковича, горшок датируется эпохой поздней бронзы (XII–X вв. до н.э.).

Некоторое представление об относительной хронологии изученных объектов дает сопоставление особенностей состава связанных с ними культурных напластований. Так, наличие в заполнении хозяйственной ямы мелкой гальки, подобной обнаруженной в заполнении культового сооружения, видимо свидетельствует о том, что её прекратили использовать уже после его обустройства. Насколько эти события отдалены друг от друга во времени, судить сложно.

Исследованный на холме Тузлух археологический комплекс эпохи поздней бронзы – один из немногих документированных объектов такого рода в Южной части Горного Крыма. Памятники этого периода в регионе до сего времени малоизвестны и практически не изучены (см. напр.: Колотухин 1996: 20-21; 2003: 12, 27).

РЕЗУЛЬТАТЫ СТРАТИГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Анализ структуры культурных отложений позволяет предложить следующий вариант реконструкции антропогенной деятельности на исследованном участке памятника.

К наиболее ранним остаткам, связанным с человеческой активностью на вершине холма Тузлух, относятся два объекта эпохи поздней бронзы. Один из них представляет собой культовое сооружение, вероятно, специфический погребально-поминальный/меморативный комплекс (кенотаф) или святилище, созданное по особому случаю и использовавшееся в течение короткого промежутка времени, а затем преднамеренно законсервированное («погребённое»). Второй – хозяйственную яму, как минимум дважды обожжённую изнутри, с остатками лепного горшка и обломком оселка в заполнении. Возможно, её функционирование каким-то образом связано со «святилищем». По крайней мере, яму прекратили использовать после его обустройства.

Исследованная территория повторно привлекает к себе внимание человека на финальном этапе раннего средневековья, когда здесь возводится двухапсидная церковь. Сложно судить о том, какими соображениями руководствовались её основатели в выборе места

¹⁰ Определение д.и.н. В.П. Чабая. Детальная характеристика изделий приведена в Приложении 7.

для строительства¹¹. Также затруднительно определить, преднамеренно или случайно храм возводится на месте культового сооружения более ранней эпохи.

В любом случае, вполне возможно, что строители церкви не оставили без внимания каменную насыпь и, очевидно, преднамеренно водрузили на неё центральные камни апсиды южного компартимента.

В истории храма можно выделить несколько этапов.

1. Подготовка площадки для строительства, включавшая нивелировку вершины холма, сопровождавшуюся снятием дерна, верхнего слоя почвы (слой № 3б) и рассредоточением верхней части каменной насыпи кургана, в результате чего образовался слой № 7в.

2. Обустройство котлована под строительство южного компартимента и ямы для установки пифоса (№ 8). Выбранный грунт, вероятно, использовался для замеса кладочного раствора.

3. Возведение южного компартимента и отделка его интерьерера (линзы извести и тонкодисперсной глины оливкового цвета в алтарной части южного компартимента и, возможно, слой № 13а).

4. Обустройство котлована для пристройки северного компартимента, в кладках которого были использованы фрагменты черепицы и аморфные обломки туфа, оставшиеся от строительных работ в южной части церкви.

5. Удаление пифоса из ямы № 8, её засыпка, распределение остатков грунта, выбранного из котлованов, по дневной поверхности вокруг храма и внутри северного компартимента с целью благоустройства территории (слой № 7).

6. Освящение храма, сопровождавшееся возжжением огня с внешней стороны южного и северного входов в южный компартимент и западного входа в северный компартимент (очаги №№ 1-3, слой № 7а), а также, вероятно, жертвоприношениями и общинной трапезой (слой № 7б – снаружи храма, возможно, слой № 7-1 – в северной апсиде).

7. Функционирование двухапсидного храма, сопровождавшееся трапезами как в южном, так и в северном компартименте, и приношениями различного рода votivных предметов (в основном, крестов) (слои №№ 13, 13а-б, 14, 14а-в, возможно, заполнение ямы № 10 [южный компартимент], 12а [нижняя часть], слои №№ 7-1 и отчасти 6-2, 6-3 [северный компартимент]). В этот же период в северном компартименте, напротив прохода в юго-восточной стене была установлена столообразная конструкция в виде плоского камня, который, вероятно, играл роль сегодняшнего жертвенника – протесиса. За пределами храма совершаются погребения в могиле № 1.

8. Первое разрушение церкви (слои №№ 6, 6-1, 6-2, 6-3, 2б и, частично, 12а, 12 в).

9. Расчистка руин, разборка стен северного компартимента и пилонов с западной стороны здания, консервация остатков северного компартимента продуктами разрушения его стен (слой № 2б).

10. Капитальная реконструкция южного компартимента в однефный одноапсидный храм, включавшая изменение контура апсиды, закладку северного входа, обустройство навеса у южного входа (столбовые ямы №№ 5, 6, 9), нивелировку поверхности пола остатками продуктов разрушения кладочного раствора и облицовки стен (слои № 12а, б), появление внутри храма массивной каменной перегородки, разделившей его пространство на нартекс и наос, повышение уровня порога южного входа, а также обустройство каких-то специальных конструкций в апсидной части (включавших туфовые архитектурные детали и донную часть высокогорлого кувшина) и у южного заплечика (скопление крупных фрагментов керамид, стенок пифосов, плоских плиток из аргиллита и туфа) (нижняя часть слоя № 12).

11. Освящение восстановленного храма, сопровождавшееся возжжением огня с внешней стороны южного входа (слой № 5б) и, возможно, возложением двух пластинчатых металлических крестов у кладки апсиды.

12. Функционирование одноапсидного храма, сопровождавшееся регулярными действиями как-то: возжжение огня при помощи кремня и кресала, порча стеклянных сосудов (ламп) и трапеза снаружи здания, предположительно перед его южным входом (слой № 5), а также votivными приношениями (металлические кресты, подвеска из раковины морского моллюска) внутри компартимента (верхняя часть слоя № 12а).

13. Второе разрушение строения (слои №№ 12 и 4).

14. Разборка остатков стен и завалов, осуществлявшаяся, видимо, с целью добычи пригодных для очередного использования строительных материалов (балок, гвоздей, черепицы, туфовых деталей, строительного камня и пр.) (верхняя часть слоя № 4 и слой № 11). Вероятно, остатки извлеченного из разрушенной апсиды туфа зафиксированы в верхней части слоя № 4 с внешней стороны западной стены храма¹².

15. Последующее использование руин храма (слой № 9), включавшее также устройство очага (слой № 10) и возведение кладки № 1, разделившей внутреннее пространство практически на две равные половины.

16. Окончательное разрушение остатков стен (слой № 2).

¹¹ Не исключено, что такое решение каким-то образом обусловлено наличием на этом же хребте, ниже, в 350 м к ЮВ от церкви, некрополя первой половины VII–VIII вв. (Лысенко, Тесленко 2012: 104, 110, рис. 1: 10, 2).

¹² Следует отметить, что аналогичное расположение извлеченных из руин остатков архитектурных деталей из мягких пород известняка (с внешней стороны западной стены) отмечено при раскопках храма на южной окраине с. Малый Маяк (Тесленко, Лысенко 2004б: 282, рис.5: разрез 5–6 [слой 6]).

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

КЕРАМИКА

Керамические изделия являются наиболее многочисленной категорией находок, полученных в результате раскопок храма в урочище Еди-Евлер. Всего было зафиксировано и обработано 8252 фрагмента керамических предметов общим весом 699,56 кг. В их число входит 3541 мелкий обломок (2464 фрагмента – от крупных изделий, вероятно, черепиц, 1077 фрагментов – от различных сосудов) общим весом около 21,58 кг. Эти мелкие фрагменты не поддаются точной атрибуции и не будут учитываться при последующих расчетах.

В составе керамики, общее функциональное назначение которой удалось определить, выделено три категории изделий: строительные материалы (кровельная черепица), тара (пифосы, амфоры, фляга, высокогорлый кувшин), кухонно-столовая посуда (сосуды закрытой и открытой формы).

Основные категории керамических находок распределяются по строительным периодам и группам слоев¹ следующим образом²:

Строит. периоды	Группы слоев	Категории керамики								
		строительная			тара			кухонно-столовая посуда		
		кол-во	вес	%	кол-во	вес	%	кол-во	вес	%
I–II	I	24	550	40%	2	47	3,3%	34	271	56,7%
	II	29	2752	5,8%	63	5778	12,8%	402	12179	81,4%
	III	95	14203	44,0%	7	690	3,2%	114	4933	52,8%
	IV	645	197223	64,1%	113	20600	11,2%	248	10540	24,7%
Итого:		793	214728	44,7%	185	27115	10,4%	798	27923	44,9%
III	V	58	11209	42,7%	12	4757	8,8%	66	1942	48,5%
	VI	57	4052	30,5%	3	153	1,6%	127	990	67,9%
	VII	812	223086	62,0%	253	20418	19,3%	245	4340	18,7%
Итого:		927	238347	56,8%	268	25328	16,4%	438	7272	26,8%
IV	VIII	101	15365	64,7%	9	1211	5,8%	46	1098	29,5%
	IX	632	74390	69,3%	151	9051	16,5%	130	1311	14,2%
Итого:		733	89755	68,5%	160	10262	15,0%	176	2409	16,5%
	кладки	54	11850	62,8%	2	1651	2,3%	30	1251	34,9%
	п/м	82	17256	55,1%	22	1976	14,8%	43	861	30,1%
Всего:		2589	571936	55,0%	637	66332	13,5%	1485	39716	31,5%

Основу коллекции составляют фрагменты красноглиняной черепицы (55,0%). Больше всего обнаружено обломков керамид – 1770 фрагментов весом 392,298 кг. Это – 68,4% обнаруженных при раскопках кровельных материалов. Калиптеры представлены в меньшем количестве – 819 фрагментов весом 179,64 кг, то есть 31,6% кровельных материалов.

По визуальным характеристикам формовочная масса всей найденной черепицы, как керамид, так и калиптеров, очень схожа³. Она включает значительное коли-

чество отошителя в виде дроблёной керамики (шамот), мелкой и средней дресвы тёмно-коричневого или серо-коричневого цвета, вероятно, от местных пород таврической серии⁴, а также естественные примеси частиц рыхлого минерала белого цвета, по-видимому, известняка. Небольшие различия наблюдаются в степени концентрации, качестве и размерах отошителя, но они зачастую нестабильны даже в рамках изделий одной серии. Очевидно, что глина готовилась по подобной рецептуре в керамических мастерских, следующих схожим технологиям гончарного, в том числе черепичного, производства. Качество обжига также нестабильно. Однако и этот показатель вполне может варьироваться даже в изделиях, вышедших из одной мастерской. Таким образом, сложно разделить материал из семидворского

¹ О распределении слоев по группам см. таблицу 1 в главе 2.

² Под количеством подразумевается общее число фрагментов; общий вес изделий указан в граммах; процент исчисляется от общего количества фрагментов керамики в одной группе слоев; п/м – подемный материал.

³ Специальные петрографические и химические исследования сырья не проводились.

⁴ Средние параметры зерна отошителя – 0,3-0,6×0,3-0,5 см, отдельные экземпляры – до 1,1×0,9-1,0 см.

храма на группы по признаку состава сырья и качества обжига.

Более выразительные особенности фиксируются на уровне конструктивных деталей и тщательности выделки черепицы, что может свидетельствовать в пользу происхождения храмовых кровельных материалов из разных гончарных центров.

Обнаруженные при раскопках храма керамида прямоугольной формы с зауженной нижней частью, профилированной симметричными коленчатыми изгибами. Форма 9 экземпляров восстановлена полностью и ещё 9 – частично (из 157 обломков) (рис. 3.1-3.13). Все найденные керамиды изготовлены «тыльным» способом (Моисеев 2011: 183). При этом методе лицевая часть изделия оттискивалась в деревянной матрице, на которой предварительно могли быть вырезаны углубления для получения водосливных валиков и меток, а тыльная выравнивалась по высоте формы специальной деревянной планкой или дощечкой. В результате на большинстве готовых изделий отчётливо видны характерные следы от продольного движения такого деревянного инструмента. Иногда такие следы сочетаются с отпечатками ладоней гончара, видимо, оставленными в процессе дополнительного уплотнения глины в форме. Следы тщательной ручной утрамбовки чаще всего фиксируются вдоль продольных бортов. Они иллюстрируют стремление ремесленника как можно более плотно заполнить глиной углубления в матрице. На всех исследованных экземплярах излишки глины снимались в направлении от нижнего (зауженного) торца к верхнему. Из-за этого вдоль верхнего торца образовывался наплыв формовочной массы, который иногда специально подрезался или выравнивался. На лицевых поверхностях некоторых экземпляров фиксируются отпечатки мелкого песка. Вероятно, он использовался в качестве подсыпки на внутренней поверхности матрицы для того, чтобы уменьшить её сцепление с глиной и упростить процедуру извлечения готового изделия.

По основным конструктивным особенностям выделено три основных типа керамид.

1. Керамиды с низким прямоугольным в сечении бортом вдоль верхнего торца, прямоугольными или трапециевидными в сечении боковыми бортами и с углом коленного изгиба более 90° (рис. 3.1-3.8). Они составляют около 60-62% в общей массе фрагментов черепицы, тип которых можно определить. Размер целых экземпляров – 32,5-33,8×44,7-45,9, вес – 6,5-7,4 кг. Высота боковых бортов без учета толщины поля – 1,7-2,7-2,9-3,5 см, торцевого – 0,5-0,9 см, толщина поля – 1,3-2,2-2,5-2,9 см. Только для этого типа черепиц, найденных при раскопках храма, характерно наличие водосливных валиков и меток. Все валики выполнены в высоком рельефе до 0,5-0,7 см в виде пары полудуг, опускающихся от боковых бортов до нижнего торца. По особенностям их расположения на поле, расстоянию между валиками, высоте полудуги, а также ширине бортов вдоль верхнего и у нижнего торцов можно предположительно опреде-

лить не менее четырех-пяти видов изделий (рис. 3.1-3.8: 36, 47, 101, 120, 40, 110, 31, 56, 96, 70). Внутри этих видов выделяются серии керамид, оттиснутые в одной матрице. Так, пять экземпляров среди реконструированных изделий двух видов составляют две серии. Это 3 черепицы с меткой в виде «λ» (рис. 3.1-3.3: 47, 101, 120) и 2 – с тамгообразным знаком «трезубец» (рис. 3.4-3.6: 40, 110). Конфигурация серийных изделий совпадает в мелочах, однако есть и некоторые незначительные различия на уровне аккуратности и тщательности исполнения, параметров и состава отощителя, качества обжига. Например, в одном экземпляре первой серии (рис. 3.1, 3.2: 47) преобладает дресва серо-коричневого цвета, в то время как у двух остальных (рис. 3.1; 3.3: 101, 120) – темно-коричневая; во второй серии – одно из изделий (рис. 3.4; 3.6: 40) обожжено лучше, его черепок плотнее, отощитель более мелкой фракции (не более 0,5×0,7 см), излишки глины вдоль верхнего торца специально сняты, в то время как у другого (рис. 3.1; 3.2: 110) в составе формовочной массы встречаются дресва до 0,8×1,1 см, обжиг неравномерный, наплыв глины вдоль верхнего края не срезан. Таким образом, даже изделия одной серии могут не быть абсолютно идентичными.

2. Керамиды без борта вдоль верхнего торца, с прямоугольными или трапециевидными в сечении боковыми бортами и с углом коленного изгиба более 90° (рис. 3.9-3.13: 48, 49, 57, 63, 88, 111). Составляют около 30-35% в общей массе фрагментов черепицы, тип которых можно определить. Размер единственного полностью реконструированного экземпляра – 31,1×48,5, вес – около 6,3-6,4 кг. Ширина частично восстановленных изделий – 31-32,4 см. Высота боковых бортов над полем – 2,2-3,0-3,0-3,3 см, толщина поля – 1,6-2,3-2,2-2,8 см. Все изделия без водосливных валиков и меток, внутренние ребра бортов слегка скруглены. Для их формовки использованы как минимум два вида матриц схожей конфигурации, но различных параметров. Из них получены 2 вида изделий: шириной 31,0-31,1 см (рис. 3.9; 3.10: 63; 3.12; 3.13: 57, 88) и 32,1-32,4 см (рис. 3.9; 3.11: 48, 49; 3.12; 3.13: 111) с расстоянием до коленного изгиба соответственно – 42,2 см и 37,6 см.

3. Керамиды без борта вдоль верхнего торца, с трапециевидными в сечении боковыми бортами и с углом коленного изгиба около 90° (рис. 3.9; 3.10: 67). Составляют не более 3-5% в общей массе фрагментов черепицы. Реконструирована форма одного изделия. Его размер – 36,0×44,7 см, вес – не менее 6 кг. Высота боковых бортов – 2,9-3,5 см, толщина поля – 1,6-2,5 см. Вдоль центра лицевой поверхности керамиды прослежен небольшой продольный выступ высотой – до 0,2 см, шириной – до 0,3 см. Скорее всего, он не несет определённой функциональной нагрузки как, например, водосливные валики и, вероятно, образовался вдоль трещины в матрице или стыковочного шва двух её частей.

Метки, как уже упоминалось, встречаются только на керамидах первого типа. Всего обнаружено 6 целых форм и 6 фрагментов с выпуклыми (рельефными) зна-

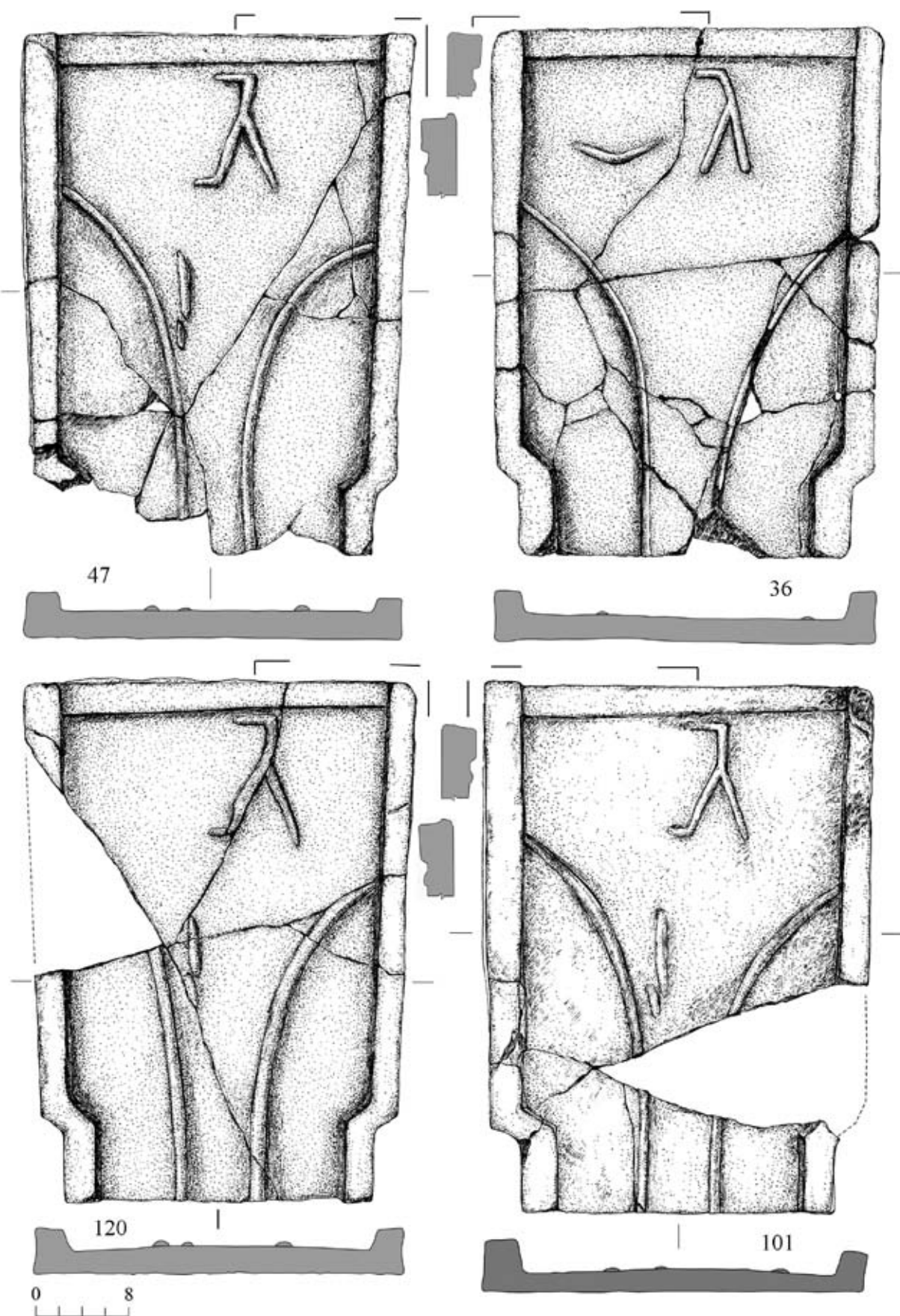

Рис. 3.1. Храм на холме Тузлук. Керамиды с метками, тип 1. 36, 120 – слой № 6-1; 47 – слой № 4; 101 – слой № 6.
 Fig. 3.1. Church on the Tuzluk hill. Roof tiles with marks, type 1. 36, 120 – layer no 6-1; 47 – layer no 4; 101 – layer no 6.

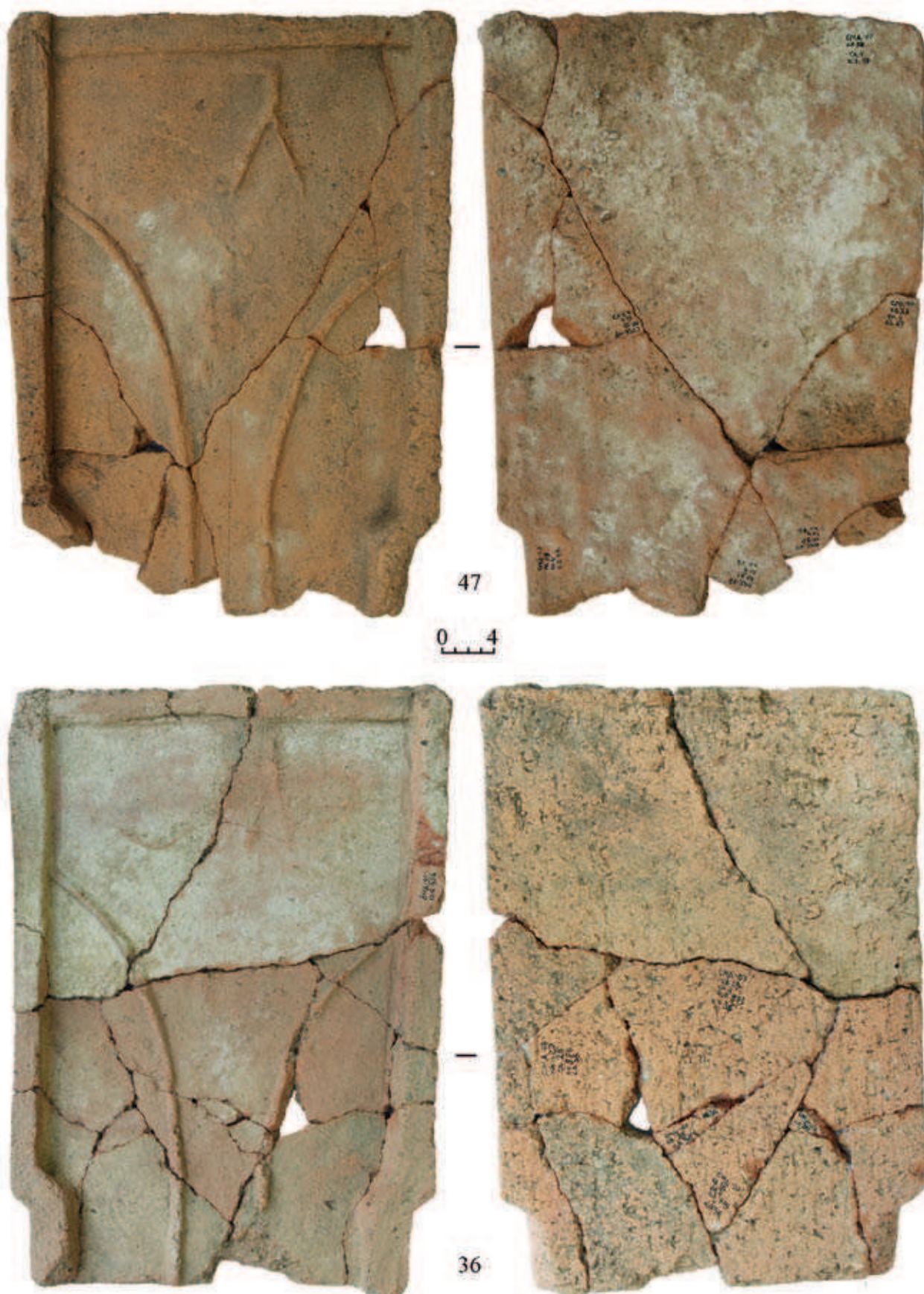

Рис. 3.2. Храм на холме Тузлук. Керамиды с метками, тип 1. 36 – слой № 6-1; 47 – слой № 4.
Fig. 3.2. Church on the Tuzluk hill. Roof tiles with marks, type 1. 36 – layer no 6-1; 47 – layer no 4.

Рис. 3.3. Храм на холме Тузлух. Керамиды с метками, тип 1. 101 – слой № 6; 120 – слой № 6-1.
Fig. 3.3. Church on the Tuzluk hill. Roof tiles with marks, type 1. 101 – layer no 6; 120 – layer no 6-1.

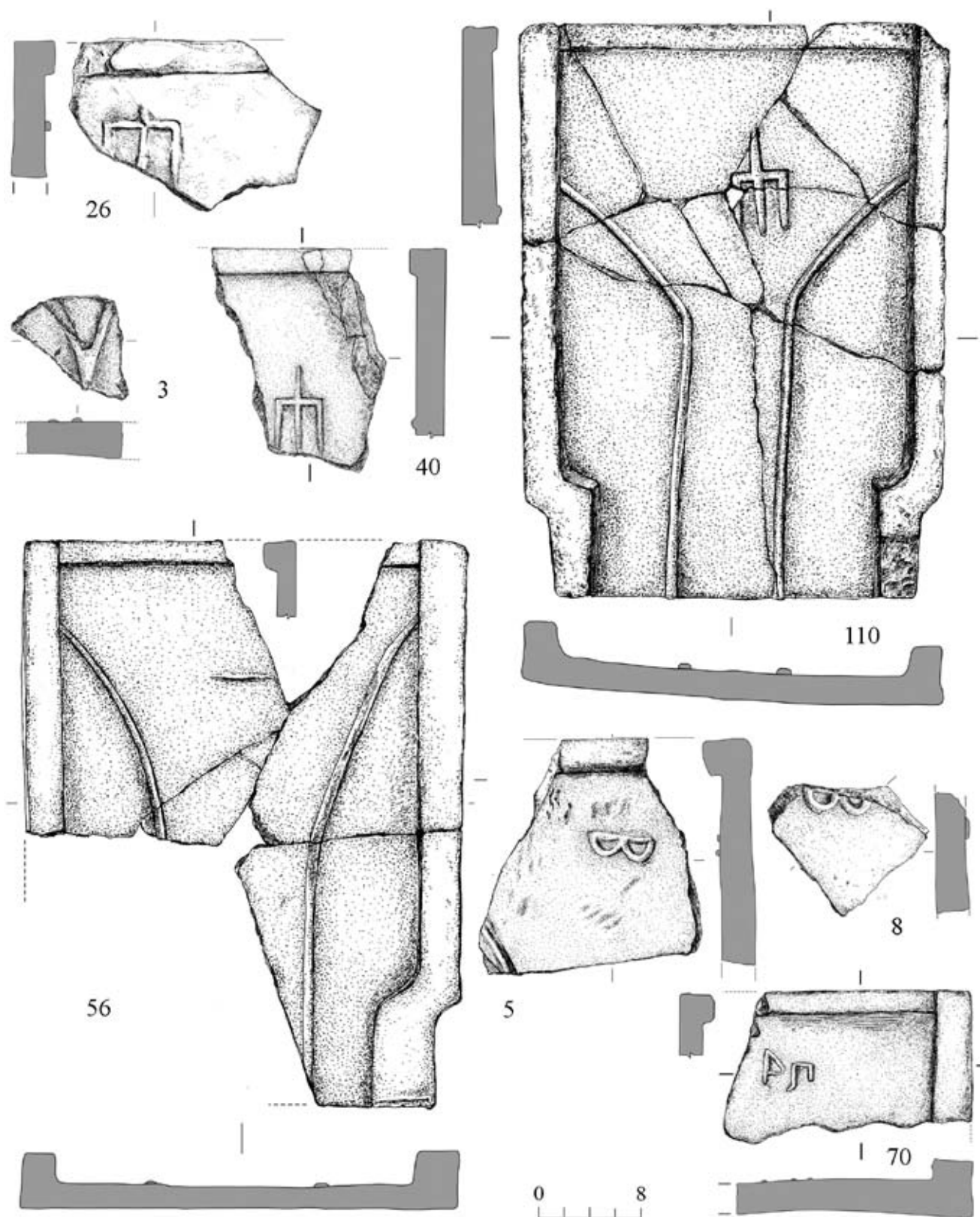

Рис. 3.4. Храм на холме Тузлук. Керамиды с метками, тип 1.

3 – слой № 1; 5, 8, 26 – слой № 2; 40, 56, 70 – слой № 4; 110 – слой № 6-1.

Fig. 3.4. Church on the Tuzluk hill. Roof tiles with marks, type 1.

3 – layer no 1; 5, 8, 26 – layer no 2; 40, 56, 70 – layer no 4; 110 – layer no 6-1.

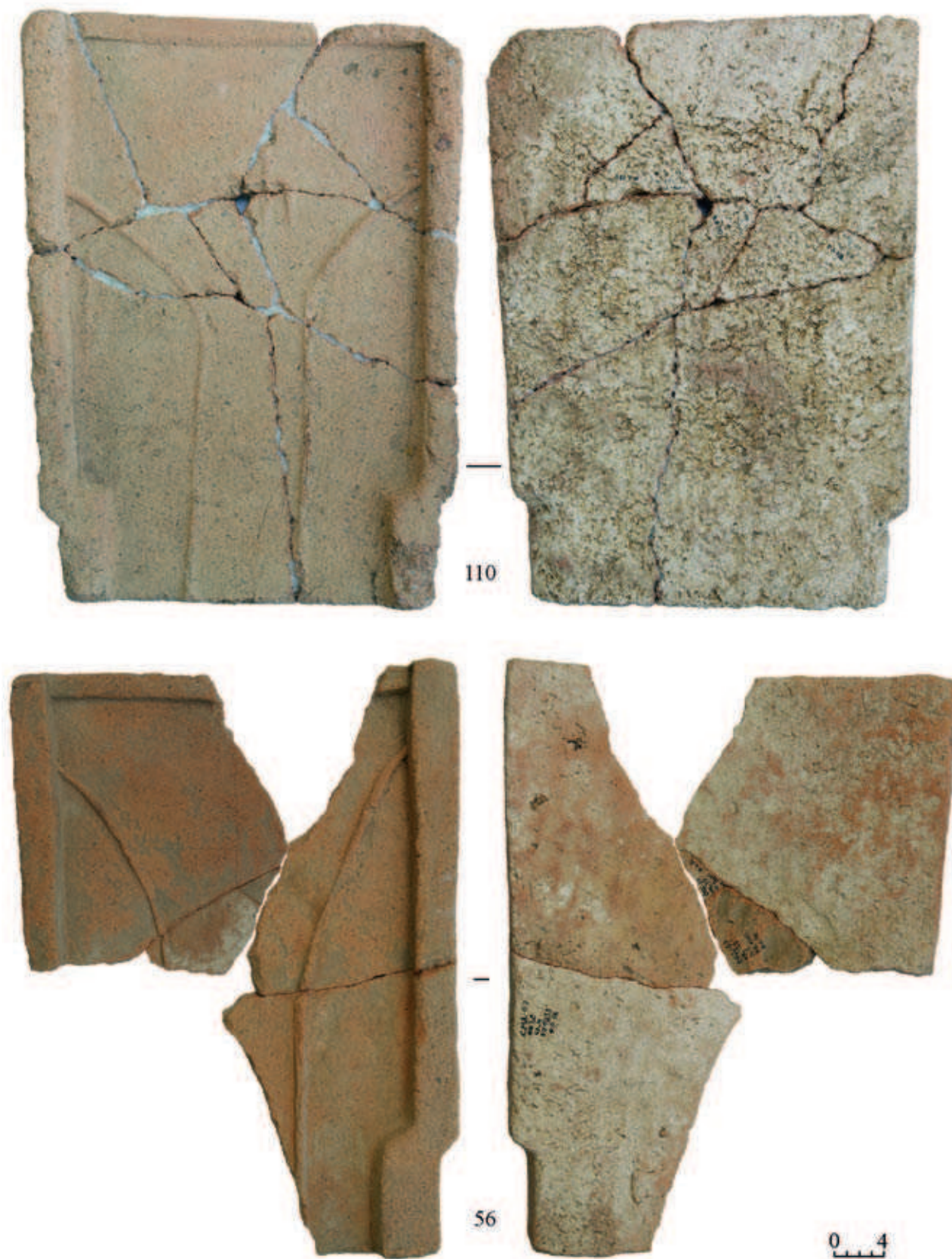

Рис. 3.5. Храм на холме Тузлук. Керамиды с метками, тип 1.
56 – слой № 4; 110 – слой № 6-1.
Fig. 3.5. Church on the Tuzluk hill. Roof tiles with marks, type 1.
56 – layer no 4; 110 – layer no 6-1.

Рис. 3.6. Храм на холме Тузлук. Керамиды с метками и водосливными валиками, тип 1.

3 – слой № 1; 5, 8, 26 – слой № 2; 40, 68, 70 – слой № 4; 112 – слой № 6-1.

Fig. 3.6. Church on the Tuzluk hill. Roof tiles with waterways and marks, type 1.

3 – layer no 1; 5, 8, 26 – layer no 2; 40, 68, 70 – layer no 4; 112 – layer no 6-1.

ками. Из них 3 – в виде перевернутой трезубой тамги («трезубца») (рис. 3.4-3.6: 26, 40, 110); 7 – в виде греческих литер «λ» (4) (рис. 3.1-3.3), «В» (2) (рис. 3.4; 3.6: 5, 8) и сочетания букв предположительно «р» и «л» (1) (рис. 3.4; 3.6: 70); 1 – в виде V-образной фигуры (рис. 3.4; 3.6: 3); 1 – в виде горизонтальной черты между водосливными валиками (рис. 3.4; 3.5: 56).

Метки в виде перевернутого угловатого «трезубца» расположены в верхней части лицевой поверхности керамид, на расстоянии около 1,9 (1) и 12 (2) см от верхнего торцевого борта, размер их соответственно – 6,4×7,0 см; 4,6×6,2 см; 4,8×6,2 см. Две последние оттиснуты в одной матрице (рис. 3.4: 40, 110). Происходят из слов групп IV, VII, IX, то есть использовались как во втором, так и в третьем строительных периодах. Близкая аналогия первой метке найдена в материалах, добытых при раскопках поселения VIII–X вв. у побережья моря, на правом берегу р. Улу-Узень в г. Алушта (Телиженко 2010: л. 106, 140, рис. 20: 1; 54: 1)⁵. Сходство изображений позволяет предположить, что керамида из церкви у с. Семидворья и черепица из Алушты могли быть изготовлены в одной мастерской.

Единичные находки керамид с аналогичными символами, хотя и несколько отличающимися в деталях, происходят также из раскопок поселения VIII–X вв. на плато Тепсень у п. Планерское-Коктебель близ Феодосии (Бабенчиков 1953: рис. 28: 20; 1958: 127-128; Якобсон 1979: 68, рис. 42: 34; Майко 2004: 208, рис. 118: 10), ряда объектов в Симеизе близ Ялты (Паршина 1974: 85-86, рис. 27: 16, 17) и жилых кварталов Херсонеса (Романчук 2004: 144, табл. 8: E49, рис. 7: 4). Ассоциация «трезубца» с «буквенными знаками», предложенная А.И. Романчук (2004: 144, табл. 8), вряд ли оправдана. Скорее всего, «трезубец» представляет собой разновидность тамгообразных знаков. Следует отметить, что распространение таких символов в Северном Причерноморье относится ещё ко времени Боспорского царства, в котором «триденс» – символ бога Посейдона стал постоянным элементом гербов боспорских правящих династий, связывавших свое происхождение с мифическим героем Евмолпом, сыном Посейдона (Драчук 1975: 63). Сам символ, безусловно, более древнего происхождения и был достаточно широко распространен. Он известен, например, как эмблема древней минойской цивилизации и даже в качестве атрибута индуистского бога Шивы («тришула») и пр. (см. напр.: Гринцер 2003: 643). Однако, как отмечает В.С. Драчук, не всегда можно говорить об общем происхождении схожих символов и их длительной преемственности на одной территории (Драчук 1975: 93).

Знаки в виде «λ» ориентированы вертикально, расположены у верхнего торца керамид (не более чем в 0,5-0,6 см от борта), чуть смещены от центра вправо, представлены в двух вариантах исполнения. Три из них

– это оттиски одной матрицы. Здесь литера изображена с изогнутыми верхним и нижним окончаниями (размер – около 6,8×10,1 см) в сочетании с двумя разновеликими вертикальными полосами, расположенными примерно в 6 см внизу от неё (рис. 3.1-3.3: 47, 101, 120). Происходят из слоев групп IV и VII. Следовательно, эти керамиды использовались как во втором, так и в третьем строительных периодах.

Второй вариант «λ» – с одним верхним изгибом (высота буквы – 4,7×9,8 см). Литера дополнена широкой V-образной фигурой, расположенной на одной линии слева от буквенного знака (рис. 3.1; 3.2: 36). Керамиды со знаком второго варианта найдены в слое разрушения второго строительного периода (группа IV). Метки в виде «лямбды» изредка встречаются в Херсонесе (Якобсон 1950: 151, табл. 22: 25; Романчук 2004: 145-146, табл. 10; 11), Эски-Кермене близ Бахчисарая (Паршина 1988: 41, №№ 59, 60, 66, 67), в материалах из раскопок храма в Верхней Массандре близ Ялты (Паршина 1974: 89, рис. 31), но они здесь исполнены в совершенно иной манере. Точные аналогии семидворским экземплярам найти не удалось.

Обе литеры «В» ориентированы горизонтально, одна из них сохранилась частично, вторая – полностью, она располагается примерно в 4,7 см от верхнего торцевого борта. Знаки практически идентичны по начертанию, их размеры – 1,6×4,0 см (рис. 3.4; 3.6: 5, 8). Происходят из слов группы IX. Такие метки относятся к одним из наиболее распространённых в Крыму и на синхронных семидворскому храму объектах встречаются довольно часто. Представительные коллекции происходят из городища на плато Тепсень (Бабенчиков 1953: 113; 1958: 128, рис. 19; Якобсон 1979: 68, рис. 42; Майко 2004: 208, рис. 118: 6), раскопок Биюк-Исара у с. Оползневое (бывший Кикинеиз), укрепления на мысе Троица близ пгт. Понизовка (бывший Ашагы Кикинеиз) (Паршина 1974: 83-84, рис. 22: 1-5; 25: 1, 2), Эски-Кермена (Паршина 1988: 40, рис. 3: 1-3), Мангуца, Херсонеса (Якобсон 1950: 131, табл. 9: 122, 126-128; Тиханова 1953: 431, №№ 19-21; Романчук 1977: 184, рис. 2; Мыц 1990: 230, рис. 6; Романчук 2004: 140-141, рис. 17; 18; табл. 2; 3; 42) и др. Наиболее близки по манере исполнения и стилю буквы на изделиях, найденных на городище Тепсень и в укреплении Биюк-Исар, однако сложно определить степень схожести матриц, так как рисунки меток в публикациях схематичны, а фотографии отсутствуют.

Также часты V-образные знаки (см. напр.: Якобсон 1979: 68-70, рис. 42: 25-27; Завадская 2008: 312, 315, рис. 2: 6; 5: 5; 2010: 260-261, илл. 5: 4; 6: 5). Однако метка из раскопок храма у с. Семидворье сохранилась лишь частично, полный абрис её не ясен (рис. 3.4; 3.6: 3). Возможно, что в данном случае видна только часть изображения более сложной конфигурации.

На одном фрагменте керамиды видна метка в виде двух литер «р» и «л», оттиснутая примерно в 3 см от верхнего торцевого борта (рис. 3.4; 3.6: 70). Обломок найден в слое разрушения третьего строительного пе-

⁵ Выражаю благодарность С.А. Телиженко за любезно предоставленную возможность использовать для поиска аналогий неопубликованные материалы его раскопок 2009-2010 гг. (Телиженко 2010).

риода (слой № 4). Буквы выполнены в низком рельефе (не более 0,15-0,2 см) тонкой линией (до 0,2-0,25 см), литеры высотой до 2,4-2,8 см, оттиск не четкий. Обращает на себя внимание довольно высокое качество выделки самой керамики, не отмеченное при исследовании других экземпляров. После извлечения из формы края изделия по периметру, а также ребра бортов были аккуратно подрезаны, внутреннюю грань высокого борта дополнительно подравнивали, поверхность вдоль торцового борта проработали пальцевым заглаживанием. Точные аналогии изображению найти не удалось. В материалах из Херсонеса и Эски-Кермена среди черепичных клейм встречены только отдельные литеры «р» или «л», исполненные в совершенно иной манере (Яacobсон 1950: 134-135, табл. 8: 92-96; 11: 178; 21: 27, 55; 1970: 156-163, табл. I: 1-4; III: 57-65; Паршина 1988: 41, рис. 3: 69, 71, 78).

В единственном экземпляре представлен также знак в виде горизонтальной черты, расположенной по центру между водосливными валиками, в верхней части изделия, на расстоянии 8,0 см от торцового борта (рис. 3.4, 3.5: 56). Высота метки в разрезе – до 0,25 см, ширина – около 0,3 см, длина – около 5,0 см. Керамика происходит из слоя разрушения третьего строительного периода (слой № 4). Несмотря на всю примитивность знака, точные аналогии ему найти не удалось.

Калиптеры, как и керамики, изготавливались в плоской матрице, поверхность которой моделировалась уступом и, в некоторых случаях, углублениями под валики и метки или в деревянной рамке. Затем на специальном шаблоне им придавалась необходимая выгнутая форма (см. напр.: Оустерхаут 2005: 161)⁶. От этой операции на лицевой поверхности изделий часто образуются небольшие трещины, расположенные вдоль зоны изгиба, впоследствии затертые пальцами. Уступ служил для лучшей фиксации вышележащих калиптеров при укладке кровли внахлест.

В целом из 117 обломков реконструировано 5 целых форм, 2 изделия с полной длиной и 14 – с полной шириной (рис. 3.14-3.28). Толщина поля у всех экземпляров не превышает 1,5-2,4 см, глубина уступа – не более 0,4-0,5 см. По морфологическим характеристикам они разделены на 5 типов.

1. Калиптеры равномерной ширины с манжетом (участок между верхним краем и уступом) длиной около 7,2-9,6 см (рис. 3.14; 3.15: 103; 3.16-3.19: 72, 97; 3.20: 54, 97, 115). Размеры реконструированных экземпляров – около 18,0-18,3×46,1-48,4 см, вес – около 3,9 кг.

2. Калиптеры равномерной ширины с манжетом длиной около 4,0-5,2 см (рис. 3.18-3.20: 52, 78; 3.21; 3.22; 3.25: 51, 55(?), 116). Размеры реконструированных экземпляров – около 15,6-16,3×42,3-43,3 см и 22,4×43,3 см. Вес – около 3,4-3,5 кг.

3. Калиптеры, равномерно расширяющиеся к низу с

манжетом длиной 4,4 см (рис. 3.21; 3.22: 114). Размер полностью восстановленного изделия – 18,0-22,0×44,3 см. Вес – 3,5 кг.

4. Калиптеры равномерной ширины с широким манжетом и поперечным валикообразным выступом на расстоянии около 4,0-4,4 см от нижнего торца. Один экземпляр реконструирован полностью (рис. 3.23-3.25: 93(?), 98). Его размеры – 17,3×48,2 см, длина манжета – 9,8 см, сечение валика – 0,3×0,6-0,7 см, вес изделия – 3,5 кг.

5. Вероятно, к пятому типу следует отнести калиптер с поперечным валикообразным выступом без манжета или с узким (не более 4,0 см) верхним манжетом (рис. 3.23; 3.24: 53). Верхний край изделия утрачен, поэтому точно определить его конфигурацию не представляется возможным. Ширина черепицы – 15,9 см, сохранившаяся длина – 44,6 см, сечение валика – 0,4×0,8 см.

Более или менее точно процентное соотношение разных типов в общей массе калиптеров определить довольно сложно. Это связано с тем, что у них меньше типобразующих признаков, чем у керамики, и эти признаки не так ярко выражены. Большинство фрагментированного материала практически невозможно соотнести с тем или иным типом изделий.

На пяти калиптерах отмечены рельефные клейма, два из которых представляют из себя, вероятно, буквы греческого алфавита «р». Три – несут на себе знаки в виде неопределенных символов (рис. 3.14; 3.15). Метки на калиптерах, в отличие от знаков на керамиках, выполнены тонкой линией (до 0,3 см) в низком рельефе (до 0,2-0,25 см), из-за чего их конфигурация не отчетлива, и зачастую полный контур не прослеживается (рис. 3.14; 3.15: 65, 66, 103, 113, 147). Еще на одном экземпляре присутствует, возможно, знак в виде «трезубца», который прочерчен острым стержнем по сырой глине (рис. 3.14: 148). Аналогии этим меткам найти не удалось.

Вся черепица из раскопок храма датируется в рамках второй половины VIII–X в. или IX–X вв. (см. напр.: Яacobсон 1970: 37-38, 47-51; Паршина 1974: 77-92; Моисеев 2011). Однако период использования изделий мог быть более продолжительным. Для детальной хронологии типов черепицы в настоящее время все еще недостаточно материалов.

Обладая информацией о средних размерах и весе керамики и калиптера, конструкции и параметрах крыши, а также технике укладки кровельных материалов (рис. 1.65), можно вычислить среднее количество использованной черепицы и общий вес керамического перекрытия. Согласно реконструкции архитектора В.П. Кирилло (см. главу 1 «Архитектурно-конструктивные особенности и строительная периодизация храма») крыша здания была двухскатной с размерами 7,30×4,50 м для северного ската и 7,30×2,30 м для южного во втором строительном периоде и соответственно 7,30×2,30 м и 7,30×4,80 м в третьем строительном периоде.

При дальнейших расчетах количества кровельных

⁶ Довольно точно реконструировать процесс изготовления калиптеров можно по этнографическим данным (Hampe, Winter 1965: Taf. 15, 42) (см. рис. 3.29; 3.30).

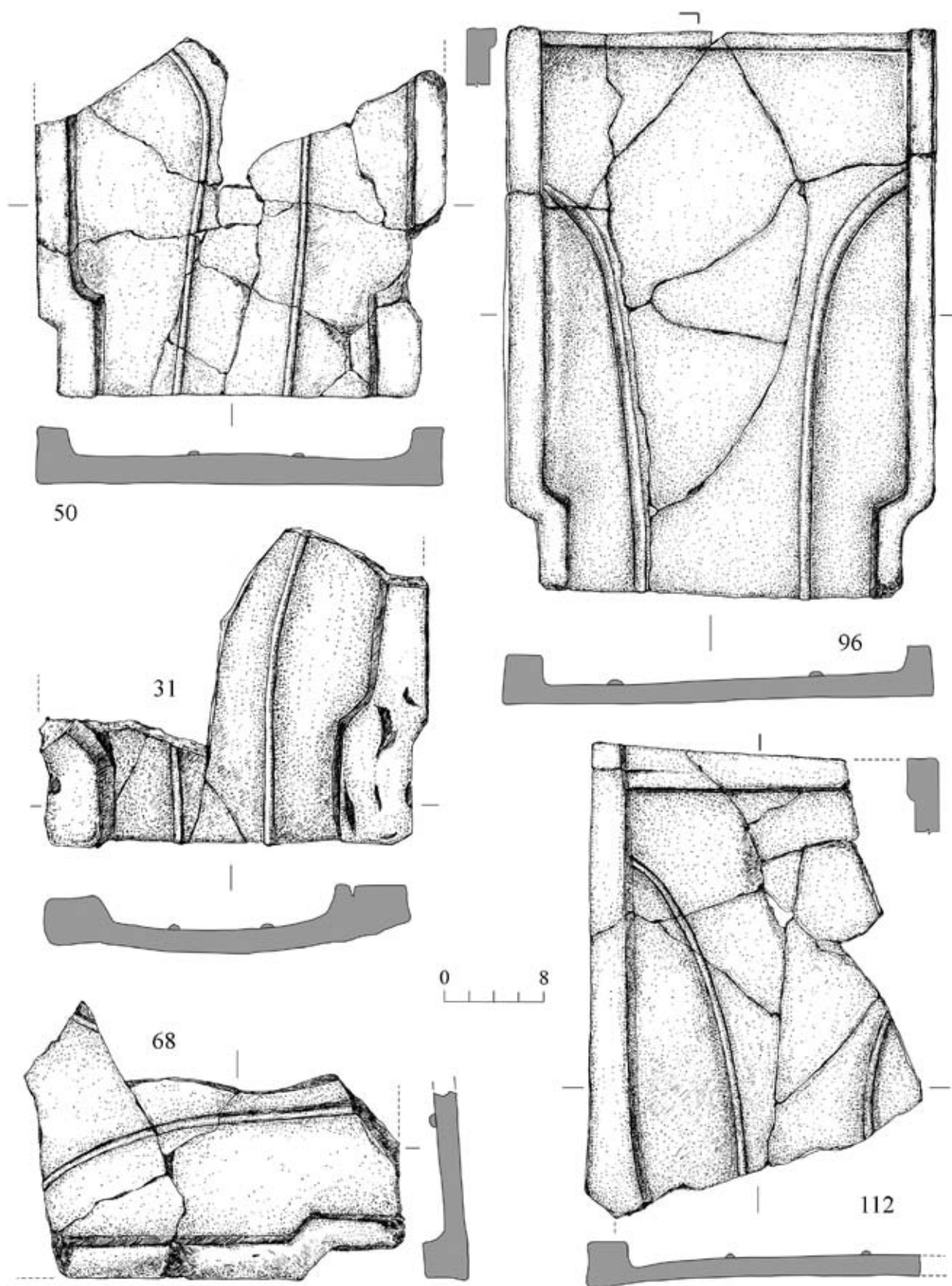

Рис. 3.7. Храм на холме Тузлук. Керамиды с водосливными валиками, тип 1.
31 – слой № 2; 50, 68 – слой № 4; 96 – слой № 6, яма 2; 112 – слой № 6-1.

Fig. 3.7. Church on the Tuzluk hill. Roof tiles with waterways, type 1.
31 – layer no 2; 50, 68 – layer no 4; 96 – layer no 6, pit 2; 112 – layer no 6-1.

Рис. 3.8. Храм на холме Тузлук. Керамиды с водосливными валиками, тип 1.

31 – слой № 2; 50 – слой № 4; 96 – слой № 6, яма 2.

Fig. 3.8. Church on the Tuzluk hill. Roof tiles with waterways, type 1.

31 – layer no 2; 50 – layer no 4; 96 – layer no 6, pit 2.

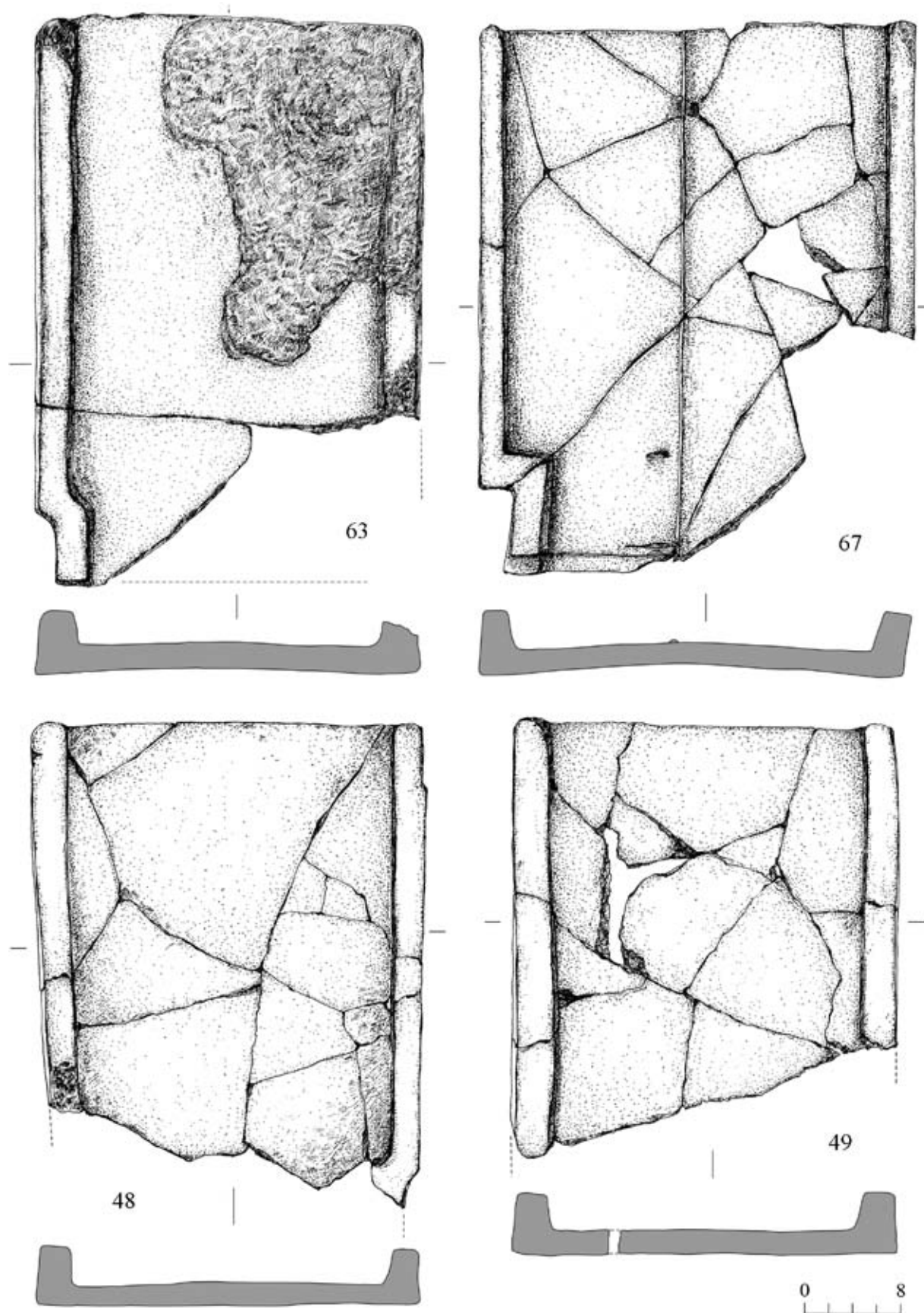

Рис. 3.9. Храм на холме Тузлук. Керамиды без водосливных валиков, тип 2 (48, 49, 63) и тип 3 (67), слой № 4.
Fig. 3.9. Church on the Tuzluk hill. Roof tiles without waterways, type 2 (48, 49, 63) and type 3 (67), layer no 4.

Рис. 3.10. Храм на холме Тузлук. Керамиды без водосливных валиков, тип 2 (63) и тип 3 (67), слой № 4.
Fig. 3.10. Church on the Tuzluk hill. Roof tiles without waterways, type 2 (63) and type 3 (67), layer no 4.

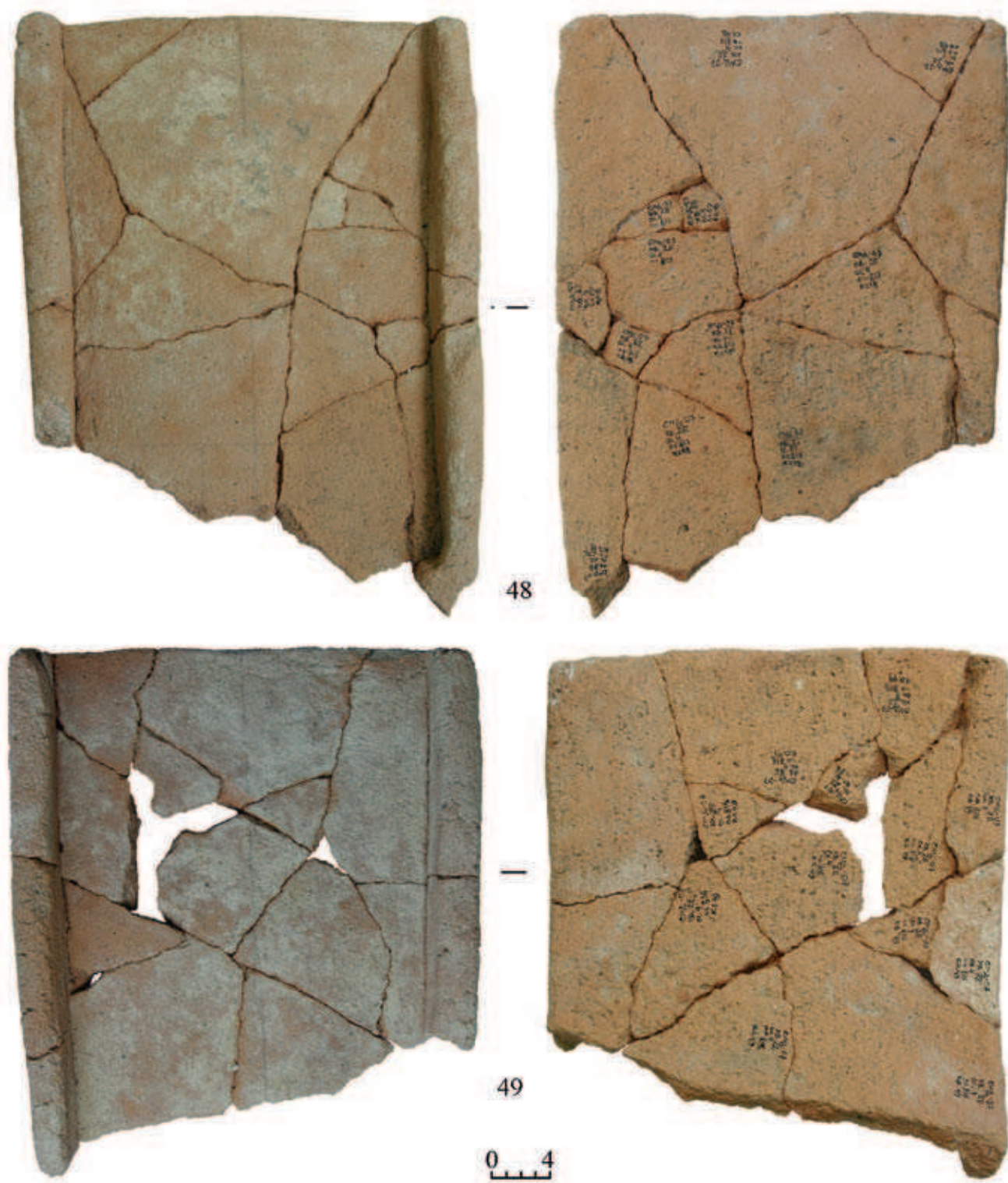

Рис. 3.11. Храм на холме Тузлук. Керамиды без водосливных валиков, тип 2, слой № 4.

Fig. 3.11. Church on the Tuzluk hill. Roof tiles without waterways, type 2, layer no 4.

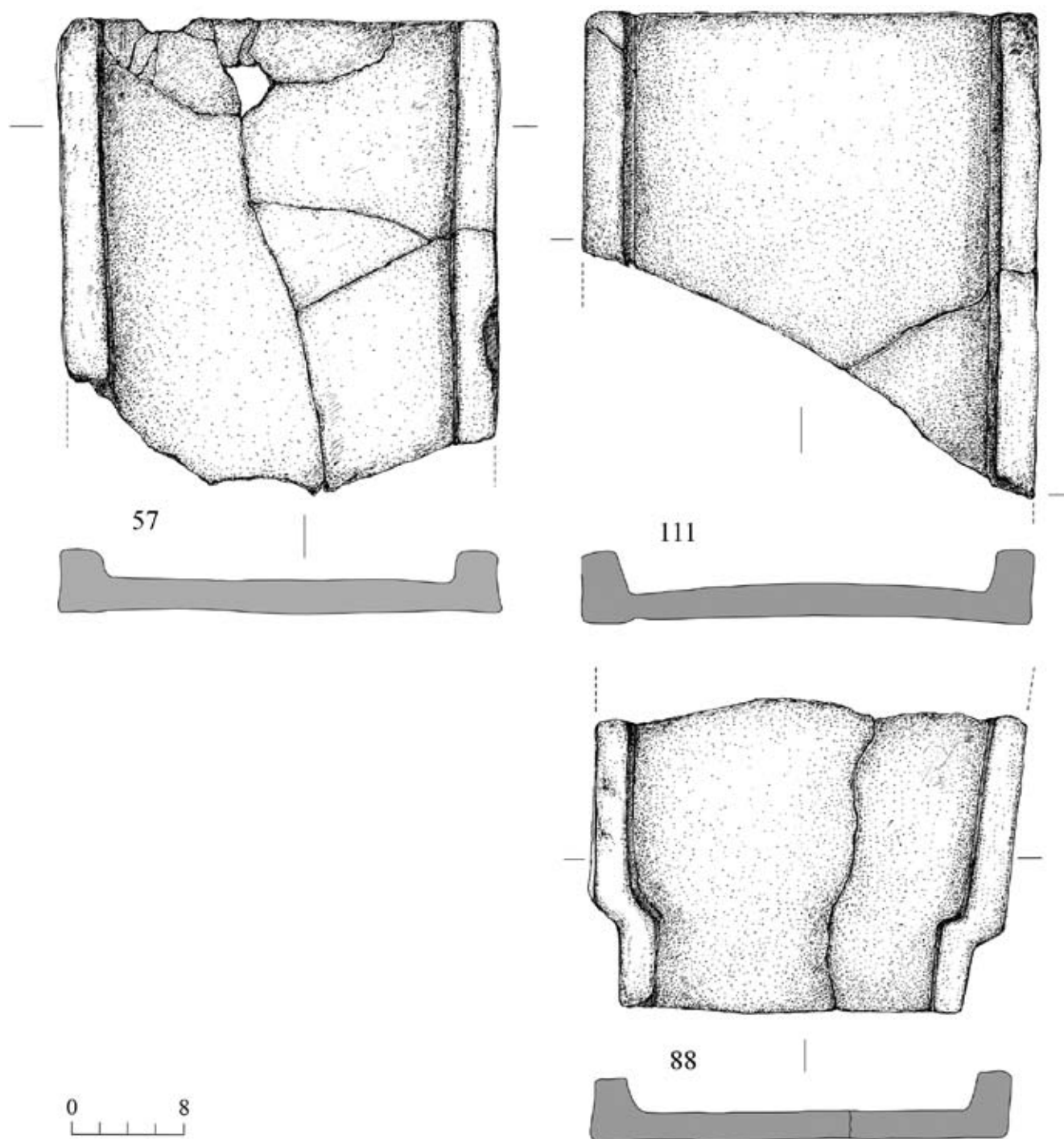

Рис. 3.12. Храм на холме Тузлук. Керамиды без водосливных валиков, тип 2.

57 – слой № 26; 88 – слой № 6; 111 – слой № 6-1.

Fig. 3.12. Church on the Tuzluk hill. Roof tiles without waterways, type 2.

57 – layer no 26; 88 – layer no 6; 111 – layer no 6-1.

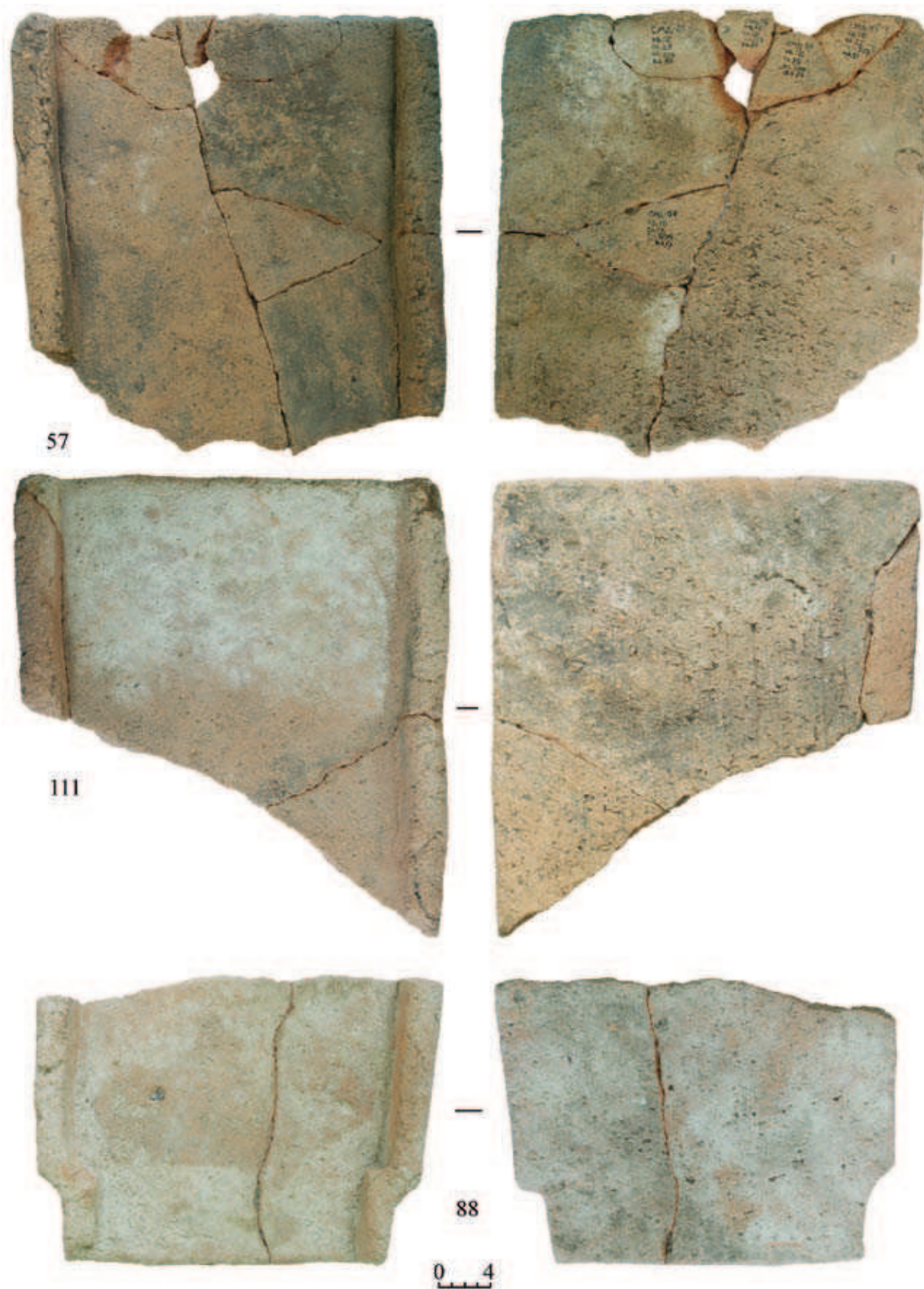

Рис. 3.13. Храм на холме Тузлук. Керамиды без водосливных валиков, тип 2.

57 – слой № 26; 88 – слой № 6; 111 – слой № 6-1.

Fig. 3.13. Church on the Tuzluk hill. Roof tiles without waterways, type 2.

57 – layer no 26; 88 – layer no 6; 111 – layer no 6-1.

материалов необходимо учитывать следующие средние параметры единицы конструкции: ширину керамиды и длину её поля до коленчатого изгиба, а также длину калиптера до уступа, разделяющего части изделий, укладываемые внахлест.

Для соответствующих обмеров доступны 9 археологически целых и 7 частично реконструируемых керамид (из них 5 экземпляров с полным весом) и 7 реконструированных форм калиптеров (5 экземпляров с полным весом):

Таблица 1. Параметрические характеристики черепицы.

	№ п/п	Ширина, см	Длина, см	Длина до уступа, см	Полный вес, кг	№№ по каталогу
керамиды	1	32,7	44,7	38,1	7,0	47
	2	32,8	44,7	38,6	6,96	36
	3	33,1	44,9	37,6		120
	4	32,5	45,2	39,0		101
	5	33,4	45,2	37,6	7,38	110
	6	33,5	44,7	36,7		56
	7	33,8	45,9	42,5	6,5	96
	8	32,3				50
	9			38,1		112
	10	36,0	44,7	38,6		67
	11	31,1	48,5	42,4	~ 6,3-6,4	63
	12	32,4		37,6		48
	13	32,1				49
	14	31,0				57
	15	32,2				111
	16	31,1				88
параметры 1 изд. в среднем		32,7	45,4	38,8	6,8	
калиптеры	1	18,3	48,4	40,0	~ 3,9	121
	2	18,2	46,1	37,6	~ 3,9	104
	3	16,7	46,6	38,8		72
	4		42,3	37,2		78
	5	17,3	48,2	38,4	3,5	98
	6	22,4	43,3	40,0	3,44	113
	7	18-21,5	44,3	42,0	3,5	114
параметры 1 изд. в среднем		18,9	45,6	39,1	3,6	

Таким образом, для покрытия пространства 7,30×2,30 м было необходимо около 22 горизонтальных и 6 вертикальных рядов керамид и около 21 вертикального ряда калиптеров по 6 изделий в каждом. Соответственно общее число керамид составляло около 132 ед., калиптеров – 126 ед.

Для покрытия площади 7,30×4,50 м требовалось примерно 242 керамиды и 231 калиптер, для пространства 7,30×4,80 м – 264 керамиды и 252 калиптера, для конька длиной 7,30 м – 18-19 калиптеров. Из этого следует, что в кровле второго строительного периода было использовано примерно 374 керамиды и 375-376 калиптеров, третьего строительного периода – 396 керамиды и 396-397 калиптеров.

Учитывая средний вес 1 керамиды (6,8 кг) и 1 калиптера (3,6 кг), можно предположить, что приблизительная масса кровли для второго строительного периода составляла около 3893-3897 кг, для третьего – около 4118-4122 кг.

Исходя из полученных данных о весе черепичного покрытия для двух этапов функционирования храма, можно заключить, что в слое разрушения второго строительного периода (IV группа) археологизировалось около 5% кровельных материалов, а остальные изде-

лия, скорее всего, были извлечены и использованы для восстановительных работ в третьем строительном периоде. В отложениях, связанных с окончательным разрушением здания и последующим использованием его руин (слои VII–IX группы) осталось около 8% кровли, что также может указывать на выборку значительной части черепицы обитателями балки Еди-Евлер для дальнейшего использования в хозяйстве. В пользу этого свидетельствует и значительная фрагментированность черепицы, и небольшое количество реконструируемых форм. Кроме того, как уже упоминалось, в слоях разрушения второго и третьего строительных периодов зафиксированы одни и те же типы, виды и даже серии черепицы (например, серия керамид с метками в виде «трезубца», «л» и пр.). Это обстоятельство подтверждает вторичное использование одних и тех же изделий на разных этапах существования церкви, а также указывает на то, что довольно значительное число черепицы осталось пригодной для вторичного использования даже после обрушения кровли и частичного разрушения самого здания в конце второго строительного периода.

На сегодняшний день не существует сомнений в том, что вся эта черепица была местного крымского произ-

водства. Однако, она могла происходить из разных гончарных мастерских, точная локализация которых на данном этапе исследования затруднительна.

Остальные категории глиняных изделий представлены меньшим количеством фрагментов.

Тарная керамика включает фрагментированные пифосы, амфоры, флягу и донную часть кувшина, относящегося к виду, традиционно называемому «высокогорлыми кувшинами с широкими плоскими ручками».

В слоях находки распределяются следующим образом:

Строит. периоды	Группы слоев	ТАРА											
		пифосы			амфоры			фляги			кувшины ⁷		
		кол-во	вес	%	кол-во	вес	%	кол-во	вес	%	кол-во	вес	%
I-II	I	1	8	50%	1	39	50%	–	–	–	–	–	–
	II	28	3519	44%	35	2259	56%	–	–	–	–	–	–
	III	1	44	14%	6	646	86%	–	–	–	–	–	–
	IV	39	12332	35%	74	8268	65%	–	–	–	–	–	–
<i>Итого:</i>		69	15903	37%	116	11212	63%	–	–	–	–	–	–
III	V	11	4700	92%	1	57	8%	–	–	–	–	–	–
	VI	1	9	33%	2	144	67%	–	–	–	–	–	–
	VII	49	13231	19%	202	6769	78%	–	–	–	7(1)	418	3%
<i>Итого:</i>		61	17940	22%	205	6970	75%	–	–	–	7	418	3%
IV	VIII	9	1211	100%	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	IX	34	5430	22,5%	116	3573	76,8%	1	48	0,7%	–	–	–
<i>Итого:</i>		43	6641	26,9%	116	3573	72,5%	1	48	0,6%	–	–	–
	клад-ки	2	1651	100%	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	п/м	20	1934	91%	2	42	9%	–	–	–	–	–	–
<i>Всего:</i>		195	44069	30,4%	439	21797	68,4%	1	48	0,1%	7	418	1,1%

Находки *пифосов* немногочисленны – всего 195 фрагментов (44,069 кг). Это около 30,4% тарной керамики, найденной при раскопках. В их числе – 2 венчика и 3 днища (рис. 3.31), что свидетельствует об использовании в процессе функционирования комплекса как минимум двух целых и одного фрагментированного сосудов, последний из которых представлен нижней частью корпуса. Больше всего обломков происходит из слоев разрушения второго и третьего строительных периодов. Остатки одного из сосудов (рис. 3.31: 105) найдены в слое № 6-2 внутри северного компартимента, двух других (рис. 3.31: 20, 134, 138) – в слоях №№ 2, 12 и 12а в южном компартименте. Представляется, что эти сосуды или их части каким-то образом могли применяться в качестве храмового инвентаря, возможно, они были задействованы в совершавшемся здесь литургическом последовании. Кроме того, к востоку от южного входа в храм, как уже упоминалось, были зафиксированы остатки пифосной ямы (№ 8), синхронной периоду сооружения здания. Вероятно, здесь располагался сосуд, который, скорее всего, использовался как резервуар для воды при строительных работах. Судя по стратиграфии, после завершения строительства, он был изъят, а сама яма засыпана грунтом в процессе благоустройства территории вокруг церкви. Исходя из конфигурации ямы,

⁷ Учтено семь фрагментов от одного сосуда, из шести из них реконструирована донная часть кувшина.

можно судить о форме тулова пифоса, которое имело вытянутые оваловидные очертания с максимальным расширением в верхней части.

Найденные при раскопках храма фрагменты принадлежат толстостенным пифосам одной группы⁸ местного производства, для которых характерно значительное количество примесей дресвы и шамота в тесте⁹. Черепок их достаточно плотный, различных оттенков красного и жёлто-красного цветов. Пифосы сформованы без использования гончарного круга, в технике скульптурной лепки, путем наращивания глиняных жгутов. В месте соединения друг с другом жгуты оформлялись глубокими пальцевыми вдавлениями, что, видимо, увеличивало прочность их сцепления. Толщина стенок сосудов – в среднем около 1,7-3,5 см.

По основным морфологическим характеристикам все фрагментированные пифосы, а также, вероятно, пифос, находившийся в яме № 8, можно отнести к одному типу сосудов с вытянутым оваловидным туловом, специально профилированной цилиндрической ножкой, низким горлом и массивным треугольным в сечении венчиком двух вариантов.

⁸ Под группой здесь и далее подразумеваются изделия одной или родственных гончарных мастерских (см. напр.: Волков 1992: 2; 2005: 132).

⁹ Зерно длиной около 0,2-0,5 см, дресва тёмно-коричневого цвета, вероятно, местных пород таврической серии.

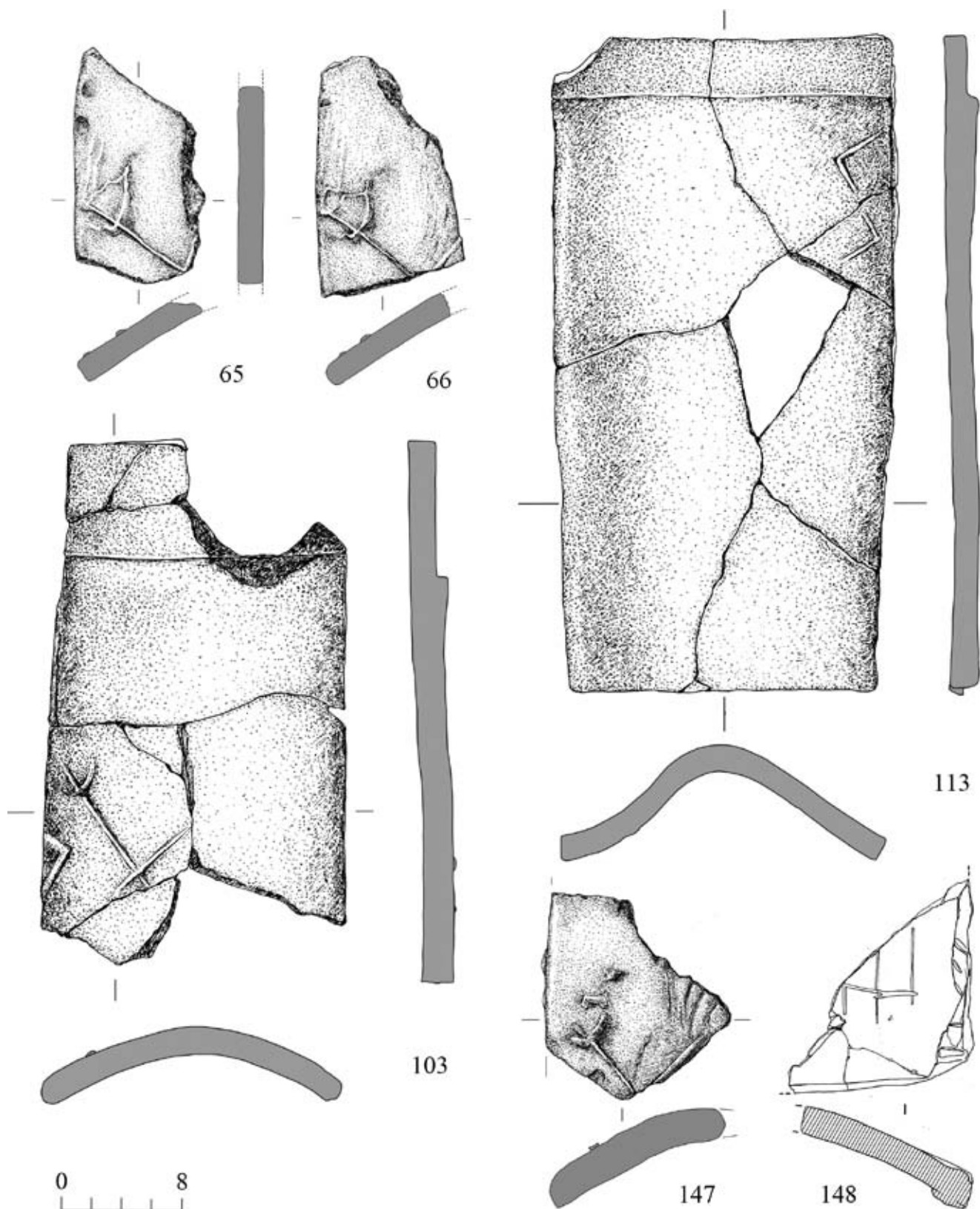

Рис. 3.14. Храм на холме Тузлук. Калиптеры с метками (103 – тип 1; 113 – тип 2).
 65, 66 – слой № 4; 103 – слой № 6; 113 – слой № 6-1; 147 – кладка № 2; 148 – слой № 18 (могила № 1).
 Fig. 3.14. Church on the Tuzluk hill. Kalyptry with marks (103 – type 1; 113 – type 2).
 65, 66 – layer no 4; 103 – layer no 6; 147 – laying no 2; 148 – layer no 18 (Grave no 1).

Рис. 3.15. Храм на холме Тузлук. Калиптеры с метками (103 – тип 1; 113 – тип 2).
103 – слой № 6; 113 – слой № 6-1; 147 – кладка № 2.

Fig. 3.15. Church on the Tuzluk hill. Kalypters with marks (103 – type 1; 113 – type 2).
103 – layer no 6; 113 – layer no 6-1; 147 – laying no 2.

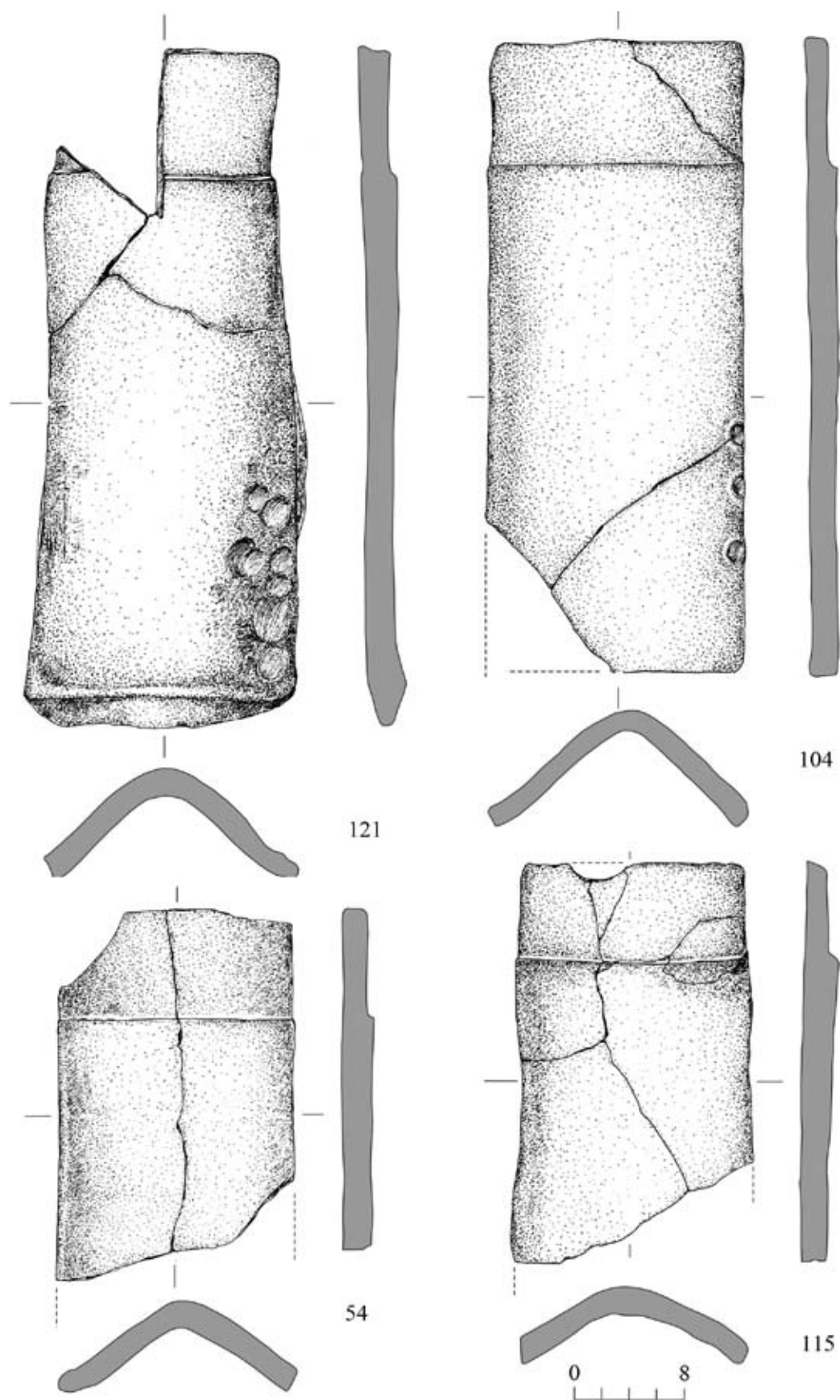

Рис. 3.16. Храм на холме Тузлук. Калиптеры, тип 1. 54 – слой № 4; 115, 121 – слой № 6-1; 104 – слой № 6-2.
 Fig. 3.16. Church on the Tuzluk hill. Kalyptry, type 1. 54 – layer no 4; 115, 121 – layer no 6-1; 104 – layer no 6-2.

Рис. 3.17. Храм на холме Тузлук. Калиптеры, тип 1. 121 – слой № 6-1; 104 – слой № 6-2.
Fig. 3.17. Church on the Tuzluk hill. Kalypters, type 1. 121 – layer no 6-1; 104 – layer no 6-2.

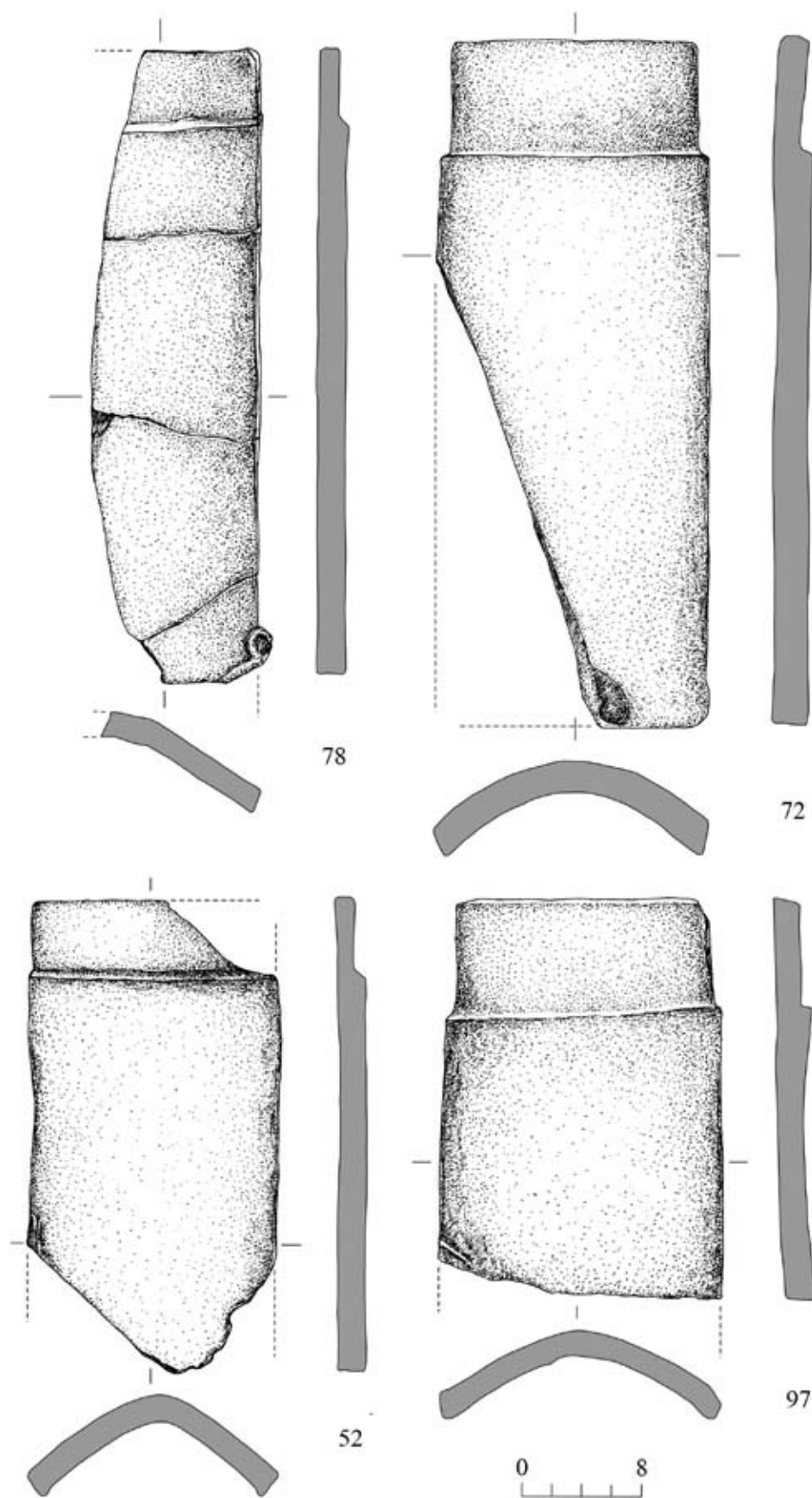

Рис. 3.18. Храм на холме Тузлук. Калиптеры, тип 1 (72, 97) и тип 2 (52, 78). 52, 72, 78 – слой № 4; 97 – слой № 6, яма № 2.
 Fig. 3.18. Church on the Tuzluk hill. Kalyptrae, type 1 (72, 97) and type 2 (52, 78). 52, 72, 78 – layer no 4; 97 – layer no 6, pit no 2.

Рис. 3.19. Храм на холме Тузлук. Калиптеры, тип 1 (72) и тип 2 (78), слой № 4.
Fig. 3.19. Church on the Tuzluk hill. Kalyptrai, type 1 (72) and type 2 (78), layer no 4.

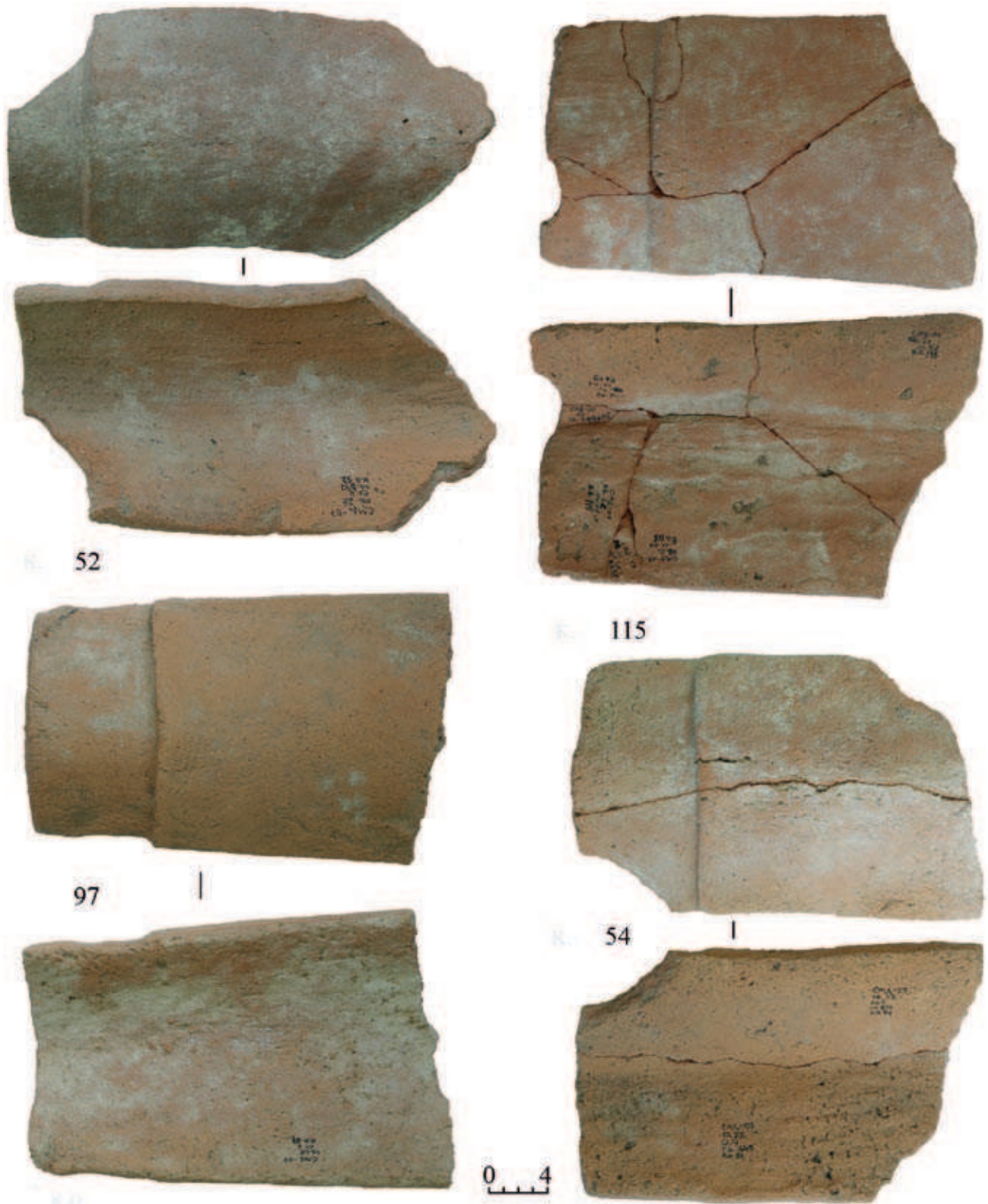

Рис. 3.20. Храм на холме Тузлук. Калиптеры, тип 1 (54, 97, 115) и тип 2 (52).
 52, 54 – слой № 4; 97 – слой № 6, яма № 2; 115 – слой № 6-1.
 Fig. 3.20. Church on the Tuzluk hill. Kalypters, type 1 (54, 97, 115) and type 2 (52).
 52, 54 – layer no 4; 97 – layer no 6, pit no 2; 115 – layer no 6-1.

Вариант 1. С широким плоским верхом (рис. 3.31: 20). Диаметр – 27 см, ширина – 4,8 см.

Вариант 2. С широким верхом, оформленным закраиной под крышку (рис. 3.31: 105). Диаметр – 28 см, ширина – около 6 см.

Подобные пифосы в большом количестве появляются на территории Южного, Юго-Западного и Юго-Восточного Крыма примерно со второй половины VIII–IX в. (см. напр.: Якобсон 1966: 192-197, рис. 6; 7; 1970: 43-46, рис. 14; 1979: 33-39, рис. 17; Фронджуло 1968а: 121-122, рис. 25-26; Паршина 1974: 57-59, рис. 1: 5-9; 1991: 74, рис. 2; 2002а: 93, рис. 2; 6; 2002б: 125-126, рис. 2; 7; Майко 2004: 178, рис. 99). А.Л. Якобсон предполагает, что пифосы с «гладкостенным вытянутым, правильно-яйцевидным туловом» и массивным треугольным в сечении венчиком следует относить «преимущественно к IX или первой половине X в.» (см. напр.: Якобсон 1979: 36). Изготовление их в местных мастерских практически не вызывает сомнения (см. напр.: Фронджуло 1968а: 121-122; Якобсон 1966: 192-197; 1979: 43, 49; Паршина и др. 2001: 60-61). Однако более детальное соотнесение продукции с конкретными гончарными центрами в настоящее время затруднительно.

Обращает на себя внимание сравнительно небольшой процент находок аналогичных сосудов на синхронных салтово-маяцких памятниках Керченского полуострова (Зинько, Пономарев 1999: 188; Зинько, Пономарев 2007: 185, 190, рис. 2: 1; Науменко 2009а: 34-35). Вероятно, здесь использование таких «глиняных бочек» не было столь распространённым явлением как на остальной территории прибрежного и горного Крыма. Все эти сосуды здесь, скорее всего, являются привозными. Очевидно также, что на салтово-маяцких поселениях преобладала посуда, связанная с иными традициями гончарного производства.

Период бытования этого типа пифосов может быть довольно широким и выходить за рамки IX–X вв. На многослойных памятниках, в частности поселениях в Голубом Заливе, Ласпи, Партените, крепостях Алустон (г. Алушта) и Фуна (с. Лучистое, г. Алушта) гладкостенные пифосы с овалоидным туловом и массивным треугольным в сечении венчиком встречаются в слоях и закрытых комплексах XIII–XIV и XIV–XV вв. (Паршина 1974: 58-59, рис. 1: 5-9; Teslenko 2009: 870-872, 878-879, fig. 2, 3; Teslenko 2010б). Хорошей сохранности и продолжительности использования пифосов, безусловно, способствовали их массивность и прочность, а также то обстоятельство, что сосуды обычно вкапывались в землю и редко перемещались. В этой связи интересны сведения 1889 г., приведённые А. Маркевичем, об использовании крестьянами д. Мангуш (ныне с. Прохладное Скалистовского сельсовета Бахчисарайского района Автономной республики Крым) подобных «глиняных бочек», найденных на городище Бакла, «для ссыпки зерна» (Маркевич 1889: 109). Следует отметить, что состояние таких пифосов даже в настоящее время оказывается вполне удовлетворительным.

Кроме того, согласно этнографическим наблюдениям, традиции производства объёмной домашней тары весьма консервативны. Форма и способ выделки сосудов сохраняются длительное время, передаваясь из поколения в поколение, и мало подвержены влияниям моды. Так, например, на Крите в 60-е гг. XX в. изготавливали пифосы, по форме напоминающие пифосы из раскопок дворца в Кноссе (Hampe, Winter 1962: Taf. 2-8). Для обжига сосудов использовались горны, конструкция которых в деталях повторяла античные печи (Hampe, Winter 1962: Taf. 2-13). В Мессении (юго-западный Пелопоннес, Греция) и Абхазии в середине XX в. изготавливались и использовались пифосы, схожие по форме с сосудами VIII–X вв., известными благодаря раскопкам крымских памятников (рис. 3.32; 3.33) (Hampe, Winter 1962: Taf. 20, 21; Акаба 1955: рис. 3). Исходя из этих наблюдений, нельзя исключать, что в отдельных районах средневекового Крыма некоторые стандарты в производстве пифосов могли сохраняться достаточно долгое время. Следовательно, пифосы не могут использоваться в качестве надёжного хронологического индикатора. Период бытования самих сосудов в данном контексте определяется временем существования памятника в целом.

Амфоры в значительной степени фрагментированы (439 фрагментов весом 21,797 кг), составляют 68,4% тарной керамики, найденной при раскопках. Среди находок встречаются отдельные фрагменты профильных частей: 9 венчиков (слои №№ 2, 4, 7б), 7 днищ (слои №№ 6 и 7б), 10 ручек (слои №№ 2, 4, 6, 6-1, 6-2, 7б) (рис. 3.34; 3.35; 3.36: I; 3.37). Кроме того – 6 частично реконструированных форм: 4 верхних части корпуса (3 из слоя № 6-2, 1 – из слоев №№ 2 и 7б), 1 днище (фрагменты из слоев №№ 6, 7б, 7-2 и заполнения могилы № 1) и 1 верхняя часть тулова с прочерченным волнистым орнаментом (слои №№ 6, 6-2, 7б) (рис. 3.34; 3.37: 18, 90, 107-109, 127). Таким образом, среди культурных остатков храма присутствуют обломки не менее чем 13-15 амфор. Большинство фрагментов концентрируется в слоях групп II, IV и VII. Интересно отметить, что обломки как минимум двух сосудов (90, 127) были рассредоточены на довольно значительной площади внутри северного компартамента и с внешней стороны апсид храма, в слоях групп I, II и IV. Вероятно, эти амфоры использовались в церковной жизни одними из первых. Не исключено, что изначально они оказались разбиты именно внутри северного компартамента, а затем их обломки переместили на территорию перед апсидами. Три частично реконструированных амфоры (рис. 3.34: 107-109) происходят из северного компартамента. Скорее всего, они располагались здесь в момент обрушения кровли и стен здания и были погребены под его обломками. При расчистке руин еще в эпоху средневековья часть фрагментов сосудов могла быть извлечена и перемещена, поэтому сейчас эти амфоры не удается восстановить полностью.

Все без исключения амфоры из раскопок храма от-

носятся к одной группе гончарных изделий¹⁰, для которой характерен довольно плотный жёлто-красный или розово-красный черепок различных оттенков, а также формовочная масса с примесями значительного количества мелкодроблённого шамота, мелкой дресвы минерала тёмно-коричневого или серо-коричневого цветов¹¹ и рыхлого минерала белого цвета (известь?). Это группа так называемых амфор «северопричерноморского» или «причерноморского типа», которые в большом количестве и в довольно широком ассортименте изготавливались в местных гончарных мастерских в период VIII–X вв. (см. напр.: Якобсон 1979: 13; Паршина *и др.* 2001: 76–77).

На основании особенностей формы профильных частей, а также способов обработки внешней поверхности сосудов, в материалах из раскопок храма в урочище Еди-Евлер выделено три типа амфор.

1. Амфоры с отогнутым наружу скруглённым венчиком, оваловидным туловом с желобчатой (бороздчатой) поверхностью (рис. 3.34–3.37: 32, 37, 44, 45, 64, 80, 85, 107, 122). Ручки профилированы одним, реже двумя валикообразными выступами, крепятся под венчиком и в верхней части корпуса сосудов. Диаметр венчиков – 7,0–8,0 см.

2. Гладкостенные амфоры со слегка расширяющимся кверху горлом, оформленным небольшим реберчатым выступом по центру и слегка утолщённым, зауженным к краю венчиком. Ручки также профилированы продольным валиком, крепятся в нижней части горла и к плечу сосуда (рис. 3.34, 3.37: 108). Диаметр венчика – 12,0 см.

3. Гладкостенные амфоры с прямым, слегка утолщённым кверху венчиком со скошенным внутрь краем и горлом, профилированным небольшим реберчатым выступом (рис. 3.34, 3.36: 9, 18). Диаметр венчиков – 7,0 и 8,0 см.

Верхняя часть корпуса некоторых гладкостенных амфор украшена прочерченными одиночными горизонтальными прямыми или волнистыми линиями (рис. 3.34; 3.37: 90, 109). На один из фрагментов по обожжённому черепку нанесен орнамент в виде сложной плетёнки (рис. 3.35; 3.37: 258).

Днища сосудов округлые и вогнутые (рис. 3.34; 3.35, 3.37: 75, 81, 83, 91, 92, 126, 127, 128). Округлые днища, скорее всего, принадлежат амфорам первого типа, вогнутые – сосудам второго и третьего типов. Довольно сложно точно определить, как соотносятся разрозненные фрагменты венчиков и днищ, учитывая, что черепок и состав теста этих сосудов очень похожи.

В обобщающих классификациях средневековых амфор крымских памятников первому типу сосудов, выделенному среди материалов раскопок церкви у с. Семидворья, соответствуют тип XVI по ХК-71 (Антонова *и др.* 1971: 90), второй вариант «причерноморского» типа по

А.Л. Якобсону (1979: 31, рис. 13: 1–4), класс 36 и, возможно, 38 по ХК-95 (Романчук *и др.* 1995: 60–61, табл. 23: 128, 129; 28: 132).

Различные варианты таких амфор хорошо известны практически во всех археологических комплексах Крыма IX–X вв. Они производились в большинстве известных на сегодняшний день гончарных центров Таврики этого периода и широко представлены на синхронных памятниках Приазовья и Подонья, а также других, более отдалённых от Крыма регионов (детальную географию находок и обзор литературы см.: Паршина *и др.* 2001: 76–77; Герцен *и др.* 2006: 399–400; Науменко 2009а: 43–47). Несмотря на массовость находок самих амфор, а также большое количество посвященных им публикаций, единая классификация, как и детальная хронология типов сосудов все ещё не разработаны (см. напр.: Паршина *и др.* 2001: 74–75; Науменко 2009а: 35–46).

Вопрос о генезисе форм местных «желобчатых» амфор более или менее ясен. Их прообразами, вероятнее всего, послужили импортные тарные сосуды, бывшие в обращении на территории Причерноморско-Средиземноморского региона в различных хронологических и локальных вариантах по меньшей мере с IV–VII вв. (LRA-1) до начала X в. (см. напр.: Arthur 1998: 157–184; Waywell, Wilkes *et al.* 1995: 451–455, fig. 6: 2, 4, 6, 10; Hayes 1992: 71–73, fig. 23, 25; Vroom 2005: 52–53, byz 11.2). Насколько эти амфоры сопоставимы с местными «причерноморками» по одним только иллюстрациям, приведённым в публикациях, судить сложно. Поиск таких параллелей исключительно на основе формы изделий, а также отсутствие четких критериев в выделении групп и типов сосудов могут привести к слишком громоздким классификациям и расплывчатым представлениям о хронологии амфор местного производства (см. напр.: Sazanov 1997: 87–101; Чхаидзе 2008: 144–148). Для более углубленного и объективного изучения вопросов происхождения внешне схожих изделий из различных регионов Причерноморья и Средиземноморья необходимы сопоставимые результаты их физико-химических анализов, что уже неоднократно отмечалось различными исследователями (см. напр.: Науменко 2009а: 46; Waywell, Wilkes *et al.* 1995: 455). Некоторые данные петрографических анализов, подтвердившие идентичность амфор, производимых в Крыму и найденных на памятниках Приазовья и Подонья, были получены еще в конце 60-х гг. XX в. (Ковнурко 1968: 119–122). Однако продолжение исследований и расширение такой базы данных продолжает быть актуальным.

Существуют различные представления о датировке «желобчатых» амфор местного производства. На сегодняшний день в историографии рассматривают две версии их общей хронологии – «длинную» и «короткую». Странники первой склонны датировать различные варианты этого типа в целом в рамках второй четверти VI – первой половины XI в. (Чхаидзе 2008: 144–151), VI – начала VII – первых десятилетий XI в. (Sazanov 1997: 87–101; Сазанов 2001: 240–245) или середины VIII

¹⁰ Под группой, как уже отмечалось, подразумевается продукция одной или нескольких родственных мастерских.

¹¹ Вероятно, породы таврической серии.

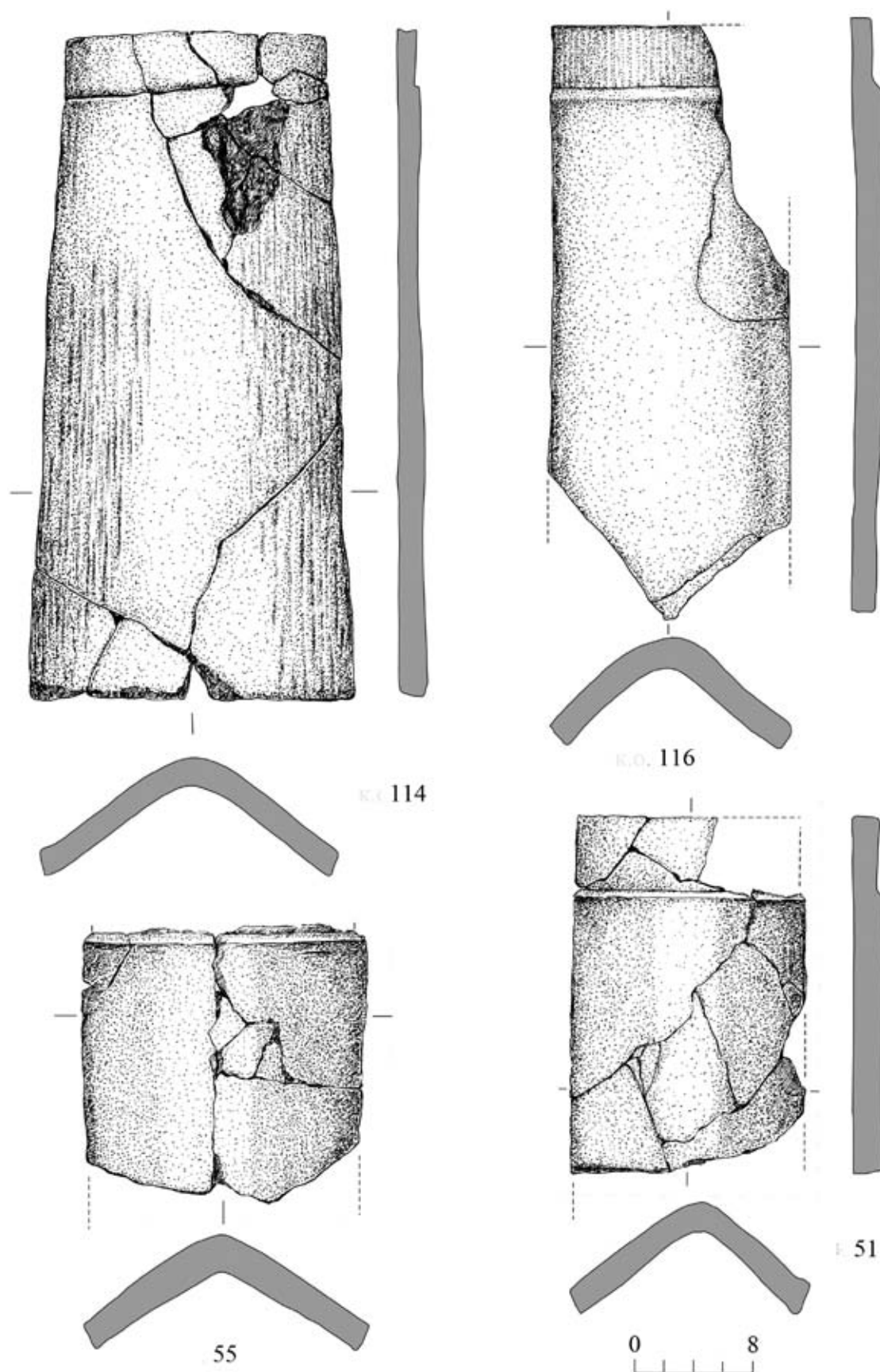

Рис. 3.21. Храм на холме Тузлук. Калиптеры, тип 2 (51, 55?, 116) и тип 3 (114). 55, 51 – слой № 4; 114, 116 – слой № 6-1.
 Fig. 3.21. Church on the Tuzluk hill. Kalypers, type 2 (51, 55?, 116) and type 3 (114). 55, 51 – layer no 4; 114, 116 – layer no 6-1.

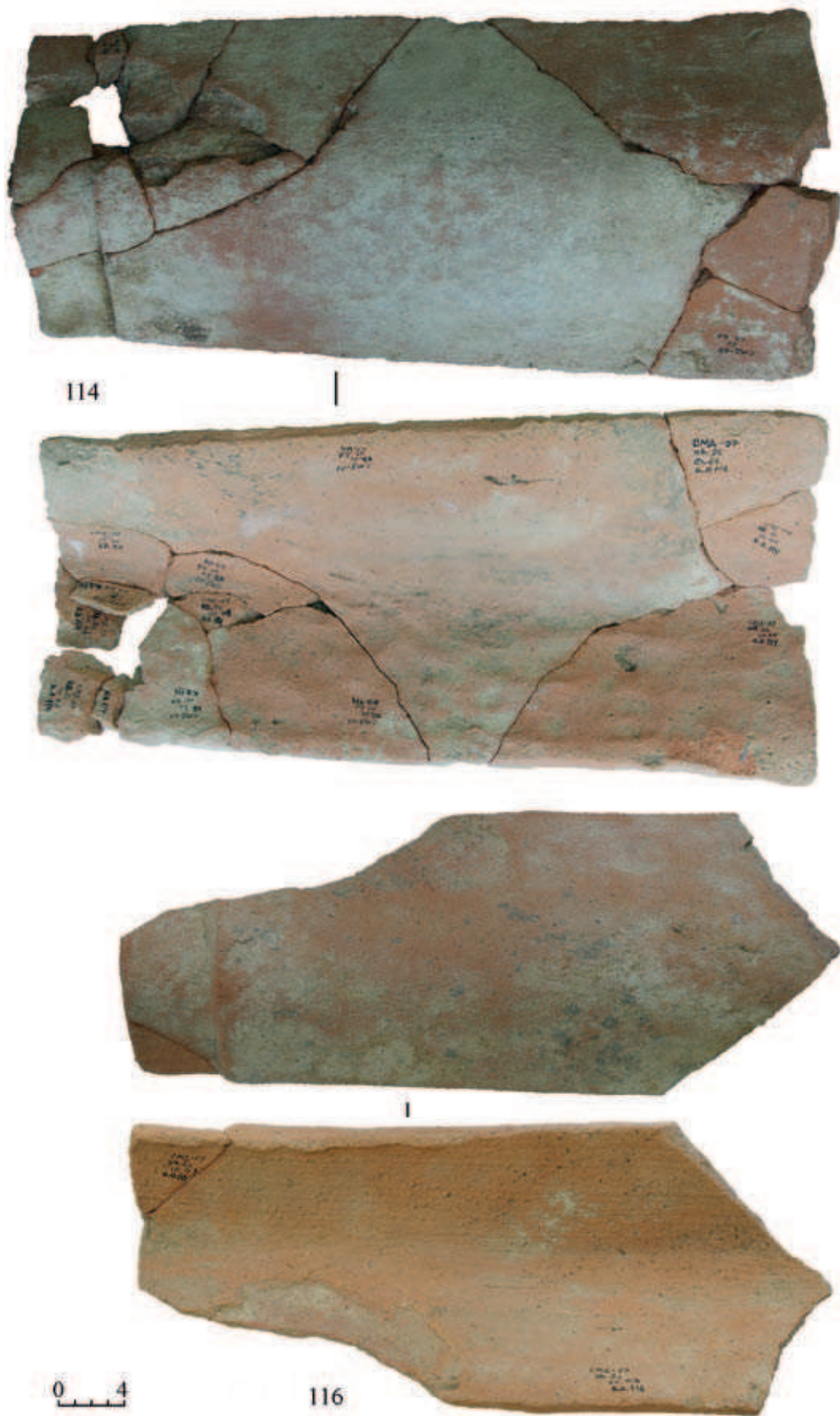

Рис. 3.22. Храм на холме Тузлук. Калиптеры, тип 2 (116) и тип 3 (114), слой № 6-1.
Fig. 3.22. Church on the Tuzluk hill. Kalyptrae, type 2 (116) and type 3 (114), layer no 6-1.

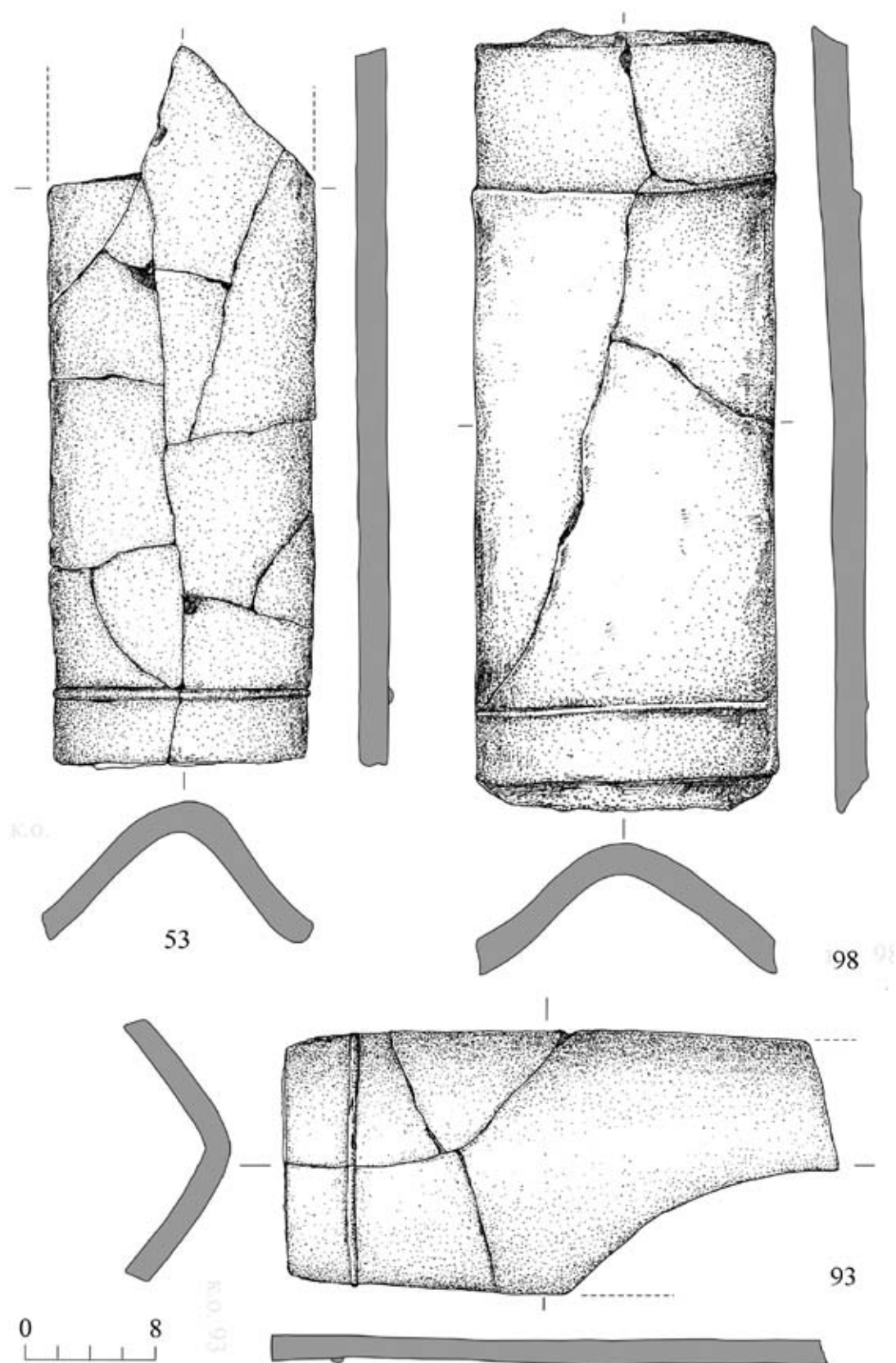

Рис. 3.23. Храм на холме Тузлук. Калптеры, тип 4 (93?, 98) и тип 5 (53).
 53 – слой № 4; 93, 98 – слой № 6.
 Fig. 3.23. Church on the Tuzluk hill. Kalypters, type 4 (93?, 98) and type 5 (53).
 53 – layer no 4; 93, 98 – layer no 6.

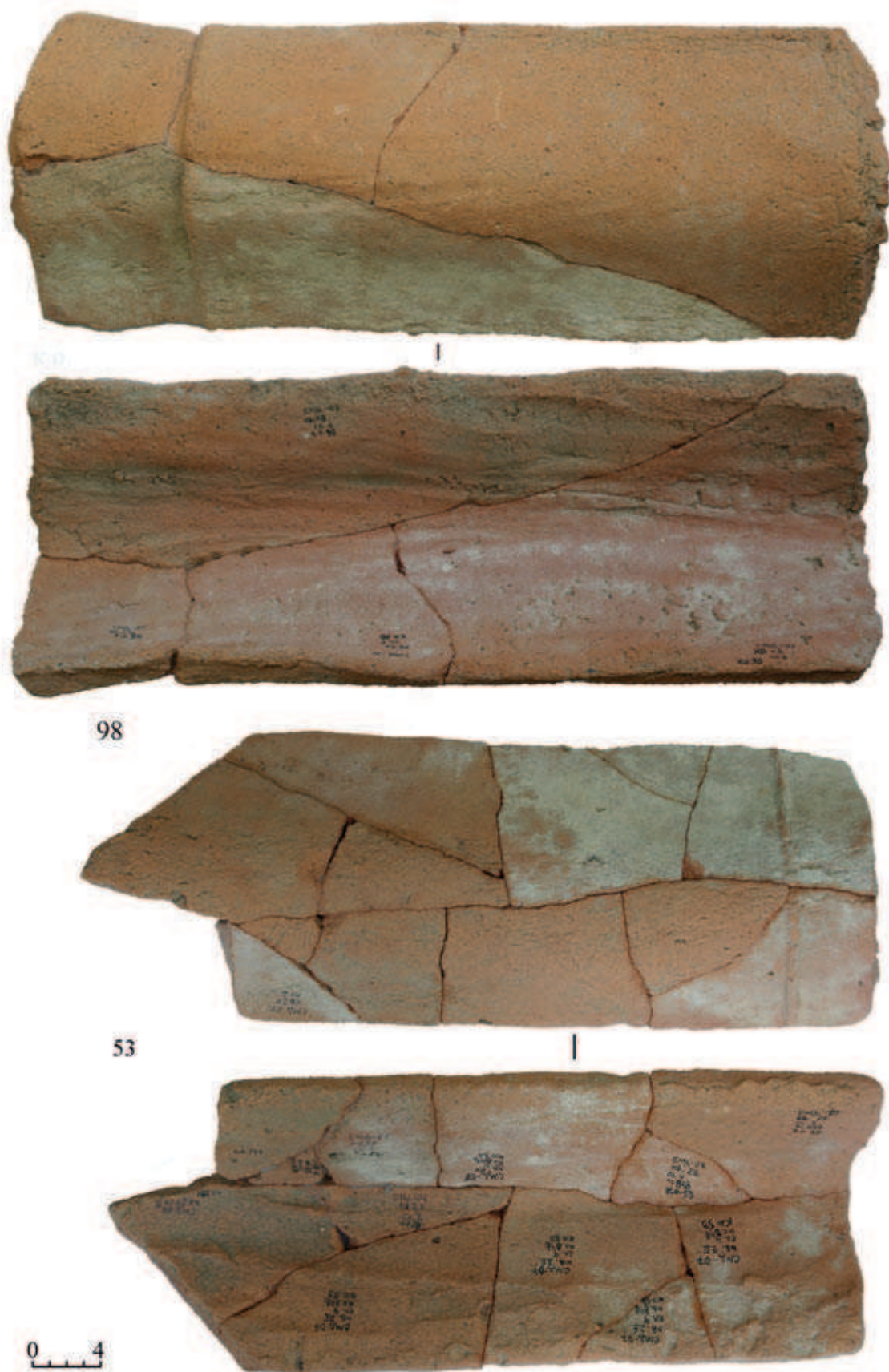

Рис. 3.24. Храм на холме Тузлук. Калиптеры, тип 4 (98) и тип 5 (53). 53 – слой № 4; 98 – слой № 6.
Fig. 3.24. Church on the Tuzluk hill. Kalyptry, type 4 (98) and type 5 (53). 53 – layer no 4; 98 – layer no 6.

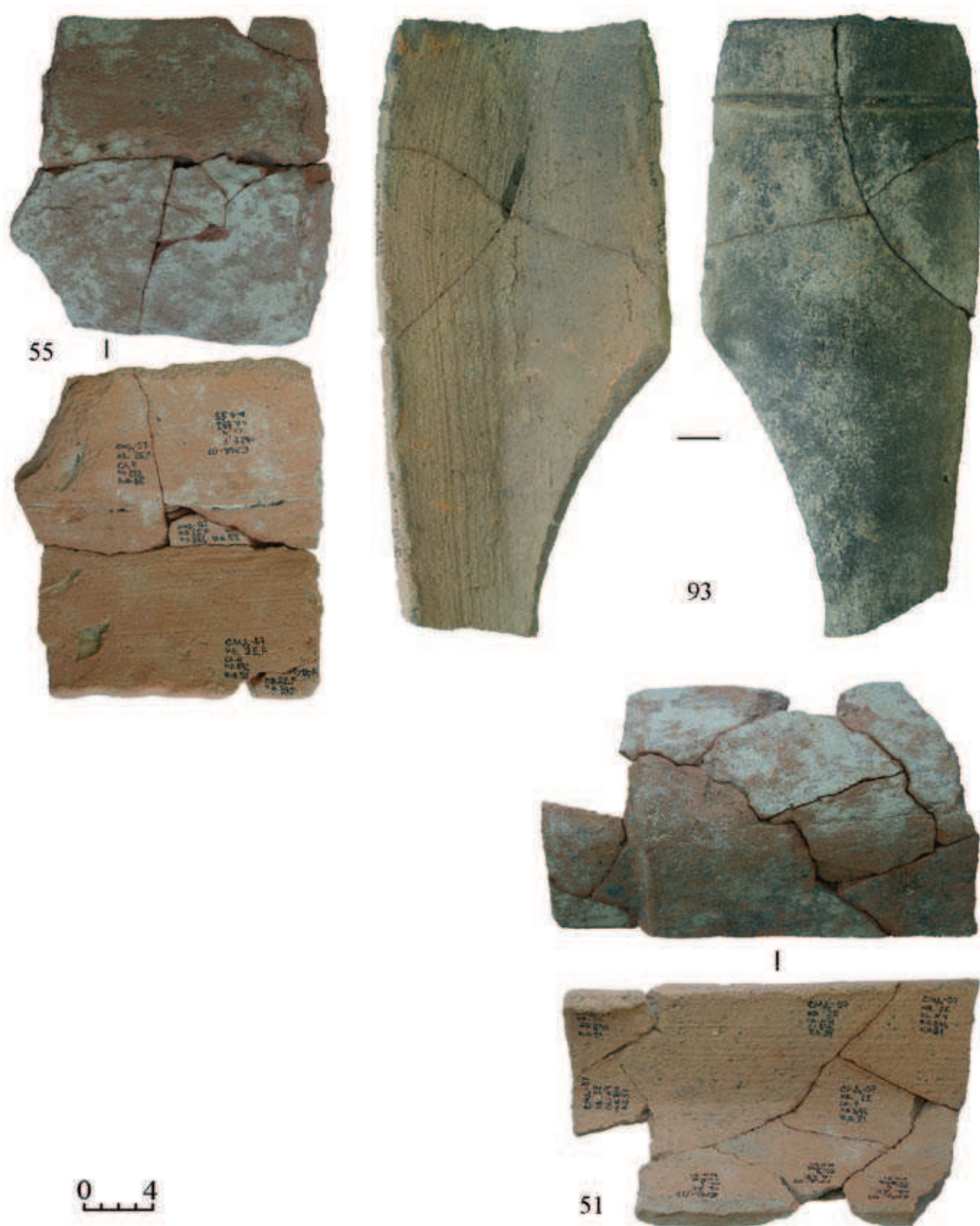

Рис. 3.25. Храм на холме Тузлук. Калиптеры, тип 2 (51, 55?) и тип 4 (93?). 51, 55 – слой № 4; 93 – слой № 6.
 Fig. 3.25. Church on the Tuzluk hill. Kalypters, type 2 (51, 55?) and type 4 (93?). 51, 55 – layer no 4; 93 – layer no 6.

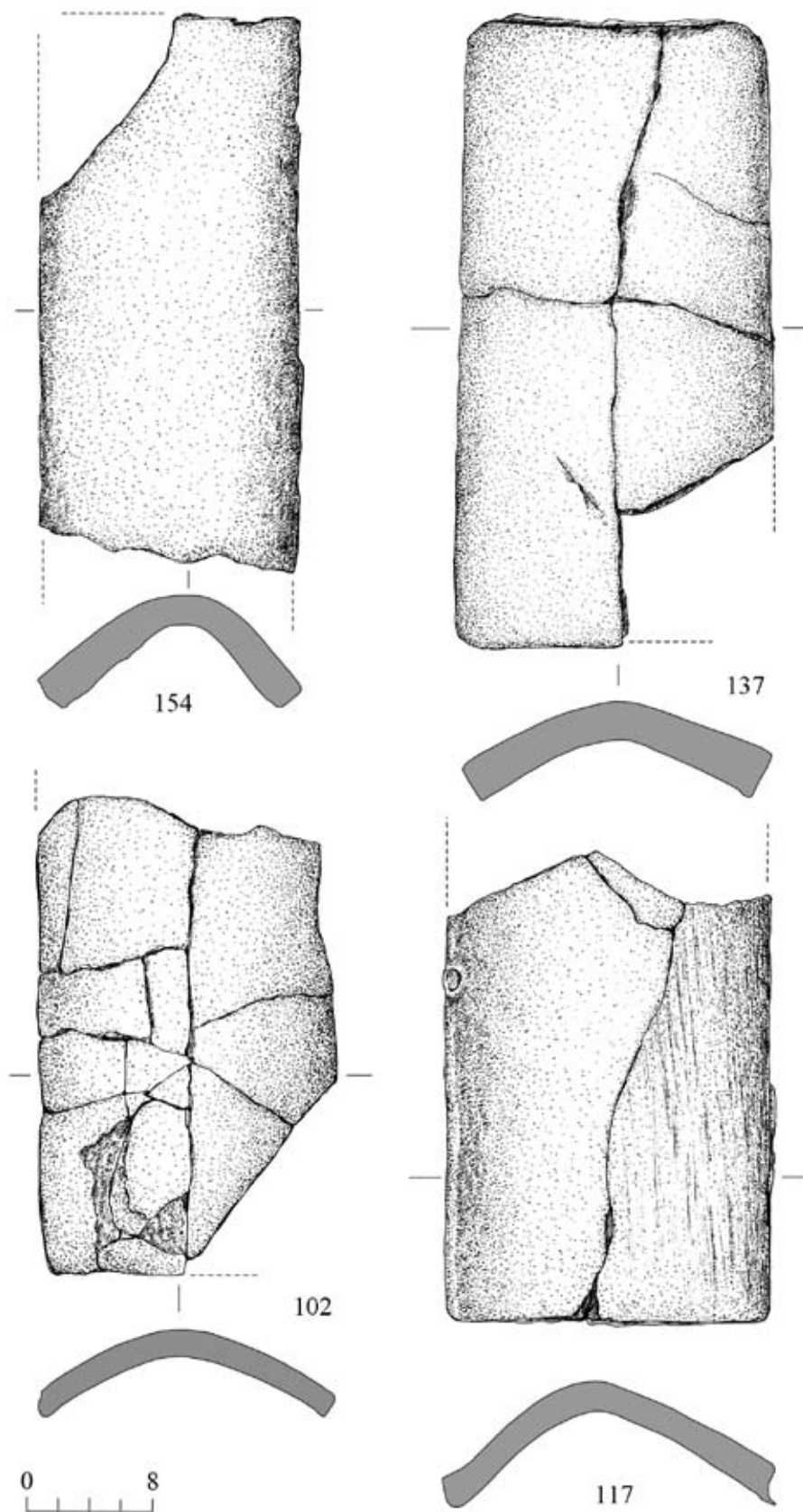

Рис. 3.26. Храм на холме Тузлук. Калиптеры, тип не определен.
 102 – слой № 6; 117 – слой № 6-1; 137 – слой №№ 12а и 14; 154 – подъемный материал.
 Fig. 3.26. Church on the Tuzluk hill. Kalypters, indeterminate type.
 102 – layer no 6; 117 – layer no 6-1; 137 – layers nos 12a and 14; 154 – stray find.

Рис. 3.27. Храм на холме Тузлук. Калиптеры, тип не определён. 137 – слои №№ 12а и 14; 154 – подъёмный материал.
Fig. 3.27. Church on the Tuzluk hill. Kalypters, indeterminate type. 137 – layers nos 12a and 14; 154 – stray find.

– середины XI в. (Науменко 2009а: 43-47). При этом А.В. Сазанов и В.Н. Чхаидзе предлагают хронологию типов, выделенных исключительно на основании близости форм, без привлечения иных данных, которые могли бы свидетельствовать о времени и обстоятельствах их изготовления. В результате в одну классификационную единицу объединяются сосуды различного происхождения.

Попытки датировать амфоры на основе вариантов конфигурации профиля, а также длинные типолого-хронологические ряды, основанные на минимальном, явно недостаточном, количестве учтенных экземпляров, выглядят достаточно искусственно (см. напр.: Сазанов 2001: 240-245, рис. 11-13).

В.Е. Науменко рассматривает амфоры, производившиеся только в гончарных центрах Таврики, привлекая для построения их хронологии широкий круг археологических комплексов, исследованных как в Крыму, так и за его пределами (Науменко 2009а: 43-47). Исследователем проведён добротный анализ имеющихся на сегодняшний день данных, однако сделанные автором выводы относительно хронологии бытования типа все же требуют дополнительных комментариев, связанных с качеством исходного археологического материала и методологического подхода к хронологии типов вообще.

В частности, верхняя дата «желобчатых» амфор местного производства – середина XI в. – определена исследователем на основании находок таких сосудов в «третьем слое» «строительного сброса» на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп) (Герцен *и др.* 2006: 392-409) и при раскопках усадьбы надела № 32 на правом берегу Камышовой бухты на Гераклеяском полуострове (Яшаева 1999: 352-356). Однако насколько возможно использовать материалы, происходящие с этих памятников, для детальных хронологических построений?

Так называемые «строительные сбросы» представляют собой отложения, образовавшиеся за относительно короткий промежуток времени в процессе намеренного перемещения ранее сформировавшихся комплексов. Они показывают наличие в слоях тех или иных артефактов на момент их перемещения, не более того. Судя по находкам амфор с внутренней бугристой поверхностью в «третьем слое» Тешкли-Бурун (Мангуп) (Герцен *и др.* 2006: 409-409), сброс некой группы седиментов на юго-восточный склон мыса произошел не ранее XIII в. Основная масса находок из слоя датируется в рамках IX–XI вв. (Герцен *и др.* 2006: 293-409), что также слишком широко для того, чтобы считать его хронологически однородным. Скорее всего, здесь располагаются остатки различных перемещённых отложений относительно широкого временного диапазона. Учитывая указанные обстоятельства, использовать материал из «третьего слоя» для уточнения датировок присутствующих в нем артефактов стоит достаточно осторожно.

Сомнительна также хронологическая однородность слоев на месте усадьбы, исследованной на Гераклеяском

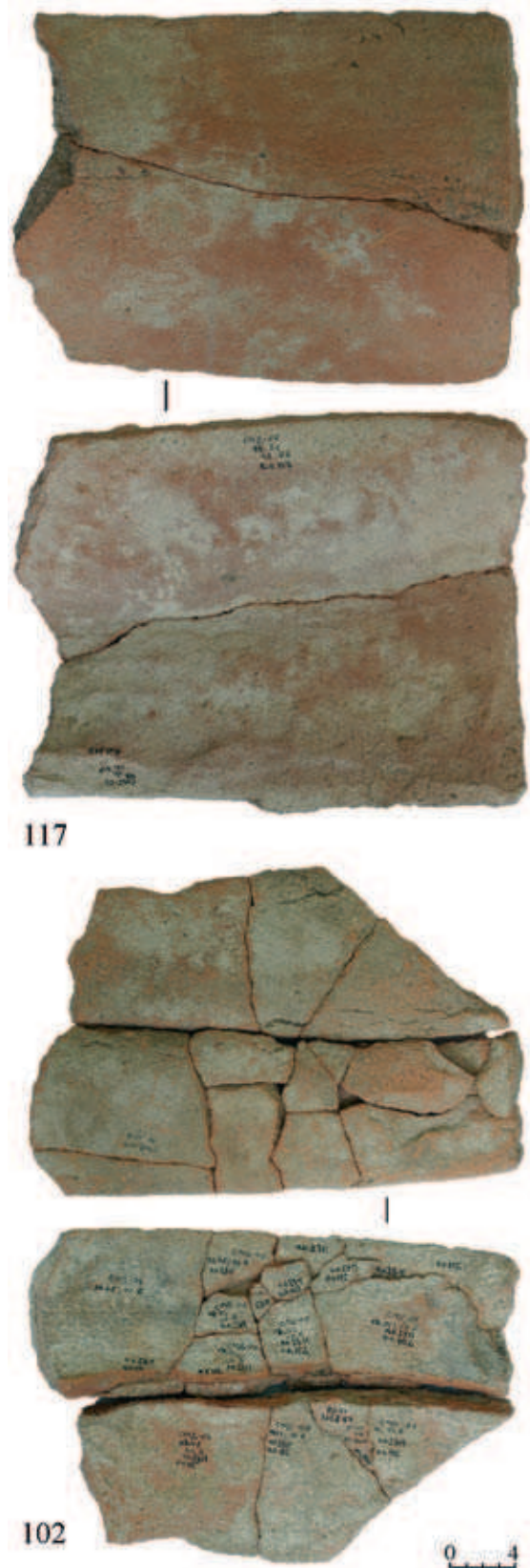

Рис. 3.28. Храм на холме Тузлух. Калиптеры, тип не определен. 102 – слой № 6; 117 – слой № 6-1.
Fig. 3.28. Church on the Tuzluk hill. Kalypters, indeterminate type. 102 – layer no 6; 117 – layer no 6-1.

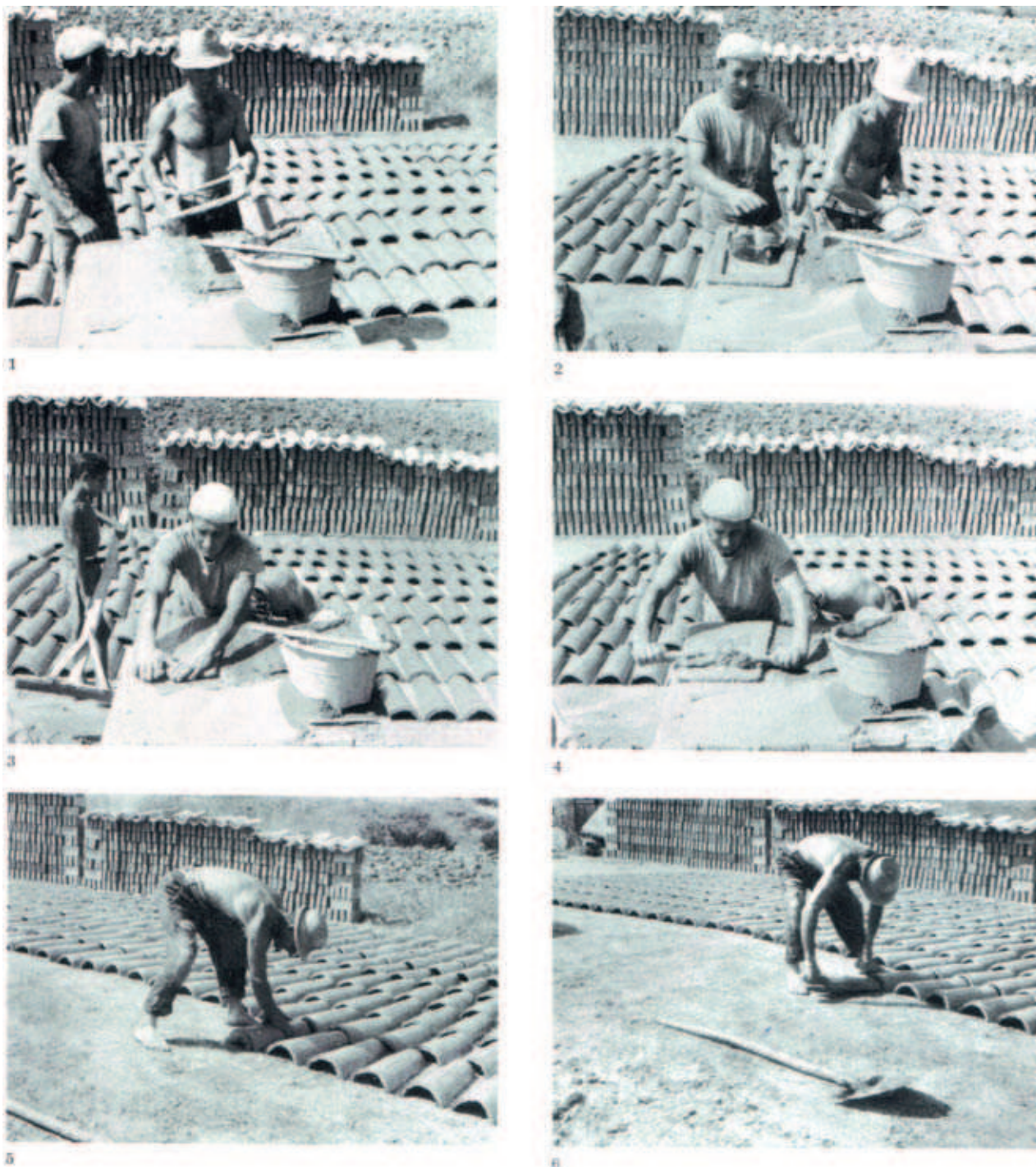

Рис. 3.29. Процесс изготовления калиптеров в коммуне Минтурно, регион Лацио, Южная Италия
(по: Hampe, Winter 1965: Taf. 15).

Fig. 3.29. Manufacturing of tiles in the Minturno municipality, Lazio, Southern Italy.

полуострове. Руководитель археологических исследований Т.Ю. Яшаева на основании анализа массового керамического материала склонна датировать возникновение комплекса временем не ранее второй половины IX в., а его гибель – первой половиной X в. (Яшаева 1999: 352, 355). Однако «находки трех монет с монограммой «ро» (две – первой половины XI в. [Роман III], третья – второй половины XI в. [Роман IV]) и амфоры Ганоса отодвига-

ют дату гибели комплекса до XI в.» (Яшаева 1999: 355). Исследовательница затем отмечает: «не исключено, конечно, что указанный материал является «примесью сверху», так как трудно гарантировать «чистоту слоя» в этом районе Гераклейского полуострова» (Яшаева 1999: 356). Поскольку детальная стратиграфия памятника не отражена в публикации, а послойный анализ керамических находок отсутствует, то использовать керамиче-

Рис. 3.30. Процесс изготовления калиптеров в г. Сегеста, Сицилия (по: Hampe, Winter 1965: Taf. 42).

Fig. 3.30. Manufacturing of tiles in Segesta, Sicily.

ские материалы этой усадьбы в качестве эталонных для определения верхней даты найденной здесь керамики было бы преждевременно, что отмечалось и другими исследователями (Нидзельницкая 2009: 280). Другие данные, привлеченные В.Е. Науменко для подтверждения использования «причерноморских» амфор в Херсонесе и в Керчи в X–XI вв. и вплоть до XII в., также нуждаются в дополнительном анализе (Науменко 2009а: 45–46). Например, для Херсонеса исследователь ссылается на

публикации материалов из раскопок цистерн №№ 3 и 5, расположенных во дворе дома в квартале X «б» Северного района городища (Рыжов, Седикова 1999), комплекса начала XI в. (Сазанов 2001) и цистерны жилого дома в квартале VII, засыпанной в конце XI – начале XII в. (Нессель 2006). Однако С.Г. Рыжов и Л.В. Седикова отмечают значительное количество местных «причерноморок» только в засыпи цистерны № 5, которую они датируют первой половиной X в. (Рыжов, Седикова 1999: 312–315,

325). На втором же объекте, отнесенном авторами ко второй половине X в., упомянуты только импортные амфоры (Рыжов, Седикова 1999: 325-326). Комплекс, публикуемый А.В. Сазановым, включал всего 7 профильных частей от 5 амфор (Сазанов 2001: 230, 240), а коллекция керамики из цистерны во дворе жилого дома в квартале VII содержала 2% желобчатых «причерноморок» (Несель 2006: 97). Такая статистика свидетельствует, скорее, о практически полном выходе из обращения в этот период амфор местного производства, нежели о продолжении их бытования. В Керчи в слоях с материалом XI–XII вв. эти сосуды также стоит рассматривать как естественную «примесь снизу», что для многослойных памятников оказывается вполне обычным явлением, но не как признак «долголетия» функционирования этой формы. Таким образом, ни один из приведённых В.Е. Науменко аргументов не может быть признан исчерпывающим для омоложения верхней даты желобчатых «причерноморок» до середины XI в.

Что касается методологического подхода сторонников «длинной» хронологии причерноморских амфор, то эти исследователи обычно при определении верхней границы их использования учитывают весь возможный период бытования сосудов. Однако это не совсем верно с точки зрения использования древних артефактов для датировки археологических объектов. Верхняя хронологическая граница бытования археологических предметов подразумевает как минимум два рубежа: первый – прекращение их производства, второй – последующий период выхода этих предметов из употребления. Установление датировки этих рубежей представляется крайне важным. Первая дата имеет значение при использовании артефактов в качестве хронологических индикаторов (ХИ), вторая – для определения продолжительности бытования тех или иных сосудов после прекращения их производства. Вторую из этих дат не стоит использовать как ХИ для установления хронологии контекстов, в которых обнаружены интересующие нас артефакты. Сторонники «длинной» хронологии принимают в расчет весь период бытования амфор, не подразделяя его на этапы, рубежом которых служит прекращение производства.

В то же время, сторонники «короткой» хронологии, определяя временные границы бытования «желобчатых» амфор рамками IX – первой половины X в., сосредотачиваются преимущественно на времени их изготовления (см. напр.: Паршина *и др.* 2001: 77; Майко 2000: 102-103). При этом практически ни у кого из исследователей не вызывает возражений тезис о наиболее широком распространении этих сосудов примерно с середины IX до середины X в. (обзор работ см.: Науменко 2009а: 35-46). Находки амфор первой половины IX в. известны в материалах раскопок правобережного Цимлянского городища (Цимлянский район, Ростовская область, Россия) (Флеров 1994: 485-487). Более ранние экземпляры происходят из могильника у с. Лучистое близ Алушты. Здесь, в одном из погребальных комплексов

(№ 250), отнесенном авторами к одиннадцатой хронологической группе (вторая половина VIII в.), найдено три желобчатых «причерноморки» (Айбабин, Хайрединова 2008: 63, 67, рис. 32)¹². Однако следует отметить, что многие находки из погребений этой хронологической группы датируются более широко (Айбабин, Хайрединова 2008: 63-67), что не исключает и более широкую хронологию отдельных комплексов, включенных в эту группу. Не исключено также, что «желобчатые» амфоры появляются в Южном Крыму раньше, чем в других регионах. Так, например, в одном из главных городов Юго-Западного Крыма – Херсонесе, эти амфоры зафиксированы лишь в комплексах, начиная с середины IX в. и позднее (Седикова 1997: 11-13; Рыжов, Седикова 1999: 313-315)¹³. Подобная тенденция, связанная с преобладанием желобчатых «причерноморок» в комплексах и объектах середины – второй половины IX в., и их малочисленность в период первой половины этого столетия отмечены на материалах Тепсеня и Судака (Баранов, Майко 2000: 86; Майко 2000: 102-103; 2004: 184-185; 2009: 264-271).

Вполне естественно, что появление и распространение гончарной традиции, а тем более массового производства, налаженного в таких грандиозных масштабах, как в Таврике¹⁴, – не единовременная акция, а длительный процесс, у которого в пределах Крымского полуострова была определённая хронологическая и географическая специфика. Следует признать, что в каких-то районах производство могло начаться раньше, а в каких-то – позже. Вполне вероятны локальные и хронологические различия в ассортименте продукции. В настоящее время в распоряжении исследователей слишком мало узко датированных комплексов и качественно раскопанных гончарных центров для детального изучения этой темы.

Вероятно, прекращение функционирования большинства гончарных мастерских, а соответственно и поступления на рынок их продукции, относится ко времени не позднее первой половины X в. По крайней мере, в этот период подавляющее большинство сельских поселений в Юго-Западной, Южной и Юго-Восточной Таврике, с которыми были связаны гончарные центры, перестают существовать (см. напр.: Якобсон 1970; Науменко 1997; Майко 2005; Новиченкова 2002)¹⁵. Затухает

¹² Не совсем ясно, почему в сводной хронологической таблице артефактов из могил одиннадцатой и двенадцатой групп две из трёх «желобчатых» амфор помещены в ячейку с материалом IX в. (Айбабин, Хайрединова 2008: 66, рис. 32).

¹³ В обобщающей классификации 1995 г. один из вариантов «желобчатых» амфор, также, вероятно, местного производства (класс 38), отнесен к первой половине IX в. (Романчук *и др.* 1995: 61).

¹⁴ Общий обзор гончарных центров см.: Паршина *и др.* 2001.

¹⁵ В последнем случае автор датирует исследованную ею усадьбу в районе пос. Ливадия VIII – серединой IX в. Однако наличие в культурных отложениях, связанных с функционированием усадьбы, высокогорных кувшинов с широкими плоскими ручками (Новиченкова 2002: 7) свидетельствует о том, что усадьба прекратила свое существование не ранее середины IX в.

жизнь и на «салтово-маяцких» поселениях Керченского полуострова (см. напр.: Зинько, Пономарев 2000: 186-191; 2005; 2007; 2009), потреблявших их продукцию¹⁶. В то же время, в культурных отложениях городищ (Судак, Алустан, Партенит) с середины – второй половины X в. преобладают иные группы амфор, преимущественно импортных (Баранов, Майко 2000: 86; Майко 2002: 55 2012а: 13-14; Паршина 2002а: 97), что может служить дополнительным указанием на отсутствие местного производства транспортировочной тары. Итак, на основании собранных сведений, «желобчатые» причерноморские амфоры местного производства можно датировать в целом в рамках второй половины (конца?) VIII – первой половины (первой трети?) X в.

Нельзя исключать, что изготовление желобчатых «причерноморок» после массового запустения сельских поселений могло некоторое время продолжаться в гончарных мастерских, связанных с крупными городскими центрами, например, в Херсонесе, окрестностях Мангупа и др. Но эта тема требует, безусловно, дальнейшего исследования.

В завершение характеристики первого типа амфор хотелось бы еще раз отметить, что датирующее значение для памятников, на которых эти амфоры преобладают или встречаются как наиболее «поздние» находки, имеет хронология периода их производства, то есть время, когда такие сосуды в полной мере являлись специфическим элементом местной материальной культуры.

Допустимо считать, что достаточно длительный процесс прекращения бытования некоторых артефактов и их превращение в «раритеты» оставлял за собой определённый «хронологический шлейф». Такое явление прослеживается на некоторых памятниках, характеризующихся долгой традицией существования или формирования. К ним может быть отнесена уже упоминавшаяся усадьба на Гераклеяском полуострове, а также различные перемищённые слои и отложения длительного накопления на многослойных памятниках (Мангуп, Херсонес, Керчь и др.). Подобного рода запаздывающие «раритеты», представляющие финальную стадию бытования группы вещей или переотложенный мусор, не могут иметь определяющего значения для датировки контекстов, в которых они обнаружены. Справедливо и обратное – многослойные памятники и объекты с длительной традицией бытования не всегда способны дать надёжную информацию о хронологии конкретной группы керамики.

Второй и третий типы амфор из церкви у с. Семидворье на других памятниках Таврики встречаются значительно реже¹⁷. Профилировка горла реберчатым

выступом характерна для амфор типа XV по ХК-71 (Антонова *и др.* 1971: 89-100), класса 30 по ХК-95 (Романчук *и др.* 1995: 56, таб. 25, 26). Наибольшее число находок сосудов зафиксировано на территории Херсонеса и его ближайших окрестностей: в засыпи городского водохранилища у 13-й куртины первой половины IX в. (Седикова 1995: 171, рис. 1:2), в засыпи цистерны № 5 в северном районе городища первой половины X в. (Рыжов, Седикова 1999: 315, рис. 3: 6), в материалах с места кораблекрушения близ Учкучевки (Гинькут 2002: 25, рис. II: 1-2). Подобные амфоры известны как продукция гончарного центра в урочище Суат близ Ялты и датируются автором раскопок первой половиной VIII в. (Баранов 1979: 116-117, рис. 3: 7). Они также найдены в слое второй половины – конца IX в. на раннесредневековом поселении у подножья Мангупа (Науменко 1997: 322-333, рис. 3: 1), в «слое функционирования» здания № 2 (конец IX – начало X в.) в районе церкви св. Константина на Мангупе (Герцен *и др.* 2010: 254, рис. 17: 9), в заполнении закрытого комплекса (помещения Б), возникшего на участке куртины XV Судакской крепости (Баранов, Майко 1996: 74-75, рис. 2: 5), на салтовском поселении Героевка-2 на Боспоре (Зинько, Пономарев 1999: 196, рис. 2: 3).

Находки вогнутых амфорных днищ также довольно редки и географически разрознены. Они известны на Мангупе в комплексе, датированном около середины IX в. (Герцен *и др.* 2010: 261, рис. 21: 9), в Судаке и на Тепсене (Майко 2000: 103; 2004, 184; Баранов, Майко 1996: 74-75, рис. 2: 5), на поселениях Керченского полуострова VIII–IX вв. (Зинько, Пономарев 1999: рис. 2: 18; 2005: 238, рис. 3: 22). Такие днища довольно сложно точно соотносить с какими-то конкретными верхними частями сосудов. В этой связи в ряду приведённых аналогий особый интерес представляет амфора из Судака. Это сосуд безусловно местного производства, с примесью значительного количества шамота в тесте. Форма изделия полностью реконструирована. У него, как и у аналогичных амфор из церкви у с. Семидворье, имеется вогнутое дно (Баранов, Майко 1996: 86, рис. 2: 5). Следует также отметить, что большинство среднегабаритной керамической тары, обнаруженной в помещении Б на участке куртины XV Судакской крепости представлено желобчатыми «причерноморками», амфоры с мелким зональным рифлением (МЗР) отсутствуют вообще (Баранов, Майко 1996: 74-75, рис. 2). Нижняя дата помещения определяется по находкам белоглиняной поливной керамики византийского производства и высокогорлых кувшинов с широкими плоскими ручками временем не ранее середины IX в.

Подводя итог обзору амфорной тары из раскопок храма, хотелось бы обратить внимание на важное обстоятельство: среди 439 обломков амфор, найденных при раскопках храма, не выявлено ни одного фрагмента, который можно было бы отнести к импортным амфорам византийского круга с мелким зональным рифлением (МЗР), известным как тип Late Roman 2

¹⁶ Есть мнение, что поселения на Керченском полуострове прекращают функционировать не позднее второй половины IX в. (Могаричев *и др.* 2007: 145-155). Такая датировка предложена на основании корреляции керамических находок, но как неоднократно отмечалось, керамические комплексы второй половины – конца IX и начала X в. на настоящем этапе исследования разграничить довольно сложно.

¹⁷ Нам неизвестны находки амфор этих типов за пределами полуострова.

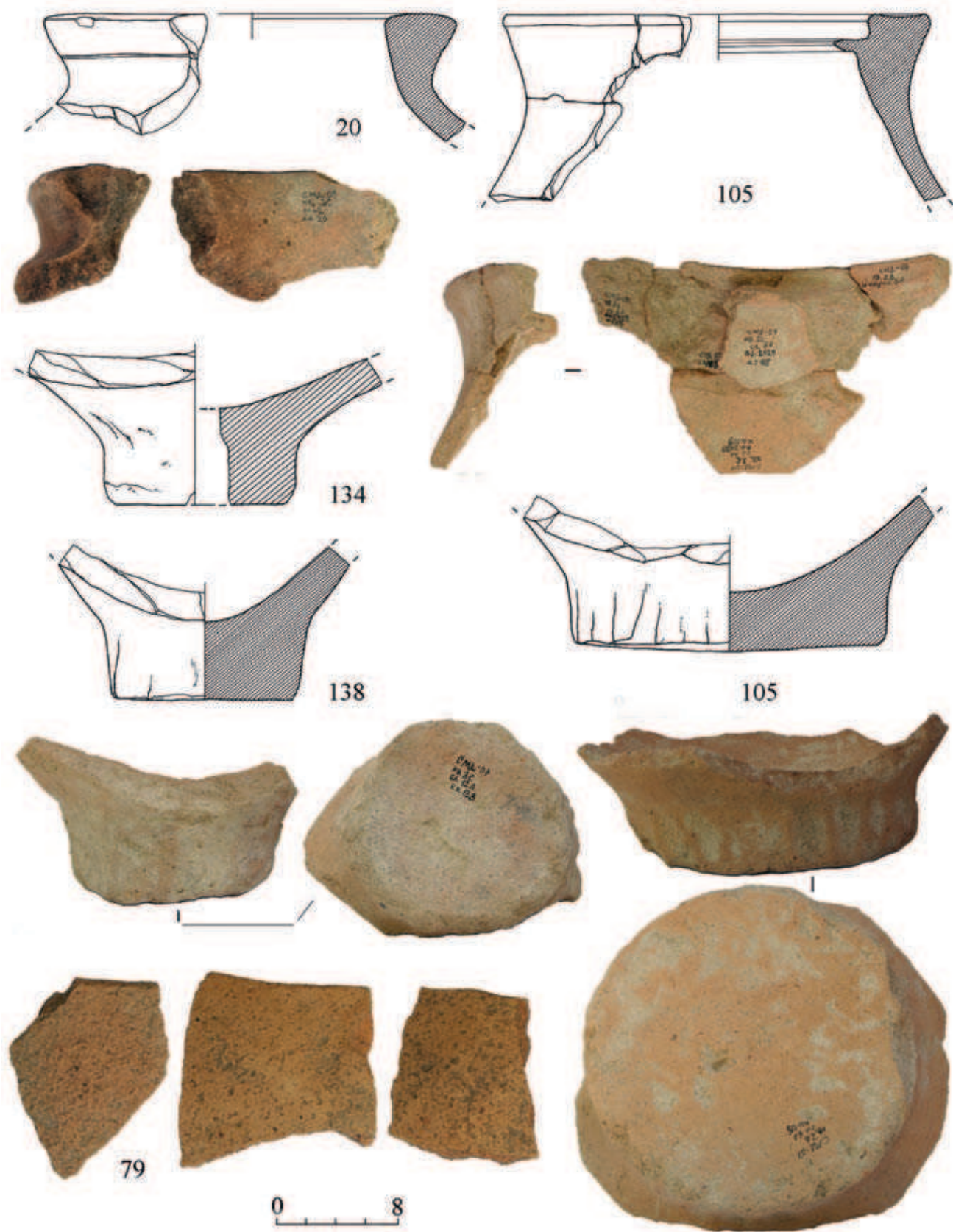

Рис. 3.31. Храм на холме Тузлук. Фрагменты пифосов и «воронки».
 20 – слой № 2; 79 – слои №№ 4, 6, 76, 12; 105 – слой № 6-2; 134 – слой № 12; 138 – слой № 12а.
 Fig. 3.31. Church on the Tuzluk hill. Fragments of pithoi and cones-“funnel”.
 20 – layer no 2; 79 – layers nos 4, 6, 76; 105 – layer no 6-2; 134 – layer no 12; 138 – layer no 12a.

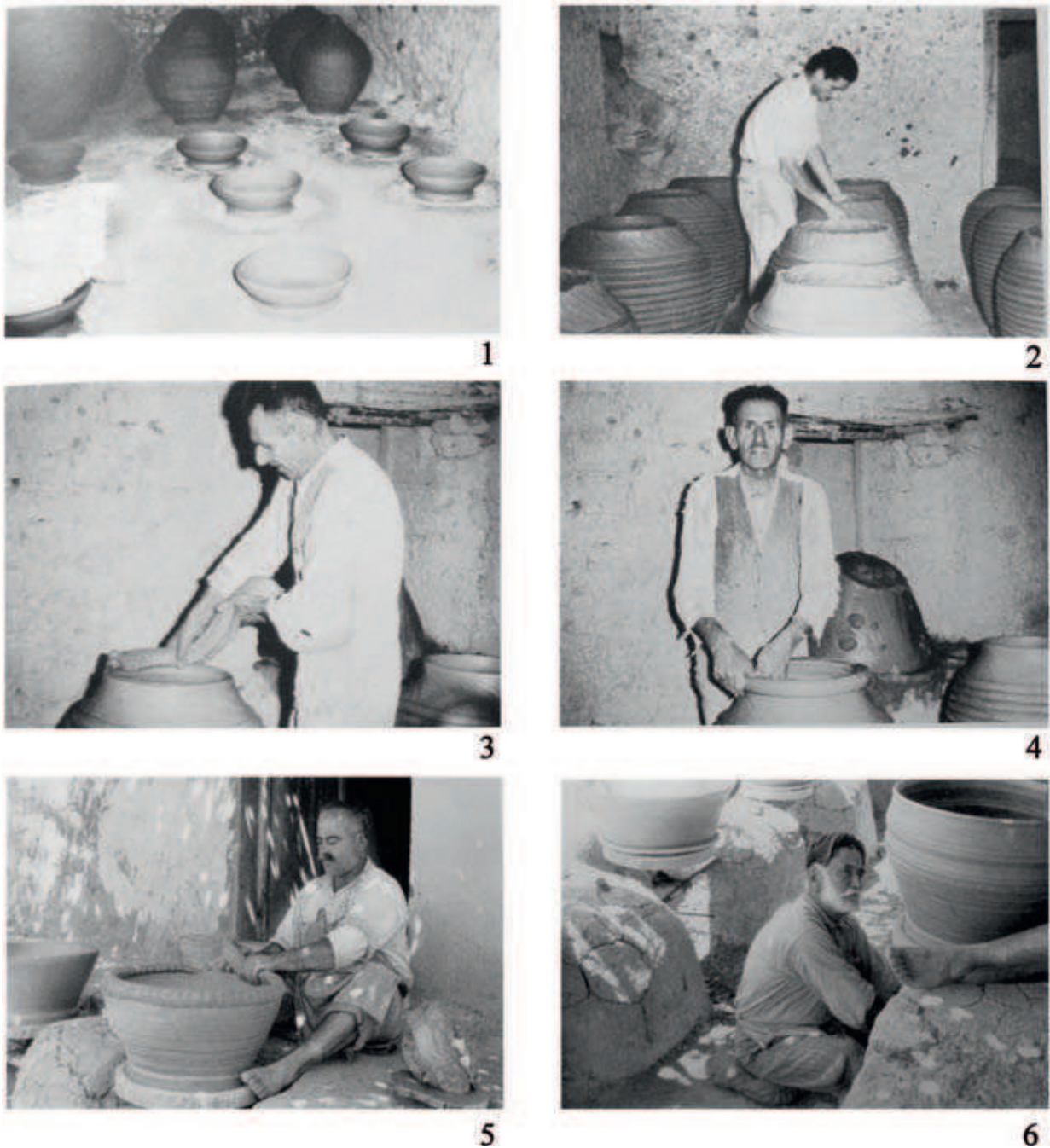

Рис. 3.32. Способы формовки пифосов: 1-4 – без использования гончарного круга, Мессения, юго-западный Пелопоннес, 1960 г. (по: Hampe, Winter 1962: Taf. 19); 5, 6 – на гончарном круге, о-в Крит, 1960 г. (по: Hampe, Winter 1962: Taf. 17).
 Fig. 3.32. Manufacturing of pithoi: 1-4 – without using potter's wheel, Messenia, southwestern part of the Peloponnese, 1960; 5, 6 – with potter's wheel, Crete Island, 1960.

(LRA-2) (см. напр.: Sciallano, Sibella 1991: 106-107; Нидзельницкая 2009) или их подражаниям, произведённым в Таврике (первый вариант «причерноморского» типа по А.Л. Якобсону, тип XIV по ХК-71, класс 24 по ХК-95 [Якобсон 1970: 39; Антонова *и др.* 1971: 88-89; Романчук *и др.* 1995: 50-52]). Стоит отметить, что одновременно на близлежащем поселении и территории местного гончарного центра фрагменты местных подражаний импортным амфорам все же встречаются (Лысенко, Тесленко 2012: 110-114,

рис. 3: 2; 6: 9). По наблюдениям большинства исследователей, уделявших внимание проблеме изучения местных «причерноморских» амфор и их прототипов, периоды максимального распространения различных вариаций сосудов с мелким зональным рифлением и желобчатой поверхностью не совпадают. Например, Л.Ю. Нидзельницкая, на основании анализа коллекций амфор с линейно-зональным орнаментом из музеев Ростовской области с привлечением широкого круга материалов раскопок различных синхронных

1

2

Рис. 3.33. Горны для обжига пифосов в Мессении, юго-западный Пелопоннес, 1960 г. (по: Hampe, Winter 1962: Taf. 20, 21).
Fig. 3.33. Kilns for firing of pithoi in Messenia, southwestern part of the Peloponnese, 1960.

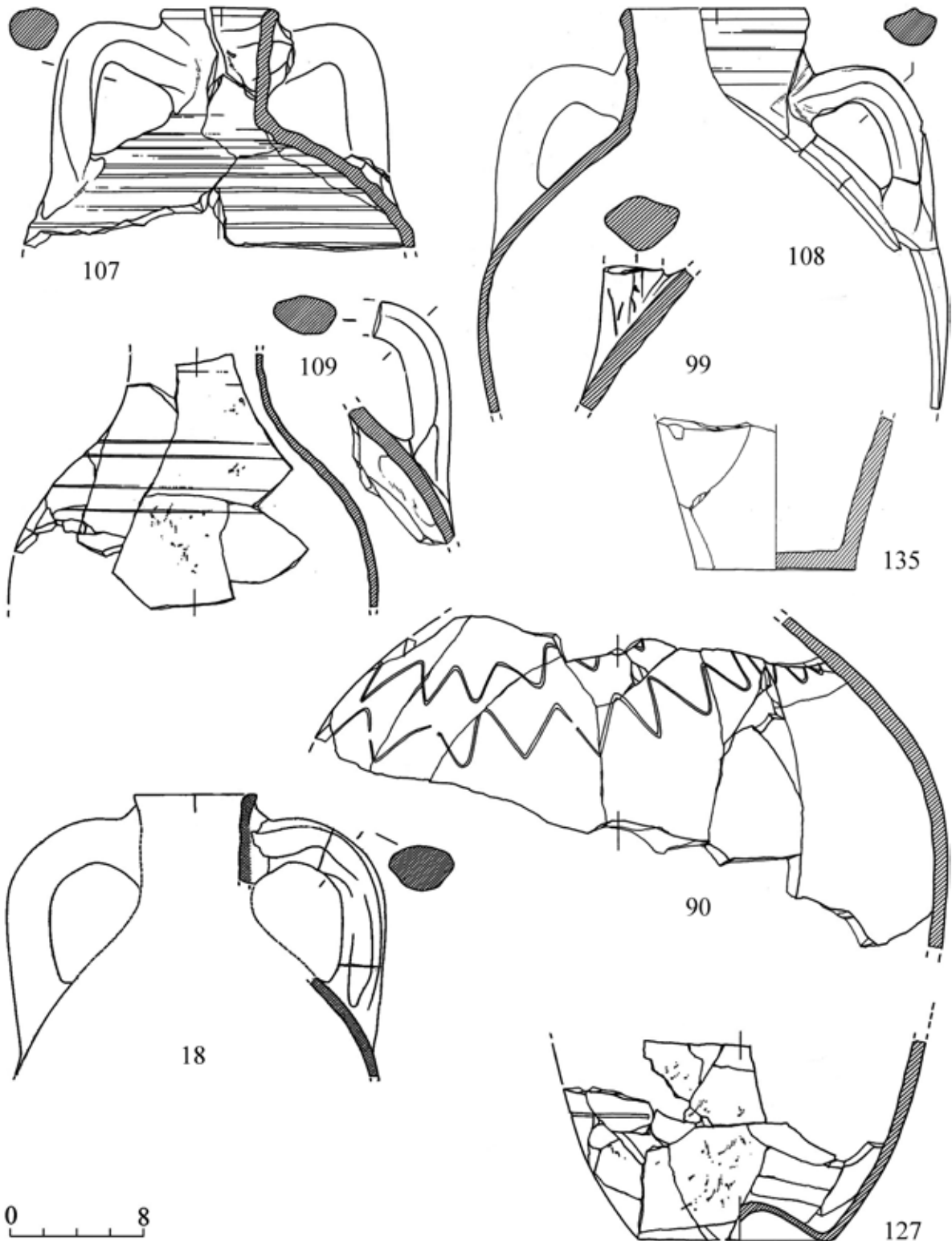

Рис. 3.34. Храм на холме Тузлук. Фрагменты амфор «причерноморского типа» и донной части высокогорлого кувшина с широкими плоскими ручками (135).

18 – слои №№ 2 и 7б; 90 – слои №№ 6, 6-2, 7б; 99 – слой № 6; 107, 108, 109 – слой № 6-2;
127 – слои №№ 6, 7б, 7-2, 18 (могила № 1); 135 – слой № 12, нижняя часть.

Fig. 3.34. Church on the Tuzluk hill. Fragments of “Black Sea type” amphora and bottom of high neck jag with wide flat handles (135).

18 – layers nos 2 and 7б; 90 – layers nos 6, 6-2; 99 – layer no 6; 107, 108, 109 – layer no 6-2;
127 – layers nos 6, 7б, 7-2, 18 (Grave no 1); 135 – layer no 12, low part.

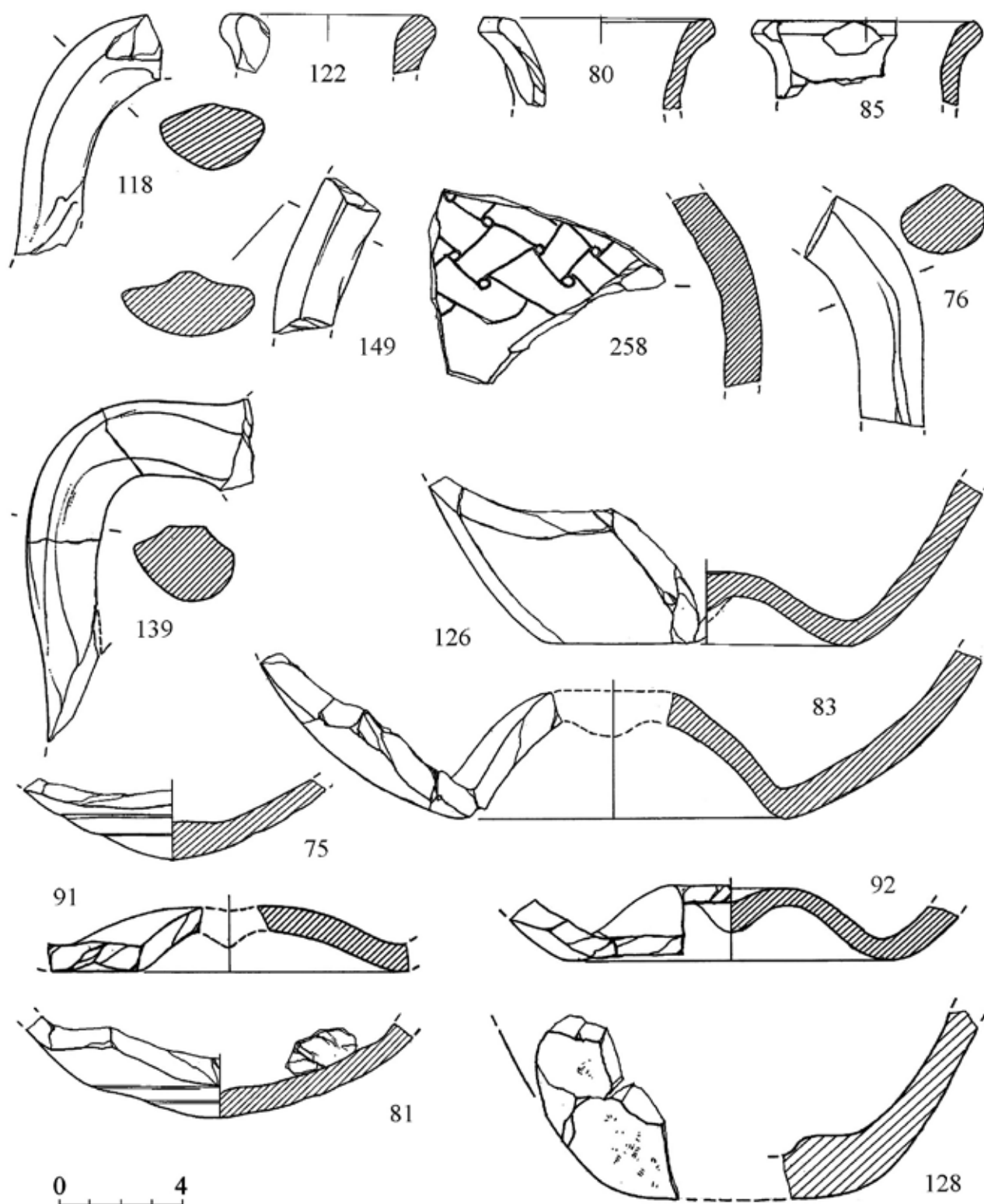

Рис. 3.35. Храм на холме Тузлук. Фрагменты амфор «причерноморского типа».

75 – слой № 6; 76, 80, 81, 83, 85, 91, 92, 126, 128, 258 – слой № 76; 118 – слой № 6-1; 122 – слой № 7; 139 – слой № 12а; 149 – слой № 18 (могила № 1).

Fig. 3.35. Church on the Tuzluk hill. Fragments of “Black Sea type” amphora.

75 – layer no 6; 76, 80, 81, 83, 85, 91, 92, 126, 128, 258 – layer no 76; 118 – layer no 6-1; 122 – layer no 7; 139 – layer no 12a; 149 – layer no 18 (Grave no 1).

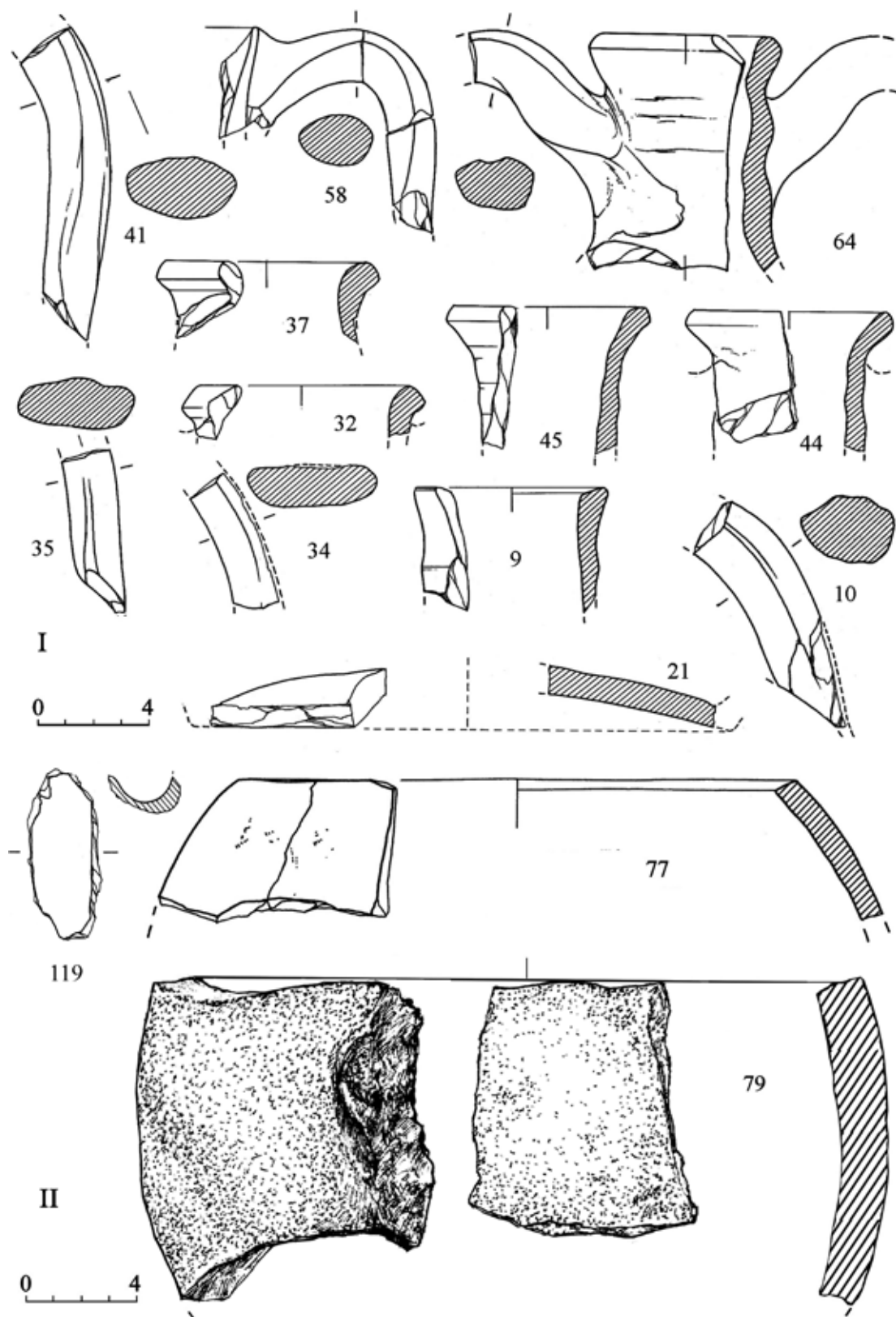

Рис. 3.36. Храм на холме Тузлук. I – фрагменты амфор «причерноморского типа» и фляги (21); II – обломки «воронок». 9, 10, 21 – слой № 2; 32, 34, 35 – слой № 2б; 37, 41, 44, 45, 58, 64 – слой № 4; 77 – слой № 6 и 76; 79 – слои №№ 4, 6, 76, 12; 119 – слой № 6-1.

Fig. 3.36. Church on the Tuzluk hill. I – fragments of “Black Sea type” amphora and a flask (21); II – fragments of “cones-funnels”. 9, 10, 21 – layer no 2; 32, 34, 35 – layer no 2b; 37, 41, 44, 45, 58, 64 – layer no 4; 77 – layers nos 6, 76; 79 – layers nos 4, 6, 76, 12; 119 – layer no 6-1.

Рис. 3.37. Храм на холме Тузлук. Фрагменты амфор «причерноморского типа» и донной части высокогорлого кувшина с широкими плоскими ручками (135).

58, 64 – слой № 4; 81, 83, 258 – слой № 7б; 90 – слои №№ 6, 6-2, 7б; 107, 108, 109 – слой № 6-2; 127 – слои №№ 6, 7б, 7-2, 18 (могила №1); 135 – слой № 12.

Fig. 3.37. Church on the Tuzluk hill. Fragments of “Black Sea type” amphora and bottom of the high neck jag with wide flat handles (135).

58, 64 – layer no 4; 81, 83, 258 – layer no 7б; 90 – layers nos 6, 6-2, 7б; 107, 108, 109 – layer no 6-2; 127 – layers nos 6, 7б, 7-2, 18 (Grave no 1); 135 – layer no 12.

памятников, приходит к выводу, что уже к началу IX в. выпуск этих амфор в мастерских Восточно-Римской империи, а также сопредельных, подверженных византийскому влиянию областях, значительно сократился (Нидзельницкая 2009: 280). Раскопки крупного поселения в среднем течении Северского Донца, возникшего у западных окраин Хазарского каганата, также подтверждают это предположение. Здесь амфоры с мелким зональным рифлением фиксируются только в самых ранних слоях (Кравченко 2011: 71). В Юго-Восточном Крыму и на Керченском полуострове эти тарные сосуды преобладали до середины IX в. (см. напр.: Баранов, Майко 1996; Майко 2000: 102-103; 2004: 184; 2012б; Пономарев 2003а: 268). Эти же сосуды составляют большинство амфорного материала в комплексах Херсонесского городища, образовавшихся не позднее первой половины IX в. (Романчук *и др.* 1995: 47; Седикова 1995: 170-171; Романчук, Седикова 1991: 42; Седикова 1997: 10-12). Таким образом, очевидно, что местные «причерноморки» с мелким зональным рифлением получили широкое распространение раньше, чем «желобчатые». Вполне вероятно, что их массовое производство в Таврике также было налажено раньше. Известно, по крайней мере, несколько мастерских и отдельных горнов в пределах гончарных центров, где отмечено изготовление амфор только этого типа (см. напр.: Баранов 1979; Паршина *и др.* 2001: 76-77)¹⁸. По находкам в датированных комплексах нижняя дата типа определяется временем не позднее первой половины(?) – середины VIII в. (Майко 2009: 266-270; 2012б; Приходнюк 2001: 65, рис. 24: 1, 2), при этом пик распространения подобных амфор приходится на первую половину IX в.¹⁹

Таким образом, исходя из анализа амфорного материала семидворского храма, можно с высокой долей вероятности предполагать, что памятник появился уже после того, как местные амфоры с мелким зональным рифлением вышли из широкого обращения, иначе трудно объяснить, почему члены местной общины не использовали в литургической практике и общинных трапезах именно этот тип сосудов. При этом другие два типа амфор местного производства (с желобчатым туловом, а также с «двухчастным» горлом и вогнутым днищем) продолжали синхронно использоваться. На-

ходки тарных сосудов в подобной комбинации, как уже упоминалось, известны в закрытом комплексе Судакской крепости, образовавшемся не ранее середины IX в. на участке куртины XV (Баранов, Майко 1996: 74-75, рис. 2: 5).

Один фрагмент стенки тыльной плоскости сосуда принадлежит *фляге* (баклаге) (рис. 3.36: 21). Черепок этого сосуда жёлто-красный, состав теста аналогичен амфорам причерноморского типа, найденным при раскопках храма – в формовочной массе отмечено значительное количество отошителя в виде мелкодробленого шамота и мелкой дресвы тёмно-коричневого цвета. В связи с этим практически не вызывает сомнения происхождение баклаги из одного из местных гончарных центров. Фляга изготовлена на гончарном круге, на её тыльной стороне видны следы срезания изделия с плоскости круга при помощи нити. Горло с двумя симметричными ручками обычно крепилось к боковой поверхности корпуса по его центральной оси. Лицевая поверхность могла быть украшена росписью красным ангобом или прочерченным геометрическим рисунком. Круг аналогий таким изделиям довольно широк. Они хорошо известны как на территории Крымского полуострова, так и на салтовомаяцких памятниках Прикубанья, Приазовья и Подонья, и датируются в рамках VIII – первой половины X в. (обзор литературы см.: Науменко 2009в: 58-60). Фляги изготавливались в керамических мастерских Таврики вместе с амфорами и другими видами гончарной продукции (см. напр.: Паршина *и др.* 2001). Детальная хронология и типология сосудов нуждаются в дальнейшей разработке.

Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками, они же «высокогорлые кувшины», «чёрно-смоляные кувшины», «тмутараканские кувшины», «амфоры-кувшины», тип XX по ХК-71 (Антонова *и др.* 1971: 91-92, рис. 20: 20-21), класс 41 по ХК-95 (Романчук *и др.* 1995: 63-60, таб. 30-32), тип 44 по А.В. Сазанову (Sazanov 1997: 97, fig. 4: 44) (обзор литературы см.: Науменко 2009б: 50-57; Чхаидзе 2008: 161). В керамической коллекции из раскопок храма присутствует только одно реконструированное днище²⁰ и обломок стенки нижней части корпуса такого кувшина (рис. 3.34, 3.37: 135). Черепок сосуда тёмно-коричневый, на внутренней поверхности частично чёрный, вероятно, вследствие неравномерного обжига. Остатки смолистого вещества внутри сосуда не прослеживаются. В тесте видны включения мелких кристаллов кварца, плотных минералов белого, чёрного (пироксен?) и тёмно-красного цветов. На днище заметны остатки налипшего песка от подсыпки, предотвращающей прилипание сырого изделия к рабочей поверхности. Днище найдено в апсиде южного компартамента, в слое разрушения третьего строительного периода (группа VII). Возможно, сосуд или его нижняя часть использовался

¹⁸ Совместное производство амфор с МЗР и с желобчатым туловом отмечено не менее чем в 5 гончарных центрах, однако детальная периодизация самих центров не ясна (Паршина *и др.* 2001: 77).

¹⁹ Для точного определения верхней границы типа, а также для выяснения хронологической и региональной специфики в ассортименте различных гончарных центров, данных пока недостаточно. Как показывает опыт исследований многослойных памятников, фрагменты амфор с МЗР еще довольно долго археологизировались на мусорных свалках и в различных «засыпях» (см. напр.: Седикова 1996; Сазанов 2001). Такая ситуация вполне естественна, поскольку прекращение выпуска каких бы то ни было изделий еще не свидетельствует о моментальном прекращении их бытования. Однако производство не могло продолжаться дольше, чем существовали сами центры.

²⁰ Днище собирается из трёх крупных и трёх мелких фрагментов.

каким-то образом в церковных обрядах, для чего он и был вмонтирован в алтаре²¹.

Высокогорлые кувшины различных типов хорошо известны благодаря раскопкам многих археологических объектов Крыма, Приазовья, Подонья, Нижнего Поднепровья и столицы Византийской империи – Константинополя, а также по результатам подводных исследований в акватории Чёрного моря. Им посвящено большое количество публикаций (географию находок и обзор литературы см.: Sazanov 1997: 97; Науменко 2009б: 50-57). На основании анализа археологических комплексов Херсонеса, включающих находки высокогорлых кувшинов и монет²², общая хронология этого вида среднегабаритной тары определяется в рамках 60-80-х гг. IX – конца XI в. Период наибольшего распространения приходится на X – середину XI в. (см. напр.: Могаричев и др. 2007: 107). Исследователи указывают на значительное разнообразие форм профильных частей и состава формовочной массы высокогорлых кувшинов (см. напр.: Сазанов 2001: 232-239; Науменко 2009б: 57), что свидетельствует об их происхождении из различных гончарных центров. Например, Дж. Хейс относит сосуды, найденные при раскопках в Стамбуле, к кухонной керамике местного производства, называя их «large one-handed jag» или «local tall one-handed jag» (Hayes 1992: 125, 223; fig. 21: 3; 71: 53). Местонахождение ни одной из этих мастерских к настоящему времени не выявлено.

Кухонно-столовая керамика представлена изделиями трёх хронологических групп: периода, предшествовавшего строительству храма, времени функционирования средневекового культового комплекса и периода возможного использования руин этого сооружения.

К наиболее раннему времени, вероятно, следует отнести два фрагмента стенок и один обломок днища лепного сосуда закрытой(?) формы (вес – 34 г), найденные в отложениях группы I в кв. 4В, в районе хозяйственной ямы эпохи поздней бронзы²³. Черепок сосуда довольно

плотный, обжиг неравномерный, в глиняном тесте видны включения песка, мелкой дресвы тёмно-коричневого цвета, частиц плотного прозрачного и чёрного блестящего минералов, золотистых блесток. Эти артефакты, вероятно, были переотложены в процессе подготовки площадки под строительство храма.

К наиболее поздним находкам относятся обломки трёх сосудов: днище коричневоглиняного неполивного кувшина или горшка (рис. 3.43: 13), фрагменты борта и корпуса с днищем двух красноглиняных поливных чаш с орнаментом в технике сграффито (рис. 3.42; 3.43: 17, 130). Изделия найдены в слоях групп VIII (слой № 9) и IX (слой № 2) в районе южного компартамента.

Неполивной сосуд относится к местной гончарной керамике, известной в литературе как группа «Юго-Западный Крым» (ЮЗК). Это тонкостенные изделия с коричнево-красным или тёмно-коричневым черепком, песчанистой формовочной массой, отличающиеся высокой технологией формовки на скоростном гончарном круге (РФК-7 по А.А. Бобринскому [1978: 60-64]). Они были широко распространены на территории Таврики и в ближайших регионах на побережье Азовского и Чёрного морей на протяжении XIV–XV вв. (см. напр.: Кравченко 1986: 49, рис. 18: 1; Волков 1992: 10-12, табл. 2.13-14; Дмитриенко, Масловский 2006: 235-236, 242, рис. 4: 8-16; Масловский 2006: 383-388, рис. 31; Айбабина 1991: 195-197, 203, рис. 8, 10; Баранов 1991: 108-109, рис. 4, 4; Когонашвили, Махнева 1974: 119-120, рис. 9; Мыц 1991: 100; Сазанов, Иващенко 1994: 181; 1995: 121-122).

Оба поливных сосуда также относятся к продукции местных мастерских – группе «Юго-Восточный Крым» (см. напр.: Волков 1992: 9-10; Масловский 2007; Тесленко 2010а). Это чаши с вертикальным бортом, украшенные орнаментом сграффито, подцвеченным минеральными красками под светло-жёлтой поливой. Черепок изделий достаточно плотный, жёлто-красный, более светлого оттенка у внешней поверхности. В тесте видны отдельные включения мелких частиц рыхлого минерала белого цвета. На одной из чаш орнамент нанесен тонким и широким резцами и тонирован тремя минеральными красками на основе окислов меди, железа и марганца (рис. 3.42: 17). На другой рисунок выполнен двузубым штампом и подцвечен зелёной и коричневой красками (рис. 3.42: 130). Использование окисла марганца в украшении керамики группы ЮВК получает широкое распространение со второй четверти XIV в. (Масловский 2007: 86). Находки реконструируемых форм известны в комплексах второй половины XIV и XIV–XV вв. (Тесленко 2012: 229). Керамика с использованием двузубого штампа и двухцветной росписи в декоре, появившись примерно в третьей четверти XIV в., доминирует к середине – третьей четверти XV в. (см. напр.: Айбабина, Бочаров 1997: 16-18; Герцен, Науменко 2005: 68-72; Кирилко 2005б; Масловский 2007: 87; Мыц 2002: 157, рис. 25-35; Тесленко 2010а: 227-228; Тесленко 2012). Таким образом, в целом наиболее позднюю керамику на памятнике можно датировать второй половиной XIV–XV вв.

²¹ Аналогичное использование донной части сосуда закрытой формы зафиксировано в средневековом храме Ай-Андрей, расположенном в 1,7 км к юго-западу от с. Генеральское (бывш. Улу-Узень), на юго-восточном склоне одного из восточных отрогов горы Демерджи, у истока одного из правых притоков реки Улу-Узень восточный или Мегалопотам, на высоте около 600 м н. у. м., примерно в 7 км от берега моря. Храм обследовался О.И. Домбровским в 1956 г. В отчёте о результатах работ отмечено, что на момент осмотра «удалось выявить и зафиксировать остатки стены, разделявшей нартекс и наос, трехчетвертные колонны в углах наоса и пилястры в нартексе, две ниши (параплекси) и алтарное возвышение с вмазанной в него нижней частью гончарного сосуда в апсиде...» (выделено И.Т.) (Домбровский 1956: л. 4-6). Церковь датирована автором исследований XI–XII вв. (Домбровский 1956: л. 4-6).

²² Наиболее ранние монеты относятся ко времени правления императора Василия I Македонянина (867-886), наиболее поздние принадлежат императору Роману IV Диогену (1067-1071) и Михаилу VII Дуке (1071-1078), а также представлены херсонсо-византийскими выпусками с ранними типами монограммы «ро» (Рыжов, Седикова 1999: 325; Алексеенко 2006: 86-87; Нессель 2006: 97, 107).

²³ Детальнее о комплексах, предшествующих храму, см. главу 2 «Стратиграфия и характеристика культурных отложений» и нашу работу (Лысенко, Тесленко 2012: 120-122, рис. 11, 12).

Какие-либо керамические находки, датирующиеся временем от середины X до середины XIV в., при раскопках храма не зафиксированы.

Фрагменты изделий, синхронных времени существования храма, составляют подавляющее большинство в массе кухонно-столовой посуды (1470 ед., 39,465 кг). По способу обработки внешней поверхности они подразделяются на поливные и неполивные. Последние

представлены обломками красноглиняных и коричневоглиняных сосудов, преимущественно закрытой формы (кувшины, горшки), отдельными фрагментами блюд и чашек, а также других сосудов открытой формы, назначение которых определить затруднительно (воронки?). Все изделия в значительной степени фрагментированы.

В культурных слоях находки распределяются следующим образом:

Строит. периоды	Группы слоев	Кухонно-столовая посуда											
		красноглиняная закрытой формы			коричневоглиняная закрытой формы			красноглиняная открытой формы			«воронки»		
		кол-во	вес	%	кол-во	вес	%	кол-во	вес	%	кол-во	вес	%
I-II	I	30	246	88,2%	4	25	1,8%	–	–	–	–	–	–
	II	381	11088	73,8%	11	125	2,1%	–	–	–	10	932	1,9%
	III	110	4923	99,0%	1	10	1,0%	–	–	–	–	–	–
	IV	227	9655	91,5%	21	855	8,5%	–	–	–	–	–	–
Итого:		748	25912	94,0%	37	1015	4,7%	–	–	–	10	932	1,3%
III	V	63	1928	95,5%	1	9	1,5%	2	5	3,0%	–	–	–
	VI	119	958	93,7%	8	32	6,3%	–	–	–	–	–	–
	VII	154	2310	62,9%	83	1408	33,9%	1	1	0,4%	7	621	2,8%
Итого:		336	5196	76,7%	92	1449	21,0%	3	6	0,7%	7	621	1,6%
IV	VIII	38	688	82,6%	4	21	8,7%	–	–	–	4	388	8,7%
	IX	91	914	77,8%	25	281	21,4%	–	–	–	1	20	0,8%
Итого:		129	1602	79,1%	29	302	17,8%	–	–	–	5	408	3,1%
	клад-ки	29	950	96,7%	1	301	3,3%	–	–	–	–	–	–
	п/м	40	724	93%	3	47	7%	–	–	–	–	–	–
Всего:		1282	34384	87,3%	162	3114	11,0%	3	6	0,2%	22	1961	1,5%

Красноглиняная посуда закрытой формы составляет 87,3% кухонно-столовой керамики (1282 фрагмента весом 34,384 кг), найденной при раскопках. Наибольшее число находок происходит из II, IV и VII групп слоев. Профильные части немногочисленны. Это обломки венчиков семи сосудов закрытой формы (небольших горшков или кувшинов) (диаметр венчиков – 6,3-8 см) (слои №№ 4, 5, 6, 11, 12, 13, 14б), два из которых со сливом в виде пальцевой деформации венчика (ойнохой), 11 днищ (слои №№ 1, 2, 9, 13, 18 [заполнение могилы № 1]), две ручки (слои №№ 6 и 13), а также верхняя часть корпуса небольшого кувшина с росписью тремя горизонтальными полосами красного ангоба (слой № 11) (рис. 3.41; 3.42)²⁴.

Все изделия сильно фрагментированы, что не позволяет составить целостное представление о формах сосудов. Практически все они изготовлены на скоростном

гончарном круге, о чем свидетельствуют следы ротации на внутренней поверхности, особенно заметные ближе к днищу, а также характерные следы на плоскости дна от срезания изделия с круга при помощи нити. Черепок этих сосудов желто-красного цвета различных оттенков, в составе их глиняного теста видны включения мелкого шамота и дресвы, плотного минерала темно-коричневого или красно-коричневого цвета, а также рыхлого белого минерала (известь?). В целом формовочная масса подавляющего большинства сосудов подобна амфорам «причерноморского» типа. Лишь у изделий небольших размеров она отличается более мелкой фракцией примесей. К настоящему времени морфологическая типология и детальная хронология кухонно-столовой посуды исследуемого периода остается не разработанной, поэтому трудно соотнести фрагменты профильных частей найденных сосудов с какими-то известными типами. Выделяются некоторые морфологические особенности сосудов, среди которых наиболее выразительны следующие: пальцевое вдавление в месте верхнего прилепа ручки (рис. 3.41; 3.42: 142), круглое сквозное отверстие у нижнего прилепа ручки (рис. 3.41; 3.42: 94), специфический профиль венчика кувшинов, усложненный неболь-

²⁴ Значительный дисбаланс между профильными частями и стенками объясняется тем, что при камеральной обработке ко второй категории, вероятно, была отнесена значительная часть амфорного материала. Это связано с трудностью определения принадлежности сосудов к кувшинам или амфорам по мелким фрагментам стенок, поскольку по визуальным признакам их черепок и состав теста практически неотличимы.

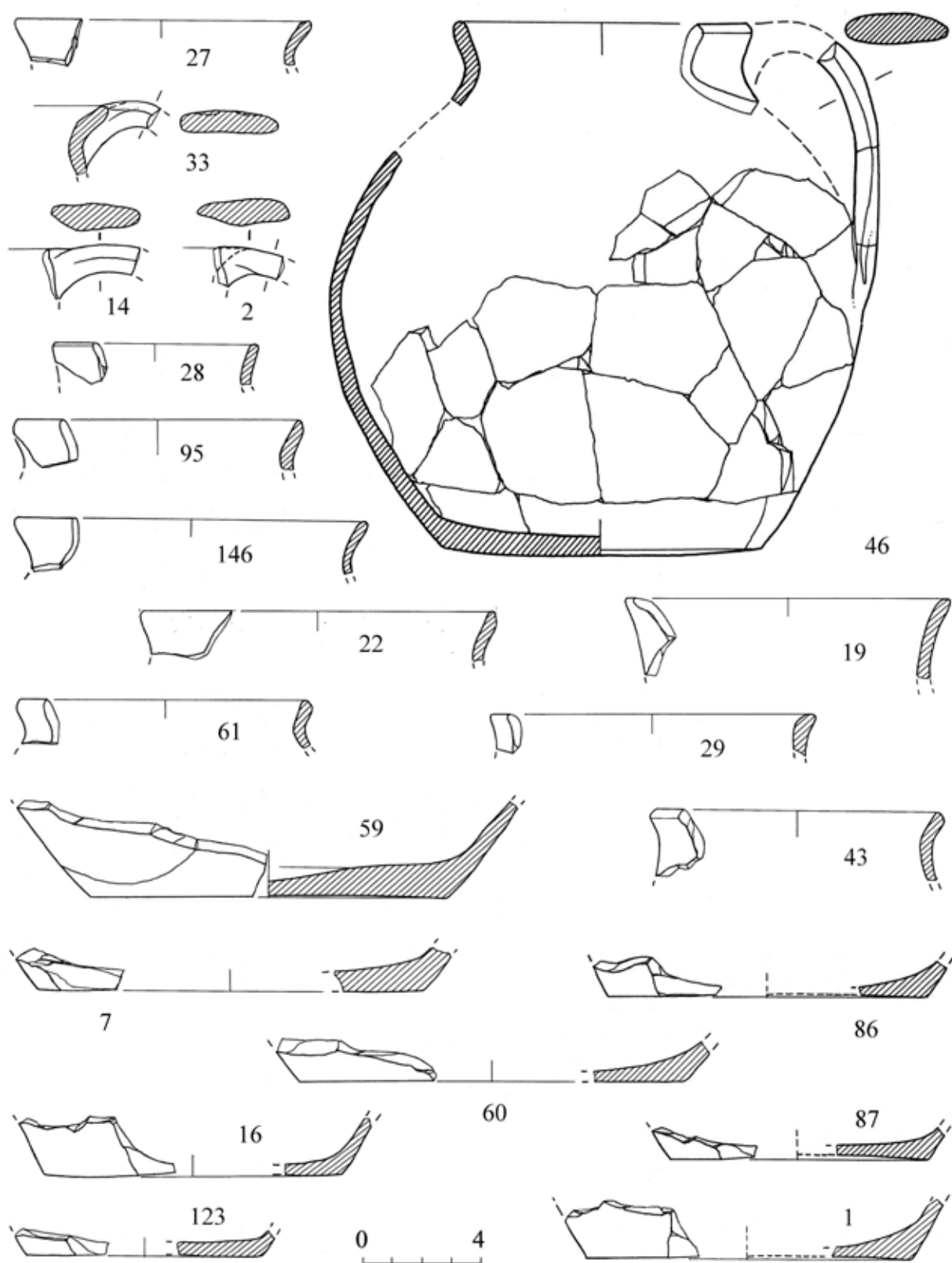

Рис. 3.38. Храм на холме Тузлук. Фрагменты коричневоглиняных сосудов.

1, 2 – слой № 1; 7, 14, 16, 19, 22, 27, 28, 29 – слой № 2; 33 – слой № 26; 43, 46, 59, 60, 61 – слой № 4; 86, 87 – слой № 76; 95 – слой № 6; 123 – слой № 7; 146 – слой № 146.

Fig. 3.38. Church on the Tuzluk hill. Fragments of brown wares.

1, 2 – layer no 1; 7, 14, 16, 19, 22, 27, 28, 29 – layer no 2; 33 – layer no 26; 43, 46, 59, 60, 61 – layer no 4; 86, 87 – layer no 76; 95 – layer no 6; 123 – layer no 7; 146 – layer no 146.

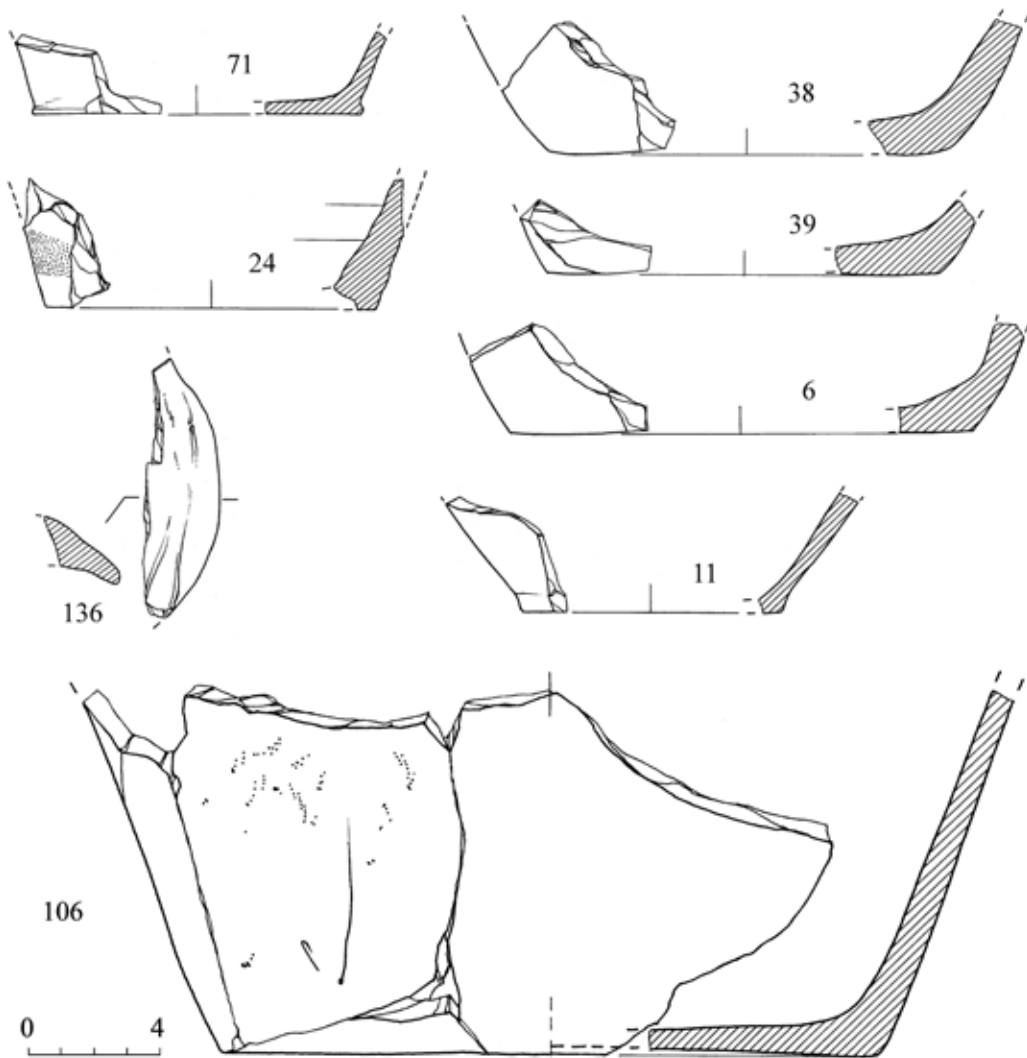

Рис. 3.39. Храм на холме Тузлук. Фрагменты дниц коричневоглиняных сосудов (11, 6, 38, 39, 71, 106), белоглиняного поливного кувшина (24) и обломок красноглиняного лепного изделия (136).
6, 11, 24 – слой № 2; 38, 39, 71 – слой № 4; 106 – слой № 6-2; 136 – слой № 12a.
Fig. 3.39. Church on the Tuzluk hill. Fragments of bottoms of brown wares (11, 6, 38, 39, 71, 106), glazed white ware (24) and red ware (136).
6, 11, 24 – layer no 2; 38, 39, 71 – layer no 4; 106 – layer no 6-2; 136 – layer no 12a.

шим реберчатым выступом с внутренней стороны (рис. 3.41; 3.42: 157, 132), характерным для сосудов «скалистинского» типа, роспись красным ангобом (рис. 3.41; 3.42: 133). «Скалистинскому» типу кувшинов уделено, пожалуй, больше всего внимания в научной литературе (обзор см.: Науменко 2009г: 60-63). Однако вопросы его детальной хронологии, определяемой в целом довольно широкими рамками (конец VI–XI вв.) требуют дальнейшего изучения. Кувшины и небольшие горшки, ручки которых у верхнего прилепа профилированы пальцевыми вдавлениями, по мнению некоторых исследователей, стали массово производиться в Крыму начиная с IX в. и во множестве встречаются в комплексах середины – конца X в. (лит. см.: Рыжов, Седикова 1999: 322; Герцен *и др.* 2006: 396-401; Пономарев 2004: 453), хотя появление их может быть датировано и более ранним временем – второй половиной VIII в. (см. напр.

Науменко 2009г: 64). Изделия с росписью красным ангобом известны среди продукции гончарных мастерских Южной (Сотера близ Алушты) и Юго-Восточной (Чобан-Куле, мыс Агира у с. Приветное близ Судака) Таврики, поэтому их местное производство не вызывает сомнения, а хронологические рамки определяются временем деятельности этих мастерских (см. напр.: Паршина *и др.* 2001: 59, рис. 14; Паршина 2002б: 124, рис. 5).

В целом, все перечисленные признаки довольно типичны для местной бытовой посуды так называемого провинциально-византийского круга и находят немало аналогий среди керамики из раскопок синхронных памятников Юго-Западного, Южного, Юго-Восточного и Восточного Крыма²⁵ в комплексах, функционировав-

²⁵ В Восточном Крыму такая керамика встречается гораздо реже.

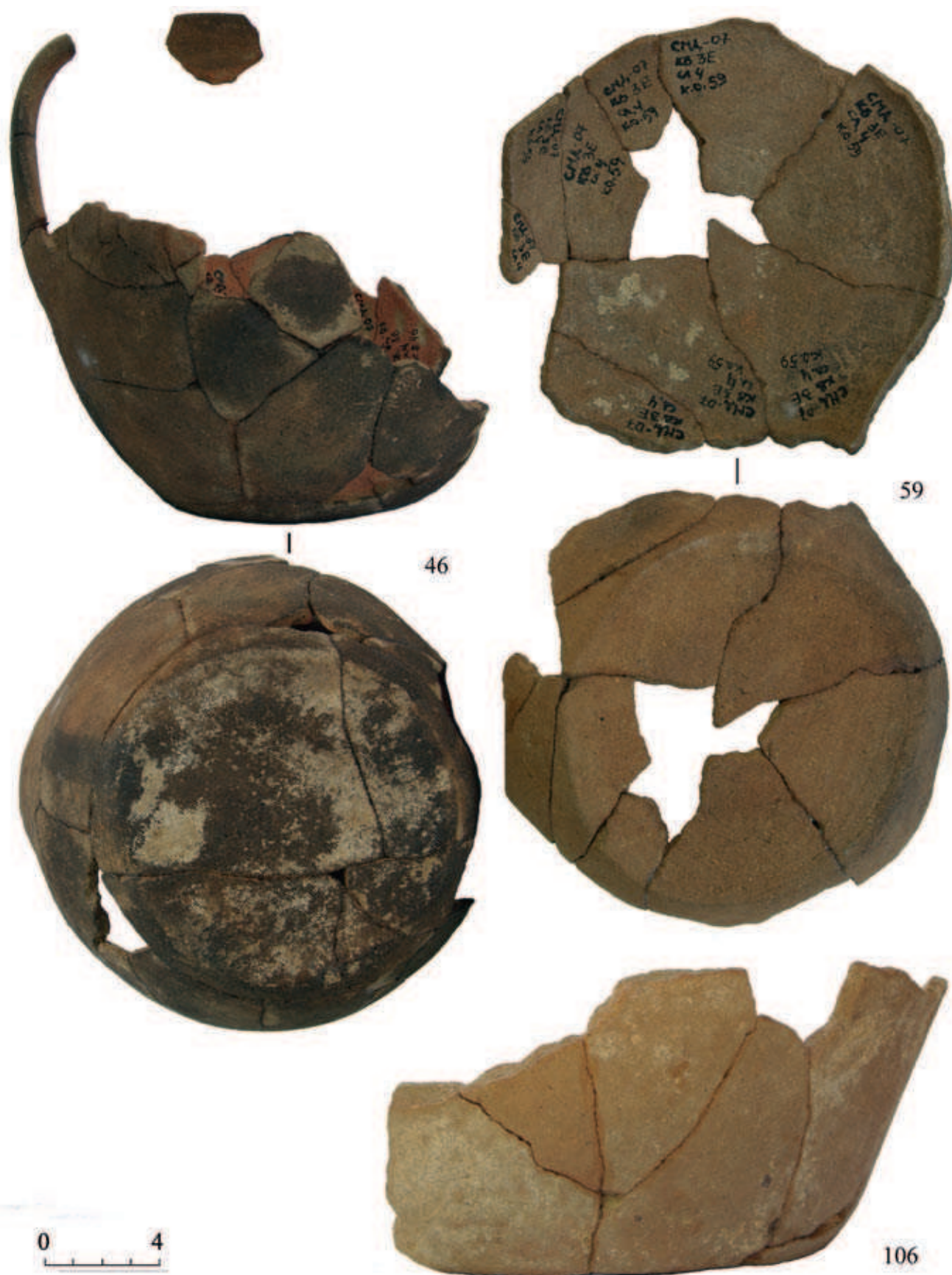

Рис. 3.40. Храм на холме Тузлук. Фрагменты коричневоглиняных сосудов. 46, 59 – слой № 4; 106 – слой № 6-2.
Fig. 3.40. Church on the Tuzluk hill. Fragments of brown wares. 46, 59 – layer no 4; 106 – layer no 6-2.

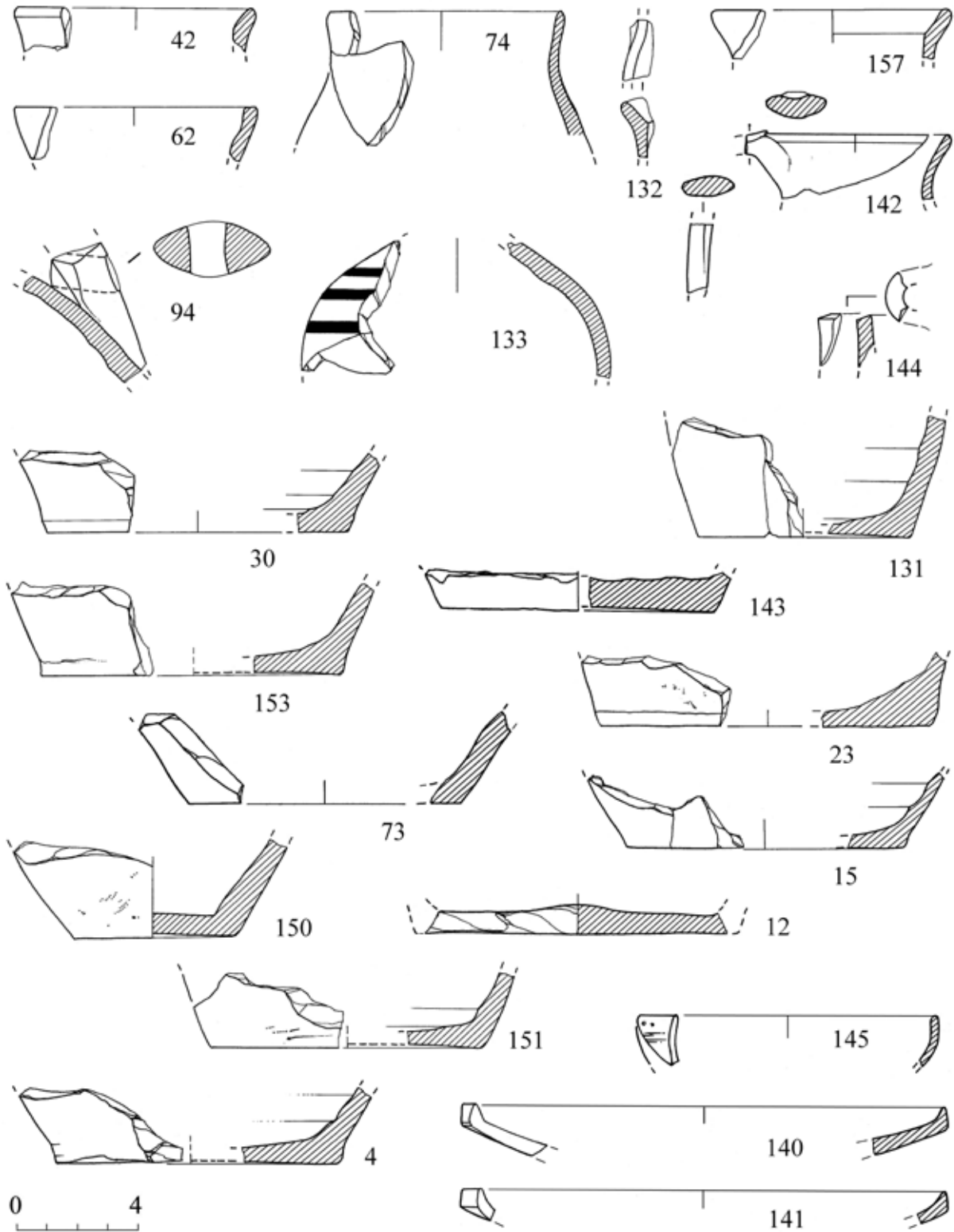

Рис. 3.41. Храм на холме Тузлук. Фрагменты красноглиняных сосудов.

4 – слой № 1; 12, 15, 23, 30 – слой № 2; 42, 62 – слой № 4; 73 – слой № 5; 74 – слои №№ 5 и 6; 94 – слой № 6; 131 – слой № 9; 132, 133 – слой № 11; 140, 141 – слой № 12а; 142, 143 – слой № 13; 144, 145 – слой № 14б; 151 – слой № 18 (могила № 1); 153 – подъемный материал; 157 – слой № 12.

Fig. 3.41. Church on the Tuzluk hill. Fragments of red wares.

4 – layer no 1; 12, 15, 23, 30 – layer no 2; 42, 62 – layer no 4; 73 – layer no 5; 74 – layers nos 5, 6; 94 – layer no 6; 131 – layer no 9; 132, 133 – layer no 11; 140, 141 – layer no 12a; 142, 143 – layer no 13; 144, 145 – layer no 14b; 151 – layer no 18 (Grave no 1); 153 – stray find; 157 – layer no 12.

Рис. 3.42. Храм на холме Тузлук. I – фрагменты красноглиняных неполивных сосудов; II – обломок белоглиняного поливного кувшина; III – фрагментированные красноглиняные поливные чаши с орнаментом сграффито.

17, 24 – слой № 2; 94 – слой № 6; 130, 131 – слой № 9; 132, 133 – слой № 11; 136, 141 – слой № 12а;
142, 143 – слой № 13; 145 – слой № 146.

Fig. 3.42. Church on the Tuzluk hill. I – fragments of red wares; II – fragments of the glazed white ware;
III – fragments of glazed sgraffito wares.

17, 24 – layer no 2; 94 – layer no 6; 130, 131 – layer no 9; 132, 133 – layer no 11; 136, 141 – layer no 12a;
142, 143 – layer no 13; 145 – layer no 146.

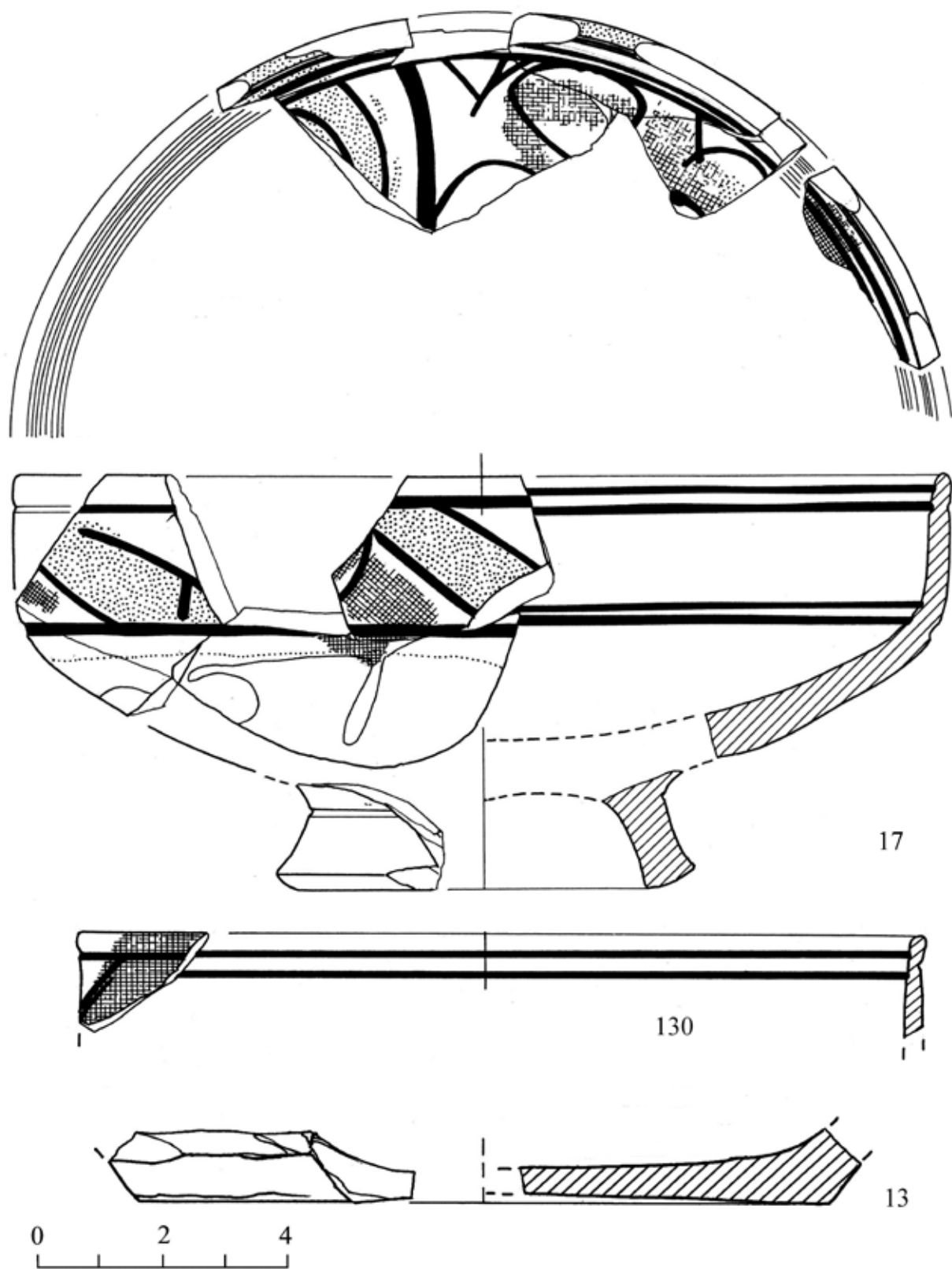

Рис. 3.43. Храм на холме Тузлук. Фрагментированные красноглиняные поливные чаши с орнаментом сграффито (17, 130) и обломок дна коричневоглиняного сосуда XIV–XV вв. (13).

13, 17 – слой № 2; 130 – слой № 9.

Fig. 3.43. Church on the Tuzluk hill. Fragmented glazed sgraffito bowls (17, 130) and the bottom of brown ware of the 14th-15th centuries (13).

13, 17 – layer no 2; 130 – layer no 9.

ших в IX – начале X в. (см. напр.: Веймарн, Айбабин 1993: 190-193; Романчук, Омелькова 1979: 100; Седикова 1993: 134-135, рис. 1; 1995: 172-173, рис. 7, 9; 1996: 123; Зинько, Пономарев 1999: 200-201; 2005: 239; Майко 2004: 187-193; Науменко 1997: 336-338; 2009: 60-64; Герцен *и др.* 2006: 406-407; Герцен *и др.* 2010: 257-258, 263, 267).

Таким образом, очевидно, что современные представления о детальной хронологии рассмотренной красноглиняной посуды довольно расплывчаты. Эти сосуды не могут быть использованы для уточнения датировки семидворской церкви. Однако общее время их бытования не противоречит дате, предложенной на основе хронологии амфор.

Красноглиняная посуда открытой формы составляет всего 0,2% кухонно-столовой керамики, найденной при раскопках. Это 3 мелких фрагмента венчиков от одной чашки и двух мисок общим весом 6 г (рис. 3.41, 3.42: 140, 141, 145). Все они обнаружены в заполнении южного компартимента в отложениях групп III и V (слои №№ 12а и 14б). Черепок изделий довольно плотный, оранжевый, тесто с мелкими включениями шамота и частиц рыхлого минерала белого цвета. Профиль чашки в сечении плуэллипсоидальный, с вертикальным бортом и скруглённым краем (рис. 3.41; 3.42: 145). Диаметр венчика – 10 см. Тарелки выполнены в форме перевернутого расширенного конуса, с прямыми стенками и приподнятым кверху заострённым краем (диаметр – 16 см) (рис. 3.41; 3.42: 140, 141). Конфигурация их днища не ясна. Такая посуда встречается довольно редко среди синхронных древностей региона. Примерные аналогии форме удалось найти только в керамическом комплексе первой половины IX в. из раскопок водохранилища в Херсонесе (Седикова 1993: 135, рис. 2; 1995, 173-176, рис. 8; 9).

Интересно отметить, что примерно треть профильных частей сосудов закрытой формы и все обломки сосудов открытой формы обнаружены в слоях, связанных с первым и вторым этапами функционирования южного компартимента, в то время как в северном компартименте находки подобных изделий не зафиксированы. Учитывая небольшие объёмы самих сосудов, возможно предположить, что они были связаны с какими-то индивидуальными приношениями, местом совершения которых был именно южный компартимент.

Коричневоглиняные сосуды закрытой формы составляют 11,0% кухонно-столовой керамики (162 фрагмента весом 3,114 кг) из раскопок храма. Изделия в значительной степени фрагментированы. Профильные части представлены одиннадцатью фрагментами венчиков горшков (три из которых с верхними прилепами ручек, диаметр – 7,0-12,0 см) и, вероятно, одного кувшина (диаметр – 11,0 см) (№ 19), а также пятнадцатью днищами (диаметр – 8,0-14,0 см) (рис. 3.38; 3.39: 6, 11, 38, 39, 71, 106; 3.40). Венчики плавно отогнуты наружу, со скруглённым или слегка зауженным краем, днища плоские. Одна из ручек профилирована парой

пальцевых вдавлений у верхнего прилепа (рис. 3.38: 33). Форму одного горшка из 37 обломков удалось полностью реконструировать (рис. 3.38, 3.40: 46). Горшок одноручный, со сферическим туловом, коротким, расширяющимся горлом и скруглённым венчиком без специальной профилировки. Ручка плоская, крепится к краю венчика и середине тулова. Высота сосуда – 18,2 см, диаметр венчика – 10,0 см, тулова – 18,1 см, дна – 11,0 см.

Черепок всех коричневоглиняных изделий довольно плотный, но достаточно легко разрушается вдоль сколов, неоднородной окраски (от красно-коричневого до тёмно-серого цветов), внешняя поверхность – темнее. Эти признаки свидетельствуют о неравномерном и, очевидно, непродолжительном обжиге, а также о вторичном пребывании в огне в процессе эксплуатации. Формовочная масса со значительным количеством отощителя (песок, мелкодроблённый шамот и дресва, частицы рыхлого минерала белого цвета, золотистые блёстки). Сосуды сформованы навыками скульптурной лепки с использованием вращения круга для заглаживания поверхности и, возможно, частичного моделирования профильных частей (РФК-4-5 по А.А. Бобринскому [1978: 27]). На днищах некоторых из них заметны следы от крупного песка или мелкой дресвы, подсыпавшихся на рабочую поверхность перед началом формовки изделия. На отдельных экземплярах встречаются также отпечатки нити, которой подрезалось дно сосуда при отделении его от плоскости круга (рис. 3.40).

Наибольшая концентрация фрагментов коричневоглиняных сосудов отмечена в IV, VII и IX группах слоев, то есть в отложениях, связанных с первым и вторым разрушениями церкви и её руинами. Развал горшка (№ 46) обнаружен в слое № 4, связанном со вторым разрушением храма, к востоку от апсиды южного компартимента (кв. 3В). Донная часть сосуда (№ 106), реконструированная из 9 обломков, найдена в апсиде северного компартимента в слое № 6-2, связанном с первым разрушением храма. Вероятно, сосуд или его днище использовались в каких-то церковных обрядах, совершавшихся в северном компартименте.

Нами неоднократно отмечалась, что типология кухонной керамики Таврики этого времени не разработана, что затрудняет поиск точных аналогий. Близкие по форме и технологическим характеристикам сосуды происходят из раскопок таких археологических объектов в Юго-Западном и Южном Крыму как Мангуп (Герцен, Науменко 2001: 140-141, рис. 4: 10-13; Герцен *и др.* 2006: 402, рис. 24: 9, 27: 11, 31: 4; Герцен *и др.* 2010: 256-257, рис. 17: 27-28, 30-31) и поселения в его окрестностях (Науменко 1997: 336, рис. 4: 2, 6), Кыз-Кермен (Белый 2001: 200, 214-215, рис. 10: 1, 21; 1993, 55, 10: 1-5), поселение на левом берегу р. Бельбек (Романчук, Омелькова 1979: 100-101, рис. 4: 5, 5: 4-6), поселение в урочище Сотера (Паршина 2002б: 122, рис. 5; Теліженко *и др.* 2010: 423, рис. 2: 1). Все они зафиксированы в комплек-

сах не ранее IX в. и не позднее первой половины X в.²⁶. На двух последних памятниках большинство подобных горшков украшено прочерченным по сырой глине орнаментом в виде волнистых линий. Среди семидворских материалов такой декор отсутствует.

Еще один вид кухонно-столовой керамики из раскопок храма, условно названный «воронками», включает в себя два фрагментированных красноглиняных изделия со сферическим корпусом, широким устьем и скошенным внутрь краем. Диаметр венчиков – около 20,0 и 24,0 см (рис. 3.31: 79; 3.36: 77, 79). Кроме того, найден обломок трубчатого изделия, которое может быть интерпретировано как возможный слив воронки²⁷ (рис. 3.36: 119). Всего обнаружено 3 фрагмента от одного сосуда и 16 – от другого (общий вес – 1,961 кг) в четырех группах слоев памятника (II, VII, VIII, IX). Наибольшая концентрация фрагментов (45% всех находок) зафиксирована в слое № 7б (группа II), связанном с освящением храма и совершением обрядов на протяжении первого этапа его существования. Именно в этот период изделия были археологизированы, а затем их фрагменты перемещались в культурном слое под влиянием различных, преимущественно антропогенных, факторов.

Оба предмета обладают достаточно плотным жёлто-красным черепком с розоватым оттенком различной интенсивности. Состав теста аналогичен красноглиняным пифосам и амфорам «причерноморского» типа, найденным на памятнике, то есть это изделия местного производства. Их функциональное назначение по имеющимся фрагментам точно определить сложно. Близкие аналогии этой форме известны из материалов раскопок поселения на левом берегу р. Бельбек (Романчук, Омелькова 1979: 98-99, рис. 3: 2) и в материалах с места кораблекрушения близ Учкучевки (Гинькут 2002: 26, рис. II: 6). Здесь эта форма представлена ёмкостями с вертикальными ручками, интерпретированными авторами публикаций как большие тарные сосуды. Однако нижние части у обоих опубликованных изделий утрачены, что не позволяет составить полное впечатление об их форме.

Кроме неполивной керамики из заполнения южного компартамента (слой № 12а) происходит обломок плоского красноглиняного лепного изделия сегментовидной формы (размер – 2,8×7,9 см, толщина – 2,6-3,7 см, вес 0,017 кг) (рис. 3.39; 3.42: 136). Полная конфигурация предмета и его функциональное назначение остались неясными.

Поливная керамика представлена единственным обломком нижней придонной части стенки плоскодонного белоглиняного сосуда закрытой формы. Он был найден на границе слоев №№ 2 и 4 к югу от южного компартамента (кв. 4Е) (рис. 3.39; 3.42: 24). Черепок этого сосуда белый,

без посторонних оттенков, в тесте отчётливо видна примесь песка. Полива зеленовато-жёлтая, неравномерно окрашенная, нанесена только с внешней стороны сосуда непосредственно на черепок. Форму изделия по одному фрагменту реконструировать сложно. Цвет формовочной массы, манера нанесения поливы и её цвет, а также отсутствие ангобного покрытия под глазурью позволяют достаточно уверенно отнести этот сосуд к группе Glazed White Ware II по Дж. Хейсу (Hayes 1992: 18-19). Это одна из разновидностей светлоглиняной керамики константинопольского производства, получившая широкое распространение примерно с начала X в. в Средиземноморье, Причерноморье и даже в Древней Руси (см. напр.: Hayes 1992: 12-15, 18-19; Vroom 2005: 75; см. также: Макарова 1967: 9-10; Залеская 1984; Коваль 2010: 111-112, 113). На территории Таврики находки константинопольской белоглиняной поливной посуды преимущественно открытых форм этой группы известны довольно широко, как в крупных административных центрах, так и в небольших населённых пунктах горного и прибрежного Крыма (см. напр.: Паршина 1974: 66-67; Талис 1976: 64-73; Якобсон 1979: 83-93; Рыжов, Седикова 1999: 325; Майко 2004: 206-208; Герцен и др. 2006: 404-406).

В завершение характеристики керамики, синхронной времени существования храма, особо следует отметить, что в коллекции находок полностью отсутствует глиняная посуда, характерная для салтово-маяцких памятников Северного Причерноморья (характеристику см. напр.: Баранов 1990: 92-101; Пономарев 2003б: 217-224; Майко 2004: 196-205; Зинько, Пономарев 2009: 64-72).

Все керамические находки, связанные с существованием храмового комплекса, объединяются как минимум в 4 группы на основе их происхождения из гипотетических гончарных мастерских, следующих определённым технологическим традициям. Сосуды двух групп изготавливались непосредственно на территории Таврики. Единичные изделия других двух групп представляют собой импорт: это обломок нижней части корпуса высокогорлого кувшина, происхождение которого осталось неясным, и фрагмент стенки белоглиняного поливного сосуда константинопольского производства.

Продукция местных мастерских демонстрирует две различные гончарные традиции. Одна из них более консервативна. Её носители специализировались на изготовлении кухонных сосудов с использованием техники скульптурной лепки в сочетании с медленным, вероятно, ручным гончарным кругом. Неравномерный обжиг свидетельствует о несовершенстве обжигательных сооружений. Ассортимент готовых изделий также не отличался разнообразием и включал преимущественно кухонные сосуды (горшки и кувшины), рассчитанные на местного потребителя. Используемые технологии в сочетании с морфологическими особенностями самих сосудов позволяют предварительно определить ареал распространения этой традиции в границах Юго-Западной и Южной Таврики.

²⁶ Более широко (до середины XI в.) датируется только слой № 3 на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун на Мангупе, но он не может рассматриваться как хронологически гомогенный.

²⁷ Воронки – это бытовые изделия специального назначения, употреблявшиеся для оптимизации процесса переливания жидкости из любой ёмкости в сосуд с узким горлом.

Вторая ремесленная традиция демонстрирует хорошо организованное, высокотехнологичное, товарное гончарное производство, широкий ассортимент продукции которого был рассчитан не только на удовлетворение местных нужд в разнообразных гончарных изделиях, но и на внешний рынок (Паршина *и др.* 2001). К началу XXI в. в Юго-Восточном, Южном и Юго-Западном Крыму было известно три с половиной десятка керамических центров, следующих этой традиции (Паршина *и др.* 2001). К настоящему времени, благодаря разведкам на территории Алуштинского²⁸ и Ялтинского²⁹ регионов и в районе плато Мангупа (Науменко *и др.* 2012: 52-54), таких центров выявлено уже более сорока. Две гончарные мастерские открыты на левом борту балки Еди-Евлер в 0,07 и 0,8 км от берега моря (Лысенко, Тесленко 2012: 111-112, рис. 1). В числе выпускаемой продукции лидирующие позиции принадлежали среднегабаритной таре – амфорам. Изготавливались также фляги, пифосы, кухонно-столовая посуда и строительные материалы (черепица, плинфа, плитки для пола пр.) (см. напр.: Паршина *и др.* 2001)³⁰.

Все керамические центры, в том числе и обнаруженные в Семидворье, связаны с сельскохозяйственными поселениями, и их деятельность была направлена на обслуживание хозяйственных и производственных нужд поселян, одним из основных занятий которых, судя по количеству и ареалу распространения выпускаемых амфор, было товарное виноделие. К сожалению, приходится констатировать, что на сегодняшний день эти столь информативные археологические объекты изучены крайне слабо. Фрагментарным раскопкам подверглось всего одиннадцать памятников (Паршина *и др.* 2001). В результате достаточно трудно судить о детальной специализации, внутренней топографии, инфраструктуре и особенностях организации гончарства в этих ремес-

ленных центрах. Несмотря на это, очевидным остается тот факт, что такое масштабное высокотехнологичное производство развилось на территории, где ранее ничего подобного не фиксировалось. Довольно сложная конструкция обжигательных сооружений, использование скоростного гончарного круга, морфология и ассортимент сосудов, а также керамических строительных материалов указывают на то, что это комплексная, многогранная и устоявшаяся гончарная традиция могла появиться в Таврике только вместе с её носителями, которые прибыли сюда с территорий, где непрерывно развивалось прогрессивное гончарство, сформировавшееся на основе развития античных ремесленных навыков. Наиболее вероятным источником миграции мастеров, на наш взгляд, могли быть малоазийские территории Византийской империи.

Появившиеся вместе с этим населением новые для Крыма виды гончарных изделий – «причерноморские» амфоры вместе с сопутствующим ассортиментом продукции местных гончарных центров, становятся яркой чертой материальной культуры эпохи небывалого экономического роста в истории Таврики. Его начало отмечено возникновением многочисленных сельских поселений, как самостоятельных, так и примыкающих к городским центрам, в Юго-Восточном, Южном и Юго-Западном Крыму, одной из экономических основ которых было товарное виноделие и хорошо организованное высокотехнологичное гончарство, направленное, в основном, на производство винодельческой и транспортировочной тары, а также керамики для строительных и бытовых нужд. Именно в это время исследуемые регионы Таврики превращаются в одну из интенсивно развивающихся окраин Византийской империи, чей экономический рост был основан, в том числе, и на прогрессивных технологиях гончарного производства, привнесённых извне.

²⁸ Работами Алуштинского отряда Горно-Крымской экспедиции под руководством автора и А.В. Лысенко открыты ранее неизвестные остатки керамических мастерских в долинах р. Ускут (с. Приветное), р. Кучук-Узень (с. Малореченское), р. Улу-Узень (с. Солнечногорское), балки Еди-Евлер (с. Семидворье).

²⁹ Благодарю Н.П. Турову за сообщение о находке трёх объектов со следами керамического производства VIII–X вв. в районе пгт. Никита, на высоте 240 и 468 м над уровнем моря., и в с. Васильевке (Ай-Василь) на высоте 350 м над уровнем моря.

³⁰ На основании имеющихся данных довольно сложно определить, какой процент керамических изделий второй группы, найденных при раскопках храма, изготовлен в мастерских балки Еди-Евлер. Вполне вероятно, что часть изделий могла быть привезена из соседних селений, в частности, отдельные партии черепицы для кровли храма.

СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ

При раскопках храма было найдено 342 фрагмента стенок и профильных частей стеклянных сосудов. В археологических слоях они распределяются следующим образом:

Строит. периоды	№№ слоев	венчики	стенки	ручки	днища	всего	% в общ. массе
I-II	7		7			7	
	13a		2			2	
	7-1		2			2	
	13		21	1		22	
	14		1			1	
	14a		2			2	
	14в		4			4	
	14г	4(1)	2			6(3)	
	6	1	3	1	4(1)	9(6)	
	6-1	3(1)	7		1	11(9)	
12в		2			2		
<i>Итого:</i>		8(3)	53	2	5(2)	68(60) ¹	20%
III	12a	1	7			8	
	5	38(29)	192	5		235(226)	
	4	1	12(11)	1	1	15(14)	
<i>Итого:</i>		40(31)	211(210)	6	1	258(248)	76%
IV	11		5			5	
	2		6			6	
	1	1	1			2	
<i>Итого:</i>		1	12			13	4%
Кладка 7			1			1	
п/м			2			2	
<i>Всего:</i>		49(35)	279(278)	8	6(3)	342(324)	100%

Материалы раскопок свидетельствуют, что со слоями первого и второго строительных периодов связано не более 20% находок обломков стеклянных сосудов. Из них 14 разрозненных стенок и профильные части (венчики и днища) от двух изделий (рис. 4.3; 4.4: 158/2, 159) происходят из северного компартимента. Ещё 32 разрозненные стенки и профильные части (верхняя часть корпуса с ручкой и ручка) от двух сосудов (рис. 4.3: 202, 203) найдены в южном компартименте. Один венчик, остатки крепления ручки, донная часть сосуда на полой ножке (рис. 4.3: 198-200) и пять стенок найдены с северо-востока, юго-востока и юго-запада от храма.

Наибольшее количество обломков (76%) обнаружено в отложениях третьего строительного периода, связанных с функционированием одноапсидного храма и его последующим разрушением. При этом подавляющее большинство (около 91%) составляют фрагменты из слоя № 5, исследованного с внешней стороны юго-восточной стены у южного входа. Среди найденных

¹ Здесь 68 – общее количество фрагментов, 60 – количество единиц с учетом реконструируемых форм.

фрагментов можно выявить 43 профильных части (венчики и ручки) не более чем от 34 сосудов² (рис. 4.1; 4.2). Внутри южного компартимента найден лишь один обломок венчика с ручкой (рис. 4.3: 201)³ и фрагменты 7 стенок одного или нескольких сосудов, снаружи храма – три профильные части стеклянных сосудов (рис. 4.3: 160-162).

Из отложений четвертого строительного периода происходит 4% находок фрагментов стеклянных изделий, в том числе один венчик (рис. 4.3: 158/1), однако эти обломки, скорее всего, были перемещены из более ранних слоев.

Все выявленные в процессе раскопок изделия изготовлены в технике свободного дутья из прозрачного стекла, в структуре которого заметно множество мелких пузырьков – округлых или вытянутых по направлению вращения или растягивания стекольной массы в процессе формовки. По цвету стекло делится на три группы: бесцветное (43%); с ярко выраженным зеленоватым оттенком (около 26%); окрашенное в голубой или светлосиний цвет (около 31%) (рис. 4.4)⁴. Установление надежной корреляции между цветовыми оттенками стекла и его химическим составом в данном случае не представляется возможным (см. Приложение 6). Результаты анализа фрагмента стекла светло-синего цвета (образец № 6) демонстрируют присутствие в нем оксидов кобальта. Этот элемент, будучи красителем, и придавал изделию характерный синеватый оттенок. Никель и медь, следы которых присутствуют в этом образце, являются геохимической примесью кобальта.

Судя по конфигурации профильных частей, в церкви численно преобладали изделия с полусферическим корпусом, однако встречаются сосуды конической или колоколовидной формы (рис. 4.1-4.3). Стенки сосудов гладкие, лишь на одном обломке виден рельефный декор, выполненный накладными нитями синего цвета (рис. 4.1; 4.4: 197). Край венчиков практически всех из-

² В действительности количество целых форм, которым принадлежали профильные части сосудов, могло быть меньше, так как среди найденных обломков есть группы фрагментов практически идентичной конфигурации (рис. 4.1; 4.2). Однако учитывая, что большинство обломков не подходят друг к другу, сложно точно установить, принадлежали ли они одному или нескольким однотипным сосудам. В связи с этим в публикации указывается максимально возможное количество целых изделий.

³ Археологизацию самого сосуда следует отнести к более раннему времени, а именно ко второму строительному периоду, так как отдельные его фрагменты обнаружены в слоях №№14 и 14г. Обломок, найденный в слое №12, безусловно переотложен.

⁴ Процентное соотношение стеклянных сосудов по их цветовой окраске определено на основе профильных частей, на которых в местах утолщения ярче всего выражен цвет стекла.

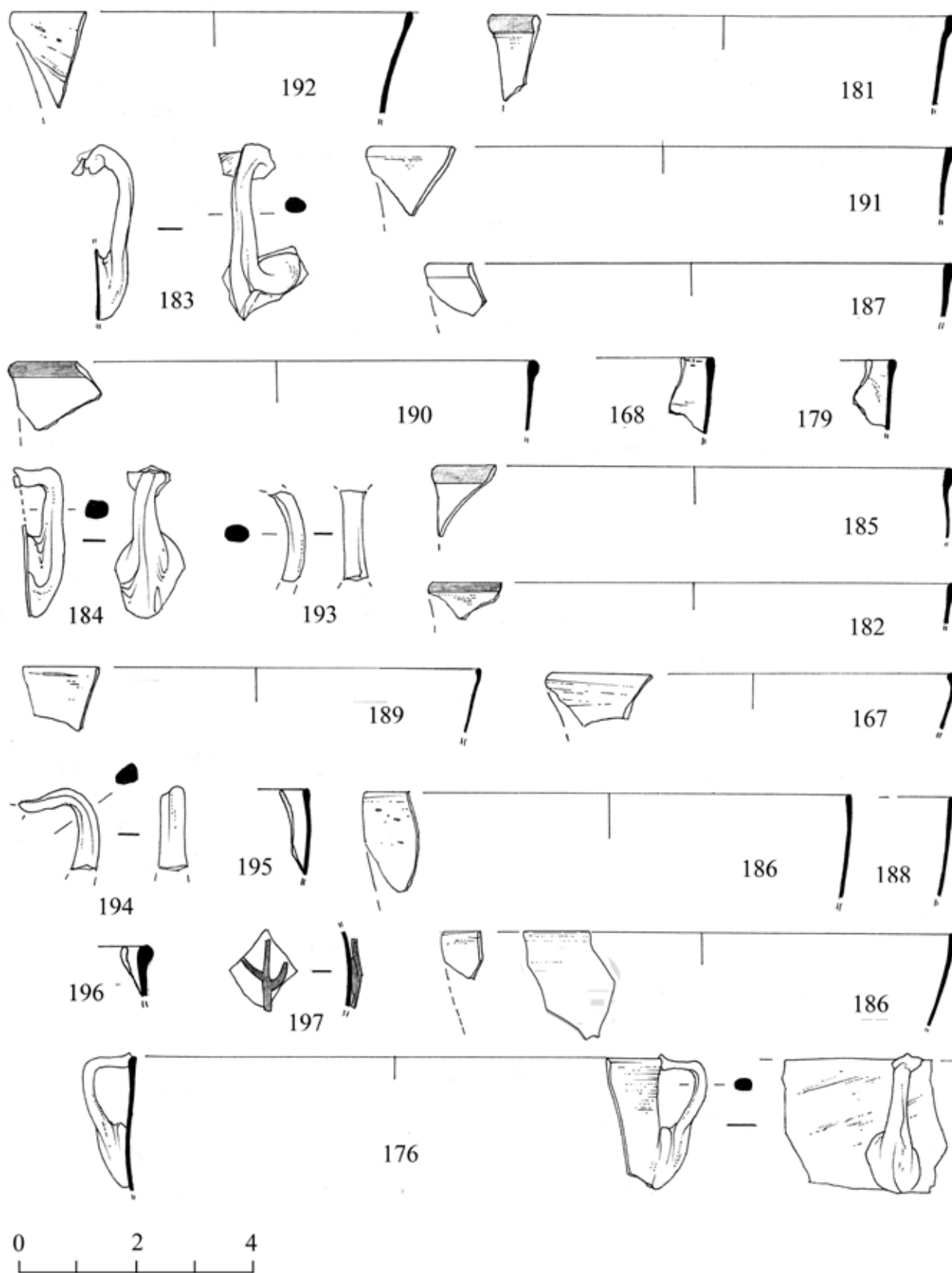

Рис. 4.1. Храм на холме Тузлук. Фрагменты стеклянных лампад. Слой № 5.

Fig. 4.1. Church on the Tuzluk hill. Fragments of glass lamps, layer no 5.

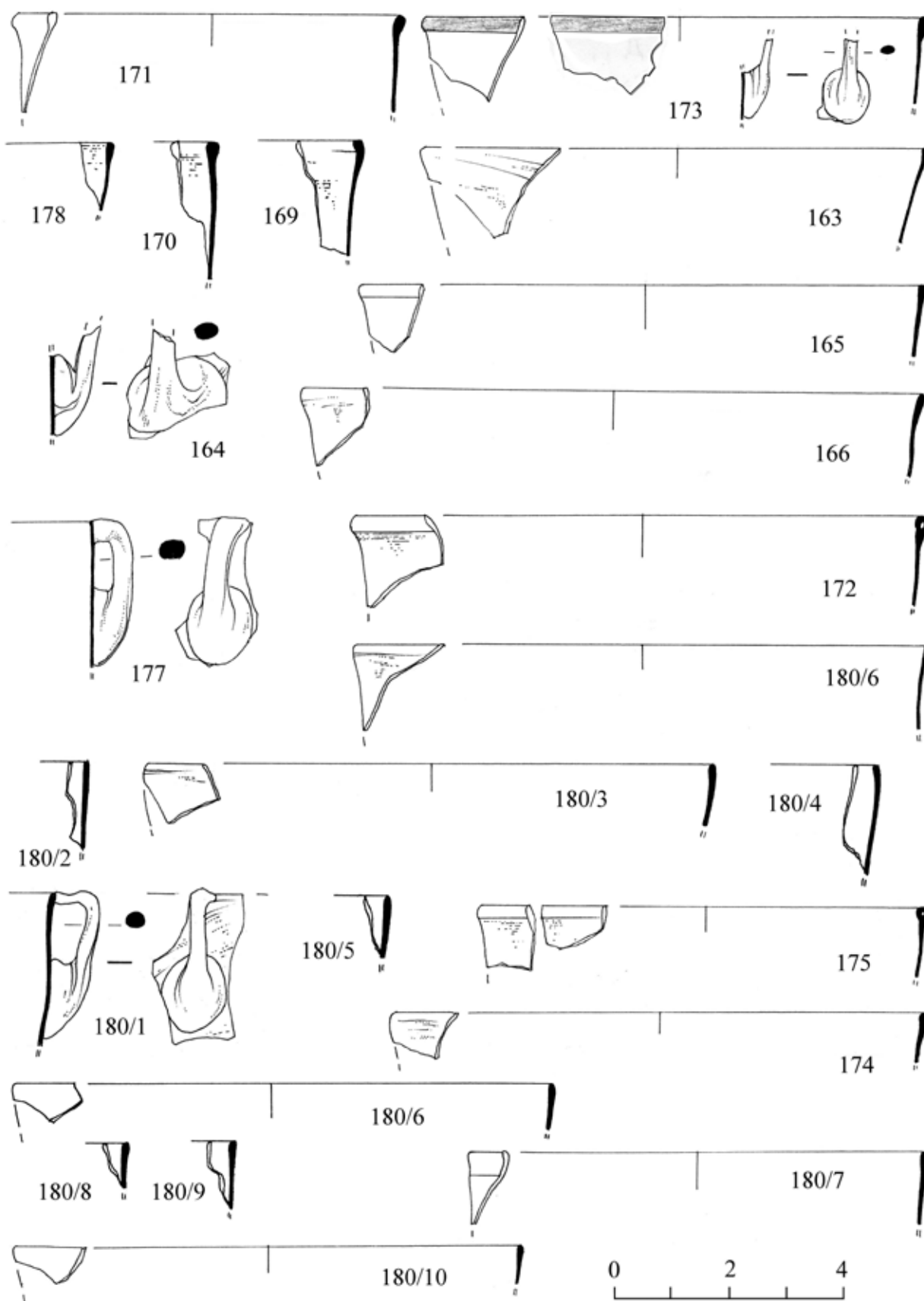

Рис. 4.2. Храм на холме Тузлук. Фрагменты стеклянных лампад. Слой № 5.

Fig. 4.2. Church on the Tuzluk hill. Fragments of glass lamps, layer no 5.

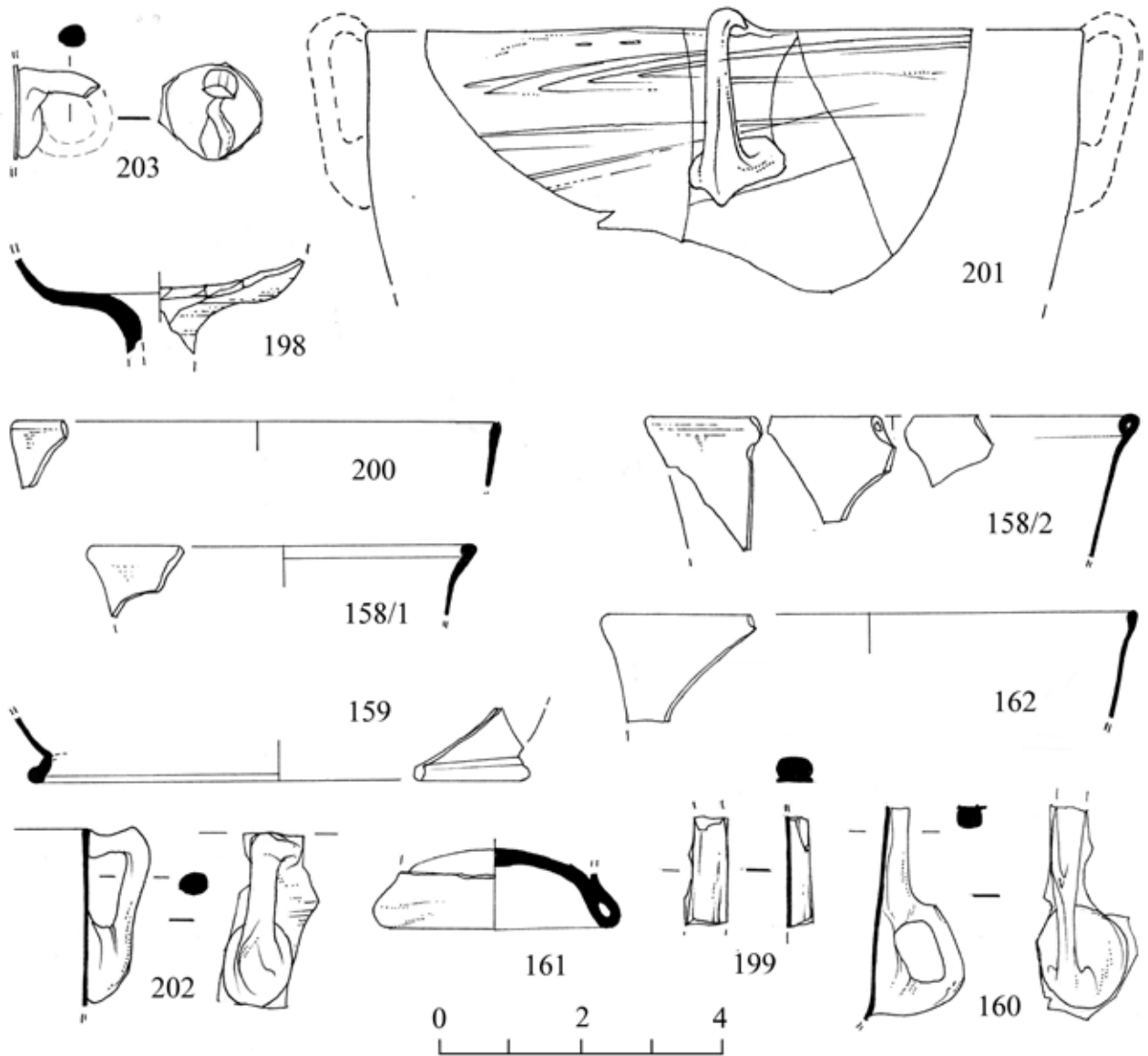

Рис. 4.3. Храм на холме Тузлук. Фрагменты стеклянных лампад.
157 – слой № 1; 160, 161, 162 – слой № 4; 158, 159 – слой № 6-1; 198, 199, 200 – слой № 6;
201 – слой №№ 12, 14, 14г; 202 – слой № 12а; 203 – слой № 12в.

Fig. 4.3. Church on the Tuzluk hill. Fragments of glass lamps.
157 – layer no 1; 160, 161, 162 – layer no 4; 158, 159 – layer no 6-1; 198, 199, 200 – layer no 6;
201 – layers nos 12, 14, 14г; 202 – layer no 12а; 203 – layer no 12в.

делий оплавлен. Лишь у нескольких экземпляров он загнут внутрь (рис. 4.2: 172, 173, 175; 4.3: 158/1, 158/2; 4.4: 158/2). Диаметр сосудов варьируется от 5,5 до 11,0 см, у большинства – 7,0-10,0 см.

Днища сосудов, представленных в коллекции церкви в урочище Еди-Евлер, можно отнести к трем типам: округлые или слегка вогнутые, которые, судя по всему, составляли большинство⁵, на полом кольцевом поддоне, изготовленном путем загиба стенок стеклянного пузыря в два слоя (известно два экземпляра из голубого стекла, на одном из них с внешней стороны отчетливо видны

следы от понтии, см. рис. 4.3; 4.4: 159, 161) и на узкой поллой ножке (один экземпляр, рис. 4.3: 198).

Ручки изготовлены из одинарного гладкого стержня, округлого, овального или плосковыпуклого в сечении. Отмечено три формы ручек и три способа их крепления. Большинство ручек вытянуты вертикально, с нижним креплением, верхний конец стержня наложен на венчик либо соединен с корпусом немного ниже края (рис. 4.1: 183, 184, 176; 4.2: 177, 180/1; 4.3: 201, 202; 4.4: 176, 177, 183, 184, 201, 202). Одна ручка кольцеобразная, с верхним креплением, при этом нижний и верхний прилепы соприкасаются (рис. 4.3: 203). Еще одна ручка слегка удлинённых плавных очертаний с нижним креплением и последующим наложением стеклянной полосы на

⁵ Определить количество и реконструировать точный профиль таких днищ не удалось из-за незначительных размеров найденных фрагментов.

стенку сосуда вертикально вверх (рис. 4.3: 160)⁶.

На основании морфологических особенностей сосудов, найденных в семидворском храме, можно высказать уверенные предположения об их функциональном назначении. Многочисленные аналогии, происходящие из археологических комплексов V/VI–XIII вв., позволяют идентифицировать в составе семидворской коллекции лампы с ручками для подвешивания, широко известные как в Крыму, например, в Херсонесе (см. напр.: Голофаст 2001: 139-142; Голофаст, Рыжов 2003: 219-220), среди материалов из руин храмов VIII–XII вв. на Гурзуфском Седле (Новиченкова 2005: 17)⁷ и в других местах, так и на основной территории Византии. Судя по количеству отдельных ручек и ручек с фрагментами венчиков, в коллекции, собранной при раскопках храма, присутствует не более 14 таких лампад (рис. 4.1-4.4). Большинство фрагментов этих осветительных приборов было обнаружено перед южным входом в храм, три найдены в южном компартименте. Остальные венчики могли принадлежать как этим же или подобным им по форме лампадам, так и стеклянным светильникам других форм, а также глубоким чашам, стаканам или кубкообразными сосудами (см. напр.: Голофаст 2001: 148-149).

Различные способы крепления ручек к краю сосудов – непосредственно к венчику или несколько ниже, судя по всему, не отражают процесс морфологической эволюции светильников и вряд ли являются хронологическими индикаторами, о чем свидетельствует встречаемость сосудов различных типов на памятниках средневизантийской эпохи (Acara, Olcay 1998: 252-256, 262-264, res. 1-3; Keller 2010: 187, 189, 190, fig. 2, 4, 5, pl. 12-13; Antonaras 2010: 403-405, fig. 33). В целом же для позднеантичной традиции более характерным представляется использование фигурной декорированной ручки, зафиксированной несколько ниже края сосуда (Gorin-Rosen, Winter 2010: 173, fig. 5: 2, 5, 6), тогда как для периода VIII–IX вв., как показывают новые публикации (Jennings 2010: 225-236), нормой может считаться многоэтапная технология производства, позволяю-

щая активно варьировать местоположение элементов устройства для подвешивания.

Знакомство с другими храмовыми комплексами Византии и Ближнего Востока – Константинополь, Демре – Миры Ликийские, Амориум, Тарс, Бет-Шан, Петра, Иасос – свидетельствует, что лампы с ручками были не единственными осветительными приборами в храмах. Для этих памятников характерна встречаемость различных типов стеклянных лампад, в том числе и с сосудами весьма близкими по формам к тем, что представлены фрагментами из Семидворья (ср.: Hayes 1992: 404, №№ 50, 70-71, fig. 152; Acara, Olcay 1998: 252-256, 262-264, res. 1-3; Hadad 1998: 69; Olcay 2001: 77-87; Lightfoot, Mergen, Olcay *et al.* 2003: 285, fig. A 2-4; Gill, Lightfoot, Ivison, Wypyski 2002; Çömezoglu 2004; 2007; Contardi 2009: 123-132; Keller 2010: 187, 189, 190, fig. 2, 4, 5, pl. 12-13; Keller, Lindblom 2008: 331-375; Antonaras 2010: 388-389, fig. 6, 7; Keller 2011: 255-270) (рис. 4.5; 4.6: 1, 2).

В храме у с. Семидворье, помимо лампад, подвешивавшихся за ручки-петли с помощью проволочных крючков (рис. 4.5: III; рис. 4.7: I), существовали и кубкообразные сосуды с узкой ножкой, традиционно использовавшиеся в особых осветительных приспособлениях – поликандилах, где они вставлялись своей нижней частью в круглые отверстия металлических ажурных дисков, подвешивавшихся вертикально (Bouras 1982: 480, fig. 2, 6; Xanthopoulou 1998; Israeli, Mevorah 2000: 109; Borkopp, Kahsnitz, Restle 1998: 95, №№ 93-96; Архипова 2009: 254, рис. 4: 9; Cogrado 2009; Яшаева *и др.* 2011: 218-219, 507, №№ 165-167; Милинковић 2010: tab. 14:2; 2011; см. также: Bouras, Parani 2009) (рис. 4.6: 1, 2; 4.7: 3). Существовал и другой способ фиксации таких лампад на поликандиле – с помощью лучеобразно расходящихся кронштейнов с петлеобразными окончаниями (Alliata 1991: ph. 6; Милинковић 2011) (рис. 4.6: 4, 8, 9). Не исключено, что эти кронштейны могли крепиться к деталям церковного интерьера независимо от подвешенных металлических светильников.

Наличие в коллекции стекла из церкви в урочище Еди-Евлер единственного фрагмента сосуда на узкой полной ножке (рис. 4.3: 198) естественным образом свидетельствует о существовании здесь такого типа лампад. Однако эта разновидность светильников оказалась слабо представлена в семидворском храме, хотя именно она станет наиболее распространённой в церковной культуре средневизантийского периода как на территории Империи, в частности в Коринфе, Фессалониках и Малой Азии (Davidson 1952: 111-112, №№ 711-723, fig. 12; Williams, Zervos 1992: 34; Williams, Zervos 1994: 38; Antonaras 2010: 405; Acara, Olcay 1998: 253, res. 1: i–m), так и в Восточной Европе. Отметим, что при раскопках средневекового Новгорода ручки от стеклянных лампад XI–XIII вв. встречаются крайне редко, тогда как фрагменты сосудов с узкой ножкой преобладают (Арциховский 1947: л. 51об, [10-114-10]; Янин, Хорошев, Рыбина, Сорокин 1999: л. 109, [14-1558-131]; ср.: Щапова 1963; 1998; Мусин 2004в). Похоже, что если в области литургического ритуала се-

⁶ Скорее всего, фрагмент стенки с вертикальной стеклянной полосой (рис. 4.3: 160; 4.4: 160) происходит от подобного или даже от этого конкретного сосуда.

⁷ Н.Г. Новиченкова датирует стеклянные сосуды преимущественно VIII–IX вв., объясняя их исчезновение в последующее время существованием запрета на применение стеклянной посуды за богослужением. Такого запрета в истории восточно-христианской Церкви никогда не существовало. Впрочем, действительно, такие сосуды были более характерны для эпохи поздней Античности и раннего средневековья (Leclercq 1910; Elbern 1962; Barsanti 1993). В российском богословии считалось, что в древнецерковную эпоху употребление стеклянных литургических сосудов являлось более предпочтительным в силу их «чистоты, прозрачности и дешевизны» (Дмитревский 1812: 134). Иногда встречающееся мнение о запрете на использование стеклянных потиров для Евхаристии основывается на произвольном понимании 73-го Апостольского правила середины IV в., где речь идет лишь о золотых и серебряных церковных сосудах, которые запрещается употреблять на небогослужебные цели (Pitra 1864: 30; см. авторитетное издание на русском языке: Никодим 1994).

Рис. 4.4. Храм на холме Тузлук. Фрагменты стеклянных лампад.
158, 159 – слой № 6-1; 160, 161 – слой № 4; 173, 176, 177, 183, 184, 185, 197 – слой № 5;
201 – слои №№ 12, 14, 14г; 202 – слой № 12а; 203 – слой № 12в.

Fig. 4.4. Church on the Tuzluk hill. Fragments of glass lamps.
158, 159 – layer no 6-1; 160, 161 – layer no 4; 173, 176, 177, 183, 184, 185, 197 – layer no 5;
201 – layers nos 12, 14, 14g; 202 – layer no 12a; 203 – layer no 12v.

мидворский комплекс характеризуется серьёзными новациями, о которых речь пойдет ниже, то характер осветительных приборов, используемых в храме, оказывается более архаичным. Возможно, это связано с традиционными путями проникновения стеклянных изделий в материальную культуру местного населения. Нельзя также исключить, что сосуды на полом кольцевом поддоне (рис. 4.3: 161) также использовались для освещения храма, как это возможно предположить для других памятников.

В связи со стеклянными сосудами, использовавшимися в качестве светильников, стоит упомянуть несколь-

ко металлических предметов, связанных, предположительно, как с креплением лампад, так и с держателями фитиля (см. главу 6 «Изделия из металла, стекла и камня»). Возможно, изделие из округлой в сечении бронзовой проволоки в виде стержня с крюкообразными окончаниями (рис. 6.2: 208) было частью конструкции, с помощью которой в храме подвешивались лампы с ручками (рис. 4.5: III; 4.7: I). Известно, что во время раскопок храмов VIII–XII вв. на Гурзуфском Седле было найдено 9 фрагментов крепления для стеклянных лампад в виде соединенных друг с другом тонких

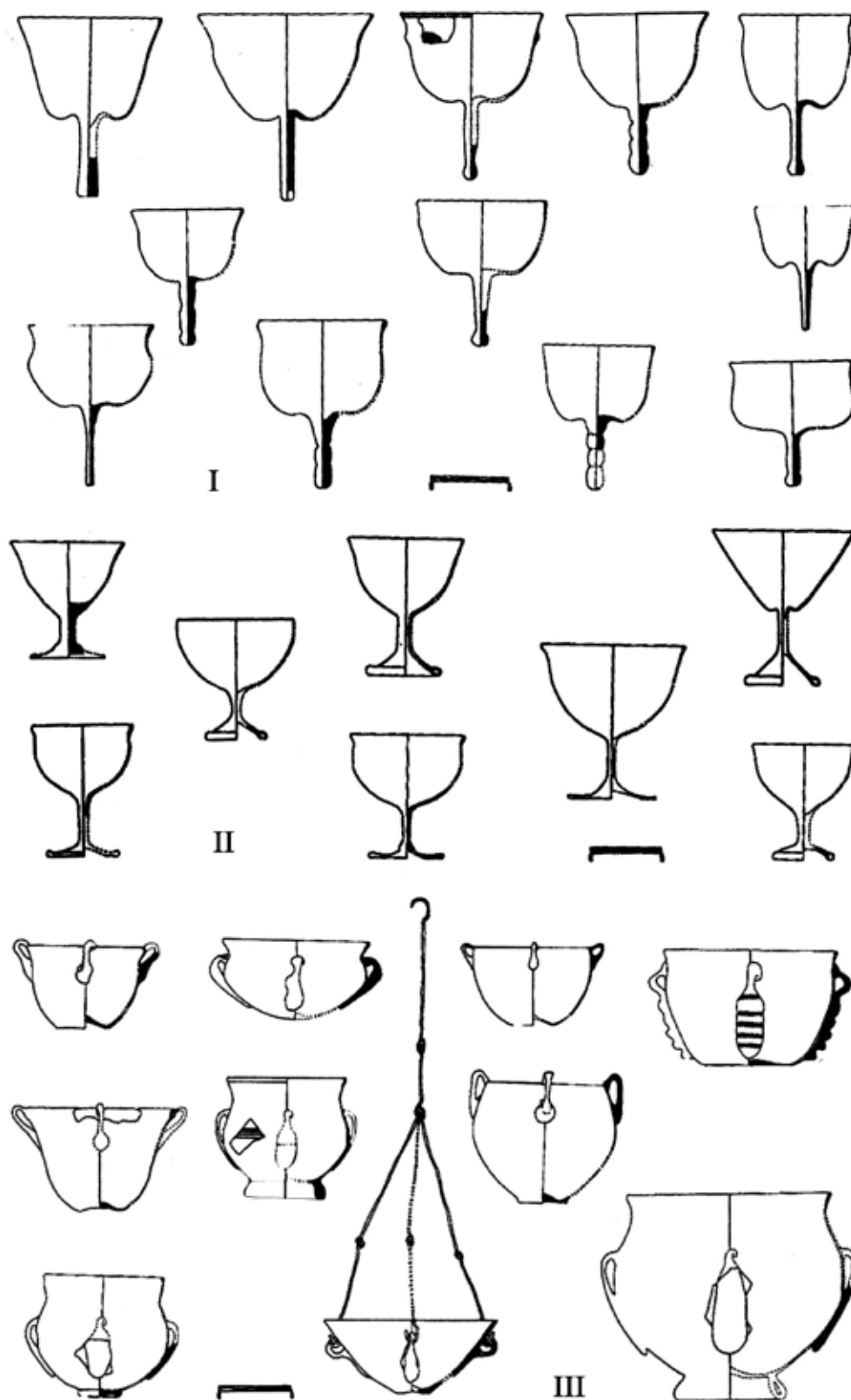

Рис. 4.5. Комплекс стеклянных лампад и реконструкция крепления лампад с ручками с помощью металлических крючков из епископской базилики Демре-Миры Ликийские, Турция, X–XIII вв.

I – кубковидные лампады на вытянутой ножке; II – лампады с ручками; III – бокаловидные лампады
(по: Acara, Olcay 1998: res. 1-3).

Fig. 4.5. Glass lamps of different types (stemmed beakers with conical base, bowl-shaped single lamps with handles, polykandelon lamps with hollow stems) from the basilica in Myra-Demre, Turkey, 10th-13th centuries, and graphical reconstruction of suspension.

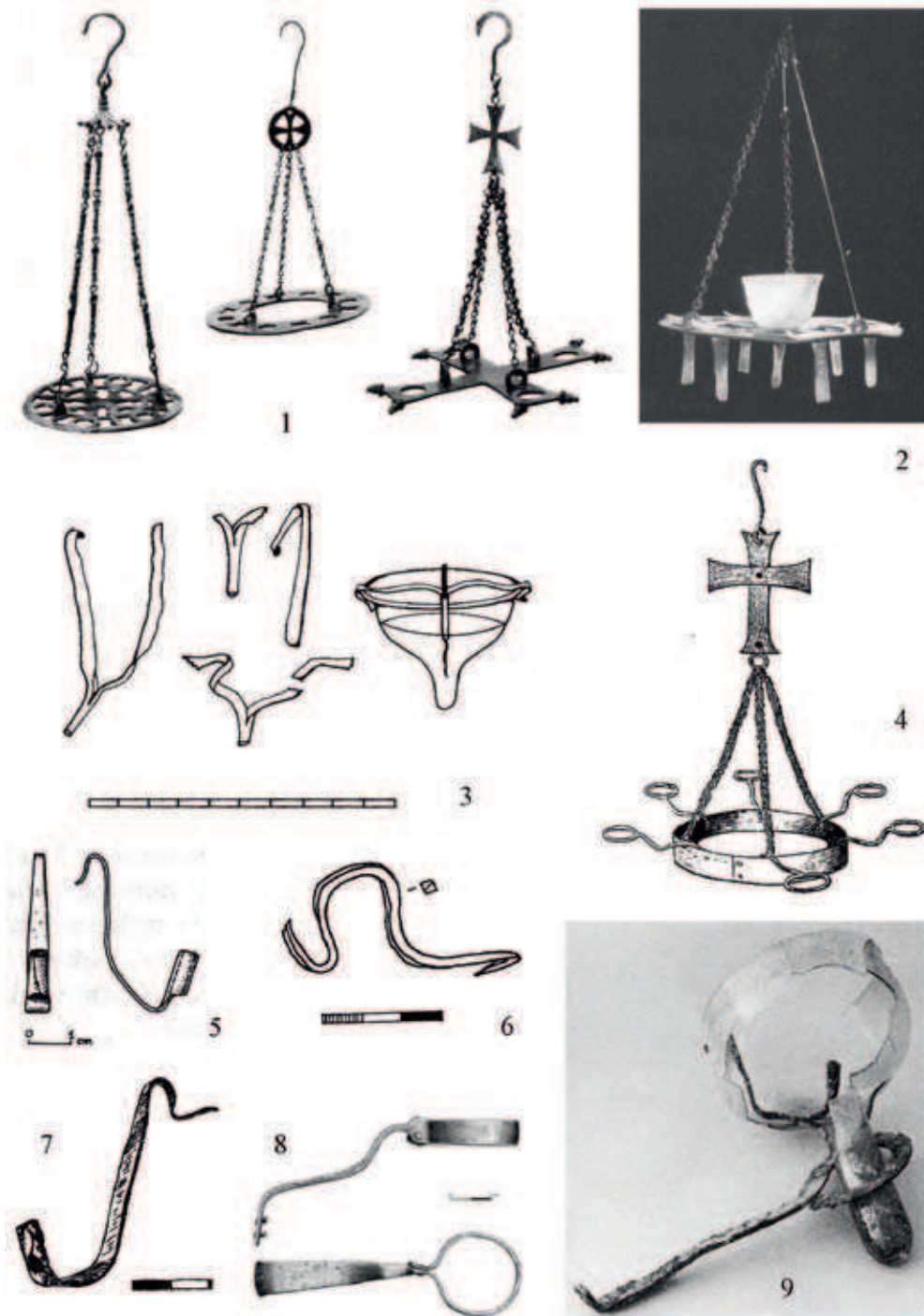

Рис. 4.6. Византийские поликандила для кубкообразных лампад с узкой поллой ножкой и держатели фитиля для осветительных приборов, VI–XII вв. 1 – поликандила, Палестина, Восточное Средиземноморье, Музей Мюнхена, Германия (по: Vogtkopp, Kahsnitz, Restle 1998: 95, №№93, 95, 96); 2 – поликандило, Палестина (по: Israeli, Mevorah 2000: 109); 3 – держатели фитиля лампад и возможная реконструкция, монастырь Алахан, Малая Азия, VI–XII вв. (по: Gough 1985: fig. 12: 10); 4 – поликандило для лампад с узкой поллой ножкой, Пирот, Сербия, VI–VII вв. (по: Милинковић 2011: сл. 2); 5 – держатель фитиля лампы, монастырь св. Харитона, VI–VIII вв. (по: Hirschfeld 2000: fig. 24); 6 – держатель фитиля лампы, бронза, монастырский комплекс в бухте Панаир на юго-восточном склоне горы Аю-Даг, Крым, X–XVI вв. (по: Адаксина 2002: рис. 109: 3); 7 – держатель фитиля лампы, монастырский комплекс на горе Нево, Иордания (по: Saller 1941: fig. 18: 3); 8 – металлические кронштейны для лампад, Градина на Елице, Сербия, VI–VII вв. (по: Милинковић 2011: сл. 9); 9 – лампада на узкой ножке и металлический кронштейн для её крепления, храм св. Стефана, Умм-ал-Разас, Иордания, VI–VIII вв. (по: Alliaat 1991: ph. 6).

Fig. 4.6. Byzantine polykandelons for stemmed lamps and wick holders, 6th–12th centuries.

1 – Holy Land; 2 – Holy Land; 3 – Alahan, Turkey; 4 – Pirot, Serbia; 5 – St Chariton, Holy Land; 6 – Panair, Ayu-Dag, Crimea; 7 – Mount Nebo, Jordan; 8 – Jelice-Gradina, Serbia; 9 – St Stephen, Umm-al-Rasas, Jordan.

Рис. 4.7. Византийские храмовые осветительные приборы, V–XIII вв.

1 – лампада с ручками и проволочными крючками для подвешивания, Колхида, Киликия, Македония, Греция, V в. Музей византийской культуры, Фессалоники, Греция (по: Antonaras 2010: 388, fig. 6); 2 – лампы на узкой ножке, Лариса, Фессалия, Греция, V–VI вв. (по: Antonaras 2010: 388, fig. 7); 3 – лампадор с фрагментами лампад на узкой ножке, Херсонес, Крым, Украина (по: Яшаева и др. 2011: 218, 507, № 165).

Fig 4.7. Byzantine glass lamps and means of their fixation, 6th-13th centuries.

1 – Kilikis, Macedonia, Greece; 2 – Larisa, Thessaly, Greece; 3 – Chersoneses, Crimea.

медных проволочек (Новиченкова 2005: 17). Металлические, преимущественно бронзовые крючки, использовавшиеся в качестве лампадодержателей, известны на целом ряде византийских памятников, например, на Синае (Mourelatos 2012: 459, 460, fig. 6), на греческих островах Додеканеса (Militsi 2012: 266, fig. 4), в монастырском комплексе на горе Нево в Иордании (Saller 1941: pl. 137, fig. 1: 6).

Частью держателя фитиля в светильнике или деталью от конструкции подвешивания лампад мог также быть согнутый вдвое фрагмент округлой в сечении витой бронзовой проволоки (рис. 6.2: 223). Подобные

предметы встречаются в раскопках церковных комплексов на Ближнем Востоке, однако в целом принято считать, что для подобных конструкций использовались более широкие пластины металла, также неоднократно зафиксированные археологическими исследованиями. Подобные держатели, иногда достаточно совершенной формы, хорошо реконструируются на материалах таких комплексов как монастырь Алахан в Малой Азии (Gough 1985: fig. 12: 10) (рис. 4.6: 3), монастырь св. Харитона в Иудейской пустыне (Hirschfeld 2000: 349, fig. 24) (рис. 4.6: 5), монастыре на горе Нево в Иордании (Saller 1941: 310, fig. 18: 3, pl. 137, fig. 1: 5) (рис. 4.6:

7). Подобные держатели возможно выявить и в археологической коллекции Крыма, например, в монастырском комплексе X–XVI вв. в бухте Панаир на юго-восточном склоне горы Аю-Даг (Адаксина 2002: 99, рис. 109: 3) (рис. 4.6: 6). Не исключено, что именно таким образом с осветительными приборами Семидворья были связаны найденные в храме свинцовые пластины (рис. 6.2: 213, 217, 221 222, 231, 251), которые происходят из слоев, так или иначе отмеченных находками стекла. Подобные пластины, которые могли использоваться в качестве держателей фитилей, были в большом количестве обнаружены недавно при раскопках в пещере Иограф близ Ялты также в контексте с находками осколков стеклянных лампад (подробнее см. главу 6 «Изделия из металла, стекла и камня»).

Несколько слов можно сказать о химическом составе стекла, который был определен в исследовании А.Н. Егорькова как «двойственный» (см. Приложение 6). Химический состав пяти проанализированных образцов близок к содовой рецептуре стекла по соотношению кальция и магния. Один фрагмент, представляющий, тем не менее, достаточно многочисленную и однородную по морфологическим признакам серию сосудов, представлен зольным стеклом (образец № 4), сваренным на золе галофитов. Такой смешанный состав стекла сосудов из раскопок церкви в урочище Еди-Евлер не должен вызывать удивления. Практически все коллекции стекла Балкано-Средиземноморского региона, результаты исследований которых опубликованы, не составляют однородной группы, что дополнительно подчеркивается специалистами (например, Царицын Град в Сербии, Эфес в Турции, где выявлено четыре региона производства) (Drauschke, Greiff 2010: 38; Uhlir, Melcher, Schreiner, Czurda-Ruth, Krinzinger 2010: 57-61). Очевидно, за этим стоит достаточно активная циркуляция стеклянных изделий в регионе.

Рискнем предположить, что по содержанию основных стеклообразующих компонентов (соотношение содержания натрия и калия, процент содержания магния) состав содового стекла из раскопок семидворского храма при формальном подходе можно сблизить с группой Egypte II (Rehren, Marii, Schibille, Stanford, Swan 2010: 66, tab. 1), хотя в церковном контексте на Ближнем Востоке зачастую преобладает сиро-левантийская группа (Sayre, Smith 1961: 1824-1826; Freestone 2005: 195-208; 2006: 201-216). Повышенное содержание марганца в семидворском стекле должно объясняться необходимостью обесцвечивания окисей железа.

Считаем возможным продолжить формальное сравнение состава стекла из Семидворья с результатами исследования коллекций других памятников. Несмотря на то, что выявленное в результате анализа содержание калия в семидворском стекле несколько выше концентрации этого элемента в стекле «региона производства 2», выделенного для стекла зеленовато-оливкового цвета в коллекции Эфеса (Uhlir, Melcher, Schreiner, Czurda-Ruth, Krinzinger 2010: 58-59, 60, tab. 8), в целом соотношение

натрия и калия в содовых стеклах в обоих случаях примерно одинаково.

Повышенный процент калия в образце № 4, представленном зольным стеклом, позволяет сблизить исследуемое стекло с группой, традиционно связываемой с Тиром и Ливаном вообще (Freestone 2002: 67-77; Degryse, Freestone, Schneider, Jennings 2010: 84, 89 84, tab. 1), хотя нельзя не отметить, что в стекле этой группы существенно меньше процент оксида алюминия, что объясняется иными биогеохимическими параметрами шихты. Состав стекла из Сагалосс в юго-западной Турции в районе Анталии (Lauwers, Degryse, Waelkens 2010: 150-151, tab. 1) также сравним с некоторыми образцами нашей коллекции. Большим содержанием алюминия с пониженным содержанием оксида кремния характеризуется и стекло из Байлакана (Азербайджан), что позволило авторам поставить вопрос о его местном производстве (Безбородов, Якобсон 1960: 194-196).

Нельзя не отметить, что по некоторым параметрам результаты химического анализа фрагментов сосудов из церкви в урочище Еди-Евлер можно сблизить с композиционным составом стекла мозаик храма Св. Софии в Константинополе и Свято-Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве, а также некоторых бус, найденных на территории Древней Руси. Информация об их химическом составе приведена в труде Ю.Л. Щаповой (1998: 252-263). Впрочем, все отмеченные выше аналогии оказываются весьма относительными. Исследователи неоднократно указывали на существующие трудности культурной и региональной атрибуции древних стеклянных изделий, как в силу специфики исследовательских методик, так и в связи с особенностями исторического стеклоделия эпохи средневековья (Егорьков 2011: 8; Френкель 2011: 9). Как в свое время отметил В.А. Галибин, византийская школа стеклоделия, за исключением некоторых стилистических нюансов, является одной из практически неотличимых разновидностей восточной школы (Галибин 2001: 82).

Похоже, что разнообразный химический состав стекла и появление многочисленных локальных центров производства является характерной чертой средневизантийского периода. Это неминуемо должно было привести к снижению качества изделий. Так, на низкое качество стекла из раскопок храма нижнего города в Амориуме исследователи уже обращали внимание (Lightfoot, Mergen, Olcau *et al.* 2003: 285 и след.). Анализ содового стекла из Семидворья, демонстрирующий повышенное содержание в его химическом составе калия и железа, позволяет предположить, что для его варки был использован песок невысокой степени чистоты. Несмотря на то, что набор типов лампад и химическая композиция стекла пока не позволяют однозначно сопоставить семидворские сосуды ни с одним из известных храмовых комплексов или производственных центров, нельзя исключить возможности изготовления шихты в юго-западной части Малой Азии, откуда она и могли попадать в производственные центры северных регионов.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ КРЕСТЫ

Среди археологических материалов, обнаруженных во время раскопок храма близ с. Семидворье, особого внимания заслуживают разнообразные кресты из железа и цветных металлов и их фрагменты. Всего к этому типу

предметов может быть отнесено до 30 находок (рис. 5.1; 5.2-5.6: 205, 206, 210, 211, 214, 218, 219, 220, 225, 226, 228, 229, 234, 235, 237, 238, 239, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 253, 255, 256, 257) (Таблица №1):

Таблица № 1. Распределение металлических крестов по строительным периодам, археологическим слоям и квадратам раскопа.

Строительные периоды	Слои	Квадраты										
		1D	2A	2C	2D	3C	3D	3E	4C	4D	4E	
I-II периоды	№ 6		226			228						229
	№ 6-1				211							
	№ 13			249	246 247							
III период	№ 4								210			
	№ 5					214			218 225	219	220	
	№ 12					244						
	№ 12а			235 237 238	234	241	239					
	№ 12б			242								
	№ 12в			243 245								
IV период	№ 2	206				205						
Поверхность материка	Поверхность материка			248		253						

Еще один целый и два фрагментированных креста (рис. 5.6: 255, 256, 257) представляют собой подъёмный материал.

Кресты неравномерно распределяются в исследованных слоях. Семь из них могут быть отнесены к первому этапу функционирования церкви или первому-второму строительному периоду (рис. 5.2; 5.5; 5.6: 211, 228, 229, 246, 247, 249), тогда как пятнадцать крестов соотносятся с третьим строительным периодом или вторым этапом жизни храма (рис. 5.2.-5.6: 210, 214, 218, 219, 225, 220, 244, 235, 237, 238, 234, 241, 239, 243, 245). Один из крестов (№ 205) может быть связан как с первым, так и со вторым этапом. Еще два креста (рис. 5.4: 253; 5.5: 248) были найдены на поверхности материка у кладки апсиды, отстроенной в третьем строительном периоде¹. Факт обнаружения этих крестов на материке не должен вызывать удивления, поскольку перед ремонтом апсидная часть храма была вычищена практически до основания. Вряд ли эти кресты стоит рассматривать как предметы, связанные с перестройкой или освящением церкви перед началом второго этапа её функционирования, поскольку они найдены в той же храмовой зоне, что и значительное количество крестов, использование

которых должно быть отнесено к третьему строительному периоду в целом. Два другие креста (№№ 206, 226), найденные к востоку и северу от храма и относимые соответственно к четвёртому и первому-второму строительным периодам, определённо были связаны с эпохой функционирования церкви и её интерьером, будучи лишь впоследствии перемещены за пределы храмового комплекса.

Большинство этих христианских предметов происходит из восточной и северо-восточной зон внутреннего пространства южного компартимента (не менее 15 находок: №№ 234, 235, 237, 238, 239, 241, 242, 243, 244, 245, 247, 248, 249, 253, 257), будучи зафиксированными преимущественно по линии квадратов С и D, что соответствует алтарной, предалтарной и центральной частям храма (рис. 5.1). Практически все кресты из алтаря относятся ко второму этапу жизни храма (№№ 235, 241, 242, 243, 244, 245, 248, 253). Лишь один, обнаруженный перед подрубкой материка у апсиды около прохода из южного компартимента в северный, может быть связан с первым этапом (№ 249) (рис. 5.1). Отметим, что два железных креста, обнаруженные невдалеке от этой концентрации сакральных предметов, были найдены на пороге под закладом проёма, некогда соединявшего южный и северный компартименты храма (рис. 2.25; 2.26; 5.1; 5.4: 237; 5.3: 238), который был закрыт в третьем строительном периоде. Еще один крест был зафиксиро-

¹ Абрис апсиды после восстановления алтаря в третьем строительном периоде не совпадал с полукругом апсиды первого храма (далее см. главу 1 «Архитектурно-конструктивные особенности и строительная периодизация храма»).

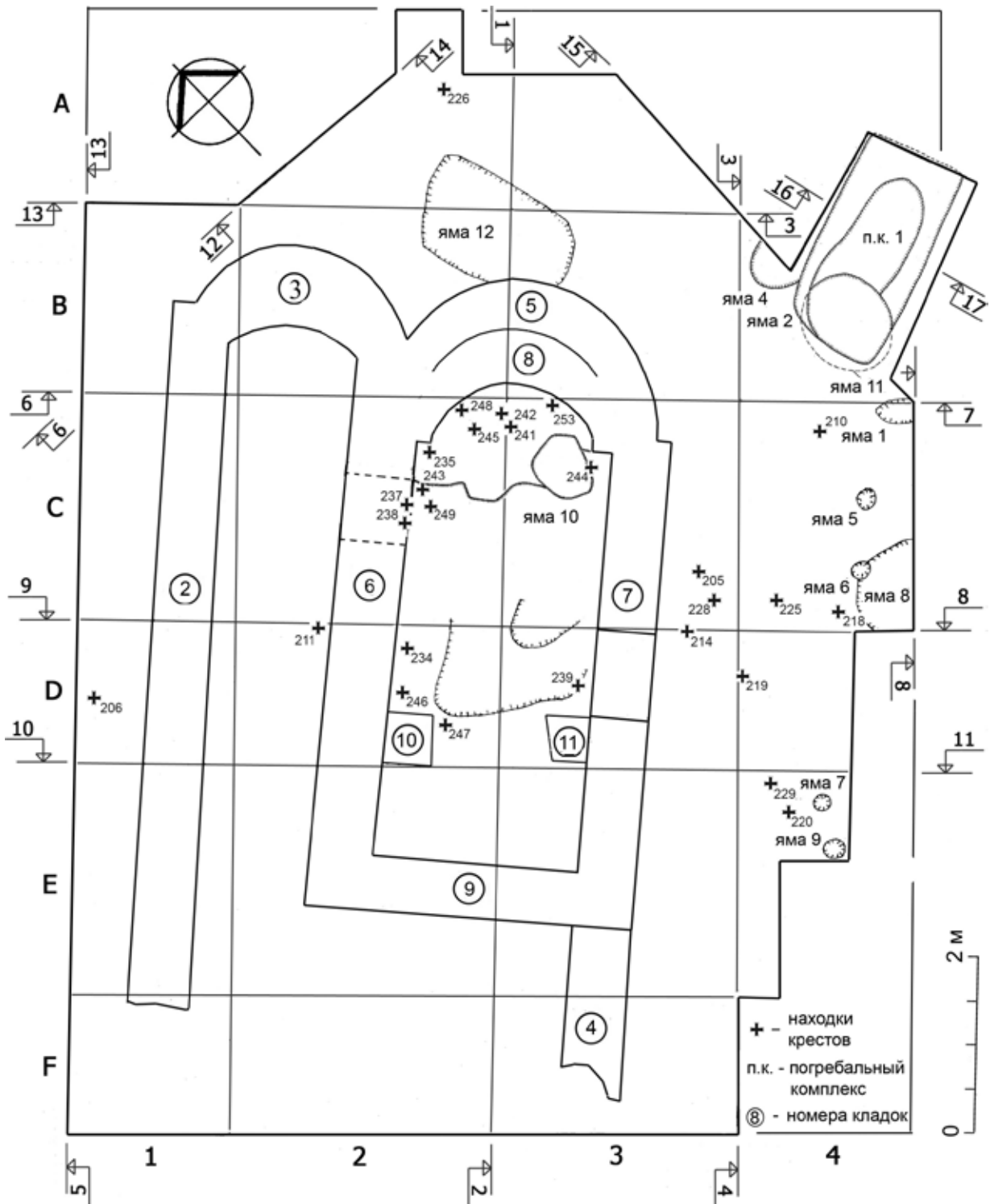

Рис. 5.1. Храм на холме Тузлук. План находок металлических крестов.
 Fig. 5.1. Church on the Tuzluk hill. Plan of distribution of metallic ex-voto crosses in the church.

ван к юго-западу от проёма непосредственно в северном компартименте (№ 211) (рис. 5.1).

Еще одну концентрацию крестов можно отметить к югу и юго-востоку от южного компартимента в районе входа в храм с юга по линии квадратов 3-4 (не менее 8 находок, первый этап – №№ 228, 229; второй этап – №№ 210, 214, 218, 219, 220, 225; крест № 205 нельзя

определённо отнести к тому или иному периоду в жизни храма) (рис. 5.1). Эти находки, очевидно, связаны с южным входом в храм, который в третьем строительном периоде становится основным, и где в это время появляется деревянный навес. Лишь один крест из тонкой серебряной пластины с пуансонным орнаментом (№ 206) и крест, вырезанный из дирхема (№ 226), были найде-

ны соответственно к северо-западу и северо-востоку от храма (рис. 5.1) в слоях №№ 2 и 6, что, как уже отмечалось, может быть связано с перемещением остатков и заполнения уже руинированной постройки. Кроме того, два пластинчатых креста (№№ 255, 256) (рис. 5.6) обнаружены вне археологического контекста в районе северного компартимента². Вероятно, они были переотложены в более позднее время, возможно, при обустройстве некоего сооружения в южном компартименте в XIV–XV вв. в четвёртом строительном периоде.

Распределение находок по слоям и их концентрация в отмеченных зонах указывает, по нашему мнению, что такое расположение исследуемых крестов не случайно. Представляется, что они попали в культурный слой там, где находились в момент разрушения или запустения храма, выполняя свои обрядовые или интерьерные функции.

Кресты зафиксированы в слоях №№ 2, 4, 5, 6, 6-1, 12, 12а, 12б, 12в, 13 и в апсиде на поверхности материка. Стратиграфические исследования позволяют заключить, что основные объёмы слоёв №№ 4 и 6 сформировались в результате разрушения кровли, архитектурных конструкций храма из мягких пород известняка и, вероятно, постройки в целом на финальных этапах второго и третьего строительных периодов. Слой № 5 снаружи от южного входа относится к третьему строительному периоду и образовался, как показывает анализ его содержания, в результате периодически осуществлявшихся действий ритуального характера, связанных, предположительно, с возжиганием «нового» огня перед началом богослужения, а также – с общинной трапезой, что подтверждается находками в этой зоне многочисленных кремнёвых чешуек, обломков стеклянных лампад, керамической посуды и фаунистических материалов³. Отметим также совместное залегание в одном контексте с крестами культового предмета иного типа – подвески из зуба оленя (рис. 6.2: 224). Слои №№ 12а-в внутри южного компартимента связаны с разрушением храма и реконструкцией этой части здания вместе с алтарным пространством в третьем строительном периоде. Стоит отметить, что в слое № 12а в южном компартименте совместно с крестами зафиксирован еще один предмет не утилитарного, предположительно, культового характера – раковина морского моллюска с отверстием для подвешивания (рис. 6.2: 236). Слой № 13 сформировался в южном компартименте в эпоху активной литургической жизни храма во втором строительном периоде, а обнаруженные здесь многочисленные фаунистические останки так же, как и в случае со слоем № 5, указывают на возможное использование этого храмового компартимента для общинных трапез. Впрочем, основное место про-

ведения общинного пира локализовать затруднительно в силу распространения остатков трапезы по всей территории комплекса. Очевидно, на эту роль могут претендовать не только зона южного входа и южная часть храма, но и северный компартимент с прилегающим к нему прихрамовым пространством. Обрядовый контекст находок железных крестов подтверждается также фрагментами стеклянных лампад, значительное количество которых обнаружено в тех же слоях №№ 5 и 12, что и сами кресты (см. главу 4 «Стеклянные сосуды»).

Итак, сделанные наблюдения позволяют заключить, что археологически зафиксированные концентрации крестов возникли в связи с процессом разрушения определенных храмовых зон или же с конкретными формами жизнедеятельности церковной общины. Синхронное залегание артефактов в слое должно непосредственно отражать их совокупное расположение в «живой культуре». Предварительно заметим, что металлические кресты должны были использоваться в определённых литургических обрядах, а не просто служить элементом храмового убранства. Это дополнительно подтверждается тем, что кресты концентрируются не только внутри храма, но и снаружи, будучи связанными с динамикой религиозной культуры, представленной обрядом, к сути которого нам еще предстоит вернуться. Факт их обнаружения в археологических слоях, связанных со всеми строительными периодами, свидетельствует, скорее всего, об использовании крестов различных форм на протяжении всего существования культовой постройки, т.е. в течение почти столетнего периода. Преимущественная фиксация крестов в слоях, связанных с третьим строительным периодом вполне объяснима, поскольку отражает финальный этап функционирования комплекса.

Все находки металлических крестов могут быть разделены на пять типологических групп, выделяемых на основе материала, технологии изготовления, орнаментации и способа крепления.

Первая группа наиболее многочисленна и объединяет в себе кресты и их фрагменты, выполненные из железа (рис. 5.2-5.5: 210, 211, 214, 218, 219, 220, 225, 228, 229, 237, 238, 239, 241, 242, 243, 244, 245, 248, 253). Они традиционно изготавливались из двух пластин, соединенных преимущественно заклёпкой, размещённой в средокрестии. Ширина пластин, из которых изготавливались кресты: 0,5-0,8 / 1,2-1,5 см, размеры сохранившихся крестов 3,9-7,6×9,0-10,0 см. В ряде случаев можно наблюдать незначительное расширение ветвей креста, а также подтреугольно заострённые концы. Крест № 210 (рис. 5.5) несколько отличается от основной массы железных крестов своими пропорциями, близкими к 1:2 (2,65×5,9 см) и ярко выраженным расширением ветвей с подтреугольными завершениями. Конструктивной особенностью крестов являются заострённые нижние концы, иногда изогнутые в результате использования. Такие кресты могли крепиться к внутренним деревянным конструкциям здания или вставляться в расщелины между камнями кладки стен, тогда как загнутый

² Кресты были обнаружены в 2006 г., за год до начала систематических раскопок.

³ Детальную характеристику культурных слоев см. выше, в главе 2 «Стратиграфия и характеристика культурных отложений». По поводу интерпретации находок и реконструкции совершившихся здесь обрядов см. главу 14 «Литургические особенности храма».

конец, иногда рассматриваемый как «крюк», должен был служить для придания кресту вертикального положения в пространстве. Из крестов этой группы только три (рис. 5.2: 228, 229; 5.5: 211) могут быть отнесены к первому этапу функционирования храма, тогда как остальные принадлежат второму этапу, связанному с жизнью одноапсидного храма и начавшемуся в третьем строительном периоде. Отметим, что кресты, найденные в алтаре, представлены исключительно изделиями первой группы.

Ко второй группе относятся один целый и три фрагментированных креста из цветных металлов, предварительно определяемых как «белый металл» и медный сплав⁴. Кресты были вырезаны из тонкой металлической пластины, близкой по толщине к фольге, имели отверстие для подвешивания, с помощью которого они могли крепиться к стенам, малым архитектурным формам храмового интерьера или даже носиться в качестве предметов личного благочестия. Поскольку два креста (рис. 5.6: 206, 247) сильно фрагментированы, то способ их крепления определяется лишь предположительно. Обычно кресты украшены точечным пуансонным орнаментом (рис. 5.6: 206, 247, 256). Исключение составляет крест № 255 (3,15×3,05 см), происходящий из подъемного материала (рис. 5.6). Он существенно отличается от относительно целого, также случайно найденного креста, отнесенного нами к той же группе (№ 256, реконструируемые размеры 5,0×7,9 см) (рис. 5.6) по своим пропорциям, вписанными в окружность и подчеркнута расширяющимися ветвями с подтреугольными окончаниями. Возможно, кресты этой группы были более характерны для начального периода существования храма, хотя определённо к слоям этого времени относится лишь крест № 247.

К третьей группе относятся два креста, материалом для изготовления которых послужили серебряные монеты, что определило пропорции предметов, идеально вписанные в круг (рис. 5.6: 226, 249). Кресты из монет были найдены соответственно в предалтарном пространстве южного компартамента и снаружи храма, в 2,17 м к северо-востоку от его апсиды. Эти кресты были связаны с первым этапом функционирования церкви. Ветви крестов отличаются разнообразием в исполнении, некоторые из них расширяются, некоторые оставлены прямыми. Один из крестов вырезан из арабосасанидской полудрахмы второй половины VII – начала VIII в., являющейся подражанием сасанидской драхме Хосрова II (591-628) (рис. 5.6: 249), другой – из дирхема чеканки Омейядов (661-750) (рис. 5.6: 226). Пробитые отверстия свидетельствуют о возможности использования изделий в качестве привесок.

К четвёртой группе относятся два креста, сохранившиеся весьма фрагментарно (рис. 5.6: 205, 234) и относимые нами к третьему строительному периоду. Они изготовлены из двух тонких пластин «белого» металла,

скреплённых в средокрестии заклёпкой или шипом. Способ крепления крестов к гипотетической основе остается неизвестным, однако толщина пластин (0,02 см) предполагает скорее их подвешивание или иную фиксацию изделия на стене, по аналогии с крестами второй и третьей групп. Очевидно, эти кресты представляют собой своеобразный «технологический компромисс» между крестами первой и второй групп.

К пятой группе относится единственный экземпляр фрагментированного четырехконечного свинцового креста первого этапа жизни храма, вырезанного из пластины (сохранившиеся размеры – 0,5×1,45 см), способ крепления которого неопределим (рис. 5.6: 246).

Необходимо отметить, что кресты всех выше описанных групп не всегда различаются по характеру депозиции. Относящиеся к разным группам кресты в ряде случаев были найдены совместно, что позволяет предположить, что в пространстве храма они исполняли некую единую миссию, а разные их виды могли сосуществовать в ритуале, хотя некоторые «предпочтения» общины в разные периоды её существования, как кажется, очевидны. Кресты из железа были более характерны для финальной стадии церковной жизни, тогда как кресты, вырезанные из тонких пластин цветного металла и украшенные пуансонным орнаментом, представляются более древними.

Практически все находки, представленные в храме близ с. Семидворье, имеют определённые аналогии в Причерноморье и Средиземноморье, на Кавказе и на Балканах, в Малой Азии и в Подунавье, и даже в Восточной и Северной Европе на территории Древней Руси и в Скандинавии. Они представлены как в столичной, так и в провинциальной культуре. Общая сравнительная характеристика этих типологических и культурных параллелей представляется нам необходимым элементом в процессе интерпретации литургического содержания семидворских находок.

Обратимся к крестам первой группы. Одинаковый характер деформации нижних заострённых ветвей металлических крестов позволяет предположить, что они могли фиксироваться определённым образом на стенах храма или на внутренних деревянных конструкциях и деталях храмового убранства. Общая морфология этих изделий, в частности, заострённая и удлинённая нижняя ветвь указывает, что они, скорее всего, обязаны своим происхождением традиции процессионных крестов христианской культуры, использовавшихся как в императорском ритуале, так и во время общегородских литаний и стационального богослужения. Очевидно, подобные кресты должны иметь отношение к индивидуальным ручным крестам, которые упоминаются в византийских письменных источниках X–XII вв. и известны в христианской иконографии начиная с VI в. как атрибуты мучеников. Определение характера взаимоотношений этих двух категорий предметов должно стать приоритетом настоящего исследования.

Необходимо отметить, что именно этот персональ-

⁴ Анализ химического состава металла не производился.

Рис. 5.2. Храм на холме Тузлук. Фрагменты железных крестов.
 214, 219, 220, 225 – слой № 5; 228, 229 – слой № 6; 218 – слой № 6-1; 239 – слой № 12а; 245 – слой № 12в.
 Fig. 5.2. Church on the Tuzluk hill. Fragments of iron ex-voto crosses.
 214, 219, 220, 225 – layer no 5; 228, 229 – layer no 6; 218 – layer no 6-1; 239 – layer no 12а; 245 – layer no 12в.

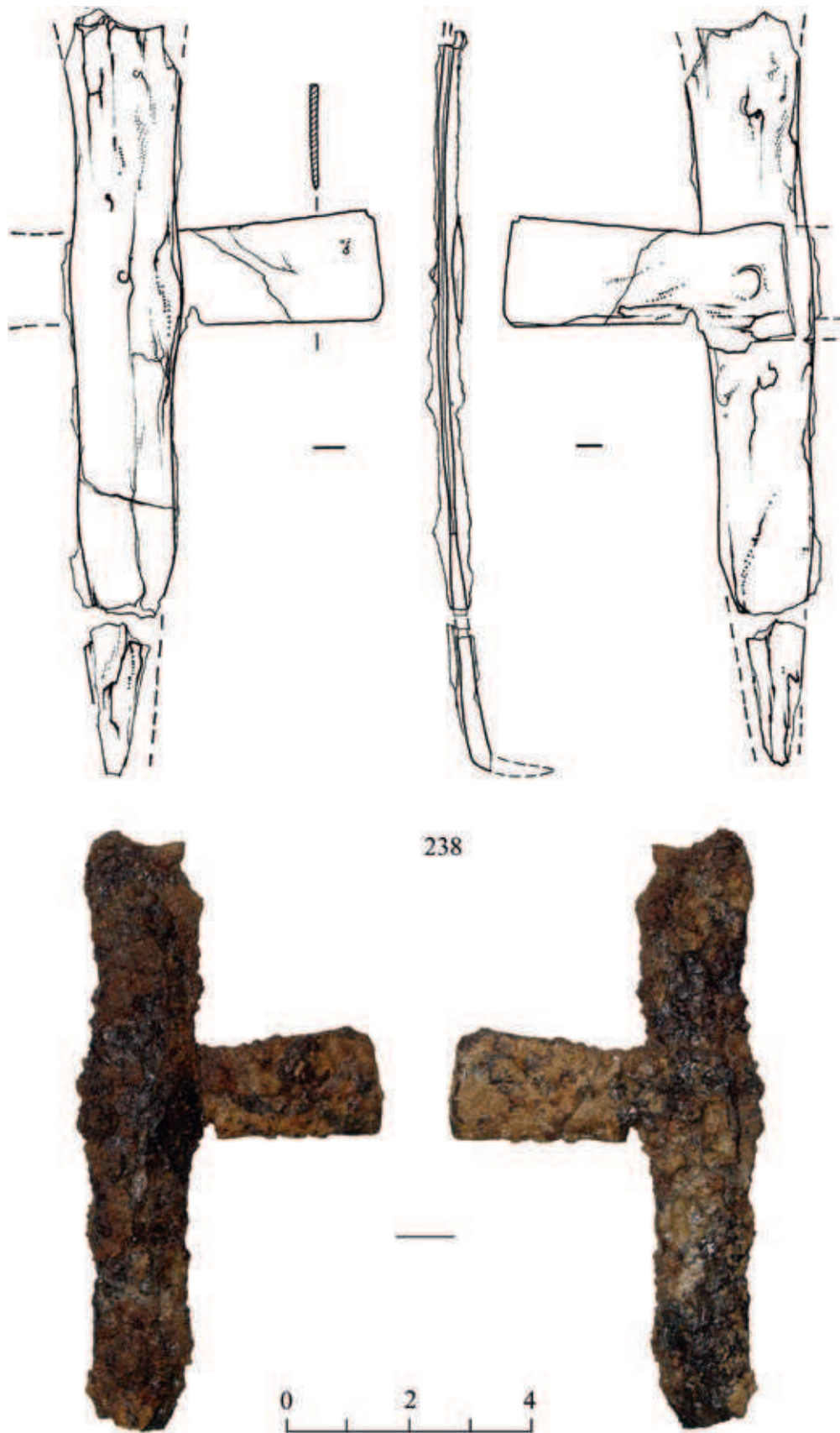

Рис. 5.3. Храм на холме Тузлук. Железный крест из заклада проёма между южным и северным компартиментами, слой № 12а.
Fig. 5.3. Church on the Tuzluk hill. Iron ex-voto cross found in the closing of doorway between northern and southern parts of the church in the third building period, layer no 12a.

ный аспект функционирования процессионных крестов малых форм оказывается наименее изученным в науке христианских древностей и в византиноведении (Ross 1964). Исследователей традиционно привлекали богато украшенные процессионные кресты, иногда именуемые запрестольными. Они изготавливались из благородных металлов и сплавов на основе меди, иногда имели золочение и вставки из драгоценных камней, могли украшаться подвесками, крепящимися к горизонтальной ветви и нести на себе чеканные или гравированные изображения. В большинстве своем это кресты средних и больших размеров. Их происхождение традиционно связывается с выносными крестами, использовавшимися в императорских ритуалах во время торжественного въезда в город – Adventus, общегородских процессиях (об этом ритуале см.: Дагрон 2010: 90 и след., 116-117) и во время военных компаний (Cotsonis 1994: 8-11, 14). Большинство известных исследователям экземпляров происходит из музейных коллекций. Эти кресты приобретались преимущественно на Ближнем Востоке, хотя некоторые из них продолжают пребывать в монастырских ризницах (Baumstark 1900; Weitzmann, Ševčenko 1963; Dodd 1987; Cotsonis 1994; Sandin 1995; Пескова, Строкова 2010; см. также: Lafontaine-Dosogne 1982: 173, № 16; Borkopp, Kahsnitz, Restle 1998: 65, №№ 61-67; Baratte, Caseau, Campagnelo-Pothitou 2011; ср.: Музей русской иконы (Москва, Россия): №№ ЧМ/ М–3; М–70; М–71; М–72). Отметим, что некоторые кресты определённо могут рассматриваться как votivные, о чем свидетельствуют сохранившиеся на них надписи, подтверждающие факт их вложения в ту или иную церковь или монастырь и сообщающие имена вкладчиков (Weitzmann, Ševčenko 1963; Cotsonis 1994: 29, 32).

Несмотря на уверенное и всеми признаваемое отнесение истоков такой традиции к IV в., кресты, достоверно принадлежащие этой эпохе, нам не известны. К ранневизантийскому периоду VI–VII вв. в общей сложности может быть отнесено до двух десятков крестов, включая знаменитый крест императора Юстина II (565-578) из Музея Ватикана в Риме (рис. 5.7: 1). Крест, надёжно датированный по штампу временем ок. 547 г., всего один (Dodd 1987: 170, 178-179, fig. 1, 5). Он хранится в Национальном археологическом музее в Стамбуле, Турция (рис. 5.7: 5). Процессионные кресты, датирующиеся периодом не ранее X–XI вв., происходят из Болгарии (Тотев 2002) и Древней Руси (Смирнов 1975; Стерлигова 1996: 38, 142-148, №№ 11-12; Сукина 2003; Пекарська, Павлова 2004; Пескова, Строкова 2010; 2012: 160-180).

Среди крестов, которые по своим конструктивным особенностям должны быть отнесены к процессионным, известны и более скромные экземпляры, относимые преимущественно к средневизантийской эпохе. Статистические наблюдения об их количестве отсутствуют. Эти кресты, которые в большинстве случаев определённо относятся к индивидуальным, имеют меньшие размеры и чаще всего изготовлены из бронзы. Иногда они несут на себе гравированные изображения или циркуль-

ный орнамент, их концы могут быть украшены фигурными или парными каплевидными завершениями (см. напр.: *Христиане на Востоке...* 1998: 42-43, №№ 47-49; Manolev, Simovski 2000: № 29) (рис. 5.7: 2, 6). Такие предметы, не всегда имеющие надёжную археологическую привязку и датировку, в значительном количестве можно встретить в музейных коллекциях. Они известны как в Византии, так и на других территориях, находившихся под влиянием византийской культуры, например, в Болгарии (Атанасов 1991), где подобные находки включены в более надёжную хронологию. В Древней Руси они встречаются достаточно редко и по своим размерам должны быть сопоставлены с принадлежностями общественного богослужения: нам известны два археологических экземпляра, которые происходят из Киева (Пескова, Строкова 2010), и фрагмент еще одного бронзового креста с гравированной надписью, который является случайной находкой, сделанной в Старицком районе Тверской области в 2011 г. (ср.: Пуцко 2003, где под видом «византийско-русских богослужебных крестов» фигурируют конструктивно иные предметы).

Большая часть таких крестов относится исследователями к X–XI вв., т.е. к тому же «средневизантийскому периоду». Эта датировка дополнительно подтверждается сходством нанесенных на них гравированных («врезанных») изображений с иконографией крестов-реликвариев этого времени (Pitarakis 2006: 89, 94, 99, 103, 153, 156-157, fig. 63, 68, 70, 71, 87, 92-95; ср.: Дончева-Петкова 2011; *Меч и златник...* 2012: 173, № 421 и др.). Отнесение в ряде случаев подобных крестов малых размеров с рукоятями, приобретенных в Египте, к периоду VI–VII вв., вряд ли надёжно (*Христиане на Востоке...* 1998: 164, №№ 222-224) (рис. 5.7: 3, 4). Стоит обратить внимание на то, что такие предметы по своим конструктивным особенностям весьма близки к ручным крестам эфиопской литургической традиции, испытавшей серьёзное воздействие греческого богослужения. Здесь небольшие по размерам процессионные кресты с длинной рукоятью-основанием как для священников, так и для мирян, сохранились вплоть до настоящего времени, законсервировав в себе многие архаичные черты (Бакстон 2002: рис. 45-49; ср.: Vuxton 1970). Однако по данным археологии этот литургический атрибут появляется, например, в Фарасе, не ранее VIII–IX вв., тогда как его расцвет приходится на XI в. (Ratynski 1982: 223-282).

Наряду с вышеописанными бронзовыми крестами существуют и непритязательные железные экземпляры, подобные найденным в семидворском храме. Эти предметы происходят преимущественно из археологических раскопок. В отличие от описанных выше бронзовых крестов, они не несут на себе изображений, уступают им по мастерству исполнения и лишены орнаментации. Такие кресты не часто становились объектом исследования, хотя в литературе они уже успели получить несколько произвольное наименование крестов «византийско-кавказского типа» (см. напр.: Ложкин, Малахов 1996).

Как будет показано ниже, их топография, археологический контекст, география и хронология не вмещаются в заданные этим названием культурно-географические рамки.

Отметим ближайшие аналогии крестам первой группы из церкви у с. Семидворье. Подобные кресты неоднократно засвидетельствованы на памятниках Крыма. Железный крест известен в руинах храма № 6 середины IX в. на Тепсеньском городище (Майко 2002б: 140, 142, рис. 2; 2004: 248, рис. 140: 3, 6, 8, 10; отметим, что здесь же известны и другие металлические кресты, в том числе и иных типов) (рис. 5.8: 2, 3, 5, 7), на городище Кыз-Кермен (Белый, Назаров 1992: 141, рис. 17: 9-11; здесь известны несколько подобных крестов, склёпанных из двух пластин, наибольший из которых имеет размеры 15,5×11,0 см; кресты найдены на территории жилой усадьбы) (рис. 5.8: 8, 9, 10), в погребении № 23 грунтового некрополя Кордон-Оба, где был найден равноконечный кованый крест с отогнутой нижней ветвью (Баранов 1990: 128, 129, рис. 48: 13; автор, отмечая, что одна из ветвей креста была загнута, полагал, что «порча крестов могла иметь ритуальное значение, смысл которого сводился к “обезвреживанию” чуждого язычникам христианского культа»). Существует информация, что там же на поселении в слое пожара вместе с керамикой второй половины IX–X в. был найден еще один железный крест. На г. Пахкал-Кая к юго-западу от одноапсидного храма VIII/X–XIII вв. также обнаружены кресты из железа и свинца, один из которых по своим пропорциям весьма близок к экземпляру из Семидворья (рис. 5.5: 210) (Лысенко 2011: рис. 1: 15) (рис. 5.8: 11). Похожие кресты были обнаружены при раскопках на г. Пампук-Кая (рис. 5.8: 4) и на поселении у с. Бобровка (Якобсон 1970: 80, 81, 121-123, 143, 144-145, рис. 43: 8, 95: 7), где они датируются VIII/IX–XIII вв.

Этим список крымских находок не исчерпывается. При раскопках трудно стратифицируемых остатков трёх последовательно существовавших христианских храмов (VIII–IX, X–XII, XV–XVI вв.) на месте античного святилища у перевала Гурзуфское Седло было найдено 14 пластинчатых крестов из железа и 5 крестов, созданных путем наложения бронзовых полос друг на друга, которые автор раскопок датирует преимущественно VIII–IX вв. (Новиченкова 2005: 17). Эти находки остаются неопубликованными. Исследования культового комплекса на вершине г. Эклези-Бурун (верхнее плато Чатыр-Дага), функционировавшего от римского времени до эпохи позднего средневековья и включавшего в себя, судя по топониму, христианский храм, позволили выявить не менее 10 крестов из железа. Часть из них изготовлена из двух склёпанных, расширяющихся к краям пластин, и имела удлиненную нижнюю ветвь (Лысенко, Тесленко 2006: л. 233, рис. 35: №№ 97-104, 121).

Отметим также, что в склепе № 771 Скалистинского могильника под одной из погребальных колод VIII–IX вв. был найден фрагментированный железный крест, который предположительно относится к тому же типу

(Веймарн, Айбабин 1993: 161, 162, рис. 121: 8; Хайрединова 2007: 152, 154, 155, рис. 1: 5, 2: 7; Khairedinova 2012: 419, 421, 422, fig. 2: 5; 3: 7) (рис. 5.8: 6). В склепе № 220 на склоне городища Эски-Кермен вместе с вещами VII–IX вв. был найден похожий крест, особенностью которого является загнутое петлей окончание одной из ветвей (Хайрединова 2007: 152, 154, 155, рис. 1: 7, 2: 8; Khairedinova 2012: 419, 421, 422, fig. 2: 7; 3: 8) (рис. 5.8: 1). Э.А. Хайрединова относит такие кресты к 3-му варианту типа 1 своей типологии («пластинчатые железные кресты с равными прямоугольными в сечении концами», 700-800-е гг.) (Хайрединова 2007: 155; ср.: Khairedinova 2012: 419, где эти кресты отнесены ко 2-му варианту 1 типа).

Возможно, одной из самых поздних находок крестов этого типа является крупный железный крест из некрополя Судак – IX. В.В. Майко считает возможным связать его с наверхшим посоха. Крест был найден в полуразрушенной грунтовой могиле № 46 вместе с татаро-генуэзским аспром 1421-1435 гг., чеканенным при хане Давлете-Берди (Майко 2007: 197, рис. 127). По мнению А.И. Айбабина, могильник в целом может быть датирован XIII–XIV вв. (Айбабин 2003: 81), что совпадает с известной нам хронологией железных крестов на других памятниках. Однако нельзя исключить возможность более длительного использования таких крестов в рассматриваемом регионе. В конкретном погребении (Майко 2007: рис. 126: 3) крест был использован как специфический атрибут погребального обряда, известного как в Константинополе (Toksoy 2007: 233, res. 6), так и в Европе (о крестах, в том числе и процессионных, в погребениях см. ниже).

Подобные находки в большом количестве известны в Закавказье и на Северном Кавказе. Кресты XI–XII вв., близкие по форме находкам из Семидворья, происходят из крепости Анакопии (Трапш 1961: 277, 278, рис. 13: 17) и Цандрипшской базилики в Абхазии (Хрушкова 2002: 184, 185, рис. 61) (рис. 5.9: 2). Известны такие находки и на Северном Кавказе, в частности на городище Верхний Джулат (с. Эльхотово, Кировский район, Республика Алания – Северная Осетия, Россия), где в заполнении церкви № 1 (XII–XIII вв.) было открыто 7 подобных крестов (раскопки О. Милорадович, 1959 г., все кресты находились вместе и, возможно, были помещены в глиняный сосуд, обломки которого сохранились, см.: Крупнов 1963: 56, рис. 6: 1, 2) (рис. 5.9: 3, 4, 6, 7), на городище Нижний Джулат (г. Майский, Майский район, Кабардино-Балкарская Республика, Россия; раскопки Г.И. Ионе, 1962 г.) (рис. 5.9: 1), на городище Ильич (Отраденский район, Краснодарский край, Россия) и в его окрестностях: на хуторе на р. Кува (рис. 5.9: 10, 11), в руинах церкви № 1 городища Ильич (рис. 5.9: 9), по углам предполагаемой алтарной преграды часовни на «Первом окне» того же городища (рис. 5.9: 5), у станицы Передовой (рис. 5.9: 8), в часовне на скале «Барабан» (рис. 5.9: 12), в урочище «Длинный шпиль» (рис. 5.9: 13). Есть информация о находках подобных крестов в

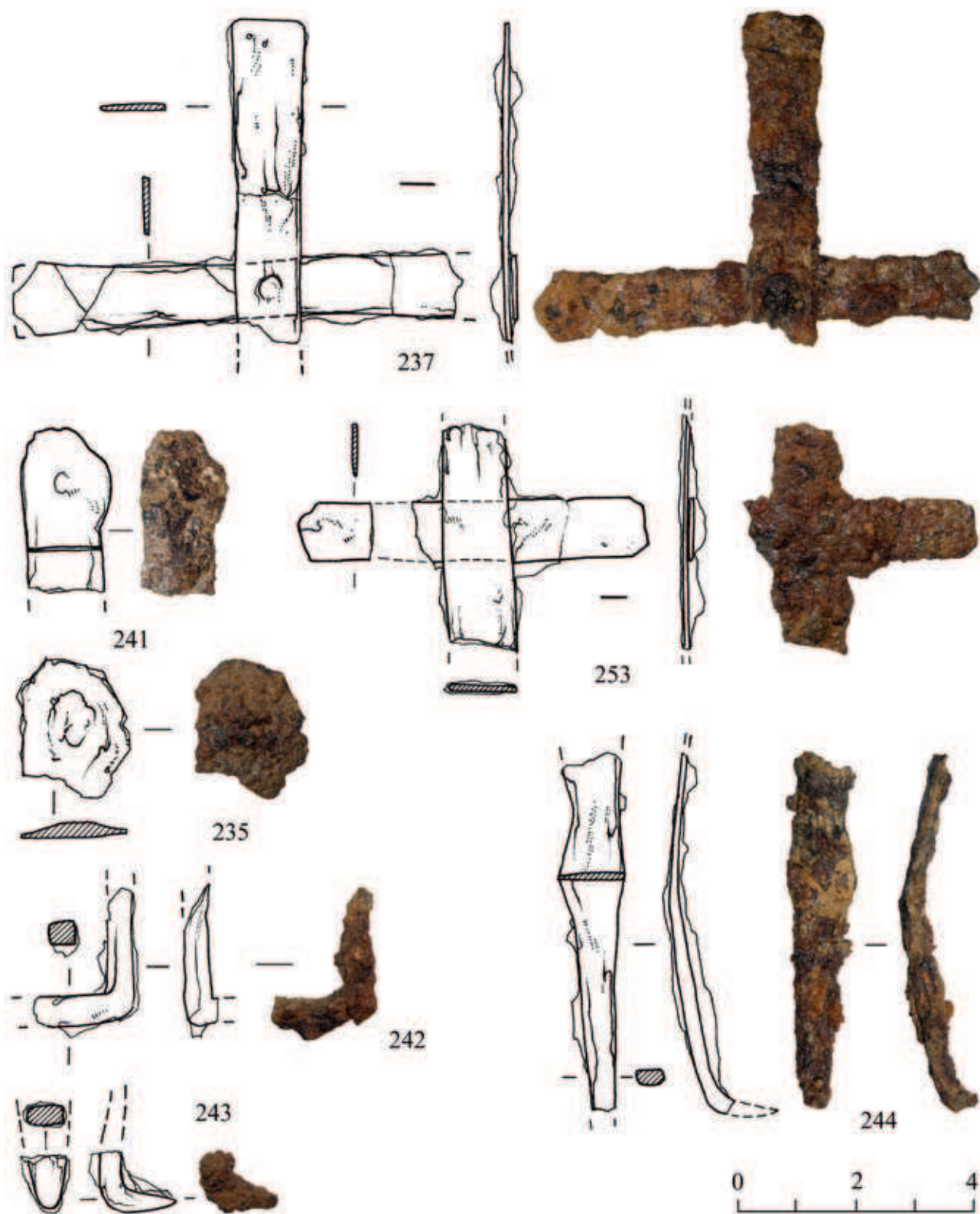

Рис. 5.4. Храм на холме Тузлух. Фрагменты железных крестов.

237 – слой № 12а в закладе проёма между южным и северным компартаментами; 241 – слой № 12а; 242 – слой № 12б; 243 – слой № 12в; 244 – слой № 12; 253 – поверхность материка у кладки апсиды.

Fig. 5.4. Church on the Tuzluk hill. Fragments of iron ex-voto crosses.

237 – layer no 12a, closing of doorway between northern and southern parts of the church; 241 – layer no 12a; 242 – layer no 12b; 243 – layer no 12v; 244 – layer no 12; 253 – surface of natural near apses.

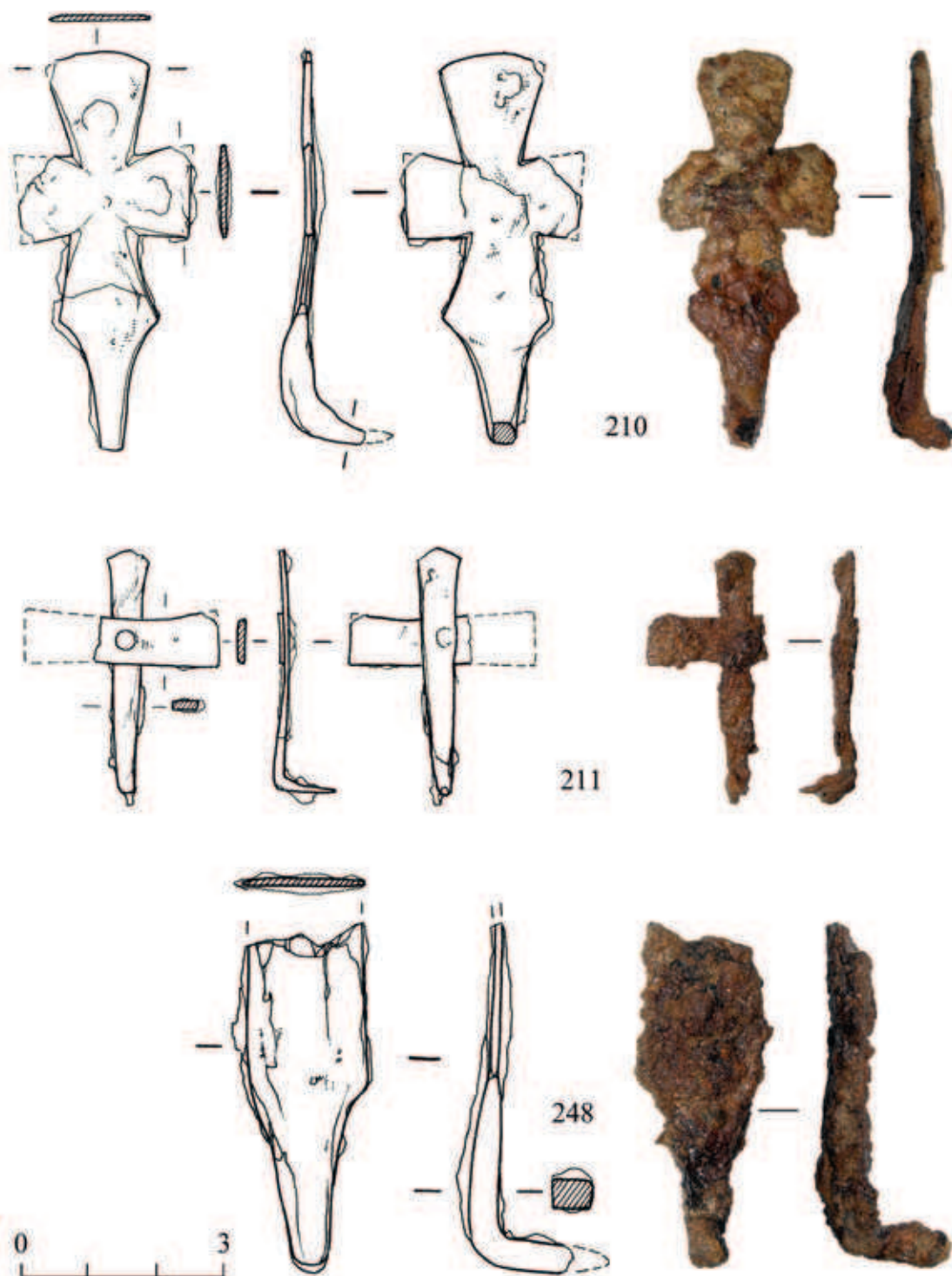

Рис. 5.5. Храм на холме Тузлук. Фрагменты железных крестов.
210 – слой № 4; 211 – слой № 6-1; 248 – поверхность материка у кладки апсиды (слой № 13 [?]).

Fig. 5.5. Church on the Tuzluk hill. Fragments of iron ex-voto crosses.

210 – layer no 4; 211 – layer no 6-1; 248 – surface of natural near apses (layer no 13 [?]).

Маджарах. В собрании Краснодарского Государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына хранится еще ряд железных крестов, происхождение которых неизвестно (рис. 5.10: 2, 3, 4, 5, 6).

Известны и другие находки. На городище Нижний

Архыз в двухкамерном помещении были обнаружены железные кресты, как склепанные из двух половинок, так и вырезанные из цельного листа металла, которые исследователи относят к более позднему времени – XIII–XIV вв. (Кузнецов 1993: 103, рис. 81). Похожие металлические кресты были найдены при раскопках

церкви городища Гиляч в верховьях Кубани, из алтарного пространства которой происходят два креста IX–XI вв. «из железных пластинок» (15 см), у одного из которых перекрестие скреплено «гвоздиком» (Минаева 1951: 293, 294, рис. 22: 8). На ингушском святилище Эрзели XII–XIII вв. (Джейрахско-Ассинский государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, с. Эрзи, Джейрахский район, Республика Ингушетия) тоже было выявлено несколько подобных крестов (Крупнов 1971: 44, 45, 112, 196, рис. 5) (рис. 5.9: 14, 15, 16, 17). Изображение близкого по форме креста, найденного на Кавказе, в Самтавро (г. Мцхета, Грузия), поступило в конце XIX в. в архив Императорской Археологической Комиссии в Петербурге (ФО НА ИИМК РАН, Q 505/5).

В ряде случаев концы этих крестов имели закруглённую форму, что несколько отличает их от семидворских находок (Ложкин, Малахов 1996; Кузнецов 2002: 80, рис. 3: 3, 10: 2, 22: 7, 38: 1-4). Однако такая морфологическая особенность не является исключительно местным явлением: округлые завершения концов процессионных крестов известны и среди памятников Греции, в частности, в Коринфе (Davidson 1952: 198, pl. 90: 1505) (рис. 5.10: 11).

В связи с железными крестами, происходящими из церковных руин на Северном Кавказе, было высказано предположение, что они «использовались не столько для литургических потребностей, сколько с целью вотивного подношения (ex voto), и приносились в церковь (действующую или уже заброшенную) прихожанами» (Ложкин, Малахов 1996: 204). Исследователи предполагают, что подобная практика в алано-адыгейской этнической среде трансформировалась в «полуязыческий культ», где концентрация крестов в предалтарной части должна была отражать традиционные представления местного населения о священном жертвенном месте в пространстве храма. Для крестов, найденных в этом регионе, авторы не исключают и возможность иной функциональной принадлежности: подношение святым покровителям, украшение алтарной преграды, увенчание кровли храма...

В связи с приведённым обзором отметим, что предлагаемая в ряде случаев датировка таких крестов – не ранее рубежа XII/XIII–XV вв., что обычно связывается со временем запустения храмов (Ложкин, Малахов 1996: 205, 208), представляется нам существенно омолаживающей это культурное явление. Впрочем, авторы не исключают, что местное производство таких крестов «по византийским прототипам», заимствованным непосредственно из Константинополя, могло начаться еще в X в., т.е. относится ко времени основания Аланской епархии. Дополнительно напомним, что в Северном Зеленчукском храме был найден фрагмент бронзового креста с фигурным оформлением ветвей, который нес на себе греческую вкладную надпись, датированную 1067 г. (Кузнецов 2002: рис. 10: 1). Несомненно, крест принадлежит к подобной серии вотивных предметов,

однако датируется более ранним временем.

На территории Византийской империи и на Балканах в сравнимом археологическом контексте средневизантийской эпохи, наряду с бронзовыми фигурными орнаментированными экземплярами весьма часто встречаются и интересующие нас железные кресты, а также, что следует особо отметить, кресты других типов, в том числе нательные кресты и кресты-реликварии. Подобная сопоставимость таких культовых предметов, как и в случае с разнообразием групп крестов, выделенных нами в материалах семидворского храма, свидетельствует в пользу единства их культурной и литургической функции в храмовом контексте.

Кресты из железа X–XIII вв., как с заострённым, так и со втульчатым основанием, известны на Балканах в целом (Марјановић-Бујовић 1987: 59, № 78), в Велесе (Manolev, Simovski 2000: № 22) и в Стрежево Кале на территории бывшей югославской республики Македония (Mikulcic 2002: 281, fig. 176: 1) (рис. 5.10: 1), и в Болгарии (Красен, Добруджа, Силистра, Средише, Дядово; Атанасов 1991; Йотов 2004: 80, 83, обр. 39, таб. 44: 456, 457; Григоров 2010: 177, 328, таб. 26: I: 634; Borisov, Katinčarov, Best, Fol 1989: 276, fig. 322) (рис. 5.10: 7, 13). Такие кресты встречаются и на великоморавском городище второй половины IX в. Микутьнице в Чехии (Poláček 2012: 116, Abb. 4: 5). Насколько нам известно, самой западной точкой в Европе, где зафиксированы подобные кресты, является Нейштадт-на-Дунае (Келхайм, Нижняя Бавария, ФРГ), где на развалинах античных строений в VIII–IX вв. была возведена одноапсидная церковь, с которой и возможно связать эти находки (Nuber 1980; 2010: 22, 23, Abb. 4: 7, 11-13) (рис. 5.10: 9, 10).

Железные и бронзовые экземпляры крестов из раскопок церковных строений известны и на основной территории Византийской империи. Они происходят из Коринфа (Davidson 1952: 198, pl. 90: 1505, 1506) (рис. 5.10: 11), Мерсины - Юмуктепе-Хойук (Köroğlu 2002a: 18, fig. 1; cf. Köroğlu 2002b), базилики Перинта во Фракии (Pitarakis 2006: 129, fig. 80), базилики в Ассосе (Arslan, Arslan-Böhendorf, Türk, Koçuyigit, Müller 2011: 247, res. 8). Металлические кресты, как и кресты из бронзы с гравированными изображениями, были обнаружены при раскопках византийской церкви XII–XIII вв. в Пергаме (Radt 1990a: 406-407, Abb. 7, 8; 1990b: 206, res. 4, 5) (рис. 5.10: 12).

Однако наиболее близкими во всех отношениях к памятнику у с. Семидворье, не исключая и архитектурные особенности, являются материалы двухапсидного храмового комплекса X–XI вв. на городище Богазкой (Хаттуса) в центральной Анатолии на берегу реки Кызыльрмак восточнее Анкары, где в заполнении руин церковных построек и окружающих их монастырских строений было найдено 72 креста различных типов. В этой коллекции есть процессионные и нательные кресты, а также кресты-реликварии, которые также происходят из храмового пространства (Neve 1983: 433-436; 1984: 329-343; 1985; 1991; Böhendorf-Arslan 2012: 354,

355, 356, 357, 358, Abb. 3, 4, 6)⁵.

Необходимо отметить, что, несмотря на разнообразие форм и присутствие в материалах раскопок высокохудожественных экземпляров, среди крестов из Богазкоя встречаются и простые железные кресты, склепанные из двух частей, которые полностью соответствуют крестам первой группы из храма в урочище Еди-Евлер (Böhlendorf-Arslan 2012: Abb. 4: 2, 4) (рис. 5.10: 8). Значительное количество крестов, около 35 экземпляров, было обнаружено с внутренней стороны северного входа в главную двухапсидную или «двойную» церковь, где также были найдены металлические накладки от ларца с изображением евангельских сцен и элементы книжной фурнитуры. Другие сосредоточения этих крестов отмечены в алтарных частях северной и южной церквей. Семь крестов, размерами от 14 до 22 см, изготовленных из бронзы и железа в различной технике, были найдены в апсиде кладбищенской часовни, расположенной к югу от «двойной церкви». Лишь в редких случаях кресты были найдены в жилых помещениях, окружавших церковные здания (Böhlendorf-Arslan 2012: 355, 356, 357, 364, 366-367, Abb. 4, 6, 7).

Исследователи памятника не решаются прийти к окончательному мнению, были ли эти кресты сложены в местах их концентрации в какой-то момент времени, связанный с богослужебными потребностями или историческими условиями, или находились здесь постоянно в силу обрядовых требований. Так, скопление крестов в восточной части храма у алтаря, у дверей, их нахождение по периметру стен, по мнению Б. Белендорф-Арслан, могло быть связано с освящением церкви, во время которого эти предметы помещались здесь как реликвии. В ряде случаев, когда кресты можно связать с близлежащими могилами, можно говорить об их погребальных функциях (Böhlendorf-Arslan 2012: 359, 366).

Такая исследовательская позиция во многом связана с историей византийского поселения и монастыря в Богазкое. Считается, что резкое и, возможно, драматическое прекращение существования городища во второй половине – третьей четверти XI в., так или иначе связанное с сельджукским нашествием в Анатолию, привело к тому, что многие литургические и бытовые предметы были оставлены на своих обычных местах *in situ*. Это дало исследователям возможность зафиксировать одномоментный хронологический срез материальной культуры провинциального византийского поселения XI в. Таким образом, церковные комплексы Богазкоя и Еди-Евлер и связанные с ними особенности религиозной и литургической жизни местной общины не только хронологически близки, что естественным образом диктует необходимость их сравнительного изучения, но и сам характер археологизации этих объектов позволяет

надеяться, что связанные с богослужением материалы обоих памятников достаточно полно сохранили особенности восточно-христианского благочестия, свойственные средневизантийскому периоду.

Дополнительно отметим, что к интересующему нас типу железных крестов примыкают кресты, свитые из проволоки, иногда достаточно толстой, которые зачастую происходят из аналогичного археологического контекста, связанного с церковными комплексами. В Крыму они известны благодаря исследованиям храмов на г. Пахкал-Кая (Лысенко 2011: рис. 1: 28, 29) (рис. 5.11: 4, 5), на вершине г. Ай-Петри (Турова 2012: 133, 135, рис. 3) (рис. 5.11: 1, 2, 3), в трёхапсидном храме на г. Пампук-Кая, перестроенном в IX в. (Якобсон 1970: рис. 95: 6) (рис. 5.11: 8). Известны они и в Херсонесе (Якобсон 1964: 70). Двадцать целых и фрагментированных крестов из железного прута зафиксированы при раскопках христианских храмов VIII–XII вв. у перевала Гурзуфское Седло (Новиченкова 2005: 17), которые, к сожалению, остаются неопубликованными.

Подобные находки известны в Анакопии в Абхазии (Трапш 1961: 277, 278, рис. 13: 16) (рис. 5.11: 6). Кресты из проволоки XI–XIII вв., как аналогичные крымским находкам, так и более миниатюрные, возможно, использовавшиеся как подвески, известны в Болгарии (Красен, Скала, Дядово) (рис. 5.11: 9, 10, 11) и в Малой Азии (рис. 5.11: 7), в том числе и на уже известном нам городище Богазкой (Borisov, Katinčarov, Best, Fol 1989: 277, fig. 323; Йотов, Атанасов 1998: 296, таб. 97: 300-303; Григоров 2010: 175, 179, 186, 328, таб. 26: I: 611, 661, 751; Дончева-Петкова 2011: 197-198 [тип 1.4.1], 427-429, 670-671, обр. 63, таб. 144-145, №№ 656-672; Moore 1993: 129, 146, fig. 62: 60, 61; Böhlendorf-Arslan 2012: 365, Abb. 13: 19). Подобные кресты известны в погребениях и жилых комплексах поселения Зейтинли-Бахче – древней Эдессы в провинции Шанлыурфа, Турция, на восточном берегу р. Ефрат, однако автор исследования в силу общих соображений о хронологии памятника предпочитает их датировать ранневизантийским временем (Dell'Era 2012: 404, 405, fig. 12: e, g).

Широкое распространение преимущественно в средневизантийский период крестов, которые, как мы постарались показать выше, по своим конструктивным особенностям и происхождению могут быть отнесены к разряду процессионных, а по размерам и характеру оформления могут быть отнесены к персональным, имеет свое объяснение. Мы уже отмечали, что эти кресты использовались во время богослужебных литаний еще в эпоху поздней Античности (см. также: Sandin 1995: 81-86), что, вероятно, способствовало широкому распространению традиции ручных крестов. Однако это не объясняет ни сам факт «взрывообразного» распространения индивидуальных крестов в X–XI вв., ни причины их массового появления в качестве депозитов в храмах этого времени.

Стоит ли полагать, что археология лишь зафиксировала банальную ситуацию, в которой эти процес-

⁵ Подробнее об этом храме см. в главе 14 «Литургические особенности храма». В настоящее время византийский комплекс находок из раскопок в Богазкой готовится к публикации д-р Б. Белендорф-Арслан (Dr. Beate Böhlendorf-Arslan, Römisch-Germanisches Zentralmuseum), которую авторы благодарят за любезные консультации.

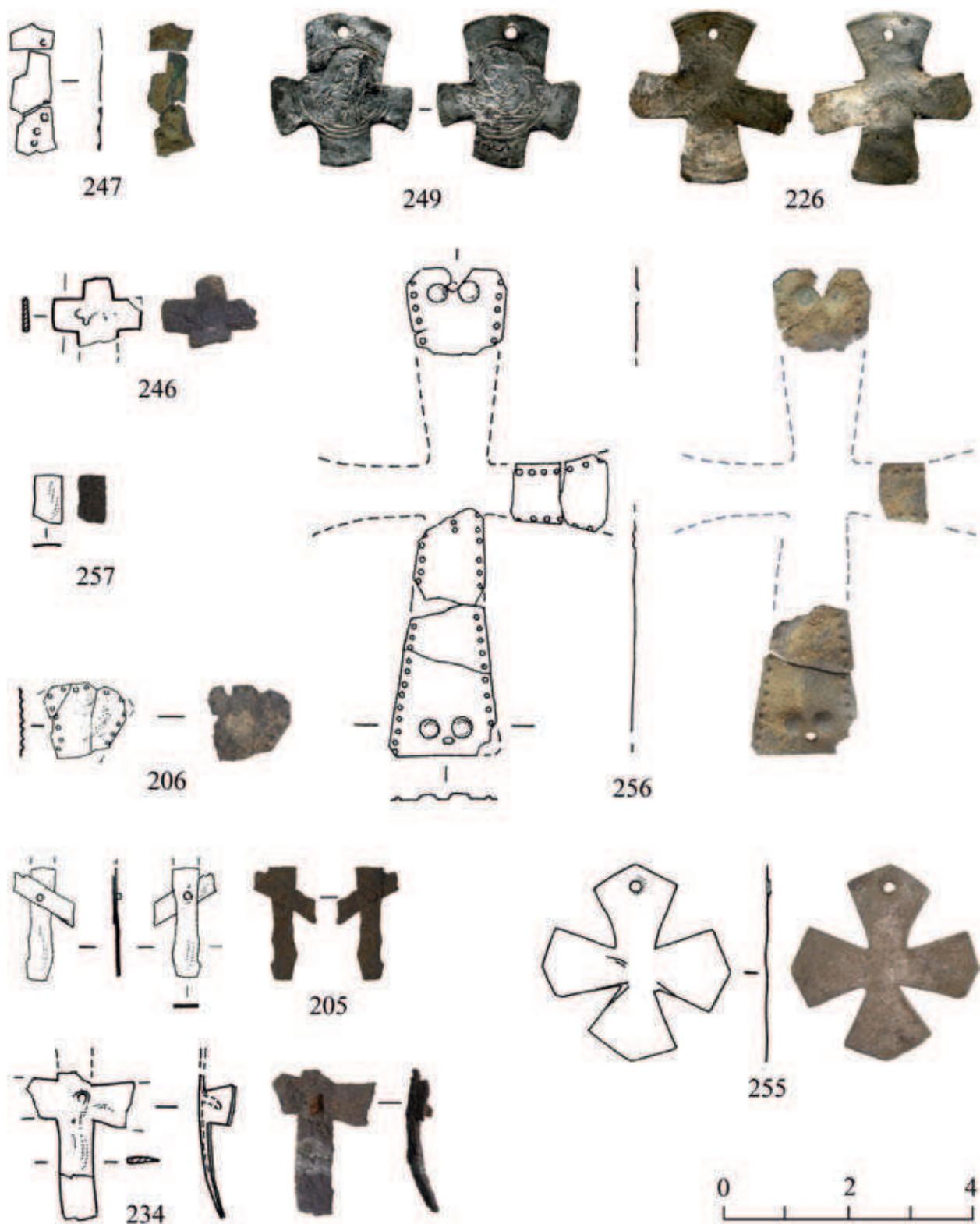

Рис. 5.6. Храм на холме Тузлук. Фрагменты металлических крестов.

205, 206 – «белый металл», слой № 2; 226 – арабский дирхем, слой № 6; 234 – «белый металл», слой № 12а;
 246 (свинец), 247 (медный сплав), 249 (имитация арабо-сасанидской полудрахмы) – слой № 13;
 255 («белый металл»), 256 (медный сплав), 257 («белый металл») – подъёмный материал.

Fig. 5.6. Church on the Tuzluk hill. Fragments of metallic ex-voto crosses.

205, 206 – non ferrous “white” metal, layer no 2; 226 – silver coin, Umayyad dirham, layer no 6; 234 – non ferrous “white” metal, layer no 12a; 246 (lead), 247 (copper alloy), 249 (silver coin, imitation of Arab-Sassanian half-drachma) – layer no 13; 255 (non ferrous “white” metal), 256 (copper alloy), 257 (non ferrous “white” metal) – stray finds.

сионные кресты индивидуального характера должны были храниться в церквах во внебогослужебное время? Это предположение кажется нам маловероятным, хотя письменные источники, описывающие инвентарь византийских монастырей XI в., определенно говорят сразу о нескольких крестах, находящихся в храме, как, например, это делает Диатакисс Михаила Атталиата (1077 г.), упоминая четыре серебряных позолоченных креста, предназначенных для праздника Входа Господня в Иерусалим (Успенский 1892: 37; Gautier 1981: 88-89; Talbot 2000: 356).

Выше, в связи с обзором находок, сделанных на Северном Кавказе, мы уже упоминали мнение о votivном характере этих предметов. Это направление исследования представляется нам перспективным, однако такая гипотеза требует развернутого обоснования. В данном случае представляется необходимым согласовать изначально процессионный характер этих крестов с их последующей трансформацией в храмовые вклады.

Обратимся к истории стационального богослужения. Литании, рудимент которых наши современники могут наблюдать в практике приходских и общегородских крестных ходов, составляли яркую особенность общинного богослужения позднеантичного и византийского полиса (об этом см.: Baldovin 1987). Особенностью таких богослужений была их «пространственная протяженность»: литургия начиналась общиной в одной церкви, а затем процессия с пением проходила по городским улицам, делая остановки – *statio* – в традиционных местах, чтобы завершиться Евхаристией в другом храме, будь то главный городской собор или же церковь, отмечающая в этот день память своего посвящения, «престольный праздник» современной терминологии. Такие литании своим происхождением обязаны литургической практике Иерусалимской церкви. Очевидно, сам тип подобных процессий возник в связи с топографией Святого Града, позволявшей паломникам по-

Рис. 5.7. Процессионные и персональные кресты VI–XI вв. из драгоценных металлов и бронзы: 1 – процессионный крест императора Юстина II (565-578), серебро, позолота, драгоценные камни (высота – 40 см), Музеи Ватикана, Рим; 2 – процессионный крест, бронза, железо, XI в. (30,7×16,0 см), собрание ГЭ (по: *Христиане на Востоке...* 1998: № 48); 3 – персональный крест, бронза, Египет, VI–VII вв. (?) (размеры – 19,3×7,8 см) (по: *Христиане на Востоке...* 1998: № 224); 4 – персональный крест, бронза, Египет, VI-VII вв. (?) (размеры – 15,2×8,0 см) (по: *Христиане на Востоке...* 1998: № 223); 5 – процессионный крест, серебро, ок. 547 г. (размеры – 58,0×31,0 см), Археологический музей, Стамбул, Турция (по: Dodd 1987: fig. 1); 6 – процессионный крест с изображением свв. Никифора и Никиты, бронза, гравировка, XI в. (размеры – 14,2×6,0 см), собрание ГЭ (по: *Христиане на Востоке...* № 47).

Fig. 5.7. Public and individual processional crosses, 6th-11th centuries.

1 – cross of the Emperor Justin II, Rome; 2 – bronze cross, without provenance, Hermitage collection, St Petersburg; 3 – bronze cross, Egypt (?), Hermitage collection, St Petersburg; 4 – bronze cross, Egypt (?), Hermitage collection, St Petersburg; 5 – silver cross, Archaeological museum, Istanbul; 6 – bronze cross, Hermitage collection, St Petersburg.

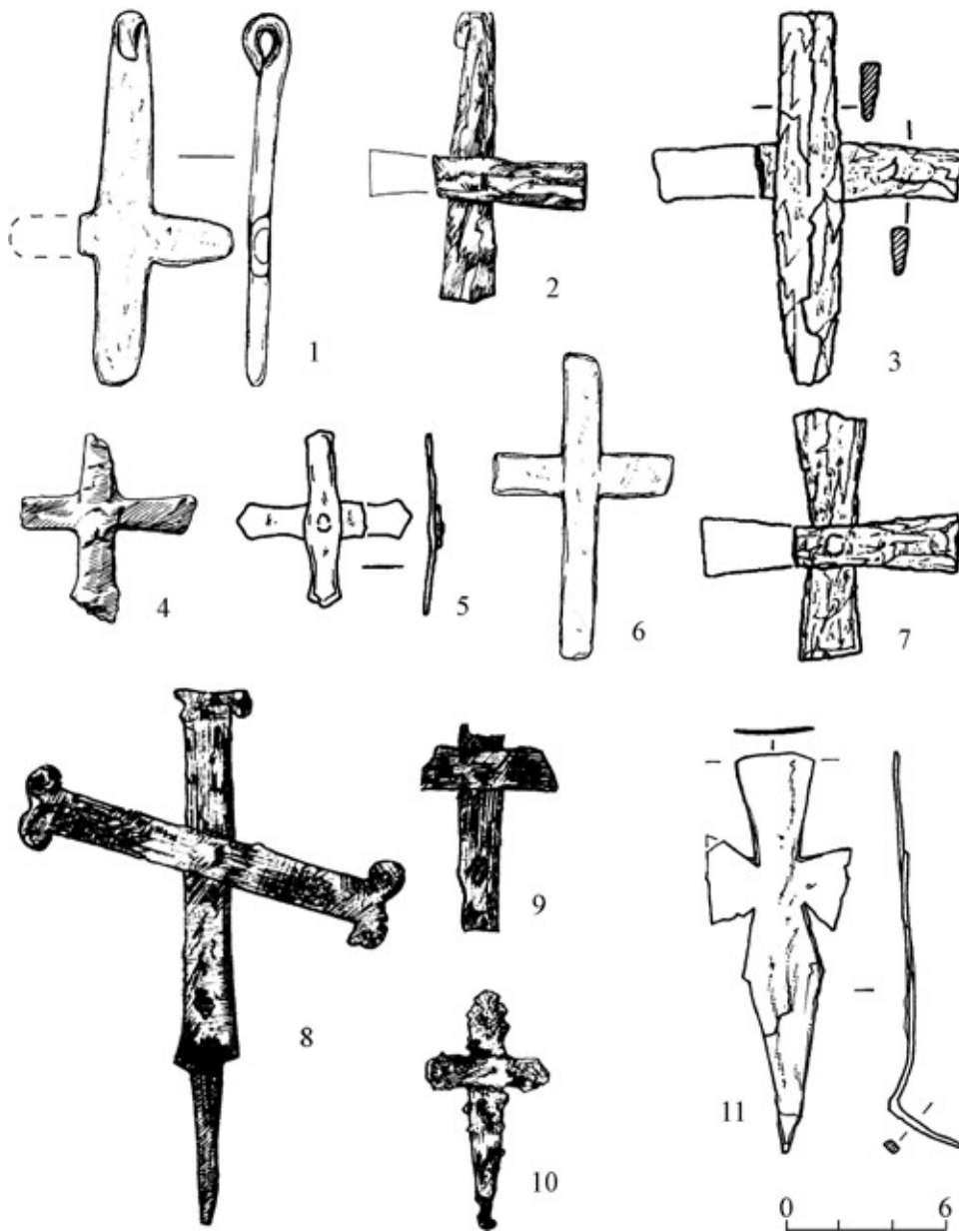

Рис. 5.8. Железные кресты, найденные на памятниках Крыма, X–XIII вв.

1 – крест из склепа № 220 городища Эски-Кермен (по: Хайрединова 2007: рис. 2: 8); 2, 3, 5, 7 – кресты с городища Тепсень (по: Майко 2004: рис. 140); 4 – крест с городища Пампук-Кая (по: Якобсон 1970: рис. 95); 6 – крест из склепа № 771 Скалистинского могильника (по: Хайрединова 2007: рис. 2: 7); 8, 9, 10 – кресты с городища Кыз-Кермен (по: Белый, Назаров 1992: рис. 17: 9-11); 11 – крест с г. Пахкал-Кая (по: Лысенко 2011: рис. 1: 15).

Fig. 5.8. Iron ex-voto crosses found in Crimea, 10th-13th centuries.

1 – Eski-Kermen; 2, 3, 5, 7 – Tepsen; 4 – Pampuk-Kaya; 6 – Skalistoe medieval cemetery; 8, 9, 10 – Kyz-Kermen; 11 – Pahkal-Kaya.

следовательно посещать места Евангельских событий. Именно такие процессии описаны около 383 г. в древнейшем свидетельстве о практике богослужения в Иерусалиме, оставленном паломницей Этерией (*Паломничество... 1889; Itinerarium Aetherie 1948; 1982; Egeria's travels 1981*).

Появление литаний в Константинополе связывается источниками со свт. Иоанном Златоустом (397-404), который, согласно информации авторов V в., вводит за

ночными богослужениями антифонное пение, сопровождавшееся «ношением серебряных крестов при свете восковых свечей» (Socr. VI, 8; Soz. VIII, 8; рус. пер. см.: Сократ Схоластик 1850; Эрмий Созомен 1850). Появление литаний и крестов в константинопольском чине по инициативе свт. Иоанна Златоуста, выходца их Антиохии, вполне определённо указывает нам источник такой литургической новации в столице Империи – сиропалестинский регион. По имеющимся источникам затруднительно проследить, насколько широко была распространена эта традиция и предполагала ли она использование индивидуальных ручных крестов, хотя появление изображений святых мучеников с крестами в руках уже в VI в. должно свидетельствовать, на наш взгляд, в пользу гипотезы об их раннем распространении. Мученики с крестами в руках на иконах и храмовых росписях должны были мыслиться участниками торжественной процессии, шествующей в Царство Небесное, образом которой и были городские литании. Особенности этого богослужения, вне всякого сомнения, должны были повлиять на иконографию мучеников.

Показательно, однако, что к X в. количество крестов, единовременно употребляемых во время процессий, существенно увеличилось, о чем свидетельствуют как археологические, так и письменные источники. Патриарший типикон в Константинополе фиксирует для X в. раздачу сакелием – чиновником собора Святой Софии, ведавшим делами городских храмов – больших и малых серебряных крестов различным придворным чинам для совершения литаний (Дмитриевский 1901: 121; ср.: Скабалланович 1910: 329). Подобную практику

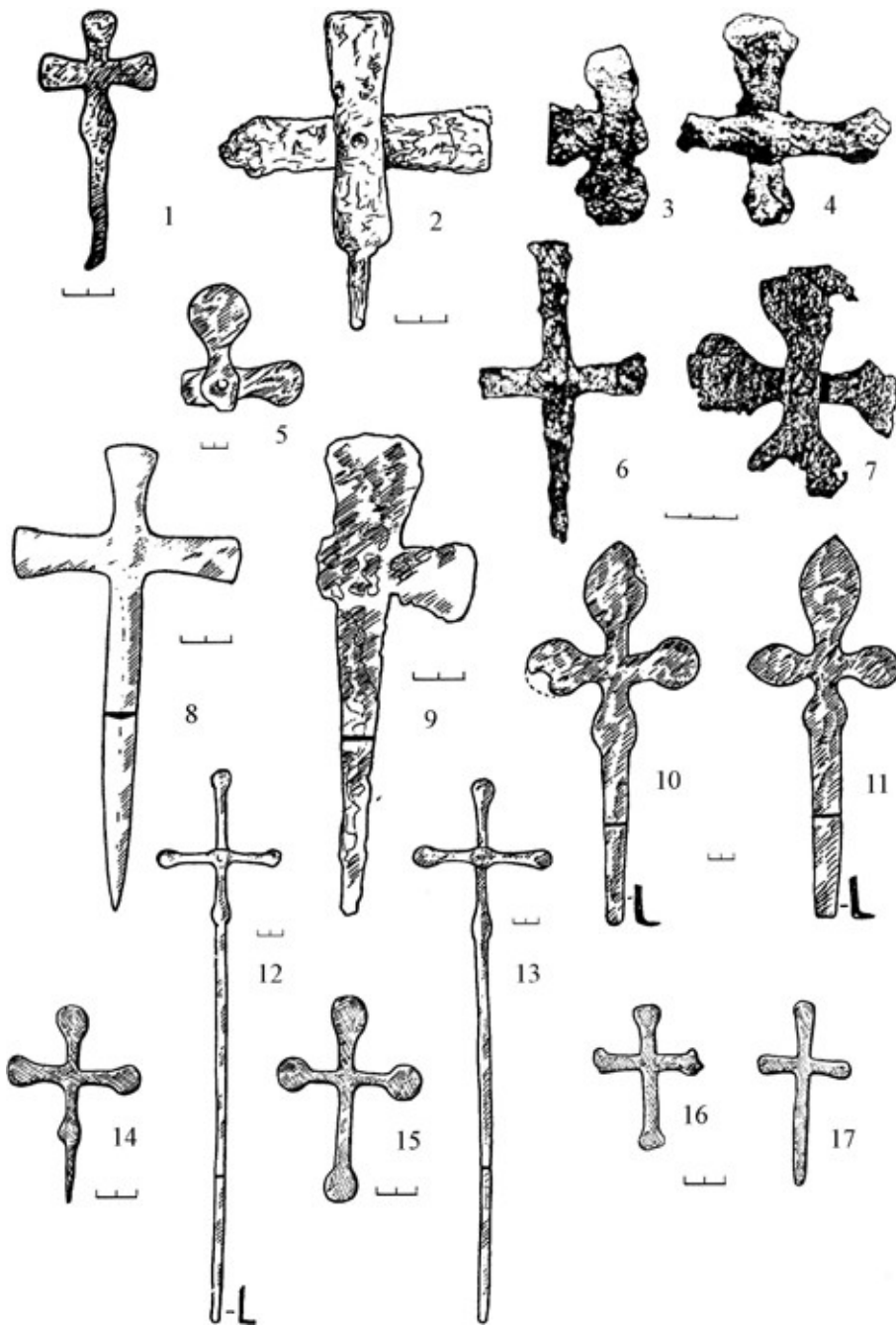

Рис. 5.9. Железные кресты, найденные на памятниках Северного Кавказа и Закавказья, X–XIII вв.

1 – крест с городища Нижний Джулат, Кабардино-Балкария (по: Кузнецов 2002: рис. 22: 7); 2 – крест из базилики Цандрипша, Абхазия (по: Хрушкова 2002: рис. 61); 3, 4, 6, 7 – кресты из церкви № 1, городище Верхний Джулат, Северная Осетия (по: Кузнецов 2002: рис. 38); 5 – крест из часовни на «Первом окне», городище Ильич, Краснодарский край (по: Ложкин, Малахов 1996: рис. 1: 2); 8 – крест из станицы Передовой близ городища Ильич, Краснодарский край (по: Ложкин, Малахов 1996: рис. 2: 1); 9 – крест из церкви № 1, городище Ильич, Краснодарский край (по: Ложкин, Малахов 1996: рис. 2: 3); 10, 11 – кресты с территории хутора на р. Кува близ городища Ильич, Краснодарский край (по: Ложкин, Малахов 1996: рис. 1: 1, 3); 12 – крест из часовни на скале «Барабан», городище Ильич, Краснодарский край (по: Ложкин, Малахов 1996: рис. 3: 2); 13 – крест из урочища «Длинный шпиль» близ городища Ильич, Краснодарский край (по: Ложкин, Малахов 1996: рис. 3: 1); 14, 15, 16, 17 – кресты из святилища Эрзели, Ингушетия (по: Крупнов 1971: рис. 44).

Fig. 5.9. Iron ex-voto crosses found in Northern Caucasuses and Transcaucasia, 10th-13th centuries.

1 – Nizniy Dzhulat, Kabardino-Balkaria, Russia; 2 – Tsandripsh, Abkhazia; 3, 4, 6, 7 – Verkhniy Dzhulat, church no 1, Northern Ossetia – Alania, Russia; 5 – Ilich gorodishche, chapel, Krasnodar krai, Russia; 8 – Ilich gorodishche vicinity, Krasnodar krai, Russia; 9 – Ilich gorodishche, church no 1, Krasnodar krai, Russia; 10, 11 – Ilich gorodishche vicinity, Krasnodar krai, Russia; 12 – Ilich gorodishche, chapel, Krasnodar krai, Russia; 13 – Ilich gorodishche vicinity, Krasnodar krai, Russia; 14, 15, 16, 17 – Erseli pagan sanctuary, Ingushetia, Russia.

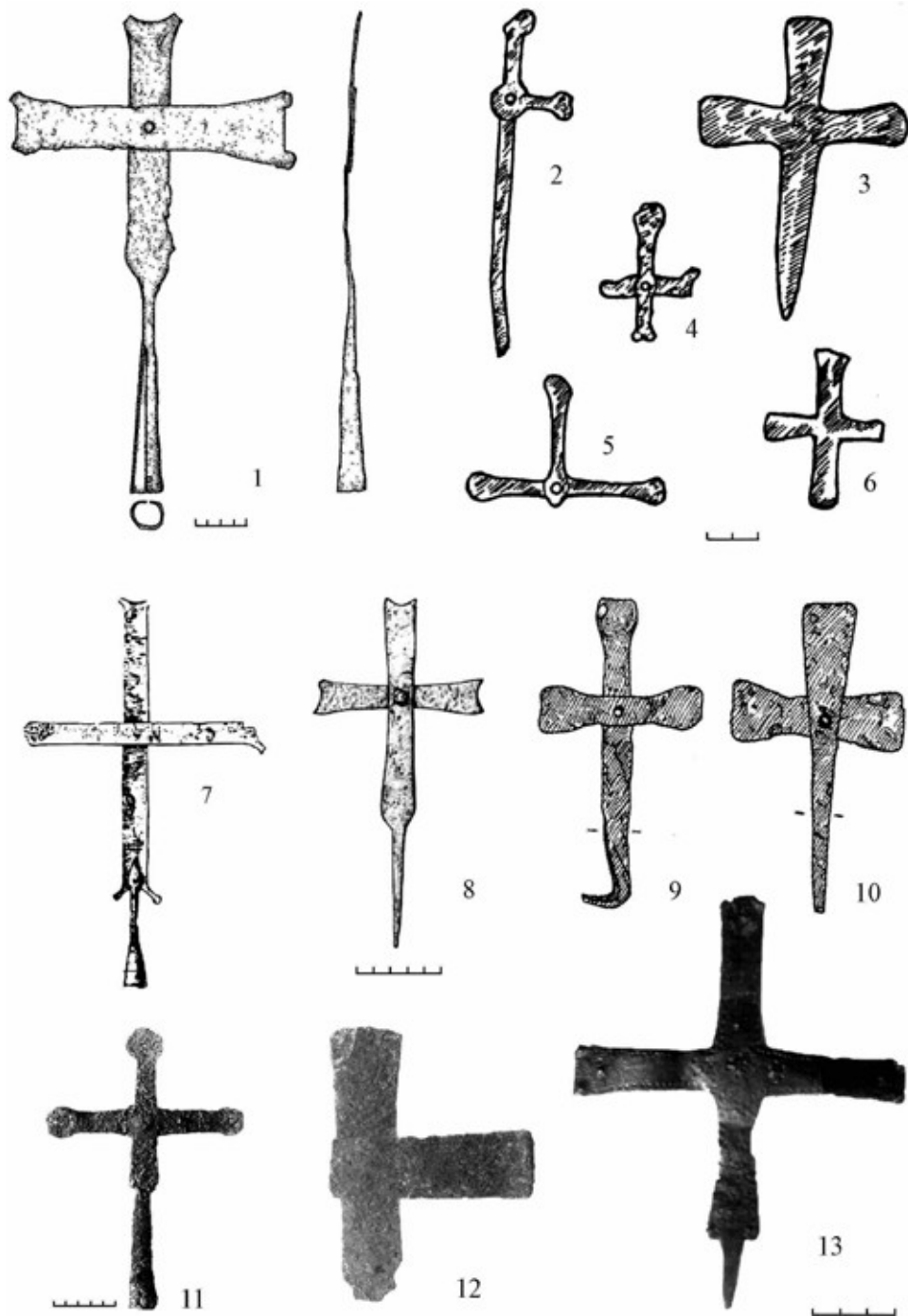

Рис. 5.10. Железные и металлические кресты, найденные на памятниках Северного Кавказа, Балкан, Подунавья и Малой Азии, X–XIII вв.

1 – крест из крепости Стрежево Кале, бывшая югославская республика Македония, железо (по: Mikulčić 2002: 281, fig. 176:1); 2, 3, 4, 5, 6 – кресты из собрания Краснодарского Государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына, железо (по: Ложкин, Малахов 1996: рис. 4); 7 – крест из крепости Средище, Болгария, железо (по: Йотов 2004: таб. 44: 456); 8 – крест из раскопок двухапсидного храма X–XI в. на городище Богазкой (Хаттуса), Турция, железо (по: Böhlen-dorf-Arslan 2012: Abb. 4:2); 9, 10 – кресты из раскопок церкви в Нейштадт-на-Дунае, Германия, железо (по: Nuber 2010: Abb. 4); 11 – крест из раскопок в Коринфе, Греция, железо (по: Davidson 1952: pl. 90: 1505); 12 – крест из раскопок храма в Пергаме, железо (по: Radt 1990a: Abb. 7); 13 – крест из крепости Красен, Болгария, железо (по: Григоров 2010: таб. 26: I: 634).

Fig. 5.10. Iron and metallic ex-voto and processional crosses found in Northern Caucasus, Balkans, Danube region and Asia Minor, 10th -13th centuries.

1 – Strezevo Kale, Former Yugoslav Republic of Macedonia; 2, 3, 4, 5, 6 – Northern Caucasus, stray finds, Krasnodar State historical and archaeological museum, Krasnodar, Russia; 7 – Sredishche, Bulgaria; 8 – Boğazköy, Turkey; 9, 10 – Neustadt an der Donau, Germany; 11 – Corinth, Greece; 12 – Pergam, Turkey; 13 – Krasen, Bulgaria.

отмечает и император Константин VII Багрянородный в середине того же столетия в «Ритуальнике» византийского двора (Constantine Porphyrogenitus 1829: 114, 161-162, 172-174). Возможно, эта традиция просуществовала вплоть до падения Константинополя в 1204 г. и впоследствии, в связи с распространением «Иерусалимского устава» палестинской Лавры прп. Саввы Освященного и осуществлением «неосавваитского синтеза» православного богослужения, была утрачена. Однако, как мы видим, несмотря на отсутствие прямых указаний на прогресс стациональной литургии в средневизантийский период, данные анализа различных источников до некоторой степени согласуются между собой: и археологические, и письменные памятники свидетельствуют о существовании многочисленных персональных крестов, используемых в литаниях X–XI вв. Очевидно, в интересующее нас время эта богослужебная традиция переживает не только свой расцвет, но и существенную трансформацию, которая и позволила современным археологам увидеть процессионные кресты в новом для них археологическом контексте.

Итак, морфологическая близость и хронологическая «компактность» охарактеризованных выше крестов из железа и бронзы, а также факт их преимущественного происхождения из руинированных церковных построек позволяет выдвинуть гипотезу о том, что индивидуальные процессионные кресты византийского обряда, начиная с какого-то момента, стали обращаться в votive приношения. Отметим, что железные кресты, в отличие от бронзовых, характеризуют обрядовую жизнь преимущественно византийской провинции и новых христианизируемых территорий, тогда как на

основном пространстве Империи все же преобладают бронзовые экземпляры.

Предположительно, железные кресты отражают меньшую притязательность местных художественных вкусов, отсутствие в этих регионах навыков изготовления подобных предметов и дефицит цветного металла. Отметим дополнительно, что в условиях сельской местности, изолированных поселений и немногочисленных храмов, разделенных многими километрами, стацио-

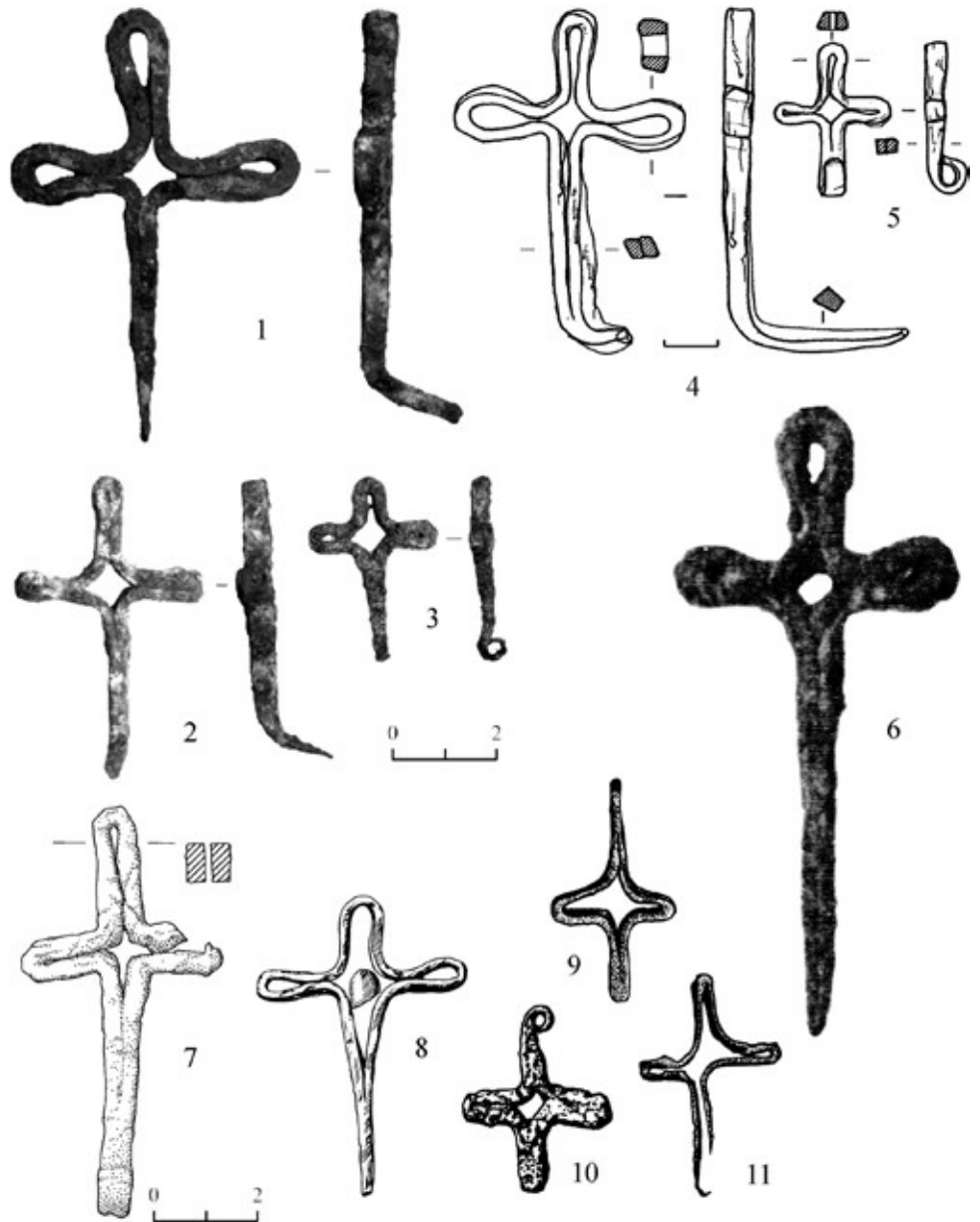

Рис. 5.11. Металлические кресты из проволоки, X–XIII в.

1, 2, 3 – кресты с г. Ай-Петри, Крым (по: Турова 2012: рис. 3); 4, 5 – кресты с г. Пахкал-Кая, Крым (по: Лысенко 2011: рис. 1: 28, 29); 6 – крест из Анакопии, Абхазия (по: Трапш 1961: рис. 13: 16); 7 – крест из Тилле-Хойук, Турция (по: Moore 1993: fig. 62: 60); 8 – кресты с городища Пампук-Кая (по: Якобсон 1970: рис. 95: 6); 9, 10, 11 – кресты из крепости Скала, Болгария (по: Йотов, Атанасов 1998: таб. 97: 300-303).

Fig. 5.11. Metallic ex-voto and personal crosses of wire, 10th-13th centuries.
1, 2, 3 – Ai-Petri, Crimea; 4, 5 – Pahkal-Kaya, Crimea; 6 – Anakopia, Abkhazia; 7 – Tille-Huyuk, Turkey; 8 – Pampuk-Kaya, Crimea; 9, 10, 11 – Skala, Bulgaria.

нальная литургия не могла быть жизнеспособной. В такой ситуации обычно начинало доминировать монастырское богослужение, сохранившее процессии с крестом в их редуцированной форме (о подобной ситуации в Древней Руси см.: Мусин 2000). Таким образом, представляется, что провинциальная среда активно способствовала наделению индивидуальных процессионных крестов новыми культурными функциями и их внедрению в интерьер храма.

Однако в то же самое время подобный процесс происходил и на основной территории Империи, где персональные процессионные кресты тоже становились одним из видов храмовых приношений, превращаясь в элемент церковного интерьера. Очевидно, что для массового превращения крестов, некогда функционально связанных со стациональным богослужением, в votive приношения нужна была дополнительная мотивация, которая не ограничивалась бы географическими рамками и местными культурными особенностями. К поиску подобной мотивации будет правильной обратиться после знакомства с крестами второй группы из Семидворья и их типологическими параллелями.

Ближайшей аналогией этим крестам являются золотые и серебряные экземпляры, найденные на руинах храма X–XIII вв. на г. Пахкал-Кая, вероятно, современные рассматриваемым крестам (Лысенко 2011: рис. 1: 16, 17) (рис. 5.12: 1, 2). Крест из серебряной пластины, хотя, возможно, и более позднего времени был найден при раскопках храма XIV–XVIII вв. на юго-восточном склоне г. Ай-Тодор (Тесленко, Лысенко 2004б: 266, 288, рис. 11: I: 5) (рис. 5.12: 3). Известен серебряный крест с пуансонным орнаментом, найденный в погребении некрополя Кучар-при-Подземел в Южной Словении, однако его ранняя дата, предложенная в литературе (VI–VII вв.), представляется дискуссионной (Knific, Sagadin 1991: 114–115, fig. 6; Dular, Ciglencečki, Dular 1995: 71–78; Ciglencečki 2008: 445, fig. 10: 4) (рис. 5.12: 4). Здесь же отметим, что аналогии крестам четвертой группы, изготовленным из двух узких пластин с отверстиями на концах, но украшенным пуансонным орнаментом, известны в Капалантоти в Венгрии в аварскую эпоху и могут быть отнесены к периоду 700–800 гг. (Vida 1998: 536, Abb. 1: 10–12) (рис. 5.12: 5). Подобной формы и технологии изготовления серебряный крест из двух пластин, датируемый в публикации VI–VII вв., найден при археологических раскопках в Клепсау-ам-дер-Ягст (округ Хоэнлоэ, земля Баден-Вюртемберг, Германия) (Müller 1986: 37, Abb. 68, ср.: Staecker 1999: 90, Abb. 16) (рис. 5.12: 6).

Кресты второй группы целесообразно рассмотреть совместно с крестами, вырезанными из серебряных монет и отнесенными нами к третьей группе. Их анализ представляет особый интерес, поскольку определённые аналогии таким крестам происходят с территории Древней Руси и Скандинавии, а их происхождение остается дискуссионным. Речь идет о «крестах из листового серебра», использовавшихся как подвески преимуще-

ственно в погребениях X–XI вв. (Недошивина 1983: 223–225, рис. 1; Мусин 2002а: 127–145, рис. 18; 2010: 214–217, рис. 42, 43). Таким образом, их бытование частично охватывает время жизни семидворского храма.

Подобные кресты с округлыми расширяющимися или подтреугольными лопастями, иногда идеально вписывающиеся в круг, зачастую орнаментированы пуансоном, миниатюрными треугольниками, именуемыми «волчьим зубом», штриховкой, или же лишены какого-либо декора. Среди них встречаются как литые экземпляры, так и вырезанные из листового металла с последующей проковкой. В ряде случаев такие кресты изготовлены из арабских дирхемов и европейских динариев. Несмотря на различия отдельных экземпляров и возможность выделения нескольких подтипов, исследователи традиционно рассматривают эти кресты в их совокупности. Подобный подход позволяет нам наметить некоторые типологические параллели между находками из Семидворья и восточно- и североевропейскими «крестами из листового серебра». Эти параллели относятся к области хронологии бытования, к материалу и технике изготовления этих предметов, способу их орнаментации, а зачастую и к морфологическим признакам, связанным с пропорциями и конкретной формой.

Стоит подробнее познакомиться с находками подобных крестов, известными на территории Древней Руси и Скандинавии⁶. Впервые такие кресты стали известны в погребениях Киевского некрополя X в. Так, во время дореволюционных раскопок на усадьбе Марра в Киеве было открыто камерное погребение № 125 по нумерации М.К. Каргера середины-третьей четверти X в. (Некрополь-I), впоследствии ошибочно разделенное на два погребальных комплекса №№ 117 и 125⁷ (рис. 5.12: 7). Здесь было найдено два «кованных» серебряных крестика с пуансонным орнаментом (30×30 мм; Каргер 1958: 190–191, 210–211, табл. XXIX). Из датирующих находок стоит отметить меч типа «Е», скорлупообразные фибулы JP52D и подвеску-дирхем 759/760 г. Инвентарь женского погребения этой камеры известен по снимку 1899 г. с витрины XI-го Археологического съезда в Киеве.

В погребении № 124 на Кирилловской улице в Киеве середины X в. (Некрополь – II), тип которого неизвестен, вместе с овальными фибулами JP51C³ и двумя милиарисиями Романа I, Стефана и Константина Лекапинов и Константина VII Порфирогенета периода 928–944 гг., превращенными в подвески, был найден бронзовый «кованный» крест, близкий по форме к подвескам из погребения № 125, однако украшенный не пуансоном, а зубчатым колесом. Орнамент на этом кресте образует

⁶ В.Н. Зоценко, ограничивший свои наблюдения X в., учитывал 19 находок из 6 пунктов на территории Древней Руси (Зоценко 2010: 468–469). Для периода X–XI вв. к интересующему нас типу крестов можно отнести не менее 32 экземпляров, найденных на 12 памятниках.

⁷ На это в свое время указал В.Н. Зоценко, отметив, что подобное разделение привело к «удвоению» подвесок (Зоценко 2010: 465; ср.: Недошивина 1983: 222; Мусин 2002а: 130).

в средокрестии ромб (28×28 мм; Каргер 1958: 208-210, рис. 45, табл. XXVIII) (рис. 5.12: 8).

25 июня 1906 г. на усадьбе Десятинной церкви в погребении № 14, где была обнаружена ингумация с западной ориентировкой, совершенная в могильной яме в сосновом гробу, которая может быть отнесена к началу X в., было найдено «три маленьких серебряных крестика» вместе с ожерельем из стеклянных и сердоликовых гранёных бус и саманидского дирхема Исмаила I (892-907) (Каргер 1958: 142-143, табл. V:2). Несохранившиеся кресты можно отнести к тому же типу.

В кургане № 78/56 900-950 гг. могильника Шестовицы близ Чернигова, содержавшем камерное погребение сидящей женщины, был найден литой серебряный четырехконечный крест размерами 40×35 мм с узкими лопастями, в округлых завершениях которых читались следы циркульного орнамента. Этот крест несколько отличается от интересующих нас экземпляров, но в целом его можно отнести к той же типохронологической группе (Блифельд 1977: 160-163, 210, 211, табл. XXI, XXII; Андросчук 1995: 115-122) (рис. 5.12: 9).

Несколько находок известно в Гнездово. В Заольшанской группе в курганах № 5 и 27 вырезанные из серебряной пластины и прокованные крестики имели подтреугольные завершения лопастей (размеры 35×35 мм и 28×30 мм соответственно), однако в последнем случае экземпляр был украшен пуансоном. Крест из кургана № 38 (35×37 мм) является простым серебряным четырехконечным крестом без орнамента с квадратными лопастями. Все погребения датируются серединой – второй половиной X в. (Каменецкая 1991: 164, 167, 168, рис. 12: 1, 2, 3) (рис. 5.12: 10, 11).

В Центральной группе того же могильника в камерном погребении 970-х гг. в кургане № 198 серебряный крест (40×33 мм), входивший в состав ожерелья, несколько отличается от остальных утонченными пропорциями ветвей и орнаментацией (*Путь из варяг в греки...* 1996: 53, №№ 277-284; Staecker 1999: 90, Abb. 19) (рис. 5.12: 12). В Центральной группе в составе инвентаря камерного погребения № 301, относимого к тем же 970-х гг., найден серебряный крестик с расширяющимися концами, вписанный в круг и украшенный пуансонным орнаментом (размеры 30×30 мм) (Авдусин, Пушкина 1989: 193-196, 203, 204, рис. 4: 2; *Меч и златник...* 2012: 128, № 348) (рис. 5.12: 13). В кургане № 4 Днепровской группы Гнездово с камерным погребением, имеющим дендродату 975 г., был найден литой крест с прямоугольными ветвями (30×30 мм), украшенный в средокрестии парными треугольниками (Авдусин, Пушкина 1989: 196-200, 233, рис. 4: 7).

Возможно, к этому же типу крестов принадлежат несохранившиеся находки из курганов Владимирско-Суздальского ополья, раскопанных А.С. Уваровым и П.С. Савельевым в 1850-х гг. Серебряные крестики были найдены у д. Васильки и в кургане № 4 у д. Вель, причём в последнем случае находку сопровождала овальная скандинавская фибула (Уваров 1871: 827, 830).

Не исключено, хотя и не все исследователи согласны с такой интерпретацией, что два украшенных «креста оловянных», размерами приблизительно 17×20 мм, из безынварного грунтового погребения № 26 (XI в.) в могильнике у подножия сопки у д. Федово (Вышневолоцкий р-н, Тверская область, Россия), относятся к той же группе (Ширинский-Шихматов 1906: 53-62). Также, в урочище Озера (Лодейнопольский р-н Ленинградской области) в начале XIX в. был найден денежно-вещевой клад, сокрытый после 1085 г. и состоявший из арабских монет, серебряного пластинчатого браслета, а также «четырёхконечного серебряного креста с треугольными оконечностями», украшенного пуансонным орнаментом в виде «рядов пирамидок, точками и кружочками». В ушке для подвешивания сохранилось кольцо из «витой серебряной проволоки» (Корзухина 1954: 17, 102-103, № 61). По особенностям формы и орнаментации этот крест также можно отнести к крестам рассматриваемого типа.

Отдельного упоминания заслуживают кресты, вырезанные из арабских и европейских монет. Два таких креста известны в погребениях некрополя Тимерево под Ярославлем в курганах №№ 417 и 459/1977 (рис. 5.12: 14). Крестообразные подвески были вырезаны из серебряных арабских дирхемов Хусам ад-даула ал-Мукаллада (мосульская ветвь Укайлидов), 997 или 999 гг., и Мансура I (Саманиды), 969/70 г., соответственно. Их асимметричная форма производит впечатление поспешности изготовления. Отметим, что ветви креста из кургана № 417 – прямые, как и у подобных экземпляров из храма у с. Семидворье. Курганы обнаружены на краю кладбища и могут датироваться X – началом XI в. Мужское погребение № 417 совершено на горизонте, при нем найдены топор и нож. Погребение № 459 совершено в яме, в состав инвентаря входили серебряная витая гривна с бусинами «глухого» стекла, серебряный дровотный завязанный браслет, серебряный широкосердинный завязанный перстень с орнаментом «волчий зуб», нож, пружинные ножницы, ложка из медного сплава, иногда несправедливо упоминаемая как серебряная, деревянная чаша с серебряной бляшкой, обломок бронзовой чаши, деревянное ведро с железными обручами и дужкой (Смирнов 1963: 37, рис. 21: 12; Недошивина 1983: рис. 1: 6; Недошивина, Зозуля 2012: 190, рис. 11; *Меч и златник...* 2012: 130-131, № 351).

Серебряные, к сожалению, неопределимые динарии, послужили материалом для изготовления крестов, найденных в Вашкинском районе Вологодской области (Россия). Памятник Никольское-III, известный также как Кемский некрополь, расположен у д. Болтинская при слиянии рр. Кемы и Выдробы. Очевидно, он принадлежал древнерусской общине, выполнявшей функции контроля над торговыми путями в регионе. Кресты были обнаружены в кургане № 9 (погребение № 1, вторая половина XI в.) и в грунтовой могиле № 7 (XI в.) (Макаров 1990: 151, 160, ср.: Макаров 1997: 137, 145, 163; Макаров, Захаров, Бужилова 2001: 351).

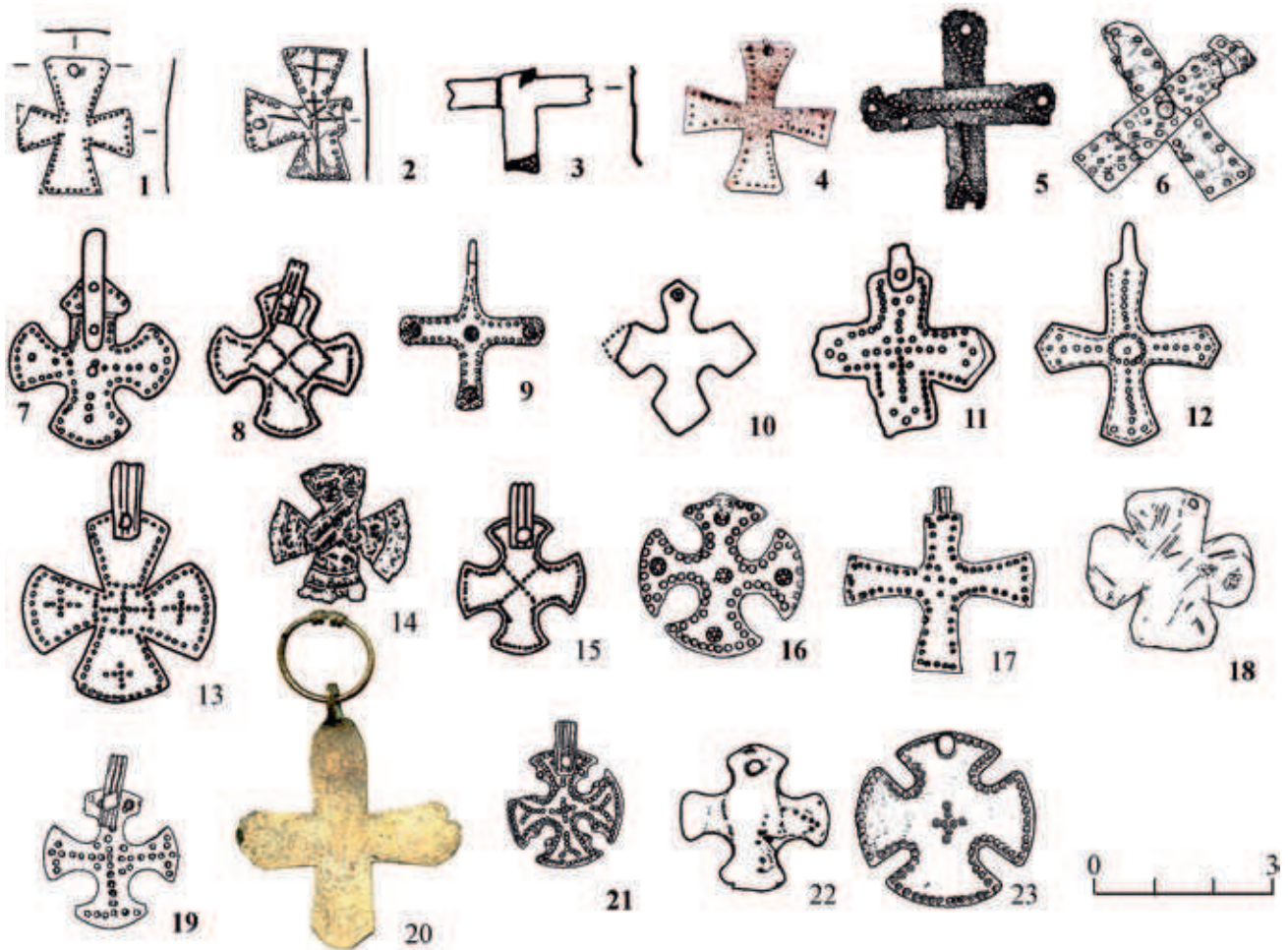

Рис. 5.12. Средневековые кресты из листового металла Центральной, Восточной и Северной Европы.

1, 2 – кресты с г. Пахкал-Кая, серебро, золото, X–XIII вв. (по: Лысенко 2011: рис. 1: 16, 17); 3 – крест из раскопок храма в с. Малый Маяк (Биук-Ламбат), серебро, XIV–XVIII вв. (по: Тесленко, Лысенко 2004: рис. 11: 1: 5); 4 – крест из погребения в Кучар-при-Подземел, Словения, серебро, VII в. (?) (по: Ciglenečki 2008: fig. 10: 4); 5 – крест из Капталантоти, Венгрия, серебро, VIII–IX вв. (по: Vida 1998: Abb. 1: 11); 6 – крест из Клепсау ан дер Ягст, Германия, серебро, VI–VII вв. (по: Staecker 1999: Abb. 16); 7 – крест из погребения № 125 некрополя-I, Киев, Украина, серебро, середина X в. (по: Каргер 1958: табл. XXIX); 8 – крест из погребения № 124 некрополя-II, Киев, Украина, серебро, середина X в. (по: Каргер 1958: табл. XXVIII); 9 – крест из погребения № 78/56 могильника Шестовицы, Черниговская область, Украина, серебро, первая половина – середина X в. (по: Блифельд 1977: табл. XXI); 10 – крест из кургана № 5 Заольшанской группы Гнездова, Смоленская область, Россия, серебро, середина – вторая половина X в. (по: Каменецкая 1991: рис. 12: 1); 11 – крест из кургана № 27 Заольшанской группы Гнездова, Смоленская область, Россия, серебро, середина – вторая половина X в. (по: Staecker 1999: Abb. 18); 12 – крест из камерного погребения кургана № 198 Центральной группы Гнездова, Смоленская область, Россия, серебро, 970-е гг. (по: Staecker 1999: Abb. 19); 13 – крест из камерного погребения кургана № 301 Центральной группы Гнездова, Смоленская область, Россия, серебро, 970-е гг. (по: Staecker 1999: Abb. 29); 14 – крест, вырезанный из арабского дирхема, из кургана № 459 Тимеревского могильника, Ярославская область, Россия, серебро, после 970 г. (по: Недошивина 1983: рис. 1: 6); 15 – крест из культурного слоя Искоростеня, Житомирская область, Украина, серебро, первая половина X в. (по: Зоценко, Звіздецький 2006: рис. 6); 16 – крест из клада в Скіппинге Грунд, Борнхольм, Швеция, серебро, конец X–XI вв. (по: Staecker 1999: 436-437, № 42); 17 – крест из погребения № 703 могильника Бирка, Швеция, серебро, середина X в. (по: Staecker 1999: 494-495, № 95); 18 – крест из Сигтуны, Швеция, бронза, XI в. (по: Staecker 1999: 505, № 103); 19 – крест из погребения № 480 могильника Бирка, Швеция, серебро, середина X в. (по: Staecker 1999: 487-488, № 91); 20 – крест из погребения № 5 каменной насыпи могильника Удрай-II, Батецкий район, Новгородский музей-заповедник, СБ 872, КП 34112 / А 101 – 168; фото С.Е. Торопова); 21 – крест из погребения № 835 могильника Бирка, Швеция, серебро, первая половина – середина X в. (по: Staecker 1999: 498-499, № 97); 22 – крест из клада в Остйодра, Швеция, серебро, после 991 г. (по: Staecker 1999: 514, № 113a); 23 – крест из клада в Кастлоза, Оланд, серебро, после 953/954 г. (по: Staecker 1999: 449, № 57).

Fig. 5.12. Medieval crosses of thin sheet-metal found in Central, Eastern and Northern Europe, 7th-14th centuries.

1, 2 – Pahkal-Kaya, Crimea; 3 – Maliy Mayak (Biuk-Lambat), Crimea; 4 – Kučar pri Podzemlju, Slovenia; 5 – Káptalantóti, Hungary; 6 – Klepsau an der Jagst, Baden-Württemberg, Germany; 7 – Kiev, Ukraine; 8 – Kiev, Ukraine; 9 – Chestovitsa, Chernigov vicinity, Ukraine; 10 – Gnezdovo, Smolensk vicinity, Russia; 11 – Gnezdovo, Smolensk vicinity, Russia; 12 – Gnezdovo, Smolensk vicinity, Russia; 13 – Gnezdovo, Smolensk vicinity, Russia; 14 – Timerevo, Yaroslavl, Russia; 15 – Iskorosten, Zhitomir oblast, Ukraine; 16 – Skjeppinge Grund, Bornholm, Denmark; 17 – Birka medieval cemetery, Sweden; 18 – Sigtuna, Sweden; 19 – Birka medieval cemetery, Sweden; 20 – Udray, Novgorod oblast, Russia; 21 – Birka medieval cemetery, Sweden; 22 – Östjädra, Västmanland, Sweden; 23 – Kastlösa, Öland, Sweden.

К XI в. относятся и кресты, найденные в погребениях №№ 1 и 5 в т.н. «каменной насыпи» могильника Удрай-П (Батецкий р-н, Новгородская область, Россия) (о памятнике см.: Платонова-Залевская 1981: лл.; Платонова 1983: лл.; 1998). Крест из погребения № 1 представляет собой серебряную крестовидную накладку с расширяющимися концами размером приблизительно 30×30 мм. Накладка полагалась на дно или крышку несохранившейся деревянной чаши с бронзовыми оковками. Могильная яма имела обкладку из валунов наподобие ящика. Ориентировка погребённой в могиле – северо-западная. Из инвентаря важно отметить овалнощитковые височные кольца, характерные для новгородского северо-запада, два милиарисия – подвески Василия II и Константина VII (977-1025), два дирхема – первый 894-902 гг. и второй 977-1011 гг., полые серебряные бусы с гроздевидными окончаниями, полые гладкие бусы и подковообразную спиральноконечную пряжку.

Погребение № 5 являлось центральным в каменной насыпи и было совершено в деревянной камере. Среди инвентаря найден сломанный меч с клеймом рейнских мастеров, топор, поясной набор с сердцевидными накладками и деревянная чаша с бронзовыми оковками. Сам крест – массивный, неправильной формы с прокованными концами и с ушком для подвешивания. Его лопасти слегка расширяются, концы закруглены, а размеры составляют 45×50 мм (рис. 5.12: 20).

Среди новых находок необходимо отметить камерное погребение № 49 в Киеве, в Некрополе – I, обнаруженное во время раскопок 1999 г. на территории Михайловского Златоверхого монастыря. Оно датируется третьей четвертью X в. Здесь, помимо креста «скандинавского типа» (этот термин, введённый А.А. Спицыным [см.: Спицын 1905: 117; Фехнер 1968], создает неверные представления о происхождении этой группы крестов, византийские истоки которых сегодня представляются несомненными, см.: Веймарн, Айбабин 1993: 44-45, рис. 26: 23; Parémi 2009: 85, 140, tab. 13: 2), была обнаружена крестовидная накладка на клапан кожаной сумки в виде тонкой крестовидной пластины с тисненой окантовкой и напаянными узкими полосами с псевдозерну, которые образовывали ромб в средокрестии. Накладка на сумку крепилась с помощью серебряных заклёпок (Ивакин, Козюба 2003; Ivakin 2007: 189, таб. 6: 20).

Для хронологии этого типа крестов весьма важна находка серебряной крестовидной подвески с паунсонным орнаментом по краю и косым крестом в средокрестии, выполненным в той же технике. Она обнаружена на посаде летописного города Искоростень в слое пожара первой половины X в. (Жоростеньский р-н, Житомирская область, Украина; ЖЭ – 2005, Кор.- пос., № 65) (Зоценко, Звіздецький 2006: рис. 6; Petrauskas 2009: 653-658, fig. 4: d; Зоценко 2010: 462, 463, 468, рис. 3: 1), что позволяет отнести появление этого типа крестов на Руси не позже этого времени (рис. 5.12: 15). Ушко для подвешивания изготовлено из узкой полоски серебра с продольными каннелюрами, что делает его весьма похо-

жим на ряд других крестов, найденных в Древней Руси (Киев, погребения №№ 124 и 125) и Скандинавии.

Упомянем и исследованное во Пскове в 2003 г. на Старовознесенском–I раскопе камерное погребение I второй половины X в., возможно 970-980-х гг., где в составе инвентаря был найден фрагмент серебряного креста с паунсонным орнаментом (размеры сохранившегося фрагмента креста 2,8×2,8, с ушком 3,7 см), о котором сообщается, что он изготовлен «из серебра афганской монеты» (Яковлева 2006: 66-78, рис. 3: д; Лабутина, Малышева, Закурина, Яковлева, Михайлов 2009: 394-404, рис. 8; Vorontsova, Yakovleva 2010: 63-65, cat. no 10L; Мусин 2010a: 214-215, рис. 42). Всего в захоронении было зафиксировано более 60 предметов, в том числе скорлупообразные фибулы (тип JP52E) и маленькая спиралеконечная фибула, характерная для могильника Бирки, а также фрагменты уникальных восточных тканей. Из погребения происходят монеты-подвески императоров Романа I (920-945) и Константина VII и Романа II (945-959).

Возможно, к этому типу крестов примыкает и бронзовый предмет крестовидной формы из детского погребения № 110 с богатым и нестандартным инвентарем (посуда, костяные изделия, амулеты), обнаруженного в Киеве на усадьбе Десятинной церкви. Оно может быть датировано второй четвертью – серединой X в. (Толочко 1996: 43). В погребении был найден дирхем Ахмад ибн Исмаила (911-912) (Каргер 1958: 174-177). В области груди погребённого зафиксирован крестообразный предмет в виде накладки с круглыми завершениями концов и розеткой в центре, который В.Н. Зоценко справедливо определил как навершие пластинчатой крестовидной фибулы западно-балтской схемы, бытовавшей с конца VIII по XI в. в среде куршей, ломатов и скальвов (Зоценко 2010: 472; ср.: Tautavičius 1978: 68-69, žem. 39: 8; Volkaitė-Kulikauskienė 1978: 106, pav. 4: 1). Однако нельзя исключить, что крестовидная форма этого предмета послужила основанием для его использования в погребении в качестве христианского культового предмета. Это не единственный случай возможного использования навершия крестовидной булавки прибалтийского типа в качестве, предположительно, христианского символа в X в. Среди погребального инвентаря в уже известном нам кургане № 459 могильника Тимерево под Ярославлем, где был найден вырезанный из дирхема крест, встречено и оглавие булавки, близкое по форме к киевской находке (*Меч и златник...* 2012: 41, 131, № 352). Присутствие здесь навершия булавки такого типа вряд ли связано с этнической принадлежностью погребённого и должно объясняться именно крестовидной формой предмета и особенностями культуры христианизируемого общества.

Необходимо отметить, что на интерпретацию этих крестовидных подвесок, найденных на территории Древней Руси, в свое время повлияла капитальная работа Й. Штекера, который каталогизировал и исследовал корпус нательных крестов и крестов-реликвариев X-

XII вв., найденных на территории Северной Германии и Южной Скандинавии. Исследователь постарался показать возможность влияния различных миссионерских традиций и конкретных миссий на появление археологически известных типов крестов (см.: Staecker 1999). В основу своей типологии 126 североевропейских крестов эпохи викингов Й. Штекер положил их форму, а также материал и технологию изготовления, в результате чего классификация является «технологическо-типологической комбинацией» (Staecker 1999: 79). Скандинавские кресты из листового серебра, имеющие определённые аналогии в древнерусском материале, представлены в этой типологии следующими позициями:

1.1.1 – Einfache Kreuze aus Blech: кресты из листового металла, общая дата X–XI вв. (trq 925/926) (Staecker 1999: 82–84). Кресты такого типа найдены в Сигтуне (Швеция) (бронза, 41×41 мм; Staecker 1999: 505, № 103, тип 1.1.1, вариант А) (рис. 5.12: 18), Остйодре (Вестманланд, Швеция) (серебро, 22×21 мм; Staecker 1999: 514, № 113а, тип 1.1.1, вариант А, trq 991) (рис. 5.12: 22), Иоханнисхус, Блекинге, Дания (серебро, 31×27 мм; Staecker 1999: 446, № 53с, тип 1.1.1., вариант А, trq 1120), Шуби (Шлезвиг-Гольштейн, Германия) (бронза, 39×30 мм; Staecker 1999: 410, № 11, тип 1.1.1, вариант D).

1.1.2 – Einfache Kreuze aus Guß: литые кресты, X–XI вв. Такой крест найден в Ринде, Дания (бронза, 28×26 мм; Staecker 1999: 417, № 20, тип 1.1.2, вариант B).

1.2.1 – Einfache Kreuze aus Blech mit Verzierung oder Stempelmuster: кресты из листового металла с простым или штампованным орнаментом, в том числе орнаментом «елочкой», общая дата X–XI вв. Кресты этого типа найдены в таких местах как: Оланд Алунбрук, Швеция (серебро, 21×20 мм; Staecker 1999: 451–452, № 59, тип 1.2.1, trq 949/950); Бирка, погребение Bj 703, Швеция (серебро, 33×34 мм; Staecker 1999: 494–495, № 95, тип 1.2.1, вариант C) (рис. 5.12: 17); Виборг, Сондерсо, Дания (бронза, 31×21 мм; Staecker 1999: 414, № 15, тип 1.2.1, вариант C), Бурге, Готланд (серебро, 43×36 мм; Staecker 1999: 460, № 66, тип 1.2.1, вариант C).

1.2.2 – Einfache Kreuze aus Blech mit herausgestanzten Balkenenden: кресты из листового металла, вписанные в круг, общая дата этого типа X в. (trq 911). Места находок крестов: Скийппинге Грунд, Бронхольм, Швеция (серебро, 29×25 мм; Staecker 1999: 436–437, № 42, тип 1.2.2, trq 962–973) (рис. 5.12: 16); Бирка, погребение Bj 480, Швеция (серебро, 25×24 мм; Arbman 1940: Taf. 102: 11; 1943: 138–139, Abb. 84; Staecker 1999: 487–488, № 91, тип 1.2.2) (рис. 5.12: 19); Бирка, погребение Bj 517, Швеция (серебро, 24×24 мм; Arbman 1940: Taf. 102: 7; 1943: 155–156, Abb. 105; Staecker 1999: 490–491, № 93, тип 1.2.2, trq 922/923); Бирка, погребение Bj 835, Швеция (серебро, 22×21 мм; Arbman 1940: Taf. 102: 5; 1943: 308–309, Abb. 254; Staecker 1999: 498–499, № 97, тип 1.2.2, trq 911/912) (рис. 5.12: 21); Бирка, погребение Bj 983, Швеция (серебро, 27×26 мм; Arbman 1940: Taf. 102: 9; 1943: 409–411, Abb. 364; Staecker 1999: 500–502,

№ 99, тип 1.2.2); Кастлоза, Оланд (серебро, 30×31 мм; Staecker 1999: 449, № 57, тип 1.2.2, trq 953/954) (рис. 5.12: 23).

1.2.4 – Einfache Kreuze aus Guß mit Verzierung oder Stempelmuster: литые кресты с простым или штампованным орнаментом, общая дата X–XI вв. Места находок крестов: Тумби-Бинебек, Шлезвиг-Гольштейн, Германия (серебро, 29×24 мм; Staecker 1999: 410–412, № 12, тип 1.2.4, вариант B); Вальва, Готланд (серебро, 41×35 мм; Staecker 1999: 461, № 67, тип 1.2.4, вариант B, trq 962–973); Винор, Готланд (серебро, 48×39 мм; Staecker 1999: 461–463, № 68, тип 1.2.4, вариант B); Копарсвик, Готланд (серебро, 42×42 мм; Staecker 1999: 479–480, № 83, тип 1.2.4, вариант B); Бирка, погребение Bj 968, Швеция (серебро, 16×16 мм; Arbman 1940: Taf. 102: 6; 1943: 394–396, Abb. 346; Staecker 1999: 499–500, № 98, тип 1.2.4, вариант B, trq 906).

1.2.6 – Einfache Kreuze aus Guß mit rhombischen Balkenenden: литые кресты с ромбическим завершением ветвей; общая дата X–XI вв. Место находки: Готланд, случайная находка (бронза, 33×32 мм; Staecker 1999: 482, № 85, тип 1.2.6).

К этим находкам стоит добавить не вошедшие в каталог по географическим соображениям крестовидные подвески из Норвегии: из погребения V/1954 Каупанга (Blindheim, Heuerdahl-Larsen 1995: K/1954-V) и клада в Слеммедале (Тримстад, Ауст-Агдер), где известна золотая крестовидная подвеска с пуансонным орнаментом, переделанная из крестовидной фибулы (trq 915–920) (Blindheim 1982: 25, fig. 2, 3b; Roesdahl, Wilson 1992: 263, № 141).

Й. Штекер справедливо сближает североевропейские кресты типа 1.2.2 с наиболее характерными древнерусскими образцами, тяготеющими к середине X в. При этом исследователь указывает аналогии этому типу крестов на Британских островах среди англо-саксонских реликвий VII–VIII вв. Здесь в первую очередь необходимо назвать «крест св. Кутберта» (634–687), золотой крест-подвеску, украшенную гранатами и выемчатыми эмальями с включенным в неё солидом императора Ираклия (613–630) из Вильтона (Норфолк), которая датируется 675–700 гг., а также крест с гранатами и выемчатыми эмальями из Иксворта (Саффолк) (Staecker 1999: 91–96, Abb. 20, 21, 22; Bruce-Mitford 1956: 308–325; Jessup 1950). Находка близкого по форме креста в погребении в Лехлейд (Глочестершир) датируется VII–VIII вв. (Geake 1997: 95, fig. 4, 5). К этой эпохе может относиться фибула похожей формы с циркульным орнаментом из Трира (Böhner 1958: 163, Taf. 18: 9). Этот тип фибул вполне определённо бытует до IX–X вв., о чем свидетельствует крест из серебряной фольги из клада в Грейвсенд (Кент, trq 872), а также подобный крест из аббатства Уайтби (Северный Йоркшир) того же времени (Wilson 1964: 55, 59, pl. 19: 20, 39: 113). Эти параллели позволили Й. Штекеру предположить, что похожие кресты появились в Скандинавии непосредственно под влиянием англо-саксонской традиции в результате деятельности миссии британского епископа Уно в 930–

940-е гг. (Staecker 1997; 2003: 462-482; Janson 2005: 174-175). Согласно построениям исследователя, именно из Скандинавии в середине – второй половине X в. такие кресты и попали на территорию Древней Руси.

В России и Украине таким крестам посвящена обширная литература (см., в частности, один из последних обзоров: Зоценко 2010; с соответствующей библиографией). Некоторые исследователи интерпретируют их как предметы личного благочестия, связанные с распространением христианства, другие предпочитают видеть в этих подвесках украшения. Н.Г. Недошивина впервые обобщила и проанализировала всю серию этих предметов, связанных с территорией Древней Руси. В её статье было учтено 12 экземпляров из 4 пунктов. Существование близких аналогий древнерусским крестам в скандинавских материалах позволило исследовательнице предположить, что кресты изготовлялись в Средней Швеции и попадали на Русь вместе с их носителями-варягами. По её мнению, кресты, найденные в погребениях Тимерева и вырезанные из дирхемов, были специально изготовлены для погребения первых русских христиан, чтобы соблюсти предполагаемый канон, предположительно существовавший в местной общине (Недошивина 1983: 224).

Н.В. Хамайко в целом не возражает против идеи скандинавского происхождения этой группы крестов, связывая их с погребальными комплексами «русско-скандинавского облика». Со ссылкой на находку подобного креста в Искоростене, она датирует появление таких подвесок на Руси временем не позже второй четверти X в., то есть тем же периодом, что и в Скандинавии. Исследовательница наметила хронологию эволюции крестов во второй половине X в., когда этот тип несколько меняет форму, которая становится более упрощённой. Орнаментация при помощи пуансона сравнивается в её исследованиях с имитацией псевдозерни (Хамайко 2010: 425-427).

Последнее наблюдение представляется нам весьма перспективным для понимания генезиса крестов из храма у с. Семидворье. В Крыму, в частности в склепе № 189 на склоне Эски-Кермен вместе с вещами первой половины VIII в., были обнаружены кресты, определяемые как «бронзовые литые пластинчатые кресты с сильно расширяющимися концами и петелькой для подвешивания», лицевая сторона которых полностью покрыта кружками, украшенными в центре точками, причём в одном случае, в силу изношенности литой формы или использованного для оттиска образца, на лицевой поверхности остались видны лишь полусферические выступы (4-й вариант 3-го типа по Э.А. Хайрединовой, см.: Хайрединова 2007: 163-165, рис. 1: 29, 30; 7: 3, 4, 4а; Khairedinova 2012: 421, 424, 427, fig. 2: 29, 30; 5: 3, 4, 4а). Не был ли этот тип крестов «переходным» от собственно зерненных изделий к крестам, украшенным пуансоном?

Несмотря на то, что большинство коллег склонны усматривать в исследуемых крестах результат влияния

северной культуры, единства взглядов на этот предмет не существует. Так, например, Л.А. Голубева, изучавшая погребения киевского некрополя, где известны такие кресты, указала аналогии подвескам в изображениях на престолах херсонских храмов VIII–IX вв. (Голубева 1949: 111). Одним из немногих восточноевропейских исследователей, кто отказался от «генерализирующего» подхода в анализе этих крестов, был В.Н. Зоценко. Отказ от подобных обобщений позволил ему применить к этому интересному материалу разработанную Й. Штекером типологию, а также выделить две традиции в морфологии крестов: скандинавскую и византийскую. Часть подвесок он отнес к «миру скандинавской материальной культуры» (Зоценко 2010: 462, 471-472), отождествив их с выделенным Й. Штекером типом 1.2.2. – крест в условном круге, с расширяющимися округлёнными окончаниями лопастей. Для этих крестов можно считать характерными гравированный точечный рант, нанесенный зубчатым колесом, или выплненный по окружности пуансон, а также ушко для подвешивания на одной серебряной заклёпке, изготовленное из узкой полоски серебра с продольными каннелюрами (ср.: Gräslund 1984: 112, 114-115, Abb. 12: 1). Согласно предположению В.Н. Зоценко, именно эти кресты были раннехристианскими крестами, привнесёнными на Русь скандинавами. Преимущественно к этому типу, за исключением одного экземпляра – из Шестовицы, принадлежат практически все южнорусские находки крестов, относящиеся, согласно хронологии В.Н. Зоценко, к 900/920 – 950/970 гг.

В.Н. Зоценко также отметил, что близкими по технике исполнения к скандинавским образцам являются подвески из листового серебра из гнездовских курганов Заольшанской группы, однако здесь лопасти имеют несколько иной абрис с характерным треугольным завершением, что отражает иную иконографическую традицию, хотя и близкую скандинавским подвескам типа 1.2.1, вариант С по Й. Штекеру. Отметим, однако, что подвеска из погребения № 5 Заольшанской группы (рис. 5.12: 10), как и, предположительно, подвеска из клада в Озерах, имели завершения лопастей, близкие по своим очертаниям к ромбовидной фигуре, в соответствии с типом 1.2.6 по Й. Штекеру. Характерно, что в Скандинавии эти кресты появляются лишь в XI в., а наиболее древние прототипы крестам с подобным завершением лопастей можно обнаружить уже во второй половине VI в. на территориях Византийской империи от коптского Египта до Балкан (Forrer 1893: 7, Taf. 10: 14; Staecker 1999: 103, 104, Abb. 39). В тоже время, крест из тонкого листового серебра, лишенный орнаментации, найденный в погребении № 38 Заольшанской группы Гнездовского некрополя следовало бы, согласно В.Н. Зоценко, отнести к образцам типа 1.1.1, вариант А (Staecker 1999: 82-84).

Крестовидная литая подвеска из ожерелья кургана №78/56 Шестовиц (рис. 5.12: 9) имеет прямые и закруглённые по концам горизонтальные и нижнюю ло-

пасти, а верхняя с ушком немного развернута, что, по нашим наблюдениям, соответствует варианту В типа 1.2.4. по Й. Штекеру. Эти два варианта в первой половине X – середине XI в. получают относительно широкое распространение в Скандинавии. Однако, по мнению В.Н. Зоценко, именно они берут свои истоки в культуре византийского мира, где подобные крестовидные прямоконечные подвески бытуют, по его мнению, на протяжении V/VI–X/XI вв. В отношении вырезанных из дирхемов тимеревских подвесок В.Н. Зоценко полагал, что данные образцы произведены в местной дружинной среде и представляют собой угасание традиции таких крестов.

В недавнее время по поводу скандинавских и древнерусских крестов интересующего нас типа высказался Ф. Андрощук, который, как и В.Н. Зоценко, отметил преобладание этих предметов в женских погребениях эпохи викингов и их очевидную связь со скандинавской культурой. В то же время он предложил рассматривать их как известные из письменных источников индивидуальные процессионные кресты. Участие посещавших Константинополь скандинавов в императорских ритуалах и превратило их в обладателей византийских крестов (Androshchuk 2011: 81). В силу этого такие сакральные предметы рассматривались их владельцами не столько как предметы культа, сколько в качестве символов социального статуса и престижа, что и привело к их депозиции в богатых женских погребениях. Полностью разделяя мнение о византийских истоках таких крестов, мы не можем не отметить, что их интерпретация как крестов для литаний противоречит имеющемуся археологическому материалу, который был рассмотрен нами выше, и является досадным недоразумением...

В связи с этим возникает вопрос: какими могут быть альтернативные версии происхождения скандинавских и древнерусских крестовидных подвесок, помимо уже предложенных Й. Штекером и В.Н. Зоценко, и насколько обосновано сопоставление крестов из церкви у с. Семидворье, относимых ко второй и третьей группе, со всем комплексом вышеописанных крестов из Северной и Восточной Европы?

Напомним, что Й. Штекер выводил эти кресты в целом из англо-саксонской культурной традиции, а конкретное их появление в Скандинавии связывал с миссионерской деятельностью 930-940-х гг. Согласно его видению, в середине-второй половине X в. эти кресты стали попадать на Русь. Однако после находки такого креста в культурном слое Искоростеня стало очевидно, что уже в первой половине X в. эти кресты стали частью древнерусской культуры. Также нельзя упускать из виду, что для Западной Европы эпохи средневековья ношение нательных крестов было нехарактерно (Мусин 2006: 163-222), тогда как форма креста, вписанного в круг, была привычна и для Византии, о чем, в частности, свидетельствует упомянутая выше подвеска такой формы из Вильтона (Британские острова), включившая в себя византийский солид.

О том, что на Западе и Севере Европы традиции крестов-подвесок не существовало, в частности, говорит и тот факт, что некоторые кресты типа 1.2.2 оказались не специально изготовленными подвесками, а крестообразными фибулами из драгоценных металлов с пуансонным орнаментом, приспособленными впоследствии для использования в качестве нательных крестов. Изготовление подобных крестов на Британских островах не прослеживается по археологическим материалам. Литейная форма для изготовления крестовидного предмета с имитацией пуансона (?), найденная в культурном слое поселения Тетфорд (Восточная Англия) (site 2N [997]), относится к 3-й фазе существования поселения и датируется временем не ранее второй половины X в. (Rogerson, Dallas 1984: 62, fig. 110: 23) (рис. 5.13). Представляется, что однозначно определить, служила ли она изготовлению крестов-подвесок или крестообразных фибул, невозможно.

Не в пользу гипотезы Й. Штекера об англо-саксонско-скандинавских истоках этих крестов говорят и наблюдения И. Янссона, который отметил, что облик погребений с подвесками в Швеции и на Руси характеризуется хронологически компактной материальной культурой середины – второй половины X в., связанной с использованием овальных фибул типа P51C, а также набором вещей восточного облика, которые должны были попасть в Скандинавию с территории Древней Руси, а не наоборот (Jansson 2005: 70-75). Происхождение таких крестов, встреченных на территории Древней Руси, из скандинавских по внешнему облику погребений свидетельствует в данном случае не о северном происхождении этих предметов, а о роли скандинавов и скандинавской материальной культуры в формировании древнерусского общества и государства. В этом процессе выходцы с Севера, которые закономерно составляли не столько элиты, сколько «средний класс» местных обществ, играли важную посредническую роль между различными общественными силами Восточной Европы (Musin 2012a; 2012b; Мусин 2012).

Вообще же мнение об обязательной связи распространения христианства со специально организованной миссией, материальным воплощением которой могли быть особые предметы личного благочестия, сегодня должно быть пересмотрено, а именно на эту рабочую гипотезу опирался в своих построениях Й. Штекер. Новые наблюдения за характером распространения новой религии, особенно в Восточной, Центральной и Северной Европе, позволяют заключить, что основную роль в этом процессе играли не внешние миссионеры, а представители местных общин: воины, купцы, дипломаты, выносившие из своего общения с христианскими империями положительный религиозный опыт и элементы религиозной материальной культуры. Именно в этом и состояла специфика византийской миссионерской политики (Musin 2010b; Musin 2012a; 2012b; Salamon 2012; см. также: Garipzanov, Tolochko 2011: 10-11).

Сделанные выше наблюдения позволяют предполо-

жить, что распространение в Восточной и Северной Европе крестов из листового металла, орнаментированных пуансоном, а также литых экземпляров с более сложной орнаментацией, определённо имело византийские истоки. Важную роль в обосновании этой гипотезы играют обнаруженные при раскопках храма у с. Семидворье кресты с точечным орнаментом, вырезанные из фольги или изготовленные из серебряных монет. Речь идет не только о морфологических соответствиях и технологической близости в изготовлении этих изделий (близость формы креста № 255 к находкам из Гнездова, Готланда и других мест, присутствие в коллекции крестов, вырезанных из монет (№№ 226, 249), что имеет полные аналогии в материалах Тимерева и Кемского некрополя, наличие пуансонной орнаментации на большинстве крестов), но и о соображениях хронологического порядка. Общая датировка храмового комплекса Семидворья IX – первой половиной X в. определённо предполагает, что найденные здесь кресты предшествуют появлению рассмотренных выше подвесок в Древней Руси и Скандинавии. Эта хронология в целом совпадает с активной фазой функционирования пути «из Варяг в Греки» (Мусин 2010б: 35-45), по которому подобные предметы и могли проникать на Север.

Находки в церкви в урочище Еди-Евлер свидетельствуют и о временном приоритете византийской культуры в использовании крестов-подвесок, вырезанных из восточных монет. Совершенно очевидно, что речь идет не об «угасании традиции» или поспешном соблюдении местной общиной «канонов погребения», но о присутствии византийскому обществу обычая использования монет в религиозной сфере. Итак, и характер изготовления и орнаментации подобных крестов, и употребление для этих целей серебряных монет, и данные хронологии говорят в пользу византийских истоков традиции «крестов из листового серебра».

В связи с последним утверждением нам хотелось бы подчеркнуть, что сказанное не означает, что каждый из перечисленных выше крестов, найденных в Древней Руси или Скандинавии, был непосредственно изготовлен в Византии. В большинстве случаев логично предположить местное изготовление этих крестов, которое ориентировалось не столько на конкретные предметы, сколько на общие образцы, почерпнутые при знакомстве с византийской культурой. В дальнейшем местные мастера пытались реализовывать эти образцы в локальном материале Северной и Восточной Европы в соответствии с собственными навыками. Именно это и объясняет, по нашему мнению, как значительное разнообразие самих крестов, так и использование крестообразных фибул, отдалённо напоминающих эти образцы, в качестве основы для подвесок. Возможно, в дальнейшем, анализ химического состава металла, из которого были изготовлены кресты, мог бы прояснить ситуацию с их изготовлением.

Отметим характерную, по нашему мнению, деталь. Кресты, найденные у с. Семидворье в храмовом кон-

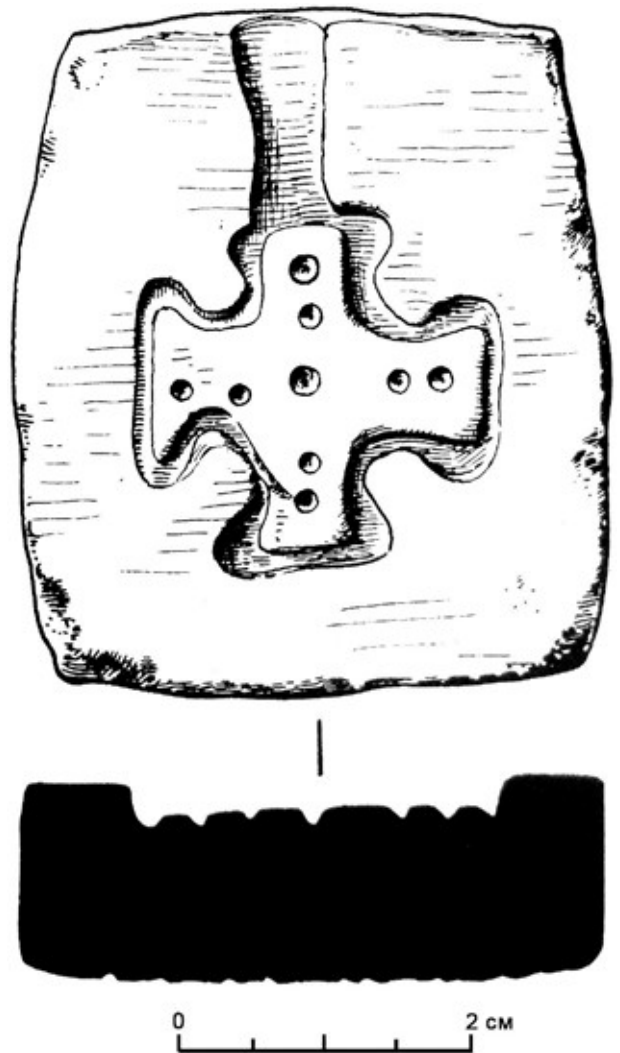

Рис. 5.13. Литейная форма для изготовления крестовидных украшений, Тетфорд, Восточная Англия, камень, вторая половина X в. (по: Rodgerson, Dallas 1984: fig. 110: 23).
Fig. 5.13. Stone casting mould for cross-shaped dress accessories, Thetford, East Anglia, second half of the 10th century.

тексте, в христианизируемых обществах Древней Руси и Скандинавии входили в состав погребального инвентаря (подробнее см.: Musin 2010). Мы далеки от мысли, что подобные кресты в византийской культуре изготавливались исключительно для храмовых приношений, хотя стоит признать, что в погребениях и в культурном слое поселений Средиземноморского региона кресты из листового металла с пуансонным орнаментом практически неизвестны. В связи с этим нельзя исключить, что первое знакомство руси и скандинавов с такими крестами-подвесками произошло в достаточно драматических условиях, а именно в момент набегов северных отрядов на греческие приморские города и разграбления местных храмов (Сугдея, Амастрида, Константинополь), о чем уже для первой половины – середины IX в. сообщают греческие источники (Photius 1900: 721-741; Васильевский 1915а; 1915б; Ivanov 2006: 158-163). Характерно, что в сознании византийских книжников и

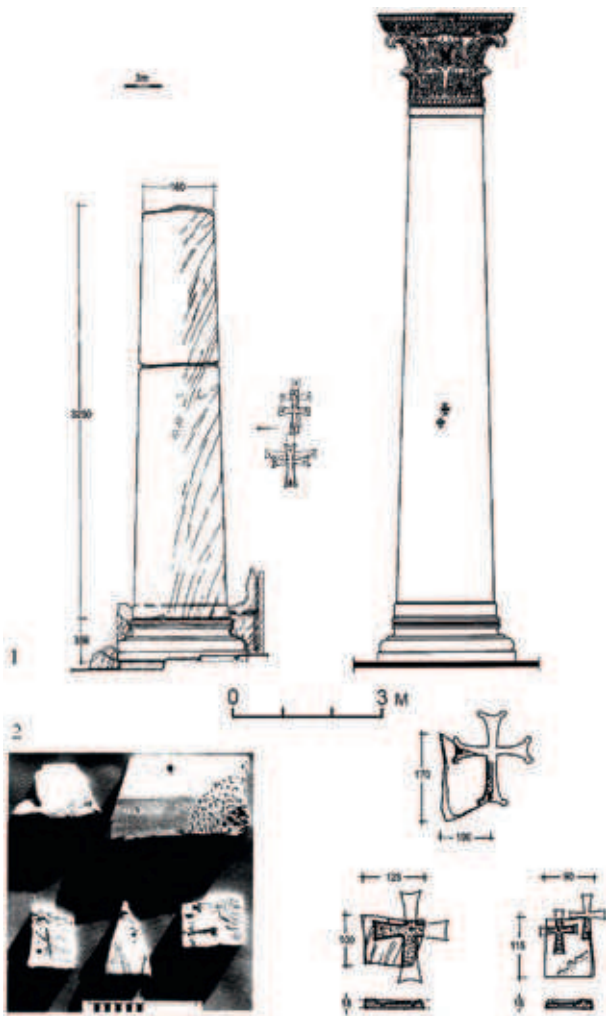

Рис. 5.14. Использование металлических votивных крестов в колоннах и мраморных декоративных элементах базилики Саламина, Кипр, VI–VII вв. (по: Roux 1998: fig. 105, 171).

Fig. 5.14. Cross-shaped cavities for ex-voto crosses (6th–7th centuries) in columns and marble slab of the basilica of Salamis, Cyprus.

византийского общества такого рода события становились важным средством христианизации варваров, поскольку случавшиеся при этом чудеса способствовали их обращению. Возможно, первыми крестами «новых христиан» стали именно такие храмовые «сувениры», какие нам известны благодаря раскопкам в Семидворье. Привнесённый таким образом в восточно-европейскую культуру этот тип крестов мог повлиять на изготовление их имитаций в местных условиях. Тот факт, что подобные кресты оказались не только перенесены из храмового контекста в повседневную жизнь, но и стали частью погребального ритуала, как нельзя лучше соответствует начальным стадиям христианизации, когда основное внимание новообращенных было сосредоточено на проблеме загробной жизни и посмертного воздаяния.

Подобную картину можно наблюдать и в Южной Италии эпохи лангобардов. Здесь, в частности, при раскопках базилики Сан-Джовани в Пратола-Серра (Кам-

пания) было выявлено 123 погребения конца VI–VII вв. с многочисленными ручными крестами из золота и серебра, которые происходили как из могил лангобардской знати, так и местного духовенства (Peduto 1992: 46–48, tav. 75: 17–24, 26; Pastore 1992: 356–358; Giostra 2010: 130, fig. 18). Не останавливаясь на подробной характеристике крестов из золотой и серебряной фольги в погребальной культуре лангобардов этого времени, которым посвящены многочисленные публикации (см. напр.: D’Angela 2000: 129–135; Giostra 2010: 129–140), отметим, что в погребениях базилики Сан-Джовани мы вновь сталкиваемся с трансформацией индивидуальных процессионных крестов в христианской культуре. Как и в случае с рассмотренными выше железными и бронзовыми индивидуальными процессионными крестами средневизантийской эпохи, ставшими, согласно выдвинутой гипотезе, храмовыми votивами, найденные в могилах кресты вновь оказались вне контекста своего первоначального назначения. Здесь возможно увидеть, как и в случае с крестами из листового серебра, сопровождающими древнерусские и скандинавские погребения, специфический интерес христианизируемого общества к личной эсхатологии. Впрочем, нам трудно сказать, какие в данном случае религиозные идеи стояли за помещением крестов в лангобардские погребения. Представляется, что здесь возможны определённые ассоциации с загробной процессией в Царствие Божие, где ручные кресты играли свою роль. Не исключено, что этот обряд каким-то образом был связан со становлением традиции «*scioix d’absolution*», т.е. помещением крестов в погребения знати и духовенства Западной Европы XI–XV вв. как залога их спасения в вечной жизни (Cochet 1857: 304; Salin 1959: 372–375).

Итак, с учетом всего вышесказанного, на фоне особенностей христианской культуры средневизантийского периода, стоит рассматривать найденные в храме у с. Семидворье кресты различных групп именно как votивные приношения в церковь, сделанные представителями местной общины. Остается понять, каковы были социальные и религиозные причины того, что кресты самых разнообразных типов от предметов общественного богослужения – процессионных крестов до индивидуальных подвесок – предметов личного благочестия в массовом количестве оказались приносимыми в храмы средневизантийской эпохи?

Некоторое время назад исследователи обратили внимание на крестообразные углубления в стенах и колоннах важных византийских храмов, прежде всего в таких как Святая София в Константинополе (Teteriatnikova 1998; 2003). В ряде случаев, по своим характерным формам, эти углубления полностью соответствовали морфологии крестов-реликвариев X–XI вв. (Pitarakis 2006: 30; Дончева-Петкова 2011: 36). В качестве основной гипотезы было предложено, что подобное размещение энколпионов в храмах средневизантийской эпохи было частью сознательно организованной программы почитания реликвий, рассчитанной на палом-

ников. Такая интерпретация включения персональных крестов-реликвариев в храмовый интерьер не кажется мне убедительной (подробнее см.: Musin 2012b).

Прежде всего, традиция вкладных крестов, вырезанных из листового металла и в силу этого лишенных мощей, была хорошо известна и в эпоху поздней Античности, а именно в VI–VII вв. Следовательно, по крайней мере, в то время эти вкладные кресты не были связаны с организованным почитанием реликвий. Эта традиция носила персонализированный votивный характер. Подобные кресты, как и углубления для них, известны, например, в Питиунте, Абхазия (Хрушкова 2002: 111–112, рис. 23), в Херсонесе (*Меч и золотник...* 2012: 175, № 424), в базилике Саламина, Кипр (Roux 1998: 165, fig. 105, 171) (рис. 5.14). К середине VII в. относятся углубления для крестов на мраморной доске, закрывающей мощи святых Синайских отцов в южной часовне базилики монастыря св. Екатерины на Синае (Ševčenko 1966: 258, 263, № 6; Forsyth, Weitzmann 1973: pl. CII) (рис. 5.15: 1), и, что дополнительно подтверждает индивидуальный характер таких вкладов, на серии ранних купелей для баптистериев, в частности в Константинополе и его окрестностях (Khatchatrian 1962: 26, 78, № 209; Ristow 1998: 247, № 670; Tezcan 1989: 112–114, fig. 128), в Динек-Сераи и Оренчик (Малая Азия, Турция) (Calder, Cormack 1962: 25, № 133, tab. 5; Niewöhner 2007: 264, № 337, Abb. 129, Taf. 38) (рис. 5.15: 2, 3). Крестообразные выемки для votивных крестов в мраморном блоке зафиксированы и при раскопках храма в византийском

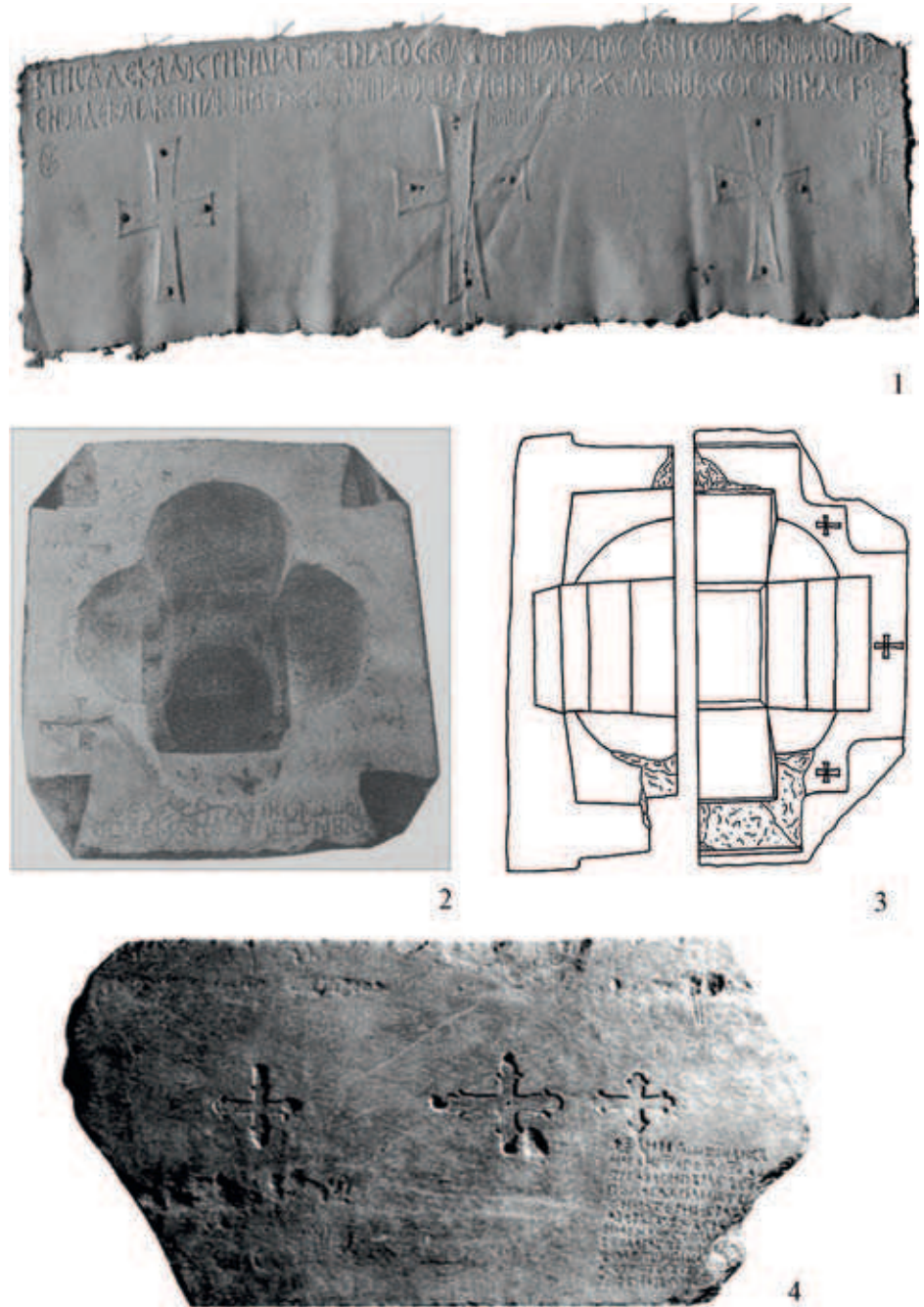

Рис. 5.15. Использование металлических votивных крестов в византийской и болгарской церковной культуре, VI–X вв.

1 – углубления для votивных крестов на слепке с мраморной плиты часовни Синайских отцов в базилике монастыря св. Екатерины, Синай (по: Ševčenko 1966: № 6); 2 – углубления для votивных крестов на баптистерии из Динек-Сераи, Малая Азия, Турция (по: Calder, Cormack 1962: tab. 5); 3 – углубления для votивных крестов на баптистерии из Оренчик, Анкара, Турция (рисунок И. Ожуг по: Niewöhner 2007: fig. 129: 1); 4 – углубления для крестов-реликвариев на погребальной плите старшего брата царя Болгарии Самуила, селение Агюс Германос, 993 г. (*Национален исторически музей*: № 184).

Fig. 5.15. Cross-shaped cavities for ex-voto crosses (6th–10th centuries) in Byzantine and Bulgarian church culture

1 – marble slab in the southern chapel of the basilica in the monastery of Saint Catherine at Mount Sinai sheltering the relics of Holy Fathers of Sinai; 2 – baptismal font, Dinek Serai/Alisa, southern central Turkey; 3 – baptismal font, Örençik, Kızılcahamam, Ankara Province, Turkey; 4 – gravestone slab plate with an inscription commemorating the parents and oldest brother of Tsar Samuel of Bulgaria (993 AD), village German on Lake Prespa, now in Sofia, Bulgaria.

Эносе, провинция Эдирне, Турция (Erzen 1985: 606-607, 617, ges. 20).

При обращении к храмам средневизантийской эпохи, где встречены крестообразные выемки для крестов-реликвариев и иногда, как это можно отметить в случае со стелой из Херсонеса – для крестов процессионных (Латышев 1896: 20-21, № 10), становится очевидно, что подобные вложения были характерны отнюдь не только для храмов, являвшихся важными паломническими центрами. Подобные находки встречаются в самых рядовых церквях. Так, створка креста-энколпиона была найдена в углублении в форме креста в одном из мраморных блоков, обнаруженном среди руин в Сардах (Greenewelt 2003: 150, 155, fig. 5). Крестообразные углубления зафиксированы на мраморной плите алтарной преграды неизвестного происхождения, хранящейся в одном из музеев Западной Анатолии (Турция) (Niewöhner 2008: 291, 319, 320, Abb. 20: d, № 16) и на алтарной преграде одного из пещерных храмов в Чанлы-Килисе, Акхисар, Турция (Ousterhout 2005: 163-164), на могильной плите 993 г. из деревни св. Герман на оз. Преспа (*Национален исторически музей...*: 102, № 184) (рис. 5.15: 4). Нами дополнительно выявлены углубления для энколпионов в колоннах темплона базилики Матери Божией в Эфесе, на колоннах средневизантийского храма Килисе Джамии в Стамбуле и в других местах (подробнее о географии этой традиции и новооткрытых крестообразных углублениях см.: Musin 2012b). При раскопках серии последовательно существовавших храмов VIII–XII вв. в Гурзуфском Седле в Крыму были найдены два энколпиона (Новиченкова 2005: 17), очевидно, тоже принесённые в качестве вотивов – провинциально-византийский с гравированными изображениями молящихся святых X–XI вв. (см. об этой категории предметов личного благочестия: Корзухина, Пескова 2003; Pitarakis 2006; Дончева-Петкова 2011; Пескова, Строкова 2012) и древнерусский с рельефным изображением Распятия XII в., аналогичный найденному в погребении на городище Пампук-Кая (см.: Якобсон 1964). Не исключено, что найденные в монастырском комплексе X–XVI вв. в бухте Панаир на юго-восточном склоне г. Аю-Даг древнерусские энколпионы XI–XIII вв. (Адаксина 2002: 9, 66, рис. 39, 40; Корзухина, Пескова 2003: 101-110, 193-209), как и прочие кресты-реликварии, происходящие из раскопок византийских храмов и не связанные напрямую с конкретными погребениями, также были принесёнными в церковь вотивами.

Таким образом, речь не должна идти о сознательном использовании крестов-реликвариев для формирования храмовой программы почитания реликвий. Их проникновение в церковное пространство носило спонтанный характер, будучи связано с персональными приношениями вотивного характера. Археологические исследования показывают, что основными местами приношения вотивных крестов были главные входы в храм и алтарь, что прослеживается не только в церкви в урочище Еди-Евлер, но и в других исследованных храмовых зданиях,

например, в «двойной церкви» в Богазкой, в церкви на городище Гиляч, в часовне на «Первом окне» на городище Ильич, в церкви № 1 городища Верхний Джулат. Что же касается зафиксированного в храме у с. Семидворье явления, связанного с нахождением двух крестов в кладке, закрывшей в третьем строительном периоде дверной проём между северным и южным храмовыми компартиментами (рис. 5.4: 237, 238), то здесь возможно предположить две основные объясняющие версии. Такое «замуровывание» крестов в кладке церковной стены напоминает известный в средневековой практике и в церковной этнографии способ «утилизации сакрального», когда вышедшие из употребления священные предметы, не подлежащие иному употреблению или уничтожению (иконы, богослужебные сосуды и т.д.), скрывались в специально созданных в храмах нишах, которые закладывались навеки. Впрочем, появление этих крестов именно на пороге переставшего использоваться дверного проёма могло быть связано с исполнением ими охранительной функции. В данном случае кресты магически предохраняли некогда использовавшийся вход в храм (о подобных «охранительных мероприятиях» в отношении входов и дверей в помещения, свойственных позднеантичной и византийской культурам, см.: Vikan, Nesbitt 1980; Maguir *et al.* 1989; Maguir 1994; 1995; *Byzantine magic* 1995).

Выше мы уже показали возможность использования в качестве вотивных приношений средневизантийской эпохи совершенно различных типов крестов: процессионных, нательных, крестов-реликвариев. Для понимания становления этого нового феномена приношения вотивных крестов и его хронологии принципиально важно, что последняя группа крестов появляется именно в это время, т.е. не ранее конца IX в. (Пескова, Строкова 2012: 11, 39, 42, 43, 57). На это же время приходится как массовое распространение персональных процессионных крестов, так и их попадание в храмовые комплексы.

Такое «взрывообразное» появление предметов личного благочестия в средневизантийскую эпоху, используемых как в быту, так и в общественном богослужении, стоит связать с новым идейным состоянием византийского общества. Именно этот период традиционно рассматривается исследователями как время возрастания индивидуализма и социальной атомизации, повышения самооценки членов византийского социума и как следствие – роли личности в социально-политической и религиозной жизни (Kazhdan, Epstein 1985: 86-87, 97, 233; Podskalsky 1992; Cotsonis 2009). Следствием этого и было появление новых форм культа, связанного с крестами-реликвариями и индивидуальными процессионными крестами, которые естественным образом опирались на предшествующие традиции поздней Античности. Именно эти новые формы культа нашли отражение в массовом археологическом материале. Очевидно, что такое самосвидетельство «нового Православия» было связано с преодолением иконоборческого кризиса в Византии, с той ролью, которую отдельные граждане,

сохранившие традиции иконопочитания, сыграли в противостоянии полисных обычаев и имперской тирании.

Такое возрастание роли личности в церковной жизни, символом которого и были индивидуальные кресты, могло вызывать озабоченность иерархии. Необходимо было найти новые средства гармонизации общецерковных потребностей и проявления персональной религиозности. Представляется, что выход был найден во включении предметов личного благочестия в контекст храмового богослужения в виде вотивных приношений, прежде всего в монастырских общинах, связанных со столицей Империи. В 34-й главе Устава константинопольского монастыря Богородицы Кехаритомене, основанного императрицей Ириной Дукеней в начале XII в. (1104-1118), предписывалось: «В каждую субботу должны быть приносимы малые кресты за усопших и родных наших, за четверых один; они должны быть записаны в диптихах – быть поминаемы по уставу; равным образом и живые, записанные в диптихи. Каждое воскресенье должны быть приносимы другие кресты за живых, в том же количестве, что и за умерших» (Gautier 1985: 84-85; Jordan 2000: 688; ср. не совсем точный перевод в: Казанский 1878: 11). Именно включением индивидуальных крестов в процесс общецерковной молитвы за живых и усопших и должно объясняться то значительное количество их археологически известных экземпляров из руин византийских храмов, которое недавно пополнилось находками из церкви у с. Семидворье.

Таким образом, находки вотивных крестов в семидворском храме целиком и полностью вписываются в культурный контекст средневизантийского периода. Они расширяют наши представления о динамике и хронологии распространения явлений столичной культуры в провинции. Обрядовые новшества мгновенно распространяются из центра на периферию. Возможно предположить, что носителем этих литургических инноваций выступало византийское монашество, которое традиционно рассматривалось обществом как пример веры и благочестия. Моментальность распространения в Северном Причерноморье новых обрядов и ритуалов в IX–X

вв. из Константинополя и Малой Азии подтверждают и другие особенности семидворского храма, связанные с отправлением в нем богослужения. Речь об этом пойдет в соответствующем разделе монографии.

В заключение стоит отметить, что традиция вотивных крестов, как и вотивных металлических привесок вообще, характерная для Средиземноморского региона, не прижилась в Восточной Европе. Даже в эпоху христианизации и становления церковных структур X–XI вв. мы не наблюдаем массового бытования в Древней Руси вотивных приношений в форме крестов или иных вырезанных из листового металла фигур. Она приходит в Россию и Украину в XVII–XVIII вв. вместе с западноевропейским влиянием и получает широкое распространение в XIX в. среди различных групп населения, будучи представленной самыми разнообразными фигурами (кресты, иконы, части тела [глаза, руки, ноги], домашние животные, что должно было выражать благодарность за исцеление или выздоровление). Эти вотивные предметы выполнялись в самой разнообразной технике: ручное тиснение по фольге, чеканка, металлопластика, гравировка, литье, штамповка (Постникова-Лосева, Платонова, Ульянова 1983: 42; Игошев 2001: 255-275). Рискнем все же предположить, что в древнерусскую эпоху функцию вотивных крестов выполняли многочисленные граффити, в том числе и в виде процарапанных крестов различных форм, зафиксированные на стенах древнерусских храмов (Высоцкий 1976, Мединцева 1978), но известные и в византийских церквях как в столице, так и в провинции (напр. Акташ в Центральной Анатолии, см: Pekak 1999: 517, res. 4). Однако в Крыму, где античный континуитет поддерживался естественным образом, эта традиция сохранилась и в позднем средневековье, как показывают исследования монастырского комплекса X–XVI вв. на г. Аю-Даг (Адаксина 2002: 111, рис. 140). Именно здесь были найдены две подвески из серебряной фольги в виде человеческих очей, принесенные кем-то из местных жителей к местной святыне – иконе или мощам – вероятно, в знак благодарности за исцеление от глазной болезни.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕТАЛЛА, СТЕКЛА И КАМНЯ

Ассортимент металлических изделий из раскопок храма на холме Тузлух не ограничивается вотивными крестами. Здесь также встречаются другие предметы из железа, бронзы и свинца.

Коллекция изделий из железа насчитывает еще семь единиц. В их числе один целый и два фрагментированных кованых гвоздя с четырехгранным стержнем и овальной шляпкой (рис. 6.1: 233, 240, 252). Гвозди обнаружены в юго-восточной части южного компартамента в слоях №№ 12 и 12а, связанных со вторым этапом функционирования храма в третьем строительном периоде. Скорее всего, они использовались для скрепления конструктивных элементов строения, вероятно, из дерева. Аналогичные гвозди широко употреблялись в хозяйстве местного населения Крыма в исследуемое время. Их многочисленные находки известны в материалах раскопок храмов и поселений в различных районах полуострова (см. напр.: Фронджуло 1968а: 129; Якобсон 1970: 81, 114, рис. 43, 56, 74, 75, 95; Новиченкова 2002: 7; Зинько, Пономарев 2009: 74). По мнению А.Л. Якобсона, они использовались главным образом для скрепления деревянных «стропил-брусьев», служивших основанием черепичной, глинобитной или соломенной кровли домов и других строений (Якобсон 1970: 118).

Кроме того, из раскопок семидворского храма происходят железные скоба (слой № 4) (рис. 6.1: 207), кольцо (слой № 11) (рис. 6.1: 232) и звено цепи (слой № 6-1) (рис. 6.1: 212). Все они изготовлены из кованного четырехгранного в сечении стержня, их функциональное назначение не ясно. Хронологическая позиция этих артефактов определяется по условиям находки.

Особый интерес вызывает железный черешковый наконечник стрелы, обнаруженный в слое 6 с юго-западной стороны храма (кв. 2Е). Наконечник с массивным гранёным пирамидальным острием прямоугольного сечения и округлым в сечении черешком, без выраженного упора (рис. 6.1: 227). Изделие сильно коррозировано, окончание черешка утрачено, что не позволяет проследить детали его формы. Сохранившаяся длина фрагмента – 2,6 см, длина боевой головки – 1,5 см, ширина граней – 0,7 и 0,5 см. Подобные наконечники относят к бронебойным. Их появление и распространение на территории Восточной Европы и в Древней Руси в конце I тыс. н.э. связывают, прежде всего, с распространением железной кольчуги. Особенно широко гранёные наконечники применялись начиная с X в. и до конца средневековья (Медведев 1966: 78-79). Приблизительная аналогия происходит из раскопок Булгарского городища (Руденко 2010: 49, 120, табл. XVIII: 300). Однако здесь такой наконечник датируется XI–XIII вв., что не согласуется с хронологическим контекстом семидворской находки.

Предметы из бронзы представлены конструктивными деталями лампад и элементами костюма.

К конструктивным деталям лампад принадлежат крюк из бронзовой проволоки (рис. 6.2: 208), найденный в слое № 4; стержень неизвестного назначения (рис. 6.2: 216) и двухчастная витая проволока (рис. 6.2: 223) из слоя № 5. Все они, скорее всего, использовались в системе крепления стеклянного светильника или фитиля. Крюк, безусловно, служил для подвешивания лампы. Аналогичные находки известны из раскопок средневековых храмов и городищ, как на территории Крыма, так и за его пределами (см. напр.: Аладжов 1996: 80-81, рис. 4-6; Голофаст, Рыжов 2003: 215, рис. 21: 2; Майко 2004: 246, рис. 139; Засецкая 2008: 32-34, рис. 11, табл. VII: 5; Antonaras 2010: fig. 6; см. также главу 4 «Стеклянные сосуды»). Узкая датировка изделий затруднительна.

К элементам костюма относятся одна фрагментированная полая пуговица-подвеска из могилы № 1, проволочная петелька от подобного изделия из слоя № 6; цельнолитой гладкий бубенчик с прорезью (слой № 2) (рис. 6.2: 254, 230, 204), а также, вероятно, фрагмент изделия из бронзового стержня в виде разомкнутого кольца с уплощённым, декорированным насечками окончанием (слой № 5) (рис. 6.2: 215).

Сферические пуговицы-подвески (как цельнолитые, так и полые из двух тесненных половинок со вставным проволочным ушком) хорошо известны среди крымских древностей, начиная примерно с конца VIII (?) – начала IX в. – вплоть до позднего средневековья (см. напр.: Якобсон 1970: 137, рис. 90, 95; Баранов 1990: 119-121, рис. 44: 21; Айбабин 1991: 47, рис. 6: 5-7, 7: 16; Айбабин 2003: рис. 39: 46, 47: 7, 48; Голофаст, Рыжов 2003: 216, рис. 20: 16-20; Тесленко, Лысенко 2004б: 266, рис. 12; Майко 2007: 125-127; Айбабин, Хайрединова 2008: 70, рис. 34: 17; Столяренко 2012: 293-294, 297-299). В этот же период они получают широкое распространение на территории Евразии и в зоне влияния византийской культуры как элемент кочевнического, так и городского костюма (см. напр.: Федоров-Давыдов 1966: 70, рис. 12; Равдина 1988: табл. 8: 15; Плетнева 1989: 107, рис. 56; Сазанов 2000: 283; Ельников 2001: 10-55; Столяренко 2012: 293-300). О производстве литых шаровидных пуговиц в раннесредневековой Таврике свидетельствует находка в Старом Крыму формы для их отливки и изготовления других изделий «салтовского» круга (Баранов 1990: 85-86, рис. 28: 6).

Гладкие «салтовские» бубенчики с одной прорезью появляются на просторах Таврики также не ранее конца VIII (?) – первой половины IX вв. (см. напр.: Баранов 1990: 119-121, рис. 44: 18, 27; Айбабин 1993: 124, рис. 2; Веймарн, Айбабин 1993: 188; Айбабин 2003: 60-61,

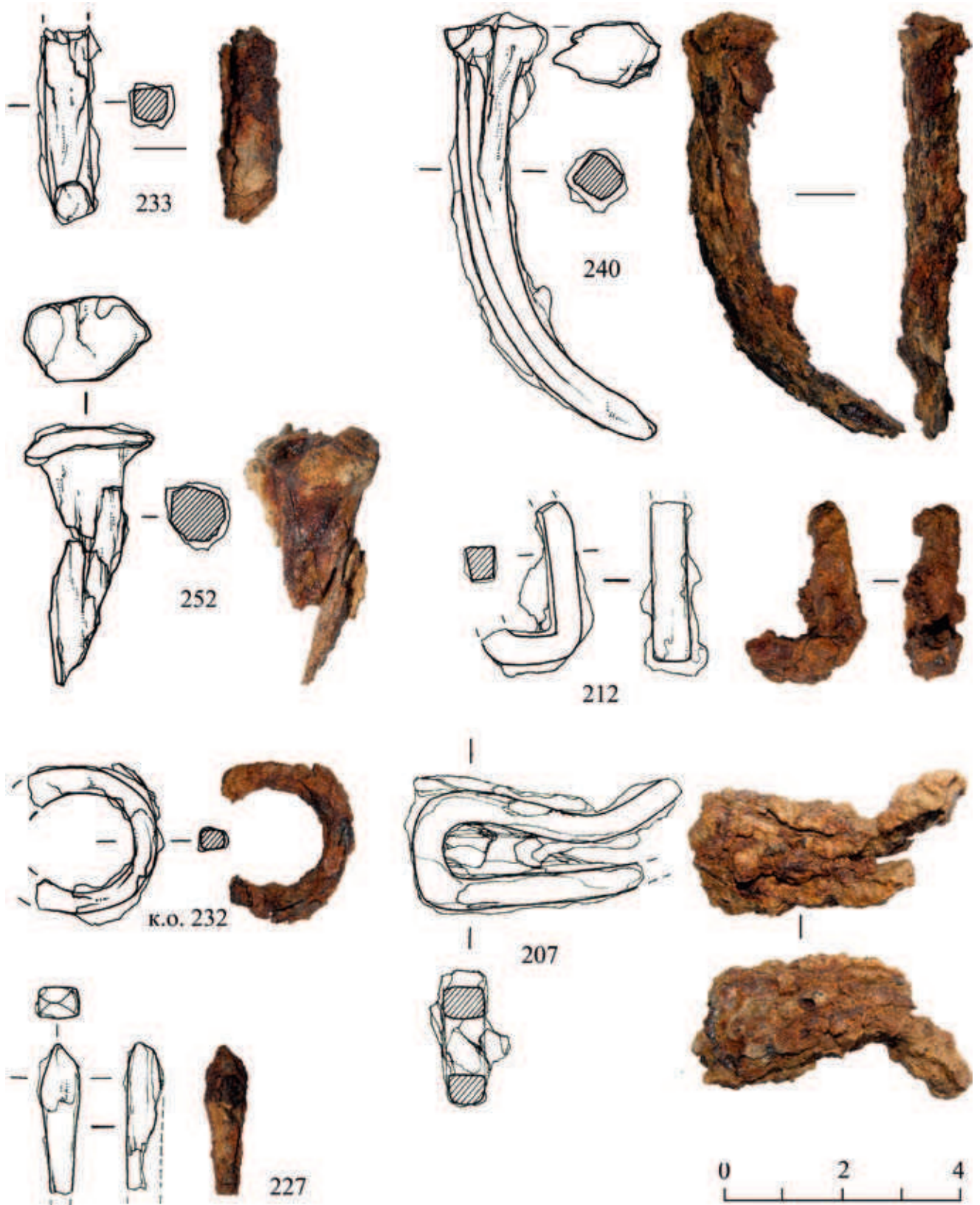

Рис. 6.1. Храм на холме Тузлук.

Изделия из железа: гвозди (233, 240, 252), наконечник стрелы (227), скоба (207), кольцо (232), звено цепи (212).
 207 – слой № 4; 212 – слой № 6-1; 227 – слой № 6; 232 – слой № 11; 233 – слой № 12; 235, 240, 252 – слой № 12а.

Fig 6.1. Church on the Tuzluk hill.

Small finds of iron: nails (233, 240, 252), arrow-head (227), keeper (207), ring (232), chain link (212).
 207 – layer no 4; 212 – layer no 6-1; 227 – layer no 6; 232 – layer no 11; 233 – layer no 12; 235, 240, 252 – layer no 12a.

Рис. 6.2. Храм на холме Тузлук. Изделия из бронзы (204 [пуговица], 208 [крюк для лампы], 215, 216, 223, 230, 254 [прорезной бубенчик]) и свинца (213, 217, 221, 222, 231, 251 [держатели фитиля ?]), зелёная стеклянная бисерина (250), артефакты фаунистического происхождения (224, 236).

204 – слой № 2; 208 – слой № 4; 213, 215- 217, 221-224 – слой № 5; 230 – слой № 6; 231 – слой № 11; 236 – слой № 12а; 250, 251 – слой № 13; 254 – могила № 1, погребение № 1.

Fig 6.2. Church on the Tuzluk hill. Small finds of bronze (204 [button], 208 [changing loop for lamps], 215, 216, 223, 230, 254 [jingl]), lead (213, 217, 221, 222, 231, 251 [wick holders ?]), glass green small bead (250), pendants of animal teeth and mollusk (224, 236). 204 – layer no 2; 208 – layer no 4; 213, 215- 217, 221-224 – layer no 5; 230 – layer no 6; 231 – layer no 11; 236 – layer no 12a; 250, 251 – layer no 13; 254 – grave no 1, burial no 1.

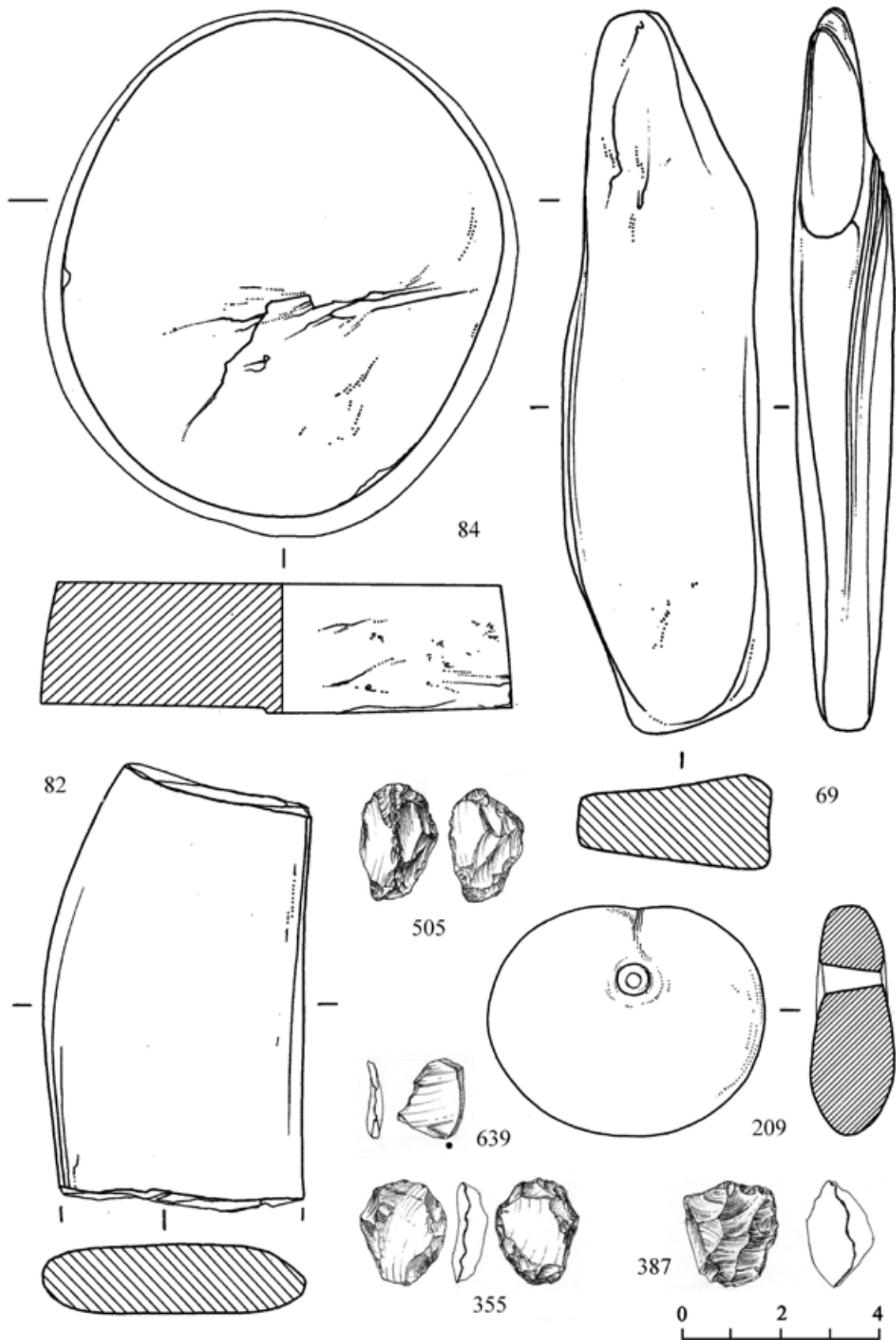

Рис. 6.3. Храм на холме Тузлук. Изделия из песчаника (69, 82 – оселки, 209 – грузило) и кремнёвые артефакты.

82, 84 – слои №№ 6-2, 6-3; 69, 209 – слой № 4; 355, 387, 505, 639 – слой № 5.

Fig 6.3. Church on the Tuzluk hill. Sandstone and flint finds (69, 82 – touchstones, 209 – sink stone)

82, 84 – layers nos 6-2, 6-3; 69, 209 – layer no 4; 355, 387, 505, 639 – layer no 5.

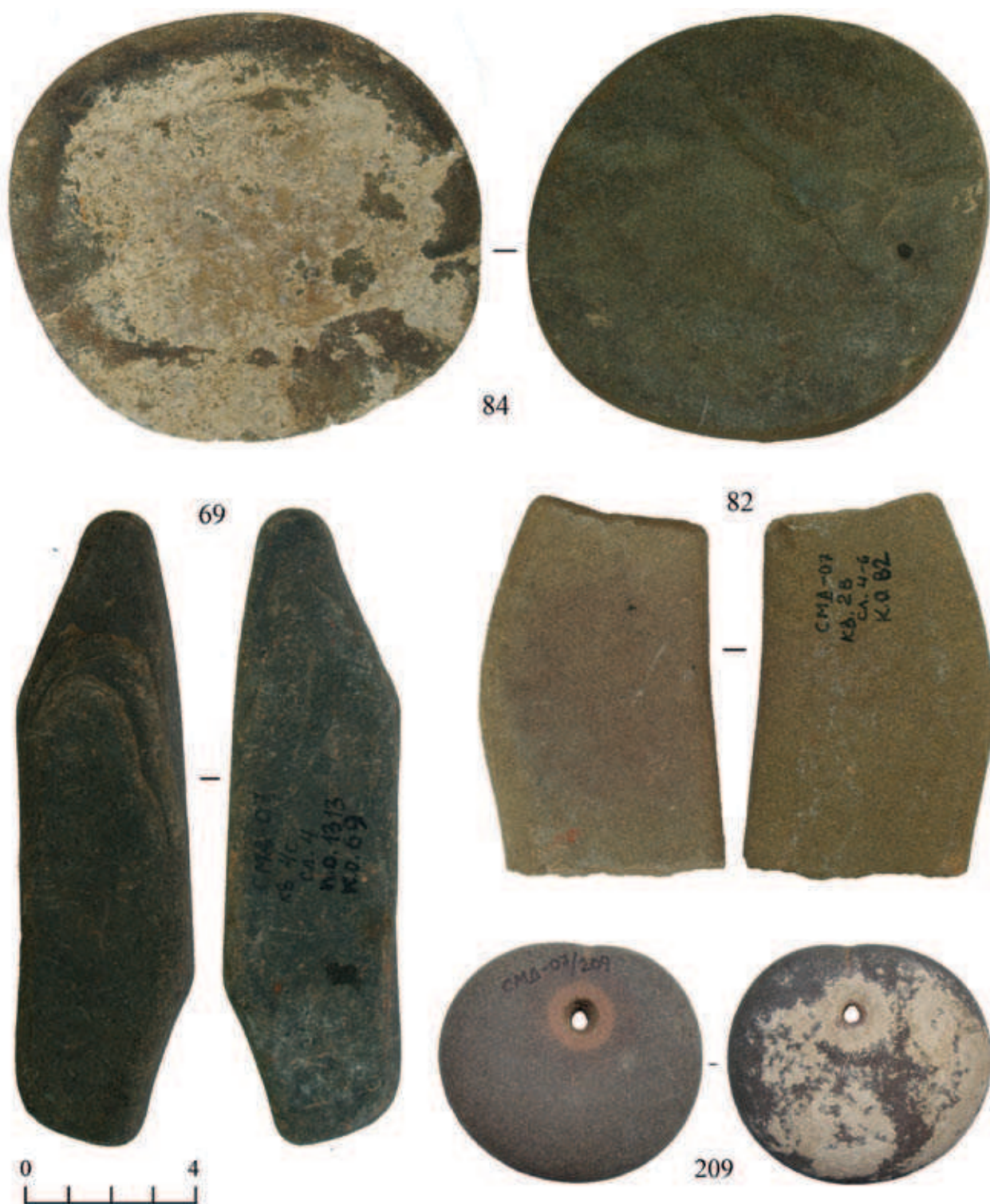

Рис. 6.4. Храм на холме Тузлук. Изделия из песчаника (69, 82 – оселки, 209 – грузило).

82, 84 – слой №№ 6-2, 6-3; 69, 209 – слой № 4.

Fig 6.4. Church on the Tuzluk hill. Sandstone finds (69, 82 – touchstones, 209 – sink stone).

82, 84 – layer nos 6-2, 6-3; 69, 209 – layer no 4.

табл. 36: 48). Они продолжают встречаться в погребальных комплексах, по крайней мере, до XI–XII вв. (Марковин 1996: 192, рис. 14; Айбабин, Хайрединова 2008: 70, рис. 34: 24). С учетом широких хронологических рамок бытования изделий их узкая датировка затруднительна.

С уверенностью можно судить только о нижней дате как пуговиц, так и бубенчиков.

К элементам костюма следует отнести находку в слое № 13 бисерины из зелёного *стекла* (рис. 6.2: 250), точная датировка которой не ясна.

Коллекция металлических изделий, кроме упомянутых выше, включает еще шесть деформированных полос из свинцовых пластин (рис. 6.2: 213, 217, 221, 222, 231, 251). Четыре из них обнаружены в слое № 5, связанном с функционированием храма в третьем строительном периоде перед юго-восточным входом в южный компартимент, одна – в слое № 13 второго строительного периода внутри южного компартимента и еще одна – в слое № 11, образовавшемся на руинах храма. Ширина полос – 0,25-0,6 см, толщина – не более 0,1-0,15 см. Полосы зачастую сложены вдвое. Создается впечатление, что они служили для зажима какого-то тонкого предмета или для крепления на стенке тонкостенного изделия. Наибольшая концентрация находок пластин в слое № 5 вместе с фрагментами лампад и сколами кресального кремня свидетельствует о том, что пластины были каким-то образом задействованы в освещении храма, возможно, являлись конструктивными элементами лампад, например – держателями фитиля. Конструкции из свинцовых пластин для фиксации фитиля лампад известны из раскопок монастырских комплексов в Малой Азии (Gough 1985: fig. 12: 10) (рис. 4.6: 3), на Ближнем Востоке (Hirschfeld 2000: 349, fig. 24; Saller 1941: 310, fig. 18:3, pl. 137, fig. 1:5) (рис. 4.6: 5, 7). Многочисленные находки подобных пластин происходят из раскопок храма в пещере Иограф над Ялтой¹. Здесь они также найдены в контексте с большим количеством фрагментов стеклянных лампад.

Предметы из *камня* представлены изделиями из песчаника и кремнёвыми находками. К числу каменных артефактов относятся два песчаниковых оселка из брусков различных конфигураций (рис. 6.3: 69, 82), изделие уплощённо-цилиндрической формы, представляющее собой поперечный скол округлой в сечении гальки

(рис. 6.3: 84) и грузило из дисковидной гальки с просверленным отверстием для подвешивания (рис. 6.3: 209). Один оселок и изделие из округлой гальки найдены в апсидной части северного компартимента в слоях №№ 6-2, 6-3. Второй оселок и грузило происходят из слоя № 4 (кв. 4С). Эти изделия не несут определённой хронологической нагрузки и могут быть датированы по контексту находки.

Кремнёвые находки гораздо более многочисленны. Они насчитывают 288 единиц и происходят из культурных слоев I–IV строительных периодов. Основная масса кремня (253 ед.) была сконцентрирована в слое № 5, образовавшемся перед юго-восточным входом в южный неф в третьем строительном периоде. Подавляющее большинство находок представлено небольшими кремнёвыми отщепами (рис. 6.3: 355, 387, 505, 639), предназначавшимися, вероятно, для высечения огня металлическим кресалом, и чешуйками, образовавшимися, скорее всего, вследствие этих действий (детальную характеристику кремнёвых артефактов см. в Приложении 7).

Следует отметить, что фрагменты кремня различной конфигурации довольно часто встречаются в материалах синхронных археологических памятников, в частности в могильниках, на поселениях и в святилищах Юго-Восточного, Юго-Западного и Южного Крыма (см. напр.: Айбабина 1993: 119, рис. III: 8, 9; Пономарев 2003а: 270; Кутайсов 2008: 463, рис. 1; Зинько, Пономарев 2009: 74; Айбабин, Хайрединова 2008: 101, 116, табл. 113, 163; Лысенко, Тесленко 2012: 110). Контекст находок свидетельствует о широком использовании этого камня в исследуемый период, как в быту, так и в обрядовой практике. Назначение его, вероятно, было связано, прежде всего, с добыванием огня.

¹ Благодарю Н.П. Турову, ст.н.с. Ялтинского историко-литературного музея, за информацию об этих находках, полученную по результатам её раскопок в пещере Иограф летом 2012 г.

ПОДВЕСКИ ИЗ РАКОВИНЫ МОЛЛЮСКА И ЗУБА ОЛЕНЯ

В коллекции находок из раскопок храма в урочище Еди-Евлер известны только два артефакта фаунистического происхождения. Это раковина морского моллюска и зуб млекопитающего со специально проделанными в них отверстиями, что позволяет сделать предположение об использовании обоих предметов в качестве подвесок (рис. 6.2: 236, 224).

Раковина принадлежит брюхоногому моллюску вида якорек *Cerithium vulgatum* (рис. 6.3: 236), обитающему в черноморских водах¹. Размер раковины – 5,6×1,8×1,75 см. Отверстие (0,4×0,5 см) пробито в 1,2 см от её верхнего края. Подвеска найдена внутри южного компартамента в слое № 12а (кв. 2С). Скорее всего, она оказалась здесь в качестве votивного приношения или, возможно, была утеряна кем-то из прихожан. Использование раковин подобной формы в качестве украшений не было широко распространено. Близкие по внешнему виду подвески удалось выявить среди материалов из раскопок некоторых античных памятников Северного Причерноморья (Алексеева 1982: 31, табл. 18: 17, тип 7, вариант «г»), инвентаря женского и детского погребения IV в. до н.э. из кургана № 13 у с. Суворовское (Сакский район, Крым) (Колтухов 2012: 43, рис. 19: 3), в могиле № 14 некрополя III–IV вв. на юго-восточном склоне г. Чатыр-Даг под Алуштой (Мыц и др. 2006: 49, 144, табл. 18: 17).

Однако видовая принадлежность этих моллюсков не была определена.

Из представителей морской фауны особой популярностью в качестве украшений традиционно пользовались только раковины каури (семейство *Cypraea*). Их многочисленные находки известны среди материалов могильников, начиная с эпохи бронзы и вплоть до развитаго средневековья (см. напр.: Колотухин 1996: 49; Калтухов 2012: 132, рис. 93: 16; Айбабин, Хайрединова 2008: 107-116, табл. 129, 132, 133, 135, 185; Майко 2007: 140). Учитывая, что эти моллюски являются обитателями тропических морей, очевидно, что на территорию Крымского полуострова они попадали в результате торговых операций, в которых они могли выступать в том числе и в качестве денежной единицы.

Зуб млекопитающего представляет собой клык благородного оленя *Cervus elaphus* (рис. 6.2: 224). Его размеры – 2,35×1,0×0,7 см. Отверстие (диаметр – 0,3-0,35 см) просверлено в 0,2 см от окончания корня. Подвеска найдена в слое № 5 к востоку от южного входа в храм (кв. 4С).

Клыки или глазные зубы имеются в верхней челюсти самцов, реже самок, представителей рода Настоящих оленей *Cervus* (Гептнер, Насимович, Банников 1961: 100). Чем животное старше, тем клыки короче и сильнее

сточены. Найденный в церкви клык, скорее всего, принадлежал местному дикому животному – крымскому эндемичному подвиду благородного оленя *C. e. brauneri*. Этот олень появился на полуострове около 10 000 лет назад и до сих пор обитает в горных лесах региона.

Существует мнение, что глазные зубы являются эволюционным рудиментом, который остался в процессе приспособления парнокопытных млекопитающих к употреблению растительной пищи.

Начиная с каменного века, клыки оленя, которые отличаются от остальных зубов округлой формой и отполированностью, привлекали внимание первобытных охотников. Возможно, что украшения из глазных зубов относятся к самым древним ювелирным изделиям человека.

Одна из представительных коллекций, например, происходит из раскопок поздненеолитического Мариупольского могильника на левом берегу р. Кальмиуса (Донецкая область, Украина) (см. напр.: Макаренко 1933: 96, 97, 105-109, рис. 85: 366; 87: 370, 381, 385).

В Крыму наиболее ранние находки подобных украшений известны в слое № 6 (финальный палеолит) пещерной стоянки Шан Коба (Бибииков, Станко, Коен 1994: 67, табл. XX: 13). Подвески из оленьих клыков на полуострове найдены также в погребениях различных культур эпохи бронзы (ямной, кеми-обинской, катакомбной) у сел Целинное (Джанкойский район), Наташино (Сакский район), Зольное (Сакский район), Чистенькое (Симферопольский район) (см. напр.: Колотухин, Тошев 2000: рис. 135: 5; Тошев 2007: 50, 76, 77, 138, рис. 19: 25, 34; 32: 34; 74: 7). Аналогии среди таврских, скифских, эллинских и прочих древностей античной и позднеантичной эпох обнаружить пока не удалось.

Очередной пик популярности таких украшений в Таврике приходится на период раннего средневековья. Просверленные оленьи зубы довольно часто встречаются в составе женских ожерелий на некрополях типа «Суук-Су» и «Лучистое» в погребениях второй половины IV–VII вв. Так, например, в могильнике Суук-Су они найдены в трёх погребальных сооружениях (могилы №№ 5, 55, 87) при женских костяках в одном или двух экземплярах вместе со стеклянными и янтарными бусами, а также металлическими и другими подвесками (Репников 1906: 5, 15, 25, 48, табл. II: 1, 2). В погребальных комплексах некрополя у с. Лучистое близ Алушты известно не менее десятка захоронений с ожерельями, включающими подвески из оленьих зубов (см. напр.: Хайрединова 2007: 171, рис. 10, 11; Айбабин, Хайрединова 2008: 80-81, 96-97, 107-110, 117-118, 120-121, таб. 6, 51, 99, 102, 133, 135, 168, 180). Одно погребение женщины с шестью подобными подвесками в составе ожерелья из янтарных и стеклянных бус обнаружено в погребении могильника у с. Семидворье (могила

¹ Подробную характеристику вида см. в главе 11 «Морские моллюски».

№ 1), расположенном в 350 м к юго-востоку от публикуемого двухапсидного храма (Тесленко, Лысенко 2007: л. 14, рис. 36, 337). Один зуб с просверленным отверстием вместе с янтарной бусиной и бронзовым зеркалом, помещённый в районе кисти левой руки, сопровождал погребение девочки-подростка (?) в коллективном захоронении в грунтовом склепе (могила № 48) этого же некрополя (Тесленко, Лысенко 2007: л. 49, рис. 233, 339). В единичном экземпляре аналогичные подвески обнаружены в составе нагрудных украшений женщины и девочки-подростка на могильниках у с. Скалистое Бахчисарайского района (Веймарн, Айбабин 1993: 83, рис. 56: 14) и в урочище Алония близ Ялты (Черныш, Турова 2001: л. 8, рис. 33: 2).

Из более поздних комплексов следует отметить погребение подростка (вероятно, девочки) в могиле № 174 в некрополе Судак-II, датируемое автором публикации не ранее второй половины X – первой половины XI в. (Майко 2007: 61, 141-142). Здесь два оленьих зуба, вставленные в одну бронзовую оправу, украшенную сканью, занимали центральное положение в ожерелье, состоящем из крупных пастовых и сердоликовой бусин, стеклянного бисера и, возможно, раковины каури (Майко 2007: 61, рис. 61: 1).

Отдельная находка «костяного предмета неправильной формы с отверстием», которая, судя по иллюстрации, представляет собой ни что иное, как такой же глазной олений зуб, происходит из слоя № 3 «строительного сброса» на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп), датированного исследователями временем не ранее середины IX и не позднее середины XI в. (Герцен *и др.* 2006: 408, рис. 31:2).

Для известных в настоящее время захоронений последующих эпох крымского средневековья подвески из оленьих клыков не характерны. Однако на территории Северной Осетии и Мордовии обычай ношения подобных украшений прослеживается вплоть до XIV в. Здесь они довольно часто встречаются в составе ожерелий, сопровождавших женские погребения. В этих ожерельях представлены как экземпляры с просверленным отверстием, так и заключенные в специальные серебряные футлярчики с петельками для подвешивания, украшенные сканью (см. напр.: Милорадович 1963: 94, 100, 104-105; рис. 5: 8-9; 8: 9). Таким образом, как в Крыму, так и на территории Северного Кавказа и Среднего Поволжья в эпоху средневековья глазные зубы оленя включались преимущественно в составе женских ожерелий и, возможно, выполняли функцию амулетов.

Известны и другие варианты использования оленьих клыков в качестве элементов одежды носителей ранних культур. Например, в раннескифских захоронениях VI в. до н.э. на территории Тувы и Красноярского края имеются украшения из клыков марала (подвид благородного оленя), которыми обычно обшивались сумки и женские сапожки. Есть и другие находки этого периода из Европы и Азии, которые указывают на использование зубов оленя в качестве декора женской и мужской одежды (об этом см.: Савинов, Подольский 1997).

Необходимо подчеркнуть, что на территории Таврики традиция использования оленьего зуба в качестве украшения оказалась менее живучей, чем на Северном Кавказе, в Среднем Поволжье и других регионах. Этот специфический элемент женского этнографического костюма характерен в Крыму только для населения, оставившего могильники типа «Суук-Су» и «Лучистое» в эпоху раннего средневековья.

Нельзя не отметить тот факт, что глазные зубы оленя считались желанным трофеем древних охотников не только на территории Евразии, но и на Североамериканском континенте. Клыки американского подвида благородного оленя – вапити, особенно ценились индейцами племен кроу, шаены, сиу, шошоны, банноки и др., проживающими на территории США (Ратцель 1904: 505; Харенгрубер 2002). Их называли «индейским жемчугом» и применяли как украшения, а также в качестве платежного средства. Этнографические исследования позволяют предположить варианты использования зубов оленя первобытными народами Евразийского континента, откуда произошло проникновение людей монголоидной расы на территорию Северной Америки.

Наиболее распространённым способом применения зубов индейцами было обшивание ими элементов женской одежды. Например, социальный статус женщин из племени кроу определялся количеством нашитых на платье клыков вапити, число которых могло достигать до 400-500 экземпляров. Учитывая, что только 2 зуба из челюсти оленя подходит для такого украшения, для изготовления одного платья вся семья должна была в течение длительного времени охотиться на этих животных. Кроме обшивания одежды самые первые клыки оленя, добытые охотником, сохранялись для изготовления шейного украшения, предназначенного для его будущей невесты или дочери (Харенгрубер 2002).

Интересно, что начиная с раннеисторического периода индейцы стали изготавливать имитацию зубов вапити из кости, что обнаруживается на более поздних платьях женщин племени кроу. С конца XIX в. в Америке стали производить клыки из керамики, в настоящее время – из пластмассы, которые пользуются большой популярностью не только у индейцев, но и людей, увлекающихся индейской культурой из многих стран мира.

Сегодня глазные зубы благородного оленя используются в первую очередь для изготовления ювелирных изделий (кольца, кулоны, сережки, браслеты, заколки, запонки и др.), где они заменяют драгоценные и полудрагоценные камни. В качестве охотничьих трофеев они являются популярным декоративным украшением шляп, брелоков, знаков различных охотничьих клубов и т.п. (Герцег 1983: 35).

Подвеска из оленьего зуба, найденная при раскопках храма у с. Семидворье, могла являться votивным приношением в церковь, связанным с определённым обетом или выражением благодарности за исцеление или помощь свыше. Впрочем, не исключено, что подвеска могла быть просто утеряна кем-нибудь из прихожан храма.

ФАУНИСТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ

ПТИЦЫ

Во время раскопок храмового комплекса в урочище Еди-Евлер было зафиксировано значительное количество фаунистических останков. Всего было проанализировано 11600 костных фрагментов позвоночных животных, из которых 11 принадлежали рыбам, остальные – млекопитающим и птицам. Около 90% костных останков представляют собой осколки костей млекопитающих и птиц (в основном, трубчатых), которые не поддаются идентификации из-за сильной деформации в результате употребления в пищу человеком. В большинстве своем не поддаются определению фаланги, позвонки, когти, фрагменты костей черепа, крестца и грудной клетки.

Изучение костных останков птиц из раскопок храма у с. Семидворье было проведено на основе метода сравнения этого материала с костями скелетов современных птиц. Для определения видовой принадлежности фрагментов обнаруженных птичьих костей использовалась сравнительная коллекция Палеонтологического музея Национального научно-природоведческого музея НАН Украины. Терминология приведена в соответствии с

принятыми международными нормами (Baumel *et al.* 1993). Систематика и латинские названия приведены в соответствии с принятыми в работе Л.С. Степаняна (2003). В определении видов птиц принимала участие аспирантка Института зоологии НАНУ Т.Н. Кузьменко, за что автор выражает ей искреннюю благодарность.

Была определена видовая принадлежность 390 фрагментов птиц, принадлежащих приблизительно 155 особям (Табл. 1 и 2), в т.ч. 20 фаланг *phalanges digitorum* и 4 клюва *maxilla*. Один фрагмент определён до семейства. Из 289 фаланг лишь упомянутые выше 20 экземпляров были отнесены к определённому виду птиц.

Различия в количестве особей (Табл.1) объясняются находками костных фрагментов некоторых видов в близких квадратах и слоях, что не дает возможности достоверного отнесения их к останкам одного или нескольких экземпляров.

Костные фрагменты птиц, видовая принадлежность которых была определена, относятся к 19 видам 14 семейств 9 отрядов.

Таблица 1. Видовая принадлежность и количество костных фрагментов птиц, найденных при раскопках.

Вид	Количество фрагментов	Количество особей	% по фрагментам
<i>Gallus domesticus</i> – Домашняя курица	236	76 (71)	60,3
<i>Gallus domesticus sm.</i> – Домашняя курица (мелкая форма)	70	37 (35)	17,9
<i>Otis tarda</i> – Дрофа	48	17 (16)	12,3
<i>Cygnus olor</i> – Лебедь-шипун	7	4	1,8
<i>Coturnix coturnix</i> – Обыкновенный перепел	5	4 (3)	1,3
<i>Turdus merula</i> – Чёрный дрозд	4	4 (2)	1,0
<i>Columba palumbus</i> – Вяхирь	3	3 (2)	0,8
<i>Garrulus glandarius</i> – Сойка	3	2	0,8
<i>Crex crex</i> – Коростель	2	2	0,5
<i>Perdix perdix</i> – Серая куропатка	2	2 (1)	0,5
<i>Caprimulgus europaeus</i> – Козодой	2	1	0,5
<i>Podiceps nigricollis</i> – Чёрношейная поганка	1	1	0,2
<i>Bucephala clangula</i> – Гоголь	1	1	0,2
<i>Tringa erythropus</i> – Щеголь	1	1	0,2
<i>Streptopelia turtur</i> – Обыкновенная горлица	1	1	0,2
<i>Coracias garrulus</i> – Сизоворонка	1	1	0,2
<i>Alauda arvensis</i> – Полевой жаворонок	1	1	0,2
<i>Corvus monedula</i> – Галка	1	1	0,2
<i>Passer domesticus</i> – Домовый воробей	1	1	0,2
<i>Sylviidae sp.</i> – Славковые sp.	1	1	0,2
ВСЕГО	391	161 (148)	100

Таблица 2. Распределение костных фрагментов птиц по археологическим слоям и квадратам раскопа¹.

Квадрат №	Слой №	Вид (лат.)	Фрагменты (лат.)	Кол-во (ед.)
2В (северный компартимент, апсида)	6-2	<i>Sylviidae sp.</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	1
2С	2	<i>Otis tarda</i>	<i>Carpometacarpus</i>	1
			<i>Phalanges digitorum</i>	1
2С (северный компартимент)	2б	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Scapula</i>	1
2С (северный компартимент)	2б (нижн. часть)	<i>Streptopelia turtur</i>	<i>Ulna R</i>	1
			<i>Humerus L</i>	1
		<i>Coturnix coturnix</i>	<i>Ulna L</i>	1
			<i>Carpomet L</i>	1
<i>Caprimulgus europaeus</i>	<i>Ulna R</i>	1		
2С	6-1	<i>Columba palumbus</i>	<i>Carpometacarpus</i>	1
2С	11	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Carpomet</i>	2(2 ос)
			<i>Humerus</i>	1
			<i>Scapula</i>	1
			<i>Radius</i>	2(1 ос)
			<i>Tibiotarsus</i>	2(1 ос)
			<i>Coracoid</i>	1
		<i>Furcula</i>	1	
<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Tibiotarsus</i>	1		
<i>Otis tarda</i>	<i>Phalanges digitorum</i>	1		
2С	11	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Tarsomet</i>	1
3С	11	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	1
			<i>Coracoid</i>	1
2С	12	<i>Garrulus glandarius</i>	<i>Femur</i>	2(1 ос)
			<i>Radius</i>	3(2 ос)
		<i>Otis tarda</i>	<i>Carpometacarpus</i>	3(2 ос)
			<i>Humerus</i>	1
			<i>Phalanges digitorum</i>	2(1ос)
<i>Gallus domesticus</i>	<i>Carpometacarpus</i>	1		
2С и 3С (южный компартимент, апсида)	12	<i>Cygnus olor</i>	<i>Humerus</i>	1
			<i>Ulna</i>	1
			<i>Radius</i>	1
		<i>Otis tarda</i>	<i>Phalanges digitorum</i>	1
			<i>Ulna</i>	2(1 ос)
			<i>Carpometacarpus</i>	2(1 ос)
			<i>Tibiotarsus</i>	1
			<i>Tarsometatarsus</i>	1
<i>Scapula</i>	1			
<i>Radius</i>	2(2 ос)			
2С	12а	<i>Tringa erythropus</i>	<i>Coracoid</i>	1
		<i>Gallus domesticus</i>	<i>Phalanges digitorum</i>	1
2С	12а	<i>Otis tarda</i>	<i>Carpometacarpus</i>	1
			<i>Tibiotarsus</i>	1
		<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Radius</i>	1
			<i>Tarsometatarsus</i>	1
			<i>Humerus</i>	2
			<i>Carpometacarpus</i>	1
			<i>Coracoid</i>	1
<i>Gallus domesticus</i>	<i>Radius</i>	1		
2С-3С (южный компартимент, апсида)	12а	<i>Turdus merula</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	1

¹ Примечание: *Gallus domesticus sm.* – мелкая (карликовая) форма домашней курицы; (ос) – особь.

2C	12a	<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	1	
		<i>Gallus domesticus</i>	<i>Radius</i>	2(1 oc)	
2C	13	<i>Turdus merula</i>	<i>Ulna</i>	1	
			<i>Gallus domesticus</i>	<i>Carpometacarpus</i>	3(2 oc)
		<i>Humerus</i>		3(2 oc)	
		<i>Radius</i>		1	
		<i>Tarsometatarsus</i>		4(2 oc)	
		<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Humerus</i>	1	
			<i>Tarsometatarsus</i>	5(3 oc)	
			<i>Radius</i>	1	
			<i>Coracoid</i>	3(2 oc)	
		<i>Ulna</i>	1		
<i>Otis tarda</i>	<i>Phalanges digitorum</i>	1			
2C	14a	<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Carpometacarpus</i>	1	
			<i>Tarsometatarsus</i>	2(1 oc)	
2D	2	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Humerus</i>	1	
2D	7-1	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Coracoid</i>	1	
2D	7-2	<i>Coturnix coturnix</i>	<i>Carpometacarpus</i>	1	
		<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Radius</i>	1	
2D	7-2	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Humerus</i>	1	
			<i>Phalanges digitorum</i>	1	
2D	11	<i>Turdus merula</i>	<i>Coracoid</i>	1	
			<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Ulna</i>	1
		<i>Femur</i>		1	
		<i>Radius</i>		2(1 oc)	
		<i>Gallus domesticus</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	1	
<i>Furcula</i>	1				
2D	11	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Radius</i>	1	
			<i>Ulna</i>	1	
2D	12a	<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Otis tarda (male)</i>	<i>Carpometacarpus</i>	1
			<i>Gallus domesticus</i>	<i>Radius</i>	1
				<i>Furcula</i>	1
2D	13	<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Radius</i>	1	
			<i>Tarsomet</i>	1	
2D	13	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Scapula</i>	1	
			<i>Furcula</i>	1	
			<i>Radius</i>	1	
2D	13	<i>Coracias garrulus</i>	<i>Coracoid</i>	1	
			<i>Furcula</i>	1	
		<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Scapula</i>	1	
			<i>Ulna</i>	1	
			<i>Carpometacarpus</i>	1	
<i>Tibiotarsus</i>	1				
2D	13	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Maxilla</i>	1	
			<i>Phalanges digitorum sup</i>	1	
			<i>Furcula</i>	1	
			<i>Coracoid</i>	1	
			<i>Ulna</i>	1	
			<i>Tarsomet</i>	1	
2D	13	<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Humerus</i>	1	
			<i>Tarsometatarsus</i>	1	

2D	14	<i>Corvus monedula</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	1
		<i>Gallus domesticus</i>	<i>Humerus</i>	4(2 oc)
			<i>Ulna</i>	2
			<i>Radius</i>	1
			<i>Carpometacarpus</i>	1
			<i>Femur</i>	1
			<i>Tarsometatarsus</i>	5(3 oc)
<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Ulna</i>	1		
	<i>Scapula</i>	1		
2D	14a	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Coracoid</i>	1
			<i>Ulna</i>	1
			<i>Humerus</i>	1
2E (северный компартимент)	2	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Radius</i>	1
2E	4	<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Scapula</i>	1
			<i>Furcula</i>	1
			<i>Radius</i>	1
		<i>Podiceps nigricollis</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	1
		<i>Crex crex</i>	<i>Femur</i>	1
<i>Passer domesticus</i>	<i>Humerus</i>	1		
2E	6	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	1
2E (район входа в северный компартимент)	7	<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Radius</i>	1
2E (район входа в северный компартимент)	7	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Carpometacarpus</i>	1
2E (северный компартимент, западная часть)	7	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Ulna</i>	1
			<i>Furcula</i>	1
<i>Coturnix coturnix</i>	<i>Coracoid</i>	1		
2E, кладка № 6	заполнение	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	1
2E, кладка № 9	заполнение	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	1
			<i>Femur</i>	1
			<i>Tibiotarsus</i>	1
2E, кладка № 9 (СЗ часть)	заполнение	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	1
			<i>Coracoid</i>	1
2E	12	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Ulna</i>	1
2E,F	4	<i>Turdus merula</i>	<i>Humerus</i>	1
			<i>Tarsometatarsus</i>	2(2 oc)
		<i>Gallus domesticus</i>	<i>Coracoid</i>	1
			<i>Radius</i>	1
<i>Tibiotarsus</i>	1			
2E и 3E	14б	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Femur</i>	1
3A	6, 7б	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	1
			<i>Radius</i>	1
3B	4	<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	1
3B	4	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Femur</i>	1
			<i>Furcula</i>	1
3B, кладка № 8	заполнение	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Tarsomet</i>	1
3B, кладки №№ 5 и 8	заполнение между кладками	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Tarsomet</i>	1
3C	2	<i>Otis tarda</i>	<i>Carpometacarpus</i>	1
		<i>Gallus domesticus</i>	<i>Coracoid</i>	1
		<i>Cygnus olor</i>	<i>Humerus</i>	1
3C	2	<i>Otis tarda</i>	<i>Ulna</i>	1
			<i>Carpometacarpus</i>	2(1 oc)

3С	9	<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Humerus</i>	1	
3С	11	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Maxilla</i>	2(2 oc)	
			<i>Tarsometatarsus</i>	2(1 oc)	
			<i>Humerus</i>	1	
			<i>Coracoid</i>	1	
			<i>Carpometacarpus</i>	1	
3С	11	<i>Turdus merula</i>	<i>Ulna</i>	1	
		<i>Gallus domesticus</i>	<i>Coracoid</i>	1	
			<i>Scapula</i>	1	
			<i>Tarsometatarsus</i>	1	
3С	12	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	1	
			<i>Coracoid</i>	1	
			<i>Scapula</i>	1	
			<i>Phalanges digitorum</i>	1	
		<i>Otis tarda</i>	<i>Phalanges digitorum</i>	2(1 oc)	
3С	12	<i>Alauda arvensis</i>	<i>Ulna</i>	1	
		<i>Gallus domesticus</i>	<i>Humerus</i>	1	
			<i>Tarsometatarsus</i>	1	
		<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Radius</i>	1	
			<i>Coracoid</i>	1	
			<i>Humerus</i>	1	
3С	12	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	1	
			<i>Furcula</i>	1	
			<i>Radius</i>	2(1 oc)	
3С	12	<i>Otis tarda</i>	<i>Phalanges digitorum</i>	1	
			<i>Carpometacarpus</i>	2(2 oc)	
		<i>Gallus domesticus</i>	<i>Humerus</i>	1	
			<i>Scapula</i>	1	
			<i>Furcula</i>	1	
			<i>Tarsometatarsus</i>	2(1 oc)	
3С	12	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Coracoid</i>	2(1 oc)	
			<i>Tarsometatarsus</i>	2(1 oc)	
			<i>Radius</i>	1	
			<i>Humerus</i>	1	
3С	12	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Furcula</i>	1	
			<i>Humerus</i>	1	
			<i>Radius</i>	1	
			<i>Tarsometatarsus</i>	2(1 oc)	
3С	12a	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Carpometacarpus</i>	1	
			<i>Gallus domesticus</i>	<i>Tibiotarsus</i>	1
				<i>Tarsometatarsus</i>	1
3С	12a	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Humerus</i>	1	
			<i>Otis tarda</i>	<i>Phalanges digitorum</i>	1
				<i>Tarsometatarsus</i>	1
3С (южный компартимент, апсида)	12б	<i>Gallus domesticus sm</i>	<i>Tarsomet</i>	1	
			<i>Furcula</i>	1	
3С (южный компартимент, апсида)	12в	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	2	
3С	13	<i>Gallus domesticus (male)</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	1	
		<i>Gallus domesticus (fem)</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	2(1 oc)	
			<i>Coracoid</i>	1	
3С	14б	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Coracoid</i>	1	
		<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Scapula</i>	2(1 oc)	
			<i>Coracoid</i>	1	
3С	14б	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Carpometacarpus</i>	1	
			<i>Tarsometatarsus</i>	2(1 oc)	
3С (яма № 10)	14г	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Ulna</i>	1	

3D	2	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	1	
			<i>Humerus</i>	1	
3D	2	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Tibiotarsus</i>	1	
3D (с внешней стороны ЮВ стены)	4	<i>Cygnus olor</i>	<i>Radius</i>	1	
3D	9	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Tarsomet m + tarsomet fem</i>	3(2 oc)	
3D	11	<i>Garrulus glandarius</i>	<i>Tibiotarsus</i>	1	
			<i>Tarsometatarsus</i>	1	
		<i>Gallus domesticus</i>	<i>Maxilla</i>	1	
			<i>Coracoid</i>	1	
			<i>Scapula</i>	1	
			<i>Humerus</i>	2(2 oc)	
			<i>Radius</i>	4(2 oc)	
		<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	1	
<i>Otis tarda</i>	<i>Ulna</i>	1			
3D	11	<i>Columba palumbus</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	1	
			<i>Perdix perdix</i>	<i>Carpometacarpus</i>	1
			<i>Crex crex</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	1
		<i>Otis tarda</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	2	
			<i>Carpometacarpus</i>	1	
			<i>Ulna</i>	1	
		<i>Gallus domesticus</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	3(2 oc)	
			<i>Radius</i>	3(2 oc)	
			<i>Furcula</i>	2	
			<i>Scapula</i>	1	
		<i>Carpometacarpus</i>	1		
3D	11	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Coracoid</i>	2(1 oc)	
			<i>Ulna</i>	1	
			<i>Tibiotarsus</i>	1	
3D	12	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Tibiotarsus</i>	1	
			<i>Ulna</i>	1	
			<i>Humerus</i>	1	
3D	13	<i>Columba palumbus</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	1	
			<i>Carpometacarpus</i>	3(3 oc)	
		<i>Gallus domesticus (fem)</i>	<i>Humerus</i>	1	
			<i>Furcula</i>	1	
			<i>Radius</i>	2(1 oc)	
			<i>Scapula</i>	2(1 oc)	
			<i>Tarsometatarsus</i>	1	
		<i>Gallus domesticus (male)</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	2(1 oc)	
<i>Radius</i>	1				
<i>Coturnix coturnix</i>	<i>Tibiotarsus</i>	1			
3D	13	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Radius</i>	2(1 oc)	
			<i>Perdix perdix</i>	<i>Humerus</i>	1
3D	13	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Coracoid</i>	1	
			<i>Tarsometatarsus</i>	1	
3D	13	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Tibiotarsus</i>	1	
			<i>Humerus</i>	1	
3D	13	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Radius</i>	1	
			<i>Furcula</i>	1	
3D	13	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	1	
			<i>Phalanges digitorum</i>	1	

3D	13	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Coracoid</i>	2(1 oc)
			<i>Radius</i>	1
		<i>Otis tarda</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	2(1 oc)
3D (южный компартимент, у кладки № 11)	13	<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Ulna</i>	1
3D	14	<i>Otis tarda</i>	<i>Ulna</i>	1
		<i>Gallus domesticus</i>	<i>Scapula</i>	1
			<i>Furcula</i>	1
3D	14	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Carpometacarpus</i>	1
			<i>Furcula</i>	1
			<i>Humerus</i>	1
3D	14б	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Humerus</i>	1
3E	2	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Coracoid</i>	1
3E	4	<i>Bucephala clangula</i>	<i>Carpometacarpus</i>	1
3E (с внешней стороны ЮВ стены)	7	<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Ulna</i>	1
3E	9	<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Humerus</i>	1
3E	13	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Humerus</i>	1
			<i>Coracoid</i>	1
			<i>Carpometacarpus</i>	1
			<i>Tibiotarsus</i>	2(1 oc)
			<i>Tarsometatarsus</i>	4(3 oc)
			<i>Phalanges digitorum</i>	2(1 oc)
3E, кладка № 7	зачистка	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	1
3E	13а	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Carpometacarpus</i>	1
3E	14б	<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Tarsomet</i>	1
			<i>Humerus</i>	1
		<i>Gallus domesticus</i>	<i>Furcula</i>	1
			<i>Scapula</i>	1
			<i>Carpomet</i>	1
3E, кладка № 9	зачистка	<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	3(2 oc)
			<i>Carpometacarpus</i>	3(3 oc)
		<i>Gallus domesticus</i>	<i>Coracoid</i>	2(1 oc)
			<i>Scapula</i>	4(3 oc)
			<i>Furcula</i>	1
			<i>Tibiotarsus</i>	1
3F	7	<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Tibiotarsus</i>	1
4C	2	<i>Otis tarda</i>	<i>Tibiotarsus</i>	1
			<i>Humerus</i>	1
			<i>Phalanges digitorum</i>	1
4C	5	<i>Otis tarda</i>	<i>Phalanges digitorum</i>	1
		<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Humerus</i>	1
4C	5 (верхняя часть)	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Humerus</i>	1
4C	6	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Femur</i>	1
4D	1	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	2(2 oc)
			<i>Radius</i>	1
4D	2	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Humerus</i>	1
4D	4	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	1
4D	5	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Coracoid</i>	1
4D	5 (верхняя часть)	<i>Otis tarda</i>	<i>Femur</i>	1
4E	2	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Femur</i>	1

4E	6	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Humerus</i>	1
			<i>Radius</i>	1
Кладка № 1	зачистка	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Coracoid</i>	1
Кладка № 6, проем	заполнение откоса	<i>Otis tarda</i>	<i>Carpometacarpus</i> <i>Phalanges digitorum</i>	1 1
		<i>Cygnus olor</i>	<i>Ulna</i>	2(1 oc)
Кладка № 7 (восточное плечо южного компартамента)	зачистка	<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	2(1 oc)
			<i>Carpometacarpus</i>	1
			<i>Humerus</i>	1
Кладка № 8	зачистка	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Scapula</i>	1
Кладка № 9	заполнение	<i>Gallus domesticus sm.</i>	<i>Humerus</i>	1
			<i>Tarsometatarsus</i>	1
			<i>Radius</i>	2(1 oc)
			<i>Coracoid</i>	1
			<i>Femur</i>	1
		<i>Gallus domesticus</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	1
			<i>Humerus</i>	1
			<i>Coracoid</i>	1
Кладка № 9	зачистка СЗ части	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Humerus</i>	1
			<i>Radius</i>	1
Нет данных	Нет данных	<i>Gallus domesticus</i>	<i>Tarsometatarsus</i>	1

Видовой анализ (дикие птицы)

Отряд Поганкообразные – Podicipediformes

Семейство Поганковые – Podicipitidae

Род Поганка – *Podiceps*

В Крыму отмечены все 5 видов рода Поганок, которые встречаются в Украине: *P. ruficollis*, *P. nigricollis*, *P. auritus*, *P. grisegena*, *P. cristatus*. Из них только красношейная поганка является очень редкой зимующей птицей, чёрношейная недавно стала спорадически гнездиться, а остальные три вида постоянно гнездятся, мигрируют и зимуют на полуострове. При раскопках храма найдены останки *P. nigricollis*.

Чёрношейная поганка *Podiceps nigricollis* (Brehm 1831)

Пролётная и зимующая птица Крыма. В последнее время выявлена на гнездовании. Сроки пролёта и места концентрации птиц в разные годы очень изменчивы. На Южном берегу Крыма регулярно зимует в прибрежной морской зоне с плотностью от 3,0 до 8,7 экз./км. Держится на узкой полосе акватории, где добывает мелкую рыбу (Бескаравайный 2008).

Костные останки чёрношейной поганки в Крыму известны с эпохи плейстоцена (пещера Аджикоба) и позднего голоцена (Тарханкут, округа с. Окуневка) (Винштейнский 1967). Скорее всего, эти птицы добывались случайно, во время охоты на другие виды водоплавающих во время их остановок на миграциях и зимовках. Кроме того, что поганки имеют неприятный вкус мяса, они являются отличными ныряльщиками, что сильно затрудняет их добычу.

При раскопках храма у с. Семидворье определена единственная кость *tarsometatarsus* чёрношейной поганки (Табл. 2).

Отряд Гусеобразные – Anseriformes

Семейство Утиные – Anatidae

Род Лебедь – *Cygnus*

Из птиц, относящихся к этому роду, на Крымском полуострове встречается 3 вида: *C. olor*, *C. cygnus*, *C. bewickii*. Из них только лебедь-шипун гнездится на водоемах Украины. Остальные обитают в области тундры Евразии и встречаются в регионе только во время миграций и зимовок. При раскопках храма найдены останки *C. olor*:

Лебедь-шипун *Cygnus olor* (Gmelin 1789)

Гнездящаяся и зимующая птица Крыма. В последние десятилетия активно расселяется по всему полуострову. Её численность сейчас составляет около 130 пар (Гринченко 2009). В Южном Крыму известны случаи гнездования в районе Коктебеля и Феодосии (Бескаравайный 2008). Многочисленны на линьке (июль – сентябрь) в Каркинитском заливе, где в районе Лебяжьих островов ежегодно концентрируется по несколько тысяч особей (Костин 1983; Лысенко 1991). После окончания линьки шипуны держаться в заливе до конца октября, когда начинается осенняя миграция. В мягкие зимы остается зимовать много лебедей. Основные места зимовки в Крыму сейчас расположены в Восточном Сиваше, где численность птиц может достигать до 8 000 особей (Бюллетень 2011: 19). На Южном берегу Крыма в последние 25 лет зимует спорадично (Бескаравайный 2008). Кормятся птицы на обширных мелководьях с богатой донной растительностью.

Во все времена лебеди были желанной добычей. На птиц охотились ради мяса, перьев и пуха. Они считались украшением трапез привилегированных сословий, в т.ч. высшего духовенства. Исторические источники отмеча-

ют, что на протяжении XIII–XX вв. произошло резкое уменьшение численности и сокращение области гнездования вида (Кириков 1959). В Крыму официальная охота на шипунов продолжалась практически до начала 1930-х гг. (Пузанов 1932). Птиц массово отлавливали на линьках в регионе Лебяжьих островов, когда они теряли способность к полёту.

В регионе Причерноморья костные останки лебедь-шипун известны только среди «кухонных отбросов» поселений античной эпохи: Херсонес, Керченский полуостров, Таманский полуостров, Ольвия, остров Березань, Белгород-Днестровский, Петуховка (Бурчак-Абрамович 1962; Воинственский 1967)¹. В большинстве случаев на таких археологических памятниках представлены останки от 1 до 3 птиц, кроме Ольвии, где определены костные фрагменты 14 особей шипуна (Воинственский 1958). Но, учитывая, что данные из раскопок Ольвии относятся к продолжительному историческому периоду (VI в. до н.э. – IV в. н.э.), можно предполагать, что лебедь-шипун добывался в этих местах также не часто.

Среди материалов раскопок средневекового храма у с. Семидворье (Табл. 1) нами были идентифицированы костные фрагменты четырех особей лебедя (7/4). Скорее всего, они были добыты в миграционный или зимний период в прилегающей прибрежной зоне, т.к. места массовой линьки и зимовки отстоят достаточно далеко от этих мест и находятся на севере полуострова. Из других памятников средневековья, относящихся к Азово-Черноморскому региону, многочисленные останки шипунов (87/14) были найдены при раскопках древней хазарской крепости Саркел (IX–XII вв. н.э.) в Ростовской области Российской Федерации по левому берегу р. Дон. По мнению М.А. Воинственского (1967), птицы добывались там также ради перьев, которые использовались для оперения стрел.

Род Гоголь – *Bucephala*

В Крымском регионе на Украине встречается единственный вид рода *B. clangula*.

Гоголь обыкновенный *Bucephala clangula* (Linnaeus 1758)

Зимующая птица Крыма. В южной части зимует не ежегодно и в ограниченном количестве (Бескаравайный 2008). Основной гнездовой ареал вида расположен на севере Евразии. Занесен в Красную книгу Украины (Акімов 2009). До строительства каскада гидроэлектростанций отдельные пары поселялись в низовьях Днепра. На зимовках бывает обычно с января по март. Питается исключительно мелкими водными животными (рачки, личинки насекомых, рыба).

Судя по археологическим материалам, обитатели Причерноморья иногда добывали этих птиц. Наиболее древняя находка на полуострове относится к плейсто-

ценовой эпохе (пещера Аджикооба) (Воинственский 1963), где была широко представлена фауна «холодного ландшафта» наряду с лесными и водно-болотными видами. Вполне возможно, что гоголь в те времена гнезвился и в Крыму. В более поздний период (голоцен) этот вид обнаружен среди «кухонных отбросов» острова Березань (VII–V вв. до н.э.), Херсонеса (IV–III вв. до н.э.) и полуострова Тарханкут в округе с. Окуневка (I–III вв. н.э.) (Воинственский 1967).

В раскопках храма найдена единственная кость *carpometacarpus* этого вида (Табл. 2). Скорее всего, птица была добыта во время миграции или зимовки. Незначительный процент находок останков гоголя в материалах археологических памятников разных эпох можно объяснить трудностями охоты на него, также как и на других водоплавающих птиц – ныряльщиков.

Отряд Курообразные – Galliformes

Семейство Тетеревиные – Tetraonidae

Род Серая куропатка – *Perdix*

На Крымском полуострове встречается единственный вид рода *P. perdix*.

Серая куропатка *Perdix perdix* (Linnaeus 1758)

Осёдлая птица Крыма. Поселяется на участках с чередованием кустарниковой растительности и открытых пространств, где держится на протяжении всего года. Численность в целом является невысокой. Питается главным образом вегетативными частями растений и семенами (Костин 1983).

Куропатка еще до конца XIX в. считалась основным промысловым видом Крыма, а в 1930-е гг. на полуострове добывали до 15 000 особей в год (Пузанов 1932). Останки этих птиц также известны в археологических материалах большинства памятников Причерноморья различных эпох. Наиболее древние найдены в плиоценовых отложениях Куяльницкого лимана (Одесская область), где определена форма, очень близкая к современному виду (Воинственский 1967). К плейстоценовой эпохе относятся находки в Крыму (грот Киик-Коба, пещера Аджикооба, навес Сюрень I, пещера Караби-Тамчин (Воинственский 1967; Gavris, Taykova 2004). Для эпохи раннего голоцена (конец палеолита) Крыма серая куропатка выявлена в культурных слоях таких памятников как Алимовский навес и пещеры Кара-Коба и Шан-Коба (Воинственский 1967). Останки этого вида представлены среди «кухонных отбросов» античных поселений Ольвии и о-ва Березань (Воинственский 1967).

Из средневекового храма у с. Семидворье нами идентифицировано 2 костных фрагмента серой куропатки *carpometacarpus* и *humerus*. Их расположение в одном квадрате и близких слоях раскопа (Табл. 2) не дает четкого представления о принадлежности этих останков одной или двум различным птицам.

Род Перепел – *Coturnix*

В Крыму и Украине обитает единственный вид рода *C. coturnix*.

¹ Автор благодарит ведущего инженера Зоологического музея Национального научно-природоведческого музея НАН Украины С. Ю. Тайкову за уникальную информацию по Херсонесу и Ольвии, использованную в работе.

Обыкновенный перепел *Coturnix coturnix* (Linnaeus 1758)

Гнездящаяся и мигрирующая птица Крыма и его южной части. Населяет открытые местообитания. Зимует редко. Весенний пролёт идет с марта по май, осенний – с августа по ноябрь. Во время осенней миграции могут образовываться локальные скопления («высыпки»), когда птицы останавливаются в горах и на Южном берегу перед броском через Чёрное море. Питается растительными (семена трав) и частично животными (наземные моллюски, насекомые) кормами (Костин 1983).

Как и куропатка, перепел в XIX в. заготавливался в Крыму на промысловой основе. В конце 1920-х гг. охотниками добывалось 250-500 000 особей в сезон (Пузанов 1932). На памятниках Крыма останки перепела встречаются также достаточно часто. На палеолитических стоянках вид найден в пещерах Аджикоба, Кара-Коба, Мурзак-Коба и под навесами Сюрень I и Алимовский. К эпохе неолита относятся находки костных фрагментов перепела в позднеголоценовых слоях Алимовского навеса, навеса Таш-Аир I и античных поселений округи пос. Чайка (Евпаторийский район) (Воинственский 1967). Примечательно, что в раскопках большинства упомянутых памятников представлены останки нескольких особей; максимально – в культурных слоях Алимовского навеса (37/12).

При раскопках храма в урочище Еди-Евлер идентифицированы фрагменты трёх (четырёх) птиц, которые относятся к различным временным отрезкам периода существования памятника (Табл. 2). Скорее всего, перепела были добыты в южных предгорьях Крыма во время осенних «высыпок».

Отряд Журавлеобразные – Gruiformes

Семейство Пастушковые – Rallidae

Род Коростель – *Crex*

В Крыму и на остальной территории Украине обитает единственный вид рода *C. crex*.

Коростель *Crex crex* (Linnaeus 1758).

Гнездящаяся и перелётная птица Крыма. Поселяется на луговых участках вдоль рек и пресных водоемов. С 1970-х гг. численность и распространение на полуострове сильно сократились. Сейчас в небольших количествах поселяется только в предгорьях и на яйле; общая численность не превышает 20-30 пар. Во время осенних миграций в горной части Крыма птицы могут образовывать значительные локальные скопления («высыпки») – от нескольких сот до нескольких тысяч особей. Это происходит, когда птицы вынуждены задерживаться на несколько дней при неблагоприятных погодных условиях. Общая численность коростелей, которые останавливаются в Крыму во время сезонных миграций (пролётов), сейчас оценивается в 40-60 000 особей (Гринченко 2005).

Высокие вкусовые качества мяса коростеля всегда ценились человеком. Это подтверждают находки костных останков этой птицы в раскопках археологических

памятников полуострова, относящихся к позднему палеолиту (навес Сюрень I, Куйбышевский р-н Крыма) и античному периоду (Ай-Петринская яйла) (Воинственский 1967).

Из двухаксидного храма было идентифицировано две особи коростеля (Табл. 1). Поскольку его фрагменты расположены как в разных компартиментах церкви, так и в различных слоях (Табл. 2), можно утверждать, что птицы попали в храм в разное время на протяжении столетнего периода.

Семейство Дрофиные – Otididae

Род Дрофа – *Otis*

На полуострове встречается единственный вид рода *O. tarda*

Дрофа *Otis tarda* (Linnaeus 1758)

Гнездящаяся, пролётная и зимующая птица Крыма. Занесена в национальную Красную книгу. Вес самца достигает 18 кг. Селится на участках целинных степей, пастбищах, пустошах. Общая численность в Украине в период размножения составляет до 850 особей (150-200 гнездовых самок), из которых свыше 80% сосредоточено в Крыму в регионе Тарханкута и Керченского полуострова. На зимовках на юге Украины численность может достигать до 12 400 особей (Андрющенко, Стадниченко 1999; Андрющенко 2009). На Южном берегу Крыма в настоящее время встречается крайне редко в миграционный и зимний период (Бескаравайный 2008). Однако случаи массового появления этих птиц (залётов) на Южном берегу во время суровых зим, где большинство их погибало от бескормицы и преследования человеком известны вплоть до середины XX в. (Костин 1983).

Судя по материалам раскопок археологических памятников разных эпох, дрофы занимали существенное место в питании жителей южных регионов. На птиц массово охотились во время осенней гололедицы, когда дожди сменялись заморозками, и они утрачивали возможность летать. Также дроф добывали в снежные зимы, когда они были вынуждены искать пропитание в прибрежной зоне. Костные останки дроф встречаются на памятниках юга Украины, начиная с конца плейстоцена (Крым, пещеры Мурзак-Коба и Фатьма-Коба) (Воинственский 1967). В античный период их кости встречаются среди «кухонных отходов» большинства известных археологических памятников Причерноморья. Наибольшее число птиц идентифицировано в материалах раскопок Херсонеса (27/15) и Ольвии (22/10) (Воинственский 1967).

Среди «кухонных отходов» храма останки дрофы значительно преобладают над остальными видами диких птиц (Табл. 1). Общее количество особей (48/17) также впечатляет, учитывая, что речь идет о четко ограниченном периоде времени. Расположение фрагментов в различных слоях и квадратах раскопа (Табл. 2) может свидетельствовать о том, что птицы были принесены в храм в различные периоды его существования. Скорее всего, дрофы регулярно добывались местными охотни-

ками во время миграционных перемещений и зимовок на юге полуострова.

Отряд Ржанкообразные – Charadriiformes

Семейство Бекасовые – Scolopacidae

Род Улит – *Tringa*

Из птиц, относящихся к этому роду, в Крыму встречается 6 видов: *T. ochropus*, *T. glareola*, *T. nebularia*, *T. totanus*, *T. erythropus*, *T. stagnatilis*. Из них гнездится только травник, остальные посещают полуостров во время миграций и летних кочевок. При раскопках храма найдены останки *T. erythropus*.

Щеголь *Tringa erythropus* (Pallas 1764)

Пролётная и кочующая (летующая) птица Крыма. Встречается реже, чем другие кулики из группы улитов. Держится и кормится на мелководьях, не образуя больших скоплений (Костин 1983).

Костные фрагменты щеголя попадают в археологических памятниках Украины крайне редко. Известны только две находки, относящиеся к памятнику позднего палеолита в Новгороде-Северском (Черниговская область) и аллювиальным отложениям среднего течения Днепра (Воинственский 1967).

Среди археологических материалов южного компартиента храма нами была определена кость *coracoid*, принадлежавшая щеголю (Табл. 2). В настоящее время она является первой археологической находкой этого вида в Крыму и единственной в Украине, относящейся к эпохе средневековья. Птица, очевидно, была добыта в береговой зоне вместе с другими водно-болотными пернатыми во время остановок на миграциях.

Отряд Голубеобразные – Columbiformes

Семейство Голубиные – Columbidae

Род Голубь – *Columba*

В Крыму обитают все 3 вида голубей, которые гнездятся на Украине: *C. palumbus*, *C. oenas*, *C. livia*. При раскопках храма найдены останки *C. palumbus*.

Вяхирь *Columba palumbus* (Linnaeus 1758)

Гнездящаяся, пролётная и зимующая птица Крыма и его южной части. В последние десятилетия активно расселяется по полуострову. Держится в лесных биотопах и населённых пунктах. Регулярно зимует на полуострове. Большую часть года основу питания составляют желуди и буковые орехи. В холодное время вяхири формируют стаи от нескольких десятков до двух сотен и нередко появляются на южнобережных склонах и полях северных предгорий (Бескаравайный 2008; Костин 1983).

Голуби являются традиционной охотничьей птицей, которых добывают в периоды их скоплений на послегнездовых кочевках. В Крыму этот вид известен на палеолитических стоянках (навес Сюрень I, пещера Мурзак-Коба) и в культурном слое такого памятника как Алимовский навес, относящегося к периоду позднего голоцена (Воинственский 1967).

Из раскопок храма определены 3 костных фрагмента вяхири. Их месторасположение (Табл.2) дает возможность предполагать, что они принадлежали как мини-

мум двум особям, которые были добыты в разное время.

Род Горлица – *Streptopelia*

На территории полуострова гнездятся 2 вида горлиц: *S. decasocto* и *S. turtur*. При раскопках храма найдены останки *S. turtur*.

Обыкновенная горлица *Streptopelia turtur* (Linnaeus 1758)

Гнездящаяся и перелётная птица Крыма. Весной (апрель-май) летит широким фронтом по всему полуострову; осенний пролёт выражен слабее. На Южном берегу Крыма гнездится малочисленно и доходит лишь до границы сплошных лесов. В конце лета птицы концентрируются на полях, где собирают семена культурных зерновых и массовых видов трав (Костин 1983).

Останки обыкновенной горлицы на археологических памятниках Причерноморья известны только на палеолитической стоянке навеса Сюрень I в Крыму (Воинственский 1967). В раскопках храма была определена *ulna* данного вида. Скорее всего, птица была добыта в период послегнездовых кормовых кочевок.

Отряд Козодоеобразные – Caprimulgiformes

Семейство Козодоевые – Caprimulgidae

Род Козодой – *Caprimulgus*

В Крыму, также как и на остальной территории Украины, встречается единственный вид рода *C. europaeus*

Обыкновенный козодой *Caprimulgus europaeus* (Linnaeus 1758)

Гнездящаяся и перелётная птица Крыма. На Южном берегу Крыма регулярно встречается во время осенних и весенних миграций. Населяет дубняки северных и юго-восточных предгорий вплоть до Алушты (Костин 1983). Питается летающими насекомыми, которых ловит в сумерках на лесных опушках.

Судя по редким находкам на древних памятниках на территории Украины, козодой не представлял интереса для человека и специально не добывался. На археологических памятниках Причерноморья останки этого вида обнаружены в голоценовых слоях Алимовского навеса в Крыму и античной Ольвии (Воинственский 1967). В материалах раскопок храма у с. Семидворье идентифицированы *humerus* и *ulna*, принадлежащие одной особи козодоя (Табл. 2).

Отряд Ракшеобразные – Coraciiformes

Семейство Сизоворонковые – Coraciidae

Род Сизоворонка – *Coracias*

На Крымском полуострове встречается единственный вид рода *C. garrulous*.

Сизоворонка *Coracias garrulous* (Linnaeus 1758)

Гнездящаяся и перелётная птица полуострова. Занесена в Красную книгу Украины. Поселяется в равнинном Крыму и предгорьях восточной части южнобережья. Гнёзда располагаются в земляных (обрывы), каменных и деревянных (дупла) укрытиях. Питается крупными насекомыми (Костин 1983).

Как потенциальная добыча, сизоворонка могла привлекать человека только своим необычайно ярким и нарядным оперением. В археологии Причерноморья останки этого вида известны только в культурных слоях навеса Сюрень II (Куйбышевский район, Автономная Республика Крым), относящегося к периоду позднего палеолита (Воинственский 1967). В раскопках средневекового храма найдена одна кость *coracoid*, принадлежащая этой птице.

Отряд Воробьинообразные – Passeriformes

Семейство Жаворонковые – Alaudidae

Род Полевой жаворонки – *Alauda*

На Крымском полуострове обитает единственный вид рода *A. arvensis*.

Полевой жаворонки *Alauda arvensis* (Linnaeus 1758)

Гнездящаяся, перелётная и зимующая птица Крыма. Повсеместно населяет открытые и полукрытые биотопы. В суровые и снежные зимы на Южном берегу наблюдаются большие скопления птиц, которые нередко массово гибнут от бескормицы. Питается растительными кормами и насекомыми (Костин 1983).

Останки полевых жаворонков были обнаружены на первобытных стоянках Крыма, относящихся к плейстоценовой и голоценовой эпохам (грот Чокурча, навес Сюрень I, Алимовский навес), а также на полуострове Тарханкут на поселении I–III вв. в округе с. Оленевка (Воинственский 1967). Во всех случаях было найдено по одному костному фрагменту этого вида. При раскопках средневекового храма у с. Семидворье также зафиксирована лишь одна кость *ulna* жаворонки (Табл. 2).

Семейство Врановые – Corvidae

Род Сойка – *Garrulus*

Представлен в Крыму и на Украине единственным видом *G. glandarius*

Сойка *Garrulus glandarius* (Linnaeus 1758)

Осёдлая птица полуострова. Гнездится преимущественно в горно-лесной части Крыма. На южных склонах населяет заросли дуба пушистого и грабинника. В зимнее время появляется в населённых пунктах Южного берега Крыма (Костин 1983).

Останки сойки найдены на большинстве палеолитических стоянок Крыма: грот Чокурча, навес Сюрень I, навес Сюрень II, пещера Мурзак-Коба, пещера Шан-Коба (Воинственский 1967). Все эти памятники расположены в местах современного обитания сойки, в отличие от более поздних античных поселений Причерноморья, где этот вид вообще не был обнаружен.

Среди «кухонных отбросов» храма идентифицированы 3 фрагмента, принадлежащие двум особям сойки (Табл. 2). Очевидно, птицы этого вида периодически оказывались в окрестностях храма, поскольку он располагается в пределах гнездового ареала сойки на полуострове.

Род Ворон – *Corvus*

В Крыму в настоящее время встречаются все четыре вида рода *Corvus*. Из них практически осёдлыми являются *C. monedula*, *C. cornix*, *C. corax*. Полная замена местной популяции в зимнее время происходит только у грача *C. frugilegus*.

Галка *Corvus monedula* (Linnaeus 1758)

Большая часть крымских птиц является осёдлыми. Гнездится отдельными парами и колониями в населённых пунктах, среди отдельных групп деревьев, в обрывах и на скалах. В питании преобладают животные корма (Костин 1983).

Останки галки, как и большинства других видов вороновых – спутников человека, найдены при раскопках многих палеолитических стоянок горного Крыма: навес Сюрень I, навес Сюрень II, Алимовский навес, пещера Мурзак-Коба, пещера Караби-Тамчин (Воинственский 1967; Gavris, Taykova 2004). На античных поселениях Причерноморья две особи этого вида определены для Ольвии (Воинственский 1967).

При раскопках храма обнаружена лишь одна кость *tarsometatarsus* галки. Птицы вполне могли поселяться здесь или залетать в зимний период.

Семейство Мухоловковые – Muscipidae

Род Дрозд – *Turdus*

На территории полуострова сейчас встречается шесть видов дроздов, из которых 3 гнездится (*T. merula*, *T. philomelos*, *T. viscivorus*), а остальные бывают только на пролёте, зимовке или залетают спорадически.

Чёрный дрозд *Turdus merula* (Linnaeus 1758)

В Крыму встречается два подвида чёрного дрозда, из которых один является осёдлым, а другой – только мигрирует и зимует. Эта птица поселяется среди древесной и кустарниковой растительности. На Южном побережье многочисленна на гнездовании. Зимует в горах, предгорьях и населённых пунктах. Питается преимущественно насекомыми (Костин 1983).

Судя по находкам останков особей этого вида на большинстве археологических памятников эпохи палеолита, чёрный дрозд и тогда был многочисленной птицей горного Крыма. Этот вид известен в материалах культурных слоев навеса Киик-Коба, навеса Сюрень I, Алимовского навеса, навеса Сюрень II, пещеры Мурзак-Коба и пещеры Шан-Коба (Воинственский 1967). В некоторых случаях в материалах памятников представлено по несколько особей.

Костные фрагменты двух птиц идентифицированы из раскопок средневекового храма (Табл. 1).

Семейство Воробьиные – Passeridae

Род Воробей – *Passer*

В настоящее время на территории полуострова обитают два представителя рода: *P. domesticus* и *P. montanus*.

Домовый воробей *Passer domesticus* (Linnaeus 1758)

Осёдлая птица Крыма. Является типичным синан-

тропным видом, распространение которого тесно связано с жильем человека. В археологических материалах останки домового воробья найдены в культурных слоях палеолитических стоянок навеса Сюрень I, Алимовского навеса и пещеры Фатма-Коба (Воинственский 1967). Из раскопок храма нами определена кость *humerus*, принадлежащая этому виду.

Полученные данные позволяют сделать следующие выводы. Бесспорным доминантом является домашняя курица – 60,3%. Её мелкая форма (17,9%) и дрофа (12,3%) представлены значительно меньше; останки особей остальных видов составляют всего от 1,8% – до 0,2% (Табл. 1). Таким образом, можно утверждать, что домашние виды, по сравнению с дикими, составляли около 2/3 «птичьего» рациона участников праздничных общинных трапез в храме (78,2 и 21,8% соответственно) (об этой традиции «приходского православия» в Византии см. главу 14 «Литургические особенности храма»). Из всех идентифицированных фрагментов домашней курицы были обнаружены только 3 цевки *tarsometatarsus* со «шпорами», которые явно принадлежат петухам. Это свидетельствует о том, что петухи здесь употреблялись редко. Сходная тенденция наблюдается среди «кухонных отбросов» и большинства античных и средневековых памятников юга Украины (Воинственский 1967). Что касается мелкой формы домашней курицы (в наше время представлена породой Бентамка), фрагменты которой составляют больше 20%, то она также была широко распространена в различных культурах региона в исторический период. Поскольку у нас нет данных о существовании прихрамового хозяйства, то стоит предположить, что обе формы кур содержались вместе с другими домашними животными как источник яиц и мяса на подворьях прихожан, проживавших в расположенном неподалёку поселении. Птицы могли попадать на территорию церковного комплекса как приношения для общих трапез во время литургических или семейных праздников.

Большое разнообразие диких видов птиц (17 видов) среди кухонных отходов одного храма требует специального анализа.

Типичными охотничьими видами являются дрофа, голуби, коростель, перепел, куропатка, поганки, лебеди и утки. Водоплавающие отлавливались сетями и силками во время зимних скоплений. Кулики из-за высокого

качества мяса также высоко ценились во все времена. Кулик – щеголь является северным видом, бывающим в Крыму во время миграций, когда он, очевидно, и был добыт в прибрежной морской зоне.

Такие виды, как сойка, чёрный дрозд и полевой жаворонок также добывались в средние века для употребления в пищу. Сойка до сих пор является в Чехии охотничьим видом, а дрозды, жаворонки и другие певчие птицы массово отстреливаются в Италии, Франции и Испании.

Галка и домовый воробей являются типичными синантропными видами и спутниками человека еще со времен палеолита. Эти птицы могли селиться под стропилами церкви и кормиться доступными пищевыми отходами.

Наиболее интересными находками являются костные останки сизоворонки и козодоя. Скорее всего, они были случайно добыты во время охоты местными жителями и принесены в храм в качестве подношений, поскольку в средние века в пищу употреблялись практически все виды птиц. Однако не исключено, что эти виды были добыты по иной причине. Козодой, из-за своего образа жизни, в фольклоре многих народов считался вредной птицей, которая в сумерках выдаивает молоко у домашнего скота. Возможно, птицу или её тушку принесли в храм по религиозно-магическим соображениям в виде ритуальной жертвы с целью последующей защиты от нечистой силы. Относительно сизоворонки стоит заметить, что эта птица, величиной с галку, обладает очень красочным фиолетово-синим оперением, которое могло использоваться как элемент украшения храма и общинной трапезы.

В отношении сезонных аспектов появления в храме охотничьих видов можно предполагать, что водоплавающие и кулики, очевидно, отлавливались сетями и силками на массовых зимовках в морской прибрежной зоне, а также во время остановок на весенних и осенних миграциях. Дрофа, скорее всего, также добывалась в зимний период. Перепел является мигрирующей птицей и массово встречается осенью на яйлах и предгорьях на «высыпках» вплоть до настоящего времени. Остальные костные фрагменты диких птиц, найденные при раскопках храма у с. Семидворье, принадлежат осёдлым представителям лесного, степного и синантропного комплексов. Они могли стать добычей охотников и попасть на общинный стол в любое время года.

МЛЕКОПИТАЮЩИЕ

Остеологический материал из раскопок двухпсидного храма в урочище Еди-Евлер, представленный костными останками млекопитающих, обработан с помощью общепринятых методик, которые традиционно используются при морфо-систематическом и морфо-функциональном изучении подобных коллекций. Количество останков того или другого вида подсчитывалось по целым костям или их диагностическим фрагментам. На основе этого определялось количество особей.

При изучении отдельных таксономических групп использовались разные методики изучения костных останков. Для каждой из таких групп таксона в разное время разными авторами были предложены методики измерений, которые впоследствии совершенствовались в зависимости от материала и исходя из научных потребностей. Например, для изучения полорогих такие методики были разработаны К.К. Флеровым (1952, 1972), для парнокопытных вообще – Дж. Моралесом и Д. Сориа (Morales, Soria 1995).

В определении обнаруженных при исследовании останков принимал участие в.н.с. Палеонтологического музея Национального научно-природоведческого музея НАН Украины д.б.н. профессор Л.И. Рековец, за что автор выражает ему искреннюю благодарность.

Среди всех остеологических материалов, происходящих из археологических исследований, была определена видовая принадлежность 139 костей, их фрагментов и зубов, принадлежащих 23 особям. К сожалению, большинство костных останков (более 95%) в результате употребления их в пищу человеком, последующей депозиции и субэпидермального разрушения имеют большую фрагментарность и незначительные размеры, что делает их непригодными для определения. В основном не поддаются определению фрагменты диафизов трубчатых костей копытных, что, кроме перечисленного, связано еще и с молодым индивидуальным возрастом этих животных.

Определённые костные останки млекопитающих относятся к 5-6 видам 4 семейств 3 отрядов.

Таблица 1. Видовая принадлежность и количество костных фрагментов млекопитающих, найденных при раскопках.

Вид	Количество останков	Количество особей	% по останкам
<i>Lepus europaeus</i> – Заяц-русак	8	3	5,75
<i>Cricetus cricetus</i> – Обыкновенный хомяк	1	1	0,72
<i>Sus scrofa domesticus</i> – Домашняя свинья	22	4	15,83
<i>Bos taurus</i> – Домашний бык или корова	5	1	3,60
<i>Ovis aries</i> – Домашняя овца или <i>Capra aegagrus hircus</i> – Домашняя коза	103	14	74,10
ВСЕГО	139	23	100

Таблица 2. Распределение останков млекопитающих по археологическим слоям и квадратам раскопа.

Квадрат №	Слой №	Вид (лат.)	Фрагменты (лат.)	Кол-во (ед.)
1C	3	<i>Sus scrofa domesticus</i>	P ₄	1
			M ₁	1
1C	5	<i>Ovis et Capra</i>	M ¹	1
1C	7б	--	M ₂	1
			tibia	1
1D	3	--	M ₂	1
1D (северный компартимент)	6	--	talus	1
2A	6	--	M ₂	1
2A	7	--	M ₁	1
2B	6-1/7-1	--	vertebra cervicales	1
			p ²	1
		<i>Sus scrofa domesticus</i>	processus spinosus	1
2B	7б	<i>Ovis et Capra</i>	M ¹	1
2B	12	--	dP ₃	1
2B	14б	--	dI ₁₋₂	2

2C	6-1	--	P ₃	1
			M ₂	1
2B-C (северный компартимент)	7-1	--	dI _{1,2}	1
			dP?	1
			<i>pars petrosa</i>	1
2C	9	--	<i>humerus</i>	1
2C	11	--	<i>costa</i>	1
		<i>Sus scrofa domesticus</i>	<i>phalanx distalis</i>	1
2C	12	<i>Ovis et Capra</i>	M ²	1
			<i>sesamoideum</i>	1
2C	12a	--	M ₂	1
			<i>phalanx proximalis</i>	1
			<i>phalanx media</i>	1
2C (южный компартимент, апсида)	12a	--	<i>phalanx distalis</i>	2
2C	12a	--	<i>phalanx media</i>	2
2C (южный компартимент, апсида)	12в	--	P ₃	1
2C	13	<i>Sus scrofa domesticus</i>	<i>Ossis articulatio radiocárpea</i>	6
			<i>costa</i>	1
2D	6-2	<i>Ovis et Capra</i>	M ¹	1
2D	12	--	<i>costa</i>	1
			<i>metacarpal</i>	1
			<i>metatarsi</i>	2
			<i>metatarsus centralis</i>	1
			<i>phalanx proximalis</i>	3
			<i>phalanx media</i>	2
			<i>phalanx distalis</i>	1
2D	13	--	<i>metacarpal</i>	2
			<i>phalanx distalis</i>	1
2E	1	--	P ₂	1
			<i>tibia</i>	1
2E	2	--	<i>phalanx proximalis</i>	2
			<i>phalanx media</i>	1
2E	5	--	<i>phalanx distalis</i>	1
			dP _{3?}	1
2E	6	--	M ¹	1
			dP _{4?}	1
			P ₃	1
			M ₂	1
			<i>talus</i>	1
2E (у входа в северный компартимент)	7	--	dP ₄	1
			<i>metacarpus</i>	1
		<i>Bos taurus</i>	<i>sesamoideum</i>	1
2E (у ЮЗ стены южного компартамента)	7	--	M _{1,2}	1
		<i>Ovis et Capra</i>	dP ₂	1
2E	7	<i>Bos taurus</i>	<i>sesamoideum</i>	1
2E (с внешней стороны ЮЗ стены)	7	<i>Ovis et Capra</i>	<i>patella</i>	1
2E (южный компартимент)	13б	--	<i>phalanx media</i>	1
2E, F	4	<i>Lepus europaeus</i>	<i>mandibula</i>	2
			<i>humerus</i>	1
2F	2	<i>Ovis et Capra</i>	M ¹	1
			M ²	1
2F	6	--	M ¹	1
			<i>metacarpal</i>	1
2F	7	--	M ¹	2
			dI ₁	1
			dI ₂	1
3B	4	--	dI ₁	1

3C	5	--	dI ₂	1
			dP ³	1
3C	6	--	M ₂	1
			costa	3
3C	10	<i>Sus scrofa domesticus</i>	M ₁	1
3D	1	<i>Ovis et Capra</i>	phalanx media	1
3D (с внешней стороны ЮВ стены)	6	--	dI ₂	1
			dP ₂	1
			dP ₄	1
			M ¹	1
			M ₂	1
			M ₃	1
		<i>Sus scrofa domesticus</i>	dP?	1
3D (южный компартимент)	9	<i>Ovis et Capra</i>	costa	1
3D (южный компартимент)	11	<i>Lepus europaeus</i>	phalanx	1
		<i>Sus scrofa domesticus</i>	phalanx media	1
3D (южный компартимент)	13	<i>Lepus europaeus</i>	tibia	1
3E	2	--	humerus	2
		<i>Sus scrofa domesticus</i>	costa	2
3E	4	<i>Ovis et Capra</i>	M ¹	1
			vertebra cervicales	1
		<i>Sus scrofa domesticus</i>	dP?	1
3E	5	<i>Ovis et Capra</i>	M ¹	1
			astragalus	1
3E	6	--	dP ₄	1
			M ₁	1
			P ₂	1
			costa	1
3E	6	--	M _{2,3}	1
			vertebra lumbales	1
3E	7	--	M ¹	1
		<i>Sus scrofa domesticus</i>	M ₁	1
3E (южный компартимент)	9	<i>Ovis et Capra</i>	tibia	1
		<i>Sus scrofa domesticus</i>	M ₁	1
		<i>Lepus europaeus</i>	mandibula	1
		<i>Cricetus cricetus</i>	mandibula	1
3F	2	<i>Ovis et Capra</i>	M _{1,2}	1
			astragalus	1
3F	4	--	M ₂	1
2B (апсида северного компартимента)	2B	--	M ¹	1
4C (очаг)	7a	--	M ¹	1
			M _{2,3}	1
4C	4	<i>Bos taurus</i>	ulnaris carpal	1
4C	5	--	phalanx media	1
		<i>Ovis et Capra</i>	M ₂	1
			P ₂	1
			dI ₁	1
			dI ₂	1
4C	7	--	M ₁	1
4C	6	--	M ¹	1
			M ₁	1
			phalanx media	1
		<i>Sus scrofa domesticus</i>	dP	1
4C (очаг)	7a	<i>Ovis et Capra</i>	M ₂	1
4D	5	--	M ¹	1
			M ²	3
			P ₃	1
			M ₂	1
		<i>Sus scrofa domesticus</i>	dP?	1

4D	7	<i>Ovis et Capra</i>	M ₁	1
			M ₂	1
			<i>femur</i>	1
4D	7 (нижняя часть)	--	<i>atlas</i>	1
			M ¹⁻²	1
			<i>Sus scrofa domesticus</i>	dP?
4D	7	<i>Ovis et Capra</i>	dl _{1,2}	1
Могила 1, засыпь		--	<i>mandibula</i> (dP ₄ , M ₁)	1

Видовой анализ

Отряд Зайцеобразные – Lagomorpha (Brandt 1855)

Семейство Зайцевые – Leporidae (Fischer 1817)

Род Зайцы – *Lepus* (Linnaeus 1758)

Род включает до 30 видов; на территории Украины известны 2 вида. Длина тела 40-75 см, длина ступни 10-19 см, длина хвоста 4-10 см, масса 1,3-7 кг. Уши размером до 1/2 длины тела, почти всегда длиннее головы, их кончики чёрные. мех густой, мягкий, волнистый. Встречаются в открытых и лесных пространствах, в горах до 4000 м над уровнем моря. Осёдлые, живут одиночно, но во время бескормицы собираются большими группами и кочуют. Лёжки устраивают среди кустов. Перед залеганием на днёвку путают следы. Размножаются 2-3 раза в год.

Заяц-русак – *Lepus europaeus* (Pallas 1778)

Длина тела 55-68 см, масса 3,5-6 кг. Ухо длиной 10-12 см, загнутое вперёд, далеко заходит за кончик носа. Хвост клиновидный, белый снизу, с чёрной полосой на верхней стороне. Волосы на ступнях сравнительно короткие. Подшёрсток и основания ости светлые. Летом спина охристо-серая с тёмными пестринами. Зимняя окраска на юге лишь чуть светлее летней; на севере задняя часть спины белеет, голова, уши и передняя часть спины остаются тёмными. На верхних резцах продольная бороздка расположена по средней линии. От зайца-беляка отличается положением продольной бороздки на резцах, более длинным ухом, тёмной зимней окраской спины и головы.

Встречается на юге лесной, в лесостепной и степной зонах Европы, Западной Сибири, Северного Казахстана, Малой Азии; акклиматизирован на юге Сибири и Дальнего Востока (Павлинов и др. 2002).

Крымский русак (старые названия зайца-русака в Крыму – куян и таушан) – крупный представитель своего рода с длиной тела 50-70 см, весом до 5 кг. В настоящее время такие экземпляры в Крыму попадаются исключительно редко, чаще – до 4 кг. В Крыму зайцев можно встретить повсюду, но чаще всего – в предгорьях, садах, на виноградниках, на яйле. Сплошных старых лесов заяц не любит: в них корма меньше, чем в окружающих угодьях. Излюбленные места жировок – озими, кустарниковые группировки, лесополосы, в горах – поляны, редины, просеки, заброшенные сады. Лёжки нередко устраивает прямо на местах жировок, как, впрочем, и под пологом леса, на щебенистых осыпях, на берегу моря.

Численность крымского русака подвержена значительным колебаниям, зависящим от большого числа

естественных и особенно антропогенных факторов: плотности населения, климатических условий, состояния кормовой базы, интенсивности промысла, эпизоотологической обстановки, комплекса агротехнических мероприятий и многих других (Павлов 2010).

Кости зайцев встречаются на многих археологических памятниках различных эпох (Цалкин 1962). Чаще всего они немногочисленны, что свидетельствует о спорадической, а не промысловой добыче этого животного человеком. Однако на поселениях античной эпохи, например, в Ольвии и прочих, найдено большое количество костей зайцев, а также оленей и кабанов, видимо ольвиополиты любили поохотиться (Топачевский 1956; Журавльов 1983).

Отряд Грызуны – Rodentia (Bowdich 1821)

Семейство Хомяковые – Cricetidae (Fischer 1817)

Род Хомяки обыкновенные – *Cricetus* (Leske 1779)

Род включает 1 вид. Это самый крупный представитель подсемейства хомяков. Длина тела у взрослых самцов 27-34 см, хвоста 3,5-5,8 см. Волосной покров густой яркоокрашенный. Описано более 10 подвигов. Окраска хомяков в пределах ареала светлеет с севера на юг; размеры тела растут с запада на восток и с севера на юг. Распространен в лесостепной и степной зонах Евразии от Западной Европы до Северо-Западного Китая.

Обыкновенный хомяк – *Cricetus cricetus* (Linnaeus 1758)

Длина тела до 350 мм, масса тела 400-600 г, длина хвоста до 58 мм. Лапы широкие, с длинными когтями; подошва ступни опушена только в области пятки чёрными волосами. Окраска верха тела охристо-бурая, вся нижняя поверхность чёрная, на боках передней части тела два больших белых пятна, разделённых чёрным полем; по два белых пятна есть и с каждой стороны головы. Часто встречаются чёрные (меланистические) особи.

Встречается на юге Европы, Западной Сибири, в Казахстане, Северо-Западном Китае. Населяет лесостепи и разнотравные степи, на юге лесной зоны – пойменные и суходольные луга. Местами селится в лесополосах, садах, огородах, пустырях, жилых постройках (Павлинов 2002).

Ведет сумеречный образ жизни. День проводит в норе, обычно глубокой и сложной, достигающей 8 м длины и более 1,5 м глубины. Иногда занимает норы сусликов. Постоянная нора имеет 2-5, реже до 10 выходов, гнездовую камеру и несколько кладовых. Вне сезо-

на размножения обыкновенный хомяк ведёт одиночный образ жизни, агрессивен к сородичам и драчлив.

Хомяк всеяден, однако в его рационе преобладают растительные корма. Помимо них поедает насекомых и их личинки, мелких позвоночных (мышей, рептилий и амфибий). К осени полностью переходит на питание семенами и клубнями, которые запасает в значительных количествах – от 0,5 до 11-16 кг. Известны кладовые хомяка с запасами зерна до 90 кг. Ими хомяк кормится зимой, когда временно просыпается от спячки, а также весной до появления свежих кормов. Корма хомяк носит в защёчных мешках, иногда более чем за километр. В его защёчных мешках помещается до 46 г пшеницы. В кладовых находили отборное вышелушенное зерно (реже целые колосья), горох, просо, гречу, люпин, кукурузу, чечевицу, картофель. Разные сорта семян хомяк складывает отдельно.

В прошлом был объектом пушного промысла в Германии, Украине и России. Однако заготовки этой пушины были прекращены уже к середине XX в.

По данным В.И. Цалкина (1962: 58) останки хомяка при археологических раскопках в Восточной Европе встречаются нечасто. Вряд ли хомяк добывался специально. Более вероятно, что его останки оказались в культурном слое вокруг храма у с. Семидворье случайно.

Отряд Парнокопытные – Artiodactyla (Owen 1848)

Семейство Свиные – Suidae (Gray 1821)

Род Свиньи – *Sus* (Linnaeus 1758)

Включает 3-10 видов, на территории Украины 1 вид (в диком и одомашненном состоянии). Всё тело покрыто густыми щетинистыми волосами. Характерен возрастной диморфизм окраски: взрослые однотонные, а поросята полосатые. Населяют самые разнообразные ландшафты Евразии, о-вов Зондского шельфа, Северо-Западной Африки; акклиматизированы в Южной Америке, Австралии, на Новой Гвинее. В одомашненном состоянии живут практически по всему миру (Павлинов и др. 2002).

Домашняя свинья – *Sus scrofa domesticus* (Linnaeus 1758)

Разновидность дикого вида, одомашненная человеком около 7000 лет назад и распространённая главным образом в странах Запада, в Восточной Азии и в Океании. Некогда одомашненные, но одичавшие свиньи (рейзорбеки) встречаются в Северной Америке, в Австралии и в Новой Зеландии.

Свиньи выращиваются в основном ради мяса. По данным Министерства сельского хозяйства США мировое производство свинины в 2005 г. составило 97,2 млн тонн (Табаква 2007).

Археологические находки свидетельствуют, что уже 12 700 лет назад дикие свиньи содержались в поселениях людей бассейна Тигра (Sarah 1998). Останки свиней, живших около 11 400 лет назад, были найдены на Кипре, а независимый центр одомашнивания свиней существовал в Китае (Giuffra et al. 2000).

В период 5500-3900 лет до н. э. среди европейских свиней обнаруживаются особи, происходящие с Ближнего Востока. В Румынии таких свиней (скорее всего, домашних) найдено 11, в Германии – 4 и во Франции – 2. По всей вероятности, первые домашние свиньи пришли в Европу все-таки из Ближневосточного региона, распространяясь постепенно на запад континента. Однако они были быстро вытеснены аборигенным видом. Во Франции вместе с «ближневосточными» свиными костями найдены также останки шести домашних европейских свиней; возраст находки составляет около 6 000 лет. Начиная с этого времени все европейские домашние свиньи имеют «европейский» тип ДНК (Larson et al. 2007). Кости домашних свиней найдены на всех без исключения памятниках эпохи раннего железа в Северном Причерноморье. Они найдены и при раскопках античных городов и поселений этого региона, на скифских городищах Каменское, расположенном на левом берегу Днепра у г. Каменка-Днепровская Запорожской области, и Гавриловское в Нововоронцовском районе Херсонской области на правом берегу Каховского водохранилища. Этот факт тем более интересен, поскольку Геродот указывает на отсутствие свиней в Скифии: «Свиней они совсем не приносят в жертву и даже вовсе не желают разводить их в своей стране», однако его слова справедливы для кочевых скифов, не следует распространять на осёдлые скифские племена (Геродот 1972: 202 (IV: 63); см.: Цалкин 1962: 59).

Семейство Полорогие – Bovidae (Gray 1821)

Род Быки (скот крупный рогатый) – *Bos* (Linnaeus 1758)

Включает 7-8 видов, группируемых в 3-4 подрода (некоторые иногда выделяются в самостоятельные роды); в Украине известен 1 вид в одомашненном состоянии.

Длина тела до 4 м, масса до 1,2 т; самцы на треть крупнее самок. Телосложение массивное, на холке часто развит «горб», образованный высокими остистыми отростками грудных позвонков. Рога разных размеров, слабо и круто изогнуты, направлены в стороны. В прошлом населяли лесные и горные районы на большей части Евразии (кроме северной тайги), Северной Африки, Северной Америки. В настоящее время в диком состоянии сохранились только в немногих местах Центральной и Юго-Восточной Азии, Северной Америки. Повсеместно обитают в одомашненном состоянии (Павлинов и др. 2002).

Домашний бык или корова – *Bos taurus* (Linnaeus 1758)

Домашний бык (корова) произошёл от дикого быка тура (*Bos primigenius* Vojanus 1827), который за несколько тысячелетий до н. э. был распространён на всей территории Европы, Азии и Африки. Последние его представители исчезли в начале XVII в. Одомашнивание туров началось около 8 000 лет назад, сначала в Индии,

затем в Передней Азии, Средиземноморье, Средней Европе. По краниологическим признакам домашний крупный рогатый скот (имеется ввиду только вид *Bos taurus*) делят на четыре основные подвиды:

европейский скот степных и равнинных зон – длиннорогий (*Bos taurus primigenius*),

европейский скот горных и лесных зон – короткорогий (*Bos taurus brachyceros*),

центральноазиатский скот (*Bos taurus turanomonolicus*),

южно-азиатский и североафриканский горбатый скот – зебу (*Bos taurus indicus*).

Продолжительность жизни коров около 20 лет, редко до 35 лет; быков 15-20 лет. Срок использования молочных коров 12-13 лет, поскольку к этому возрасту стираются зубы и продуктивность снижается. На мясо крупный рогатый скот целесообразно забивать после откорма или нагула, в возрасте 1,5-2 лет.

Кости крупного рогатого скота в культурном слое археологических памятников эпохи раннего железа в Северном Причерноморье очень многочисленны и, как правило, составляют основную массу костных останков находимых при раскопках. Многочисленны их находки и при раскопках античных городов и поселений этого региона, в том числе и на скифских памятниках (Цалкин 1962; Топачевский 1956).

Род Козлы – *Capra* (Linnaeus 1758)

Включает до 9 близких видов, в Украине 1 вид в одомашненном состоянии.

Длина тела у самцов до 170 см, масса до 150 кг; самки в 1,5-2 раза легче. Ноги и шея, хвост относительно короткие. Копыта довольно широкие. Рога у самцов длиной до 170 см, у самок в 3-4 раза короче; они сближены основаниями, слабо расходятся в стороны, обычно саблевидные или закрученные штопором, с острым «ребром».

Обитают в предгорьях и горах (до 6700 м над уровнем моря) Южной и Центральной Европы, Северо-Западной и Северо-Восточной Африки, Юго-Западной, Средней и Центральной Азии). В отличие от баранов, приспособлены к лазанию по кручам, а не к бегу по ровной поверхности (Павлинов и др. 2002).

Домашняя коза – *Capra aegagrus hircus* (Linnaeus 1758)

Коза – одно из первых прирученных животных. Одомашнена на Ближнем Востоке приблизительно 9 000 лет назад. Предком домашней козы был дикий бородатый безоаровый козёл (*Capra aegagrus*), встречающийся от греческих островов в Эгейском море через Анатолию, Армянское нагорье и Переднюю Азию до Средней Азии.

Питаются козы травой и молодыми побегами деревьев и кустарников. Они быстро поглощают большое количество корма, а в промежутках между едой пережевывают жвачку. Коза очень непряхотлива и способна

выживать в местах, где другой скот страдал бы от голода. Она может переносить сильные морозы и жару, но плохо приспособлена к сырому климату. Оптимальные условия коза находит в полусухих районах.

Коза – нетребовательное животное, довольствуется часто очень скудными пастбищами. Прекрасно лазают, могут пастись в местах, недоступных для другого скота. Продолжительность жизни 9-10 лет, максимально 17 лет; средний срок хозяйственного использования 7-8 лет. Основная продукция, получаемая от коз – мясо, молоко, мех, шерсть и кожа. По направлению продуктивности породы коз делятся на типы: молочные, шерстные, пуховые, молочно-мясо-шерстные.

Род Бараны – *Ovis* (Linnaeus 1758)

Включает 6-8 близких видов. Несмотря на значительные различия между ними, очень велика изменчивость, затрудняющая проведение чётких морфологических и географических границ. Кроме того, между многими из них известны гибриды, из-за чего всех диких баранов иногда сводят к 2-3 видам. В Украине известен 1 вид в одомашненном состоянии.

Длина тела 1,1-2 м, масса до 230 кг. Телосложение плотное, но ноги и шея довольно длинные. Основные копыта узкие. Рога у самцов большие (длина по наружному краю до 190 см), с толстыми (до 50 см в обхвате) почти соприкасающимися основаниями, с морщинистой поверхностью, с возрастом закручиваются в слабую спираль (до 2 оборотов); у самок рога не длиннее головы, могут отсутствовать.

Обитают в горных областях (на высоте до 5500 м над уровнем моря) Южной Европы, Азии (кроме Индостана и Индокитая), Северной Америки. Придерживаются открытых ландшафтов со сглаженным рельефом, скалистых участков избегают; местами по предгорьям проникают в полупустыни и пустыни (Павлинов и др. 2002).

Домашняя овца – *Ovis aries* (Linnaeus 1758)

Овца домашняя – домашнее жвачное парнокопытное животное рода баранов, семейства полорогих. Произошли от диких горных баранов (муфлонов и архаров), которые были одомашнены более 8 000 лет назад. Эволюция домашних овец проходила прежде всего в направлении преобразования шерстного покрова и форм телосложения.

Разводят овец почти во всех странах. Основные корма для овец – трава естественных и сеяных пастбищ, сено, преимущественно мелкостебельчатое, яровая солома, силос и концентраты. Пасут овец с ранней весны до поздней осени, а в районах с небольшим снежным покровом и в районах с жарким климатом – круглый год. Содержат в кошарах. Овцы хорошо переносят различные температуры воздуха, успешно содержатся на высокогорных пастбищах. От овец лучших мясо-шерстных пород при убое в 5-7-месячном возрасте получают туши весом 18-22 кг.

Среди костных останков, обнаруженных при рас-

копках двухапсидного храма, 64% определённых зубов и костей и их фрагментов принадлежат овце домашней (*Ovis aries*) и козе домашней (*Capra aegagrus hircus*). Эти два вида, в силу трудности в идентификации их костей, объединяют под названием «мелкий рогатый скот» или просто пишут «овца и коза». По количеству находок костей на памятниках эпохи раннего железа, в античных городах и поселениях, на скифских и более поздних памятниках Северного Причерноморья мелкий рогатый скот уступает только быку домашнему.

К сожалению, большинство останков трубчатых костей является непригодными для определения в связи с молодым возрастом животных, поскольку стенки костей тонкие и легко ломаются, а также в результате употребления их в пищу человеком. Основную массу исследуемого материала составляют молочные резцы и предкоренные зубы, а также коренные зубы M^1 и M_1 . Коренные зубы не подвержены стиранию и, по всей вероятности, находились на стадии прорезывания челюсти. Таким образом, можно сделать вывод, что животные забивались в возрасте до 1 года. Учитывая, что забивать годовалую козу перед тем, как она начнет давать молоко, нерентабельно, можно предположить, что большинство костных останков принадлежит овцам. Кроме того, в современном животноводстве возраст овец при забое на мясо зависит от породы животного и начинается с 7-8 месяцев, а козлов – с 1,5-2 лет. Впрочем, полностью исключить наличие останков коз среди костных материалов тоже нельзя. Учитывая, что у преобладающего большинства овец ягнение происходит зимой или весной, с учетом откормочного периода можно предположить, что в самом общем случае забой проводился с октября по декабрь. Такая схема позволяла бы минимизировать трудозатраты на содержание животных в зимний период. Однако, с учетом предполагаемого жертвенного характера забоя животных для общинных трапез при храме в урочище Еди-Евлер, свойственного народной религиозности в Византии (подробнее см. главу 14 «Литургические особенности храма»), подобные временные императивы были необязательны. Время забоя скота, приносимого в жертву, могло определяться иными причинами.

Среди «кухонных отбросов», найденных во время

раскопок двухапсидного храма, останки свиней находятся на втором месте и составляют порядка 16% от общего количества определённых костных фрагментов. Все 4 определённые особи имели индивидуальный возраст 5-6 месяцев. По мелкофрагментированным останкам зубов и костей можно также говорить о наличии нескольких более молодых животных, возрастом до 2 месяцев. К сожалению, в данном случае говорить о сезонности опороса, а соответственно и времени забоя у домашних свиней довольно сложно, к тому же, как было отмечено выше, оно могло определяться иными факторами, прежде всего религиозной и семейной традицией. От свиноматок можно легко получить 2 опороса за год, а при раннем отъеме поросят – до 4. При правильном содержании в среднем получается за 1 опорос 8-12 поросят. Вполне возможно, что все найденные останки принадлежат поросятам из одного или двух приплодов, забитых в разное время.

Скорее всего, овцы, козы и свиньи содержались в подсобных хозяйствах местных жителей рядом с их постоянными жилищами вместе с другими домашними животными как источник мяса. Находки их костных останков в культурном слое храма и вокруг него свидетельствуют, на наш взгляд, о принесении их в жертву в соответствии с церковной практикой того времени и об употреблении мясной пищи на общинных трапезах.

Кости зайца-русака, типичного охотничьего вида, представлены в небольшом количестве и принадлежат трем особям. Видимо, охота на зайца была периодической, а не промысловой.

Останки домашнего быка единичны, представлены костями конечностей и зубами одной или двух особей, забитых в возрасте 1,5-2 лет. Вероятно, как минимум один бык был доставлен целиком, а не в виде отдельных частей туши, к семидворскому храму, где и был забит. Этот вывод, основывающийся на изучении остеологических материалов, вновь свидетельствует о возможности «благочестивых» жертвенных закланий вблизи храма, поскольку соответствует данным письменных источников и этнографии, детальный обзор которых будет дан ниже, в главе 14 «Литургические особенности храма».

РЫБЫ

Среди около 11600 фрагментов костных останков позвоночных животных, обнаруженных при раскопках храма у с. Семидворье, только 11 фрагментов принадлежали рыбам. Из них 1 фрагмент представлен костной пластинкой (жучкой) рыбы отряда Осетрообразных (*Acipenseriformes*). Жучка обнаружена в слое № 5 кв. 2Е вместе с небольшим количеством костных останков млекопитающих и птиц, всего 37 фрагментов. Скорее всего, она принадлежала одному из трех видов осетровых рыб, которые до сих пор изредка встречаются у южных берегов Крыма: русский осетр *Acipenser gueldenstaedtii* (Brandt & Ratzeburg 1833), обыкновенная белуга *Huso huso* (Linnaeus 1758) или обыкновенная севрюга *Acipenser stellatus* (Pallas 1771) (Мовчан 2009: 313, 314, 315).

Остальные фрагменты представлены спинными позвонками рыб небольшого размера, принадлежащих, очевидно, к отряду Окунеобразных (*Perciformes*), которые составляют 60% видов морских рыб, обитающих в прибрежной зоне Крымского полуострова (по поводу морских рыб крымского побережья см.: Болтачев, Карпова 2012). Из них 2 позвонка были найдены в слое

№ 12 и 8 – в слое № 13. В слое № 13 три позвонка были обнаружены в кв. 3D, а еще 5 в кв. 3Е. Скорее всего, они принадлежали двум экземплярам рыб. Также, нужно отметить, что наибольшее количество фрагментов позвоночных животных (птицы, млекопитающие) были выявлены именно в слое № 13.

Исходя из полученных материалов, можно отметить, что рыба была достаточно редким пищевым объектом общины храма на протяжении столетнего периода, хотя быт местного населения был в определенной степени связан с морем. Рыбьи кости (особенно «жучки» осетровых), как и останки других групп позвоночных, широко представлены в «кухонных отбросах» большинства археологических памятников Азово-Черноморского региона. Следовательно, отсутствие рыбьих костей в археологическом слое должно объясняться не их плохой сохранностью, но, возможно, особенностями местного рыболовства, связанного с отсутствием заливов и мелководья в районе Алушты, или же причинами культурного характера (по этому поводу см. ниже главу 14 «Литургические особенности храма»).

МОРСКИЕ МОЛЛЮСКИ

Видовая принадлежность фрагментов морских моллюсков, найденных во время раскопок храма, была определена заведующим Лабораторией зоогеографии Института зоологии им. И.И. Шмальгаузена НАН Украины д.б.н. В.В. Анистратенко. Всего идентифицировано около 1900 фрагментов, принадлежащих шести видам (Табл. 1). Несколько фрагментов определены лишь с точностью до рода (*Cerastoderma*). Подавляющее большин-

ство (97%) составляют мидии *Mytilus galloprovincialis*.

Определённые морские моллюски представлены 6 видами, 7 родами, 6 семействами, 4 отрядами, 2 классами.

Кроме морских моллюсков были найдены 8 фрагментов клешней четырех (пяти) экземпляров краба (Табл. 2), принадлежащих, предположительно, каменному крабу *Eriphia spinifrons* Rathke 1837.

Таблица 1. Перечень видов морских моллюсков, найденных при раскопках.

Вид	Количество фрагментов	Количество экземпляров	% по фрагментам
<i>Mytilus galloprovincialis</i> Мидия	около 1800	???	95
<i>Patella ulyssiponensis</i> Черноморское блюдечко	68	68 (67)	3
<i>Ostrea lamellosa</i> Устрица	22	20 (18)	1
<i>Irus irus</i> Ирус	7	7 (5)	0,4
<i>Chamelea gallina</i> Венус-петушок	6	5 (3)	0,3
<i>Cerastoderma</i> sp. (фрагмент) Сердцевидка	4	2	0,2
<i>Cerithium vulgatum</i> (подвеска) Якорек	1	1	0,1
ВСЕГО	около 1900		100

Таблица 2. Распределение фрагментов морских моллюсков по археологическим слоям и квадратам раскопа.

Квадрат №	Слой №	Вид (лат.)	Кол-во фрагментов	Примечания
1E	6	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	1	
1-2F	6	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	4	
2A	6	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	4	
2A	7	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	1	
2B	7-1	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	1	
2B	6-3	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	3	
2B	7б	<i>Ostrea lamellosa</i>	1	целая
2B	7-2	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	12	
2C	6-1	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	1	
2C	7-2	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	25	

2С (северный компартимент)	7	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	1	
2С	12а	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	5	
		<i>Patella ulyssiponeusis</i>	1	целяя
2D	6-3	<i>Ostrea lammellosa</i>	1	
2D	7-1	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	2	
2D	7-2	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	7	клешня краба
2D	11	<i>Patella ulyssiponeusis</i>	1	целяя
2D	12 а	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	1	
2E	1	<i>Ostrea lammellosa</i>	1	
2E (ЮЗ стена у кладки)	6	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	4	
2E (с внешней стороны ЮЗ стены)	7	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	7	
2E (напротив входа в северный компартимент)	7	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	3	
2E (западная часть северного компартамента)	7	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	3	
2F	6	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	2	
2F	7	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	3	
2F (напротив входа в северный компартимент)	7	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	2	
3A	6	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	4	
		<i>Chamelea gallina</i>	2	
3С	5	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	20	
		<i>Patella ulyssiponeusis</i>	1	
3С (с внешней стороны ЮВ стены)	6	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	15	
		<i>Cerastoderma sp.</i>	2	
3С (с внешней стороны ЮВ стены)	7	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	1	
3С	9	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	1	
3С	10	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	2	
3С	11	<i>Patella ulyssiponeusis</i>	2	
3С	12	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	1	
		<i>Patella ulyssiponeusis</i>	1	целяя
		<i>Ostrea lamellosa</i>	1	целяя
3С	12а	<i>Patella ulyssiponeusis</i>	2	целые
3D	5	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	25	
3D	2	<i>Patella ulyssiponeusis</i>	12	11 целых
3D	4	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	1	
3D	5	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	27	клешня краба
3D (с внешней стороны ЮВ стены)	6	<i>Ostrea lamellosa</i>	3	
		<i>Mytilus galloprovincialis</i>	5	
3D	12	<i>Patella ulyssiponeusis</i>	3	1 целая
3E	2	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	20	
		<i>Patella ulyssiponeusis</i>	4	4 целые

3E	5	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	1	
3E	4	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	2	
3E	6	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	12	
		<i>Ostrea lammellosa</i>	1	
3E	9	<i>Patella ulyssiponensis</i>	6	целые
3F	2	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	1	
4B	1	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	1	
4B	2	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	15	
4B	4	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	40	
4B	6	<i>Chamelea gallina</i>	3	
		<i>Mytilus galloprovincialis</i>	25	
4B	7	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	15	
		<i>Ostrea lamellosa</i>	1	
4C	2	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	8	
		<i>Patella ulyssiponeusis</i>	2	1 целая
4C	4	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	14	
		<i>Ostrea lamellosa</i>	1	целая
4C	5	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	145	
		<i>Ostrea lamellosa</i>	3	
		<i>Chamelea gallina</i>	1	целая
		<i>Patella ulyssiponeusis</i>	1	целая
4C	5	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	420	
		<i>Patella ulyssiponensis</i>	5	3 целые
		<i>Ostrea lamellosa</i>	1	
4C (очаг)	7a	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	1	
4C	6	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	11	
4C	6	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	3	
4C	7	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	1	
4D	1	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	95	
		<i>Irus irus</i>	2	
4D	5	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	320	
		<i>Patella ulyssiponeusis</i>	27	24 целые, 2 (3) клешни краба
4D	56	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	60	
		<i>Irus irus</i>	1	целая
		<i>Ostrea lamellosa</i>	8	1 целая
4D	7	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	10	
4D	7	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	68	
4E	2	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	3	

4E	5	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	250	
		<i>Ostrea lamellosa</i>	1	
4E	6	<i>Irus irus</i>	4	
4E	6	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	30	
4E	7	<i>Mytilus galloprovincialis</i>	35	

Видовой анализ

При описании видов морских моллюсков, определённых среди материалов раскопок двухапсидного храма, и характеристики их современного распространения в регионе была использована сводка, посвященная морским моллюскам Карадага (Ревков *и др.* 2004), «Атлас моллюсков Карадага» (Анистратенко *и др.* 2008), а также консультации В.В. Анистратенко.

Класс Брюхоногие моллюски – Gastropoda

Отряд – Patelliones

Семейство – Patellidae

Род – *Patella*

Черноморское блюдечко *Patella ulyssiponensis* Gmelin in (Linnaeus 1791) (рис. 11.1)

Растительный вид. Поселяется на скалах в полосе прибоя. До 1950-х гг. в Чёрном море являлся обычным литоральным видом. С 1990-х гг. отмечается спорадически лишь в некоторых пунктах южного берега Крыма.

При раскопках храма найдены останки 68 экземпляров этого вида, большинство из которых имеют целые раковины.

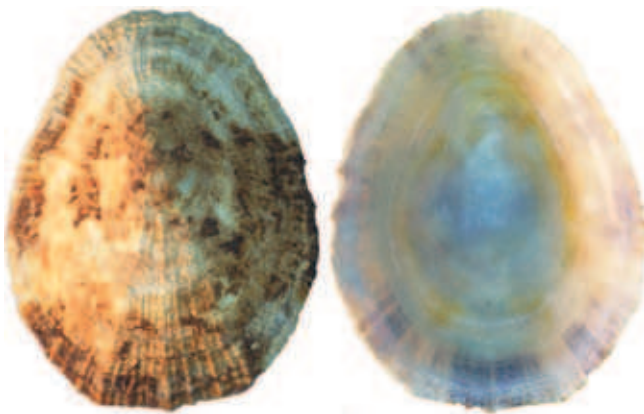

Рис. 11.1. *Patella ulyssiponensis*, фото В.В. Анистратенко.
Fig. 11.1. *Patella ulyssiponensis*, photo by V. Anistratenko.

Отряд – Cerithiiformes

Семейство – Cerithiidae

Род – *Cerithium*

Якорек *Cerithium vulgatum* (Jeffreys 1856)

Растительный вид. В настоящее время спорадически встречается в литоральной зоне вдоль всего побережья Чёрного моря на глубине до 30 м.

Этот вид в раскопках представлен одним целым

экземпляром, который использовался как подвеска-украшение (рис. 6.2: 236), возможно принесенная в церковь в качестве votivного дара (см. выше главу 7 «Украшения из раковины моллюска и зуба оленя» и ниже главу 14 «Литургические особенности храма»).

Класс Двустворчатые моллюски – Bivalvia

Отряд – Mytiliformes

Семейство – Mytilidae

Род – *Mytilus*

Средиземноморская мидия *Mytilus galloprovincialis* (Lamarck 1819) (рис. 11.2)

Фильтратор-сестонофаг. Обычный и массовый вид, встречающийся до глубины 50-60 м. Известны скальные и иловые поселения.

Благодаря своим высоким вкусовым и питательным качествам используется человеком со времен палеолита. Высоко ценилась в античное время и средневековье. Кроме вкусовых качеств, мидии могли привлекать человека своей массовостью и относительной лёгкостью добывания, что частично наблюдается и в наше время. Среди материалов раскопок двухапсидного храма является наиболее массовым видом среди морских моллюсков. Определено около 1800 фрагментов. Как минимум половина мелких осколков мидий осталась неучтенной.

Рис. 11.2. *Mytilus galloprovincialis*, фото В.В. Анистратенко.
Fig. 11.2. *Mytilus galloprovincialis*, photo by V. Anistratenko.

Семейство – Ostreidae

Род – *Ostrea*

Устрица *Ostrea lamellosa* (Linnaeus 1758) (рис. 11.3)

Фильтратор-сестонофаг. В Чёрном море обитает на глубинах 3-65 м. Образует скопления – «устричные банки». Еще в начале прошлого века в Чёрном море являлась промысловым объектом. Со второй половины XX в. черноморская популяция вида резко сократилась. С 1980-х гг. у побережья Крыма редка и малочисленна. Отмечаются единичные особи.

При раскопках храма найдено 4 целых створки (две – мелкие) и 18 фрагментов устриц, принадлежащих 20 (18) экземплярам.

Рис. 11.3. *Ostrea lamellosa*, фото В.В. Анистратенко.
Fig. 11.3. *Ostrea lamellosa*, photo by V. Anistratenko.

Отряд – Cardiiiformes

Семейство – Cardiidae

Род – *Cerastoderma*

Сердцевидка *Cerastoderma* sp. (рис. 11.4)

Фильтратор-сестонофаг. В настоящее время в Чёрном море обитают 2 вида этого рода: *C. glaucum* и *C.*

lamarcki, которые ранее объединяли в сборный вид *C. edule*. Второй вид более редкий, чем предыдущий. Формируют поселения на илистых грунтах на глубине 10-40 м.

В раскопках обнаружены 4 фрагмента двух экземпляров, относящихся к этому роду. Идентификация фрагментов до вида не представляется возможной.

Рис. 11.4. *Cerastoderma*, фото В.В. Анистратенко.
Fig. 11.4. *Cerastoderma*, photo by V. Anistratenko.

Семейство – Veneridae

Род – *Irus*

Ирус *Irus irus* (Linnaeus 1758) (рис. 11.5)

Редкий вид прибрежной зоны. В Чёрном море обитает на небольшой глубине в трещинах и углублениях

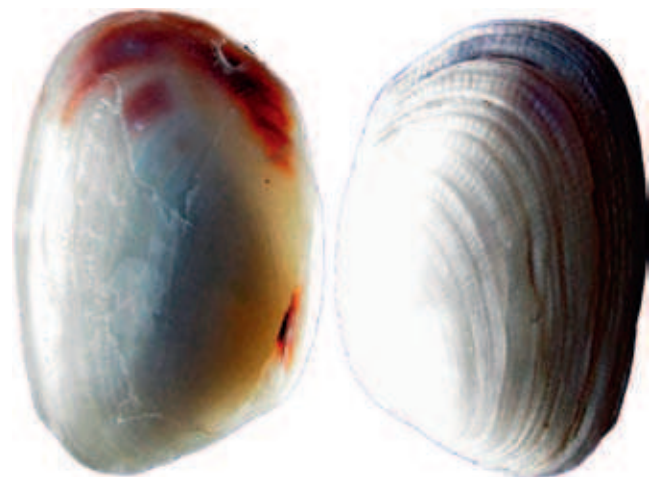

Рис. 11.5. *Irus irus*, фото В.В. Анистратенко.
Fig. 11.5. *Irus irus*, photo by V. Anistratenko.

камней. В 1980-1990-е гг. у берегов Крыма известны отдельные находки с глубины до 20 м.

Из раскопок средневекового храма определена одна целая створка и 6 фрагментов этого вида, принадлежащих, предположительно, 7 (5) особям.

Род – *Chamelea*

Венус-петушок *Chamelea gallina* (Linnaeus 1758)

Фильтратор-сестонофаг. Обычный вид Чёрного моря. Формирует массовые поселения на глубине 7-30 м.

В раскопках найдена одна целая створка и 5 фрагментов этого моллюска. Судя по расположению в разных слоях, они принадлежали 5 (3) экземплярам.

Итак, бесспорным доминантом среди морских моллюсков, фрагменты которых были обнаружены во время раскопок храма у с. Семидворье, явилась средиземноморская мидия. Около 80% всех останков особей этого вида располагались в слое № 5 (Табл. 2), который относится к третьему строительному периоду (конец IX – начало X в.). В этом месте перед входом в храм (кв. 4D) фрагменты створок мидий образовывали кучу вместе с большим количеством фрагментов стеклянных лампад, осколков кремня для кресал и угольков от небольших очагов. Отметим, что этот участок, судя по характеру археологических находок, мог служить местом ритуального возжжения огня для богослужения (см. выше главу 2 «Стратиграфия и характеристика культурных отложений» и главу 4 «Стеклянные сосуды» и ниже главу 14 «Литургические особенности храма»).

Неясно, однако, здесь ли именно совершалась прихрамовая трапеза, частью которой могли быть моллюски, поскольку, несмотря на находки в этой зоне костей птиц и млекопитающих, костные останки в целом рассредоточены по площади всего сакрального комплекса (о прихрамовых трапезах см. подробнее главу 14 «Литургические особенности храма»). Такая разбросанность пищевых останков не позволяет точно локализовать основное место совершения трапез, хотя очевидно, что зона южного входа определённо претендует на эту роль.

Необъяснимым остаётся и тот факт, что подавляющее большинство моллюсков найдены вне храмовой постройки, хотя внутри встречаются как останки наземных моллюсков, так и другие «кухонные остатки». Практически все створки оказались сильно повреждены

и представляют собой мелкие и средние осколки, иногда размером лишь несколько миллиметров. Не исключено, что створки мидий после извлечения внутренности были специально измельчены и рассыпаны перед входом в храм в целях благоустройства прицерковной территории, где эти осколки могли выполнять санитарные функции, например, препятствовать попаданию в храм глины и прочей грязи.

Другие виды морских моллюсков, останки которых были найдены при раскопках храма, представлены ограниченно и составляют не более 5% от их общего числа (Табл. 1). Из них наиболее многочисленным является черноморское блюдечко (68 экземпляров), которое до сих пор пользуется популярностью в Средиземноморском бассейне и других приморских регионах. Примечательно, что большинство скоплений раковин этого вида сосредоточено в трёх различных слоях раскопа (№№ 2, 5, 12), которые разделены между собой временными промежутками в несколько десятков лет. Можно сделать предположение, что блюдечки во время существования храма добывались случайно или в регионе Южного берега Крыма были также немногочисленны, как и сейчас.

Что касается устриц (1% от общего числа), которые являлись деликатесом во все исторические времена, состояние их популяции у южных берегов Крыма возможно уже в IX–X вв. было сильно подорвано активным промыслом, начавшимся еще в эпоху античности.

Остальные обнаруженные виды (кроме «якорька»-подвески) хотя и являются съедобными морскими моллюсками, очевидно, попали в храм случайно вместе с другой добываемой в море пищей, т.к. из-за небольших размеров они вряд ли могли привлекать человека в качестве серьёзного объекта питания.

Находка останков нескольких экземпляров каменного краба может подтверждать то, что эти ракообразные и в средние века употреблялись в пищу людьми в Черноморском регионе.

В отношении сезонных аспектов добычи морских моллюсков (главным образом – мидий) стоит заметить, что такая добыча могла происходить в любое время года, даже в зимний период. Вопрос о связи употребления моллюсков во время храмовых трапез с периодами больших постов, предписанных церковным календарем, остаётся открытым (см. главу 14 «Литургические особенности храма»).

НАЗЕМНЫЕ МОЛЛЮСКИ

Среди материалов раскопок двушпидного храма у с. Семидворье выявлено 445 фрагментов раковин наземных моллюсков, которые стали объектом исследования. По весьма приблизительным оценкам эти останки принадлежат примерно 300 экземплярам улиток. Уточнить их количество не представляется возможным ввиду частого присутствия крайне мелких фрагментов. Однако даже самые ничтожные из них позволили точно определить видовую принадлежность, поскольку между обнаруженными видами существуют явные конхологические отличия. Всего определено 4 вида: обыкновенная улитка – *Helix albescens* Rossmässler 1839, кустарниковая монахиня – *Monacha fruticola* (Krynicky 1833), трёхзубая хондрула – *Chondrula tridens* (Müller 1774) и брефулопсис цилиндрический – *Brephulopsis cylindrica* (Menke 1828). При этом

количество фрагментов раковин двух последних видов с высокой долей вероятности соответствует количеству экземпляров: у *C. tridens* небольшая толстостенная раковина, которая хорошо сохраняется в почве, а *B. cylindrica* представлен единственной целой раковиной, так же весьма прочной. *M. fruticola*, напротив, – обладательница хрупкой, тонкостенной раковины, которая при жизни моллюска имеет полупрозрачные стенки. Раковины этого вида в большей степени представлены отдельными фрагментами. Самый крупный представитель наземных мягкотелых в раскопе – *H. albescens*, у которого большая, толстостенная и прочная раковина. Однако раковины этого вида оказываются довольно часто расколоты и повреждены, что может быть связано с их использованием в пищу – извлечением какими-то «столовыми приборами» съедобной мясистой ноги.

Таблица 1. Видовая принадлежность и количество фрагментов раковин наземных моллюсков, найденных при раскопках.

Вид	Количество фрагментов	Количество особей	% по фрагментам
<i>Helix albescens</i>	322	~185	72.4
<i>Monacha fruticola</i>	108	~50	24.2
<i>Chondrula tridens</i>	14	14	3.2
<i>Brephulopsis cylindrica</i>	1	1	0.2
ВСЕГО	445	~300	100

Таблица 2. Распределение фрагментов раковин наземных моллюсков по археологическим слоям и квадратам раскопа.

Квадрат №	Слой №	Вид (лат.)	Кол-во фрагментов	Примечания
1E	26	<i>Helix albescens</i>	4	
2A (северный угол)	7	<i>Monacha fruticola</i>	8	
2B (северный компартимент)	26	<i>Helix albescens</i>	1	целая
2C	2	<i>Helix albescens</i>	7	3 целых
2C (апсида)	2	<i>Helix albescens</i>	8	4 целых
		<i>Monacha fruticola</i>	2	1 целая
2C (северный компартимент)	26	<i>Helix albescens</i>	1	1 целая
		<i>Monacha fruticola</i>	1	1 целая
2C (южный компартимент)	9	<i>Helix albescens</i>	4	1 целая
2C (южный компартимент)	11	<i>Helix albescens</i>	4	1 целая
2C (южный компартимент)	11	<i>Helix albescens</i>	11	4 целых
		<i>Monacha fruticola</i>	7	
2C (южный компартимент)	12	<i>Helix albescens</i>	3	2 ювенильных
2C (южный компартимент)	12	<i>Helix albescens</i>	7	6 целых
		<i>Monacha fruticola</i>	2	целые
2C (южный компартимент)	12a	<i>Helix albescens</i>	4	1 целая
		<i>Monacha fruticola</i>	1	
2C (южный компартимент, апсида)	12в	<i>Monacha fruticola</i>	2	1 целая
2D	2	<i>Helix albescens</i>	9	1 целая
		<i>Monacha fruticola</i>	2	1 целая
2D	9	<i>Helix albescens</i>	5	
2D (южный компартимент)	11	<i>Helix albescens</i>	2	
		<i>Monacha fruticola</i>	1	

2D (южный компартимент)	12	<i>Helix albescens</i>	1	целая
2D (южный компартимент, нижняя часть слоя)	12	<i>Helix albescens</i>	1	целая
2D (южный компартимент)	12a	<i>Helix albescens</i>	1	целая
2D (южный компартимент)	12a	<i>Monacha fruticola</i>	3	целые
2D (южный компартимент)	13	<i>Helix albescens</i>	7	1 ювенильная особь
		<i>Monacha fruticola</i>	6	4 целые, 1 ювенильная особь
		<i>Chondrula tridens</i>	1	целая
2D (южный компартимент)	14	<i>Monacha fruticola</i>	5	
2D (южный компартимент)	14	<i>Helix albescens</i>	1	целая
		<i>Monacha fruticola</i>	1	
2D (южный компартимент, зачистка поверхности слоя)	14a	<i>Monacha fruticola</i>	1	
		<i>Chondrula tridens</i>	1	
2D (южный компартимент)	14б	<i>Monacha fruticola</i>	1	
2E (южный компартимент)	2	<i>Helix albescens</i>	13	5 целых
		<i>Monacha fruticola</i>	5	
2E (южный компартимент)	2	<i>Monacha fruticola</i>	3	
		<i>Helix albescens</i>	9	2 целые
2E (северный компартимент)	26	<i>Helix albescens</i>	1	
		<i>Monacha fruticola</i>	1	
2E	6	<i>Helix albescens</i>	7	2 целые, одна из них очень крупная
		<i>Monacha fruticola</i>	1	
		<i>Chondrula tridens</i>	2	1 целая
2E	12	<i>Helix albescens</i>	3	
3A	4	<i>Helix albescens</i>	1	
		<i>Monacha fruticola</i>	1	
3B	4	<i>Helix albescens</i>	1	целая
3B	4	<i>Helix albescens</i>	5	
		<i>Monacha fruticola</i>	2	
3B	4	<i>Monacha fruticola</i>	4	
3C	1	<i>Helix albescens</i>	1	
3C	2	<i>Helix albescens</i>	5	3 целых
3C (южный компартимент)	2	<i>Helix albescens</i>	15	8 целых
	2	<i>Brephulopsis cylindrica</i>	1	целая
3C (с внешней стороны ЮВ стены)	7	<i>Monacha fruticola</i>	1	
3C (южный компартимент)	9	<i>Helix albescens</i>	1	целая
3C	9	<i>Helix albescens</i>	3	2 целых
		<i>Monacha fruticola</i>	1	
3C (южный компартимент)	10	<i>Helix albescens</i>	2	
3C (южный компартимент)	11	<i>Helix albescens</i>	1	
		<i>Monacha fruticola</i>	4	1 целая
3C (южный компартимент)	12	<i>Helix albescens</i>	6	
	12	<i>Monacha fruticola</i>	15	3 целых
3C (южный компартимент)	12	<i>Helix albescens</i>	5	2 целых
		<i>Monacha fruticola</i>	4	2 целых
3C (южный компартимент)	12a	<i>Helix albescens</i>	3	
3C (южный компартимент, апсида)	12a	<i>Helix albescens</i>	2	
3C (южный компартимент, апсида)	12б	<i>Helix albescens</i>	3	
3C (южный компартимент, апсида)	12в	<i>Helix albescens</i>	1	
3C (южный компартимент)	14б	<i>Helix albescens</i>	4	целые, 1 ювенильная особь
3D (южный компартимент)	2	<i>Helix albescens</i>	40	8 целых
3D (южный компартимент)	2	<i>Helix albescens</i>	12	3 целых
		<i>Monacha fruticola</i>	5	3 целых
3D (южный компартимент)	2	<i>Monacha fruticola</i>	4	3 целые
3D	9	<i>Helix albescens</i>	1	
3D	11	<i>Helix albescens</i>	7	3 целых
		<i>Monacha fruticola</i>	2	целые
3D	12	<i>Helix albescens</i>	7	

3E	2	<i>Helix albescens</i>	10	3 целых
3E	2	<i>Helix albescens</i>	3	1 целая
3E	4	<i>Helix albescens</i>	9	
		<i>Monacha fruticola</i>	1	целая
		<i>Chondrula tridens</i>	1	целая
3E	5	<i>Helix albescens</i>	12	мелкие фрагменты
3E	12	<i>Helix albescens</i>	1	
3F	2	<i>Helix albescens</i>	1	
3F	4	<i>Helix albescens</i>	8	
4B	4	<i>Helix albescens</i>	4	
		<i>Monacha fruticola</i>	1	
4B	4	<i>Helix albescens</i>	5	
		<i>Chondrula tridens</i>	3	
		<i>Monacha fruticola</i>	1	
4B	6	<i>Helix albescens</i>	1	
4B	7	<i>Monacha fruticola</i>	2	
		<i>Chondrula tridens</i>	3	
4B	4	<i>Helix albescens</i>	2	
4C	2	<i>Helix albescens</i>	2	1 целая
4C	4	<i>Helix albescens</i>	6	
		<i>Monacha fruticola</i>	2	
4C	5	<i>Helix albescens</i>	6	1 целая
		<i>Chondrula tridens</i>	3	
4D	2	<i>Helix albescens</i>	3	
4D	5	<i>Helix albescens</i>	7	
		<i>Monacha fruticola</i>	2	
4D	56	<i>Monacha fruticola</i>	1	
4E	2	<i>Helix albescens</i>	2	целые
4E	6	<i>Monacha fruticola</i>	1	
4E	7	<i>Monacha fruticola</i>	1	целая

Видовой анализ

Встреченные при раскопках виды наземных брюхоногих (класс *Gastropoda*) относятся к подклассу легочных (*Pulmonata*) улиток с глазами на концах щупалец (надотряд *Stylommatophora*, отряд *Geophila*) и представляют 3 семейства.

Семейство – *Helicidae*

Род – *Helix*

В Крыму изначально встречаются два вида этих крупных наземных улиток: *H. albescens* и *H. lucorum taurica*. По поводу последнего, однако, существует предположение, что греки могли его завезти на полуостров во времена колонизации Крыма с целью разведения. Третий вид – типовой вид рода – *H. pomatia* (собственно виноградная улитка) был акклиматизирован в конце минувшего столетия, но, по-видимому, не очень успешно. При раскопках найдены останки *H. albescens*.

Helix albescens (syn. *H. vulgaris*, обыкновенная улитка) (рис. 12.1; 12.2)

Вид с циркумпонтическим ареалом. В настоящее время широко распространен по всей территории Крымского полуострова, предпочитает древесно-кустарниковые заросли, скальные выходы, но встречается и в других биотопах, в частности антропогенных (Леонов 2001).

Скопления раковин обыкновенных улиток встре-

чаются в раскопках поселений Боспорского царства, в Херсонесе Таврическом и Неаполе Скифском, в южно-бережных укрепленных монастырях и в средневековых пещерных городах. Использование этих улиток человеком началось, по крайней мере, в мезолите, когда они служили первыми «живыми консервами» (Бибиков 1981: 48; Леонов 2005; 2006). В неолитическом слое поселения Таш-Аир I найдены очаги овальной формы, возле которых наряду с осколками кремня и костями животных обнаружены раковины обыкновенной улитки *H. albescens* (Колосов 1963). На тех поселениях, где собирательство составляло основное хозяйственное занятие местного населения, часто фиксируются большие скопления раковин *Helix* (Колосов 1985: 154, 155). «Мощные слои "кухонных остатков" на горе Митридат» исследовал И.И. Пузанов (1927: 248), где нашел вместе с мидиями и устрицами обыкновенную улитку (*H. albescens*), а также кустарниковую монахиню (*M. fruticola*), о которой речь пойдет ниже.

А.Н. Щеглов пишет, что на античных поселениях Тарханкутского полуострова ему удалось обнаружить раковины обыкновенной улитки почти во всех поселениях района во всех без исключения культурных слоях. Причём иногда улитки (как правило, в разрушенных поселениях) встречаются сотнями. На городище Тарпанчи, по данным автора, слой внутри одного из помещений II в. н. э. содержал до 800 раковин на 1 куб. м (Щеглов 1978: 25).

Рис. 12.1. *Helix albescens*.
Fig. 12.1. *Helix albescens*.

Рис. 12.3. *Monacha fruticola*.
Fig. 12.3. *Monacha fruticola*.

Рис. 12.2. Живой экземпляр *Helix albescens*.
Fig. 12.2. *Helix albescens* live.

Рис. 12.4. Живой экземпляр *Monacha fruticola*.
Fig. 12.4. *Monacha fruticola* live.

Велика вероятность того, что обнаруженные в большом количестве в исследуемых материалах из двухапсидного храма в урочище Еди-Евлер улитки использовались в пищу во время церковных трапез наряду с морскими двустворками. В Европе монахи не только употребляли в пищу наземных моллюсков, но и способствовали их расселению, собирая улиток в природе и затем выращивая в монастырских садах (Властов, Матекин 1968: 84; Elmslie 1982). Известно, что в XVIII в. крупные улитки рода *Helix* продавались на рынках Ялты, Севастополя, Балаклавы, где пользовались особым спросом у крымских греков (Rathke 1837).

Семейство – Hygromiidae

Род – *Monacha*

В Крыму обитает два представителя рода – *M. cartusiana* (типовой вид рода) и *M. fruticola*. Среди археологических материалов обнаружена только последняя.

Monacha fruticola (монахиня кустарниковая) (рис. 12.3; 12.4)

Вид обитает в Крыму и Малой Азии (Шилейко 1978). Имеет примерно такие же биотопические предпочтения, как рассмотренный выше *H. albescens*, чаще его встречается на относительно открытой местности,

распространен по всему полуострову там, где есть подходящие места обитания. Присутствие особей вида на территории церковного комплекса, вероятней всего, связано с благоприятными условиями в урочище Еди-Евлер и не находится в прямой зависимости от деятельности человека.

Отметим, однако, возможность хозяйственного использования этих улиток местными жителями в качестве подкормки для домашних животных – прежде всего птицы и свиней (Леонов 2005; 2006). Если для свиней чаще используют крупных улиток, то для кур вместе с травой собирают и мелких. Такое собирательство известно сегодня и, скорее всего, было характерно и для средневекового хозяйства.

Семейство – Enidae

Род – *Chondrula*

В Крыму встречается единственный вид.

Chondrula tridens (хондрула трёхзубая) (рис. 12.5; 12.6)

Ареал – от юго-западной Франции и Балеарских островов на восток до северо-западного Ирана и Урала, включая Крым и Кавказ. Населяет степные и полупустынные участки, в засушливое время закапывается в

Рис. 12.5. *Chondrula tridens*.
Fig. 12.5. *Chondrula tridens*.

Рис. 12.7. *Brephulopsis cylindrica*.
Fig. 12.7. *Brephulopsis cylindrica*.

Рис. 12.6. Живой экземпляр *Chondrula tridens*.
Fig. 12.6. *Chondrula tridens* live.

почву (Шилейко 1984), не образует массовых скоплений, встречается спорадически, но распространен по всему Крымскому полуострову. Особи этого вида предпочитают прятаться под камнями. На территории храма и вокруг него они могли появиться без прямого вмешательства человека, самостоятельно найдя благоприятные условия.

Род – *Brephulopsis*

Вероятно, изначально эндемичный для Крыма род. Современное незначительное расширение ареалов связано, по мнению А.А. Шилейко (1984), с завозом. Представлен двумя видами – *B. bidens* (типовой вид) и *B. cylindrica*. При раскопках найден единственный экземпляр последнего вида.

Brephulopsis cylindrica (брефулопсис цилиндрический) (рис. 12.7; 12.8)

Ксерофильный вид, предпочитает открытые участки, часто вдоль дорог, на ЮБК – на склонах, поросших травой, каменистых осыпях, выходах скал. В жаркую сухую погоду образует скопления в виде «гроздей» на стеблях. Молодь живет в почве. Особи этого вида могли случайно попасть на территорию храма с почвой, травой или иным подобным путем. Кто-то из проходящих в церковь мог просто подобрать и принести с собой изящную белоснежную раковину.

Рис. 12.8. Живой экземпляр *Brephulopsis cylindrica*.
Fig. 12.8. *Brephulopsis cylindrica* live.

В отложениях преобладают фрагменты раковин обыкновенной улитки *H. albescens* (72,4%), которая, вероятней всего, использовалась в качестве дополнительного пункта «мякотелого» меню – наряду с мидиями и устрицами. Этот моллюск, в отличие от своих двустворчатых собратьев, был относительно доступен в течение всего года. Наземных улиток можно собирать как в их активном состоянии, так и в состоянии спячки, когда они закрывают устье специальной крышечкой – эпифрагмой. Именно в таком виде их использовали в качестве «живых консервов» жители карстового навеса Шан-Коба в Байдарской долине и других поселений эпохи мезолита (Бибиков 1981: 48). По мнению гурманов, самые вкусные улитки – осенние, которые основательно запаслись питательными веществами на зиму. Крымская зима на южном берегу почти бесснежная, и, зная, где обитают улитки, их

можно без особых усилий накопать в любое время. С точки зрения современной церковной практики можно предполагать, что в период длительных постов, происходящих на холодные времена года: осень, зиму и весну, когда ловля морских моллюсков затруднена, значимость наземных улиток в рационе возрастала.

Значительно скромнее (24,2%) представлены останки *M. fruticola*, раковина которой отличается хрупкостью.

При равном с *H. albescens* количестве фрагментов, изначальное число экземпляров монахинь, вероятней всего, меньше, т.к. более хрупкие раковины дают в итоге большее число мелких фрагментов (оценить на данном этапе достоверность этого предположения затруднительно). Два других вида представлены незначительным количеством фрагментов: *C. tridens* – 3,2%, а *B. cylindrica* и вовсе единственной раковиной (0,2%).

ХРОНОЛОГИЯ

ХРОНОЛОГИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ ПЕРИОДОВ

Хронологические рамки исследованного комплекса определяются на основании анализа материала, полученного при археологических раскопках, прежде всего, керамических изделий и подвесок из восточных монет.

Как уже говорилось (см. главу 1 «Архитектурно-конструктивные особенности и строительная периодизация храма»), в архитектурной истории церкви в урочище Еди-Евлер выделяется четыре периода. Первый и второй периоды представляют собой два последовательных, практически совпадающих по времени этапа строительства, итогом которого стало возведение двух-апсидного храма, история которого отражена в культурных слоях №№ 7, 7а-в, 7-1, 7-2, 13а-б, 14а-г, 6-1, 6-2, 6-3, 6, 2б, отчасти 12а, заполнениях ям № 8 и № 10 и погребального комплекса № 1.

При изучении этой группы отложений в слоях №№ 6 и 13 обнаружены кресты, вырезанные из арабосасанидской полудрахмы второй половины VII – начала VIII в. (подражание выпускам Хосроя II [590-628]) и дирхема чеканки Омейядов (661-750) (см. главу 5 «Металлические кресты»). По мнению некоторых специалистов, приток ранних куфических монет VII–VIII вв. в Юго-Восточную Европу относится к началу IX в., причём в кладах этого времени преобладают выпуски VIII в., а также сасанидские монеты и чекан арабских наместников (Сидоренко 2002: 448). Очевидно, что в истории Таврики такие артефакты сами по себе нельзя считать надёжными хронологическими индикаторами. К тому же монета, выпавшая из обращения и используемая вторично в качестве подвески или вырезанного из неё креста, могла находиться в живой культуре несколько столетий (литература вопроса см.: Морозов 1998: 380). В то же время такие находки, обнаруженные в определённом археологическом контексте, позволяют получить некоторое представление о его нижней дате.

Оба креста происходят из слоев второго строительного периода, т. е. не исключено, что *terminus post quem* этого периода соответствует времени не ранее начала IX в., а скорее всего, с учетом вторичного использования монет, и более позднему.

Несколько скорректировать эту дату позволяет анализ состава керамических находок. Как неоднократно отмечалось многими исследователями, хронология керамики второй половины VIII – первой половины X в. из раскопок памятников Таврики все еще требует уточнений (см. напр.: Паршина *и др.* 2001: 74-75; Науменко 2009а: 35-46). Тем не менее, на основе анализа взаимовстречаемости различных групп и типов гончарных изделий, можно получить более детальное представление о датировке строительных периодов храма.

Хронологически значимые находки в слоях первого-второго строительных периодов представлены фрагментами амфор трёх типов местного производства. Первому из них (с желобчатой поверхностью и валикообразным венчиком) соответствует второй вариант амфор «причерноморского» типа по А.Л. Якобсону (1979: 31, рис. 13: 1-4) или тип XVI по ХК-71 (Антонова *и др.* 1971: 90), класс 36 и, возможно, 38 по ХК-95 (Романчук *и др.* 1995: 60-61, табл. 23: 128, 129; 28: 132). Вторым и третьим (с двухчастным горлом, разделенным реберчатым выступом) представляют собой, видимо, варианты амфор типа XV по ХК-71 (Антонова *и др.* 1971: 89-100), класса 30 по ХК-95 (Романчук *и др.* 1995: 56, таб. 25, 26). Пробразами всех этих амфор, очевидно, послужили импортные тарные сосуды, бывшие в обращении на территории Причерноморско-Средиземноморского региона в различных хронологических и локальных вариантах по меньшей мере с IV–VII вв. (LRA-1) до начала X в. (см. напр.: Arthur 1998: 157-184; Waywell, Wilkes *et al.* 1995: 451-455, fig. 6: 2, 4, 6, 10; Hayes 1992: 71-73, fig. 23, 25; Vroom 2005: 52-53, byz 11.2). Местные подражания этим сосудам, представленные в том числе и тремя типами из раскопок храма, производились на территории Таврики, исходя из имеющихся на сегодняшний день данных, примерно со второй половины (конца?) VIII в. и до первой половины (первой трети?) X в. (см. главу 3 «Керамика»). Таким образом очевидно, что датировка найденных при раскопках амфор достаточно широка. Однако следует отметить некоторые особенности керамического комплекса первого-второго строительных периодов, которые в целом позволяют сузить его хронологические рамки. В первую очередь это отсутствие среди керамических находок нескольких близких по времени типов тарных сосудов, которые либо уже вышли из употребления, либо еще не появились в обиходе.

К вышедшим из употребления сосудам определённо относятся импортные амфоры с мелким зональным рифлением (МЗР), известные как тип Late Roman 2 (LRA-2) (см. напр.: Sciallano, Sibella 1991: 106-107) и их вариации, производимые в Таврике (первый вариант «причерноморского» типа по А.Л. Якобсону, тип XIV по ХК-71, класс 24 по ХК-95) (Якобсон 1970: 39; Антонова *и др.* 1971: 88-89; Романчук *и др.* 1995: 50-52). Как было отмечено ранее (глава 3), к началу IX в. выпуск этих амфор на территориях, находящихся под византийским влиянием, в том числе и в Таврике, значительно сократился (см. напр.: Баранов, Майко 1996; Майко 2000: 102-103; 2004: 184; 2012б; Пономарев 2003а: 268; Зинько, Пономарев 2005: 237-238; Романчук *и др.* 1995: 47; Седикова 1995: 170-171; Романчук, Седикова 1991: 42; Седикова 1997: 10-12; Нидзельницкая 2009: 280 *и др.*).

К ещё не вошедшим в обиход сосудам относятся высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками (тип XX по ХК-71 [Антонова *и др.* 1971: 91-92, рис. 20: 20-21], класс 41 по ХК-95 [Романчук *и др.* 1995: 63-60, таб. 30-32], тип 44 по А.В. Сазанову [Sazanov 1997: 97, fig. 4: 44], “large one-handled jag” или “local tall one-handled jag” по J.W. Hayes [1992: 125, 223; fig. 21: 3; 71: 53]) (подробнее см. главу 3 «Керамика»). Общая хронология этих сосудов, на основании анализа комплексов Херсонеса, в том числе содержащих монетные находки, наиболее ранние из которых относятся ко времени правления императора Василия I Македонянина (867-886), наиболее поздние принадлежат императору Роману IV Диогену (1067-1071) и Михаилу VII Дуке (1071-1078) (Рыжов, Седикова 1999: 325; Алексеенко 2006: 86-87; Нессель 2006: 97, 107), определяется в рамках 60-80-х гг. IX – конца XI в. Период наибольшего распространения кувшинов приходится на X – середину XI в. (см. напр.: Могаричев *и др.* 2007: 107).

Исходя из приведённых данных, можно с высокой долей вероятности предполагать, что храм был построен уже после того, как импортные и местные амфоры с мелким зональным рифлением вышли из широкого употребления, а высокогорлые кувшины ещё не появились в обиходе, иначе трудно объяснить, почему члены местной общины не пользовались в церковном быту именно этими типами сосудов, хотя на близлежащем поселении они встречаются (Лысенко, Тесленко 2012: рис. 3: 2; 6: 8, 9). В то же время другие типы амфор местного производства с желобчатым туловом, а также с «двухчастным» горлом и вогнутым днищем, продолжают использоваться синхронно.

Таким образом, учитывая возможную датировку восточных монет, из которых изготовлены кресты-подвески, а также судя по отсутствию амфор с мелким зональным рифлением в культурных слоях перво-второго строительных периодов, нижняя дата сооружения храма должна быть отнесена к середине или второй трети IX в. Отсутствие же высокогорлых кувшинов позволяет очертить верхнюю границу жизнедеятельности двухапсидного храма временем не позднее 60-80-х гг. IX в. Хронология остальных находок не противоречит приведённым наблюдениям.

Керамический комплекс третьего строительного периода (слои №№ 4, 12, 12а-б, 14, 5, 5б), в течение которого храм восстанавливается и продолжает функционировать как одноапсидная церковь, кроме характерных для предыдущего периода типов амфор включает донную часть высокогорлого кувшина с широкими плоскими ручками, которая, вероятно, была частью какой-то конструкции в алтаре. Датировка этого сосуда определяет нижнюю хронологическую границу капитальной реконструкции здания временем не ранее 60-80-х гг. IX в.

Другими критериями для определения даты третьего строительного периода можно считать находку в слое разрушения фрагмента византийского белоглиняного

поливного кувшина константинопольского производства (GWW-II) (Hayes 1992: 18-19), относящегося ко времени не ранее начала X в. (см. напр.: Hayes 1992: 12-15, 18-19; Vroom 2005: 75), а также отсутствие среди археологического материала фрагментов красноглиняных «грушевидных» амфор с венчиком в виде «отложного воротничка» (тип IIb по Н. Гюнсенин [Günsenin 1990: 24-28]), византийских сфероёмкостных амфор (тип I по Н. Гюнсенин [Günsenin 1990: 21-24, fig. 4]), а также другой керамики, характерной для археологических комплексов второй половины X – начала XI в. (см. напр.: Булгаков 2000; Майко 2002а: 48-55; Майко 2004). На основе результатов сопоставления этих данных можно предполагать, что верхний хронологический рубеж последнего этапа функционирования храма не простирается далее середины X в. Мизерное количество обломков высокогорлых кувшинов может несколько удревнить дату археологических слоев этого периода, перенеся её в конец IX – начало X в. (см. напр.: Могаричев *и др.* 2007: 106-107). Однако, учитывая, что керамические комплексы поселений и храмов могут отличаться друг от друга, в частности из-за различных обстоятельств формирования культурных отложений, для более весомой аргументации предложенной датировки необходимо привлечение большего количества керамических материалов из качественно исследованных синхронных археологических контекстов других памятников.

Четвёртый строительный период, характеризующийся использованием остатков руин южного нефа для добычи камня и возведения небольшой постройки неясного назначения, также датируется по находкам керамики. Это обломок днища коричневоглиняного сосуда закрытой формы группы «Юго-западный Крым» XIV–XV вв. и фрагменты чаш группы «Юго-восточный Крым» второй половины XIV–XV вв. с орнаментом сграффито и полихромной раскраской.

Какие-либо артефакты, относящиеся к периоду середины X – середины XIV в. при раскопках не зафиксированы. Вероятно, руины храма в промежутке между третьим и четвёртым строительными периодами никак не использовались, по крайней мере, активно.

Таким образом, в конечном итоге, можно предложить следующую датировку строительных периодов храма. Сооружение двухапсидной постройки (первый и второй строительный периоды) относится ко времени не ранее второй трети – середины IX в. Разрушение здания и последующая его реконструкция с упразднением северного компартамента (третий строительный период), а также его дальнейшее функционирование и разрушение происходят в промежутке с 60-80-х гг. IX в. до середины (первой четверти?) X в.

Новый интерес человека к руинам, отразившийся в материальных остатках, проявляется не ранее второй половины XIV–XV вв. После окончательного разрушения возведённой в это время кладки и остатков стен южного компартамента памятник пребывал в забвении вплоть до начала археологических исследований.

БОГОСЛУЖЕНИЕ И РИТУАЛЫ

ЛИТУРГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ХРАМА

Анализ votivных крестов из семидворского храма в контексте синхронных христианских древностей (см. главу 5 «Металлические кресты») позволил надёжно вписать церковный комплекс на холме Тузлух в ряд культурных явлений, присущих развитию византийского богослужения и религиозности IX–X вв. Однако в археологии храма представлены и другие особенности, связанные с церковной культурой восточно-христианского мира этой эпохи. Некоторые из них имеют достаточно широкие хронологические и географические рамки и характерны для различных этнических и культурных групп, которые проживали как на территории самой Византии, так и её периферии.

В научной традиции сложилось устойчивое и, несомненно, справедливое представление, что именно планировка памятников церковной архитектуры в наибольшей степени отражает специфику совершаемого здесь литургического последования (Lassus 1947; Стричевић 1958-1959; Babić 1969; Mathews 1971; 1982; 1995; Krautheimer 1975; Ćurčić 1977; Teteriatnikova 1992; 1996; Sinkević 2002; Хрушкова 2002: 394-417; Hadjityphonos 2006: 237-259). Вместе с тем, выводы об отражении богослужебных ритуалов в плане конкретного храма зачастую носят гипотетический характер, что признает большинство исследователей. Такая ситуация предполагает обязательность введения методологических ограничений и дополнительной системы доказательств при перенесении выводов о богослужебном назначении компартиментов, полученных при изучении конкретного храма, на типологически близкие постройки, известные в других регионах (Мусин 2004а: 360-361; Мусин 2004б: 138). Работа над таким сюжетом каждый раз предполагает самостоятельный поиск источников и параллелей, иногда достаточно широких. Важно отметить не только возможную принадлежность памятников к различным «литургическим провинциям», но и учесть культурно-хронологическую дистанцию между изучаемыми явлениями. Нельзя не учитывать и тот факт, что плодотворность совместного исследования архитектуры и литургии эпохи поздней Античности была обусловлена впечатляющей динамикой развития богослужения этого времени. Этапы его эволюции хорошо отражены как архитектурно-археологическими материалами, так и – в ряде случаев – письменными памятниками, прямо или косвенно указывающими на литургические реформы или дающими достаточно подробное описание и номенклатуру храмовых компартиментов (Walter 2000: 95-106; Афиногенов 2004). С началом средневизантийской эпохи, когда внешние формы христианского культа существенно стабилизировались, возможности их сопоставления с архитектурными формами оказались весьма

ограниченными (Мусин 2004б: 135-154).

Для понимания смысла и содержания богослужения, совершавшегося в церкви в урочище Еди-Евлер, стоит обратиться к наиболее ярко выраженным особенностям храма. Прежде всего, необходимо отметить факт сосуществования двух разновеликих апсид и компартиментов, сообщающихся между собой, меньшие размеры северной апсиды и соответствующего храмового объёма, что указывает на функциональное зонирование богослужебного интерьера средствами архитектуры, свободный доступ к сакральной зоне северной части храма извне, в том числе и визуальный, а также возможность доступа в основной объём храма через северный, функционально подчиненный компартимент при наличии на разных этапах существования церкви до трёх входов в храм, ориентированных по сторонам света.

Результаты археологических исследований позволяют предположить, что практически одновременное возведение обоих компартиментов входило в первоначальные замыслы строителей. Различие в размерах апсид и ширине двух храмовых объёмов должно было подчеркивать различие их богослужебных функций. Таким образом, сосуществование двух сакральных зон могло быть связано с конкретным литургическим ритуалом, который сформировался ко времени появления церкви во второй трети – середине IX в. и нашел соответствующее воплощение в её планировке. Очевидно, заказчик, ктитор или община, инициировавшие строительство храма, ориентировались на известные им архитектурные и литургические образцы и намеревались в дальнейшем следовать этому богослужебному обряду, вовлекая в него окружающее население.

Как показывают стратиграфические и хронологические исследования (см. главы 2 «Стратиграфия и характеристика культурных отложений» и 13 «Хронология строительных периодов»), около 860-880-х гг., в третьем строительном периоде, совпадающим со вторым этапом жизни храма, проход между компартиментами перестал существовать, будучи заложен каменной кладкой. Руинированный северный компартимент был законсервирован и более не использовался как литургическое пространство. Семидворский храм превратился в типичную однефную одноапсидную сельскую церковь. Предполагая непрерывное и поступательное развитие литургии византийского обряда можно думать, что в этот период все богослужебные функции, которые изначально были распределены между двумя храмовыми зонами, сосредоточились в основном объёме. «Архитектурно-литургический» эксперимент, воплотившийся в создании и кратковременном существовании в середине IX в. двухапсидного храма с разновеликими компартимен-

тами, оказался в дальнейшем не востребован основным направлением развития византийской богослужебной практики. Однако анализ археологических данных, полученных при раскопках храма, в свете наших знаний об эволюции богослужения и «народной религиозности» в Византии, позволяет до некоторой степени решить вопрос об особенностях литургии, которая совершалась в церкви на холме Тузлух.

Существование храмов с двумя апсидами, чаще всего симметричными и равновеликими, можно считать характерным для всего средиземноморского пространства, начиная с позднеантичной эпохи. Иногда они именуются «двухнефными», что не всегда справедливо, поскольку зачастую их храмовые компартименты отделены друг от друга сплошной стеной, тогда как классические нефы, границы которых отмечены рядами колонн или столбов, характеризуются высокой степенью открытости соседним частям храмового интерьера. Церкви с асимметричными апсидами встречаются гораздо реже и преимущественно связаны с эпохой средневековья.

Однако до сих пор эти явления не получили ни исчерпывающего литургического осмысления, ни надежной хронологической периодизации, ни очевидных функциональных и региональных истоков. Двойная композиция таких храмов всегда порождала дискуссию об особенностях отправляемого здесь богослужения, что нашло отражение и в разнообразии используемой терминологии (по поводу терминологии см. главу I «Архитектурно-конструктивные особенности и строительная периодизация храма»). По нашему мнению, определением, наиболее адекватно описывающим архитектурно-литургические особенности церкви на холме Тузлух, можно считать «двухапсидный храм с разновеликими апсидами». В рамках настоящего исследования в качестве синонима этому определению допустимо использовать термины «двухчастный» или «двухапсидный» как равноправные. Применение иногда встречающегося в научной литературе определения «двойная церковь» (*Doppelkirche*, *double church*) в данном случае не представляется удачным, поскольку имплицитно предполагает богослужебное равноправие обоих храмовых объёмов, тогда как планировка семидворского храма и его дальнейшая архитектурная судьба указывают, скорее, на подчиненное положение северного компартимента.

Решение вопроса об особенностях богослужения в церкви у с. Семидворье должно быть связано с ответом на вопрос о происхождении двухчастной архитектурной формы и поиском возможных аналогий в сопредельных регионах. Поскольку двухапсидные церкви VIII–XV вв. известны в Крыму – например, в крепости Судака (рис. 14.1), в урочище Сотера близ Алушты (рис. 14.2), на территории средневекового некрополя Фуна близ с. Лучистое (рис. 14.3), в генуэзской крепости Чембало (рис. 14.4) (см.: Протасов 1929; Севостьянова 2010; Айбабина 1991; Паршина 2002б; Лосицкий 2002; Адаксина, Кирилло, Мыц 2006; Адаксина, Мыц 2007;

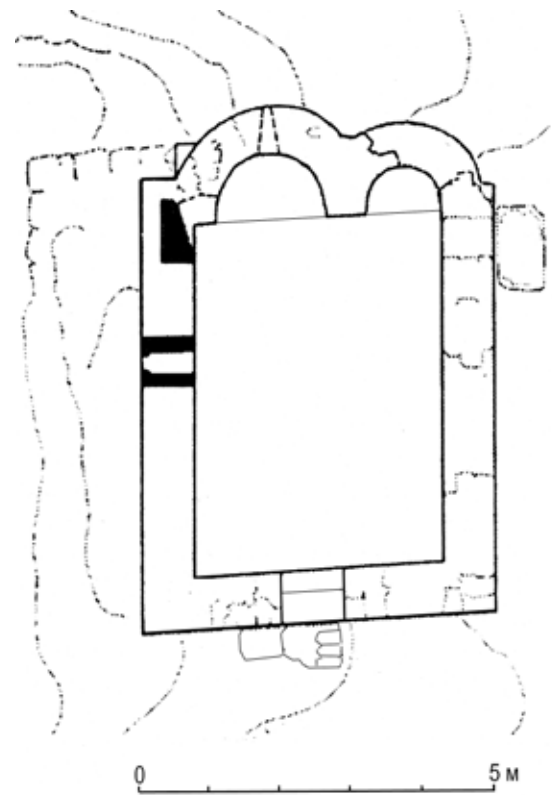

Рис. 14.1. Двухапсидный «храм на консолях» в крепости Судака, Крым, XIV в., план (по: Скржинская 2006: 80).

Fig. 14.1. Double apse church, Sudak fortress, Crimea, 14th century, plan.

Скржинская 2006; Кирилло 2011; 2012; 2015), то они естественным образом должны привлечь наше первоочередное внимание.

Первая попытка осмыслить всю группу крымских «двухапсидных» церквей привела исследователей к заключению, что такая архитектура появилась в Крыму под влиянием переселенцев, армян-монофизитов, проповедовавших «двуличность Христа – Бога и Человека» (Мордвинцев, Кисиль 2002: 187-191). Их богословское учение как раз и должно было, по мнению исследователей, воплотиться в двухчастной структуре храма. Дополнительно такая гипотеза подкреплялась указанием на присутствие армянских общин в Крыму, засвидетельствованное письменными источниками. Согласно предположениям авторов идеи, некоторые особенности материальной культуры местных общин также могут указывать на «армянский след». Конкретно речь идет о перенесении «священных камней» с прежних мест обитания для их помещения в новый храм. Именно так был интерпретирован «чёрный камень, который выделяется своим цветом на фоне светлой стены», якобы существующий в церкви Сотеры. Этот камень авторы и «сумели разглядеть», по меткому замечанию В.П. Кирилло (Кирилло 2012: 15), на фотографии кладки западной стороны храма, вошедшей в археологический отчёт Е.А. Паршиной (Мордвинцев, Кисиль 2002: 191; о критике этого предположения со ссылкой на определение петро-

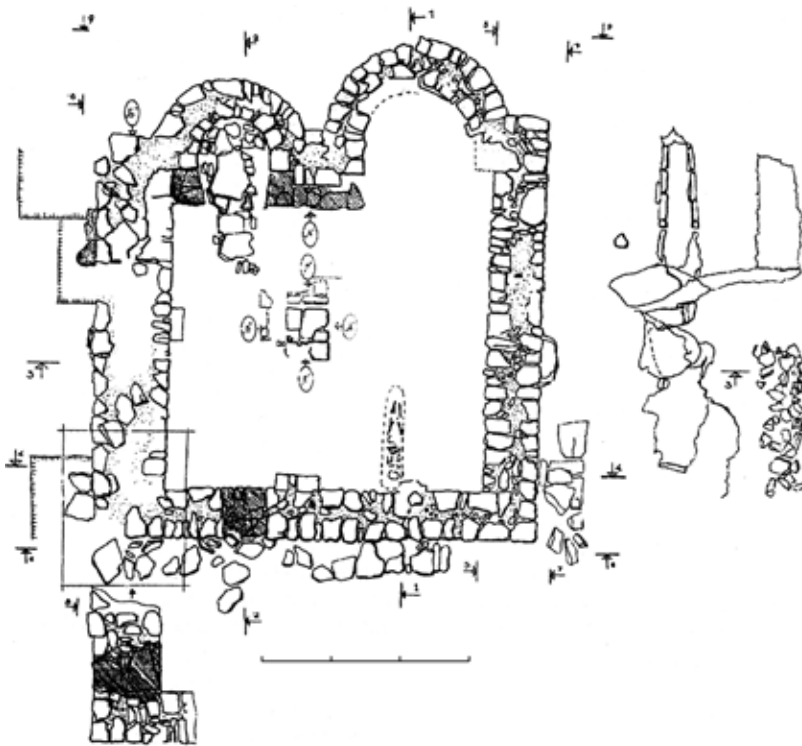

Рис. 14.2. Двухапсидный храм в урочище Сотера близ Алушты, Крым, VIII-IX вв., план (по: Паршина 2002б: рис. 9).
 Fig. 14.2. Double apse church, Sotera, near Alushta, Crimea, 8th-9th centuries, plan.

графического состава строительного материала храма в Сотере, где какие-либо необычные или инородные включения не были отмечены, см.: Кирилко 2012: 15).

Оценивая эту гипотезу, стоит напомнить, что монофизитские особенности христологии Армянской Церкви были обстоятельно разъяснены профессорами Санкт-Петербургской Духовной академии И.Е. Троицким и В.В. Болотовым (Троицкий 1875; Болотов 1917: 322-323). Это богословие не столь последовательно исповедовало растворение человеческой природы Христа в Его Божестве, как это имело место, например, у сирийских монофизитов. Чисто теоретически, если придерживаться логики авторов, такое богословие стоило бы связать с традицией одноапсидных храмов, на что должна ясно указывать приставка «моно». Представления о «двуличности», иначе двуипостасности Христа, были как раз присущи богословским оппонентам монофизитов – несторианам. Двухапсидные храмы, согласно той же логике, должны быть характерны или для несториан, или для православных греков-«дифизитов», исповедовавших нераздельное и неслиянное сосуществование во Христе двух природ – Божественной и преображенной человеческой¹.

Однако не эти богословские истины делают выдвинутую гипотезу ненадежной. Известно, что символическое толкование форм церковной культуры присуще, скорее, нашим современникам, нежели человеку средневековья.

Символизм, как правило, влиял на восприятие формы, а не на её построение. Более того, символическое осмысление литургического объекта или предмета возникает в условиях, когда его первоначальное назначение, зачастую проистекавшее из весьма приземленной бытовой функции, оказывалось забытым или преобразованным (Мусин 1997: 357-361; 2002б: 279-302).

В еще большей степени это касается числовой символики в церковной архитектуре, в частности, «истолкования» числа глав православного храма, которая получила официальное признание в Российской Православии только в середине XIX в. Даже в таком авторитетном издании как «Новая скрижаль» числовая символика совершенно не упоминается (Вениамин 1803; об этом издании см.: Дударев 1903; Никольский 1882: 93-118, ср.: Филарет 1847). В свое время это позволило И.Л. Бусевой-Давыдовой показать, что никаких оснований объяснять те или иные особенности внешнего облика средневековых русских церквей их символическим значением не существует (Бусева-Давыдова 1989: 293-295, 302). Возникшая впоследствии полемика (см.: Мельник 1991: 145-151) на самом деле лишь подтвердила правильность этих наблюдений.

Основным аргументом этой полемики стали рассуждения В.Н. Татищева, которые должны быть однозначно интерпретированы в пользу нашей версии. Российский историк, хоть и возводил символическое толкование пятиглавия («Христос и четыре евангелиста») к эпохе патриарха Никона (1652-1666), однако справедливо считал его «безумным новшеством» (ср.:

¹ Любопытно, что подобное, хотя и ничем не подкрепленное предположение в отношении двухчастного храма Гроба Господня в Иерусалиме, уже высказывалось в историографии (Margalit 1995: 399).

«о верхах, или главах, на церкви благоразумному говорить бы не о чем, но нашлись безумцы, которые в сем таинство заключают, ... [в древности ради] великости храма делали по несколько [глав] для украшения и никакого знаменования в том не разумели»; ср.: Татищев 1963: 243).

Точно также представляется невероятной теория, согласно которой средневековые двухапсидные церкви Италии «подражали» известной в иконографии форме скрижалей Ветхого Завета, принесенных пророком Моисеем с горы Синай (Mazzucchelli 2006). Таким образом, символическая интерпретация двухчастной архитектуры, в том числе и на территории Крыма, должна быть оставлена.

Вопрос об двухапсидных храмах в Таврике и их истоках, в том числе и в связи с историей семидворской церкви, в ряде обстоятельных обзоров затронул и один из авторов этого тома В.П. Кирилко (см. написанную им главу 1 «Архитектурно-конструктивные особенности и строительная периодизация храма» в настоящей монографии, а также: Кирилко 2012). Исследователь отметил, что подобные строения являются одним из слабо изученных явлений средневековой церковной архитектуры. Указывая на разнообразие плановых решений таких построек, он обоснованно предположил, что появление дополнительной апсиды и соответствующего нефа было вызвано необходимостью расширения литургического пространства. В ряде случаев это могло быть связано с размещением в дополнительной апсиде жертвенника для совершения подготовительной части литургии – протесиса или проскомидии современной богослужебной терминологии². Одновременно исследователь обратил внимание на связь двухчастных храмов с некрополями, допуская их поминальные функции.

В отношении происхождения «двухапсидной» традиции В.П. Кирилко высказал гипотезу, что архитектура некоторых храмов Таврики этого типа может быть отчасти связана своим происхождением с Северным Кавказом, где эта особенность имела, скорее всего, малоазийские корни. Исследователь также отметил, что интересующие нас церкви характерны для тех микро-регионов Крыма, где письменные источники фиксируют проживание общин северо-кавказских народов: алан, лазов и черкесов. Одновременно автор допускал и прямые аналогии крымских храмов с Закавказьем, где известны близкие, хотя и не всегда современные памятники армянской и грузинской архитектуры.

«Северо-кавказский след» в архитектуре храма у с. Семидворье, по мнению В.П. Кирилко, может быть дополнительно обоснован и другими особенностями церк-

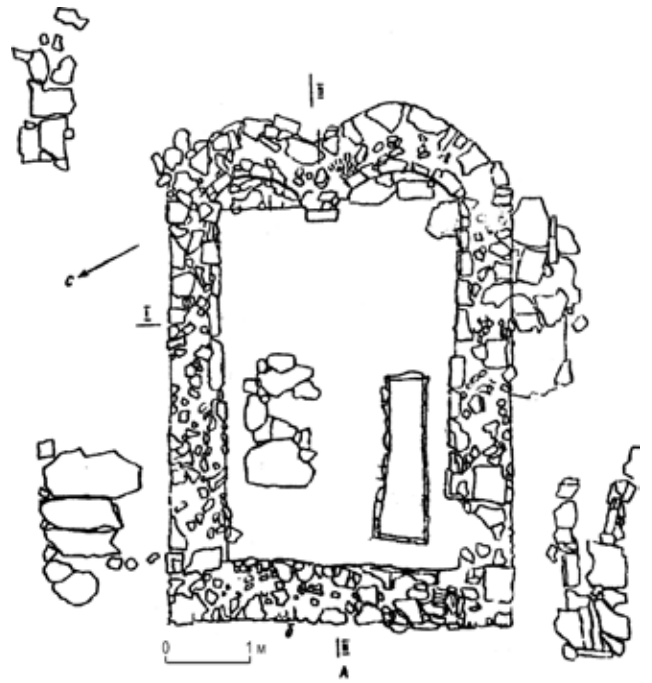

Рис. 14.3. Двухапсидный храм некрополя Фуны, Крым, XIV в., план (по: Айбабина 1991: рис. 1).

Fig. 14.3. Double apse church, Funa, Crimea, 14th century, plan.

ви на холме Тузлух, в частности, его археологическим контекстом. Речь идет о находках votивных крестов (см. главу 5 «Металлические кресты») и костных останков, свидетельствующих о приходских жертвоприношениях и общинных трапезах (см. главу 2 «Стратиграфия и характеристика культурных отложений», главы 8-12, посвященные фаунистическим останкам, а также ниже, в настоящей главе). Так, в качестве ближайшей концептуальной и ситуативной аналогии храму в урочище Еди-Евлер исследователь указал церковь «Тхаба-Ерды» у с. Хайрах на правом берегу р. Ассы в Ингушетии (рис. 1.70) (Крупнов 1947: 116-125; 1971: 87-88). Зафиксированные в семидворском храме скопления костей животных сопоставлялись им с подобными находками у еще одного ингушского храма у с. Таргим на левом берегу той же реки (Мужухоев 1980).

Отмеченные В.П. Кирилко параллели невозможно обойти при изучении вопроса о богослужебном строе семидворского храма, возможном происхождении его архитектуры и историческом контексте его строительства. Дополнительно стоит задуматься над мнением Ю.Г. Лосицкого, который посчитал, что двухапсидные крымские храмы, представлявшие собой, по его наблюдениям, «механическое соединение двух однефных построек», оказываются довольно редким и не вполне сформировавшимся с точки зрения морфологии и архитектуры явлением (Лосицкий 2002: 132-133). С учетом наших знаний о хронологии этих построек на территории Таврики, которые оказываются не старше конца VIII – первой половины IX в., а значительная часть появляется только в XIV–XV вв., стоит предположить, что

² Подобную гипотезу о появлении асимметричных двухапсидных бесстолпных храмов в средневековой Руси во второй половине XIV в. в свое время высказал Б.Л. Альтшуллер (1977), который связал выделение самостоятельного пространства для жертвенника в северном компартименте с утверждением в Византии и на Руси «Иерусалимского устава» – Устава Лавры прп. Саввы Освященного. Ниже мы вернемся к оценке таких предположений, показав как их перспективность, так и некоторую ограниченность.

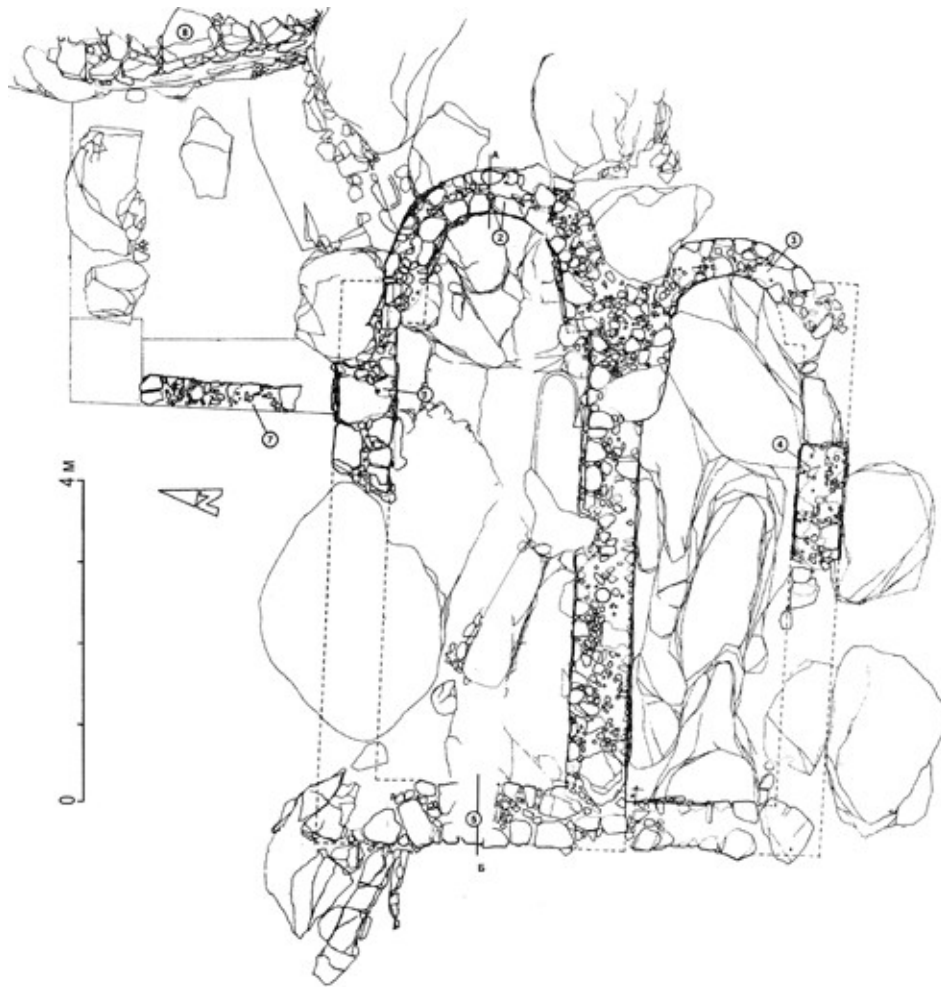

Рис. 14.4. Двухапсидный храм в крепости Чембало, Балаклава, Крым, XV в., план (по: Адаксина, Мыц 2007: рис. 190).
Fig. 14.4. Double apse church, Chembalo fortress, Balaklava, Crimea, 15th century, plan.

формирование этого типа церковного здания, который в византийской архитектуре так и не получил дальнейшего развития, происходит не позднее первой из указанных дат.

На современном этапе изучения двухапсидных церквей Крыма нам представляется необходимым дать самостоятельный краткий обзор феномена «двухчастности» христианской храмовой архитектуры, включив сюда храмы как с дополнительным северным компартиментом, так и с многочисленными пристроенными объёмами вообще, поскольку их создание представляется характерной чертой византийской архитектуры среднего и позднего периода (Хатζητρίφωvos 2004). Такой обзор, который должен учитывать региональные особенности и хронологические различия, является необходимым фоном для любых предположений о литургических особенностях семидворского храма. Одновременно это поможет нам избежать привлечения разновременных и разнохарактерных явлений для осмысления конкретного крымского памятника IX – первой половины X в.

Как уже отмечалось, в настоящее время в науке не существует общепринятого объяснения причин появления двухапсидных церквей. Некоторые исследователи

отмечают присущие им различия и выражают сомнения в существовании единой исторической линии их генетического развития (Паршина 2002б: 129-130). Очевидно, эта ситуация отражает исторические реалии: появление церквей с двумя апсидами могло быть вызвано самыми различными литургическими потребностями.

Так, в ряде статей Ш. Маргалит предположил, что формирование дополнительных апсид и компартиментов в храмах IV–VIII вв., иногда с дополнительными пастофориями, было специфическим следствием литургической и богословской культуры Палестины, где культ святых мощей окончательно сложился на основе богословия о единении Божественной и человеческой природы во Христе. В результате дополнительные объёмы маририума могли появляться как с северной, так и с южной стороны молитвенных зданий этого региона, после чего традиция распространилась на соседние земли (Margalit 1990; 1995). Отметим в этой связи, что большинство храмов этого типа в Палестине являются постройками с равновеликими апсидами, симметричными относительно своей центральной оси.

В рамках нашего обзора стоит упомянуть и характерный для Северной Африки феномен базилик с

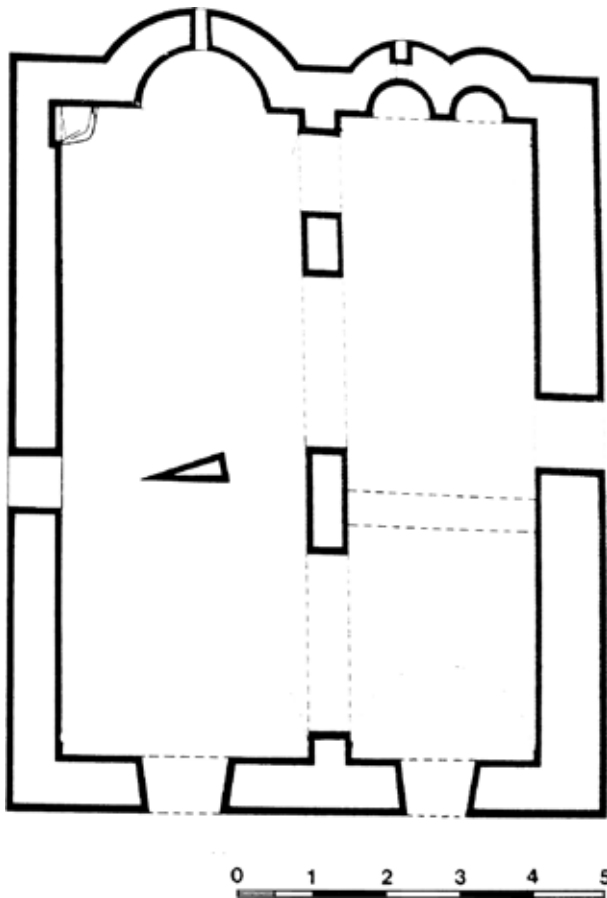

Рис. 14.5. Церковь свт. Спиридона Тримифунтского – Панагия Проторони Халкии, Халки, остров Наксос, план (по: Δημητροκάλλης 1976: 111, εκ. 154).

Fig. 14.5. Church of St Spyridon – Panagia Protothroni Halkia, Halki, Naxos Island, plan.

«контр-апсидами», расположенными в противоположных концах церковного здания, который был подробно исследован Н. Дювалем (Duval 1971; 1973; 1996; 2000). Однако, несмотря на возможную связь такой «двух-апсидности» с культом мучеников, гробницы которых как раз и могли находиться в контр-апсиде, тогда как в основной апсиде находился пресбитерий с синтроном (заметим, что подобная симметрия могла быть литургическим воплощением единства Небесной и Земной Церкви), исследователи воздерживаются от окончательных выводов о том, почему местные церкви одновременно использовали для своих богослужебных нужд две расположенные друг напротив друга апсиды (Duval 1971: 373, 378).

Существует феномен «двойных базилик» как примыкающих друг к другу двух равновеликих церковных зданий базиликального плана, свойственный преимущественно поздней Античности (Sodini, Kolokotsas 1984; ср.: Vandman 1954: 196-215). Если южный объём был определённо предназначен для основной церковной службы – Литургии и Евхаристии, то в отношении функций северного здания исследователь этого типа церквей Ж.-П. Содини не пришел к однозначным выво-

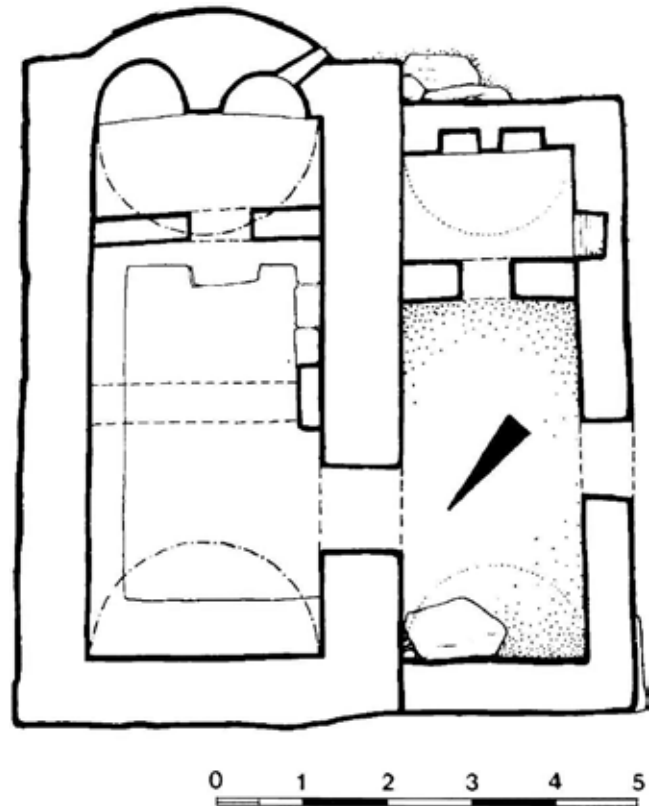

Рис. 14.6. Церковь св. вмч. Пантелеймона, Котрафи, Пелопоннес, Греция, план (по: Δημητροκάλλης 1976: 223, εκ. 333).

Fig. 14.6. Church of St Pantaleon, Kotraphi, Peloponnesus, Greece, plan.

дам. Он отказался от интерпретации этого пространства как катехумена или консигнаториума, считая, что оба термина, используемые в христианской археологии для обозначения зоны оглашения – наставления в вере, позднее преобразованной в ризницу-сосудохранилищницу, и миропомазания, являются кабинетным изобретением. При этом исследователь не исключает, что северный неф таких базилик мог использоваться как мартирум или даже жертвенник для совершения протесиса (Sodini, Kolokotsas 1984: 255, 283, 306).

Впрочем, и 25 лет спустя исследователи признают, что функции двойных базилик остаются загадочными (Ćurčić 2010: 160-163). Стоит добавить, что этот феномен был свойственен не только восточно-христианской культуре эпохи поздней Античности. Двойные кафедральные базилики известны и в западной части Средиземноморья в эпоху средневековья, в частности, в Италии (об этом см.: Piva 1990; 1995: 111-116; 1996: 56-60), однако знакомство с этим феноменом латинского обряда выходит за рамки нашего исследования.

Основная сводка двухапсидных храмов была опубликована греческим исследователем Г. Димитрокаллисом (Δημητροκάλλης 1976; Dimitrokallis 1976: 543-547;

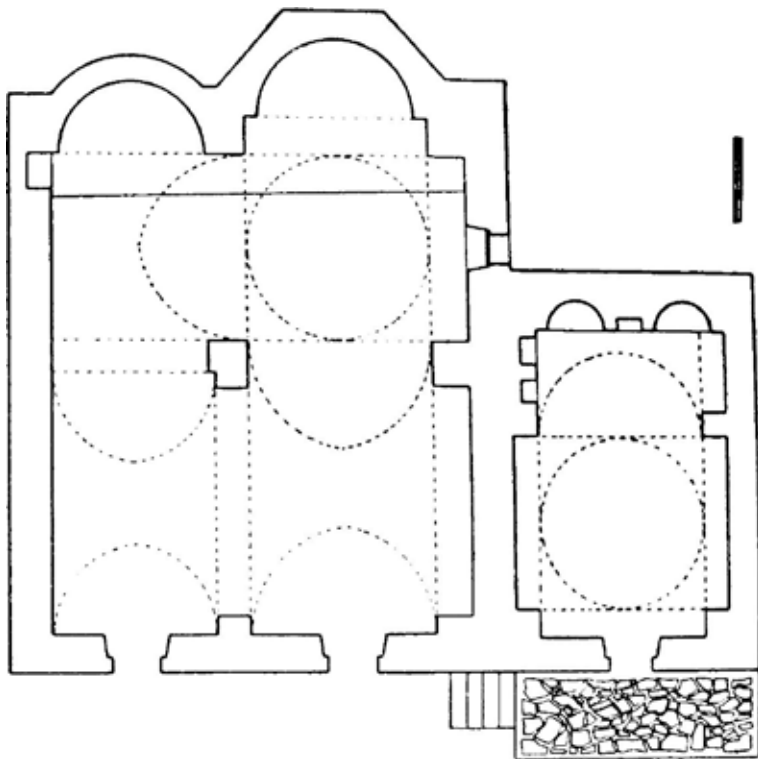

Рис. 14.7. Церковь свт. Афанасия, Фатуру, остров Патмос, план
(по: Δημητροκάλλης 1976: 68, еικ. 86).

Fig. 14.7. Church of St Athanasius, Phaturu, Patmos Island, plan.

рец. см.: Сапрага 1979: 377-390; краткий обзор: Хрушкова 2002: 93-95; см. также главу 1 «Архитектурно-конструктивные особенности и строительная периодизация храма» настоящей монографии). Исследователь, именуя эти церкви «двуконховыми», учел 115 храмов V/VI–XVII вв., принадлежавших к совершенно различным богослужебным традициям и эпохам и в силу этого не всегда сравнимых между собой (Армения – 9; Грузия – 1; Россия – 1 [церковь св. Ильи Пророка, Ярославль; см.: Δημητροκάλλης 1976: 59-60]; Малая Азия – 8; Кипр – 1; Эгейские острова – 58; континентальная Греция – 11, Болгария – 1; Словения и Хорватия – 3; Италия – 10; Франция – 6; Швейцария – 3; Германия – 2; Австрия – 1). Впрочем, сам автор полагал, что только два храма – в Ярославле в России и в Портбай во Франции (департамент Манш, Нижняя Нормандия) – располагаются вне основного ареала двуконховых церквей, подчеркивая тем самым культурное единство основной массы церквей, относимых к описываемому феномену. Впрочем, он допускал для двух указанных храмов возможность влияния древней восточно-христианской архитектуры.

Причины появления двуконховых церквей, как и функции второй апсиды и связанного с ней компартамента, в работе Г. Димитрокаллиса оказались лишь намечены. Он справедливо, на наш взгляд, полагал, что речь должна идти именно о самостоятельных функциях дополнительного объема и апсиды, а не о дублировании функций обоими компартаментами. Исследователь до-

пускал, что парные храмы, как и две примыкающие друг к другу церкви, могут быть связаны с крещальным культом. Однако в своем корпусе автор указывает лишь 4 храма, в которых баптистерий определенно существовал.

Кроме связи двуконховых храмов с крещальным культом, Г. Димитрокаллис дополнительно выдвигает несколько версий появления таких церквей. Известны случаи их двойного посвящения, что превращает двуконховый храм в две различные церкви. Иногда, как в селении Флуриа на о. Парос, двойной храм принадлежал двум различным общинам, что подразумевало существование здесь двух самостоятельных церквей. Однако планировка именно этого храма (см. ниже) как раз может быть сопоставлена с интересующим нас феноменом разновеликих храмовых объемов и, судя по всему, оказывается весьма архаичной. Такое «противоречие» может объясняться тем, что феномен сосуществования двух общин, возникая в более позднее время, начинает эксплуатировать уже существующие храмовые объемы, в том числе и двуконховые, причины формирования которых уходят вглубь истории.

Появление второго компартамента в конкретном храме могло быть связано с потребностями увеличения площади для разросшейся общины, как это часто бывало на Цикладах. Однако при этом сам Г. Димитрокаллис отмечал небольшие размеры большинства известных ему храмов. Так, на тех же Цикладах эти церкви зачастую имели площадь менее 5 кв. м, а 58% учтенных в своде церковных зданий характеризуются размерами менее 30 кв. м. Это свидетельствует, что сами храмы посещались весьма немногочисленной паствой.

Возможно, что сосуществование двух апсид было продиктовано необходимостью последовательного служения двух литургий. Однако, по мнению автора, основной функцией таких церквей все же была мемориальная. Здесь главенствовал заупокойный культ. Г. Димитрокаллис предположил, что погребальные церкви, к которым он отнес до 40% своего каталога (14 кладбищенских храмов, 27 погребальных часовен, 3 костницы), могли эволюционировать из «двуглавых» симметричных саркофагов античной традиции. В свою очередь это свидетельствовало о континуитете эллинистической культуры в византийском христианстве. Он также отметил, что 57% двуконховых храмов расположено на островах, 15% – в прибрежных и портовых регионах, 14% – при реках и озерах. Такая топография могла быть связана не столько с морской культурой в её социальном и демографическом измерении, сколько с присущими греческому мировоззрению представлениями о загробном мире, куда отправляются именно по воде.

По мнению Г. Димитрокаллиса, тип «двуконховых» храмов появляется в Малой Азии еще в V–VI вв., хотя малоазиатские памятники представлены в его каталоге преимущественно территорией Каппадокии (Δημητροκάλλης 1976: 15-28). В VII–VIII вв. подобная архитектура переживает «тёмный период», а с X в. начинается её возрождение. В связи с обзором работы Г. Димитрокаллиса стоит отметить, что в его своде церкви с несимметричными апсидами и компартиментами, близкие по своим планам к храму в урочище Еди-Евлер, которые он именует «псевдодвуконховыми», практически не представлены.

Отдалёнными, хотя и неполными аналогиями церкви у с. Семидворье, судя по опубликованным Г. Димитрокаллисом планам, можно признать ряд островных храмов. К сожалению, надёжные сведения о датировке этих церквей и хронологии их внутренних перестроек отсутствуют. К ним можно отнести храм свт. Спиридона Тримифунтского (Панагия Прототрони Халкия) в селении Халки в области Трагея на о. Наксос (Δημητροκάλλης 1976: 110-111, εικ. 154). Основным здесь, судя по всему, является северный неф, большой по размерам, который предназначен для совершения Евхаристии, тогда как южный, подчиненные функции которого подчеркиваются его архитектурой, обладает двумя небольшими апсидальными выступами и нишами в восточной части, связанными, предположительно, с совершением проскомидии или заупокойными приношениями. Впрочем, его самостоятельные евхаристические функции также не исключаются. Дополнительно, в качестве особенностей планировки этой церкви, стоит отметить наличие трёх входов в храм, ориентированных по сторонам света, хотя в действительности храмовых дверей четыре, поскольку каждый неф обладает самостоятельным входом с запада (рис. 14.5).

Ещё один храм, который должен быть отмечен в связи с целями нашего исследования, это церковь св. вмч. Пантелеймона в монастыре Котрафи на юге Пелопоннеса (Δημητροκάλλης 1976: 224, εικ. 333), где в основном северном объёме в алтарной апсиде фиксируются две полукруглых ниши, возможно, для престола и жертвенника. В южной прямоугольной пристройке с прямоугольным алтарем также видны две ниши, вновь прямоугольные. В последнем случае оба помещения имеют алтарные преграды (рис. 14.6). Не исключено, что все отмеченные особенности являются лишь поздними дополнениями, связанными с необходимостью последовательного совершения в этом храме двух Евхаристий.

В церкви свт. Афанасия в селении Фатуру на о. Патмос (Δημητροκάλλης 1976: 68, εικ. 86-87) южная апсида имеет наружные трапециевидные очертания. Как видно на плане, северный неф храма меньше южного, что вроде бы указывает на его функционально подчиненное положение. О поздних перестройках в храме, датировка которых не ясна, свидетельствует появление дополнительного объёма у юго-западного угла здания, вновь с двумя апсидальными нишами в плоской восточной

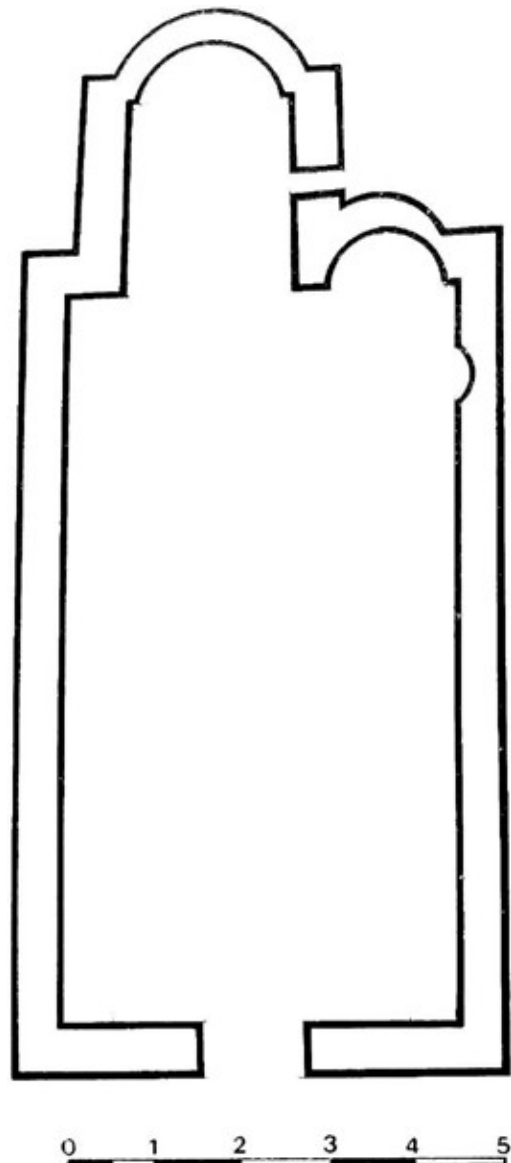

Рис. 14.8. Двухапсидный храм, Флурия, остров Парос, план (по: Δημητροκάλλης 1976: 126, εικ. 177).

Fig. 14.8. Double apse church, Phluria, Paros Island, plan.

стене. Возможно, эта пристройка была связана с заупокойным богослужением (рис. 14.7).

К этой группе храмов стоит отнести и церковь в селении Флурия на о. Парос (Δημητροκάλλης 1976: 126, εικ. 177), где основной северный неф завершается удлиненным алтарным пространством с апсидой, а южная меньшая апсида имеет полукруглую нишу в южной стене (рис. 14.8). Как уже отмечалось, дополнительные объёмы этих церквей могли служить либо для совершения Евхаристии (Котрафи), либо, предположительно – протесиса (Халки, Фатуру, Флурия).

Нельзя не отметить преобладающий интерес исследования Г. Димитрокаллиса к памятникам Восточного Средиземноморья. В то же время в западной части региона, прежде всего в Италии, помимо уже упоминавшегося выше феномена двойных кафедральных базилик, также известны двухапсидные церкви (общий обзор

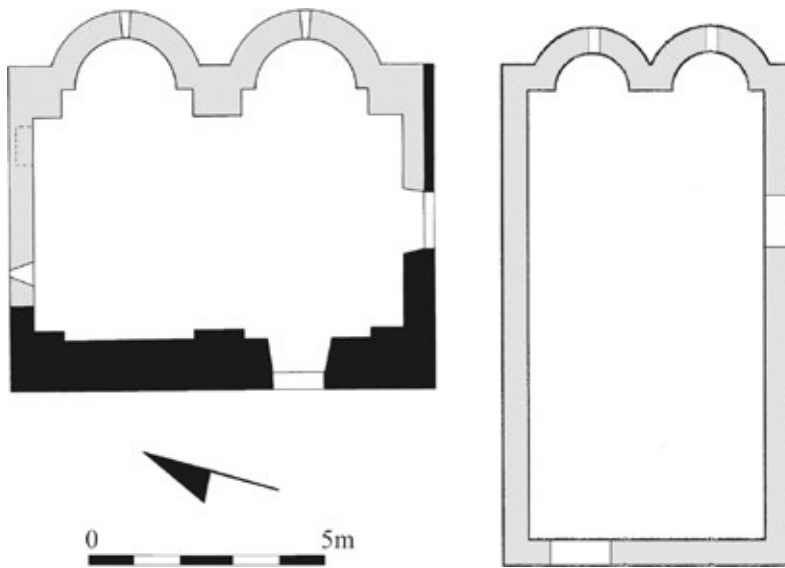

Рис. 14.9. Двухапсидные церкви Италии в Целсоридзо и Солето, Апулия, IX–X вв., планы (по: Limoncelli 2003: 460, fig. 1: 3, 4).

Fig. 14.9. Double apse churches in Italy, Celsorizzo and Soletto, Puglia, 9th-10th centuries, plans.

см.: Ghigonetto 2000). В большинстве случаев в храмах можно видеть наличие двух входов – с запада и юга. В качестве определённой закономерности стоит указать, что в более ранних постройках оба нефа, возможно, следуя позднеантичной традиции, зачастую оказываются равновеликими и симметричными (рис. 14.9), тогда как постройки с уменьшенным компартиментом, как северным, так и южным (рис. 14.10), встречающиеся достаточно часто на Корсике, на Сардинии и в Лигурии, могут датироваться несколько более поздним временем (Aisa, Corrado, Vingo 2003: 743, tav. 1; Coroneo 2008: 249, 250, 253, 254, fig. 2, 4, 10, 11, 12, 16, 17).

Расцвет двухапсидной архитектуры в этом регионе приходится на VIII–X вв. и последующие столетия (Pergola 1979: 89-111; Coroneo 2008: 247-260). Такие памятники зафиксированы как в южной, так и северной Италии (Мантуя, Ломбардия [Piva 2001: 115-144; Brogiolo, Chavarría Arnau 2008: 7-28], Калабрия [Aisa, Corrado, Vingo 2003: 741-746], Саленто и Отранто [Bruno 2003: 446-450; Limoncelli 2003: 458-463], Тоскана [Bianchi 2008: 57, fig. 10]). В ряде случаев северная апсида и соответствующее ей храмовое пространство, как и в случае с семидворским храмом, оказываются подчеркнута меньших размеров, чем основной южный компартимент. Такие особенности можно наблюдать в церкви замка Донаратико (Кастаньето-Кардуччи, Ливорно, Тоскана [Bianchi 2008: 57, fig. 10]), в храмах X–XII вв. Сан-Венерио в Специя-Миглиарина, Лигурия (Coroneo 2008: 249, fig. 2) и Санта-Мария-делла-Чиапелла в Рольяно (Верхняя Корсика [Coroneo 2008: 252, fig. 9-10]) (рис. 14.10:3), где вход в храм существовал как с запада, так и с севера, в церкви Санта-Мария-ди-Сибьола, Сардиния (рис. 14.10:4; 14.11) и в Сан-Платано, Вилласпециоза, Кальяри, Сардиния. В двух последних

случаях вход в храмы осуществлялся с запада и с юга (Coroneo 2008: 254, 256, fig. 16-17, 20). Характерно, что в некоторых храмах, как например, в церкви Сан-Лоренцо в Куйнджентоле (Мантуя, Ломбардия), изначально двухапсидный храм вскорости был достроен третьим нефом (Piva 2001), т.е. первоначальный архитектурно-литургический замысел просуществовал, как и в церкви на холме Тузлух, весьма непродолжительное время. Само появление таких церквей обычно связывается с монашеской культурой, находившейся под греческим влиянием, и активным монастырским строительством, вызванным, в частности, перенесением мощей св. Юлии в Брешию близ Ливорно в конце VIII в.

Возможно, одноапсидная церковь VIII–IX вв. с северной квадратной пристройкой на о. Блед (Бледское озеро, Крайна, Словения) под влиянием этого церковно-архитектурного движения перестраивается в XI в. в двухнефную базилику с подчеркнута узким северным нефом (Δημητρόκαλλης 1976: 254-255, εικ. 388-393). Другой двухапсидный храм, на этот раз в Которе (античном Акривиуме, Черногория), появляется в 1195 г. как церковь латинского ритуала, однако вскоре она начинает использоваться для литургии восточного обряда (Ćurčić 2010: 452-454).

Еще один балканский храм XI в. – двухнефная двухапсидная четырехкупольная монастырская церковь во имя свт. Николая в Месопотаме (район Дельвина, область Влёра, Албания) – оказывается во многом исключителен по своему архитектурно-планировочному решению (Macchiarella 2009: 22-27; 2011: 123-136; Павлинов 2010: 70-71, илл. 9, 10). Эта церковь определённо тяготеет к византийской архитектурной традиции своего времени с её многочисленными дополнительными объёмами, включая и более поздний перистиль (Χατζητρίφωνας 2000: 151-156; 2004: 315-317).

Именно в свете этой тенденции развития архитектуры средневизантийского периода, связанной с увеличением количества «вспомогательных» храмовых пространств как литургического, так и коммеморативного характера (Megaw 1964: 279-298; Ousterhout 1987; 2001: 133-150; Mathews 1982), может быть правильно интерпретирован храм в урочище Еди-Евлер. В конец концов, мы имеем дело с миром средневековой культуры, пронизанным единой системой социальных и иконических связей, который на основе иерархии образцов стремился подражать и воспроизводить на доступном ему уровне с помощью подручных средств далёкие и «высокие» примеры, подчас трансформируя их до неузнаваемости.

В настоящий момент стоит лишь отметить, что «двухчастная» архитектура как таковая, похоже, в целом не характерна для Балкан. По наблюдениям Б.Л. Альтшуллера в Сербии и Македонии нет даже попыток создания

двухапсидных церквей с ассиметричной композицией (Альтшуллер 1977: 169). Однако было бы несправедливо утверждать, что памятники этого типа более характерны для культурного пространства Северного Кавказа и Закавказья. Следует признать, что здесь имеются лишь отдельные примеры, не всегда складывающиеся в систему. Нельзя также не отметить, что сакральные постройки этого типа датируются здесь по преимуществу более поздним временем, нежели строительство храма на холме Тузлук.

Так, для средневековой Абхазии VIII–X вв. известны лишь несколько храмов с северными пристройками, в частности на поселениях Ковалевское и Ачануа (Воронцов 2002: 344, 345, рис. 11). Практически неизвестны двухапсидные храмы и в Алании, где христианизация и храмовое строительство начались лишь в X в. (Белецкий, Виноградов 2010: 196–213). Возможно предположить, что двухапсидным с южным мемориальным приделом – мавзолеем был Средний храм на Нижнеархызском городище (Белецкий 2004). Мемориальные приделы, по наблюдению Д.В. Белецкого, известны на территории Грузии (Убиси, Хциси, Згудери, Хоби) и Армении (Кобайра), откуда эта традиция и могла быть привнесена на Северный Кавказ (Белецкий 2004; см. также: Чубинашвили 1969; Лордкипанидзе 1978; Дрампян 1979), однако здесь они датируются временем на ранее XI–XII вв. Исключение составляет лишь двухапсидная симметричная церковь № 5 позднеантичной традиции в Питиунте (Хрушкова 2002: 91–95), однако архитектура этого храма вряд ли оказала какое-либо влияние на дальнейшее развитие христианского зодчества этого региона.

Наиболее известный пример двухапсидной церкви в Грузии с уменьшенным объёмом северного нефа – храм в Мгвимеви с мемориальными функциями (рис. 14.12). Однако он был построен в конце XIII в. (Гомелаури 1982). Среди памятников грузинской архитектуры известны и другие двухапсидные церкви, но стоит отметить, что в данном случае функциональное зонирование храма не всегда отчётливо выражено в его архитектуре и не сопровождается выявлением северной аспиды на фасаде (рис. 14.13), что могло бы свидетельствовать об усилении роли этой алтарной экседры (ср.: Альтшуллер 1977: 168). В Грузии двухнефные церкви в своем большинстве вписаны в прямоугольный план, где северный неф зачастую не имеет апсидиального завершения (Элизбарашвили 1989: 241–253; Гомелаури 1982).

Двухапсидные церкви армянской традиции представлены преимущественно церквями-усыпальницами XII–XIV вв. (Халпахчян 1954; см. также: Thierry 1984; Mathews 1995), хотя в ряде случаев в северной апсиде мог располагаться жертвенник для совершения начальной части литургии. Известны в Закавказье и храмы с обходными галереями, которые могли завершаться апсидиальными полукружиями, с помощью которых достигалось увеличение пространства для молящихся, однако такие постройки наиболее характерны для

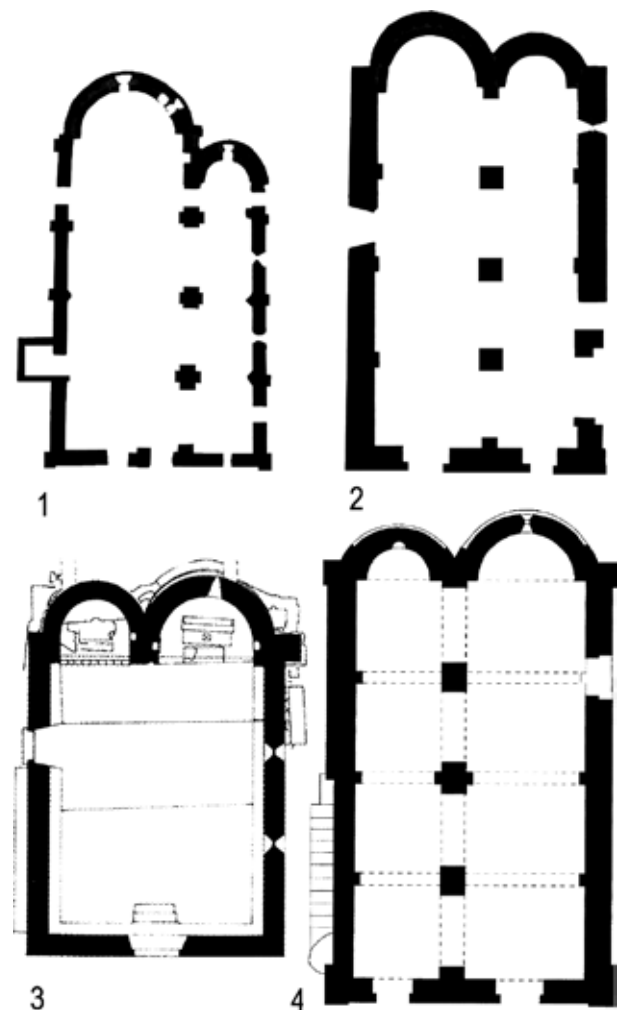

Рис. 14.10. Двухапсидные церкви Италии и Корсики:
1 – церковь св. Ремигия, Паланце, Пьемонт; 2 – церковь св. Геминиана, Кальяри, Сардиния; 3 – Санта-Мария-делла-Чиаппелла, Верхняя Корсика; 4 – Санта-Мария-ди-Сибьола, Сердиана, Сардиния, X–XIII вв., планы (по: Ghigonetto 2000: 138, fig. 129, 130; Coroneo 2008: 88, 90, fig. 9, 16).
Fig. 14.10. Double apse churches in Italy and Corsica:
1 – San Remigio, Pallanze, Piemonte; 2 – San Geminiano, Cagliari, Sardegna; 3 – Santa Maria della Chiappella, Rogliano, Haute-Corse; 4 – Santa Maria di Sibiola, Serdiana, Sardegna, 10th–13th centuries, plans.

раннехристианской эпохи (Асратян 1989: 79–96). Чаще всего в этом регионе процесс превращения одноапсидных храмов в двухапсидные также приводил к сосуществованию двух равнозначных церквей со сравнимыми литургическими функциями, а обе апсиды заключались в единый объём.

Эти хронологические наблюдения, как нам представляется, не позволяют напрямую сопоставить двухчастные храмы Северного Кавказа и Закавказья с интересующим нас типом церковного здания в Таврике, который появляется здесь значительно раньше. Стоит отметить, что большинство двухапсидных храмов на полуострове, за исключением церквей у с. Семидворье и в урочище Сотера, появляются не ранее второй половины – конца

Рис. 14.11. Двухапсидный храм Санта-Мария-ди-Сибьола, Сердиана, Сардиния, Италия, XII в., вид с юго-востока.
Fig. 14.11. Double apse Santa Maria di Sibiola church, Serdiana, Sardegna, Italy, 12th century, view from southeast.

XIV в. (Судак, Фуна, Чембало, Алушта), т.е. примерно в ту же эпоху, что и подобные сооружения в Закавказье. Истоки подобной архитектуры в эту эпоху стоит искать, вслед за О.М. Иоаннисяном, в итальянском зодчестве эпохи средневековья, особенности которого вместе с торговым присутствием распространяются в Причерноморье³. Нам уже известно, что такой тип церковного здания продолжал оставаться характерным для Италии в IX–XIII вв. В интересующее нас время он мог быть «реимпортирован» на христианский Восток.

Проявление этого влияния О.М. Иоаннисян справедливо отмечает и в России, в частности, на примере двухапсидного храма во имя Успения Пресвятой Богородицы в крепости Ивангорода на р. Нарве (Ленинградская область), построенного в конце XV в., очевидно, при участии итальянских мастеров. К этой группе церквей примыкает и двухнефный с разновеликими апсидами Богоявленский храм в Старо-Голутвином монастыре в Коломне под Москвой, дата строительства которого сегодня должна быть сужена на основании письменных источников со второй половины XIV в. до последнего десятилетия этого столетия (Мазуров 2001: 295-296, таб. 18:4). Погребальный и мемориальный характер этого храма, как и большинства крымских двухапсидных построек этого времени, представляется очевидным, тогда как идея выделения северной апсиды для совершения протесиса-проскомидии под влиянием Иерусалимского устава (ср.: Альтшуллер 1977) оказывается спорной. Время создания храма действительно приходится на период активной литургической реформы, связанной с введением «Устава Божественной Литургии» патриарха Константинопольского Филофея Коккиноса

(1353-1354, 1364-1376), впервые четко расписывавшего действия священника и диакона при совместном служении, в том числе и при совершении проскомидии (Мансветов 1882; 1884; 1885; Муретов 1895; 1897). Однако эти новшества внешне никак не повлияли на планировку древнерусских храмов. Очевидно, новое богослужбное последование гармонично вписалось в существующую схему литургических устройств.

Стоит добавить, что само происхождение «двухнефных» храмов О.М. Иоаннисян предлагает связать, в согласии с Ю.Г. Лосицким и вслед за П. Хезерингтоном, со «сдваиванием» однефных церквей (Hetherington 2001: 219). Исследователи склонны признавать поздний характер таких построек и объяснять его спецификой местной общественно-политической и этно-конфессиональной ситуации, иногда допускавшей сосуществование двух инославных общин. Как мы видели выше, такую возможность не исключал и Г. Димитрокаллис. Согласно этой точке зрения, «двойные» церкви не являются самостоятельным архитектурным типом, а оказываются эпизодом в истории однефных храмов. Представляется, однако, что в ряде случаев процесс появления двухапсидных церквей мог быть более вариативным и восходить к более ранним периодам.

Новые исследования позволили уточнить ситуацию средневизантийской эпохи, связанную с появлением и развитием двухапсидных и двучастных храмов в Малой Азии и в Восточном Средиземноморье. В XI в. в монастыре св. ап. Иоанна Богослова в местности Саракини на о. Самос к основному храму пристраивается дополнительный меньший по размерам северный пареклессион (рис. 14.14). Считается, что изначально он был предназначен для заупокойных служб, но впоследствии был освящен как церковь св. Георгия (Kienast 2001: 525-557). Подобным образом в 1090 г. на Кипре выходцами из Малой Азии был основан монастырь свт. Иоанна Златоуста в Кутсовендисе, где также существовала двойная церковь (Mango, Hawkins, Boyd 1990: 63-94; Papacostas 2007: 29-148). Вторая церковь – пареклессион была пристроена с севера около 1100 г. и изначально также могла быть связана с заупокойными службами.

Двухапсидные церкви встречаются и в самой Малой Азии, в частности, хорошо известны руины такого храма в Учайак в Центральной Анатолии рядом с г. Киршехир (Eyuice 1968: 140, 145, fig. 2, 8). Возможно, основание храма восходит еще к ранневизантийской эпохе. Однако в X–XI вв. эта церковь воссоздается именно как двухнефная с двумя равновеликими апсидами (рис. 14.15). Здесь возможно увидеть влияние столичной константинопольской архитектуры, что связано, в частности, со строительной техникой, сближающей этот храм с современной ему церковью в Чанлы Килисе в Каппадокии, где в период между концом XI в. и концом XIII в. появляется северо-восточная пристройка-пареклессион с западным и северным входами (провинция Аксарай, Турция [Ousterhout 2005: 32-33, 61-62, 75-76]). Автор публикации сопоставляет церковь в Учайак с другими

³ Автор благодарен заведующему Сектором архитектурной археологии Государственного Эрмитажа к.и.н. О.М. Иоаннисяну за возможность ознакомиться с ещё неопубликованной рукописью статьи о малой архитектуре византийского мира (Иоаннисян 2013: 64-116).

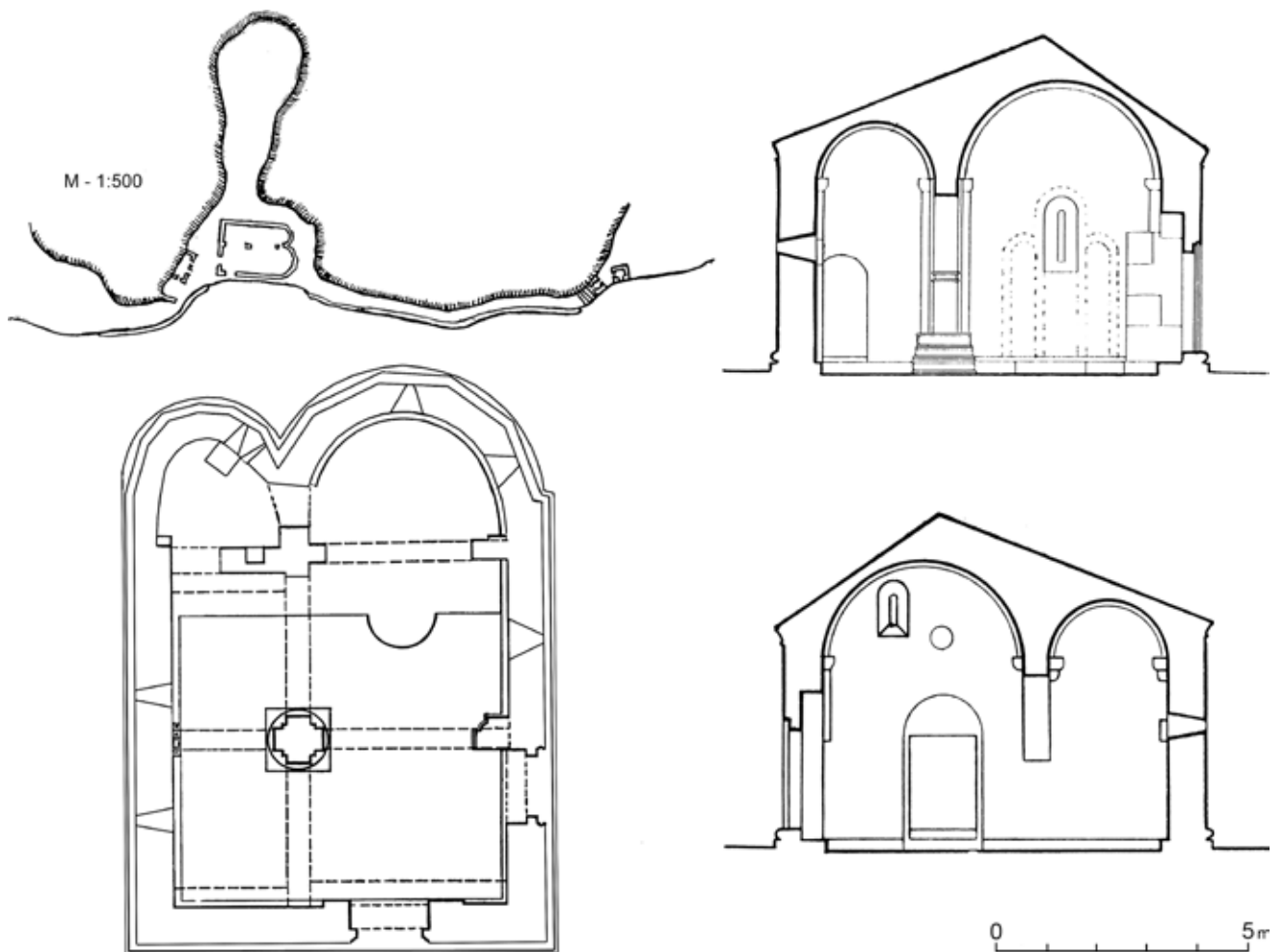

Рис. 14.12. Двухапсидная церковь в Мгвимеви, Грузия, XIII в., общий план, план, поперечные разрезы: вид с востока, вид с запада (по: Гомелаури 1982: таб. 2; 3).

Fig. 14.12. Double apse church, Mgvimevi, Georgia, 13th century, plans, sections: looking west and east.

церковными зданиями X–XII вв., которые характеризуются последовательным возведением нескольких, в том числе и двойных объёмов, прежде всего на территории материковой Греции: Осис Лукас в Фокиде с храмами Пресвятой Богородицы и св. Луки, константинопольские монастыри Константина Липса, Пантократора и Богородицы Паммакарисы (Euse 1968: 143; об этой тенденции см. выше, в связи с храмом свт. Николая в Месопотаме), хотя и отмечает, что в данном случае оба нефа возникли одновременно. Сдвоенную композицию храма автор предположительно объясняет его двойным посвящением двум Архангелам или даже связывает её с двумя императорами – Василием II (958-1025) и Константином VIII (960-1028). Сам храм, при определённых условиях, может считаться памятником в честь победы этих императоров-соправителей над Вардой Склиром в 979 г. в местности Сарвенис, отождествляемой с долиной Учайак.

Двухапсидные храмы известны и в других местах Каппадокии, в том числе и среди скальных церквей (Ötügen 1982: 543-552). В большинстве случаев можно говорить о евхаристическом использовании обеих равно-

великих апсид (Teteriatnikova 1992; Köroğlu 1997; Türker 2008), хотя планировка некоторых святилищ вроде бы указывает на богослужебно-подчиненное положение северного компартамента, который возможно связать с свершением проскомидии, как это могло иметь место в пещерном храме «зоны №18» в районе Чанлы Килисе, хотя автор исследования предполагает существование здесь алтарного пространства, полностью «экипированного» для совершения Евхаристии (Ousterhout 2005: 111, 396, fig. 186). Не исключено, впрочем, что эта экипировка явилась следствием позднейших изменений в расположении литургических устройств (рис. 14.16).

Известны двухапсидные и двухнефные храмы в районе Понта и Трапезунда на севере Малой Азии. Детальное археологическое изучение этих церквей не производилось и, следовательно, в большинстве случаев надёжная хронология отсутствует. Так, судя по всему, классическим двуконховым храмом является церковь Ала-килисе (Guyer 1910: 192-199; Bryer, Winfield 1985: fig. 4), которая может восходить к ранневизантийской эпохе. В селении Фол Маден (Калинчам) в бывшей провинции Понт известен храм с тремя входами с запада,

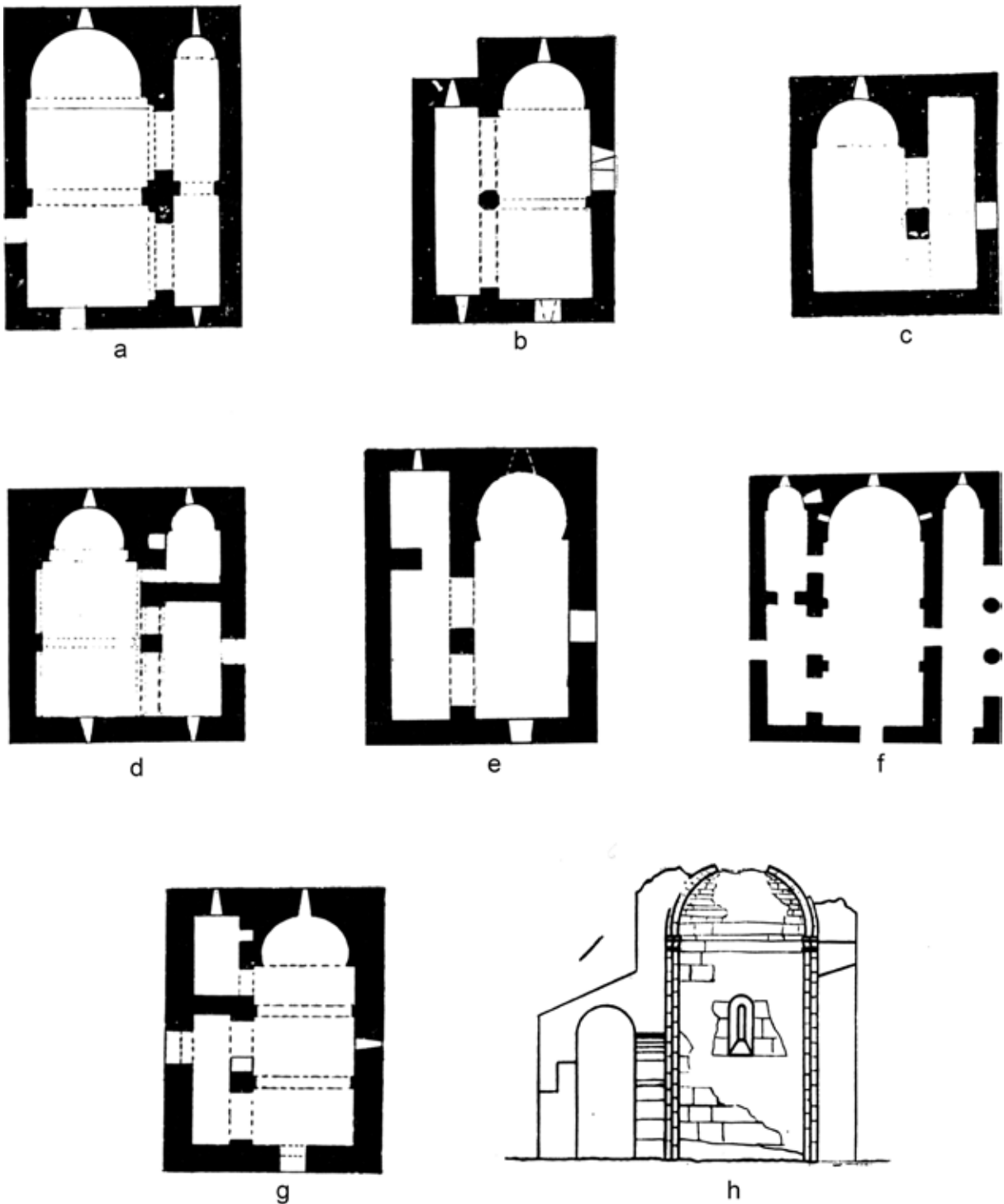

Рис. 14.13. Двухнефные церкви Грузии, планы и разрезы: а) Данкали, б) Килда, с) Обоleti, д) Гарта, е-h) Бзиани, поперечный разрез, вид с запада (по: Гомелаури 1982: таб. 8).

Fig. 14.13. Double churches in Georgia, plans: a) Dankali, b) Kilda, c) Oboleti, d) Garta, e-h) Bziani, section looking east.

юга и севера, что сближает его с семидворской церковью, и равновеликими апсидами (рис. 14.17: III). Храм построен в технике регулярной кладки из хорошо обработанных квадров. Как и храм в Учайаке, он относится к средневизантийскому периоду (Bryer, Winfield 1985: 157, 159, fig. 35, pl. 93 a, b). Отметим, что в регионе мож-

но встретить вход в храм с юга, как, например в трёхапсидном храме в селении Ай-Василь к югу от Трапезунда (Winfield, Wainwright 1962: 145, fig. 6).

Две церковные постройки, типологически близкие исследуемому храму у с. Семидворье, известны в Понте и Восточной Анатолии. Так, в Халдиа – Дипотамос

(Икису Куйу) к юго-востоку от Ардасы к однефному прямоугольному в плане храму XI–XII вв. со вписанной в него апсидой впоследствии с юга был пристроен двухапсидный храм меньших размеров, алтарные полукружия которого имели несколько «подковообразную» форму, соприкасаясь друг с другом (Bryer, Winfield 1985: 305-308, 318; fig. 101, pl. 235-237). Храм подобной конструкции был исследован и на Ташкун-Кале в провинции Элязыг, Восточная Анатолия, Турция. К северному пастофорию храма базиликального типа ранневизантийской эпохи, служба в котором, судя по монетным находкам, совершалась вплоть до XI в., была пристроена церковь с двумя миниатюрными нишами-апсидами, вписанными в единое алтарное полукружие. Планировка этого храма, который мог просуществовать вплоть до рубежа XIII–XIV вв., оказывается весьма близкой к выше описанной постройке в Дипотамосе (McNicol 1983: 31, 33, 37-38, 48-51, fig. 16-17).

Отметим, что вблизи Черноморского побережья встречаются и церкви с прямоугольными пристройками с севера или северо-запада, функции которых могли быть вполне сравнимы с функциями традиционных компартиментов с полукруглыми апсидами. Такая постройка есть на горе Махрас-Даги недалеко от Трапезунда: здесь у храма фиксируется северо-западная прямоугольная пристройка со вписанной апсидой (Bryer, Winfield 1985: fig. 41). Храм св. Анкидина (Кучук Фатих Джами) в цитадели Трапезунда не позднее XII в. также получил северную квадратную пристройку-протесис (Winfield, Wainwright 1962: 146-147, 150, fig. 7), а церковь в Киейаны у залива Бада-Дере, которая могла быть монастырской, имела похожую квадратную пристройку, но только с юга, так как с севера этого не позволяла сделать крепостная стена (Winfield, Wainwright 1962: 153, fig. 11). Вышеописанный тип церковных пристроек можно встретить и во Фригии и Каппадокии. Храм средневизантийской эпохи с двумя входами с запада и юга, дополненный северной пристройкой, предположительно с функциями протесиса, был исследован в Башаре неподалёку от Эскишехира (Oğuz 2010: 9-20).

В свете перечисленных памятников стоит упомянуть еще один характерный для южной части Малой Азии архитектурный феномен, который может иметь непосредственное отношение к генезису нашего двух-

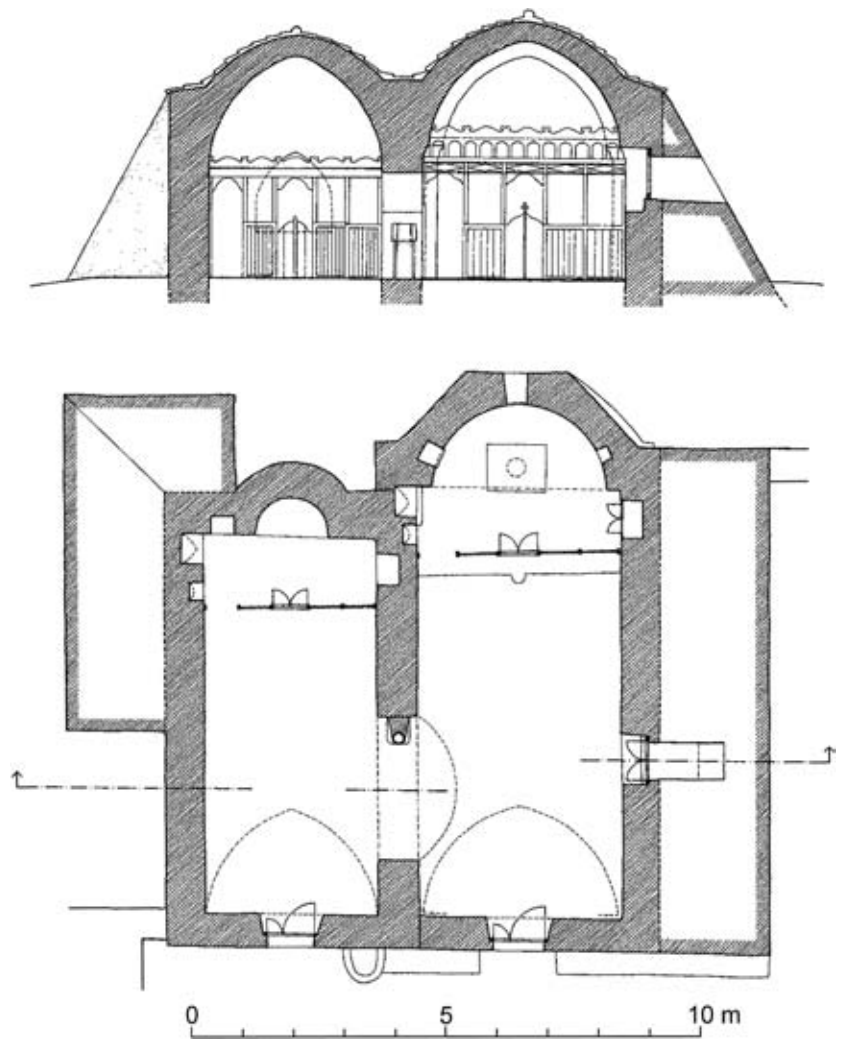

Рис. 14.14. Двойная церковь свт. Иоанна Златоуста и св. вмч. Георгия, остров Самос, XI в., план и поперечный разрез (по: Kienast 2001: 542, Abb. 12).

Fig. 14.14. Double church of Sts John and George, Samos Island, 11th century, plan and section.

частного храма. Речь идет о серии церквей с северным прямоугольным пастофорием-пареклессионом без апсидального завершения, который имел самостоятельный вход с запада и непосредственно сообщался с наосом (рис. 14.18). Такие храмы второй половины VI–VII вв., часть из которых была, судя по косвенным данным, перестроена и использовалась в X–XI вв., характерны преимущественно для византийского города Мокисоса в юго-западной Каппадокии (турецк. Вираншехир, провинция Шанлыурфа, Турция) почти на границе с Сирией (церкви №№ 18, 19, 20; Berger 1998: 399-402, Abb. 33, 34, 35). Близкие по планировке церкви с северным пареклессионом известны и в других регионах Каппадокии: Чавдарлыке, Тилькее-Диокесарии и Гереме (Restle 1979: 28-33, Pl. 10-12, Abb. 24-28, 29-30, 33-34). Не исключено, что это может быть связано с влиянием сирийской архитектуры, где протесис как раз мог совершаться в

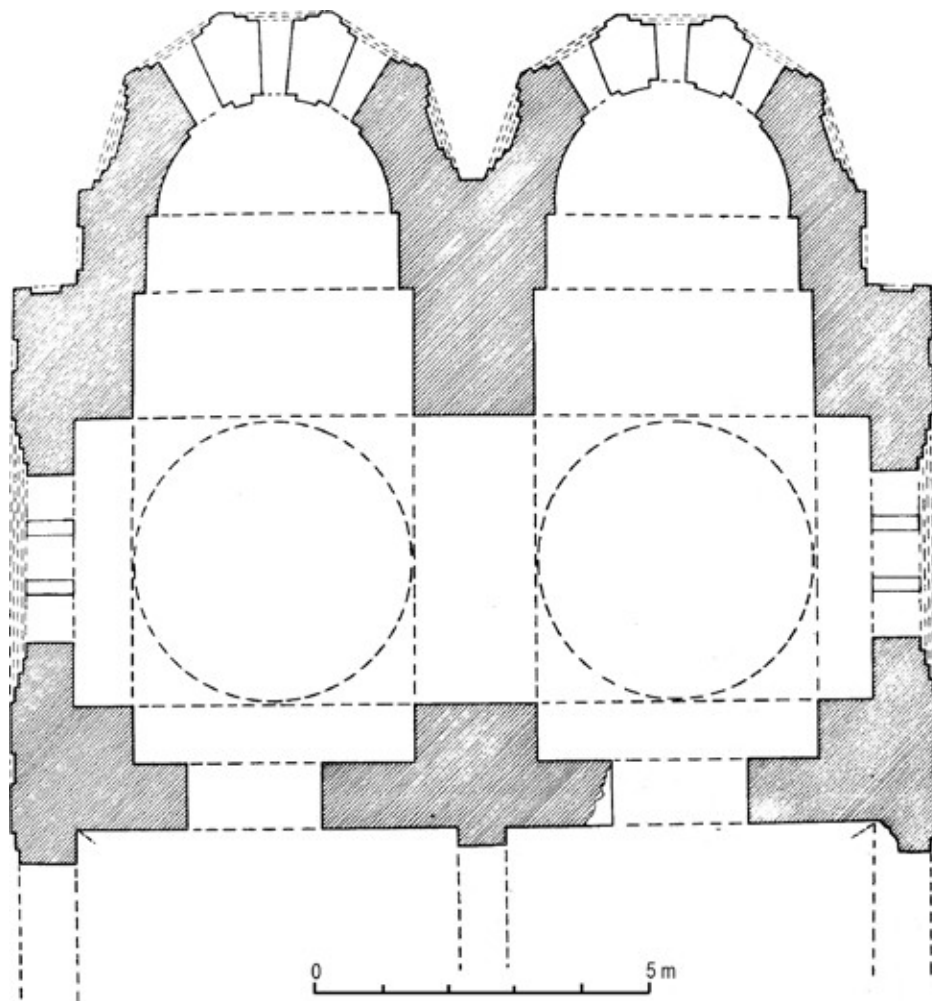

Рис. 14.15. Двухапсидная церковь Учайак, Центральная Анатолия, рядом с г. Киршехир, план (по: Eyice 1968: 145, fig. 8).
Fig. 14.15. Double apse church Üçayak, Central Anatolia, Kirşehir, Turkey, plan.

северном пастофории (Descœudres 1983), хотя известные в сирийских церквях небольшие прямоугольные пристройки V в. (Брад, Хейдар Калота) определённо служили мартириями (Tchalenko, Vassache 1979: 21-22, 313; Tchalenko 1990: 11, 17, 117, fig. 17, 34, 205).

Такая особенность региональной архитектуры Малой Азии, связанная с формальным архитектурно-планировочным выделением северного компартамента, тем более замечательна, что именно в этом регионе можно увидеть строительные решения, достаточно полно соответствующие храму в урочище Еди-Евлер. Так, на территории Понта, в цитадели средневизантийского времени Коралла – Гереле-Бурун на берегу Чёрного моря между селениями Филабинитами и Трихомией, зафиксирована двухапсидная часовня размерами 6,0×7,0 м, вход в которую предположительно располагался с юга (рис. 14.17: I). Это церковное строение с меньшей по размерам южной апсидой было сложено из небольших плохообработанных каменных блоков (Bryer, Winfield 1985: 165, fig. 31). Еще один двухапсидный храм, на этот раз с уменьшенными северной апсидой и нефом и входами с севера и запада (рис. 14.17: II) зафиксирован

в форте средневизантийской эпохи Гантопедин-Мацука (Ламбра, Зана Кале) неподалёку от Копруна Кой-Мачка Дере (Bryer, Winfield 1985: 285-286, 298, fig. 95).

В обоих случаях эти двухапсидные храмы не имели внутренней перегородки, однако, как полагают исследователи, этот признак не может быть существенным и типологическим, поскольку сооружение такой переборки диктовалось исключительно площадью, отведённой под строительство (Mirabella-Roberti 1961; Caprara 1979; Pergola 1979: 99; Кирилко 2012: 45). Возможно, недостатком пространства, вызванным условиями рельефа или окружающей застройкой, должно объясняться и появление дополнительных апсид и компартиментов не с севера, а с юга, как мы это видели у некоторых малоазиатских церквей.

Стоит предположить, что появление двухапсидных храмов на Черноморском побережье Малой Азии явилось следствием развития местной архитектурной и богослужбной традиции. По наблюдениям О.М. Иоаннисяна, единственными регионами в Анатолии, где строительство однефных храмов сложилось в более или менее устойчивую традицию, связанную с религи-

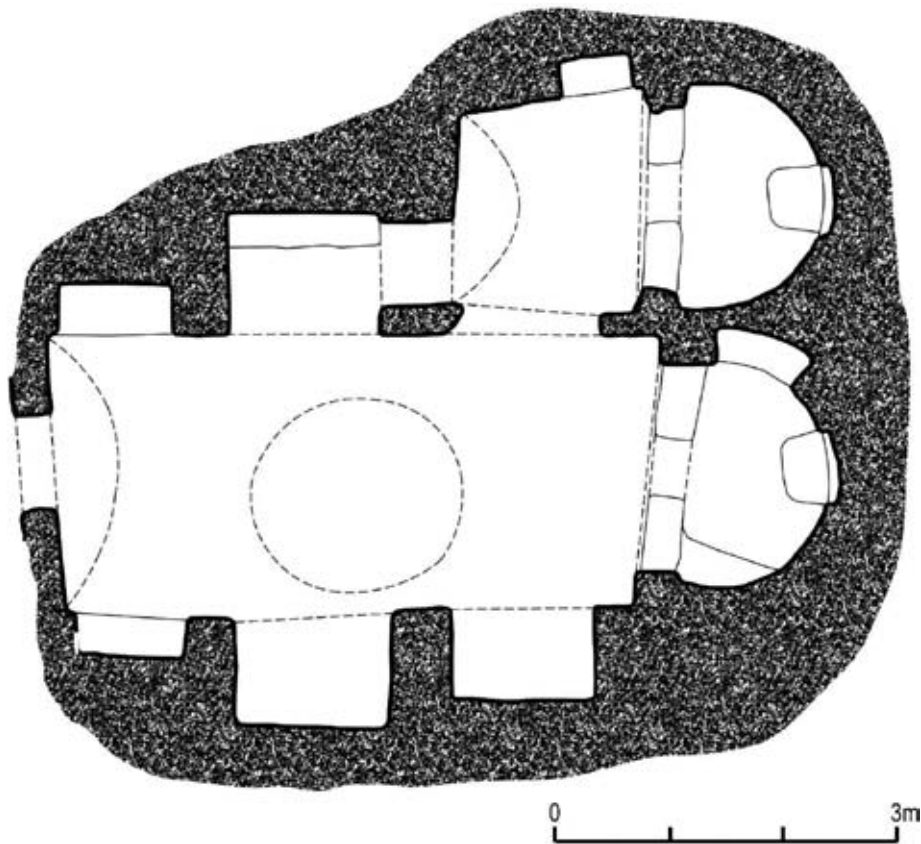

Рис. 14.16. Двухапсидная пещерная церковь в районе Чанлы Килисе, Турция, план (по: Ousterhout 2005: 396, fig. 186).
Fig. 14.16. Double apse cave church near Çanlı Kilise, Turkey, plan.

озной жизнью небольших сельских общин, были Понт, Амастрида и Трапезунд. В последнем случае эта архитектурная традиция, характеризующаяся к тому же купольным завершением, проявляется здесь не позднее середины X в. (Ballance 1960: 167-169).

В нашей истории Малая Азия вообще призвана сыграть особую роль. Именно здесь можно встретить наиболее близкую «стилистическую и концептуальную параллель» храму у с. Семидворье (определение В.П. Кирилко). Речь идет о двухапсидной церкви средневизантийского времени на городище Богазкой (Хаттуса), исследованной П. Неве в начале 1980-х гг. (Neve 1984: 329-381; 1985: 323-352; 1991: 91-111). В этом храме малая северная апсида играла, как очевидно, значительную и активную роль в формировании архитектурно-объемной композиции всего здания (рис. 14.19-14.21). Выраженная средствами архитектуры подчиненность северного компартимента основному южному объему, что, по нашему мнению, указывает на несовпадение их богослужбных функций, не позволяет нам согласиться с использованием определения «Doppelkirche» по отношению к этой постройке, как и с употреблением равнозначных терминов «церковь» для описания северного и южного компартимента храма в Богазкой.

Храм датируется X–XI вв. Младшие монеты, найденные в его заполнении, относятся ко времени правления Константина X и Евдокии (1059-1067). Верхней датой жизни комплекса традиционно считался 1071 г. –

год битвы византийской армии с сельджуками при Манцикерте (Neve 1984: 332; 1991: 91-111). Сегодня ранее господствовавшее мнение об одномоментном коллапсе византийских поселений в Малой Азии в результате сельджукского вторжения не разделяется частью исследователей. Очевидно, что упадок местной жизни, как и инфильтрация в регион групп сельджукского населения происходили постепенно. Однако в случае с городищем Богазкой археология свидетельствует о достаточно резком прекращении жизни в этом месте, что как раз и могло случиться из-за военной угрозы. В целом, время прекращения существования храма и поселения стоит отнести ко второй половине, возможно, третьей четверти XI в. (Böhlendorf-Arslan 2012: 352, 359). Такая уникальная ситуация, позволившая многим элементам материальной культуры того времени сохраниться *in situ*, сближает характер этого памятника не только с храмом у с. Семидворье, на что уже было указано, но и с литургическими постройками всей Каппадокии в целом, которые также сохранили особенности богослужбной практики эпохи их создания, не претерпев последующих перестроек.

Южная, большая церковь размерами 9,2×4,5 м могла быть построена на месте ранневизантийского святилища (рис. 14.21: 2, 3), поскольку при её строительстве были вторично использованы архитектурные элементы предшествующей эпохи (рис. 14.21: 4). Однако новый вход в основной объем храма осуществлялся через се-

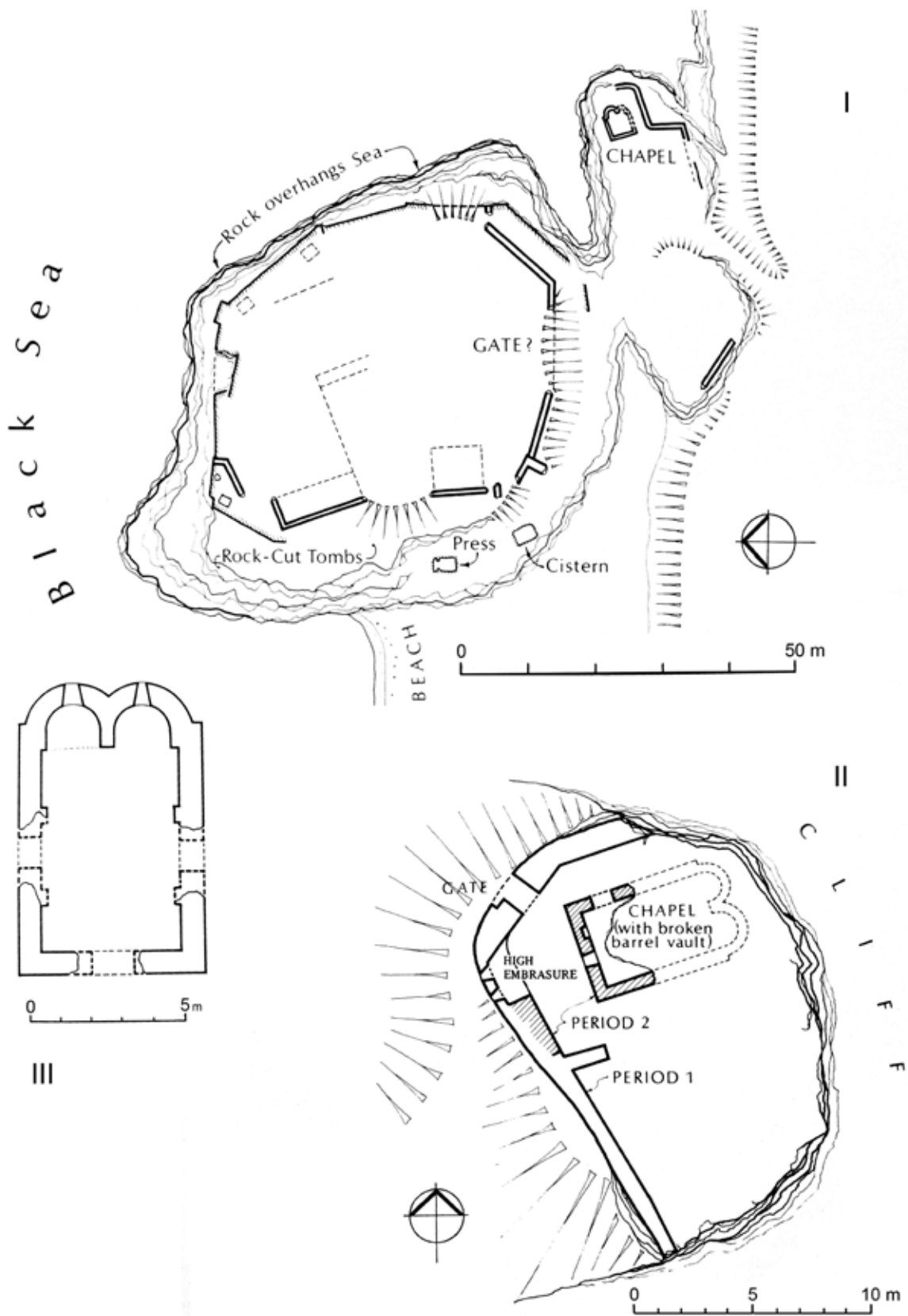

Рис. 14.17. Двухапсидные средневизантийские церкви в провинции Понт на территории современной Турции: I – цитадель Коралла – Гереле Бурун, план (по: Bryer, Winfield 1985: fig. 31), II – форт Гантопедин-Мацука (Ламбра, Зана Кале) близ Кепруна Кой – Мачка Дерё, план (по: Bryer, Winfield 1985: fig. 95), III – Фол Маден (Калинчам) (по: Bryer, Winfield 1985: fig. 35).
 Fig. 14.17. Double apse middle byzantine churches in ancient Pont province, Turkey: I – Koralla, Görelе Burunu fortress, plan, II – Gantopedin fortress (Matzouka, Zana Kale), Labra, Maçka Dere, near Köprüna Köy, plan, III – Fol Maden, Kalinçam, plan.

верную пристройку размерами 2,0×2,0 м, которая имела апсиду и два входа – с севера и с запада (рис. 14.21: 1, 5). Эта ситуация отчасти напоминает планировку храма в урочище Еди-Евлер на протяжении первого этапа в жизни церкви.

Помимо близкой богослужебно-планировочной структуры, оба храма объединяет значительное количество найденных здесь votивных крестов (см. главу 5 «Металлические кресты» настоящей книги; рис. 5.10: 8). К югу от храма находилось кладбище, где было раскрыто более 500 погребений, однако зафиксированные при археологических исследованиях кресты происходят преимущественно из храмового пространства (Neve 1984: 342, Abb. 16a-c; 1983: 435, Abb. 8a-b; 1991: 99, 104, tab. VII, X; Böhlendorf-Arslan 2012). Следовательно, ритуалы, совершаемые как в анатолийском храме, так и в церкви на холме Тузлук, были в высокой степени сопоставимы.

Византийские древности городища Богазкой к настоящему времени полностью не опубликованы, что пока не позволяет провести детальное сравнение двух церквей. Непосредственному сопоставлению не способствует и различный характер социальной и культурной среды, в которой возникли оба святилища, что нашло отражение в их размерах, а также в архитектурных и технико-строительных особенностях. Однако в обоих случаях мы имеем дело с памятниками «провинциальной» византийской архитектуры, практически идентичными по своей литургической планировке и характеризующимися весьма близкой практикой церковного благочестия.

П. Неве связывал храм в Богазкой с мемориальным культом, чему в немалой степени способствовало исследованное здесь кладбище (Böhlendorf-Arslan 2012: 353). Однако план этого двухапсидного храма определенно свидетельствует об особой, «предваряющей» основное богослужение функции северного компартамента, исключительно сквозь который и должен был осуществляться вход в главную церковь. Такая связь этого храмового пространства с началом литургии не оставляет нам иной возможности для его интерпретации как признать северный компартимент местом для совершения протесиса-проскомидии. Именно в средневизантийский период эта начальная часть литургии обретает пусть и не окончательную, но существенную формализацию своего ритуального последования.

Стоит подробнее остановиться на истории проскомидии в обряде византийской литургии. Несмотря на существование значительной историографии по этому вопросу, окончательные ответы на него до сих пор не получены (об истории этого обряда в Византии и на Руси см.: Муретов 1894а; 1894б; 1894в; 1895; 1897; Петровский 1904; Mandalà 1935; Brightman 1965; Mateos 1965; Bornert 1966; Taft 1975: 413-416; 2000; Арранц 1978: 83-85; 2003: 58-59; Мусин 2000: 215-239; Желтов 2005а: 23-53; 2007; Афанасьева 2007; 2012). Этому существуют объективные причины: протесис-проскомидия как часть

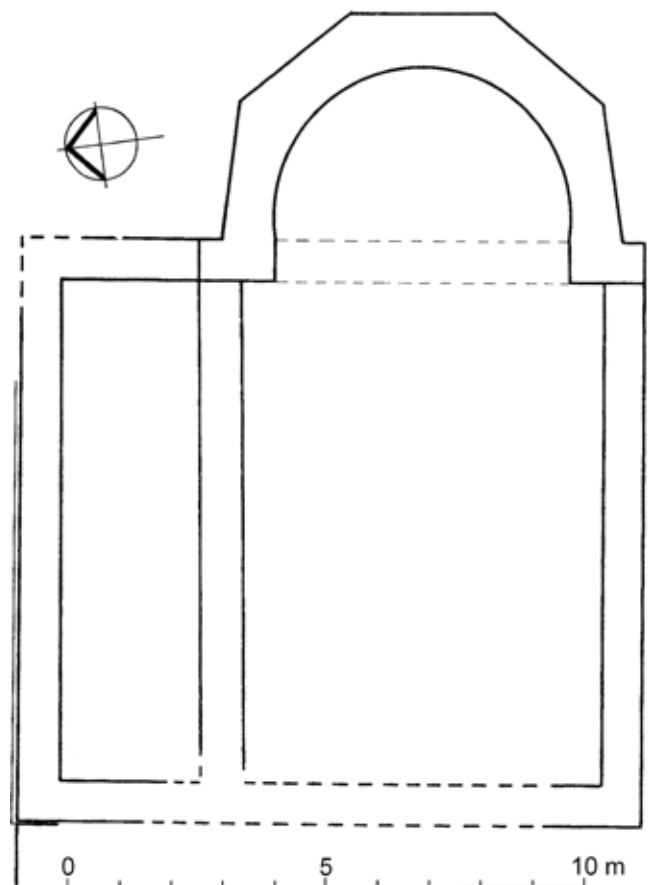

Рис. 14.18. Церковь VIII с северным прямоугольным пареклессионом, Мокиссос-Вираншехир, провинция Шанлыурфа, Турция (по: Restle 1979: Taf. 13).

Fig. 14.18. Church VIII with northern rectangular parecclesion, Mokissos-Viranşehir, Şanlıurfa, Turkey.

литургии, зависящая от общины и связанная с приношением верующими в храм своих даров в виде хлеба и вина для Евхаристии, достаточно поздно подверглась регуляции со стороны клира.

Средневековые письменные памятники, которые достаточно давно введены в научный оборот, свидетельствуют, что как в Византии, так и на Руси, вплоть до XII–XIII вв. в большинстве случаев литургический хлеб выпекался самими мирянами или приобретался ими на рынке, после чего приносился, как и вино, непосредственно в храм, где в «уреченном месте» совершался отбор приношений для последующей службы (Петровский 1904; Мусин 2000: 231-235). И сам процесс отбора, и та часть храма, где это происходило, получили впоследствии именование протесис.

Сегодня проскомидия в православном храме окончательно сосредоточилась в руках священно- и церковнослужителей и сокрыта от глаз молящихся. Приходящие в храм миряне как участники богослужения лишь вносят свою денежную лепту в это приготовление, оплачивая за свечным ящиком поминальные записки, которые отсюда вместе с просфорами переносятся в алтарь уже безо всякого ритуала. И вино, и просфоры, на которых совершается Литургия, готовятся в алтаре, точнее в его

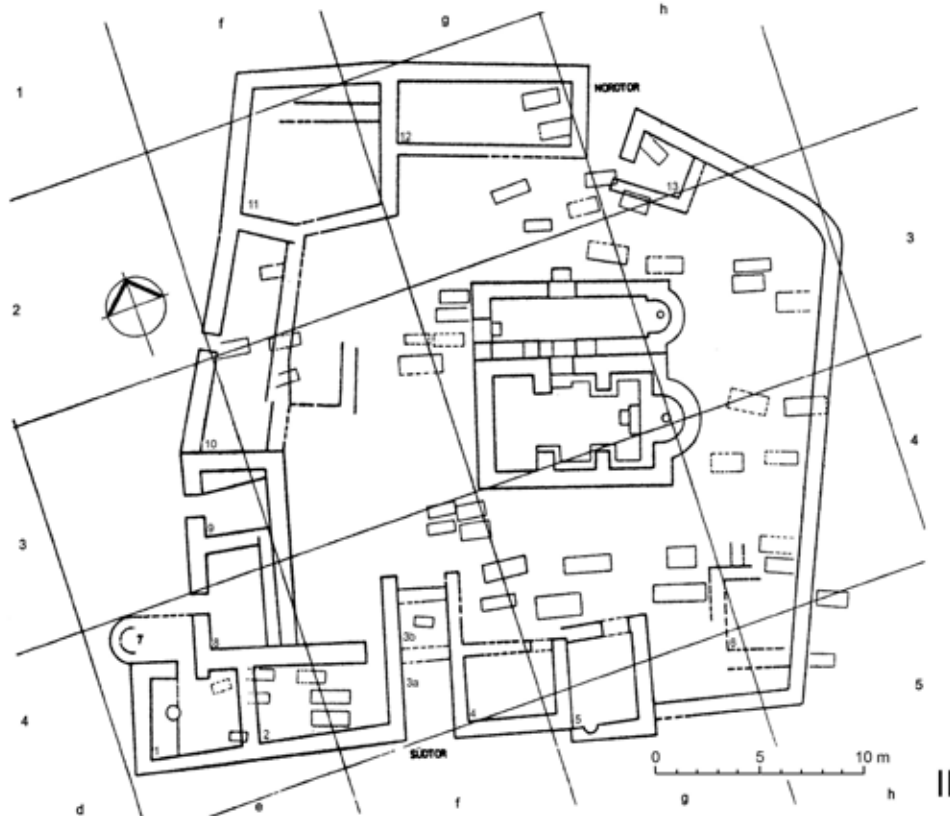
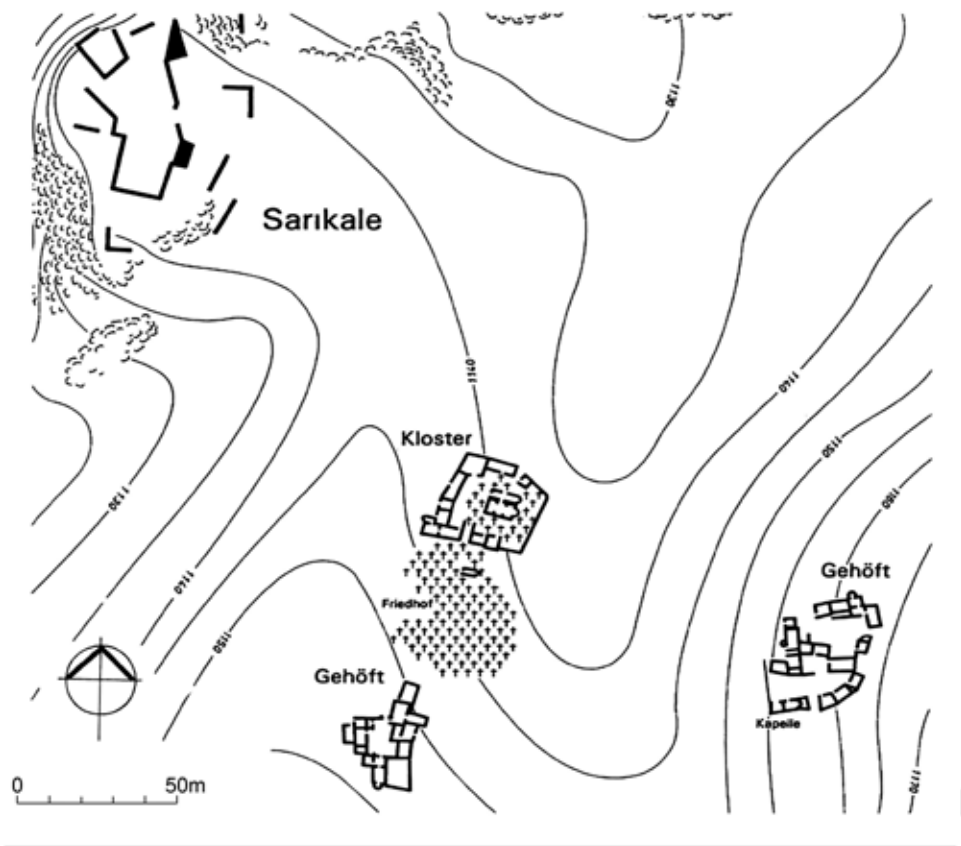

Рис. 14.19. Византийское поселение Богазкой (Хаттуса). Верхний город: I – Общий план поселения (по: Rheidt 1993: 480, Abb. 1), II – двухапсидная церковь с окружающими монастырскими постройками, план (по: Neve 1984: 333, Abb. 4).
 Fig. 14.19. Middle byzantine settlement Boğazköy (Hattusa), Upper City: I – plan of the settlement, II – double church with surrounding monastic buildings.

1

2

Рис. 14.20. Византийское поселение Богазкой (Хаттуса). Верхний город: 1 – византийский комплекс монастырских построек, южный вход, 2 – двухапсидная церковь с окружающими постройками, вид с востока (по: Neve 1984: 335, 339, Abb. 6, 13).
Fig. 14.20. Middle byzantine settlement Boğazköy (Hattusa), Upper City: 1 – middle byzantine monastery, southern entrance, 2 – double church with surrounding buildings, view from east.

Рис. 14.21. Византийское поселение Богазкой (Хаттуса). Верхний город: 1 – двухапсидная церковь, северный компартимент, вид с северо-запада, 2 – двухапсидная церковь, южный компартимент, вид с северо-запада, 3 – двухапсидная церковь, южный компартимент, внутренний вид, 4 – двухапсидная церковь, южный компартимент, пилястра – надгробный памятник во вторичном использовании, 5 – двухапсидная церковь, северный компартимент, внутренний вид (по: Neve 1984: 335, 336, 338, Abb. 7a-b, 8, 9, 11).

Fig. 14.21. Middle byzantine settlement Boğazköy (Hattusa), Upper City: 1 – double church, northern part, view from northwest, 2 – double church, southern part, view from northwest, 3 – double church, southern part, interior, 4 – double church, southern part, pilaster from Late Antiquity gravestone, 5 - double church, northern part, interior.

северо-восточной части или апсиде, именуемой сегодня жертвенником, за иконостасом, задернутым завесой-катапетасмой.

Начало долгого процесса отчуждения общины от приношения вещества для Евхаристии определённно восходит к иконоборческой эпохе, для которой были характерны попытки государства и иерархии утвердить контроль над обществом и общиной. Как свидетельствует древнейшая из сохранившихся богослужебных книг константинопольской традиции Евхологий Барберини (*Vat. Barberini Graecus 336*, не ранее октября 787 г., Северная Калабрия, издание см.: *L'eucolegio Barberini 2000*, перевод в: *Евхологий Барберини 2011*) в VIII в. в Константинополе и в Южной Италии существовала по крайней мере одна молитва в чине литургии свт. Василия Великого над принесёнными и приготовленными к переносу в алтарь вином и хлебом. Она вошла в современную литургию под заглавием «Молитва, творимая иереем в скевофилаксии при положении хлеба на дискос»: «Боже, Боже наш, небесный хлеб, пищу всему миру, Господа нашего и Бога Иисуса Христа пославший, Спасителя и Искупителя и Благодетеля, благословляющего и освящающего нас, Сам благослови предложение это и прими его в пренебесный Твой жертвенник. Помяни, как Благой и Человеколюбец, принесших, и тех, за кого принесли, и сохрани нас неосужденными в священнодействии божественных Твоих тайн» (Арранц 1978: 89-90). Эта молитва и может рассматриваться как первый шаг к контролю над общинным и индивидуальным благочестием.

В дальнейшем, под влиянием палестинского монашества и через посредство Студийского монастыря в Константинополе, участие клириков в совершении проскомидии усилилось. Одновременно около X в. происходит сложение богослужения современного типа – «литургии двух входов», когда все многочисленные процессии, в том числе и связанные с проскомидией и перенесением даров из протесиса в алтарь, резко сокращаются в пространстве (Mathews 1982: 128; утверждения о формировании «литургии двух входов» ок. 574 г. на основании интерпретации одного из поучений Константинопольского патриарха Евтихия [552-565, 577-582] представляются малоубедительными). Это окончательно вводит в норму трёхапсидный храм, где за каждой из апсид закрепляются самостоятельные функции.

В результате этого процесса центральная апсида и становится алтарем с евхаристическим престолом, а северная превращается в место совершения проскомидии – жертвенник, который в древнерусской традиции длительное время именовался «сосудохранилищем», по-гречески «скевофилакцией». В современной практике южная апсида именуется диаконником, с которым связывается функция ризницы. Ранее, как мы только что видели, миссия «сосудохранилища» была усвоена месту совершения проскомидии. Впрочем, по нашим наблюдениям сам термин «диаконник» появляется в русском богослужебном обиходе достаточно поздно, в XVII в., а в предшествующее время это храмовое про-

странство именовалось «кутейник». Такое наименование было связано с совершением здесь заупокойных служб и приношением в эту часть храма особой поминальной каши – кутьи.

К XII в. регламентация количества просфор, которые использовались для Евхаристии, приобрела более жёсткий характер. С каждой из них теперь связывалось особое молитвословие и посвящение персонажам Священной истории: Спасителю, Богородице, ангельским силам, святым, живым и усопшим членам Церкви (Желтов 2005а). Очевидно, к XIV в., когда, как мы уже упоминали, в результате реформы патриарха Филофея совершение проскомидии приобрело достаточно ритуализированный характер (Муретов 1895; 1897; Желтов 2007), право приготовления хлеба и вина для Евхаристии окончательно перешло к младшим клирикам. Сам процесс сосредоточился исключительно в алтаре. Дальнейшая эволюция последования проскомидии происходила в направлении унификации ритуала и стирания региональных различий, что окончательно завершилось лишь с появлением печатных богослужебных книг.

Судя по всему, изначально протесис совершался непосредственно в храме вблизи алтаря. Впрочем, в науке, особенно отечественной, закрепилось устойчивое мнение, что до реформы проскомидии в средневизантийский период место её совершения находилось вне храма, возможно, в отдельно стоящем здании – сосудохранилище или скевофилаксии. Именно на этом убеждении в свое время была построена интересная попытка «литургической датировки» пещерных крымских храмов (Виноградов, Гайдуков, Желтов 2005: 72-80). Так, отсутствие ниши для совершения протесиса в наосе пещерной церкви рассматривалось как указание на возможное основание храма до VIII в., поскольку проскомидия, по определению, должна была совершаться вне храма. Появление особой ниши или вырубленного в скале тетрапода вблизи алтаря могло свидетельствовать об основании церкви в VIII–XIV вв. Создание протесиса непосредственно в алтаре однозначно свидетельствовало о позднем времени возникновения церкви. Впрочем, известно, что в истории достаточно разные по характеру литургические последования легко вписывались в раз и навсегда заданные архитектурные параметры, не производя в них революционных изменений, точно так же, как символические толкования храма легко прилагались к различным формам и планам церковных зданий (см.: Красносельцев 1878; 1884; 1885).

При оценке перспективности метода «литургической датировки» необходимо учитывать и тот факт, что его основой является выше упомянутая гипотеза Т. Метьюза об изначальном совершении протесиса вне храма, якобы по примеру храма Святой Софии в Константинополе. В качестве скевофилаксии – места отправления проскомидии, исследователь интерпретировал круглое здание к северу от Великой Церкви (Mathews 1971: 11-18; ср.: Dirimtekin 1961: 397-400). Однако исследования 1980-х гг. позволили установить, что эта ротонда на са-

мом деле служила для совершения Евхаристии, что заставило историков богослужения пересмотреть ранее принятую атрибуцию (Türkoglu 1983: 25-35; Bryer 1982/1988: 216; о новых исследованиях см. также: Peschlow 2008: 391-396).

Итак, стоит предполагать, что к VIII–IX вв. приношение хлеба и вина имело место преимущественно в самом храме, причём, в соответствии с традицией, к северу от алтаря. Нахождение протесиса в северном нефе или компартименте храма неоднократно предполагалось исследователями (Teteriatnikova 1996: 80-94; Asutay-Effenberger 1998: 18-21, 37). Впрочем, Г. Бабич указывала на возможность самого разнообразного использования боковых часовен, отмечая, что функция протесиса вряд ли была для них изначальной (Babič 1969: 62).

Подобное разделение функций храмовых компартиментов допускалось и для крымской церковной архитектуры. Так, в храме св. Апостолов и епископальном архитектурном комплексе на северо-восточном берегу византийского Херсонеса двухчастность алтаря могла быть обусловлена особенностями проскомидии (Сорочан 2005: 340). Появление протесиса слева от алтаря некоторые исследователи также связывают с миниатюризацией церковной архитектуры и монашеским влиянием на литургическое благочестие, хотя конкретный механизм такой эволюции может быть связан с распространением обычая служения частных, «приватных» литургий (Mathews 1982: 127-128). Впрочем, С. Чурчич отмечал, что большие храмы легко пережили реформу проскомидии, поскольку они для целей протесиса могли использовать северные пастофории и апсиды (Çurčić 2003: 65-84).

С учетом выше изложенного, рискнем предположить, что появление уменьшенной северной апсиды с соответствующим компартиментом и наличие двух богослужебных объёмов в семидворском храме были обусловлены именно становлением обряда протесиса-проскомидии, активная фаза которого пришлась на время строительства церкви. Этот вывод может иметь более глобальный характер. Естественно, мы не можем настаивать, что все двухапсидные храмы возникали именно по этой причине. В ряде случаев появление второй апсиды могло быть связано с внедрением практики служения заказных заупокойных литургий, поскольку совершение двух Евхаристий на одном престоле в один день не допускалось церковным обычаем. Однако нельзя не сопоставить достаточно массовое появление двухапсидных храмов VIII–X вв. в малоазийско-крымском регионе (церковь в Богазкое, храмы Понта, церкви в Семидворье и Сотере) с очередным этапом развития восточно-христианского богослужения, основной целью которого была регламентация протесиса. Именно для целей проскомидии в церковной архитектуре указанного времени и мог быть выделен северный храмовый компартимент с соответствующей апсидой, чей служебный, подчиненный литургический характер был выделен во внешнем облике здания архитектурными средствами, связанными с при-

данием этому объёму меньших размеров по сравнению с главным литургическим объёмом. Дополнительно эта «служебность» могла обеспечиваться путем создания специального прохода из северного компартимента, где совершалась инициальная часть богослужения, в южный, к месту служения главного церковного Таинства.

Возможно, активное строительство двухапсидных церквей в Италии этого времени, которое началось в южных провинциях полуострова, всегда ощущавших влияние греческой культуры, отражает начало этой же реформы протесиса, даже если позднее, в процессе распространения новой архитектуры на север, первоначальный богослужебный смысл двойной композиции храма оказался утрачен. Стоит отметить, что в соответствии с известными закономерностями сохранения культурной информации (Афиногенов, Мусин, Торопова 2007), именно периферия византийского мира наиболее полно отразила и сохранила архитектурную форму, связанную с литургическим новшеством, без сомнения обязанным своим происхождением столичным и культурным центрам.

В то же время мы вынуждены признать, что современное мнение о совершении протесиса в северной части храма сложилось не в последнюю очередь под влиянием современной богослужебной практики. Веских археологических оснований для подтверждения такой гипотезы в отношении средневековых церквей до сих пор не существовало. Напротив, исследователи подчеркивали, что бытовые находки (стекло, керамика и т.д.) в пастофориях практически не выявлены (Buchwald 2010: 52), хотя именно они, как представляется, могли свидетельствовать о приношении даров, прежде всего, вина, для Евхаристии.

Совершенно иную ситуацию, которая способна дать нам дополнительные основания для подтверждения нашей гипотезы благодаря археологически выявленным уникальным подробностям религиозного культа, мы наблюдаем в северной части семидворского храма и вокруг него. Такой возможностью мы обязаны как исключительной сохранности памятника, просуществовавшего около 100 лет и законсервировавшегося на века, так и высокому уровню фиксации археологических исследований.

Особенности археологических слоев северного компартимента позволяют предположить, что столообразная конструкция в виде массивного плоского гладкого ромбовидного необработанного камня (см. Приложение 5 «Каталог архитектурно-конструктивных деталей») с подложенными под него фрагментами керамики с самого начала и на протяжении всего первого этапа функционирования храма существовавшая напротив прохода в юго-восточной стене, вероятно, играла роль сегодняшнего жертвенника – тетрапода (рис. 2.39-2.41; 2.43-2.45).

Гипотеза о литургических функциях плоского камня в северном компартименте, связанных с совершением здесь протесиса – приношения даров для Евхаристии,

может показаться слишком смелой и превышающей возможности источника. Кроме специфической планировки храма, подчеркивающей особую роль в богослужении его северной части своей индивидуальной шириной и открытостью западного входа, ничто, казалось бы, не способствует такому выводу. Однако нельзя не признать, что большое количество артефактов (костей животных, фрагментов амфор, очажков), зафиксированных в северном компартименте вокруг плоского камня, свидетельствует о том, что плита играла какую-то центральную роль в накоплении этих бытовых остатков. Стратиграфические наблюдения позволяют заключить, что камень был водружен на своем месте практически сразу после завершения строительства храма во втором строительном периоде. Подложенные под него, возможно, с целью фиксации фрагменты керамики принадлежат тому же слою (№ 7-1), в котором в апсиде зафиксированы кости барана (рис. 2.49). Очевидно, эти бытовые элементы в северной части церкви могли являться как остатками евхаристических приношений, так и паралитургических общинных трапез, которые, в условиях жизни сельской христианской общины эпохи средневековья, были неразделимы. Отметим, что здесь же в значительном количестве зафиксированы фрагменты амфор, традиционно используемых для вина.

Нам могут возразить, что камень был найден в центральной части северного объёма, а не в его восточной части, где ему следовало бы находиться в соответствии с современными представлениями о месте протесиса в храме византийской традиции. Правда, в самой апсиде северного компартимента могли совершаться некоторые ритуальные действия, характер которых, к сожалению, остается нам не ясен. Так, в нижней части слоя № 6, связанного с первым разрушением храма, были найдены фрагменты венчика, днища и стенок пифоса VIII–X вв., днище кухонного горшка, оселок и поперечный скол округлой гальки (рис. 2.40; 2.41; 3.39: 106; 3.31: 105; 6.3, 6.4: 82, 84). В восточной части северного компартимента известны и скопления углей, что могло быть связано с разведением огня в богослужебных целях (кадильные угли, приготовление теплоты, которое фиксируется, правда, лишь к XII в., см.: Желтов 2005а), что традиционно ассоциируется именно с жертвенником. Однако эти факты не могут быть признаны однозначным подтверждением нашей гипотезы. Слишком разными причинами могло быть вызвано появление рядом с храмом огня в эту эпоху, и археологический контекст обнаружения этих артефактов достаточно сложен для интерпретации.

Против нашей гипотезы могут возникнуть и иные возражения. Для реконструкции престола-тетрапода, а именно так, в соответствии со сложившимися представлениями, должен выглядеть жертвенник христианского храма, на месте находки плоского камня явно недостаточно информации. Материалы раскопок не предоставляют нам никаких следов возможной опоры. Отметим, что в пастофориях остатки колонн и других конструк-

ций, которые могли служить основанием как для протесиса, так и для евхаристического престола, известны благодаря археологическим раскопкам (Babič 1969: 67–78). Если все же предположить, что под камнем могла существовать некая опора, способная выдержать его тяжесть, то после упразднения северного компартимента её остатки должны были быть перемещены за пределы храма, а в материке непременно сохранились бы соответствующие следы, что исследованиями не зафиксировано.

Все это как будто создает определённые сложности в признании выдвинутой гипотезы о литургических функциях плоского камня правдоподобной. Однако эти сложности существуют лишь в том случае, если мы продолжим считать, что камень был зафиксирован выше уровня земли, как это имело место с классическими высокими престолами-тетраподами городской архитектурной традиции. В сельских храмах, о литургических устройствах которых мы знаем очень немного, протесис мог быть лишен капитальной опоры и располагаться непосредственно на земле, как это и принято для трапезы на Востоке. На специфику престольных конструкций пещерных храмах Таврики, существенно отличающую их от традиционных литургических устройств «высокой» византийской архитектуры, уже указывалось в научной литературе (Гайдуков, Желтов 2006).

В случае с храмом в Еди-Евлер конструкция для совершения протесиса могла ограничиваться небольшой однослойной вымосткой из фрагментов керамид (рис. 2.49; 2.50). Такие целые черепицы, лежащие симметрично рядом с плоским камнем (рис. 2.40; 2.43–2.45), могли, конечно же, принадлежать упавшей кровле, а не служить конструкцией, поддерживавшей плиту, однако их расположение рядом с камнем представляется неслучайным.

Для разрешения наших недоумений стоит обратиться к редким письменным источникам, содержащим свидетельства о сельской литургии. Так, в сочинении «Луг Духовный» (Лимонарь или «Синайский патерик») Иоанна Мосха († ок. 622 г.) рассказывается следующая история, призванная, прежде всего объяснить, почему иерейские молитвы на освящение Святых Даров стали читаться тайно. Около 603 г. Иоанн вместе с Софронием Иерусалимским посетил Антиохию, Ливан, гору Росс, Селевкию, Эги, Тарс. Очевидно, здесь он и узнал о том, что в северо-западной части Сирии близ Апамеи в окрестностях местечка Гонаг дети-пастухи задумали отслужить Евхаристию, как это делал священник в их сельском храме. Мальчик, хорошо знавший слова молитв, был избран священником, а двое других – диаконами. Они приготовили хлеб и вино и повторяли все, что видели и слышали в местном храме. Когда дети окончили «литургию» и хотели разделить хлеб для причастия, с неба сошел огонь и сжег хлеб, вино и то место, где совершалась «литургия». С тех пор на этом месте возник монастырь, а священнические молитвы начали читаться тайно (Иоанн Мосх 1848).

В этой истории нас, прежде всего, интересует описание места, куда, как на престол, были поставлены хлеб и вино. Оно было представлено как лежащий на земле... «гладкий камень». По примеру взрослых, дети могли выбрать для совершения «детской литургии» плоский камень, подобный тому, который служил жертвенником или даже престолом в их сельской церкви. Таким образом, мы имеем косвенное подтверждение выдвинутой нами ранее гипотезы о богослужебных функциях плоского камня в северном компартименте храма в урочище Еди-Евлер.

Элементы других литургических устройств храма остались практически не выявлены средствами археологии. Так, раскопки не обнаружили в южной апсиде никаких следов утраченных конструкций престола. Четыре почти квадратных обработанных плиты из туфа, найденные с внешней стороны юго-западной стены церкви, принадлежали не престолу или алтарной преграде, а сводчатым конструкциям, связанным с перекрытием апсиды (рис. 2.9-2.11). Представляется, что отсутствие в алтаре семидворского храма остатков каких-либо конструкций не должно нас удивлять. Престол в подобном сельском храме вполне мог быть деревянным, а алтарная преграда – состоять лишь из матерчатой завесы.

Известно, что в центральной части апсидного полукольца южного компартимента (слой № 12) было найдено значительное количество обломков штукатурки и архитектурных деталей из известкового туфа (рис. 2.19; 2.20; 2.23). Они относятся к концу третьего строительного периода и, скорее всего, имеют отношение к разрушенной конхе. Однако у южного заплечика апсиды в этом же строительном периоде зафиксировано не только скопление плиток из аргиллита и туфа, но и крупных фрагментов керамид, аккуратно уложенных друг на друга (рис. 2.21; 2.22), а также фрагментированный стеклянный сосуд и металлический крест (рис. 2.23; 4.3: 201; 5.4: 244). В связи с этим скоплением в самой апсиде были найдены днище и стенки пифосов (рис. 2.24).

Не связаны ли эти керамиды каким-то образом с несохранившимися конструкциями неизвестного нам предалтарного устройства, выполнявшего функцию преграды? Находки в том же контексте фрагментов лампы и металлического креста, которые могли находиться на такой преграде, как будто бы не исключают такой возможности. Стоит также обратить внимание на найденную здесь донную часть высокогорлого кувшина (рис. 2.19; 2.20; 2.23; 3.34: 135, 3.37: 135), которая, по мнению автора раскопок, могла использоваться в богослужебных обрядах, будучи вмонтированной в пол алтаря. Литургические устройства такого рода известны и в других церквях Крыма, например, в церкви св. Андрея у с. Улу-Узень, датируемой XI–XII вв., в апсиде которой в алтарное возвышение была вмонтирована донная часть сосуда закрытой формы (Домбровский 1956: л. 4-6) (об этом смотри выше, в главе 2 «Стратиграфия и характеристика культурных отложений»).

С чем могло быть связано размещение в алтарной

зоне открытой керамической ёмкости в виде придонной части сосуда, очевидно предназначенной для жидких и сыпучих тел? В этой связи стоит задуматься о назначении располагавшейся здесь же у южного плеча апсиды впущенной в материк ямы (№ 10) (рис. 1.1; 2.32-2.34; 2.36), близкой по форме к неправильному пятиграннику с разновеликими сторонами, скруглёнными углами и прямыми стенками, слегка зауженными ко дну. Заполнение ямы никак не указывает на её функции, однако находка здесь фрагментов венчиков стеклянных сосудов, остальные части которых происходят из других слоев, связанных с активной фазой жизни храма, должно свидетельствовать об использовании этого объекта в церковном быту того же периода.

Возможно, некоторые соображения о его роли в храмовом ритуале можно получить, сравнив этот археологический объект с ямой № 8, расчищенной к юго-востоку от храма (подробнее см. главу 2 «Стратиграфия и характеристика культурных отложений»). Её полукруглые стенки и скруглённое дно могут указывать, что она предназначалась, вероятно, для установки пифоса, использовавшегося как резервуар для воды во время строительства храма. По окончании первого строительного периода пифос был убран с этого места, а углубление засыпано и перекрыто нивелировочным слоем, связанным с окончанием строительных работ.

Однако вода в храме была нужна не только для строительных целей. Она активно использовалась в различных богослужебных обрядах, связанных с идеей очищения, прежде всего во время вхождения в церковь как священное пространство. Выразителен библейский пример: резервуар с водой – «литое из меди море, – от края его до края его десять локтей, – совсем круглое, вышиною в пять локтей», которое стояло «на 12 волах», согласно Третьей книги Царств (7: 23-26) и Второй книги Паралипоменон (4: 2-6), царь Соломон поставил перед построенным им храмом в Иерусалиме. Сегодня в храмах католической традиции чаша со святой водой встречает каждого входящего. В современной православной традиции этот обычай оставлен.

Роль воды в литургии, особенно в эпоху поздней Античности, была неоднократно засвидетельствована не только письменными памятниками, но и археологическими раскопками как в виде специальных храмовых резервуаров, так и в форме фрагментарно сохранившихся водоводных систем. Одним из ярких примеров такой практики является храм в Лабраунде (VI–XI вв.) в византийской Кариин, неподалёку от г. Милас в провинции Мугла в юго-западной Турции, который был водружен прямо на остатки терм римского времени. Вода, поступавшая в храм, использовалась не только для внутренних нужд, но и, возможно, была объектом паломничества, о чем свидетельствуют находки керамической и стеклянной посуды (Hellström 1987: 159-161; Blid 2012a; 2012b; о памятнике в целом см.: Karlsson, Carlsson 2011; об использовании воды в византийском общественном пространстве см.: Mango 1995; Hattersley-Smith 1996: 236;

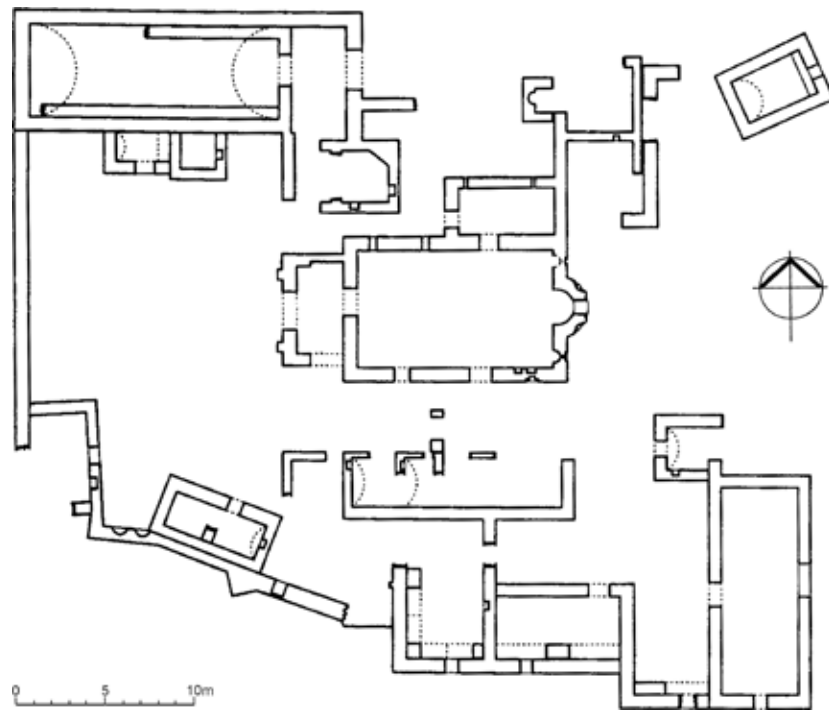

Рис. 14.22. Монастырь средневизантийской эпохи Кислешукуру, Анталия, Турция
(по: Akyürek, Tiryaki, Kızılkayak 2003: 18, res. 8).

Fig. 14.22. Middle byzantine monastery Kisleçukuru, Antalia, Turkey, plan.

в церковном контексте см.: Magdalino 1990; Harrison, Firatli, Hayes 1968). Не была ли предназначена эта яма для столь необходимой в церковных ритуалах ёмкости для воды, форма и материал которой остаются нам неизвестны, и не служили ли донные части сосудов, найденные в алтаре, тем же целям? Это тем более вероятно, что поблизости от храма источники воды неизвестны, а ближайшая речка протекает по дну балки Еди-Евлер.

Примечательно, что эта яма, которую мы предположительно связали с обустройством резервуара для воды для очистительных ритуалов, была сооружена не только справа от южного входа в храм, но и непосредственно на границе невысокой материковой подрубке, на которой находился алтарь, и наоса. Выше мы уже отмечали отсутствие надёжных археологических свидетельств о существовании алтарной преграды, хотя не исключено, что конструкция из керамид могла иметь отношение как к такой преграде, так и к гипотетическому резервуару с водой. Однако в данном случае не менее важно отметить, что сам алтарь ещё в первом строительном периоде всё же был архитектурно выделен по отношению к основному объёму храма именно благодаря этой материковой подрубке. По сути дела, она играла роль вимы, возвышающей алтарь над наосом и указывающей на границу, проходящую между сакральным и общинным (рис. 2.33; 2.34; 2.36).

Зафиксированные в храме особенности литургического ритуала, прежде всего, вотивные приношения крестов и выделение северной части храма для совершения проскомидии, заставляют задуматься о социальной и культурной среде, в которой сформировались эти цер-

ковные традиции. Кодификация обряда проскомидии пришлось на иконоборческую и постиконоборческую эпоху, которая, с одной стороны, характеризовалась взлётом частной инициативы и ростом самосознания византийского гражданина, а с другой стороны, возрастанием влияния монастырей на жизнь общества. В соответствующем разделе настоящей монографии (см. главу 5 «Металлические кресты») мы предположили монастырскую инициативу в сложении практики приношения в храм вотивных крестов за живых и усопших, в результате которой можно было поставить под контроль проявления индивидуального благочестия.

Считаем допустимым предположить, что в создании двухапсидного храма также воплотилась монашеская традиция, хотя никаких прямых свидетельств о существовании на холме Тузлук или в его окрестностях монастыря вроде бы не существует. Однако стоит обратить внимание на монастырский характер церкви, привлеченных в качестве аналогий храму у с. Семидворье. Двухапсидный храм в Богазкой (Хаттуса), который был окружен комплексом небольших построек, сопоставимых с кельями, согласно гипотезе П. Нева (Neve 1984: 332), определённо был монастырским. Впоследствии эти наблюдения получили дальнейшее развитие в результате сравнения синхронных церковных комплексов в Хаттусе и Пергаме, которые объединяет не только сложная структура окружающих строений, но и ритуал приношения вотивных крестов, известный и в пергамской церкви (Rheidt 1993: 483).

В этой связи в качестве богослужебных аналогий храмам на городище Богазкой и на холме Тузлук сто-

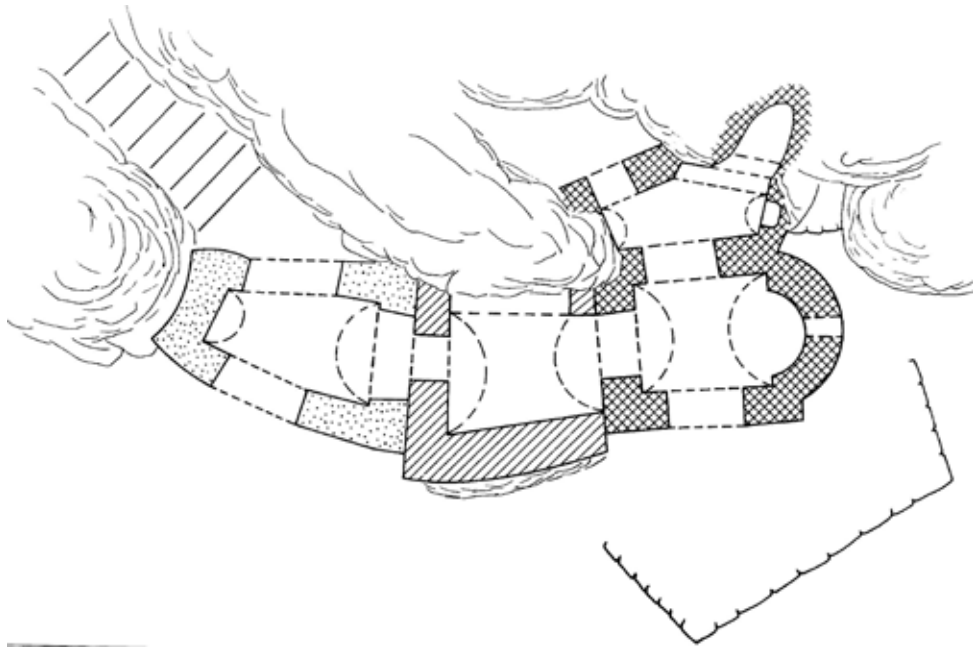

Рис. 14.23. Церковь средневизантийской эпохи на городище Инишдиби, Истлада, близ Кекова – Мира/Демре, Турция, план (по: Marksteiner, Niewöhner, Yener-Marksteiner 2009: 94, Abb. 6).

Fig. 14.23. Middle byzantine sanctuary in İnişdibi fortified settlement, Istlada, near Kekova – Myra / Demre, Turkey, plan.

ит привлечь не только ярко выраженные двухапсидные храмы, но и церковные постройки с архитектурно выделенным северным компартиментом, который также мог использоваться для совершения протесиса. Такие памятники достаточно хорошо исследованы профессором Стамбульского университета Э. Акюреком (Турция) в юго-западной части Малой Азии вблизи современной Анталии. В постройках монастырского комплекса в урочище Паламутдзю в Юго-Западной Анатолии никаких литургических особенностей, кроме южного входа в главный храм, не прослежено (Акуюрек 2008: 304, 307). Однако руины монастыря в урочище Кислешукуру позволяют увидеть интересующую нас богослужебную специфику (рис. 14.22). Здесь существовал крестовокупольный храм средневизантийского периода с прямоугольной пристройкой в своей северо-восточной части. Попасть в эту пристройку можно было как с запада, так и из основного объема храма. Автор исследования предположил литургическое использование этого компартамента, который он сравнил с пастофорием и ризницей. С юго-восточной стороны к зданию примыкала двухэтажная трапезная, к югу от него располагались небольшие помещения, предположительно – монашеские кельи (Акуюрек 2001a: 13–27; 2001b: 37; Акуюрек, Tiryaki, Kızılkayak 2003: 17–22, res. 8; Tiryaki 2007).

Похожие особенности планировки имел средневизантийский церковный комплекс на городище Инишдиби рядом с Истладой в районе Кекова – Мира/Демре в Центральной Ликии, возможно связанный со святым источником (рис. 14.23). Северный компартимент храма, предположительно монастырского, буквально «втиснулся» между церковью и скалой, что и определило его неправильную форму. Однако наличие здесь

ниши позволило интерпретировать этот компартимент как место для совершения протесиса (Marksteiner, Niewöhner, Yener-Marksteiner 2009: 94, 96–97, 101–102, Abb. 6, 13, 15). Подобным образом одноапсидный крестовокупольный храм в Тослак-Аугай, провинция Алания, был дополнен в северо-восточном углу пристройкой с отдельным входом, в которой возможно видеть как место совершения проскомидии, так и мемориальную зону (Doğan 2005: 135–146, çiz. 9; 2008: 381–394, çiz. 1).

Вообще, средневизантийский период отмечен активным монастырским строительством как в Крыму (строительная надпись 906 г. игумена Никиты в Партедите, строительство монаха Георгия на г. Панаир, создание храма монахом Нилом у пещеры Данильча-Коба; обзор см.: Виноградов 2010: 8–10), так и в Малой Азии. Монастырские храмы в византийской провинции характеризуются их особым расположением по отношению к поселениям. Если общинные церкви находились в среде обитания, монашеские, как и кладбищенские, строились вне поселения (Gerstel 2005: 166). Очевидно, представители византийского монашества прибывали сюда с определенной внутренней миссией. Начинаясь, если угодно, «вторая волна» христианизации ромейского общества, становление новой постиконоборческой культуры.

Считаем нужным упомянуть еще одну особенность семидворского храма. Азимут его оси сориентирован на 47 градусов, что лишь на 6 градусов отличается от точки восхода солнца в день летнего солнцестояния в этих широтах, которое приходится на 20–22 июня. Несмотря на существующую полемику в отношении достоверности связей между азимутом храма и днем его основания или посвящения (см. по этому поводу: Рап-

попорт 1974; Гаряев 1978; Раппопорт 1994: 110-113; Заграевский 2011), подобные сопоставления продолжают оставаться характерными для современных исследований церковных комплексов эпохи поздней Античности в Южной и Центральной Европе. Так, ориентация базилики Тоновцева града в Словении, совпадающая с азимутом восхода солнца 2 февраля, на которое приходится празднование Сретения Господня, стала причиной отдельного разыскания о степени распространенности этого праздника в эпоху основания храма (Čaval, Šprajc 2011: 247-255). В случае с семидворским храмом мы считаем небезынтересным сопоставить полученную дату с 24 июня – празднованием Рождества св. Иоанна Предтечи – наиболее почитаемого святого в Студийской монашеской традиции.

С монашеской культурой могли быть связаны и захоронения в могиле, расположенной к востоку от южной апсиды и относящейся к первому этапу существования храма (рис. 1.1; 2.62-2.66) (см. главу 2 «Стратиграфия и характеристика культурных отложений»). Здесь были обнаружены останки двух взрослых мужчин, расположенные друг над другом. Несмотря на то, что погребение сопровождалось определёнными действиями, следы которых зафиксированы в засыпи могильной ямы и имеют некоторые параллели в ритуалах расположенного неподалёку некрополя предшествующей эпохи, некоторые особенности обряда могут найти свое объяснение в монашеской погребальной практике.

Оба погребения принадлежат взрослым мужчинам. Какой бы то ни было погребальный инвентарь в захоронениях отсутствует. Из находок зафиксированы только остатки двух шаровидных пуговиц-подвесок, которые были частью одежды одного из погребённых. В одном случае руки согнуты в локтях и скрещены в области живота, в другом случае левая рука вытянута вдоль тела, а правая слегка согнута в локте. Однако такое положение рук не свидетельствует о «нецерковности» погребённых. Несмотря на традиционные представления церковной культуры о необходимости погребения усопших христиан со скрещёнными на груди руками (Michael Psellos 2006; Никифор 2007: 482), археология средневекового погребального обряда как в Византии, так и на Руси опровергает это устоявшееся мнение (Мусин 2002а: 46-47; Poulou-Papadimitriou, Tzavella, Ott 2012).

Наиболее важной для наших выводов является следующая особенность нижнего погребения. Череп погребённого поддерживался в вертикальном положении с помощью помещённого рядом небольшого камня. Похожие погребальные конструкции встречаются достаточно редко, но в Крыму они известны. Так, в погребении, обнаруженном в одном из средневековых храмов горы Аю-Даг, череп был зафиксирован с двух сторон каменными плитками, а его нижняя часть была покрыта крупным фрагментом стенки амфоры XII–XIV вв., на внутренней поверхности которого, обращенной к лицу погребённого, по обожжённой глине было процарапано граффити в виде надписи IC/X[C]/N[I]/K[A] ([K]A?),

вписанной между ветвями креста (Тесленко, Лысенко 2006: 132-144, рис.4). Исследователи этого комплекса не только справедливо интерпретировали это погребение как захоронение иерея, сопоставив фрагмент керамики с христианской символикой с литургическим покровом – «возду́хом», которым покрывают лицо усопшего священника, но и нашли близкие аналогии фиксации головы погребённого с помощью каменных и плитяных обкладок в погребальном обряде монастырём Афонской горы (ср.: Смирнов 1997: 88).

Похожий элемент погребального обряда встречается и в кодифицированной практике Студийского монастыря. Древнейший сохранившийся в древнерусском переводе Студийский типик конца XII в., принадлежавший Благовещенскому монастырю на озере Мячине под Новгородом, в главе, посвященной иноческому погребению, упоминает «возголовице мало», которое следовало положить под голову усопшему (Горский, Невоструев 1869: 263-264; Мансветов 1882: XXVII-XXVIII; *Сводный каталог* 1984: 159-161, № 138; Пентковский 2001: 384). Такое «возголовице» известно в археологии погребального обряда Древней Руси в виде каменных подушечек в саркофагах и захоронениях (Макаров 1981; Беляев 2005), что следует расценивать не как «аскетическую редакцию» обряда, характеризующую монашеские идеалы погребённых, а как исполнение предписаний собственно монашеского устава. Естественно, небольшие валуны или даже россыпи камней, положенные в изголовье покойному, встречаются в сельских погребениях Древней Руси (Спицын 1896: 9), очевидно, безо всякой связи с монашеством. Однако в свете всего вышеизложенного погребения при храме в урочище Еди-Евлер представляется возможным соотнести с монашеской традицией.

Таким образом, не только сложение традиции вотивных крестов, но и установление и последующее распространение обряда проскомидии-протесиса в IX–XI вв., воплотившегося в какой-то момент развития церковной архитектуры в создании двухапсидных храмов, стоит связать с монашеским богослужением. В этом явлении возможно увидеть средство контроля над индивидуальными приношениями мирянами хлеба и вина в церковь для Евхаристии. Ритуализация проскомидии в монашеском богослужении привела впоследствии к архитектурному обособлению северного компартамента или созданию прямоугольной пристройки. Стоит отметить отсутствие какой бы то ни было унификации в этом процессе, связанном с архитектурным воплощением литургического обряда. Идея особого помещения для совершения протесиса находила самые различные архитектурно-планировочные решения. Не исключено, что семидворский храм, как и церковь в Сотере, явился одним из первых подобных опытов привнесения монашеских греческих ритуалов на территорию Таврики. Однако история развития византийской архитектуры свидетельствует, что такой тип храма не прижился в литургическом быту. Проскомидия логично вписалась в

наиболее распространённый вид христианского святилища – трёхапсидную церковь.

Однако храм в урочище Еди-Евлер был связан не только с привнесёнными монашескими традициями, но и с местными реалиями. Его деятельность, очевидно инспирированная переселенцами, во многом ориентировалась на местную общину и связанную с этим местом историческую память. Читателю уже известно, что южная апсида перекрывает культовое сооружение (кенотаф?) эпохи бронзы. Ниже по склону располагался могильник предшествующего времени (VII (?) – VIII/IX (?) вв. (Лысенко, Тесленко 2012: 104-110, рис. 1, 2), однако вопрос о том, существовали ли на некотором отдалении от храма и другие погребения, кроме известной нам предположительно монашеской могилы, уточнить в настоящее время не представляется возможным. Такое преемство сакральных мест и культовых объектов сквозь века и поколения не является чем-то исключительным (ср. похожую ситуацию на памятнике Тоновцев град в Словении, описанную в: Milavec 2012: 475-487; см. также: Ciglenečki, Modrijan, Milavec 2011).

Связь семидворского храма с заупокойным культом была не единственной формой отношений духовенства, возможно монашеского, с местной общиной. Об этом свидетельствуют многочисленные остатки ритуальных трапез, сопровождавшихся жертвоприношением животных, что зафиксировано в культурном слое обоих храмовых компартиментов, на пространстве к югу от церкви и в кладках стен в виде скоплений и отдельных костей птиц, млекопитающих, рыб и створок моллюсков. Подобные ритуалы, иногда совершавшиеся именно в боковых пастофориях, уже становились предметом научной фиксации (Babič 1969: 45-46). Парадоксальным образом эти паралитургические трапезы не противостоят изначально монастырскому характеру комплекса и не свидетельствуют ни о «языческом мировоззрении» местных жителей, ни об их северо-кавказском происхождении.

Некоторые из таких празднеств могли быть связаны с одноразовыми действиями, конкретными богослужебными событиями, как, например, освящение одноапсидного храма в начале третьего строительного периода. С этим событием стоит соотнести кострище и остатки трапезы к востоку от южного входа в храм (слой № 5б, см. главу 2 «Стратиграфия и характеристика культурных отложений»). Не исключено, что более ранние три очага, зафиксированные у северного и южного входа в южный компартимент и у западного входа в северный компартимент (квв. 2С; 2Е-Ф; 3-4С, слой №№ 7, 7а [очаги №№ 1, 2, 3]) (рис. 2.17) и относимые к началу функционирования храма во втором строительном периоде, также могли отражать ритуалы, связанные с освящением церкви.

Мы затрудняемся однозначно определить роль этих костров, расположенных напротив церковных дверей и тем самым условно ориентированных по сторонам света, в предполагаемых ритуалах. Стоит, однако, от-

метить, что в современном чине освящения храма сохранился не только момент возжжения новой свечи в алтаре, но и помазание миром всех стен храма в четырех местах: в алтаре и по центру западной, южной и северной стены непосредственно над церковными дверями (Никольский 1894: 792-794). Таким образом, этот обряд носит явно охранительный, апотропеический характер, мистически защищая церковные входы. Стоит предположить, что зафиксированное раскопками возжжение трёх огней перед входами в храм и современное помазание миром над церковными дверями могли обладать единым смыслом.

С этим же освящением двухапсидного храма во втором строительном периоде и последовавшей за этим общинной трапезой могли быть связаны слой № 7б – снаружи храма и слой № 7-1 – в апсидной части северного компартимента, где зафиксированы кости черепа барана с элементами посткраниального скелета, возможно – жертвенного (рис. 2.49; 2.51; 2.52). Как уже было отмечено (см. главу 3 «Керамика»), обломки как минимум двух афмор (рис. 3.34: 90, 127; 3.37: 90, 127) были найдены на значительном удалении друг от друга как внутри северного компартимента, так и с внешней стороны храмовых апсид (группы слоев I, II и IV), что позволяет предположить связь этих сосудов с первыми ритуальными действиями в церкви, возможно с её освящением в начале первого этапа функционирования.

Стоит отметить железные кресты (рис. 5.4: 237; 5.3: 238), которые располагались на пороге прохода в северо-западной стене, заложенного в третьем строительном периоде (рис. 2.25; 2.26), а также еще один в районе дверного проёма с северной стороны (рис. 5.1, 5.5: 211). В южном проёме главного компартимента в слое № 12а найден рог молодого барана. Не исключено преднамеренное размещение этих предметов и останков жертвенных животных в значимых местах – в апсиде и на пороге, с охранительными целями (см. также главу 5 «Металлические кресты», где приведены соображения о подобной функции железных крестов, найденных в закладке проёма между храмовыми компартиментами).

Как мы видим, одной из характерных черт культурного слоя семидворской церкви является присутствие здесь многочисленных костей животных, что может быть связано с общинными трапезами и жертвоприношениями. Считается, что такие жертвоприношения характерны, прежде всего, для Армянской церкви, где известен подобный обряд и последующая общинная благотворительная трапеза – «матах» (Sharf 1982: 417-449), или для традиции народов Северного Кавказа и Закавказья, как об этом свидетельствуют уже упоминавшиеся миссионерские наблюдения, сделанные в XVII в. Арканжелло Ламберти в Мингрелии (Ламберти 1877: 205), или костные останки, зафиксированные, например, при раскопках Таргимского храма в Ингушетии (Мужухоев 1980).

Однако подобные общинные трапезы и жертвоприношения практиковались и в византийской традиции,

что зафиксировано еще письменными и каноническими памятниками VI–XII вв. Так, каноны V–VI Вселенского (Трульского) собора 691–692 гг. (правила 74, 76, 88, 99) запрещают общинные трапезы в храме и принесение мясной пищи к алтарю в качестве пожертвования клиру (Pitra 1868: 59–60, 64–65, 70; см. также: Никодим 1994). Равным образом эти же правила воспрещают вводить в храм животных, что косвенно возможно связать с общинными жертвами, которым предшествовало обязательное посвящение жертвенного животного святому или иконе. Проблема подобных жертвоприношений оставалась актуальной и для епископов Фессалоник в Греции в XII в. (Павлов 1895: 378–387; Varmine 2000: 231–243).

Дополнительную информацию предоставляют этнографические наблюдения XIX–XX в., которые фиксируют греческое празднество, именуемое «курбани». Так, проживающие на Кубани греки приносили в жертву св. вмч. Георгию в надежде исцеления от болезни или в знак благодарности молодого быка, барана или петуха (Раевская 1996: 124). Стоит отметить, что очевидно речь как раз идет о греческих переселенцах из Крыма, традиция прихрамовых жертвоприношений у которых имела глубокие корни и не прекратилась и после переселения в приазовские и причерноморские степи в 1778–1780 гг., после завоевания Крыма Россией. А.Л. Бертье-Делагард, в связи с этим переселением, сообщает, что жители деревень Мегалотам, Микропотам, Ксеропотам (совр. Генеральское, Малореченское, Солнечногорское Малореченского сельсовета, г. Алушта), Фуны (ныне с. Лучистое Лучистовского сельсовета) и самой Алушты отправились в путь совместно и на землях Мариупольского уезда основали общее поселение, названное Константинополь (Бертье-Делагард 1920: 6–10, прим. 4). Столь пышное название селу было дано последним митрополитом Готским («Готфейским») Игнатием (Хазудиновым, 1715–1786), возглавившим переселение христиан из Крыма, поскольку местные жители принесли в дар новой церкви этого села в день её освящения в 1780 г. обильные приношения – множество овец и до 200 голов крупного рогатого скота. Церковь была освящена во имя св. вмч. Феодора Стратилата, как и храм в селении Фуны (Бертье-Делагард 1920: 8–10).

В связи с этой информацией заметим, что среди останков животных, обнаруженных в храме в урочище Еди-Евлер, встречены и кости домашнего быка, представленные одной или двумя особями, забитыми в возрасте 1,5–2 лет. Исследование показало, что как минимум один бык был приведён непосредственно к храму, где и подвергся ритуальному закланию (см. главу 9 «Млекопитающие»). Стоит обратить внимание на то, что кости быка в слоях, соответствующих первому этапу жизни храма, были найдены перед западным входом в северный компартимент, тогда как останки животного этого вида, обнаруженные перед южным входом, соотносятся со вторым этапом существования церкви. Не исключено, что эти останки были перемещены в про-

цессе слоеобразования. Однако, поскольку абсолютной уверенности в том, что в материалах раскопок представлена лишь одна особь *Bos taurus* нет, нет и ничего невероятного в предположении, что мы имеем дело с двумя жертвоприношениями быков, соответствующими двум освящениям храма.

Отголоски традиции храмовых жертвоприношений отражены также в одном из местных крымских преданий, зафиксированном П.И. Кеппенем 24 ноября 1833 г. в крымском селе Улу-Узень (Мегалотам), ныне – с. Генеральское Малореченского сельсовета Алуштинского горсовета: «К востоку от деревни на бугре, именуемом Хурусть⁴... видно основание церкви весьма малой. Татары говорят, что это монастырь Ай-Сохран... Из Сартаны... греки приходили сюда молиться... По существующему преданию ежегодно ко времени богослужения приходил сюда олень (сугун) для жертвы. Как-то он опоздал. Греки убили его тотчас по приходе, не давши отдохнуть, с того времени уже их нет» (*Материалы...*, л. 22 об; об истоках традиции и других примерах см.: Лысенко 2012).

В настоящее время в отечественном византиноведении наиболее полный обзор средневековой традиции прицерковных жертвоприношений был сделан Н.Д. Барабановым (Барабанов 2002: 22–50; 2004: 89–113), который справедливо отказывается видеть в этом банальное «язычество» или его пережитки. Однако он отмечает, что подобные жертвоприношения так и не стали полноценной частью православного богослужения.

Стоит напомнить основные положения трудов Н.Д. Барабанова. Для жертвоприношений отбирались преимущественно мужские особи телят и баранов, само жертвоприношение было увязано со временем совершения литургии, а присутствовавший здесь священник читал соответствующую молитву, кадил жертвенное животное и кропил его святой водой. Иногда, как это описано в житии св. Николая Сионского, возглавлявшего монастырь в малоазийской Ликии, духовенство, в том числе и монастырское, выступало инициаторами подобных приношений. Эти свидетельства письменных источников служат дополнительным подтверждением как «каноничности» происходившего в семидворском храме, так и возможного участия монашествующих в общинных ритуалах.

Архимандрит монастыря св. Сиона сам организовал путешествие по часовням горных селений с принесени-

⁴ Холм находится на юго-восточной окраине современного села. Интересно отметить, что археологические исследования позволили зафиксировать на его вершине выход культурного слоя с большим количеством деструктированного известкового раствора и обломками архитектурных деталей из известкового туфа. Здесь же отмечены оплывшие, овальные в плане углубления, возможно, следы погребальных сооружений. Видимо, на этой возвышенности располагался храм с прилегавшим к нему некрополем. Среди находок встречаются мелкие обломки гончарной простой и поливной посуды XIII–XIV вв. На склонах этого же холма обнаружен подъёмный материал IX–X вв.: обломки красноглиняных керамид, калпигеров, амфор «причерноморского» типа (Тесленко, Лысенко 2003: л. 272).

ем в жертву быков ради избавления местных жителей от эпидемии чумы. Местные жители отправлялись к часовням крестным ходом, где и приносились жертвы, а затем имело место общее вкушение жертвенного мяса (Ševčenko I., Ševčenko N. 1984). Очевидно, что здесь мы имеем дело не с язычеством или его ренессансом, а с тем, что можно назвать христианизацией явлений местной культуры, поскольку речь идет не об «устойчивости» и «легализации» языческих традиций в христианском обществе, а об их десемантизации, переосмыслении и включении в новый культурный контекст. Согласно определению Н.Д. Барабанова, здесь имела место лишь определённая «литургическая легализация» общинных обычаев.

Жертвоприношения повсеместно завершались общинной трапезой. Обычно заклание жертвенного животного, которое могло вводиться во храм и поставляться перед иконой святого, которому оно посвящалось, или даже проводить в храме всю ночь, происходило на площади перед деревенской церковью. Однако известно, что в некоторых удалённых греческих общинах, например, в местности Фарасса в Каппадокии (Феке, провинция Адана, Турция), вплоть до XX в. (!) жертвенное животное закалывали на специальном камне, который находился в храме напротив алтаря (Georgoudi 1979: 275; Буркерт 2000: 409; см.: Burkert 1983; 1997; см. также о местной религиозной жизни: Λουκόπουλου, Πετρόπουλου 1949).

Подобная практика позволяет расширить гипотетические функции плоского камня в северном компартменте семидворского храма. Он мог служить не только для совершения протесиса, но и быть жертвенником в первоначальном смысле этого слова, поскольку архитектура северной пристройки обеспечивала беспрепятственный доступ к предполагаемому месту ритуального заклания животных извне.

Таким образом, материалы раскопок церкви на холме Тузлук предоставляют нам уникальную возможность археологического комментария к информации письменных источников и данным ново-греческой этнографии о существовании храмовых жертвоприношений в Византии и в «ромейской традиции». Распространённость такого обряда как среди греческого византийского населения, так и среди кавказских племен существенно усложняет вопрос об этнической принадлежности местной общины. Как мы уже видели, особенности совершавшегося в храме на холме Тузлук ритуала, как и планировка самой церкви, не позволяют однозначно связать его с северо-кавказскими традициями. В этой ситуации нельзя исключить и принадлежность местных жителей к ромеям-грекам, о чем дополнительно свидетельствуют как малоазийские истоки храмового устройства, так и каменное домостроительство с использованием керамической черепичной кровли и передовые технологии гончарного производства, которые отмечены на раскопанных по соседству поселениях (см. главу 3 «Керамика»).

Археологические исследования семидворской церк-

ви позволяют увидеть не только возможные свидетельства ритуала освящения храма, но и материализацию обряда возжжения огня для богослужения. В этом отношении весьма показательны скопление с внешней стороны у южного входа в храм угольков очага, фаунистических останков, фрагментов стеклянных сосудов и кремнёвых чешуек (слой № 5, см. главу 2 «Стратиграфия и характеристика культурных отложений»). Трасологические исследования позволили заключить, что чешуйки образовались от удара кремня о металлический предмет (см. Приложение 7), который должен был быть ни чем иным, как кресалом.

Очевидно, все эти артефакты появились здесь в третьем строительном периоде в результате регулярно совершаемых действий. На наш взгляд, их стоит связать с возжжением «нового» или «священного» огня, добываемого специально для богослужения при помощи кремня и кресала, предположительно перед вечерней службой. Стоит отметить, что кресала уже встречались при исследовании храмов византийской традиции. Так, кресало было найдено в храме на горе Ниф (Олимп) в Западной Анатолии (район Кемальпаша, провинция Измир, Турция) (Yalçın 2011: 23; Ваукап 2011). Еще пять кресал известно в культурном слое средневековых христианских храмов VIII–XII вв. на месте античного святилища на Гурзуфском Седле (Новиченкова 2005: 18). Однако лишь в Семидворье тщательность археологической фиксации позволила выявить кремнёвые чешуйки.

Сегодня возжжение огня за богослужением достаточно регламентировано (Никольский 1894: 44-51), однако оно совершается от «негасимых» храмовых лампад без специальной молитвы. Торжественное возжжение «нового огня» для вечернего богослужения, сопровождавшееся особым ритуалом, осталось в прошлом, хотя и закрепилось в виде литургического рудимента – выноса свечи на входе Великой Вечерни (Успенский 2008: 60-65). Профессор Санкт-Петербургской Духовной академии И.А. Карабинов справедливо предположил, что в основе древнего и ныне неупотребляемого чина «вечернего» огня «лежит древнехристианский обычай, перенесенный из еврейства, – вечером при зажжении светильника благодарить Бога за созданный Им для освещения ночного мрака огонь» (Карабинов 1910: 59).

Еще одним пережитком этого чина, причём достаточно специфическим, является обряд возжжения и освящения огня Великой Субботы в храме Гроба Господня в Иерусалиме, который в массовом сознании превратился в сверхъестественное «схождение Благодатного Огня» (Успенский 2008: 45-83). В древности особый чин нового пасхального огня, также выросший из чина «вечернего благодарения», существовал повсеместно. Паломник Добрыня Ядрейкович, будущий архиепископ Новгородский, упоминал, что в начале XIII в. в Константинополе в Воскресенской церкви было особое место, «идеже свеча возжигаются на великий день» (Савваитов 1872: 151). Подобный обряд, утраченный сегодня в украинском и русском Православии, со-

хранился как в греческой, так и в римской приходской практике Великой Субботы. Пасхальная свеча здесь зажигается от разведённого вне храма костра. Иногда католический священник пред вечерним богослужением самостоятельно высекает огонь из камня, от которого зажигается пасхальная свеча (ср.: *Sposób odprawiania* 1894: 197-199).

Подобное добывание «чистого» огня не стоит смешивать с этнографически известными весенними обрядами получения «живого» или «Божьего» огня, которое так же достигается архаическими, ныне не употребляемыми способами, преимущественно трением, что известно у славянских народов (Tyszkiewicz 1976: 591-597; Сумцов 1889: 408-410). В данном случае привнесённая христианская традиция пересекается с древними индо-европейскими верованиями и даже замещает их. Стоит отметить, что следы добывания огня трением от церковной стены известны в Польше (Lewandowska, Mietz, Woźny 2008: 58-74, 80-86, 113-131, rys. 1-6, 11, ill. II. 1-2, 7-11), где зафиксированы округлые углубления (рис. 14.24), оставшиеся от подобных манипуляций преимущественно на южной стороне (sic !) или у главного западного входа (Lewandowska, Mietz, Woźny 2008: 64, tab. II). Подобные выемки можно встретить и в других европейских странах: во Франции, в частности, в Нормандии, в Германии и т.д. Очевидно, мы имеем дело с общерелигиозным феноменом.

В любом случае, даже если наше суждение о преимущественной связи зафиксированного на холме Тузлук ритуала «добывания огня» с вечерней службой покажется кому-то слишком категоричным, скопление кремня и стекла однозначно указывает, что именно здесь регулярно совершалось возжжение огня для храмового богослужения. Люди средневековья не знали «негасимых лампад» в сельских храмах, а употребляемое масло стремились экономить.

При этом само действие оказывается достаточно ритуализировано. Непосредственно в контексте материализации этого ритуала были найдены не только votивные кресты, но и подвеска из клыка животного (рис. 6.2: 238), которая также могла быть принесена в храм с определёнными целями как votив. Стоит также сравнить феномен, зафиксированный на холме Тузлук, с результатами исследования храма, располагавшегося на горе Пахкал-Кая. Анализ находок у юго-восточной стены церкви свидетельствует, что именно здесь совершались регулярные действия, связанные с votивным приношением крестов и иных предметов, а скопление фрагментов лампадок и осколков кремня совершенно аналогично картине, зафиксированной в Семидворье (Лысенко 2011: 224). Гора, на которой располагалось древнее святилище, предшествующее храму, занимает ключевое положение на перевале между двумя долинами и с давних времен могла восприниматься как священная.

Массовое скопление фрагментов лампад у южного входа в храм в контексте совершавшихся здесь ритуа-

лизированных действий заставляет задуматься, не являются ли эти осколки следствием некоего обряда, связанного с разбиванием стеклянных сосудов? Несмотря на то, что ответ на этот вопрос нам видится отрицательным, нельзя не упомянуть, что в восточно-христианской практике, по крайней мере в XI–XVII вв., действительно существовал обряд «сокрушения скляницы». Во время совершения Таинства венчания практиковалось разбиение общей чаши с вином, из которой предварительно жених и невеста отпивали трижды.

Исторически чин венчания был связан с причащением новобрачных за литургией, однако практикуемая сегодня «общая чаша», которая носит неевхаристический характер, не может рассматриваться как рудимент свадебного причащения. Истоки «общего потира» стоит искать в общинной традиции, в «светском» свадебном пире и домашней церемонии. Общая чаша могла восходить как к римским гражданским обрядам, так и быть заимствованной из иудейской практики, возможно, через христиан Малой Азии. Воцерковление этой чаши было связано с появлением специальной молитвы, в которой священник просил освятить её «благословением духовным», что присутствует и в современном церковном последовании брака. Возможно, к VIII–IX вв. этот эпизод в чине венчания уже сформировался.

Сложнее прояснить вопрос со смыслом и происхождением обычая, требующего разбить этот сосуд после совместного троекратного приобщения. Впервые он зафиксирован в начале XI в. в тексте греческого Евхология (Paris. Coislin. 213) – богослужебного сборника священнических молитв, составленного в 1027 г. и отражавшего столичную константинопольскую практику (Duncan 1983). Впоследствии этот обычай был свойственен как греческой и сербской, так и древнерусской практике вплоть до появления в XVII в. печатных богослужебных книг. Зачастую в тексте чина подчеркивается, что общая чаша должна быть стеклянной («потирец склян исполнь вина»), очевидно, для удобства её «сокрушения», которую священник даёт «кому любо да сокрушают ю» (о «сокрушении скляницы» см.: Одинцов 1881: 163; Дмитриевский 1884: 389, 396-397; о последовании «общей чаши» см.: Петровский 1908: 1602-1603, 1613-1615; Желтов 2004; 2005б; 2009: 119-120; 2010: 27-28).

Интересные подробности этого обычая в Московском царстве сообщают письменные памятники XVI–XVII вв. Согласно «Извещению о чине свадебном», составившем 67-ю главу «Домостроя» в его Старшей редакции, восходящей к середине XVI в., чаша, подлежащая разбитию, должна быть без ручек. Разбивать её предписывалось не швыряя вниз, а просто выпуская из рук на землю, после чего осколки следовало растоптать ногою. Адам Олеарий, посетивший Россию в 1633-1634 гг., сообщает, что на свадьбе «попу подают деревянную позолоченную чашу или же только стеклянную рюмку красного вина: он отпивает немного в честь брачующихся, а жених и невеста три раза должны выпивать вино. Затем жених кидает рюмку оземь и, вместе с невестою,

II

Рис. 14.24. Следы добывания «святого огня» на стенах костелов, Польша: I – костел св. Войцеха, Костелец Калишский, воеводство Великопольское; II – костел св. ап. Фомы, Новое Место Любавское, воеводство Варминско-Мазурское (по: Lewandowska, Mietz, Woźny 2008: 114, 128, ill. II, 7, 13).

Fig. 14.24. Traces of making of „holy fire” on church walls, Poland: I – church of St Wojciech, Kościelec Kaliski, województwo wielkopolskie; II – church of St Thomas, Nowe Miasto Lubawskie (Neumark in Westpreussen), województwo warmińsko-mazurskie.

растаптывает её на мелкие части, говоря: «Так да падут под ноги наши и будут растоптаны все те, кто пожелает вызвать между нами вражду и ненависть» (Домострой 1994; Олеарий 2003: 196). В связи с последним известием интересно отметить разницу между устоявшимся обычаем и церковными требованиями. Богослужбные книги XVI в., содержащие чин венчания, категорически воспрещают разбивать брачную скляницу ногой (ср.: «Взем иерей тую чашу сокрушит некаковым орудием, а не ногами, и погрузит с камнем в воду, да не будет в попрание, ни в послужение ино», см.: Дмитриевский 1884: 397).

История обряда «сокрушения брачной скляницы», казалось бы, обретает некоторые археологические реалии в материалах раскопок храма в урочище Еди-Евлер. Однако, на наш взгляд, массовые находки обломков стеклянных сосудов перед южным входом в храм хоть и могут быть сопоставлены с «демографическим бумом» на южных берегах Крыма в эту эпоху, но вряд ли количественно сравнимы с семейными парами, обвенчанными на холме Тузлух. К тому же, факт опубликования императором Алексием Комнином новелл об обязательности церковного обручения и венчания (1084 и 1095 гг.) свидетельствует, что и в конце XI в. церковное благословение брака не было повсеместным и было более свойственно византийской аристократии, нежели сельской общине (о подобной ситуации того же времени на новообращенных землях Древней Руси см. канонические правила митрополита Киевского Иоанна: Иоанн 1880: 18, № 1: 30). К эпохе существования церкви в урочище Еди-Евлер относятся лишь первые попытки императора Льва VI (886-912) утвердить социальную значимость Таинства венчания (см.: Meyendorff 1990). Стоит добавить, что согласно нашим наблюдениям, стеклянные сосуды в семидворском храме являлись осветительными приборами. Очевидно, перед нами – археологическое свидетельство естественной «гибели» хрупких изделий в процессе неосторожного обращения.

Итак, в результате проведенного исследования нам удалось, как представляется, установить истоки и причины появления двухапсидных храмов в Таврике в конце VIII–IX вв. – речь, прежде всего, идет о церквях в урочище Еди-Евлер и в Сотере. Говорить о буме возведения двухапсидных храмов в Крыму (Сорочан 2005: 1009-1010) все же не приходится. «Вторая волна» их появления может быть связана уже непосредственно с влиянием итальянской архитектуры.

За двухапсидными крымскими храмами IX в. стоит, по нашему мнению, новая монастырская практика совершения проскомидии в северном компартименте церкви. К этой же монашеской практике относится и появление в храме votivных металлических крестов. Сама идея вынесения проскомидии в отдельный северный объем хорошо вписывается в тенденции архитектуры средневизантийского периода, столичные в своих истоках. В результате основной объем наоса – средоточие Царствия Божия, начинает окружаться дополни-

тельными пристройками, символизирующими окружающую это Царство мирскую жизнь (Hadjityrphos 2006). Одновременно здесь сказались и отмеченная А.Л. Якобсоном и Т. Мэтьюзом «приватизация», миниатюризация архитектурных форм этой эпохи (Якобсон 1983, Mathews 1982).

Появление «монашеской традиции» в Крыму в постиконоборческую эпоху заставляет по-новому взглянуть на тему «иноческой миграции» в Таврику. В свое время, основываясь на не вполне точной интерпретации Жития прп. Стефана Нового (VIII в.), исследователи предположили, что Крым в это время испытал массовое переселение иконопочитателей, представленных преимущественно монахами, которые занимались здесь церковным строительством. Об этом писали В.Г. Васильевский, Ю.А. Кулаковский, А. А. Васильев, А.Л. Якобсон и др. Позднее А.Г. Герцен и Ю.М. Могаричев справедливо показали, что создание пещерных монастырей на полуострове византийскими монахами-иконопочитателями – не более, чем историографический миф (Герцен, Могаричев 1992; новые переводы жития и исследования см.: Auzéruy 1997; 1999; 2007).

Сегодня, опираясь на сделанные в настоящем исследовании выводы, возможно уточнить роль монашества в сложении христианской культуры Таврики IX–X вв. Анализ материалов храма на холме Тузлук показывает, что в это время в Крыму определённо возникали сакральные комплексы, которые принадлежали «монашескому мейнстриму» эпохи и стали во многом господствующими в X–XI вв. Однако в дальнейшем этот «литургический эксперимент» оказался невостребован. В то же время быстрое распространение монашеской культуры в восточных областях Империи показывает готовность византийского иночества к внутренней миссии в ромейском обществе в эпоху сложения новой культурной модели.

Интересно отметить важные параллели между семидворским храмом и некоторыми памятниками Малой Азии, прежде всего в Богазкой (Хаттуса). Весьма вероятная связь общины или лиц, основавших храм, именно с Малой Азией подтверждается и передовыми строительными и ремесленными технологиями. Не отрицая факта активного переселения в Крым общин из других регионов, в том числе из Восточного Причерноморья (Сазанов, Могаричев 2004: 90-92; о социально политической ситуации в Таврике в эту эпоху см.: Майко 2010б: 428-437; Майко 2010а: 266-272; Науменко 2011:

165-187), мы склоняемся в пользу связи местной общины с ромейской культурой. Появление этой общины в Крыму могло быть связано с утверждением фемного строя не только в Таврике, но и в Малой Азии. Новые исследования надёжно соотносят создание фем не только с формированием армейских подразделений, но и с созданием широкой инфраструктуры, в том числе рассчитанной на товарное производство (Brubaker, Haldon 2011: 752-753; Brubaker 2012).

Характерно, что это население практически сразу утрачивает активные связи с митрополией. Среди керамики семидворского храма практически отсутствуют импорты. Лишь в слое разрушения храма найден фрагмент константинопольского белоглиняного поливного сосуда X в., а единственный обломок днища высокогорлого кувшина был помещён в алтаре, что свидетельствует об особом отношении к нему в повседневной культуре. Можно говорить о своего рода «варваризации» греческого населения в Крыму. Однако эта «варваризация» никак не связана с восприятием зафиксированных на холме Тузлук обычаев «народного православия» с его жертвоприношениями и общинными трапезами. Их наличие ни в коем случае не способно охарактеризовать этнический состав местной паствы как негреческий (ср.: Пишулина 2007а; 2007б).

Историко-археологический контекст церкви в урочище Еди-Евлер говорит о вполне цивилизованном христианстве местной общины, для которой были характерны литургические традиции и новшества ромейской культуры, связанные с чином проскомидии, вотивными приношениями и возжжением богослужебного огня. Эти обычаи в целом совпадают с обычаями византийского благочестия (Gerstel, Talbot 2006: 79-100). В дальнейшем их можно будет проследить в континуитете традиции местных вотивов, пусть и в иной форме. Речь идет об уже известных нам серебряных «очах» Панаира (Адаксина 2002: 111, рис.140). Конец религиозно-общинной жизни вокруг храма на холме Тузлук в первой половине-середине X в. естественным образом совпадает с упадком окрестных поселений с некогда активными гончарными центрами. Однако не исключено, что память о храме, воздвигнутом на холме, который традиционно мог восприниматься как священный, сохранялась и позднее, о чем свидетельствуют найденные здесь обломки керамики XIV–XV вв., принесенной кем-то из окрестных жителей на место древнего святилища.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследованный в 2007 г. храм на холме Тузлук, восточном отроге г. Милья – один из выдающихся культурно-исторических памятников среди археологических объектов различных эпох в балке Еди-Евлер, расположенной на юго-восточном склоне Южной Демерджи на побережье Южной Таврики.

В последнее время в результате полевых исследований, предпринятых Горно-Крымской археологической экспедицией КФ ИА НАНУ в 2002, 2006 и 2007 гг. стало возможным, привлекая историко-архивные данные, составить достоверную карту древних памятников этой территории (рис. 3). Удалось выяснить, что балка Еди-Евлер использовалась человеком в эпоху поздней бронзы, раннего железа, а затем и в период средневековья, начиная, по крайней мере, с VII в. (Лысенко, Тесленко 2012). Со второй половины VIII–IX вв. и вплоть до первой половины X в. по обе стороны балки находилось крупное сельскохозяйственное поселение площадью не менее 5 га с двумя гончарными центрами и двумя-тремя христианскими храмами. В 2007 г. археологам удалось исследовать и полностью раскопать один из них. Результаты этих исследований и легли в основу настоящей книги.

В процессе раскопок были выявлены руины каменных кладок двухапсидной церкви. По своим архитектурно-литургическим особенностям эта церковь относится к типу сооружений, которое можно охарактеризовать как двухапсидный храм с разновеликими апсидами, редкому для средневизантийской Таврики. В Крыму двухапсидные церкви немногочисленны и до сих пор считаются уникальными постройками (Лосицкий 2002: 134; Кирилко 2012; 2015). Как уже отмечалось, ни одна из них не имеет абсолютного сходства с семидворским храмом.

Анализ материалов, полученных в процессе раскопок, позволил прийти к важным выводам, касающимся истории самого храма и населения, которое и создало эту церковь.

Храм был возведён примерно во второй трети, возможно – в середине IX в. и прекратил свое существование как место совершения общественного богослужения, вероятно, в первой половине или даже в начале X в. Таким образом, его история насчитывает около 100 (± 20-25) лет. За это время он единожды был разрушен практически до основания и вслед за тем существенно перестроен не позднее 60-80 гг. IX в., что изменило как размеры церкви, так и её планировочную структуру. После еще одного разрушения в первой половине X в. храм уже не восстанавливался.

Изначально для строительства церкви была выбрана плоская вершина хорошо заметного холма, возвышающегося над заселенной частью прибрежной долины.

Место закладки церкви располагалось примерно в 350 м к северо-западу от некрополя VII–VIII/IX (?) вв. типа «Суук-Су», обычно связываемого с так называемыми крымскими готами, и в 150 и 250 м к западу и северо-западу от ближайших участков синхронного храму поселения, которые были обнаружены на восточном, северо-восточном и юго-восточном склонах того же водораздела (рис. 3). Именно здесь и могли проживать люди, собиравшиеся в этот храм для общей молитвы.

В процессе археологических исследований выяснилось, что еще в эпоху поздней бронзы, примерно за две тысячи лет до появления храма, этот холм был выбран для создания культового сооружения – специфического погребально-поминального комплекса или святилища в виде курганообразной каменной насыпи.

Вероятно, использование этого холма в различные эпохи для культовых целей было обусловлено как его доминирующим положением над долиной, так и традиционными представлениями о сакральном характере этого места, которые могли сохраниться в исторической памяти местного общества, несмотря на происходившие в истории процессы смены населения.

Средневековые строители, скорее всего, обратили внимание на каменную насыпь и, вероятно, восприняв её как дополнительное доказательство «святости» выбранного места, преднамеренно поместили на неё центральные камни кладки южной апсиды.

Здание церкви ориентировано апсидами на северо-восток. Азимут его центральной оси составляет около 47°, что примерно соответствует азимуту точки восхода Солнца в день летнего солнцестояния¹. Этот факт можно интерпретировать по-разному, однако нельзя не отметить, что ориентация храма довольно точно согласуется с этим астрономическим явлением. Поскольку горизонт полностью открыт для обозрения с вершины холма, выдержать примерную линию на точку восхода солнца не составляло особого труда.

Было бы неосмотрительно однозначно связывать ориентировку церковных построек со временем их закладки и, соответственно, их посвящением в честь конкретного святого или церковного события, празднуемого в этот день. Однако, с учетом близости азимута к точке восхода солнца 21 июня и предполагаемого отражения в её богослужебной планировке и литургической культуре

¹ На широте храма (44°42'57"с.ш.) ориентировочный азимут точки восхода солнца равен примерно 53° (формулу расчета азимута восхода солнца на любой широте и на любую дату см. напр.: Куликовский 2002: 232; Заграевский 2011). Расхождение в 6° очень незначительно, учитывая вероятное отсутствие у строителей точных измерительных приборов и, видимо, самой цели соблюдения математической точности.

монашеских традиций, предположительно восходящих к столичной практике, нельзя не задуматься о возможном посвящении церкви св. пророку Иоанну Предтече. Воспоминание Рождества этого святого отмечается в восточно-христианском календаре 24 июня, а его почитание было отличительной чертой жизни Студийского монастыря в Константинополе.

Возведение двухапсидной постройки проходило в два этапа, которые условно определены как первый и второй строительный периоды. Изначально был сооружен южный компартимент, представлявший собой прямоугольное в плане здание с полукруглой апсидой и тремя входами – южным, северным и западным. Затем основной объём был дополнен северным компартиментом меньшего размера с собственным алтарным полукружием.

Стратиграфические и архитектурные свидетельства того, что сооруженная на первом этапе одноапсидная постройка могла хоть какое-то время функционировать самостоятельно, отсутствуют. Двухапсидное церковное здание, состоящее из двух разновеликих объёмов, скорее всего, было задумано изначально и последовательно, без существенных перерывов в строительстве, воплощено в камне. Более того, общее благоустройство территории после окончания строительства, связанное с нивелировкой дневной поверхности снаружи храма и внутри северного компартимента, а также ряд ритуальных действий, предположительно связанных с освящением храма и предполагавших одновременное возжжение костров перед входами северного и южного компартиментов храма, свидетельствуют об осознанном завершении строительных мероприятий, результатом которых и стал двухапсидный храм с разновеликими апсидами, двускатным стропильным перекрытием и черепичной кровлей (рис. 1.64; 1.65). При этом южный компартимент был более объёмным, с алтарным возвышением – своеобразной вимой, выраженным в рельефе в виде материковой подрубки. Здесь же, в юго-восточной части храма на границе алтаря и наоса в яме, сооруженной в материке, мог быть установлен резервуар для воды, используемой для церковных нужд, в том числе и в ритуальных целях.

Церковь была оштукатурена изнутри известью и расписана красной краской в виде простого линейного орнамента с включением греческих литер или даже надписей. В северном компартименте следы дополнительного убранства стен не прослежены, однако именно здесь предположительно открыты литургические устройства. Напротив прохода, соединяющего компартименты, непосредственно на полу находился плоский окатанный камень довольно больших размеров с подложенными под него фрагментами керамики, которые были предназначены, вероятно, для поддержания плиты в горизонтальном положении. Предположительно, именно так выглядел литургический жертвенник-протесис в этом сельском храме.

Представляется, что разновеликость апсид, подчеркнутая внешними средствами архитектуры и плани-

ровки самой церкви, определённым образом отражала происходившую в это время реформу проскомидии – начальной части византийской Литургии. Очевидно, именно для приношения молящимися хлеба и вина для Евхаристии и был предназначен северный компартимент церкви. Его уменьшенный, подчиненный размер по отношению к основному южному объёму, где собственно и совершалась Евхаристия, дополнительно указывает на служебный, предваряющий характер действия, которое здесь осуществлялось. Обнаруженные в северной части церкви бытовые предметы, в частности фрагменты амфор и стеклянных сосудов, могут свидетельствовать о приношении богослужебных даров именно в этот храмовый компартимент. Здесь же, как свидетельствуют фаунистические находки, могла совершаться и общинная или семейная трапеза.

Разрушение двухапсидной церкви, которое произошло не позднее 860-880-х гг., могло быть обусловлено как природными, так и антропогенными факторами. В ряду последних стоит предположить неопытность строителей, создавших на основе архитектурной имитации несовершенную конструкцию, кровля которой, к тому же, очевидно, изначально давала серьёзную протечку. В результате этих факторов и без того непрочный грунтовый кладочный раствор еще больше ослабевал, что во многом способствовало происшедшему коллапсу. Вероятно, строители пытались воспроизвести на основе собственных навыков известную им или предписанную заказчиком форму, не имея достаточного опыта возведения подобных монументальных сооружений из довольно хрупкого местного аргиллитового кладочного материала.

При последовавшем вскоре восстановлении полностью руинированного здания в третьем строительном периоде был упразднен северный объём церкви, остатки которого, скорее всего, преднамеренно законсервировали. Допустимо считать, что такая консервация одной из сакральных зон храма, предохраняющая её от профанного использования и тем самым оберегающая святыню, соответствовала нормам богослужебной практики и канонического права восточного христианства, элементы которых можно найти в церковных текстах, близких по времени к периоду существования храма в урочище Еди-Евлер (см., например, предписание митрополита Киевского Иоанна конца XI в., воспевающее какое-либо строительство на месте упраздненной церкви, бывший алтарь которой, как средоточие совершения Евхаристии, подобает «оградить и неприкосновенно хранить, яко свято и честно»: Иоанн 1880: 5-6, №1: 11). Одновременно был заложен проход между компартиментами первоначального храма, возведена внутренняя перегородка и навес над южным входом. В охранительно-магических целях более не используемый проход в церковь был отмечен закладкой двух votивных крестов, помещённых в нижней части заполнения дверного проёма.

Прежнее двухапсидное сооружение превратилось в однеапсидную церковь классического провинциального

облика с нартексом, выделяющуюся в ряду подобных построек лишь наличием двух входов – южного и западного – и навеса над южными дверями, которые становятся основным входом в храм. Очевидно, литургическое новшество, связанное с совершением проскомидии в отдельном северном компартименте, не прижилось в местной общине. Все основные священнодействия сосредоточились у алтаря. Освящение восстановленного храма сопровождалось возжжением большого ритуального костра у южного входа и жертвенной общинной трапезой, что зафиксировано благодаря остаткам кострища и скоплению фаунистических останков.

Следует отметить отсутствие погребений в храме, как на первом, так и на втором этапе его существования. Обнаружено только одно относительно единовременное парное захоронение в 1,75 м к востоку от южной апсиды. Это скорее исключение, чем правило. Средневековые церкви Таврики использовались для погребальных целей достаточно часто. Особенности погребального обряда, прослеженные в одном из захоронений, позволяют сопоставить эти погребения с византийской монашеской традицией.

Связанная с храмом человеческая жизнедеятельность нашла свое отражение в более чем трёх десятках слоев, тщательная археологическая фиксация и дальнейшее изучение которых позволили, как мы видим, детально реконструировать последовательность и характер событий, разворачивавшихся вокруг святилища, а также определить специфику использования его компартиментов на различных этапах функционирования храма.

Материалы из археологических слоев свидетельствуют о многочисленных животных жертвах и связанных с ними общинных трапезах, а также о существовании практики приношения votивных предметов, прежде всего металлических крестов различного облика, которых в храме и рядом с ним было обнаружено не менее тридцати. Типиконы византийских монастырей свидетельствуют об обязательности приношения в храм по субботним и воскресным дням особых крестов в память об усопших и за здоровье живых. Отражением такой поминальной традиции в археологических материалах и могут быть находки металлических крестов в храмовых постройках. В то же время такие кресты могли отчасти служить элементами храмового убранства. Рядом с храмом, благодаря находкам кремнёвых чешуек, образовавшихся при ударе металлическим кресалом по куску кремня, зафиксирован специфический обряд возжжения огня перед богослужением, особенно ярко прослеженный на втором этапе функционирования комплекса, в слоях третьего строительного периода.

Представляется, что характер ритуалов, в частности так и не прижившееся новшество в совершении протесиса-проскомидии, приношение votивных крестов, некоторые особенности погребального обряда, даже ориентация храма могут указывать на истоки этих традиций, связанные с византийским, возможно столичным, монашеством. В результате победы иконопочита-

ния эта социальная группа, традиционно пользовавшаяся большим общественным авторитетом и сыгравшая в этой победе важную роль, приступила к внутренней миссии в византийском обществе в эпоху кристаллизации новых форм христианской культуры.

Вместе с тем археологические данные способны предоставить нам уникальную иллюстрацию к известным по письменным источникам особенностям «народного православия» в Византии. В частности, речь идет о прихрамовых жертвоприношениях и общинных трапезах.

Анализ фаунистических находок указывает на довольно обширный ассортимент храмовых жертв и соответственно разнообразный стол участников трапез, включавший млекопитающих, птиц, рыб, морских и наземных моллюсков. Из млекопитающих предпочтение отдавалось мелкому рогатому скоту (64% определённых зубов и костей), забитому в возрасте до 1 года. На втором месте – останки свиней (16% определённых костных фрагментов) в возрасте 5-6 месяцев и до 2-х месяцев. В небольшом количестве (около 6%) представлены кости трёх особей зайца-русака и, наконец, меньше всего костных останков домашнего быка, которые принадлежат одной или двум особям, забитым в возрасте 1,5-2 лет.

Следует отметить, что наиболее ранние находки костей быка вместе с некоторыми другими фаунистическими останками (мелкий рогатый скот, птицы, моллюски) зафиксированы к западу от церкви в слое, связанном с благоустройством территории вокруг двухкомпартиментного храма после завершения его строительства. Другие фрагменты костей быка были обнаружены в слоях третьего строительного периода к югу от входа в храм. Вполне возможно, что быки обязательно присутствовали в составе жертвоприношений, совершавшихся в связи с освящением храма. Отметим также, что практически все перечисленные животные известны по письменным источникам и данным этнографии, повествующим о прицерковных жертвоприношениях в ареале византийской культуры.

Птицы представлены девятнадцатью видами. Костные останки двух видов, составляющие большинство, принадлежат домашней курице (60,3%) и её мелкой форме (17,9%), причём преимущественно самкам. Остальные виды представлены дикими особями. Среди преобладает дрофа (12,3%). Кроме неё из охотничьих видов присутствуют лебедь-шипун, гоголь, чёрношейная поганка, вяхирь, обыкновенная горлица, коростель, перепел, серая куропатка, кулик-щеголь, сойка, чёрный дрозд и, возможно, полевой жаворонок (от 1,8% до 0,2% каждый вид). Интересны находки костных останков достаточно редких сизоворонки и козодоя, которые, видимо, также были добыты на охоте, а последняя из птиц могла быть принесена в храм из суевверных соображений².

² Кроме млекопитающих и птиц, употребляемых в пищу, отмечено незначительное количество останков естественных обитателей прихрамовой территории, среди которых хомьяк обыкновенный, галка и домовая воробей.

Из морских моллюсков в пищу употреблялись преимущественно мидии (97% останков), другие виды (черноморское блюдечко, устрицы, ирус, венус-петушок, сердцевидка) составляют не более 5% от общего числа идентифицированных фрагментов. Стоит отметить незначительное количество устриц. Возможно, их популяция в здешних местах к IX–X вв. сократилась уже весьма существенно. Не исключено также, что у побережья в районе устья балки Еди-Евлер не было благоприятных мест для их обитания. Из наземных моллюсков преобладают раковины улитки обыкновенной (72,4%). Это единственный вид, который употреблялся за трапезой в местной общине³. Кроме того, идентифицированы кости трёх рыб (1 – осетровая и 2 – окунеобразные) и останки 4-5 каменных крабов.

Учитывая возраст приносимых в жертву млекопитающих, а также особенности сезонной добычи охотничьих видов птиц и обилие моллюсков, можно предположить, что храм должен был посещаться в течение всего богослужебного года. Допустимо, однако, что в меню общинных трапез существовали определённые сезонные предпочтения. Большинство охотничьих видов мигрирующих птиц могло попасть на стол местных прихожан, скорее всего, в осенне-зимне-весенний период. Однако для домашних и осёдлых диких птиц какую-либо сезонность определить сложно. Сезонность в употреблении как морских, так и сухопутных моллюсков также не прослеживается. Было бы неоправданной модернизацией практики церковных постов утверждать, что массовая добыча мягкотелых для общинных трапез происходила, в первую очередь, в постное время. Представляется, что этот вид пищи был вообще широко присущ жителям прибрежных регионов вне зависимости от постной диеты.

Стоит также согласиться с тем, что в эту эпоху в восточно-христианской культуре практиковался пост, основу которого составляла не пищевая диета, а регламентация количества и времени приёма пищи в течение суток, как это и было принято в истории Древней Церкви в позднеантичную эпоху. Однако стоит отметить и парадоксальное отсутствие рыбных костей среди остатков трапезы жителей балки Еди-Евлер на протяжении целого столетия, хотя быт местного населения не мог не быть связан с морем. Очевидно, перед нами остатки не рядовой, повседневной, а праздничной, сакральной трапезы, что предполагало сознательный отбор будущего меню. Рыба, судя по всему, в него не входила.

В рационе этих трапез до двух третей составляло куриное мясо, тогда как петухи на стол практически не попадали. Бык, как уже отмечалось, являлся сугубым исключением, связанным с освящением храма. Овцы, бараны и свиньи тоже должны считаться скорее украшением стола в силу незначительного количества их останков, обнаруженных при раскопках храма. Знакомство с распределением костных останков храмовых трапез по

слоям и периодам жизни храма позволяет заключить, что особенности местного потребления за столетний период не изменились. Трудно определить и место совершения основной прихрамовой трапезы. Возможно, в первый период существования церкви для этих целей использовался преимущественно северный компартимент, что делало практически обрядово нерасчленимым приношение даров для будущей Евхаристии и праздничной пищи для совместного обеда. Во втором периоде основной трапезной зоной становится южная площадка перед храмом. Несмотря на находки костей животных в южном компарimente, как в первом-втором, так и в третьем строительном периодах, стоит признать, что этот храмовый объём в сознании прихожан, вероятно, ассоциировался преимущественно с литургией.

Как уже отмечалось в исследовании, традиция жертвоприношений животных в христианских храмах была распространена на обширной территории византийского культурного ареала – в Малой Азии, на Кавказе, в островной и материковой Греции, других местах расселения греков – вплоть до недавнего времени. Она сохранялась достаточно долго и у жителей Крыма, будучи прервана лишь в связи с переселением местных христиан в приазовские и причерноморские степи в 1778-1780 гг. после завоевания Крыма Россией (Бертье-Делагард 1920: 6-10). Отголоски этой традиции можно заметить даже в местных преданиях более позднего времени (*Материалы...*, л. 22 об).

С учетом обширного круга аналогий, материалы раскопок церкви на холме Тузлух предоставляют уникальную возможность археологического комментария к информации письменных источников и данным этнографии о существовании храмовых жертвоприношений в византийской «ромейской» традиции. В то же время широкое распространение этого обряда как среди греческого византийского населения, так и среди народов Кавказа, существенно усложняет вопрос об этнической принадлежности местной общины. Особенности совершавшегося в храме в урочище Еди-Евлер ритуала, как и планировка церкви, не позволяют однозначно связать его с северно-кавказскими традициями. В этой ситуации более предпочтительной является идентификация местных жителей как ромеев-греков.

Проблему этнической принадлежности как заказчиков и строителей храма, так и местной общины, можно отчасти решить, ответив на ряд важных вопросов с опорой на информацию памятников археологии этого времени, известных в микрорегионе, и данные исторических источников о развитии периферии Византийской империи: когда здесь появляются эти люди, откуда они прибыли, в каком количестве и в силу каких причин?

Интенсивное освоение балки Еди-Евлер, связанное с появлением большого поселения, гончарных центров и храмов в исследуемый период хорошо вписывается в культурную и политическую историю Крыма этой эпохи. Примерно со второй половины VIII – начала IX в. в Южном Крыму впервые наблюдается интенсивное освоение территорий, пригодных для ширококомасштаб-

³ Нельзя также исключать, что какая-то часть найденных улиток могла оказаться и просто обитателями как постройки, так и её руин.

ного сельскохозяйственного производства, одна из отраслей которого – виноделие – носила ярко выраженный товарный характер и была ориентирована на экспорт. Именно в это время в регионе возникают многочисленные долговременные поселения, что, по нашему мнению, стоит отчасти связать с притоком в этот район полуострова нового населения.

На территории современной Большой Алушты известно более трёх десятков археологических объектов этого периода. Наиболее крупными из них являются комплексы поселений с храмами, могильниками и гончарными центрами в долинах рек Ускут (Фронджуло 1968б: 134, 142; Тесленко, Лысенко 2002: л. 6-8; Тесленко, Лысенко 2003б: 271-272; Тесленко, Лысенко 2003: л. 8; Тесленко, Лысенко 2004: л. 46-47; Тесленко, Лысенко 2004а: 303-304), Канака (Фронджуло 1968б: 138-143; Якобсон 1979: 49-51, рис. 1; Мыц, Смекалова, Татарцев 1992: л. 5-23; Тесленко, Лысенко 2002: л. 9, рис. 17-19), Алачук (Суук-Су) (Лысенко, Тесленко 2006: л. 25, 70, рис. 7: 16; 28-31; 48; Барсамов 1926: 185; Паршина *и др.* 2001: 61, № 10), Андюз-Су (Компартиментан-Узень) (Тесленко, Лысенко 2002: л. 9-10; 2003: л. 17), Кучук-Узень (Барсамов 1926: 185; Паршина *и др.* 2001: 61, № 11; Лысенко, Тесленко 2005: л. 28-34, рис. 82-113; Тесленко, Лысенко 2003б: 272), Улу-Узень восточный (Тесленко, Лысенко 2003б: 272; Лысенко, Тесленко 2006: л. 24-25, 67-70, рис. 6: п. 15; 21-25; 45-47), Алака (Веймарн 1947: л. 28; Паршина 2002б; Телиженко *и др.* 2010; Телиженко 2011а), Демерджи (Мыц 1988: 112; Мыц, Кирилко 1991: л. 10-16, 28-32, рис. 14-30; Паршина *и др.* 2001: 61, №№ 13-14; Кирилко 2005а: рис. 3-е), Улу-Узень западный (Сосногорова 1880: 41; Миллер 1888: 133-138; Смекалова, Мыц 1997: 145-146; Тесленко, Семин 1998: л. 63-64; Тесленко, Лысенко 2002: л. 18-23; Телиженко 2011б; 2011в), Чолмекчи (Смекалова, Мыц 1997: 150; Паршина *и др.* 2001: 62-63), Цыкурнын-Дере (Смекалова, Мыц 1997: 150; Паршина *и др.* 2001: 63), Ла-Илья (Веймарн 1947: л. 52-53; Скобелев 1969: л. 301-310; Лысенко, Тесленко 2005: л. 34-44, 124-157, рис. 114-152; Кеппен 1837: 14-15; Тесленко, Лысенко 2004: л. 37-38, рис. 82-83), Какоян-Дере (Тесленко, Лысенко 2004а: 304-305; 2004б: 270, рис. 1-1), Хурбедны-Дереси (Репников 1909: 99; 1935: 199, № 67; Веймарн, Кацур 1952: л. 61, № 61; Тесленко, Лысенко 2005а: 291-292), Аян-Дере Узень (обзор лит. см.: Паршина 1991; 2002а; Лысенко, Тесленко 2006) и «церковно-феодалный комплекс» с оборонительными стенами, поселениями, храмами, монастырями на склонах г. Аю-Даг (см. напр.: Лысенко, Тесленко 2002б).

Следует отметить, что часть этих поселений создается уже в обжитых местах. В частности в балке Еди-Евлер обитало население, оставившее здесь могильник с отдельными элементами погребального инвентаря, характерными для некрополей «типа Суук-Су» (Лысенко, Тесленко 2012: 104-110, рис. 1; 2). Возможно, постепенный процесс интеграции местных жителей и пришлого населения отражен в существовании нескольких разрозненных участков поселения на территории балки (Лы-

сенко, Тесленко 2012: рис. 1). Однако с уверенностью судить об этом можно будет только после проведения здесь масштабных археологических исследований.

Новые населённые пункты в большинстве своем были открытыми и неукрепленными. Они располагались в наиболее крупных долинах как на побережье, так и на средних частях склона, вблизи источников воды. Их площадь иногда достигает 15-27 га. Большинство поселков образовано располагающимися не менее чем в 50-100 м друг от друга жилищно-хозяйственными комплексами, представленными усадьбами, по-видимому, окруженными виноградниками. Дома строились из местного камня с использованием глины как связующего раствора и были покрыты черепицей⁴. К этим усадьбам приурочены гончарные центры с горнами «римско-византийской» конструкции, производившими красноглиняные амфоры, пифосы, фляги, кровельную черепицу, напольную плитку и проч. (Паршина *и др.* 2001: 72-74)⁵. Основная продукция гончарных мастерских использовалась в виноделии: пифосы – для изготовления вина, амфоры – для его транспортировки морем. Судя по находкам крымских амфор за пределами полуострова, основная масса местного вина поступала в хазарские поселения Восточного Крыма, Тамани и далее через Керченский пролив и Азовское море вверх по Дону, на основную территорию Хазарского каганата и в его столицу Саркел (обзор литературы см.: Паршина *и др.* 2001: 76-77; Герцен *и др.* 2006: 399-400; Чхаидзе 2008: 144-151; Науменко 2009а: 43-47).

Одновременно с масштабным сельскохозяйственным освоением пространств в Южной Таврике впервые наблюдается массовое строительство связанных с новыми поселениями каменных церквей базиликального типа. Судя по эпиграфическим данным – плиты с датами 801 и 828 гг. на руинах храмов – в пос. Ай-Василь (ныне массив Васильевка на северо-северо-восточной окраине г. Ялта) и в с. Кучук-Узень (ныне с. Малореченское Алуштинского горсовета) (Петров 1882: 226, 228), наиболее ранние храмы такого типа относятся к рубежу VIII/IX – первой половине IX в.

Таким образом, во второй половине – конце VIII – первой половине IX в. в Южном Крыму массово появляются элементы материальной культуры, несвойственные ранее этим местам: каменное домостроительство с использованием керамической черепичной кровли, развитое технологичное гончарство, товарное виноделие, традиция строительства христианских храмов базиликального типа.

⁴ Не исключено, что здесь функционировали и отдельные специализированные винодельческие комплексы, не связанные с жилищами.

⁵ По мнению м.н.с. КФ ИА НАНУ инженера лесного хозяйства А.В. Лысенко именно в процессе функционирования упомянутых поселений впервые было осуществлено радикальное антропогенное преобразование естественных ландшафтов рассматриваемой территории, в частности сведение лесов под виноградники и на топливо для гончарных печей, что в дальнейшем, вероятно, вызвало эрозию почв и обезвоживание местности.

Такое масштабное и относительно быстрое освоение довольно значительных пространств, очевидно, следует связать с массовым переселением сюда носителей новых для Южной Таврики культурных традиций. Стоит подчеркнуть, что по крайней мере часть переселенцев, судя по надписям 801 и 828 г. из храмов в с. Ай-Василь и с. Кучук-Узень (Петров 1882: 226, 228), пользовалась греческим языком.

Перемещение людей в таком масштабе, было, скорее всего, специально организовано и осуществлено в рамках определённой государственной политики, направленной на усиление позиций в регионе⁶. Безусловно, в рассматриваемый период источником такой инициативы могла быть только Византия, а перемещёнными – подданные Империи из ближайших к Таврике регионов, скорее всего – малоазийские греки. В связи с этим предположением отметим, что практика добровольного переселения греков из Малой Азии на побережье Таврики была известна ранее и даже получила отражение в письменных источниках. Возможно, подобные события упомянуты в Житии свт. Иоанна Готского, созданном в начале – первой половине IX в. (Васильевский 1912б; Auzéry 2006). Дед Иоанна происходил «из так называемого Вона, который расположен возле Полемония Понтийского» (совр. селение Вона близ г. Орду в Анатолии). Он служил «копыеносцем» в византийской армии и по окончании службы, видимо, в начале VIII в., переселился в Крым. Предки святого, судя по именам (Лев и Фотина) были греками. Среди возможных причин такой миграции исследователи называют «неспокойную обстановку на родине, страдавшей от арабских набегов» (Могаричев *и др.* 2007: 192-193).

Очевидно, что эта колонизация проходила мирным путем, вероятно, с ведома обитателей заселяемых территорий и местной администрации и без явного нарушения интересов сопредельных государственных образований, в частности Хазарского каганата, отношения Византии с которым, по мнению исследователей, вплоть до провала хазарской миссии св. равноап. Константина Философа в 861 г. были мирными, что дополнительно подкреплялось династическими браками (см. напр.: Артамонов 2001: 323; Цукерман 2001; Могаричев 2004: 167).

⁶ История знает массу примеров похожих перемещений с подобными целями. Одним из последних, наиболее ярких и относящихся к исследуемой территории, является массовое переселение крымских греков в приазовские и причерноморские степи в 1778-1780 гг. Это событие для истории Крыма важно еще и тем, что, очевидно, одной из целей акции, предпринятой Российской империей под вполне благовидным предлогом защиты крымских христиан от османской угрозы, была ликвидация существовавшей здесь на протяжении тысячелетия Готской епархии Константинопольского патриархата, которая, после планируемого присоединения этих земель к России в 1783 г., должна была оказаться на канонической территории Российской греко-кафолической православной Церкви. Эта превентивная акция была осуществлена путем искусственного отрыва греческой паствы Готской епархии от исторической родины и последующего включения Крыма в пределы Синодальной церкви в виде части Славянской и Херсонской епархий с центром в Полтаве. Самостоятельная Таврическая епархия на территории Крыма была учреждена только в 1859 г.

В результате знакомства со всем комплексом исторических и археологических свидетельств создается обоснованное впечатление, что в это время Византийской империей была осуществлена целенаправленная, прямая и комплексная (военно-политическая, культурно-религиозная и хозяйственная) колонизация региона путем перемещения сюда христиан из Малой Азии, что создавало дополнительный стимул для дальнейшей христианизации населения полуострова. Не исключено, что византийская экспансия в Южной Таврике была своеобразным противовесом активному освоению хазарами восточной части полуострова (см. напр.: Зинько, Пономарев 2000; 2005; 2007; 2009; Пономарев 2003а; 2004; Могаричев *и др.* 2007: 103-166).

Видимо, в русле этой политики во второй половине VIII в. и примерно в конце VIII – начале IX в. были образованы две новые церковные административно-территориальные единицы – Сугдейская и Готская епархии (Бертье-Делагард 1920: 43, 59-65; Герцен, Могаричев 1991; Могаричев *и др.* 2007: 175-182)⁷. С учетом предположения, что епархии могли изначально образовываться помимо прочего и по лингвистическому (этническому?) признаку (Бертье-Делагард 1920: 58), отчасти совпадавшему с территориальными пределами, возможная граница между ними проходила именно по балке Еди-Евлер, где обнаружен самый северо-восточный некрополь типа «Суук-Су» (Лысенко, Тесленко 2012). По мнению некоторых исследователей, эти памятники маркируют пределы населённой «готами» «страны Дори», упомянутой ещё Прокопием Кесарийским в его сочинении «О постройках» (*De aedificiis* III. 7: 10-17; см.: Procopius Caesariensis 1838: 261; русский перевод см.: Прокопий Кесарийский 1939; 1996; см. также: Фирсов 1979; Веймарн 1980; Амброс 1994: 59-65).

Стоит принять во внимание, что почти одновременно, в 841 г., на территории Таврики была создана новая военно-административная единица – фема Климатов, уже в конце 40-х – начале 50-х гг. IX в. преобразованная в фему Херсона (см. напр.: Айбабин 1999: 215-216; Цукерман 1997: 312-317; Науменко 1998: 689-691; Могаричев *и др.* 2007: 217-218), что означало переход Готии, а возможно и Восточного Крыма⁸ под полный контроль Византии.

Археологические источники свидетельствуют о том, что примерно с середины VIII до середины IX в. Южная Таврика превращается в одну из интенсивно развивающихся окраин Византийской империи, чей экономический рост был основан в том числе и на про-

⁷ Справедливости ради отметим, что вопрос о времени образования епархий в исторической науке окончательно не решен (обзор литературы по проблеме см. напр.: Могаричев *и др.* 2007: 177-182).

⁸ На основании анализа сфрагистических данных и исторических источников некоторые исследователи полагают, что к началу X в. фема состояла из 5 военно-административных округов, территориально соответствующих церковно-административным единицам – Херсонской, Боспорской, Сугдейской, Фульльской и Готской епархиям Константинопольского патриархата (Науменко 2007).

грессивных технологиях гончарного производства и товарном виноделии.

Прекращение «винодельческого бума» и упадок сельскохозяйственных поселений в первой половине X в. на территории Таврики, прослеживаемые археологически, практически не вызывают сомнения. На подавляющем большинстве селищ, как характеризующихся преобладанием «провинциально-византийских» черт, так и «тюрко-булгарских» или «тюрко-хазарских» поселениях, потреблявших их продукцию, а также на памятниках со смешанной материальной культурой, до сих пор не обнаружены археологические находки, нижняя дата которых определялась бы серединой – второй половиной X в. (см. напр.: Якобсон 1970: 30-58; Романчук, Омелькова 1979; Науменко 1997; Майко 2004: 284; Могаричев *и др.* 2007: 103-166; Зинько, Пономарев 2009: 81-82; Новиченкова 2002). Это позволяет определить период функционирования большинства жилых и производственных центров в рамках максимум 150 (± 50) лет⁹.

Прекращение жизни на поселениях происходило предположительно не вследствие каких-то катастрофических событий, а напоминало хоть и вынужденную, но мирную миграцию местных жителей. Как неоднократно отмечалось, на многих селищах нет следов пожаров или разрушений насильственного характера (см. напр.: Науменко 1997; Зинько, Пономарев 2000; Майко 2004; Зинько, Пономарев 2009: 81-82; Новиченкова 2002)¹⁰. Причины такого запустения кроются в политической и экономической нестабильности в регионе, приведшей к нарушению стабильных торговых контактов и прежней размеренной жизни. В ряду основных причин исследователи указывают ослабление Хазарского государства, раздираемого центробежными тенденциями, а соответственно и власти каганата на контролируемых им землях, обострение политических и экономических отношений Хазарии, Византии и Руси, выливавшееся в гонения на иноверцев – христиан в Хазарии, иудеев – в Византии, и военные конфликты 900-940-х гг.¹¹, а также усилившиеся набеги кочевников, венгров, а затем печенегов (обзор см.

⁹ Безусловно, какие-то поселения, в особенности расположенные неподалёку от крупных городских центров или в зонах оживлённых торговых контактов, продолжали функционировать несколько дольше, но селища, чье благополучие практически всецело зависело от рынков сбыта вина, пришли в запустение.

¹⁰ Следует отметить, что здесь известны и исключения. Например, следы пожара зафиксированы на поселении на левом берегу р. Бельбек (Романчук, Омелькова 1979: 96-97), в жилищно-хозяйственном комплексе, исследованном в предместье Херсонеса на Гераклеюском полуострове (Яшаева 1999: 354), жилище у развалин византийского храма Кордон-Обы (Баранов 1990: 50), некоторые постройки Судакского городища (Майко 2004: 33). Для более детального изучения вопроса необходимо дальнейшее пополнение источниковой базы и её последующий анализ.

¹¹ В том числе военная активность русов в Причерноморье и на Каспии и их походы на Константинополь, свидетельство чему содержится в русском летописании, и смутные отголоски которых можно увидеть в повествовании «Кембриджского документа» (*Лаврентьевская летопись* 2001: 29-54; Коковцов 1913; 1932; Голб, Прицак 2003; ср.: Толочко О., Толочко П. 1998: 65-66).

напр.: Цукерман 1998; Айбабин 1999: 220-224; Майко 2004: 24-45; Могаричев 2002; Могаричев *и др.* 2007: 221-229; Зинько, Пономарев 2009: 81-82).

Какими бы ни были причины социальной и экономической дестабилизации, археологические источники отчетливо свидетельствуют о том, что в сложившейся обстановке товарное виноделие, лишённое рынков сбыта, потеряло свою прибыльность, а люди, задействованные в этом процессе, оставили свои занятия, отправившись на поиски более спокойных, безопасных и доходных мест для жизни. В этой общественной группе могли оказаться и жители поселений балки Еди-Евлер. Не исключено, что часть их перебралась ближе к городским центрам, а часть могла вновь устремиться в дальний путь в поиске более благоприятных мест обитания.

В настоящее время конкретные свидетельства о характере хозяйственного использования балки Еди-Евлер после середины X в. неизвестны. Много позднее, во второй половине XIV–XV вв. на холме Тузлук, на руинах исследованного нами средневекового храма, возникает небольшая постройка неясного назначения, существовавшая непродолжительное время, объединённое в четвёртый строительный период. Вероятно, тогда же здесь велась добыча строительного камня. Какие-либо свидетельства посещения или использования руин в более позднее время не обнаружены.

В завершение отметим, что настоящая публикация не претендует на то, чтобы разрешить весь комплекс проблем, связанных с причинами и спецификой интенсивного освоения, а затем частичного запустения Южной Таврики, а также со сложной военно-политической ситуацией на полуострове в средневизантийский период. Основная задача настоящей работы, как она видится её авторам, заключается в том, чтобы ввести в научный оборот и как можно более полно представить новый археологический источник, полученный при раскопках средневекового храма в урочище Еди-Евлер и позволяющий осветить лишь некоторые сюжеты жизни обитателей одного рядового провинциального поселения, возникшего в Южной Таврике на северной окраине византийской провинции во время её дружественных отношений с Хазарским каганатом. Прежде всего, добытые раскопками материалы свидетельствуют об особенностях церковной жизни и религиозности местной общины, истоках и трансформации этих традиций, пищевом рационе её членов и отчасти – их материальной культуре, связанной с набором местной керамической и привозной стеклянной посуды, строительной техникой и построением архитектурной формы. И эта задача, смеем надеяться, может считаться отчасти решённой.

Выход в свет этой публикации свидетельствует, что её авторам в определённой степени удалось исследовать, понять и представить эталонный памятник своего времени, не только превосходно вписывающийся в контекст эпохи, но и отражающий зарождение новых богослужебных ритуалов средневизантийского времени и функционирование архаичных традиций «народного

православия» в Византии. Храм в урочище Еди-Евлер не только характеризует религиозную культуру местных жителей из числа предполагаемых переселенцев, но и свидетельствует о возможной роли монашества в формировании этой культуры.

Дальнейшие исследования древностей балки Еди-Евлер, формирующих цельный ландшафтно-археологический комплекс, один из немногих более или менее уцелевших в результате очередного и слабо контролируемого строительного бума на побережье Крыма¹², представляются весьма перспективными. Они помогут выяснить последовательность заселения

и освоения этого микрорегиона представителями различных этнических групп, специфику и хронологию возникновения культовых комплексов, особенности организации и специализации гончарного производства и т.д., что в свою очередь, на примере конкретного природно-исторического объекта, позволит приблизиться к пониманию как некоторых аспектов повседневной жизни, мировоззрения и религиозной культуры обитателей северной византийской провинции, так и общих закономерностей исторического процесса в рамках изменяющейся Циркумпонтийской цивилизации.

¹² К настоящему времени строительством уничтожено около трети объектов в прибрежной части балки. Остальная территория комплекса все еще свободна от застройки и доступна для исследований.

SUMMARY

The collective work presents the study and publication of excavated materials of an archaeologically known two-apse church from the first half of the 9th to the first half of the 10th century at the top of the Tuzluk Hill in the Yedi Evler area, Crimean Peninsula, near the village of Semidvorie (Alushta, Crimea, Ukraine). This sanctuary was linked to the large agricultural and pottery producing settlement that existed in this economically developed and populous region in the second half of the 8th/9th – first half of the 10th century. The settlement was situated 150-250 meters to the east and southeast from the church. Just 350 meters southeast from the church was a medieval cemetery of the “Suuksu” type of the 7th – 8th / 9th (?) centuries existed which was left by the population usually identified as Crimean Goths tribes.

In 2007, an area of around 96 m² was investigated and church ruins and surrounding cultural layer were studied. The stratigraphical analysis managed to identify here 44 archaeological layers or contexts, one medieval grave with double burials, and a Bronze Age cultural place. The study of ruins shows that the sanctuary was rebuilt multiple times. The church consisted of two communicating compartments of different sizes. As for characteristic features, the southern main apse is bigger in size than the northern one, and there was an entrance in the main part of the church through the northern compartment as well as two other doorways from the west and from the south. The western portal of the northern compartment was completely open and no traces of wall masonry here were attested. In contrast to the southern compartment, the foundation of the northern part was cut in natural. The three-layer masonry wall was made of local poor faceted rectangular stones of various sizes. For building mortar, mud solutions with clay loam as a binder element were mostly used. The inside of the southern church walls was plastered with lime mortar, which in some places is preserved *in situ*, and painted with red linear and geometric patterns including letters or even inscriptions that are today illegible. The roof likely had two slopes covered by locally made tiles of different types.

The overall dimensions of the church were: width – 5.60-5.70 m, length - 8.50 m. The thickness of the wall was about 0.7 m. Structure remains are preserved to a height of 0.80 m. Both apses have shoulders connecting apsidal semicircles and walls. The external diameter of the southern apse is 2.13 m. The internal dimension of the southern main compartment is 2.34×4.15 m. The external diameter of the northern apse is 1.20 m, while the internal is 0.63 m. The width in the western part of the northern compartment is 1.34 m, and in the eastern part it is reduced to 1.26 m. The church was oriented to the northeast. The azimuth of its central axis is 47°, which roughly corresponds to the azimuth point of sunrise during the summer solstice for Crimean latitude.

In the first chapter, written by V. Kirilko, the building history of the church and its architectural peculiarities are presented. The double apse sanctuary belongs to the relatively rare type of churches of the Middle Byzantine period that could be described as a two-apse church with unequal apses of different sizes. G. Dimitrokallis (1976), the author of the most representative corpus of double apse byzantine sanctuaries, classified them as “pseudobiconques.” There are some examples of double apse churches in the Crimea (Sotera near Alushta, Sudak, Funa near Luchistoe settlement, Chembalo fortress in Balaklava). Yet, these sanctuaries mainly date back to the 14th century, with the one exception being the Sotera church that belonged to the period of the 8th-10th century, and none of them provides an exact parallel to the church of Yedi Evler.

During the short period of its history, the church was completely rebuilt at least once. The first building period involved the creation of the main southern church with the apse and the three entrances from the west, south and north. It is highly likely that the church was intentionally conceived by priests, *ktitores* or the Christian community as a double apse and two-part building. Immediately after the perfection of the southern church, the additional northern compartment with open western portal and separate apse was added. This part of the church was connected to the main church via a special doorway in the wall dividing the compartment that previously served as the northern entrance to the southern church. In fact, the second building period is distinguished only theoretically as a final step in the construction of the church. The chronology of the first two periods of the building's history, based mainly on the study of pottery and ceramic materials from the complex, dates back to the first half of the 9th century, or more precisely the second-third to the middle of the century.

After a short period the church was completely destroyed, most likely due to inadequate construction works or an earthquake. The third building period is determined as 860-880s, when the sanctuary was rebuilt and reconstructed. After reconstruction, the northern compartment was buried by earth and ruined stones and preserved according to canon law practices for unused sacral Christian objects. In the third building period, the northern part was not active as a liturgical zone. The sanctuary became an ordinary rural Byzantine one-apse, one-nave church. A narthex was constructed in the eastern part of the sanctuary. The doorway between the southern and northern parts was closed off by wall masonry. During the third building period, only two entrances — the southern and western — were still active. The main entrance was the southern one, which was added by a wooden apprentice. After the second deterioration of the church in the first half of the 10th century, no more reno-

vations were carried out. The ruins were reused by the local population for ordinary purposes no earlier than in the second half of the 14th – 15th century, as pottery fragments from the ruins show. Most probably, the narthex and apse were used at this time as a temporary living structure in what is regarded in the chapter as the fourth building period. The author proposes graphical reconstruction of the sanctuary according to fourth building periods and shows architectural parallels to this building among contemporary churches of the Northern Caucasus and Minor Asia.

Chapter two, author I. Teslenko, deals with the stratigraphy of the site and description of archaeological layers. The analysis of excavated materials provided in the chapter allowed for the presentation of all steps of anthropogenic activity on the Tuzluk Hill from the Bronze Age to modern times. The description of materials is organized by archaeological layers, with general characteristics of different finds included. Every layer inside and outside the church is attributed to a corresponding building period. A hypothesis on the formation of each layer and its causes are also given. The most important layers are linked to two dilapidations of the church, and some of them are attributed to regular liturgical life and different rituals practiced in and around the sanctuary. Several layers may be left from construction and reconstruction works. A detailed description of the archaeological finds and a cultural and liturgical interpretation of structures, layers and bones are given in the next chapters.

In the third chapter, I. Teslenko provides an analysis of ceramic and pottery materials from the church. During the excavation, 2,589 fragments of roof tiles and *kalypters* (55% of all ceramic materials), 637 fragments of kitchen and table wares (13.5%) and 1,485 pieces of *pithoi* and *amphora* (31.5%) were recorded. Among them 9 intact rectangular roof tiles that were still preserved and 5 *kalypters* can be fragmentarily reconstructed. Several tiles have a construction sign or craftsmen marks as tridents and Greek letters «λ», «ρ», «π» «B», «V». A theoretical estimation on the number of tiles, including *kalypters* for covering the roof, has been done. The amount is between 374 tiles / 376 *kalypters* and 396 tiles / 397 *kalypters* in the second and third building period respectively. Accordingly, in the second period the weight of the roof was about 3893-3897 kg, for the third period – 4118-4122 kg.

Nearly all excavated ceramic materials came from local production. The author lists the characteristics and provides a description of clay pottery and ceramic items, which show two craftsmen traditions. The first one emerged locally and is characteristic of primitive treatments, the use of a hand pottery wheel and unsatisfactory baking. The second craftsmen tradition reflects well-organized, high-technology commodity production oriented on the external wine trade. It is presented specially by amphora. Today, there are more than 40 known pottery workshops with high-technology kilns in the southern part of the Crimean peninsula. Such a pottery tradition was most likely brought here in the 8th – 9th century from Minor Asia. The author discusses chronologies of various types of local pottery, particularly amphora, and she

makes comparisons to groups of amphora known from different regions of the Byzantine World. Local amphoras are presented by so-called “Black Sea type” (second variant), which was produced until the mid-10th century, according to the author. At the archaeological site, only two fragments of imported pottery have been recorded: the bottom of a high neck brown clay jug with wide flat handles, no earlier than the mid-9th century, and a fragment of Glazed White Ware II, according to J.W. Hayes, from 10th century Constantinople. The kitchen pottery which were in use in Khazar kaganate is also absent. Ceramic finds in the church date back mainly to the end of 8th – 10th century; only several fragments of two red glazed sgraffito bowls and one fragment of a brown unglazed pot come from the 14th – 15th century.

The fourth chapter presented by I. Teslenko and A. Musin describes and studies the collection of glass lamp fragments (342 items) that are partially not identified. The bulk (91%) of the lamps comes from the third building period and is concentrated near the southern entrance to the church, where the liturgy should start. Precisely within the same zone, micropieces of flint made by strike-a-light for making “liturgical fire” were recorded, and kitchen and bone remains from community meals were also attested. Glass lamps are presented by two main groups: polycandellon or beaker-shaped lamps with hollow stems, and single lamps with handles on the rim. All lamps have close parallels among glass finds from other Middle Byzantine sanctuaries, for instance, Myra-Demre in Turkey, Thessaloniki in Greece, Chersoneses in Crimea, etc. The glass is mainly colored light green and blue. A slowly increased percentage of potassium oxide recorded by optical emission spectroscopy may point to glass production centers in the southeastern part of Asia Minor or Levant.

Chapter five, written by A. Musin, analyzes and classifies metal crosses found in the church. The excavation recorded at least 30 crosses and their fragments. Crosses were used throughout the entire period of the church’s existence. Crosses are regarded as an *ex-voto* offering. Most of them were concentrated in the altar zone of the sanctuary and near the southern entrance to the church. Two crosses were put in wall masonry that closed the doorway between the northern compartment and the main church during the third building period, evidently with apotropaic magic purposes. Presumably, crosses were suspended on the church wall or on elements of the church’s interior, or inserted in them. The corpus of crosses is divided into five typological groups. The main group consists of iron crosses with an extended lower branch made of two plates connected with a rivet that derived from individual processional crosses and turned in *ex-voto*. Some crosses with splayed arms were cut from thin sheet-metal, including copper alloy and probably silver, and decorated with punch ornamentation. Two crosses were made of silver coins: Umayyad dirham (661 – 750 AD) and imitation of Arab-Sassanian half-drachma of the Sassanid king Kosrou II (590 – 629 AD).

The two last groups of crosses can be compared to the crosses of the type 1.2.2 according to J. Staecker found in

Early Rus' and Scandinavia in the 10th – 11th century, especially known to be in graves in Birka (Sweden), Gnezdovo near Smolensk, Timerevo near Yaroslavl (Russia), Kiev, Iskorosten (Ukraine) and other political and economic centers of the formation of early medieval states in Russia and Sweden. Several scholars have insisted that the crosses have an Anglo-Saxon origin and appeared in Sweden around 930 – 940s AD with the mission of bishop Uni from British Islands. However, after the Yedi Evler excavation, the Byzantine origin of these crosses is quite clear. Crosses from Eastern and Northern Europe may have been created using a Byzantine example or brought directly from this region in several cases. During the cultural transformation of the Christianization period, crosses that initially belonged to liturgical public culture were turned in barbarian society into private devotion objects and used as an element in burial customs.

Nearly all crosses found in the Yedi Evler church have parallels in other regions of the Byzantine Empire and the neighboring region in the Black Sea coastland, Mediterranean, Asia Minor, Northern Caucasus and Balkans. Such *ex-voto* crosses illustrate a special feature of post iconoclastic culture in the beginning of the Middle Byzantine period, as well as large distribution of personal reliquary-crosses of the end of the 9th – 11th century. However, prior to becoming an *ex-voto* offering in church interior, both types of crosses were generally used in private Christian devotion. It is largely accepted that the 9th – 11th century was a period of increasing individualism, social atomism and growing emphasis on personal piety. With that in mind, individual crosses were evidence of the new post-iconoclasm Orthodoxy as a manifestation of personal activity in church life and a sign of the victory of polis community tradition over imperial tyranny.

The process of donating personal crosses to churches should be regarded as a special way of reconciling personal devotion with the liturgical needs of the local community encouraged by Church hierarchy. The present hypothesis is confirmed by information in the Byzantine Monastic Typikons, especially that of Empress Irene Doukaina Komnene for the Convent of the Mother of God *Kecharitomena* in Constantinople founded between 1100 and 1118, which prescribed that each Saturday laymen would offer crosses-*stauria* in the sanctuary for the commemoration of the deceased, and that other crosses must be brought similarly each Sunday on behalf of the living who are recorded on the diptychs. Crosses from the Yedi Evler church and in other cases should be regarded as an archaeological illustration of such a ritual.

Other small finds from the church like nails, chain links for the suspension of lamps, fragment of bronze wire, lead plates from a wick holder, buttons of bronze, small green glass beads, and an iron arrow-head characteristic of Eastern Europe military culture in the 10th/11th – 13th century are described and analyzed in chapter six by I. Teslenko. Two amulet-pendants found in the church that are made of clam shell of *Cerithium vulgatum* and tooth of deer of *Cervus*

elaphus, which could also be offered in the sanctuary as *ex-voto*, are presented in chapter seven by G. Gavris and I. Teslenko.

Chapters eight to twelve compiled by G. Gavris, V. Logvinenko, and S. Leonov deal with bones and faunistic remains including birds, mammals, fishes, marine mollusks, and land snails recorded during the excavations. As a result, information is exhausted on the repertoire of animal sacrifices, a normal practice in rural parish Byzantine churches, and the composition of church festive meals has been determined.

Among 139 identified bones of mammals, 64% belong to *Ovis aries* and *Capra aegagrus hircus*, 16% to *Sus scrofa domestica*, 6% to *Lepus europaeus* and 2% to *Bos Taurus*. Birds are presented with 148 individuals of 19 species, including 78% of *Gallus domesticus* and *Gallus domesticus sm.* and an insignificant quantity of bones of *Otis tarda*, *Cygnus olor*, *Perdix perdix* etc.

It is quite interesting to note that fishes are nearly absent from the collection, and consequently, on the table of parish men who lived along the sea coast, only 13 bones of *Acipenser gueldenstaedtii* and *Perciformes* were recorded. Evidently, bones from the excavation present the remains of a festive meal and not an everyday diet. However, shellfishes are recorded here in 1900 fragments of *Mytilus galloprovincialis* (95% of mollusk) and a small number of *Patella ulysiponensis* and *Ostrea lamellose*. *Eriphia spinifrons* presented in 4-5 individuals should also be noted. Terrestrial gastropods mollusks are mainly presented by *Helix albescens* (72.4%), *Monacha fruticola* (24.2%) *Chondrula tridens* (3.2%), and only one shell of *Brephulopsis cylindrical*. Some remarks on the distribution of animal bones in the excavated complex will be provided in the following chapters.

In chapter thirteen, I. Teslenko proposed and argued the chronology of the site based mainly on pottery analysis. Coins from the 7th – mid-8th century that were used for the manufacturing of crosses give only large *terminus post quem* for the church building. Amphora with small horizontal multiple grooves on the surface well-known in Crimea not later than the beginning - first half of the 9th century are not recorded among the excavation materials; so the beginning of the church complex must date back to the second third-middle of the 9th century. The find of the fragment of a high neck jug with wide flat handles in layers of the second building period, and their absence later on, puts the date of the rebuilding of the church at 860-880 AD. The presence of local "Black Sea type" amphora of the second variant and the absence of forms similar to amphora of types I and IIb according to N. Günsenin allow to propose the first half – mid of the 10th century as the final stage of the church's existence and that of surrounding settlements. Another find is the fragment of Glazed White Ware II, dated no earlier than the beginning of the 10th century. The history of the church actually spans about 100 (± 20-25) years.

Chapter fourteen by A. Musin discusses liturgical rituals practiced in the sanctuary against the large background of

Byzantine church culture and shows parallels from related territories. To explain the meaning and origin of the two unequal apse church building in the Yedi Evler area, the author provides a thorough account of the phenomenon of double apse churches with unequal apses from Transcaucasia and the Northern Caucasus through Asia Minor and the Greek Islands up until biapsidal churches were recorded in medieval Italy in the 9th – 13th century. As a result, a conclusion has been made that the Mediterranean World did not have a unique genesis of double apse churches. Late Antiquity churches with two symmetrical naves and apses cannot be regarded as a direct prototype for the Yedi Evler church and related building. The architecture of Transcaucasia and the Northern Caucasus sometimes gives similar features, for example Mgvimevi, Georgia, the end of the 13th century, but all of them were built later than the monument under consideration.

The “pseudobiconques” churches with a reduced northern apse are also known in medieval Italy and Corsica of the 10th – 12th century (see for example: San Venerio, La Spezia-Migliarina, Liguria; San Tommaso al Poggio, Rapallo, Liguria; Santa Maria della Chiappella, Rogliano, Haute-Corse; Santa Maria di Sibiola, Serdiana, Sardegna). However, they hardly could be a source of inspiration for builders of the Yedi Evler church for cultural and chronological reasons. The Italian architecture of the “chiese biabsidate” did, however, deeply influence the appearance of two apse churches in Crimea and Muscovite Russia in the end of the 14th – 15th century. Nevertheless, early Italian two apse sanctuaries, especially with different apses and an additional northern entrance, could initially reflect the same process of the change of liturgical planning as in the Yedi Evler church.

It should be acknowledged that “pseudobiconques” churches are not very characteristic for the Greek Island. Some indirect parallels can be seen in the planning of the church of St Spyridon – Panagia Protothroni Halkia, Halki, Naxos Island; church of St Pantaleon, Kotraphi, Peloponnesus; church of St Athanasius, Phaturu, Patmos Island; church of St Athanasius, Phaturu, Patmos Island. In all cases, it is difficult to say whether the additional reduced compartment was initially intended for this or that particular liturgical ritual. It is quite possible that both naves were used for the Eucharist. However, in the Middle Byzantine period, the appearance of double churches of Sts John and George, Sarakini, Samos, and the Monastery of St John Chrysostomos at Koutsovendis, Cyprus can be attested. The double apse church was renewed in the 10th century in Üçayak, near Kirşehir, Central Anatolia, Turkey. The most notable fact is that the high density of two apse middle byzantine churches, including the “pseudobiconques” sanctuaries, is known to have existed in the ancient Pont province and near Trabzon, Turkey, for example in Koralla, Görele Burunu fortress or Gantopedin fortress (Matzouka, Zana Kale), Labra, Maçka Dere, near Köprüna Köy. This region always had direct ties with the northern Black Sea coast and Crimea during Antiquity and Middle Ages.

At the same time, the closest parallel to the Yedi Evler church can be seen in the 10th – 11th century double apse church in the Upper City of Middle Byzantine settlement in Boğazköy (Hattusa, Asia Minor), Turkey, excavated by P. Neve in the early 1980s. At the small northern compartment that served as the principle entrance in the southern main church, obviously meant for the Eucharist, a considerable number of metal *ex-voto* crosses was recovered. The combination of such features attested both in Yedi Evler and Boğazköy and the chronological coincidence cannot be accidental.

The author argued that different liturgical functions of two church compartments and the subsidiary role of the northern part may be stressed by their sizes and architectural volumes and expressed in the exterior of churches in an architectonic way and by means of architecture. An additional means of special organization of two parts of liturgical space involved the arrangement of a separate doorway to the main church *via* the northern compartment as a supposable place of initial worship rituals.

Such a change in liturgical planning finds its possible explanation in the reform of *Prothesis/Proskomedia*, which took place in Middle Byzantium during and right after the iconoclasm period. The *Euchologion Barberini gr. 336*, the oldest Orthodox liturgical book of the end of the 8th century, reported the appearance of the first priest's prayer for the preparation of bread and wine as gifts for the Eucharist. There was a time when the clergy and monks established control over the expression of community and individual piety within the bringing of liturgical gifts. The chapter argues in support of a hypothesis on the *Prothesis* function established in the northern compartment in Middle Byzantine churches with two unequal apses such as Yedi Evler, Sotera, Boğazköy, several sanctuaries of Pont and Trabzon, etc. as a materialization of church reforms at that time. It is quite possible that contemporary Italian churches with two unequal apses were also influenced by the same architectural and liturgical innovation in the beginning of the Middle Byzantine period, especially since the *Euchologion Barberini* is a manuscript of southern Italian provenance, which reflects, however, practices of Constantinople. Architectural studies let us assume that initially, for a newly performed ritual, the northern annexes or nave of church could be reserved, but later such liturgical planning innovation did not catch on in church practice. Both pre-anaphora and anaphoric rituals were concentrated in the altar zone.

The architectural implementation of the *Prothesis* reform could be reflected in another way, for example, in the construction of rectangular annexes to Middle Byzantine church as monastery Kisleçukuru, Antalia, and in İnişdibi fortified settlement, Istlada, near Kekova – Myra/Demre, both in Turkey provide examples. In fact, the Middle Byzantine period is generally characterized by the rising of additional architectural volumes and a compartment around the main church building within the multiplication of liturgical rituals and “Privatisation” of Liturgy.

As proof for the given hypothesis, a find of liturgical equipment in the church can be added. At the central part of the northern compartment just opposite the doorway to the main church, an almost rhomboidal flat stone with dimensions of 0.5×0.7 m (weight 75 kg) was attested. Its horizontal position *in situ* was fixed by two roof tiles and fragments of amphora. A considerable number of pottery and glass fragments was concentrated around the stone, as well as some animal bones. At the east end of the northern apse, the bottom of *pthos* and fragmentary sheep skull were also recovered, which indicate some unknown ritual. It is quite possible that such flat stones laying directly on the church floor and serving as the *Prtothesis* table for offering liturgical bread and wine were typical for rural Byzantine churches, as the information of *Pratum spirituale* by John Moschus suggests.

No remains of the altar table or distinct elements of the altar screen were recorded during the excavations. This implies that the Holy table in the church could be made of wood and the altar screen existed as a cloth curtain or *katapetasma*. However, the altar zone was separated from the naos by a terrace cut in natural as a kind of *bema*. Near the *bema*, there was a pit, most likely for a water reservoir used for church needs and ritual purification purposes. Beside this pit within the altar zone, several roof tiles were stocked as a special construction associated with finds of metal crosses and glass lamp fragments that may be regarded as an element of an unpreserved altar barrier.

Such liturgical elements as the offering of *ex-voto* crosses and new arrangement of the *Prothesis* ritual may suggest a monastic influence in the area. Additionally, this possibility is confirmed by some features of burial custom of the grave excavated near the church to the southeast from the main apse, i.e. the fixation of the head of one buried *senilis* man with the help of small stones or a special head-support known in the practice of Mont Athos monasteries and in the Typikon of Studios monastery in Constantinople. This observation allows for a revision of the role of Byzantine monasticism in the development of Crimean Christian culture of the iconoclasm and posticonoclasm period, especially since an erroneous hypothesis on the “mass migration” of Byzantine monks-iconodoules to the Crimean peninsula based on an uncritical review of the information of the Life of Saint Stephen the Younger has been abandoned after new research.

However, rituals practiced in the Yedi Evler church were linked not only to monastic practices but also to popular Christianized rituals, as finds of animal bones in and around the church suggest. Without a doubt, these kitchen remains testify to animal sacrifice and parish community or family festive meals organized in the church. The finds of ox remains, an animal usually offered as a sacrifice in rural Greek communities during sanctuary consecration, near the western and southern entrances to the church may refer to rituals of dedication of the church after its construction and reconstruction in the second and third building periods. Other bones and faunal remains are relatively propor-

tionally spread out in the church complex. It is difficult to determinate where exactly the common meals took place. Most likely, during the first period of church life it was the northern part of the church; the joint offering of gifts for the Eucharist and ordinary meal in the same place near the flat stone in the northern part of the church shows a kind of syncretism of liturgical and popular rituals. During the last period, when the northern compartment was buried according to canon law postulates the main part of the kitchen remains was concentrated near the southern entrance to the sanctuary.

The practice of animal sacrifices and parish meals was largely in use in Byzantine popular religion, or so-called “parish Orthodoxy.” In spite of prescriptions against such practices, which can be found in canon law, it was regarded as a norm in society, and even hagiographical texts, for example, the Life of Saint Nicolas of Sion in Asia Minor, tell about such rituals without any fulmination. Rituals of animal sacrifices are also known in the North Caucasus, Transcaucasia, and the Balkans and are still preserved in ethnographic practice until the beginning of the 20th century and on several territories up until the present age. For example, in the Farassa area, Cappadocia, modern Feke, Adana Province, Turkey, in the Greek parish the ritual of animal sacrifices was recorded in the church opposite the main altar on a big stone. This parallel may suggest that the flat stone in the northern part of the Yedi Evler church, apart from its *Prothesis* function, could have also served as archaic sacrifice.

The remains of rituals of church consecration are also known from the excavations. They have been attested thanks to one-time concentrations of charcoals and fireplaces as well as kitchen remains opposite to the entrances of the sanctuary. For the first church consecration, three fireplaces were recorded to the north, west and south of the church. The second consecration left one fireplace to the south from the church according to the position of the main doorway during the third building period.

Within the last zone, micropieces of flint made by strike-a-light were found. It is obvious that there was a special place here for making ‘liturgical fire’ before the beginning of office of vespers. Evidently, the celebration in the church was not conducted every day, but on special days including Feast and Sunday Liturgies. Today the ritual of making new fire before offices is still preserved in Latin and Greek parish life, only on the eve of Easter Day when the liturgical light for the ceremony is normally lit from a bonfire burned outside the church. In Russian and Ukrainian Orthodoxy, such practice has been abandoned. A specific derivate of such practices is the ritual of ‘Holy Fire’ in the church of Holy Sepulcher in Jerusalem on Great Saturday, the day before Orthodox Easter, presented in mass mentality and church propaganda as a miracle. However, the practice of making ‘new’ or ‘holy’ fire, especially at the beginning of spring, is well known thanks to ethnological research in Western and Central Europe, and relations between church rituals and folklore customs are difficult to establish. Multiple fragments of glass lamps in the same zone hardly refer

to any rituals, nor do presented remains of lamps accidentally broken during manipulation. Only one church custom that involves the intentional breaking of wedding glass cups of wine was first attested in the *Euchologion Paris. Coislin. 213* in 1027 AD. However, until the 12th century, the church blessing of wedding was practiced in the aristocratic milieu and was not very widespread in rural society.

In sum, the local parish community had enough cultivated level of religious life and combined innovations of liturgical mainstream of Byzantine society issued from cultural centers and archaic practices belonging to the provincial rural population.

The conclusions presented by I. Teslenko and A. Musin summaries research results and give future perspectives. For the first time in the history of excavations of Crimean medieval churches, thanks to careful digging and field fixation, architectural archaeology managed to record many liturgical features and everyday life elements characteristic of Byzantine rural churches. It allowed for determining a characteristic of the material culture of the local population during the “demographic boom” and establishing of *themata* administrative division in Byzantine Empire in the 8th – 9th century. Church planning kept the very important step in the development of the initial part of East-Christian Liturgy as ritualisation of *Prothesis*. Archaeological contexts preserved intact bones of animal sacrifices and community meals appropriated to Byzantine popular religion, traces of making of ‘holy’ or liturgical fire as micropieces of flint made by a light-a-strike, and *ex-voto* offering in the form of metal crosses, and amulets pendants that at the same time could serve as interior church decoration. Such finds allowed us to establish byzantine origin of several types of Christian devotional crosses pendants from the 10th – 11th century originated from the territories of Early Rus’ and Scandinavia. The church in Yedi Evler is an example monument of the Middle Byzantine period for the study of liturgical devotion, rural sacral architecture and everyday life of provincial settlements, which should be useful for the understanding of both Crimean medieval culture and the history of other parts of the Byzantine World.

The study of the Yedi Evler church permits us to draw some conclusions about the historical development and cultural situation in the southern part of the Crimean peninsula at the end of the 8th – mid 10th century. The material culture of the local population known from the result of the church excavation and investigation of surrounding settlements and pottery workshops suggests important innovation, such as stone housebuilding using roof tiles, high-technology pottery production with very effective

kilns, winemaking oriented to local and long distance trade, and ecclesiastical architecture of basilica-type parish churches. All these improvements were previously unknown for the autochthonic people, which may be indentified to the Crimean Goths. The settlement archaeology in the area shows that the above-mentioned innovations were brought here with the wave of mass migration, and newly-established residences of the new population existed quietly side by side with previous habitations. This situation may demonstrate the process of mutual integration and even acculturation of autochthonic people in higher organized society. Most likely, the main group of migrants came from Asia Minor and brought the mentioned traditions of Byzantine-Rhōmaios civilization, including high technology in pottery and liturgical innovations reflected in ecclesiastical architecture and devotional practices.

Undoubtedly, the colonization of the southern part of the Crimean peninsula was organized by the administration of the Byzantine Empire in the framework of the establishing of the *themata* system. The *theme ta Klimata* in this area was constituted in 841 AD, and later in the 850s it was reorganized in the *theme* of Chersoneses. In the same vein, the new church administration was established here. The region under question had probably been included in the metropolitan of Ghotia or Doros, whose eastern border separating it from another one new diocese of Sougdaia or Sourozh, now Sudak, was exactly across from the Yedi Evler valley. The Goths diocese is referred to as “a certain region along the coast there called *Dory*,” mentioned by Procopius of Caesarea in his panegyric on the building activity of the emperor Justinian *De Aedificiis*.

The chronology of pottery materials suggests that the church in Yedi Evler and the local agglomeration, as well as a considerable part of settlements in Southern and South-Western Crimea, ceased to exist at the same time in the first half of the 10th century. Such a social collapse may be linked to the politically unstable situation in the area caused by the conflict between the Byzantine Empire and Khazar kaganate and active military raids of the Rus’ from the Middle Dnieper area to the Black Sea and Caspian Sea regions, Asia Minor and Constantinople. The local population moved to more secure regions or fled behind city walls for protection.

This publication is supplemented by appendixes with catalogues of finds of various categories including metals, glass, and faunal artifacts (I. Teslenko, N. Turova), pottery, ceramic and stone materials (O. Ignatenko, I. Teslenko), architectural elements (V. Kirilko), find of Bronze Age period (I. Teslenko), description and results of optical emission spectroscopy of glass finds (A. Egor’kov) and study of flint finds (V. Chabai).

Translated by A. Musin
Revised by A. Quinn

РЕЗЮМЕ

Колективна монографія присвячена дослідженню та публікації матеріалів розкопок двохапсидної церкви IX – першої половини X ст. на пагорбі Тузлук в урочищі Єді-Євлер, поблизу с. Семидвір'я (Алушта) в Криму. Цей храм був пов'язаний з великим сільськогосподарським поселенням VIII/IX – першої половини X ст., що спеціалізувалося на гончарному виробництві та виноробстві.

Церква була зведена приблизно в 350 м на північний захід від некрополя типу «Суук-Су» VII–VIII/IX (?) ст., залишеного населенням, яке співвідноситься з «кримськими готами», і в 150-250 м на захід і північний захід від найближчих ділянок синхронного їй поселення (рис. 3).

У 2007 р. на площі близько 96 кв. м археологічної експедицією під керівництвом І.Б. Тесленко були досліджені залишки двохапсидного храму зі складною будівельною історією, одна могила з подвійним похованням, культовий комплекс епохи пізньої бронзи і більше трьох десятків культурних нашарувань. Двохапсидні церкви дуже рідкісні для середньовічної Таврики і жодна з подібних споруд не має абсолютної схожості з храмом в Семидвір'ї.

Церква складалася з двох суміжних компартиментів, які сполучалися між собою та мали самостійні входи із заходу і півдня. Тришарові мурування споруди виконані з бутового каменю різного розміру на грязьовому розчині з використанням материкових суглинків для в'язкості. Зсередини стіни були поштукатурені вапняним розчином, який місцями зберігся *in situ*. Дах, найімовірніше, був кроквяний на два скати з черепичною покрівлею. Церква орієнтована апсидами на північний схід. Азимут її повздовжньої осі становить близько 47°, що приблизно відповідає точці сходу Сонця в день літнього сонцестояння для широти Криму.

У першому розділі, написаному В.П. Кирилком, викладена архітектурна історія пам'ятки. Протягом недовгого існування церква двічі перебудовувалася. Спочатку було зведено основний об'єм храму у вигляді прямокутної будівлі з напівкруглою апсидою і трьома входами – з півночі, заходу і півдня (перший будівельний період). Невдовзі після цього з'явилася північна прибудова з власної апсидою та окремим входом до наосу (другий будівельний період). Швидше за все, церква з самого початку планувалася як двохапсидна споруда з двома компартиментами. Час її функціонування визначається другою третиною – серединою IX ст.

Згодом будівля була повністю зруйнована, можливо, через неякісне будівництво або в результаті землетрусу. У 860-880 рр. храм відновили у межах південного компартименту. Залишки північної частини церкви

засипали землею і законсервували. Таким чином, попередня споруда знову перетворилася на прямокутну в плані одноапсидну церкву класичного провінційного вигляду, що в порівнянні з первісною вирізнялась виокремленням нартексу, появою дерев'яного навісу з південного боку та меншою кількістю входів – двома, західним і південним. У такому вигляді храм проіснував до першої половини X ст. (третій будівельний період).

Після другої руйнації, що сталася не пізніше середини X ст. храм вже не відновлювався. Його руїни були знову використані місцевими жителями не раніше другої половини XIV–XV ст. (четвертий будівельний період). В цей час тут виникла споруда незрозумілого призначення, при облаштуванні якої були використані залишки південної та північної стін і апсиди колишнього храму. Автор пропонує графічні реконструкції церкви на кожному з етапів її існування і вказує на паралелі в архітектурі та храмових обрядах серед пам'яток Північного Кавказу, а також на можливі малоазійські витoki архітектурної традиції.

Другий розділ (автор І.Б. Тесленко) присвячений характеристиці стратиграфії і культурних відкладень пам'ятки. На підставі аналізу отриманих при розкопках матеріалів виділено кілька етапів діяльності людини на пагорбі Тузлук – від часу появи тут перших культурних об'єктів в епоху пізньої бронзи до сьогодення. Запропоновано реконструкцію подій, що відбувалися навколо храму, визначено специфіку використання його компартиментів на різних етапах функціонування церковної споруди, детально описані археологічні шари і наведена загальна характеристика знайдених тут предметів, які докладно аналізуються в наступних розділах.

У розділах з третього по сьомий (автори О.Є. Мусін, І.Б. Тесленко і Г.Г. Гавриць) проаналізовано виробу з кераміки, скла, металу, каменю, підвіски з мушлі морського молюска і зуба оленя. Авторам вдалося визначити кількість і функціональне призначення різних артефактів в процесі богослужіння.

При розкопках знайдено 2589 фрагментів будівельної черепиці, 637 фрагментів кухонного та столового посуду і 1485 фрагментів піфосів і амфор. Вдалося реконструювати 9 цілих керамід прямокутної форми та 5 каліптерів. Встановлено, що в церковному побуті використовувалося як мінімум чотири групи гончарних посудин, серед яких більшість належала продукції місцевих гончарних майстерень, що наслідували ромейсько-візантійським традиціям. Знайдений лише один фрагмент білоглиняного полив'яного глека, виготовленого в Константинополі в X ст.

З освітленням храму пов'язана колекція уламків скляних лампад різного походження, металевих фрагментів,

що служили для підвішування посудин і кріплення гноту, крем'яних знахідок, що залишилися від видобування вогню за допомогою кременю і кресала. Знайдено 342 фрагменти скла не менше ніж від 30 посудин. Невеликі уламки та луски кременю загальною кількістю до 253 од. зосереджені переважно перед південним входом до храму. Тут також виявлено значну кількість фрагментів скляних виробів і сліди багать. Ці обставини безсумнівно свідчать про регулярне здійснення ритуалу запалення вогню перед богослужінням. Зафіксовані кострища перед входами до храму можуть також бути слідами ритуалу освячення церкви.

Лампади, знайдені в храмі, відносяться до двох типів – лампади на вузькій порожнистій ніжці, представлені одним екземпляром, і лампади на плоскому піддоні з ручками для підвішування. Вони добре відомі з інших пам'яток середньовізантійської епохи, зокрема, паломницького центру свт. Миколая у Мирах Лікійських. За своїм хімічним складом скло із Семидвір'я представлено як зольними, так і содовими зразками. Барвником скла світло-синього кольору служив кобальт. Підвищений вміст марганцю в семидворському склі має пояснюватися необхідністю знебарвити окис заліза. Значний відсоток калію вказує на те, що для варіння скла використовувався пісок невисокого ступеню чистоти. Не виключено, що скляна маса для цих посудин виготовлялася в південно-західній частині Малої Азії.

На особливу увагу заслуговує колекція, що складається з 30 металевих хрестів та їх фрагментів, які, на підставі їхньої морфології і техніки виготовлення, поділяються на 5 груп: хрести, склепані з двох пластин з подовженою нижньою частиною (ведуть своє походження від індивідуальних процесійних хрестів); хрести-привіски, вирізані з бронзової фольги і прикрашені пуансонним орнаментом; хрести з білого металу, склепані з двох половинок і прикрашені пуансонним орнаментом; хрест, вирізаний зі свинцю і два хрести-підвіски, вирізані з монет – арабосасанідської напівдрахми другої половини VII – початку VIII ст., що є наслідуванням сасанідської драхми Хосрова II і дирхеми карбування Омейядів (661-750 рр.). Хрести знайдені переважно у вівтарному і передвівтарному просторі, та біля порогу проходу, що з'єднував північний і південний компартименти церкви, а також у зоні південного входу в храм.

Практично всі типи хрестів мають певні аналогії в Причорномор'ї і Середземномор'ї, на Кавказі та на Балканах, в Малій Азії і в Подунав'ї. Типікон візантійських монастирів цієї епохи свідчить про обряд принесення в храм по суботнім і недільним дням особливих хрестів на згадку про покійних і за здоров'я живих. Відображенням такої поминальної традиції в археологічних матеріалах і можуть бути знахідки металевих хрестів у храмових спорудах. Тобто хрести в цілому мають розглядатися як вотивні приношення. У той же час вони могли використовуватися і як елемент храмового оздоблення. Можливо, до вотивних приношень також варто віднести прикраси з мушлі і зуба оленя, знайдені під час розкопок.

Знахідки хрестів, вирізаних з металевої фольги і монет, дозволяють по новому оцінити хронологію і походження «хрестів з листового срібла» або вирізаних з срібних монет X–XI ст., що відомі в Скандинавії і Давній Русі в похованнях Бірки, Києва, Гнєздова, Тімерево, Білозір'я, культурного шару Іскоростеня. Ряд дослідників пов'язував їхню появу з діяльністю англосаксонських місіонерів в Скандинавії в 930-і рр. Очевидно, ці хрести мають витоки в храмовій культурі Візантії IX ст. Їхня поява в похованнях Східної та Північної Європи пов'язана з християнізацією, що мала східно-християнські витоки.

У розділах з восьмого по дванадцятий автори – фахівці з орнітофауни, ссавців і молюсків (Г.Г. Гавриць, В.М. Логвиненко, С.В. Леонов) – проаналізували фауністичні знахідки з розкопок пам'ятки. У результаті вдалося отримати уявлення про склад тваринних жертв у раціоні общинних святкових трапез, що включав ссавців (дрібна рогата худоба – 64%, свиня – 16%, заєць – 6%, і один чи два бика), птахів (19 видів, з них близько 78% – домашня курка), риби, морських молюсків (97% – мідії) і виноградних равликів. Варто відзначити, що залишки рибної трапези мізерні (всього 3 особини двох видів).

У тринадцятому розділі (І.Б. Тесленко) на підставі аналізу кераміки і підвісок з монет запропоновані загальна хронологія існування церкви і датування будівельних періодів храму. Історія церкви налічує близько 100 (± 20-25) років. Храм був зведений приблизно в другій третині (середині?) IX ст. і припинив своє існування, ймовірно, у першій половині (початку?) X ст. За цей час він один раз капітально перебудовувався після того, як з невідомих причин був зруйнований практично вщент (860-880-і рр.). У другій половині XIV–XV ст. на його руїнах з'являється невелика споруда незрозумілого призначення.

У завершальному чотирнадцятому розділі монографії (О.Є. Мусін) на підставі наявних матеріалів із залученням широкого кола аналогій охарактеризовано літургійні особливості храму в контексті історії візантійського богослужіння. Охарактеризовано різні типи двохапсидних і двохнефних храмів доби пізньої античності і середньовіччя від Кавказу до Італії. У розділі обґрунтовується неприпустимість символічного тлумачення храмової композиції, демонструється складність однозначного співвіднесення такого планування з культом мучеників і заупокійним богослужінням. Створення двочастинного храму з двома різновеликими апсидами і окремими компартиментами розглядається як свідоме вираження засобами архітектури відмінностей богослужбових функцій північної і південної частин. Ця тенденція до створення додаткових об'ємів храму може вважатися характерною для столичної та малоазійської архітектури в середньовізантійський період. Двохапсидні церкви відомі в Понті й Трапезунді, однак найближчою стилістичною аналогією храму в урочищі Єді-Євлер є двохапсидна церква монастирського комплексу X–XI ст. на городищі Богазкой (Хаттуса, Туреччина).

на), досліджена П. Неве на початку 1983 р. Тут знайдено близько 70 металевих вотивних хрестів, що також демонструє близьку паралель Семидворському храму.

Варто припустити, що менший за розмірами північний компартимент храму, через який здійснювався прохід в основну церкву, служив для здійснення проскомідії – початкової частини літургії. Основна частина літургії – Євхаристія – відбувалася в південному компартименті. Саме в VIII–IX ст. проскомідія отримує свою першу кодифікацію, яка завершується лише в XIV–XVII ст. Припинення функціонування північного компартименту в третьому будівельному періоді свідчить про те, що ідея виділення спеціального богослужбового простору для протесісу не прижилася в східно-християнській традиції. Здається, що ця традиція, як і ритуал приношення вотивних хрестів у храм, була пов'язана з активним внутрішнім місіонерством візантійського чернецтва після перемоги шанувальників ікон. Поховання, досліджене при храмі, у цьому зв'язку теж може бути інтерпретовано як чернече. Згодом всі частини літургії були зосереджені в основному храмовому об'ємі, що, можливо, свідчить про ослаблення початкового зв'язку з монастирською традицією.

При розкопках вдалося зафіксувати і інші богослужбові ритуали. Так, великий плоский камінь у центральній частині північного нефу міг слугувати протесісом сільського храму. Не виключено, що цю плиту могли використовувати і для ритуальних жертвопринесін тварин, відомих в грецькому «парафіяльному православ'ї» аж до Нового часу, а іноді і підтримуваних чернецтвом. Про це свідчать численні кісткові останки, які варто пов'язати з общинними святковими трапезами. Деякі скупчення кісток, як і сліди вогню, можуть вказувати на ритуал освячення храму і супутнє свято. Всі ці звичаї знаходяться в руслі візантійської релігійності того часу.

У висновку підбиті підсумки дослідження, а також запропоновано деякі спостереження, що стосуються історії освоєння південних схилів Головного пасма Кримських гір у другій половині – наприкінці VIII – першій половині IX ст. На території сучасної Великої Алушти відомо більше 30 сільськогосподарських поселень цього часу з розвиненим товарним гончарством і виноробством, орієнтованим на широкий східний та північно-східний ринок.

На початку середньовізантійського періоду до Південної Таврики разом з новими поселенцями масово проникають нові елементи культури: кам'яне будівництво з використанням керамічної черепичної покрівлі, розвинене технологічне гончарство, товарне виноробство, традиція будівництва християнських храмів базилікального типу. Заселення південної частини Кримського півострова являло собою масштабну цілеспрямовану колонізацію території носіями візантійсько-ромейських тра-

дицій, ймовірно, вихідцями з малоазійських територій Імперії. Вона проходила, швидше за все, за ініціативою і під контролем центральної влади в рамках зміцнення фемного ладу. Певну роль у формуванні нових традицій зіграло чернецтво – переможець іконоборства.

Можна говорити про співіснування в балці Єди-Євлер нових колоністів і носіїв старої культури, представленої могильниками типу «Суук-Су», що, ймовірно, супроводжувалося акультурацією місцевого субстрату. У результаті Південна Таврика перетворилася на одну з околиць Візантійської імперії, що інтенсивно розвивалася і чий економічний ріст ґрунтувався, в тому числі, на прогресивних технологіях гончарного виробництва і товарному виноробстві. Згодом вона склала частину військово-адміністративної одиниці – фемі Кліматів, а також церковної адміністративно-територіальної одиниці – Готської Єпархії, східна межа якої могла проходити по балці Єди-Євлер.

У першій половині X ст. «виноробний бум» припиняється, і життя на сільськогосподарських поселеннях загасає. На переважній більшості селищ цієї частини півострова досі не виявлені археологічні знахідки, нижня дата яких визначалася б серединою – другою половиною X ст. У монографії причини цього явища детально не розглядаються.

Ця публікація, безумовно, не розкриває багатьох проблем, пов'язаних з історією Південної Таврики IX–X ст. У неї інше завдання – ввести до наукового обігу нове археологічне джерело, яке допоможе відкрити одну із сторінок повсякденного життя рядового поселення, що виникло на північній околиці візантійської провінції під час її дружніх відносин з Хозарським каганатом. Вперше, завдяки ретельності польових досліджень, архітектурно-археологічній науці вдалося зафіксувати багато особливостей богослужбових обрядів, характерних для сільської церкви середньовізантійського періоду, показати можливу роль чернечої культури в їх формуванні. Крім відображення в архітектурі важливого етапу у розвитку початкової частини православної літургії – проскомідії, було знайдено археологічні сліди общинної трапези, пов'язані з жертвопринесеннями тварин, зафіксовано ритуал запалення вогню перед богослужінням і освячення храму, виявлені вотивні приношення металевих хрестів. Ці знахідки дозволяють встановити візантійське походження деяких типів натільних хрестів-підвісок, характерних для Стародавньої Русі і Скандинавії в епоху християнізації середини X–XI ст.

Церква в Семидвір'ї багато в чому є еталоном пам'яткою для вивчення літургії та архітектури середньовізантійського періоду. Опубліковані матеріали допомагають зрозуміти не тільки минуле Криму цієї епохи, а й історію суспільства і християнства у Візантії.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КАТАЛОГ ИЗДЕЛИЙ ИЗ КЕРАМИКИ И КАМНЯ

№№ к.о.	Описание предмета	Место находки
1	Сосуда коричневоглиняного закрытой формы, плоского дна фрагмент. Черепок плотный, на изломе серого цвета. В глиняном тесте примеси мелкой дресвы, песка, мелких частиц рыхлого минерала белого цвета, частиц плотного минерала белого цвета, мелких блесков. D дна ~ 11,0 см. Толщина стенки – 0,45 см. Размеры: 3,7×5,5 см; вес – 0,016 кг. Рис. 3.38.	Слой 1. Квадрат 1F.
2	Сосуда (кувшина?) коричневоглиняного венчика с прилепом ручки фрагмент. Черепок плотный, на изломе серо-коричневого цвета. В глиняном тесте примеси коричневого шамота, мелкой дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета, мелких блесков. Венчик отогнутый, уплощенный. Ручка плоская, крепится к краю венчика. D венчика ~ 9,0 см; сечение ручки – 0,9×3,4 см, сохранившаяся длина ручки – 1,0 см; Толщина стенки – 0,7 см. Размеры: 2,5×4,5 см; вес – 0,01 кг. Рис. 3.38.	Слой 1. Квадрат 3В.
3	Керамиды красноглиняной поля с меткой фрагмент. Черепок плотный, на изломе розового цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, отдельных частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Метка образована двумя валиками трапециевидными в сечении. Ширина валиков – 0,9 см; H – 0,3 см. Толщина поля – 2,7 см. Размеры: 7,1×8,5 см; вес – 0,158 кг. Рис. 3.4; 3.6.	Слой 1. Квадрат 3С.
4	Сосуда красноглиняного закрытой формы дна плоского фрагмент. Черепок плотный, на изломе красно-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкой крошки шамота, мелкой дресвы, остроугольных частиц песка черного цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. D дна ~ 13,0 см. Толщина стенки – 0,7 см. Размеры: 4,6×5,1 см; вес – 0,026 кг. Рис. 3.41.	Слой 1. Квадрат 3Е.
5	Керамиды красноглиняной торцового борта с полем фрагмент. Черепок плотный, на изломе красно-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета, отдельных частиц плотного минерала белого цвета. На поле имеется водосливной валик и метка размером 4×1,6 см. Водосливной валик в сечении подтреугольной формы (H – 0,6 см, ширина – 0,6 см). Метка образована валиком (H – 0,3 см; ширина – 0,6 см). Толщина поля – 2,4 см. борт в сечении подпрямоугольной формы (H – 1,0 см; ширина – 2,2 см). Размеры: 13,5×14,3 см; вес – 0,58 кг. Рис. 3.4; 3.6.	Слой 2. Квадрат 1В.
6	Сосуда коричневоглиняного закрытой формы дна плоского фрагмент. Черепок плотный, на изломе коричнево-серого цвета. В глиняном тесте большое количество шамота, мелких частиц плотного минерала белого цвета, мелкой дресвы, частиц остроугольного песка черного цвета. Толщина дна – 1,0 см. Диаметр дна не определяется, толщина стенки – 1,0 см. Размеры: 5,3×5,5 см; вес – 0,034 кг. Рис. 3.39.	Слой 2. Квадрат 2А.
7	Сосуда коричневоглиняного закрытой формы дна плоского фрагмент. Черепок плотный, на изломе розовато-коричневого цвета. В глиняном тесте примеси мелкой крошки шамота, частиц плотного минерала белого цвета, песка, мелких блесков. Толщина дна – 0,9 см, диаметр не определяется. Размеры: 2,4×4,1 см; вес – 0,008 кг. Рис. 3.38.	Слой 2. Квадрат 2В.
8	Керамиды красноглиняной поля с меткой фрагмент. Черепок плотный, на изломе розово-красного цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Метка выражена валиком полукруглым в сечении (H – 0,2 см; ширина 0,25-0,5 см). Толщина поля – 2,0 см. Размеры: 8,3×10,2 см; вес – 0,158 кг. Рис. 3.4; 3.6.	Слой 2. Квадрат 2С.
9	Амфоры красноглиняной причерноморского типа венчика фрагмент. Черепок плотный, на изломе приглушенного красно-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета. Венчик слегка выступает наружу, утолщен, диаметр не определяется. Толщина стенки – 0,7 см. Размеры: 2,2×4,6 см; вес – 0,011 кг. Рис. 3.36.	Слой 2. Квадрат 1С.
10	Амфоры красноглиняной причерноморского типа желобчатой ручки с нижним прилепом фрагмент. Черепок плотный, на изломе приглушенного оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Ручка в сечении овальной формы, с уплощенной внешней стороной, профилирована двумя продольными желобками (ширина – 0,8 см). Размер сечения – 2,5×3,4 см, сохранившаяся длина ручки – 9,6 см. Размеры: 3,4×9,6 см; вес – 0,086 кг. Рис. 3.36.	Слой 2. Квадрат 2С.
11	Сосуда сероглиняного закрытой формы дна плоского фрагмент. Черепок плотный, на изломе темно-серого вплоть до черного цвета. В глиняном тесте примеси песка, мелких блесков, мелкой крошки шамота, мелких частиц плотного минерала белого цвета. Сосуд снаружи покрыт светло-коричневым ангобом. Толщина дна – 0,4 см; D дна – 11,0 см; толщина стенки – 0,55 см. Размеры: 4,8×4,8 см; вес – 0,018 кг. Рис. 3.39.	Слой 2. Квадрат 2С.

№№ к.о.	Описание предмета	Место находки
12	Сосуда красноглиняного закрытой формы плоского дна фрагмент. Черепок плотный, на сколе красно-жёлтого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. D дна – 8,0 см; толщина – 0,7 см. Размеры: 5×5,6 см; вес – 0,021 кг. Рис. 3.41.	Слой 2. Квадрат 2Е.
13	Сосуда коричневоглиняного закрытой формы дна плоского фрагмент. Черепок плотный, на изломе коричневого цвета. В глиняном тесте примеси мелкой дресвы, песка, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Дата: XIV–XV вв. D дна – 11,0 см; толщина – 0,5 см. Толщина стенки – 0,7-0,8 см. Размеры: 5,1×7,1 см; вес – 0,024 кг. Рис. 3.43.	Слой 2. Квадрат 2Е.
14	Сосуда коричневоглиняного закрытой формы венчика с прилепом ручки фрагмент. Черепок плотный, на изломе светло-коричневого цвета. В глиняном тесте примеси мелкой крошки шамота(?), мелкой дресвы, песка, мелких блесков, мелких частиц плотного минерала белого цвета. Венчик слегка отогнут наружу. Ручка плоская, крепится к краю венчика. D венчика ~ 10,0-11,0 см. Сечения ручки – 1,0×3,0 см; сохранившаяся длина – 2,4 см. Толщина стенки – 0,4 см. Размеры: 3,3×5,7 см; вес – 0,012 кг. Рис. 3.38.	Слой 2. Квадрат 2Е.
15	Сосуда сероглиняного закрытой формы плоского дна фрагмент (склеен из 2-х обломков). Черепок плотный, на изломе от серого до черного цвета. В глиняном тесте примеси незначительного количества мелкодроблёного шамота(?), песка, мелких блесков, частиц рыхлого минерала белого цвета. D дна – 9,0 см; толщина – 0,6 см. Толщина стенки – 0,4 см. Размеры: 3,3×5,0 см; вес – 0,01 кг. Рис. 3.41.	Слой 2. Квадрат 2Е.
16	Подобного сосуда плоского дна фрагмент. D дна – 10,0 см; толщина – 0,5 см. Толщина стенки – 0,5 см. Размеры: 3,2×4,7 см; вес – 0,011 кг. Рис. 3.38.	Слой 2. Квадрат 2Е.
17	Сосуда открытой формы красноглиняного поливного с орнаментом сграффито верхней части корпуса с частью дна на кольцевом поддоне фрагменты. Форма частично реконструирована из 10 обломков. Черепок плотный, на изломе оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота в незначительном количестве. Орнамент выполнен резцами различной ширины (0,2 и 0,1 см), подцветен пятнами минеральных красок, изготовленных на основе окислов меди, железа и марганца. Рисунок нанесен на внутреннюю поверхность сосуда и внешнюю часть венчика. Полива светло-жёлтая. Дата: вторая половина XIV–XV вв. D венчика ~ 15,0 см; D дна – 8,0 см. Толщина стенки – 0,5 см. Вес – 0,054 кг. Рис. 3.42; 3.43.	Слой 2. Квадраты 2D-Е.
18/89	Амфоры красноглиняной причерноморского типа верхней части корпуса с ручкой фрагмент. Форма частично реконструирована из трех обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Венчик прямой, слегка утолщён, немного выступает наружу. Ручка в сечении подтреугольной формы со скруглёнными ребрами и уплощённой внешней гранью. На внешней поверхности два слабовыраженных продольных желобка шириной 0,7 см. D венчика ~ 8,0 см. Толщина стенки – 0,65-0,8 см. Сечение ручки – 2,9×4,1 см. Длина ручки – 17,9 см. Размеры: 11,3×18,2 см; вес – 0,475 кг. Рис. 3.34.	№ 18 – слой 2, квадрат 3А. № 89 – слой 6-7, квадрат 3А.
19	Сосуда коричневоглиняного закрытой формы венчика фрагмент. Черепок плотный, на изломе от светло-коричневого до серо-черного цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота(?), мелкой дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета, мелких блесков. Венчик слегка отогнут наружу, без специальной профилировки, край скруглён. Диаметр венчика не определяется. Толщина стенки – 0,45 см. Размеры: 2,3×3,5 см; вес – 0,004 кг. Рис. 3.38.	Слой 2. Квадрат 3А.
20	Пифоса красноглиняного отогнутого венчика фрагмент. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета, мелких блесков. Венчик в сечении подтреугольной формы. D венчика – 28,0 см. Толщина стенки – 2,2 см. Размеры: 8,7×14,4 см; вес – 0,474 кг. Рис. 3.31.	Слой 2. Квадрат 3С.
21	Фляги красноглиняной тыльной стенки фрагмент. Черепок плотный, на изломе розово-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Толщина стенки – 1,1 см. Размеры: 6,4×6,8 см; вес – 0,048 кг. Рис. 3.36.	Слой 2. Квадрат 3С.
22	Сосуда коричневоглиняного закрытой формы венчика фрагмент. Черепок плотный, на изломе розово-красного цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота(?), мелкой дресвы, мелких прозрачных блесков, частиц рыхлого минерала белого цвета. Венчик немного отогнут наружу, слегка заужен кверху. D венчика ~ 16,0 см. Толщина стенки – 0,4 см. Размеры: 1,9×3,9 см; вес – 0,004 кг. Рис. 3.38.	Слой 2. Квадрат 3Е.
23	Сосуда красноглиняного закрытой формы плоского дна фрагмент. Черепок плотный, на изломе розово-красного цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета. D дна ~ 13,0 см, толщина не определяется. Размеры: 4,4×7,4 см; вес – 0,055 кг. Рис. 3.41.	Слой 2. Квадрат 3Е.

№№ к.о.	Описание предмета	Место находки
24	Сосуда белоглиняного поливного закрытой формы плоскости дна фрагмент. Черепок плотный, на изломе белого цвета. Глина тонкодисперсная с примесью мелкой дресвы и песка. Полива жёлто-зелёного цвета. Дата: вторая половина IX–X вв. Производство: Константинополь. Диаметр дна не определяется. Толщина стенки – 0,9-1,5 см. Размеры: 4,1×4,4 см; вес – 0,018 кг. Рис. 3.39; 3.42.	Слой 2. Квадрат 3Е.
25	Сосуда открытой формы края фрагмент (склеен из двух обломков). Черепок плотный, на изломе розово-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета. Край горизонтально срезан, не профилирован. Диаметр не определяется. Размеры: 3,1×4,4 см; вес – 0,02 кг.	Слой 2. Квадрат 3Е.
26	Керамиды красноглиняной торцового борта с меткой фрагмент. Черепок плотный, на изломе розово-красного цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета, частиц плотного минерала белого цвета. Торцовый борт в сечении трапециевидной формы со слегка скошенной внутрь боковой гранью. Метка в виде трезубца образована валиками шириной 0,5-1,0 см и высотой 0,2-0,4 см. Н борта – 0,65 см; ширина – 2,3 см. Толщина поля – 2,0-2,5 см. Размеры: 11,7×16,2 см; вес – 0,535 кг. Рис. 3.4; 3.6.	Слой 2. Квадрат 3F.
27	Сосуда коричневоглиняного закрытой формы венчика фрагмент. Черепок плотный, на изломе серо-коричневого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота(?), мелкой дресвы, песка, мелких блесков, частиц плотного минерала белого цвета. Венчик плавно отогнут наружу, край скруглён. Ширина венчика – 0,45 см; D ~ 11,0 см. Толщина стенки – 0,3 см. Размеры: 1,7×2,7 см; вес – 0,001 кг. Рис. 3.38.	Слой 2. Квадрат 3F.
28	Сосуда коричневоглиняного закрытой формы венчика фрагмент. Черепок плотный, на изломе коричневого цвета. В глиняном тесте примеси мелкой дресвы, песка, мелких блесков, частиц рыхлого минерала белого цвета. Венчик слегка отклонен наружу, край скруглён. D венчика – 8,0 см; толщина стенки – 0,5 см. Размеры: 1,5×2,6 см; вес – <0,001 кг. Рис. 3.38.	Слой 2. Квадрат 4Е.
29	Сосуда красноглиняного закрытой формы венчика фрагмент. Черепок плотный, на изломе оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкой крошки шамота(?), песка, мелких блесков, частиц рыхлого минерала белого цвета. Венчик плавно отогнут наружу, слегка заужен к краю. Диаметр венчика не определяется. Толщина стенки – 0,5 см. Размеры: 1,2×1,6 см; вес – <0,001 кг. Рис. 3.38.	Слой 2. Квадрат 4Е.
30	Сосуда красноглиняного закрытой формы плоского дна фрагмент. Черепок плотный, на изломе серого цвета. В глиняном тесте примеси мелкой крошки шамота(?), песка, мелких блесков, частиц плотного минерала белого цвета. D дна ~ 9,0-10,0 см; толщина – 0,9 см. Толщина стенки – 0,7 см. Размеры: 2,7×4,5 см; вес – 0,015 кг. Рис. 3.41.	Слой 2. Квадрат 4Е.
31	Керамиды красноглиняной, пережжённой, нижней части поля с двумя водосливными валиками фрагмент. Частично реконструирован из трех обломков. Черепок плотный, пережжён до сине-сиреневого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Борт в сечении трапециевидный, со слегка скошенной внутрь боковой гранью. Боковой борт сильно деформирован при обжиге. Ширина борта у основания – 4,1-6,2 см; Н – 2,8-3,6 см. Валик в сечении округлой формы (ширина – 0,6-1,2 см; Н – 0,3-0,5 см). Толщина поля – 1,6-2,4 см. Размеры: 24,8×25,3 см; вес – 2,012 кг. Рис. 3.7; 3.8.	Слой 2 и 4. Квадрат 2Е.
32	Амфоры красноглиняной причерноморского типа венчика фрагмент. Черепок плотный, на изломе розово-красного цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета. Венчик утолщённый, валикообразный, слегка отогнут наружу. D венчика ~ 8,0 см. Толщина стенки – 0,9 см. Размеры: 2,2×2,7 см; вес – 0,005 кг. Рис. 3.36.	Слой 2Б. Квадрат 2С.
33	Сосуда коричневоглиняного закрытой формы венчика с верхним прилепом ручки фрагмент. Черепок плотный, на изломе коричневого цвета. В глиняном тесте примеси мелкой дресвы, песка, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета, мелких блесков. Венчик отогнут наружу, профилирован небольшим углублением вдоль внутренней стороны. Ручка плоская, крепится к краю венчика, оформлена двумя пальцевыми вдавлениями в месте прилепа с внешней стороны. Диаметр венчика не определяется. Размер сечения ручки – 0,8×3,6 см; сохранившаяся длина ручки – 1,8 см. Толщина стенки – 0,6 см. Размеры: 3,2×5,1 см; вес – 0,024 кг. Рис. 3.38.	Слой 2Б. Квадрат 2С.
34	Амфоры красноглиняной причерноморского типа ручки фрагмент. Черепок плотный, на изломе оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета, частиц плотного минерала белого цвета, мелких блесков. Ручка уплощённая, с внешней стороны профилирована двумя продольными желобками. Сечение – 1,5×4,5 см; сохранившаяся длина – 4,9 см. Вес – 0,045 кг. Рис. 3.36.	Слой 2Б. Квадрат 2D.

№№ к.о.	Описание предмета	Место находки
35	Амфоры красноглиняной причерноморского типа ручки фрагмент. Черепок плотный, на изломе оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета, частиц плотного минерала белого цвета, мелких блесков. Ручка уплощённая, профилирована двумя желобками вдоль внешней поверхности. Сечение – 1,8×4,3 см; сохранившаяся длина – 6,3 см. Вес – 0,058 кг. Рис. 3.36.	Слой 2б. Квадрат 2D.
36	Керамида красноглиняная с меткой и водосливными валиками археологически целая, реконструирована из семнадцати обломков. Черепок плотный, на изломе красно-коричневого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета, частиц плотного минерала белого цвета. Торцовый борт в сечении подпрямоугольной формы (H – 0,5 см; ширина – 2,5-2,9 см). Боковой борт в сечении трапециевидной формы (H – 1,7-2,7 см; ширина – 2,5-3,1 см). Валик в сечении округлой формы (H – 0,5-0,8 см; ширина – 0,7-1,1 см). Метка в виде литеры «л» обозначена округлым в сечении валиком (H – 0,3 см; ширина – 0,6 см). Толщина поля – 1,8-2,7 см. Размеры: 32,8×44,7 см; вес – 6,964 кг. Рис. 3.1; 3.2.	Слой 6-1. Квадрат 1Е, 2D, 2Е.
37	Амфоры красноглиняной венчика фрагмент. Черепок плотный, на изломе жёлто-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета, органики (?). Венчик валикообразный, отклонен наружу. D венчика – 10,0 см. Толщина стенки – 0,8 см. Размеры: 3,0×4,8 см; вес – 0,008 кг. Рис. 3.36.	Слой 3 (поверхность). Квадрат 1С.
38	Сосуда коричневоглиняного закрытой формы плоскости дна разрозненные фрагменты (2). Черепок плотный, на изломе коричневого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота(?), мелкой и средней дресвы, песка, частиц рыхлого минерала белого цвета, мелких золотистых блесков. Толщина дна – 1,0-1,1 см. Диаметр не определяется. Толщина стенки – 1,0-1,3 см. Размеры: 3,8×3,9 и 5,6×6,1 см; вес – 0,016 кг; 0,053 кг. Рис. 3.39.	Слой 4. Квадрат 2А.
39	Сосуда коричневоглиняного закрытой формы плоского дна фрагмент. Черепок плотный, на изломе коричневого цвета. В глиняном тесте примеси шамота(?), мелкой и средней дресвы, песка, частиц плотно минерала белого цвета, мелких блесков. Диаметр дна не определяется; толщина – 1,1 см. Размеры: 4,3×4,5 см; вес – 0,024 кг. Рис. 3.39.	Слой 4. Квадрат 2А.
40	Керамиды красноглиняной торцового борта с меткой фрагмент. Частично реконструирован из четырех обломков. Черепок плотный, на изломе розово-красного цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Метка рельефная, в виде перевернутого трезубца, расположена в верхней части поля. Торцовый борт в сечении подпрямоугольной формы (H – 0,4 см; ширина – 2,0 см). Размер метки – 4,3×6,2 см. Толщина поля – 2,3-2,5 см. Размеры: 10,1×17,3 см; вес – 0,66 кг. Рис. 3.4; 3.6.	Слой 4. Квадрат 2В.
41	Амфоры красноглиняной причерноморского типа ручки фрагмент. Черепок плотный, на изломе розово-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета, частиц плотного минерала белого цвета. Ручка в сечении близка к овалу, с желобком вдоль внешней поверхности. Сечения – 2,3×3,8 см; сохранившаяся длина – 11,7 см. Вес – 0,123 кг. Рис. 3.36.	Слой 4. Квадрат 2В.
42	Сосуда красноглиняного закрытой формы венчика фрагмент. Черепок плотный, на изломе приглушённого розово-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота(?), мелкой дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета. Венчик отогнут наружу, слегка заужен к краю. D венчика ~10,0 см. Толщина стенки – 0,6 см. Размеры: 1,6×2,2 см; вес – 0,003 кг. Рис. 3.41.	Слой 4. Квадрат 2В.
43	Сосуда коричневоглиняного закрытой формы венчика фрагмент. Черепок плотный, на изломе приглушённого коричнево-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкой крошки шамота(?), мелких частиц плотного минерала белого цвета, песка, мелких блесков. Венчик плавно отогнут, край скошен наружу. D венчика ~ 11,0-12,0 см. Толщина стенки – 0,4 см. Размеры: 1,9×2,4 см; вес – 0,004 кг. Рис. 3.38.	Слой 4. Квадрат 2Е.
44	Амфоры красноглиняной причерноморского типа венчика фрагмент (склеен из двух обломков). Черепок плотный, на изломе приглушённого красно-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета. Венчик отогнут наружу, слегка утолщён, скруглён. D венчика – 9,0 см. Толщина стенки – 0,8 см. Размеры: 5,1×5,5 см; вес – 0,031 кг. Рис. 3.36.	Слой 4. Квадрат 3В.
45	Амфоры красноглиняной причерноморского типа венчика фрагмент. Черепок и глиняное тесто подобны предыдущим. Венчик отогнут наружу, слегка утолщён, скруглён. D венчика – 9,0 см. Толщина стенки – 0,6-0,9 см. Размеры: 4,7×5,2 см; вес – 0,018 кг. Рис. 3.36.	Слой 4. Квадрат 3В.
46	Сосуд коричневоглиняный, одноручный, фрагментированный, форма частично реконструирована из 36 обломков. Обжиг неравномерный, черепок плотный, на изломе коричневого, тёмно-серого либо оранжево-коричневого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой дресвы, песка, частиц рыхлого минерала белого цвета. Венчик плавно отогнут наружу, без специальной профилировки, край скруглён. Дно плоское со следами подсыпки песком. Ручка уплощённая, в сечении овальная, крепится к краю венчика и середине корпуса. Реконструируемая высота сосуда – 18,2 см. D венчика – 10,0 см. D дна – 11,0 см. D тулова – 18,1 см. Сечение ручки – 0,9×3,6 см. Толщина стенки – 0,6-0,7 см. Вес сохранившейся части – 0,524 кг. Рис. 3.38; 3.40.	Слой 4. Квадрат 3В.

№№ к.о.	Описание предмета	Место находки
47	Керамида красноглиняная, археологически целая, с меткой и водосливными валиками, реконструирована из десяти обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Торцовый борт в сечении подпрямоугольной формы (Н – 0,7 см; ширина – 2,3-3,1 см). Боковой борт в сечении трапецевидной формы, со слегка скошенной внутрь боковой гранью (Н – 2,0 см; ширина – 2,8 см). Валики в сечении округлой формы (Н – 0,6 см; ширина – 1,2 см). Метка выполнена в высоком рельефе в виде греческой литеры «λ». Размер метки – 5,4×10,7 см. Толщина поля – 2,3-2,6 см. Размеры: 32,7×44,7 см; вес – 7 кг. Рис. 3.1; 3.2.	Слой 4. Квадрат 3Д.
48	Керамиды красноглиняной верхнего края с двумя боковыми бортами фрагмент. Частично реконструирован из пятнадцати обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета. Торцовый борт отсутствует. Боковой борт в сечении трапецевидной формы (Н – 2,2-3,0 см; ширина – 2,8-3,4 см). Толщина поля – 1,6-2,3 см. Ширина керамиды – 32,4 см. Размеры: 32,4×40,8 и 5,8×20,1 см; вес – 4,988 кг. Рис. 3.9; 3.11.	Слой 2 и 4. Квадрат 2Е.
49	Керамиды красноглиняной верхнего края с двумя боковыми бортами фрагмент. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета. Керамида деформирована. Торцовый борт отсутствует. Боковой борт в сечении трапецевидной формы со слегка скошенной внутрь боковой гранью (Н – 3,0-3,3 см; ширина – 3,2-3,5 см). Толщина поля – 2,1-2,4 см. Размеры: 32,1×33,8 см; вес – 4,708 кг. Рис. 3.9; 3.11.	Слой 4. Квадрат 2Е.
50	Керамиды красноглиняной нижнего края с боковыми бортами и водосливными валиками фрагмент. Форма частично реконструирована из четырнадцати обломков. Черепок рыхлый, на изломе приглушённого розово-красного цвета. В глиняном тесте примеси большого количества мелкой и средней дресвы слоистого плотного минерала тёмного синесерого цвета, частиц плотного минерала белого цвета. Боковой борт в сечении трапецевидной формы со слегка скошенной внутрь боковой гранью (Н – 2,4 см; ширина – 3,1-3,9 см). Валики в сечении округлой формы (Н – 0,3 см; ширина – 0,9 см). Толщина поля – 2,1-2,7 см. Ширина керамиды – 32,3 см. Размеры: 29,4×32,3 см; вес – 3,649 кг. Рис. 3.7; 3.8.	Слой 4. Квадрат 2Е.
51	Калиптера красноглиняного верхнего правого угла фрагмент. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. Форма частично реконструирована из восьми обломков. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Толщина верхнего края – 1,5 см. Толщина поля – 1,9 см. Размеры: 15,6×24,1 см; вес – 1,202 кг. Рис. 3.21; 3.25.	Слой 4. Квадрат 2Е.
52	Калиптера красноглиняного верхней части с бортом фрагмент. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Толщина верхнего края – 1,3 см. Толщина поля – 1,7 см. Размеры: 16,3×29,2 см; вес – 1,472 кг. Рис. 3.18; 3.20.	Слой 4. Квадрат 2Е.
53	Калиптера красноглиняного верхней части с поперечным валиком фрагмент. Форма частично реконструирована из двенадцати обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого розово-оранжевого цвета с сиреневой прослойкой. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Валик в сечении трапецевидной формы (Н – 0,4 см; ширина – 0,8 см). Толщина поля – 1,5-2,2 см. Размеры: 15,9×44,6 см; вес – 2,614 кг. Рис. 3.23; 3.24.	Слой 2 и 4. Квадраты 2Е, 2F.
54	Калиптера красноглиняного верхнего края с манжетом фрагмент. Форма частично реконструирована из двух обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Толщина верхнего края – 2,1 см; Толщина поля – 2,5 см. Размеры: 17,8×26 см; вес – 1,855 кг. Рис. 3.16; 3.20.	Слой 4. Квадрат 2Е.
55	Калиптера красноглиняного нижней части фрагмент. Форма частично реконструирована из восьми обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Толщина поля – 1,7-2,3 см. Размеры: 19,2×17,9 см; вес – 1,177 кг. Рис. 3.21; 3.25.	Слой 4. Квадраты 2Е, 2F.
56	Керамиды красноглиняной с водосливными валиками фрагмент. Форма частично реконструирована из пяти обломков. Черепок плотный, на изломе розово-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Торцовый борт в сечении подпрямоугольный (Н – 0,9 см; ширина – 1,9 см). Боковой борт в сечении подпрямоугольной формы (Н – 2,1-2,2 см; ширина – 3,4-4,0 см). Валик в сечении округлый (Н – 0,6 см; ширина – 0,9 см). Толщина поля – 1,3-2,2 см. Размеры: 33,5×44,7 см; вес – 4,569 кг. Рис. 3.4; 3.5.	Слой 4. Квадраты 3С, 3Д.
57	Керамида красноглиняная фрагментированная. Форма частично реконструирована из девяти обломков, нижняя часть утрачена. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Торцовый борт отсутствует. Боковой борт в сечении трапецевидной формы, со слегка скошенной внутрь боковой гранью (Н – 3,1 см; ширина – 3,5 см). Толщина поля – 2,2-2,8 см. Ширина керамиды – 31,0 см. Размеры: 31,0×33,2 см; вес – 5,026 кг. Рис. 3.12; 3.13.	Слой 26. Квадрат 1Е.

№№ к.о.	Описание предмета	Место находки
58	Амфоры красноглиняной причерноморского типа горла с верхним прилепом ручки фрагмент, частично реконструирован из трех обломков. Черепок плотный, на изломе розового цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Форма сечения ручки близка к овалу. В верхней части ручка профилирована слабовыраженным продольным желобком (ширина – 0,9 см). Сечение ручки – 1,8×2,8 см. Сохранившаяся длина – 11,0 см. Толщина стенки – 0,8 см. Размеры: 2,8×8,0 и 4,2×10,0 см; вес – 0,104 кг. Рис. 3.36; 3.37.	Слой 4. Квадраты 3Е, 3Ф.
59	Сосуда закрытой формы коричневоглиняного дна плоского фрагмент. Форма дна частично реконструирована из девяти обломков. Черепок плотный, на изломе коричневого цвета. В глиняном тесте примеси мелкой дресвы, песка, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета, мелких золотистых блесков. D дна – 12,0 см. Толщина стенки – 0,5 см. Размеры: 14,6×14,8 см; вес – 0,252 кг. Рис. 3.38; 3.40.	Слой 4. Квадрат 3Е.
60	Сосуда закрытой формы коричневоглиняного дна плоского фрагмент. Черепок плотный, на изломе коричневого цвета. В глиняном тесте примеси мелкой дресвы, песка, мелких золотистых блесков, частиц рыхлого минерала белого цвета. D дна – 14,0 см. Толщина стенки – 0,6 см. Размеры: 3,6×7,0 см; вес – 0,019 кг. Рис. 3.38.	Слой 4. Квадрат 3Е.
61	Сосуда закрытой формы коричневоглиняного венчика фрагмент. Черепок плотный, на изломе оранжево-коричневого цвета. В глиняном тесте примеси мелкой крошки шамота(?), песка, частиц рыхлого минерала белого цвета. Венчик плавно отогнут наружу, край слегка заужен, скруглён. Диаметр венчика не определяется. Толщина стенки – 0,4 см. Размеры: 1,3×1,7 см; вес – <0,001 кг. Рис. 3.38.	Слой 4. Квадрат 3Е.
62	Сосуда закрытой формы красноглиняного края фрагмент. Черепок плотный, на изломе оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой дресвы, песка, частиц рыхлого минерала белого цвета. D края – 11,0 см. Толщина стенки – 0,6 см. Размеры: 1,9×2,5 см; вес – <0,001 кг. Рис. 3.41.	Слой 4. Квадрат 3Е.
63	Керамида красноглиняная, фрагментированная. Форма частично реконструирована из двух обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого розово-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Торцовый борт не выражен. Правый борт и часть поверхности поля частично утрачены. Левый борт в сечении трапециевидной формы (H – 2,9-3 см; ширина – 2,9-3,2 см). Толщина поля – 2,0-2,6 см. Размер керамиды – 31,1×48,5 см. Размеры: 31,1×33,2 и 14,5×17,2 см; вес – 5,326 кг. Рис. 3.9; 3.10.	Слой 4. Квадраты 3Е, 3Ф.
64	Амфоры красноглиняной причерноморского типа венчика с верхним прилепом ручки фрагмент. Черепок плотный, на изломе розового цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой и средней дресвы плотного минерала синевато-серого цвета, частиц плотного минерала белого цвета. Венчик отогнут наружу, валикообразной формы. Ручка крепится под венчиком, в верхней части горла, профилирована продольным желобком (глубина – 0,1 см; ширина – 0,9 см), форма сечения близка к овалу. D венчика – 7,0 см. Сечение ручки – 1,9×2,8 см. Сохранившаяся длина ручки – 4,7 см. Средняя толщина стенки – 1,1 см. Размеры: 7,9×8,5 см; вес – 0,201 кг. Рис. 3.36; 3.37.	Слой 4. Квадрат 3Ф.
65	Калиптера красноглиняного бокового края с водосливным валиком и меткой фрагмент. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Метка выполнена в низком рельефе в виде греческой литеры «дельта». Валик в сечении подтреугольной формы (H – 0,2 см; ширина – 0,25 см). Размеры: 8,5×14,0 см; вес – 0,327 кг. Рис. 3.14.	Слой 4. Квадрат 2В.
66	Калиптера красноглиняного бокового края с водосливным валиком и меткой фрагмент. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Метка выполнена в низком рельефе в виде греческой литеры «дельта». Валик в сечении подтреугольной формы (H – 0,15 см; ширина – 0,2 см). Метка выражена валиком (H – 0,3 см; ширина – 0,3-1,0 см). Толщина поля – 1,8 см. Размеры: 9,0×15,6 см; вес – 0,387 кг. Рис. 3.14.	Слой 4. Квадрат 3Е.
67	Керамида красноглиняная, фрагментированная. Форма частично реконструирована из семнадцати обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Торцовый борт отсутствует. Боковой борт в сечении трапециевидной формы (H – 2,9-3,5 см; ширина – 2,7-3,0 см). Вдоль центра прослеживается небольшой валикообразный выступ (высота – 0,2 см; ширина – 0,3 см). Толщина поля – 1,6-2,5 см. Нижний край оформлен ступенчатым понижением толщиной 1,5 см. Размеры: 36,0×44,7 см; вес – 5,67 кг. Рис. 3.9; 3.10.	Слой 4. Квадрат 4С.
68	Керамиды красноглиняной нижнего левого угла с двумя водосливными валиками фрагмент, реконструирован из четырех обломков. Черепок плотный, на изломе двухцветный – красно-коричневый в центре и сине-серый по краям. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Борт в сечении трапециевидной формы (H – 2,1 см; ширина – 3,4 см). Валик в сечении подтреугольной формы (H – 0,6 см; ширина – 0,7-1,1 см). Толщина поля – 1,9-2,2 см. Размеры: 21,5×29,6 см; вес – 2,062 кг. Рис. 3.6; 3.7.	Слой 4. Квадрат 4С.

№№ к.о.	Описание предмета	Место находки
69	Осенок каменный, изготовлен из вытянутой плоской пластины мелкоструктурного песчаника с окатанными краями. В сечении трапециевидный. Размеры: 4,0×14,6 см; вес – 0,181 кг. Рис. 6.3; 6.4.	Слой 4. Квадрат 4С.
70	Керамиды красноглиняной верхней правого угла с буквенной меткой фрагмент. Черепок плотный, на изломе красно-коричневого цвета. В глиняном тесте примесь большого количества мелкой и средней дресвы плотного минерала сине-серого цвета, а также примеси шамота, частиц рыхлого минерала белого цвета. Метка выполнена в низком рельефе в виде греческих литер «ро» и «пи». Торцовый борт в сечении трапециевидный (Н – 0,6 см; ширина – 2,1 см). Боковой борт в сечении подпрямоугольной формы (Н – 1,7 см; ширина – 3,1 см). Толщина поля – 2,2-2,4 см. Размеры: 10,1×16,9 см; вес – 0,71 кг. Рис. 3.4; 3.6.	Слой 4. Квадрат 4D.
71	Сосуда коричневоглиняной закрытой формы плоского дна фрагмент, частично реконструирован из трех обломков. Черепок плотный, на изломе коричневого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота(?) в небольшом количестве, мелкой дресвы, песка, частиц плотно минерала белого цвета, частиц плотного прозрачного минерала (кварц). D дна – 10,0 см; толщина дна – 0,5 см. Толщина стенки – 0,4 см. Размеры: 3,4×8,9 см; вес – 0,028 кг. Рис. 3.39.	Слой 4. Квадрат 4D.
72	Калиптер красноглиняный, фрагментированный (нижний левый угол утрачен). Черепок плотный, на изломе приглушённого розовато-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Толщина верхнего края – 2,0 см; толщина поля – 2,1-3,1 см. Размеры: 16,7×46,6 см; вес – 3,113 кг. Рис. 3.18; 3.19.	Слой 4. Квадрат 4Е.
73	Сосуда закрытой формы красноглиняной плоского дна фрагмент. Черепок рыхлый, пористый, на изломе бежево-розового цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой дресвы, песка, большого количества частиц рыхлого минерала белого цвета. D дна – 10,0 см. Толщина стенки – 0,6-0,8 см. Размеры: 3,8×5,2 см; вес – 0,013 кг. Рис. 3.41.	Слой 5. Квадрат 4С.
74/100	Сосуда закрытой формы (горшка) красноглиняной верхней части корпуса с венчиком фрагмент, частично реконструирован из четырех обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкого шамота(?), мелкой дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета, частиц плотного минерала белого цвета. Венчик прямой, чуть отклонен наружу, слегка заужен к краю. D венчика – 6,7 см. Толщина стенки – 0,4-0,7 см. Размеры: 1,9×2,7 см; 3,5×4,9 см; вес ~ 0,0111 кг. Рис. 3.41.	Слой 5. Квадрат 4D. Слой 6. Квадрат 4С.
75	Амфоры красноглиняной причерноморского типа днища фрагмент. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Днище выпуклое, округлое. Размеры: 5,6×8,6 см; вес – 0,045 кг. Рис. 3.35.	Слой 6. Квадрат 1В.
76	Амфоры красноглиняной причерноморского типа ручки фрагмент. Черепок плотный, на изломе двухцветный: приглушённого оранжевого цвета с серой прослойкой. В глиняном тесте примеси большого количества мелкой и средней дресвы плотного минерала тёмно-серого цвета, шамота, частиц плотного минерала белого цвета. Ручка профилирована продольным ребром по внешней поверхности, в сечении – подовальной формы. Сечение – 2,3×3,0 см, сохранившаяся длина – 7,8 см. Размеры: 3,0×7,8 см; вес – 0,065 кг. Рис. 3.35.	Слой 7б. Квадрат 2А.
77	Сосуда закрытой формы, возможно, воронки(?) красноглиняной венчика фрагменты. Профиль частично реконструирован из трех обломков. Черепок рыхлый, на изломе приглушённого розово-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета, мелких золотистых блесков. Венчик слегка наклонен внутрь, верхняя грань плоская. D венчика ~ 24,0 см. Толщина стенки – 0,6-1,2 см. Вес – 0,229 кг. Рис. 3.36.	Слой 6-7. Квадрат 4В, яма 2.
78	Калиптера красноглиняной правой стороны с верхним и нижним краями фрагмент. Форма частично реконструирована из пяти обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Толщина верхнего края – 1,3 см. Толщина поля – 1,7 см. Размеры: 11,1×42,3 см; вес – 1,222 кг. Рис. 3.18; 3.19.	Слой 4. Квадрат 2Е.
79	Воронки(?) красноглиняной края (4), в т.ч. один с прилепом ручки и стенок (9) разрозненные фрагменты. Черепок плотный, на изломе двухцветный: оранжевый в центре и бежево-оранжевый по краям. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. D края ~ 24,0 см. Толщина стенки – 1,4-1,9 см. Размеры фрагментов: 3,7×6,2; 4,8×6,2; 8,1×10,1; 8,7×11,8; 6,0×9,3; 8,4×14,1; 10,8×11,5; 8,1×10,3; 3,3×9,2; 5,2×5,4; 5,9×6,8; 5,6×9,3; 9,6×12,7 см; вес – 1,801 кг. Рис. 3.31; 3.36.	Слой 4. Квадрат 2А. Слой 4-6. Квадраты 2А-В, 3Д. Слой 7б. Квадраты 2А-В. Слой 12, проем в ЮВ стене.

№№ к.о.	Описание предмета	Место находки
80	Амфоры красноглиняной причерноморского типа венчика фрагмент. Черепок плотный, на изломе оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета, мелких золотистых блесков. Венчик плавно отогнут наружу, край утолщён, скруглён. D венчика ~ 7,7 см. Толщина стенки – 0,7 см. Размеры: 3,3×3,5 см; вес – 0,008 кг. Рис. 3.35.	Слой 7б. Квадрат 2А.
81	Амфоры причерноморского типа красноглиняной выпуклого округлого дна фрагмент. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Толщина дна – 0,8-1,0 см. Размеры: 9,3×11,9 см; вес – 0,123 кг. Рис. 3.35.	Слой 7б. Квадрат 2А.
82	Оселка из мелкоструктурного песчаника фрагмент. Изготовлен из плоской окатанной плитки сегментовидной формы. Изделие в сечении эллипсоидной формы – от 1,2×4,4 до 1,5×5,5 см. Размеры: 5,5×8,8 см; вес – 0,122 кг. Рис. 6.3; 6.4.	Слой 6-2. Квадрат 2В.
83	Сосуда закрытой формы красноглиняного (амфоры) вогнутого дна фрагменты. Профиль частично реконструирован из трех обломков. Черепок плотный, на изломе светло-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Толщина дна – 0,7-1,2 см. D дна ~ 12,0 см. Размеры: 8,4×9,5 и 4,0×7,3 см; вес – 0,147 кг. Рис. 3.35; 3.37.	Слой 7б. Квадрат 2А.
84	Изделие из мелкоструктурного песчаника в форме уплощённого цилиндра. Представляет собой поперечный скол округлой в сечении гальки. Толщина – 2,5-2,7 см. D – 9,5-10,2 см. С одной стороны артефакт заизвесткован. Размеры: 9,5×10,2 см; вес – 0,503 кг. Рис. 6.3; 6.4.	Слой 6-3. Квадрат 2В.
85	Амфоры красноглиняной причерноморского типа венчика фрагмент, частично реконструирован из двух обломков. Черепок плотный, на изломе розово-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой дресвы, частиц плотного минерала белого цвета. С внутренней стороны фрагмент заизвесткован. D венчика – 7,5 см. Толщина стенки – 0,6 см. Размеры: 2,9×5,7 см; вес – 0,016 кг. Рис. 3.35.	Слой 7б. Квадрат 2В.
86	Сосуда закрытой формы коричневоглиняного плоского дна фрагмент. Черепок плотный, на изломе коричнево-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелких частиц шамота(?), мелкой дресвы, частиц рыхлого минерала тёмно-серого цвета, песка, частиц рыхлого минерала белого цвета, частиц плотного минерала белого цвета. D дна – 11,0 см, толщина – 0,4 см. Толщина стенки – 0,5 см. Размеры: 3,1×4,2 см; вес – 0,013 кг. Рис. 3.38.	Слой 7б. Квадрат 2В.
87	Сосуда закрытой формы коричневоглиняного плоского дна фрагмент. Черепок плотный, на изломе коричневого цвета, снаружи – тёмно-серый. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота(?) в небольшом количестве, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала желтоватого цвета, частиц плотного прозрачного минерала (кварц), мелкой дресвы. D дна – 9,0 см; толщина – 0,5 см. Толщина стенки – 0,5 см. Размеры: 4,0×4,3 см; вес – 0,008 кг. Рис. 3.38.	Слой 7б. Квадрат 2В.
88	Керамиды красноглиняной нижней части фрагмент. Форма частично реконструирована из двух обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого розовато-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Борт в сечении трапециевидной формы со сглаженными краями верхней грани (H – 2,8 см; ширина – 3,5 см). Толщина поля – 1,9 см. Размеры: 22,4×31,1 см; вес – 2,676 кг. Рис. 3.12; 3.13.	Слой 6. Квадрат 2Е.
90	Амфоры причерноморского типа красноглиняной тулова фрагмент. Форма частично реконструирована из семнадцати обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого или розово-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета, мелких золотистых блесков. Стенка украшена прочерченным по сырой глине орнаментом в виде двух горизонтальных волнообразных линий. Толщина стенки – 0,6-1,3 см. Размеры: 17,1×39,2 см; вес – 1,539 кг. Рис. 3.34; 3.37.	Слой 6-7. Квадрат 2А, 3А. Слой 7б. Квадрат 2В.
91	Сосуда закрытой формы красноглиняного (амфоры) вогнутого днища разрозненные фрагменты (2). Черепок плотный, на изломе розово-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Толщина дна – 0,9-1,0 см. D дна ~ 12,0-14,0 см. Размеры: 4,4×5,1 и 2,9×4,5 см; вес – 0,018 и 0,015 кг. Рис. 3.35.	Слой 7б. Квадрат 2А.
92	Сосуда закрытой формы красноглиняного (амфоры) вогнутого днища фрагмент. Профиль частично реконструирован из двенадцати обломков. Черепок плотный, пористый, на изломе приглушённого розово-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. D дна ~ 10,3 см. Толщина стенки – 1,0 см. Размеры: 8,3×12,1 см; вес – 0,081 кг. Рис. 3.35.	Слой 7б. Квадрат 3А.
93	Калиптера красноглиняного верхней части с поперечным валиком фрагмент, частично реконструирован из четырех обломков. Черепок плотный, пережжён, на изломе двухцветный: серый с малиновой прослойкой. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Валик в сечении трапециевидной формы (H – 0,4 см; ширина – 0,9 см). Толщина поля – 1,5-2,0 см. Размеры: 15,9×34,5 см; вес – 1,792 кг. Рис. 3.23; 3.25.	Слой 6. Квадрат 3Д.

№№ к.о.	Описание предмета	Место находки
94	Сосуда закрытой формы красноглиняного нижнего прилепа ручки с отверстием у основания фрагмент. Черепок плотный, пережжён до серого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Форма сечения ручки близка к овалу. Размер сечения – 1,8×3,9 см. D отверстия – 1,0 см. Толщина стенки – 0,7 см. Размеры: 5,1×8,2 см; вес – 0,07 кг. Рис. 3.41; 3.42.	Слой 6. Квадрат 3D.
95	Сосуда закрытой формы коричневоглиняного венчика фрагмент. Черепок плотный, на изломе коричневого цвета. В глиняном тесте примеси мелкой дресвы, песка, золотистых блесков, частиц рыхлого минерала белого цвета. Венчик отогнут наружу, слегка заужен к краю. D венчика – 16,0 см. Толщина стенки – 0,5 см. Размеры: 1,8×2,9 см; вес – 0,003 кг. Рис. 3.38.	Слой 6. Квадрат 3E.
96	Керамида красноглиняная с двумя водосливными валиками. Форма реконструирована из одиннадцати обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого красного цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета, частиц плотного минерала белого цвета. Торцовый борт в сечении подпрямоугольной формы (H – 0,6 см; ширина – 1,2-1,7 см). Боковые борта в сечении трапецевидной формы (H – 2,3-2,4 см; ширина – 2,3-3,6 см). Валики в сечении подтреугольной формы (H – 0,5-0,7 см; ширина – 1,2-1,6 см). Толщина поля – 2,0-2,5 см. Размеры: 33,8×45,9 см; вес ~ 6,5 кг. Рис. 3.7; 3.8.	Слой 6. Квадрат 4B, яма 2.
97	Калиптера красноглиняного верхней части с манжетом фрагмент. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Толщина манжета – 1,9 см. Толщина поля – 2,9 см. Ширина калиптера – 18,3 см. Размеры: 18,3×26,8 см; вес – 2,183 кг. Рис. 3.18; 3.20.	Слой 6. Квадрат 4B, яма 2.
98	Калиптер красноглиняный с манжетом в верхней части. Форма реконструирована из четырех обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Толщина манжета – 1,7-2,0 см. Толщина поля – 2,1-2,4 см. Размеры: 17,3×48,2 см; вес – 3,496 кг. Рис. 3.23; 3.24.	Слой 6. Квадрат 4B, яма 2.
99	Амфоры красноглиняной причерноморского типа нижнего прилепа ручки фрагмент. Черепок плотный, на изломе розово-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета, частиц плотного минерала белого цвета. Ручка в сечении подовальной формы. Сечение ручки – 2,9×3,6 см. Толщина стенки – 0,7 см. Размеры: 8,1×8,3 см; вес – 0,139 кг. Рис. 3.34.	Слой 6. Квадрат 4C.
101	Керамида красноглиняная с меткой и водосливными валиками. Форма реконструирована из 6 фрагментов. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета, частиц плотного минерала белого цвета. Метка выполнена в высоком рельефе в виде греческой буквы «λ». Валики округлые (H – 0,4 см; ширина – 1,2 см). Размер метки – 6,9×9,8 см. Торцовый борт в сечении подпрямоугольной формы (H – 0,7 см; ширина – 2,2-3,2 см). Боковой борт в сечении подтрапецевидной формы (H – 1,8-2,5 см; ширина – 2,6-3,9 см). Толщина поля – 1,6-2,4 см. Размеры: 32,5×45,2 см; вес – 6,065 кг. Рис. 3.1; 3.3.	Слой 6. Квадрат 4E.
102	Калиптера красноглиняного нижней части фрагмент, частично реконструирован из двадцати трех обломков. Черепок плотный, на изломе розово-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Толщина поля – 1,8-2,3 см. Фрагмент заизвесткован. Размеры: 17,9×29,8 см; вес – 1,765 кг. Рис. 3.26; 3.28.	Слой 6. Квадрат 4C.
103	Калиптера красноглиняного верхней части с манжетом фрагмент, частично реконструирован из восьми обломков. Черепок плотный, на изломе бежево-розового цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета, частиц плотного минерала белого цвета. Толщина манжета – 1,8 см. Толщина поля – 2,5 см. Размеры: 19,2×25,6 см; вес – 2,074 кг. Рис. 3.14; 3.15.	Слой 6. Квадрат 4E.
104	Калиптер красноглиняный с манжетом в верхней части. Форма частично реконструирована из трех обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого красновато-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Толщина края манжета – 1,8 см. Толщина поля – 1,7-2,0 см. Размеры: 18,2×46,1 см; вес – 3,852 кг. Рис. 3.16; 3.17.	Слой 6-2. Квадрат 2B.
105/1	Пифоса красноглиняного венчика фрагмент, частично реконструирован из шести обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Венчик в сечении подтреугольной формы с уступом вдоль внутренней окружности. D венчика – 29,0 см. Толщина стенки – 1,7 см. Размеры: 12,2×21,1 см; вес – 0,599 кг. Рис. 3.31.	Слой 6-2. Квадрат 2B-С.
105/2	Того же пифоса плоского дна фрагмент. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Толщина стенки – 1,6 см. D дна – 21,0-21,5 см. Размеры: 24,7×25,9 см; вес – 3,692 кг. Рис. 3.31.	Слой 6-2. Квадрат 2B.

№№ к.о.	Описание предмета	Место находки
106	Сосуда коричневоглиняного закрытой формы плоского дна фрагмент. Профиль частично реконструирован из девяти обломков. Черепок плотный, на изломе коричневого цвета. В глиняном тесте примеси крупной, средней и мелкой дресвы, песка, мелких серебристых блесков, частиц рыхлого минерала белого цвета, частиц плотного минерала белого цвета. D дна – 20,0 см. Толщина стенки – 0,7-1,4 см. Размеры: 12,1×25,4 см; вес – 0,723 кг. Рис. 3.39; 3.40.	Слой 6-2. Квадраты 2В, 2С.
107	Амфоры красноглиняной причерноморского типа верхней части корпуса с венчиком и ручкой фрагмент. Профиль частично реконструирован из двенадцати обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого розовато-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблённого шамота, мелкой и средней дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета. Венчик валикообразной формы, слегка отогнут наружу. Ручка крепится под венчиком и к плечам сосуда, форма сечения близка к овалу. Верхняя часть корпуса оформлена бороздчатым рифлением (ширина полосы рифления – 0,9 см; шаг рифления – 1,3 см). D венчика – 7,0 см. Сечение ручки – 2,5×3,1 см. Толщина стенки – 0,8-1,3 см. Размеры: 21,2×25,7 см; вес – 1,362 кг. Рис. 3.34; 3.37.	Слой 6-2. Квадраты 2В, 2С.
108	Амфоры красноглиняной верхней части корпуса с венчиком и ручкой фрагмент. Профиль частично реконструирован из двенадцати обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого розово-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблённого шамота, мелкой и средней дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета. Венчик прямой, слегка заужен к краю. Горло оформлено небольшим реберчатым выступом. Ручка профилирована продольным ребром, крепится в нижней части горла и к плечам сосуда. D венчика – 14,0 см. Сечение ручки – 2,5×3,6 см. Толщина стенки – 0,75 см. Размеры: 17,0×20,9 см; вес – 0,632 кг. Рис. 3.34; 3.37.	Слой 6-2. Квадрат 2С.
109/а	Амфоры красноглиняной стенки с нижним прилепом ручки фрагмент, частично реконструирован из трех обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого розово-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблённого шамота, мелкой и средней дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета, мелких золотистых блесков. Ручка оформлена желобком вдоль внешней поверхности. Форма сечения ручки близка к овалу. Размер сечения – 2,5×4,1 см. Сохранившаяся длина ручки – 12,7 см. Толщина стенки – 0,6-1,0 см. Размеры: 13,8×15,2 см; вес – 0,336 кг. Рис. 3.34; 3.37.	Слой 6-2. Квадрат 2С.
109/б	Такой же (той же?) амфоры верхней части корпуса с горлом фрагмент. Форма частично реконструирована из тринадцати обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого розово-оранжевого цвета. В тесте примеси мелкодроблённого шамота, мелкой и средней дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета. Плечи оформлены горизонтальными, прочерченными по сырой глине, линиями, шаг – 1,0 см. Толщина стенки – 0,75 см. Размеры: 25×19 см. Рис. 3.34; 3.37.	Слой 6-2. Квадраты 2В, 2С.
110	Керамида красноглиняная с двумя водосливными валиками и меткой. Форма реконструирована из девяти обломков. Черепок рыхлый, на изломе приглушённого красновато-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси большого количества мелкой, средней и крупной дресвы плотного минерала синевато-серого цвета (аргиллит?), дресвы плотного минерала тёмно-красного цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета, частиц плотного минерала белого цвета. Торцовый борт в сечении подпрямоугольной формы (H – 0,5 см; ширина – 1,8-2,2 см). Боковой борт в сечении подтрапециевидной формы (H – 2,1-2,9 см; ширина – 2,9-3,5 см). Водосливные валики в сечении полуовальной формы (H – 0,5 см; ширина – 1,0 см). Метка выполнена в высоком рельефе в виде трезубца. Размер метки – 4,8×6,2 см. Толщина поля – 2,2 см Размеры: 33,4×45,2 см; вес – 7,38 кг. Рис. 3.4; 3.5.	Слой 6-1. Квадрат 2С.
111	Керамиды красноглиняной верхней части фрагмент. Форма частично реконструирована из трех обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Торцовый борт отсутствует. Боковой борт в сечении подтрапециевидной формы (H – 2,7-3,1 см; ширина – 3,3 см). Толщина поля – 1,8-2,4 см. Размеры: 32,3×34,5 см; вес – 4,036 кг. Рис. 3.12; 3.13.	Слой 6-1. Квадрат 2С.
112	Керамиды красноглиняной верхнего левого угла с двумя водосливными валиками фрагмент, частично реконструирован из девяти обломков. Черепок плотный, на изломе красновато-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Торцовый борт в сечении подпрямоугольной формы (H – 0,7 см; ширина – 3,3-3,9 см). Боковой борт в сечении трапециевидной формы (H – 1,5-2,1 см; ширина – 2,6-4,1 см). Валики в сечении полуовальной формы (H – 0,5 см; ширина – 0,6-1,0 см). Толщина поля – 1,2-1,7 см. Размеры: 26,3×38,1 см; вес – 2,968 кг. Рис. 3.6; 3.7.	Слой 6-1. Квадрат 2С.
113	Калиптер красноглиняный с манжетом в верхней части. Форма реконструирована из семи обломков. Черепок плотный, на изломе синевато-серого, местами приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкой и средней дресвы плотного минерала синевато-серого цвета (аргиллит?), мелкой и средней дресвы плотного минерала красновато-бардового цвета, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Толщина манжета – 1,3 см. Ширина манжета – 4,1 см. Толщина поля – 1,7 см. Размеры: 22,4×43,3 см; вес – 3,437 кг. Рис. 3.14; 3.15.	Слой 6-1. Квадрат 2С.
114	Калиптер красноглиняный с манжетом в верхней части. Форма реконструирована из тринадцати обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Толщина манжета – 1,5 см. Ширина манжета – 4,4 см. Толщина поля – 2,1 см. Размеры: 21,5×44,3 см; вес – 3,493 кг. Рис. 3.21; 3.22.	Слой 6-1. Квадрат 2С.

№№ к.о.	Описание предмета	Место находки
115	Калиптера красноглиняной верхней части с манжетом фрагмент. Форма частично реконструирована из шести обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Толщина манжета – 1,4 см. Ширина манжета – 7,0 см. Толщина поля – 2,1 см. Размеры: 17,8×28,5 см; вес – 1,798 кг. Рис. 3.16; 3.20.	Слой 6-1. Квадрат 2С.
116	Калиптера красноглиняной верхней части с манжетом фрагмент. Форма частично реконструирована из двух обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Толщина манжета – 1,4 см. Ширина манжета – 4,7 см. Толщина поля – 1,7 см. Размеры: 15,9×40,6 см; вес – 1,759 кг. Рис. 3.21; 3.22.	Слой 6-1. Квадрат 2С.
117	Калиптера красноглиняной нижней части фрагмент, частично реконструирован из двух обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого розово-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Толщина поля – 2,2,5 см. Размеры: 21,7×28,3 см; вес – 2,745 кг. Рис. 3.26; 3.28.	Слой 6-1. Квадрат 2С.
118	Амфоры красноглиняной причерноморского типа нижнего прилепа ручки фрагмент. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблённого шамота, мелкой и средней дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета, мелких золотистых блесток. Форма сечения ручки близка к овалу, слегка уплощённая с внешней стороны. Размер сечения – 2,2×3,2 см. Сохранившаяся длина ручки – 8,6 см. Размеры: 3,2×8,6 см; вес – 0,067 кг. Рис. 3.35.	Слой 6-1. Квадрат 2С.
119	Сосуда закрытой формы красноглиняного трубчатого слива фрагмент. Черепок плотный, на изломе бежево-розового цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблённого шамота, мелкой дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета, мелких золотистых блесток. Внешняя поверхность сколота. Внутренний D слива ~ 2,5 см. Толщина стенки – не менее 0,9 см. Размеры: 2,5×6,1 см; вес – 0,11 кг. Рис. 3.36.	Слой 6-1. Квадрат 2С.
120	Керамида красноглиняная с двумя водосливными валиками и меткой. Форма частично реконструирована из пяти обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Торцовый борт в сечении подпрямоугольной формы (H – 0,55 см; ширина – 2,3-3,2 см). Боковой борт в сечении трапециевидной формы (H – 2,2 см; ширина – 3,1 см). Метка выполнена в высоком рельефе в виде греческой литеры «λ» и двух разновеликих вертикальных полос. Размер буквы – 6,7×9,8 см. Водосливные валики в сечении полуовальной формы (H – 0,5 см; ширина – 1,3 см). Толщина поля – 2,5-2,9 см. Размеры: 33,1×44,9 см; вес – 6,95 кг. Рис. 3.1; 3.3.	Слой 6-1. Квадрат 2D.
121	Калиптер красноглиняный с манжетом в верхней части. Форма частично реконструирована из трех обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого красновато-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкой и средней дресвы плотного минерала синевато-серого цвета (аргиллит?), мелкой и средней дресвы плотного минерала тёмно-красного цвета, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Толщина манжета – 1,6 см. Ширина манжета – 8,8 см. Толщина поля – 2,3 см. Размеры: 18,3×48,4 см; вес – 3,83 кг. Рис. 3.16; 3.17.	Слой 6-1. Квадрат 2D.
122	Амфоры красноглиняной венчика фрагмент. Черепок плотный, на изломе бежево-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкой крошки шамота, мелкой дресвы, песка, мелких частиц рыхлого минерала белого цвета. D венчика – 7,0 см. Толщина стенки – 0,9 см. Размеры: 1,3×2,1 см; вес – 0,001 кг. Рис. 3.35.	Слой 7. Квадрат 2А.
123	Сосуда закрытой формы коричневоглиняного плоского дна фрагмент, частично реконструирован из двух обломков. Черепок плотный, на изломе коричневого цвета. В глиняном тесте примеси мелкой крошки шамота(?), песка, частиц плотного прозрачного минерала (кварц), частиц плотного минерала белого цвета, золотистых блесток. D дна ~ 8,0 см. Толщина стенки – 0,5 см. Размеры: 3,1×3,4 см; вес – 0,008 кг. Рис. 3.38.	Слой 7. Квадрат 3А.
124	Сосуда закрытой формы коричневоглиняного плоского дна фрагмент. Черепок плотный, на изломе коричневого цвета. В глиняном тесте примеси мелкой крошки шамота(?), песка, частиц плотного прозрачного минерала (кварц), частиц плотного минерала белого цвета, золотистых блесток. Толщина стенки – 0,5 см. D дна – не определен. Размеры: 2,6×2,9 см; вес – 0,005 кг.	Слой 7. Квадрат 4Е.
125	Амфоры красноглиняной стенки со следами до обжиговой деформации фрагмент, частично реконструирован из четырех обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблённого шамота, мелкой дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета, мелких золотистых блесток. Толщина стенки – 0,8-1,4 см. Размеры: 19,1×20,6 см; вес – 0,556 кг.	Слой 7Б. Квадрат 2В.
126	Сосуда закрытой формы красноглиняной (амфоры) вогнутое днище. Профиль частично реконструирован из шестнадцати обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблённого шамота, мелкой дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета, мелких золотистых блесток. D дна – 10,5 см. Толщина стенки – 0,75-1,1 см. Размеры: 0,3×18,6 см; вес – 0,274 кг. Рис. 3.35.	Слой 7Б. Квадраты 2В, 3В.

№№ к.о.	Описание предмета	Место находки
127	Сосуда закрытой формы красноглиняного нижней части корпуса с дном фрагмент. Форма сосуда частично реконструируется из 82-х обломков, часть которых разрозненна. Черепок и состав теста подобны фрагменту сосуда № 77. Черепок рыхлый, на изломе приглушённого розово-оранжевого цвета. В тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета, мелких золотистых блесток. Корпус в нижней части декорирован прочерченной по сырой глине горизонтальной линией. Днище вогнутое. D дна – 14,0 см. Толщина стенки – 0,6-1,2 см. Сохранившаяся высота сосуда – 12,9 см. Вес – 1,020 кг. Рис. 3.34; 3.37.	Слой 6, 6-7, 76, 7г, могила № 1. Квадраты 4В, 2В, 3В, 2С.
128	Сосуда закрытой формы красноглиняного (амфоры?) дна фрагмент, частично реконструирован из трех обломков. Черепок плотный, на изломе тёмно-серого цвета. В глиняном тесте примеси мелкой дресвы, песка, частиц плотного прозрачного минерала. Толщина стенки – 0,8 см. Толщина дна – 1,3 см. D дна – ? Размеры: 3,8×5,6 см; вес – 0,022 кг. Рис. 3.35.	Слой 76. Квадрат 4В.
129	Сосуда закрытой формы (?) красноглиняного отогнутого плоского венчика фрагмент. Черепок плотный, на изломе оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. D венчика ~ 6,0 см. Размеры: 1,7×2,1 см; вес – 0,001 кг.	Слой 7-2. Квадрат 2С.
130	Сосуда открытой формы (чаши?) красноглиняного, глазурованного венчика фрагмент. Черепок плотный, на изломе бежево-розового цвета. В глиняном тесте примеси видны включения частиц рыхлого минерала желтоватого цвета. Орнамент выполнен одинарным и двойным резцами, оставившими линии различной ширины (0,1 и 0,15 см), подцветен пятнами минеральных красок жёлтого и зеленого цвета. Глазурь прозрачная, светло-жёлтая. Рисунок нанесен с внешней и внутренней стороны фрагмента. Дата: вторая половина XIV–XV вв. D венчика ~ 14,0 см. Тощина стенки – 0,4 см. Размеры: 1,6×2,6 см; вес – 0,001 кг. Рис. 3.42; 3.43	Слой 9. Квадрат 3С.
131	Сосуда закрытой формы красноглиняного плоского дна фрагмент, частично реконструирован из трех обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодробленого шамота, мелкой дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета, частиц плотного минерала белого цвета. D дна – 8,0 см. Толщина стенки – 0,6 см. Размеры: 5,2×5,2 см; вес – 0,029 кг. Рис. 3.41; 3.42.	Слой 9. Квадрат 3Е.
132	Сосуда закрытой формы (кувшина-ойнахои) красноглиняного венчика фрагмент. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета, мелких золотистых блесток. Венчик слегка отклонен наружу, оформлен небольшим реберчатым выступом с внутренней стороны, со сливом в виде пальцевой деформации. Толщина стенки – 0,45 см. D венчика – ? Размеры: 1,9×2,2 см; вес – 0,001 кг. Рис. 3.41; 3.42.	Слой 11. Квадрат 2D.
133	Сосуда закрытой формы красноглиняного стенки, декорированной красным ангобом в виде трех параллельных горизонтальных полос, фрагмент. Форма частично реконструирована из двух обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета, мелких золотистых блесток. Ширина полосы ангоба – 0,55 см. Расстояние между полосами – 0,65-0,8 см. Толщина стенки – 0,7 см. Размеры: 4,3×4,8 см; вес – 0,015 кг. Рис. 3.41; 3.42.	Слой 11. Квадрат 3D.
134	Пифоса красноглиняного дна на ножке фрагмент. Черепок плотный, на изломе красновато-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Высота ножки – 3,8 см. D – 12,0 см. Толщина стенки – 2,2 см. Размеры: 11,2×16,1 см; вес – 1,219 кг. Рис. 3.31.	Слой 12. Квадрат 2С.
135	Высокогорлого кувшина донной части фрагмент. Профиль частично реконструирован из трех обломков. Черепок плотный, на изломе коричневого цвета. В глиняном тесте примеси частиц плотного прозрачного минерала (кварц), мелкой дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, остроугольных частиц плотного минерала черного цвета (пироксен?), частиц плотного минерала красного цвета (шамот?), золотистых блесток, песка. На днище видны остатки налипшей песчаной подсыпки. Дата – вторая половина IX – первая половина XI в. D дна – 9,0 см. Толщина стенки – 0,95 см. Размеры: 12,0×12,5 см; вес – 0,415 кг. Рис. 3.34; 3.37.	Слой 12. Квадрат 3С.
136	Изделия лепного красноглиняного отогнутого края фрагмент. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. D края – 10,0 см. Толщина – 0,9 см. Размеры: 2,8×7,9 см; вес – 0,017 кг. Рис. 3.39.	Слой 12а. Квадрат 2С.
137	Калиптера красноглиняного с манжетом фрагмент. Форма частично реконструирована из четырех обломков, манжет утрачен. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Толщина поля – 2,6-3,7 см. Ширина калиптера – 19,6 см. Размеры: 19,6×42,1 см; вес – 4,061 кг. Рис. 3.26; 3.27.	Слой 12а. Квадрат 2D.

№№ к.о.	Описание предмета	Место находки
138	Пифоса красноглиняного днища на ножке фрагмент. Черепок плотный, на изломе жёлто-оранжевого цвета со светлой серо-жёлтой прослойкой в центре. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Высота ножки – 5,1 см. D ножки – 12,6 см. Толщина стенки – 1,9-2,8 см. Размеры: 13,0×16,9 см; вес – 1,615 кг. Рис. 3.31.	Слой 12а. Квадрат 3С.
139	Амфоры красноглиняной причерноморского типа ручки фрагмент, частично реконструирован из трех обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой и средней дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета, частиц плотного минерала белого цвета. Форма сечения ручки близка к овалу, профилирована двумя продольными реберчатыми выступами. Размер сечения – 2,6×3,4 см. Длина ручки – 15,6 см. Размеры: 4,4×11,5 см; вес – 0,161 кг. Рис. 3.35.	Слой 12а. Квадрат 3С.
140	Сосуда открытой формы красноглиняного венчика фрагмент. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой и средней дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета, частиц плотного минерала белого цвета. Сосуд выполнен в форме перевернутого расширенного конуса. Край венчика оформлен в виде вытянутого кверху треугольника. D края – 16,0 см. Толщина стенки – 0,6 см. Размеры: 2,5×4 см; вес – 0,004 кг. Рис. 3.41; 3.42.	Слой 12а. Квадрат 3С.
141	Сосуда открытой формы красноглиняного венчика фрагмент. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой и средней дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета, частиц плотного минерала белого цвета. Сосуд выполнен в форме перевернутого расширенного конуса. Край венчика оформлен в виде вытянутого кверху треугольника. D края – 16,0 см. Толщина стенки – 0,5 см. Размеры: 1,3×2,2 см; вес – 0,001 кг. Рис. 3.41; 3.42.	Слой 12а. Квадрат 3Д.
142	Сосуда закрытой формы (кувшина) красноглиняного венчика с верхним прилепом ручки и ручки фрагменты. Форма частично реконструирована из трех обломков. Черепок плотный, на изломе оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелких частиц шамота, мелкой дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, песка. Венчик отогнут наружу, слегка заужен к краю. Ручка в сечении овальной формы, крепится сразу под венчиком, верхний прилеп профилирован пальцевым вдавлением. D венчика – 6,4 см. Сохранившаяся длина ручки – 2,2 см. Сечение – 0,8×1,7 см. Толщина стенки – 0,3-0,4 см. Размеры фрагментов: 2,1×6,4 и 2×2,2 см; вес – 0,012; 0,005 кг. Рис. 3.41; 3.42.	Слой 13. Квадрат 2С.
143	Сосуда закрытой формы красноглиняного плоского дна фрагмент. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой и средней дресвы, частиц рыхлого минерала белого цвета, частиц плотного минерала белого цвета, мелких золотистых блесток. D дна – 8,5 см. Толщина стенки – 0,8 см. Размеры: 4,2×9,3 см; вес – 0,061 кг. Рис. 3.41; 3.42.	Слой 13. Квадрат 3С.
144	Сосуда закрытой формы (ойнахои) слива в виде пальцевой деформации венчика фрагмент. Черепок плотный, на изломе оранжевого цвета. Глина тонкодисперсная, без видимых примесей. D – ? Толщина стенки – 0,4 см. Размеры: 1,7×1,9 см; вес – 0,001 кг. Рис. 3.41.	Слой 14б. Квадрат 3С.
145	Сосуда открытой(?) формы красноглиняного борта фрагмент. Борт вертикальный, слегка выпуклый, с округлым краем. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. D венчика ~ 10,0 см. Толщина стенки – 0,3 см. Размеры: 1,8×1,8 см; вес – 0,001 кг. Рис. 3.41; 3.42.	Слой 14б. Квадрат 3Е.
146	Сосуда закрытой формы коричневоглиняного венчика фрагмент. Черепок плотный, на изломе коричнево-серого цвета. В глиняном тесте примеси частиц плотного минерала красноватого цвета, мелкой дресвы, песка. Венчик отогнут наружу, слегка утолщён, скруглён. D венчика – 9,0 см. Толщина стенки – 0,3 см. Размеры: 1,8×1,9 см; вес – 0,003 кг. Рис. 3.38.	Слой 14б. Квадрат 3Е.
147	Калиптера красноглиняного бокового края с водосливным валиком и меткой фрагмент. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Метка выполнена в низком рельефе в виде буквенных знаков. Водосливной валик в сечении полуовальной формы (H – 0,2 см; ширина – 0,7 см). Толщина поля – 2,2-2,8 см. Размеры: 12,0×12,9 см; вес – 0,417 кг. Рис. 3.14; 3.15.	Кладка № 2.
148	Калиптера красноглиняного нижнего правого угла с прочерченной по сырой глине меткой (?) фрагмент, частично реконструирован из трех обломков. Черепок плотный, на изломе красно-оранжевого цвета, снаружи серый. В глиняном тесте примеси мелкой и средней дресвы плотного минерала различных оттенков красного цвета, мелкой и средней дресвы плотного минерала сине-серого цвета, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Толщина поля – 1,6 см. Размеры: 8,7×10,4 см; вес – 0,162 кг. Рис. 3.14.	Могила № 1. Заполнение.

№№ к.о.	Описание предмета	Место находки
149	Амфоры красноглиняной ручки фрагмент. Черепок плотный, на изломе коричнево-оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси частиц плотного минерала красного цвета, мелкой дресвы, песка, частиц рыхлого минерала белого цвета, частиц плотного минерала белого цвета. Ручка в сечении полуовальной формы с уплощённой внешней поверхностью, профилированной продольным выступом шириной 1,5 см и высотой 0,5 см. Размер сечения – 2,1×4,0 см. Сохранившаяся длина ручки – 5,7 см. Размеры: 4,0×5,7 см; вес – 0,049 кг. Рис. 3.35.	Могилы № 1. Заполнение.
150	Сосуда закрытой формы красноглиняного плоского дна фрагмент. Профиль частично реконструирован из двух обломков. Черепок плотный, на изломе бежевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета, мелких золотистых блесков. D дна – 5,0 см. Толщина стенки – 0,7-1,0 см. Размеры: 3,1×8,4 см; вес – 0,047 кг. Рис. 3.41.	Могилы № 1. Заполнение.
151	Сосуда закрытой формы красноглиняного плоского дна фрагмент. Профиль частично реконструирован из двух обломков. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкой дресвы, песка, частиц плотного минерала белого цвета. D дна – 9,0 см. Толщина стенки – 0,6 см. Размеры: 3,6×8,2 см; вес – 0,032 кг. Рис. 3.41.	Могилы № 1. Заполнение.
152	Изделия красноглиняного (округлой, массивной ручки толстостенного сосуда?) фрагмент. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси частиц плотного минерала различных оттенков красного цвета, мелкой и средней дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Размер сечения – 6,1×6,6 см. Сохранившаяся длина – 2,3 см. Вес – 0,091 кг.	Подъемный материал.
153	Сосуда закрытой формы красноглиняного плоского дна фрагмент. Черепок плотный, приглушённого оранжевого цвета, частично пережжён до серо-коричневого. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, песка. D дна – 10,0 см. Толщина стенки – 0,7 см. Размеры: 4,7×4,9 см; вес – 0,029 кг. Рис. 3.41.	Подъемный материал.
154	Калиптера красноглиняного нижней части фрагмент. Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси шамота, мелкой и средней дресвы минерала красно-коричневого цвета, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Толщина поля – 2,1-2,4 см. Размеры: 16,0×35,1 см; вес – 2,213 кг. Рис. 3.26; 3.27.	Подъемный материал.
157	Сосуда закрытой формы красноглиняного венчика фрагменты (2). Черепок плотный, на изломе приглушённого оранжевого цвета. В глиняном тесте примеси мелкодроблёного шамота, мелкой дресвы, частиц плотного минерала белого цвета, частиц рыхлого минерала белого цвета. Венчик отогнут наружу, с внутренней стороны выделен небольшим реберчатым выступом, край скруглён. D венчика – 8,0 см. Толщина стенки – 0,45 см. Размеры: 1,9×2,4 см; вес – 0,002 кг. Рис. 3.41.	Слой 12, дерн. Квадрат 2С.
209	Грузило из морской гальки с просверленным отверстием. Размеры: 5,6×4,9×1,7 см; диаметр отверстия – 0,35-0,5 см. Рис. 6.3; 6.4.	Слой 4. Квадрат 4С.
258	Амфоры красноглиняной причерноморского типа стенки с прочерченным орнаментом фрагмент. Черепок оранжево-красный. В тесте большое количество дресвы, блески, частицы рыхлого минерала белого цвета. Орнамент в виде горизонтальной плетенки. Размеры фрагмента: 7,55×6,5 см; толщина – 1,2 см. Рис. 3.35; 3.37.	Слой 7б. Квадрат 1В.

КАТАЛОГ ИЗДЕЛИЙ ИЗ СТЕКЛА

№№ к.о.	Описание предмета	Место находки
158/1	Сосуда стеклянного венчика фрагмент. Стекло зеленоватое, прозрачное. Венчик отогнут наружу, валикообразный край загнут внутрь. Размеры: 1,15×1,9×0,25 см; диаметр – около 6,0 см. Рис. 4.3.	Слой 1 (дерн). Квадрат 4С.
158/2	Сосуда стеклянного венчика разрозненные фрагменты (3). Стекло зеленоватое, прозрачное. Венчик отогнут наружу, валикообразный, край загнут внутрь. Размеры: 2,45×2,05×0,1-0,3 см; 1,75×1,3×0,1-0,3 см; 2,65×1,8×0,1-0,3 см; диаметр – около 7,0 см. Рис. 4.3; 4.4.	Слой 6-1. Квадрат 2D.
159	Сосуда стеклянного дна на кольцевом поддоне фрагмент. Стекло голубое, прозрачное, в месте утолщения более насыщенного цвета. Размер: 2,15×0,95×0,35 см; диаметр – около 6,0-7,0 см. Рис. 4.3; 4.4.	Слой 6-1. Квадрат 2D.
160	Сосуда стеклянного ручки фрагмент. Ручка сформована из округлого стеклянного стержня, в виде кольца с нижним креплением и последующим наложением стеклянной полосы на стенку сосуда вертикально вверх. Стекло зеленоватое, прозрачное, в его структуре видны мелкие округлые пузырьки. Сечение ручки – 0,3 см, высота – 1,5 см. Размер фрагмента: 3,0×1,45×1,35 см. Рис. 4.3; 4.4.	Слой 4. Квадрат 4С.
161	Сосуда стеклянного дна на кольцевом поддоне. Стекло голубое, прозрачное. Дно вогнуто, поддон полый, на днище видны следы от потии. Диаметр – 3,5×3,45 см, высота – 1,05 см. Рис. 4.3; 4.4.	Слой 4. Квадрат 4С.
162	Сосуда стеклянного венчика фрагмент. Стекло зеленоватое, прозрачное. Венчик слегка отогнут наружу, край оплавлен, немного загнут внутрь. Размеры: 1,65×2,55×0,15 см; диаметр – около 7,5 см. Рис. 4.3.	Слой 4. Квадрат 4С.
163	Сосуда стеклянного венчика фрагмент. Стекло зеленоватое, прозрачное. Венчик слегка отогнут наружу, край оплавлен, немного загнут внутрь. Размеры: 2,7×1,6×0,15 см; диаметр – около 9,0 см. Рис. 4.2.	Слой 5. Квадрат 3С.
164	Сосуда стеклянного стенки с нижним прилепом ручки фрагмент. Стекло бесцветное, прозрачное. Размеры: 1,3×1,95×0,75 см. Рис. 4.2.	Слой 5. Квадрат 3D.
165	Сосуда стеклянного венчика фрагмент. Стекло голубоватое, прозрачное. Венчик прямой, край утолщён, оплавлен, выступает наружу. Размеры: 1,5×1,3×0,25 см; диаметр – около 10,0 см. Рис. 4.2.	Слой 5. Квадрат 3D.
166	Сосуда стеклянного венчика фрагмент. Стекло бесцветное, прозрачное. Венчик слегка отогнут наружу, край оплавлен, немного утолщён. Размеры: 1,85×1,45×0,15 см; диаметр – около 11,0 см. Рис. 4.2.	Слой 5. Квадрат 3D.
167	Сосуда стеклянного венчика фрагмент. Стекло зеленоватое, прозрачное. Венчик слегка отогнут наружу, край оплавлен, немного загнут внутрь. Размеры: 2,15×0,95×0,1-0,2 см; диаметр – около 7,0 см. Рис. 4.1.	Слой 5. Квадрат 4С.
168	Сосуда стеклянного венчика фрагмент. Стекло бесцветное, прозрачное. Венчик прямой, край оплавлен, слегка утолщён. Размеры: 1,3×1,55×0,2 см; диаметр не определяется. Рис. 4.1.	Слой 5. Квадрат 4С.
169	Сосуда стеклянного венчика фрагмент. Стекло зеленоватое, прозрачное. Венчик слегка отогнут наружу, край оплавлен, немного загнут внутрь. Размеры: 2,2×1,8×0,05-0,15 см; диаметр не определяется. Рис. 4.2.	Слой 5. Квадрат 4С.
170	Сосуда стеклянного венчика фрагмент. Стекло прозрачное, с легким голубоватым оттенком. Венчик слегка отогнут наружу, край оплавлен, утолщён. Размеры: 2,4×0,95×0,2 см; диаметр не определен. Рис. 4.2.	Слой 5. Квадрат 4С.
171	Сосуда стеклянного венчика фрагмент. Стекло прозрачное, на стенках с легким голубоватым оттенком, на венчике более насыщенного светло-синего цвета. Венчик прямой, край оплавлен, утолщён, выступает наружу в виде валика. Размеры: 1,8×1,5×0,25 см; диаметр – около 7,0 см. Рис. 4.2.	Слой 5. Квадрат 4С.
172	Сосуда стеклянного венчика фрагмент. Стекло прозрачное, на стенках с легким голубоватым оттенком, на венчике более насыщенного светло-синего цвета. Венчик прямой, край загнут внутрь, оплавлен, утолщён, выступает наружу в виде валика. Размеры: 2,1×1,65×0,3 см; диаметр – около 10,0 см. Рис. 4.2.	Слой 5. Квадрат 4С.
173	Сосуд стеклянный фрагментированный. Частично реконструирован из 3-х фрагментов (2 обломка венчика и нижний прилеп ручки). Стекло прозрачное, на стенках с легким голубоватым оттенком, на венчике и прилепе ручки насыщенного светло-синего цвета. Венчик прямой, край оплавлен, утолщён, выступает наружу в виде валика. Размеры: 1,9×1,25×0,2 см; 2,05×1,6×0,2 см; 1,5×0,8×0,55 см; диаметр – около 10,0 см. Рис. 4.2; 4.4.	Слой 5. Квадрат 4С.

№№ к.о.	Описание предмета	Место находки
174	Сосуда стеклянного венчика фрагмент. Стекло светло-голубое, прозрачное. Венчик слегка отогнут наружу, край оплавлен, утолщён. Размеры: 1,8×1,5×0,25 см; диаметр – около 9,5 см. Рис. 4.2.	Слой 5. Квадрат 4С.
175	Сосуда стеклянного венчика фрагменты (2). Стекло прозрачное, на стенках с легким голубоватым оттенком, венчик более насыщенного светло-синего цвета. Венчик прямой, край загнут внутрь, оплавлен, утолщён. Размеры: 1,6×1,25×0,25 см; 1,5×0,95×0,25 см; диаметр – около 8,0 см. Рис. 4.2.	Слой 5. Квадрат 4С.
176	Сосуда стеклянного верхней части корпуса с ручкой фрагмент. Венчик слегка отогнут наружу, край оплавлен, немного утолщён. Ручка крепится к верхней части корпуса и к краю венчика. Стекло прозрачное с легким голубым оттенком в местах утолщения, в его структуре видны мелкие округлые и горизонтально вытянутые пузырьки. Размеры: 2,5×2,85×1,05 см; диаметр – около 9,0 см, высота ручки – 2,5 см, сечение – 0,3×0,25 см. Рис. 4.1; 4.4.	Слой 5. Квадрат 4С.
177	Сосуда стеклянного ручки с венчиком фрагмент. Венчик прямой, край оплавлен. Ручка крепится к верхней части корпуса и к краю венчика. Стекло прозрачное, бесцветное, в его структуре видны мелкие округлые и вытянутые пузырьки. Ручка в сечении подовальной формы – 0,35×0,45 см, высота – 2,6 см. Размеры: 2,7×1,35×0,8 см; диаметр не определяется. Рис. 4.2; 4.4.	Слой 5. Квадрат 4С.
178	Сосуда стеклянного венчика фрагмент. Стекло бесцветное, прозрачное. Венчик слегка отогнут наружу, край оплавлен, немного утолщён. Размеры: 1,25×0,8×0,05-0,25 см; диаметр не определяется. Рис. 4.2.	Слой 5. Квадрат 4С.
179	Сосуда стеклянного венчика фрагмент. Стекло бесцветное, прозрачное. Венчик слегка отогнут наружу, край оплавлен, немного утолщён. Размеры: 1,25×0,7×0,15 см; диаметр не определяется. Рис. 4.1.	Слой 5. Квадрат 4С.
180/1-11	Сосудов стеклянных однотипных венчика с ручкой и венчиков разрозненные фрагменты (11). Стекло бесцветное, прозрачное. Венчики прямые или слегка отогнуты наружу, край оплавлен. Размеры: 1,2×0,9×0,15 см – 2,75×1,85×1 см; диаметр – 8,0-10,0 см. Рис. 4.2.	Слой 5. Квадрат 4С-D.
181	Сосуда стеклянного венчика фрагмент. Стекло прозрачное, на стенках с легким голубоватым оттенком, на венчике более насыщенного светло-синего цвета. Венчик прямой, край оплавлен, утолщён, выступает наружу в виде валика. Размеры: 1,65×1,4×0,05-0,2 см; диаметр – около 9,0 см. Рис. 4.1.	Слой 5. Квадрат 4D.
182	Сосуда стеклянного венчика фрагмент. Стекло бледно-голубое, прозрачное, венчик более насыщенного светло-синего цвета. Венчик прямой, край оплавлен, слегка утолщён. Размеры: 1,5×0,6×0,05-0,2 см; диаметр – около 9,0 см. Рис. 4.1.	Слой 5. Квадрат 4D.
183	Сосуда стеклянного ручки с краем венчика фрагмент. Венчик прямой, край оплавлен, немного утолщён. Ручка крепится к верхней части корпуса и к краю венчика. Стекло прозрачное, бесцветное, в его структуре видны мелкие, округлые пузырьки. Ручка в сечении подовальной формы – 0,3×0,25 см, высота – 3,05 см. Размеры фр-та: 3,05×1,35×1,0 см. Рис. 4.1; 4.4.	Слой 5. Квадрат 4D.
184	Сосуда стеклянного ручки с венчиком фрагмент. Венчик прямой, край оплавлен. Ручка крепится к верхней части корпуса и к краю венчика. Стекло прозрачное, бесцветное, в его структуре видны мелкие округлые и вытянутые пузырьки. Ручка в сечении подовальной формы – 0,35×0,45 см, высота – 2,6 см. Размеры фр-та: 2,6×1,1×0,8 см. Рис. 4.1; 4.4.	Слой 5. Квадрат 4D.
185	Сосуда стеклянного венчика фрагмент. Стекло прозрачное, на стенках с легким голубоватым оттенком, венчик более насыщенного светло-синего цвета. Венчик прямой, край оплавлен, утолщён, выступает наружу в виде валика. Размеры: 1,9×1,2×0,05-0,2 см; диаметр – около 9,0 см. Рис. 4.1; 4.4.	Слой 5. Квадрат 4D.
186	Сосуда стеклянного венчика разрозненные фрагменты (2). Стекло бесцветное, прозрачное. Венчик прямой, край оплавлен. Размеры: 1,8×1,1×0,1 см; 1,1×0,95×0,1 см; диаметр – около 9,0 см. Рис. 4.1.	Слой 5. Квадрат 4D.
187	Сосуда стеклянного венчика фрагменты (2). Стекло бесцветное, прозрачное. Венчик прямой, край оплавлен, утолщён, выступает наружу в виде валика. Размеры: 1,75×0,95×0,1-0,2 см; 1,05×1,2×0,2 см; диаметр – около 9,0 см. Рис. 4.1.	Слой 5. Квадрат 4D.
188	Сосуда стеклянного венчика фрагмент. Стекло бесцветное, прозрачное. Венчик прямой, край оплавлен. Размеры: 1,8×1,15×0,15 см; диаметр не определяется. Рис. 4.1.	Слой 5. Квадрат 4D.
189	Сосуда стеклянного венчика фрагмент. Стекло бесцветное, прозрачное. Венчик слегка отогнут наружу, край оплавлен. Размеры: 1,85×1,1×0,15 см; диаметр – 8,0 см. Рис. 4.1.	Слой 5. Квадрат 4D.
190	Сосуда стеклянного венчика разрозненные фрагменты. Стекло прозрачное, на стенках с легким голубоватым оттенком, венчик более насыщенного светло-синего цвета, прямой, край оплавлен, утолщён, выступает наружу в виде валика. Размеры: 1,4×0,6×0,05-0,3 см; 1,35×1,6×0,05-0,25 см; 0,95×0,9×0,1-0,25 см; диаметр – около 9,0 см. Рис. 4.1.	Слой 5. Квадрат 4D.
191	Сосуда стеклянного венчика разрозненные фрагменты. Стекло бледно-голубое, прозрачное. Венчик прямой, край оплавлен, немного утолщён. Размеры: 2,15×1,15×0,1 – 0,2 см; 1,1×0,6×0,1-0,2 см; диаметр – около 10,0 см. Рис. 4.1.	Слой 5. Квадрат 4D.
192	Сосуда стеклянного венчика фрагмент. Стекло зеленоватое, прозрачное. Венчик слегка отогнут наружу, край оплавлен. Размеры: 1,85×1,7×0,1-0,15 см; диаметр – более 8,0 см. Рис. 4.1.	Слой 5. Квадрат 4D.
193	Сосуда стеклянного ручки фрагмент. Стекло бесцветное, прозрачное. Ручка овальная в сечении – 0,4×0,3 см; длина фрагмента – 1,5 см. Рис. 4.1.	Слой 5. Квадрат 4D.

№№ к.о.	Описание предмета	Место находки
194	Сосуда стеклянного ручки фрагмент. Стекло бесцветное, прозрачное. Ручка овальная в сечении – 0,45×0,3 см; длина – 1,45 см. Рис. 4.1.	Слой 5. Квадрат 4D.
195	Сосуда стеклянного венчика фрагмент. Стекло бесцветное, прозрачное. Венчик прямой, край оплавлен, слегка утолщён. Размеры: 1,35×0,95×0,1-0,15 см; диаметр не определяется. Рис. 4.1.	Слой 5. Квадрат 4Е.
196	Сосуда стеклянного венчика фрагмент. Стекло светло-голубое, прозрачное. Венчик прямой, край оплавлен, утолщён, выступает наружу в виде валика неравномерной ширины. Размеры: 0,9×1,3×0,15-0,3 см; диаметр не определяется. Рис. 4.1.	Слой 5. Квадрат 4Е.
197	Сосуда стеклянного, декорированного накладными нитями стенки фрагмент. Стекло стенки бледно-голубое, прозрачное, нити насыщенного светло-синего цвета. Размеры: 1,05×1,1×0,05-0,25 см. Рис. 4.1; 4.4.	Слой 5. Квадрат 4Е.
198	Сосуда стеклянного (лампады с узкой полый ножкой), донной части с выходом на ножку, фрагмент. Профиль частично реконструирован из четырех обломков. Стекло зеленоватое, прозрачное. Ножка полая. Размеры: 0,9×0,9×0,2 – 1,7×1,05×0,2 см; диаметр ножки – около 1,0 см. Рис. 4.3.	Слой 6. Квадраты 1В, 2А.
199	Сосуда стеклянного стенки с остатками вертикальной наклепной полосы фрагмент. Стекло зеленоватое, прозрачное. Размеры: сечение полосы – 0,55×0,3 см, длина фрагмента – 1,55 см. Рис. 4.3.	Слой 6. Квадрат 2Е.
200	Сосуда стеклянного венчика фрагмент. Стекло зеленоватое, прозрачное. Венчик прямой, край оплавлен, слегка утолщён. Размеры: 1,05×1,1×0,1-0,15 см; диаметр – около 7,0 см. Рис. 4.3.	Слой 6. Квадрат 4С.
201	Сосуда стеклянного верхней части корпуса с ручкой фрагмент. Реконструирован из 5 обломков. Венчик прямой, слегка отогнут наружу, край оплавлен, немного утолщён. Ручка крепится к верхней части корпуса и к краю венчика. Стекло прозрачное с легким зеленоватым оттенком в местах утолщения, в его структуре видны мелкие округлые и горизонтально вытянутые пузырьки. Размеры: диаметр – около 10,0 см; Н ручки – 2,8 см, сечение ручки – 0,35×0,3 см; размер фрагмента – 9,5×4,6 см, толщина стенки – 0,1 см. Рис. 4.3; 4.4.	Слой 12. Квадрат 3С. Слой 14г. Квадрат 3С.
202	Сосуда стеклянного верхней части корпуса с ручкой фрагмент. Венчик прямой, край оплавлен, немного утолщён. Ручка крепится к верхней части корпуса и к краю венчика. Стекло прозрачное, насыщенного светло-синего цвета в местах утолщения, в его структуре видны мелкие округлые и горизонтально вытянутые пузырьки. Размеры: 2,5×1,3×1,1 см, Н ручки – 2,5 см, сечение – 0,45×0,3 см. Рис. 4.3; 4.4.	Слой 12а.
203	Сосуда стеклянного верхнего прилепа ручки фрагмент. Стекло зеленоватое, прозрачное. Ручка с верхним креплением, кольцеобразная (нижний ее конец крепится практически сразу под верхним), стержень гладкий, в сечении округлой формы – 0,3×0,3 см. Размеры фрагмента: 1,35×1,35×1,3 см. Рис. 4.3; 4.4.	Слой 12в. Квадрат 2С.
250	Бусина стеклянная (бисер), цилиндрическая, изготовлена из трубки. Стекло зеленое. Поверхность покрыта плотной белесой папиной. Размеры: диаметр – 0,4 см; высота – 0,2 см; диаметр отверстия – 0,15 см. Рис. 6.2.	Слой 13. Квадрат 2Е.

КАТАЛОГ ИЗДЕЛИЙ ИЗ МЕТАЛЛА И АРТЕФАКТОВ ФАУНИСТИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

№№ к.о.	Описание предмета	Место находки
204	Бубенчик бронзовый, сферической формы с одной прорезью и ушком в виде кольца. Деформирован. Размер: 1,1×0,9×0,5 см. Рис. 6.2.	Слой 2. Квадрат 3Е.
205	Крест из белого металла, пластинчатый. Ветви скреплены заклёпкой. Горизонтальная ветвь расположена под углом около 25° по отношению к вертикальной. Концы ветвей обломаны. Размеры сохранившейся части предмета: 1,8×1,0 см; толщина – около 0,02 см; длина заклёпки – 1,05 см. Рис. 5.6.	Слой 2. Квадрат 3С.
206	Креста из белого металла, пластинчатого с расширяющимися к концам ветвями, ветви фрагмент. Частично реконструирован из трех обломков. Края креста украшены пуансонным орнаментом. Размеры фрагмента: 1,15×1,3 см; толщина пластины – около 0,02 см. Рис. 5.6.	Слой 2, нижняя часть. Квадрат 1Д.
207	Изделие из железного четырехгранного стержня, изогнутого в виде петли. Внутри петли видны сильно корродированные остатки другого железного предмета (гвоздя?). Размеры: 4,85×2,35×1,5 см; сечение стержня – около 0,9×0,8 см. Рис. 6.1.	Слой 4. Квадрат 2Е.
208	Изделие из бронзовой проволоки в виде стержня с окончаниями, изогнутыми крюком. Вероятно, предназначалось для подвешивания лампы. Проволока в сечении округлая. Размеры: длина – 4,5 см; ширина крюков – 0,65-1 см; сечение проволоки – 0,15-0,1 мм. Рис. 6.2.	Слой 4. Квадрат 4Д.
210	Крест железный, пластинчатый, цельнометаллический с заостренной четырехгранной нижней ветвью. Ветви креста расширяются от центра к краям. Окончания горизонтальной ветви утрачены. Основание согнуто по отношению к оси креста под углом около 160°. Размеры: длина изделия – 5,9 см; длина вертикальной ветви – 4,2 см; ширина – 0,9-1,5 см; длина сохранившейся части горизонтальной ветви – 2,65 см; ширина – 1,1-1,45 см; длина основания – около 1,5 см. Рис. 5.5.	Слой 4, нижняя часть. Квадрат 4Д.
211	Крест железный пластинчатый, клёпаный. Ветви креста соединены с помощью заклёпки. Вертикальная ветвь креста переходит в четырехгранное заостренное основание, согнутое под углом 90°, которая на 0,85 см отступает от оси креста. Часть горизонтальной ветви утрачена. Размеры: длина изделия – 3,7 см; длина вертикальной ветви – 3,0 см; ширина – 0,5 см; длина сохранившейся части горизонтальной ветви – 1,85 см; ширина – 0,75 см. Рис. 5.5.	Слой 6-1. Квадрат 2Д.
212	Изделия из четырехгранного стержня (звена цепи?) фрагмент. Стержень изогнут под углом около 90°. Размер фрагмента: 2,95×2,0 см; сечение – 0,7×0,65 см. Рис. 6.1.	Слой 6-1. Квадрат 2Д.
213	Полоса свинцовая с одним зауженным концом, изогнутым в виде крюка (конструктивный элемент лампы?). Размеры: длина изделия – 3,3 см; сечение – 0,3-0,9×0,15-0,25 см. Рис. 6.2.	Слой 5. Квадрат 3С.
214	Изделия из железной пластины (возможно, ветви креста) фрагмент. Размеры: 1,5×1,35 см; толщина – 0,3 см. Рис. 5.2.	Слой 5. Квадрат 3С.
215	Изделия из медного сплава фрагмент. Изделие в виде изогнутого полукольцом стержня. Один его конец в сечении круглый, второй – уплощён и оформлен небольшим выступом. На лицевой поверхности уплощённой части предмета выгравированы 5 поперечных параллельных линий. Размеры: 2,75×2,2 см; сечение – 0,35-0,4 см; длина выступа – 0,45 см. Рис. 6.2.	Слой 5. Квадрат 3Д.
216	Стержень из медного сплава фрагменты (2). В сечении округлой формы. Размеры: диаметр – 0,25 см; длина фрагментов – 2,7 и 1,4 см. Рис. 6.2.	Слой 5. Квадрат 4Д.
217	Полосы свинцовой фрагменты (3). Конец одного из фрагментов загнут, другого – слегка скручен по оси. Размеры: 1,1×0,65×0,15 см; 2,85×0,65×0,45 см; 0,55×0,5×0,15 см. Рис. 6.2.	Слой 5. Квадрат 4С.
218	Стержня железного фрагменты (2). Изделие в значительной степени корродировано. Форму сечения определить сложно. Размеры: 1,45×0,35×0,3 см; 2,15×0,65×0,75 см. Рис. 5.2.	Слой 5. Квадрат 4С.
219	Стержня железного, заостренного фрагменты (возможно, окончание нижней ветви креста) (2). В сечении четырехгранный. Размеры: длина – 2,1 см; сечение – 0,5×0,3 см. Рис. 5.2.	Слой 5. Квадрат 4Д.
220	Стержень железный, заостренный, в сечении четырехгранный. Размеры: длина – 2,0 см; сечение – 0,35×0,4 см. Рис. 5.2.	Слой 5. Квадрат 4Е.
221	Стержня свинцового в сечении четырехгранного фрагмент. Размеры: длина – 1,8 см; сечение – 0,3×0,2 см. Рис. 6.2.	Слой 5. Квадрат 4Е.
222	Полоса свинцовая, с загнутым в виде крюка окончанием, деформирована (скручена по оси). Размеры: 1,35×0,4×0,45 см; толщина – 0,1 см. Рис. 6.2.	Слой 5. Квадрат 4Д.
223	Изделия из бронзовой проволоки фрагмент. Проволока округлая в сечении, изогнута пополам и скручена плотными витками. Размер предмета: длина сохранившейся части – 3,0 см; толщина – 0,4 см; сечение проволоки – 0,15 мм. Рис. 6.2.	Слой 5. Квадрат 4Д.
224	Подвеска из клыка оленя с отверстием для подвешивания, просверленным в корне. Размеры: 2,35×1,0×0,7 см; диаметр отверстия – 0,3-0,35 см. Рис. 6.2.	Слой 5. Квадрат 4С.

№№ к.о.	Описание предмета	Место находки
225	Изделия из железной пластины (часть ветви креста?) фрагмент. Сильно корродирован. Размеры: 2,4×0,9×0,7 см; толщина пластины – 0,7 см. Рис. 5.2.	Слой 5. Квадрат 4С.
226	Крест из белого металла с отверстием для подвешивания. Вырезан из дирхема. Отверстие пробито округлым в сечении стержнем. Арабский халифат, Омеяды, VII – первая половина VIII в. Размеры: 2,5×2,3 см; толщина – 0,05 см; диаметр отверстия – 0,25 см. Вес – 1,6 г. Рис. 5.6.	Слой 6. Квадрат 2А.
227	Наконечника стрелы, железного черешкового верхней части фрагмент. Перо четырехгранное (прямоугольное в сечении), заострённое. Окончание черешка утрачено. Сохранность плохая. Размеры: длина фрагмента – 2,6; длина пера – 1,5 см; сечение пера – 0,7×0,5 см. Рис. 6.1.	Слой 6. Квадрат 2Е.
228	Крест железный, пластинчатый. Конец нижней ветви заострён и загнут под углом 160° к оси изделия. Горизонтальная ветвь уже вертикальной. Края горизонтальной ветви оформлены полукруглыми вырезами. Верхнее окончание вертикальной ветви утрачено. Размеры: 9,0×6,1 см; длина вертикальной ветви – 5,5 см; толщина вертикальной ветви – около 1,2-1,5 см; длина горизонтальной ветви – 6,1 см; толщина горизонтальной ветви – 0,8 см; толщина креста вместе соединения ветвей – 0,9 см; длина изгиба – 0,8 см. Рис. 5.2.	Слой 6. Квадрат 3С.
229	Креста железного, пластинчатого с заострённым четырехгранным основанием, нижней части вертикальной ветви с остатками основания фрагмент. Размеры: длина фрагмента – 3,05 см; ширина ветви – 1,05 см; сечение основания – 0,65×0,4 см. Рис. 5.2.	Слой 6. Квадрат 4Е.
230	Изделия из бронзовой проволоки фрагмент (петля для крепления от пуговицы-подвески?). Проволока профилирована продольным ребром, изогнута в форме петли с разомкнутыми окончаниями. Размер фрагмента: 0,75×0,5 см; сечение – 0,15×0,2 см. Рис. 6.2.	Слой 7. Квадрат 2Е.
231	Полосы из свинцовой пластины фрагмент. Пластина согнута вдвое, слегка деформирована. Размеры: 2,0×0,75 см; ширина пластины – 0,65 см; толщина пластины – 0,1 см. Рис. 6.2.	Слой 11. Квадрат 2Д.
232	Кольцо железное с разомкнутыми окончаниями. Один край обломан. Изготовлено из четырехгранного(?) в сечении стержня. Размеры: диаметр изделия – 2,75×2,6 см; сечение стержня – 0,55 см. Рис. 6.1.	Слой 11. Проем в ЮВ стене.
233	Стержня железного (гвоздя?) фрагмент. Стержень в сечении четырехгранный. Размеры: длина – 3,3 см; сечение – 1,1×0,8 см. Рис. 6.1.	Слой 12. Квадрат 3С.
234	Крест из белого металла, пластинчатый, с небольшим железным шипом в центре перекрестия. Частично реконструирован из двух обломков. Нижняя часть вертикальной ветви равномерной ширины, горизонтальные ветви расширяются к краям. Шип конической формы соединяет ветви креста в центре. Размеры: длина сохранившейся части вертикальной ветви – 2,4 см; ширина – 0,6 см; длина сохранившейся части горизонтальной ветви – 1,65 см; ширина – 0,6-0,7 см; высота шипа – 0,3 см. Рис. 5.6.	Слой 12а. Квадрат 2Д.
235	Пластины железной (ветви креста?) фрагмент. Размеры: 2,5×1,9×0,5 см. Рис. 5.4.	Слой 12а. Квадрат 2С.
236	Раковина морского моллюска с отверстием для подвешивания. Размеры: 5,6×1,8×1,75 см; диаметр отверстия – 0,4×0,5 см. Рис. 6.2.	Слой 12а. Квадрат 2С.
237	Креста железного, пластинчатого, клёпаного фрагменты. Частично реконструирован из девяти обломков. Сильно корродирован. Ветви слегка расширяются к окончаниям, соединены с помощью заклёпки в центре перекрестия. Размеры фрагментов: 1,5×1,05×0,35 см; 7,5×5,6 см; сохранившаяся длинна ветвей – 7,6 см; 5,55 см; ширина – 1,1-1,4 см; толщина – 0,45 см. Рис. 5.4.	Слой 12а. Квадрат 2С. Заклад северного проема в южном нефе.
238	Креста железного, пластинчатого клёпанного фрагменты. Часть горизонтальной ветви и нижняя ветвь креста утрачены. Горизонтальная ветвь слегка расширяется к концам. Размеры: длина сохранившейся части вертикальной ветви – 9,8 см; ширина – 1,7-1,9 см; длина сохранившейся части горизонтальной ветви – 5,1 см; ширина – 1,55-1,75 см. Рис. 5.3.	Слой 12а. Квадрат 2С. Заклад северного проема в южном нефе.
239	Креста железного, пластинчатого с четырехгранной нижней ветвью фрагмент. Реконструирован из двух обломков. Верхнее окончание ветви утрачено. Размеры: длина фрагмента – 8,6 см; ширина ветви – 1,15-0,45 см; сечение основания – 0,85×0,55 см. Рис. 5.2.	Слой 12а. Квадрат 3Д.
240	Гвоздь железный, кованный, в сечении четырехгранный с изогнутым окончанием. Часть шляпки утрачена, ее форма не ясна. Размеры: длина – 7,2 см; сечение стержня – 1,05×1,1 см. шляпка – 1,1×2,0 см. Рис. 6.1.	Слой 12а. Квадрат 3С.
241	Креста железного, пластинчатого, центральной части одной из ветвей фрагмент. Размеры: 2,85×1,2-1,5×0,35 см. Рис. 5.2.	Слой 12а. Квадрат 3С. Апсида.
242	Стержень железный, четырехгранный, заострённый. Согнут под углом около 90°. Возможно, обломок нижней ветви пластинчатого креста. Размеры: длина фрагмента – 2,6 см; сечение – 0,5×0,5 см. Рис. 5.4.	Слой 12б, поверхность. Квадрат 2С.
243	Стержень железный, четырехгранный, заострённый. Согнутый под углом около 130°. Возможно, обломок нижней ветви пластинчатого креста. Размеры: длина фрагмента – 1,45 см; сечение стержня – 0,7×0,5 см. Рис. 5.4.	Слой 12в. Квадрат 2С.

№№ к.о.	Описание предмета	Место находки
244	Креста железного, пластинчатого, с заострённой четырехгранной нижней ветвью, вертикальной ветви основания фрагмент (склеен из 2-х обломков). Горизонтальная ветвь утрачена. Вертикальная – сохранилась на 2/3, слегка расширяется к окончаниям. Размеры: длина фрагмента – 7,8 см; ширина вертикальной ветви – 0,9-1,5 см; длина нижней ветви – 0,55 см; сечение – 0,65×0,35 см. Рис. 5.4.	Слой 12, нижняя часть. Квадрат 3С.
245	Креста железного, пластинчатого, ветви фрагмент ветви. Слегка расширяется к одному краю. Размеры: длина фрагмента – 4,0 см; ширина – 1,45-1,75 см; толщина – 0,5-0,65 см. Рис. 5.2.	Слой 12в. Квадрат 2С.
246	Крест свинцовый, вырезан из цельной пластины. Окончания ветвей утрачены. Ветви различной ширины. Размеры: длина сохранившейся части – 1,45 см; ширина – 0,45-0,5 и 0,65 см; толщина пластины – 0,15 см. Рис. 5.6.	Слой 13, поверхность. Квадрат 2D.
247	Пластины из медного сплава, украшенной пуансонным орнаментом, мелкие фрагменты (6). На одной из пластин виден вырез, выполненный под прямым углом. Размеры: 1×0,6 см; 0,7×0,6 см; 0,7×0,4 см; 0,35×0,2 см; 0,3×0,4 см; 0,2×0,2 см; толщина – около 0,01-0,02 см. Рис. 5.6.	Слой 13. Квадрат 2D.
248	Креста железного, пластинчатого, нижней части фрагмент. Реконструирован из двух обломков. Нижняя часть ветви расширена, переходит в четырехгранное основание, согнутое под прямым углом. Размеры: длина фрагмента – 5,2 см; длина фрагмента ветви – 2,4 см; ширина ветви – 1,7-1,95 см; длина основания до изгиба – 1,6 см; длина от изгиба – 1,6 см; сечение – 0,7×0,7 см. Рис. 5.5.	Квадрат 2С. Поверхность материка (слой 13?).
249	Крест из белого металла с отверстием для подвешивания. Вырезан из арабо-сасанидской полудрахмы (вторая половина VII – начало VIII в.). Концы вертикальной ветви креста расширены. Отверстие пробито округлым в сечении стержнем. Размеры: длина вертикальной ветви – 2,8 см; ширина – 0,8-1,1 и 1-1,45 см; длина горизонтальной ветви – 2,6 см; ширина – 1,7 см; толщина изделия – 0,05 см; диаметр отверстия – 0,15 см. Вес – 1,25 г. Рис. 5.6.	Слой 13. Квадрат 2С.
251	Полосы свинцовой фрагменты (2). Изделие слегка деформировано, с неровными краями. Размеры фрагментов: 1,55×0,6×0,3 см; 0,7×0,55×0,15 см. Рис. 6.2.	Слой 13. Квадрат 3Е.
252	Гвоздя железного, кованого, фрагменты. Стержень в сечении четырехгранный. Шляпка подтреугольной формы, края утрачены. Размеры: длина фрагментов – 2,5 и 2,9 см; сечение – 1,0×1,0 см; шляпка – 2,15×1,6 см. Рис. 6.1.	Слой 12а. Квадрат 3Е, проем в ЮВ стене.
253	Креста железного, пластинчатого, клёпаного, перекрестия фрагмент. Частично реконструирован из двух обломков. Ветви равномерной ширины, соединены с помощью заклёпки. Размеры: 3,9×4,0 см; ширина – 1,1 см; толщина – около 0,3 см. Рис. 5.4.	Квадрат 3С, у кладки апсиды. Поверхность материка.
254	Пуговицы–подвески, сферической формы с проволочным ушком в виде петли, фрагменты (4). Пуговица изготовлена из двух тесненных полусфер. Размеры: 1,05×0,9×0,2 см; 1,0×0,85×0,5 см; 0,65×0,5×0,5 см; 0,55×0,45×0,01 см. Рис. 6.2.	Могила №1. Погребение 2.
255	Крест пластинчатый из белого металла с отверстием для подвешивания. Ветви ромбической формы, практически равновеликие. Размеры: длина вертикальной ветви – 3,15 см; ширина – 0,5-0,6–1,35-1,4 см; длина горизонтальной ветви – 3,05 см; ширина – 0,5-0,6–1,1-1,05 см; толщина пластины – 0,05 см. Рис. 5.6.	Подъемный материал.
256	Креста медного сплава, пластинчатого с пуансонным орнаментом разрозненные фрагменты (26). Ветви расширены к концам. Их контур и перекрестие украшены точечной чеканкой. Реконструируемые размеры креста: длина вертикальной ветви – 7,9 см; ширина – 1,1-1,6 см; горизонтальной ветви – 1,5 см; ширина – 1-1,3 см; толщина пластины – около 0,02 см; пуансонный орнамент диаметром – 0,1 и 0,3 см. Рис. 5.6.	Подъемный материал.
257	Пластины из белого металла подпрямоугольной формы (ветви креста) фрагмент. Размеры: 0,75×0,4 см; толщина – 0,01 см. Рис. 5.6.	Подъемный материал.

КАТАЛОГ НАХОДОК ИЗ КОМПЛЕКСОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ

№№ к.о.	Описание предмета	Место находки
156	Горшок лепной красноглиняный фрагментированный. Сохранилась верхняя часть корпуса с горлом и венчиком. Форма частично реконструируется из 22-х фрагментов. Черепок плотный, на изломе от приглушённого красного до черного цвета. Обжиг неравномерный. В глиняном тесте примеси мелкой и средней дресвы аргиллитов и кварцитов, мелкозернистый песок (в т.ч. черный остроугольный), включения рыхлого минерала белого цвета (известняк). Горшок изготовлен в технике ленточного налепа. Венчик отогнут наружу, слегка заужен к краю, внешняя поверхность венчика заглажена. D венчика – 15,0 см. Сохранившаяся высота корпуса – 20,5 см. Толщина стенки – 0,6-1,1 см. Рис. 2.70.	Яма № 11. Заполнение.
259	Серп бондарихинского типа, сегментовидный. Изготовлен из кремневой плитки. Не исключено, что отделка прямого лезвия не завершена. Основание и острие не обработаны. Техника изготовления бифасиальная, плосковыпуклая. Ретушь представлена комбинацией чешуйчатой и параллельной. Длина негатива ретуши – 16, 74 мм. Размеры артефакта – 78,411×28,192×8,171 мм. Вес – 18 г. Рис. 2.79.	Культовый комплекс. Слой 15.
260	Заготовка двустороннего орудия. Изготовлена из кремневой плитки. Не завершена отделка лезвий. Основание не обработано. Техника изготовления бифасиальная, двояковыпуклая. Ретушь чешуйчатая, на лезвиях есть неретушированные участки. Длина негатива ретуши – 22,69 мм. Размеры артефакта – 104,612×42,252×14,671 мм. Вес – 62 г. Рис. 2.79.	Культовый комплекс. Слой 15.
261	Наконечник листовидный. Вероятно, изготовлен из кремневой плитки. Основание закруглённое. Техника изготовления бифасиальная, двояковыпуклая. Ретушь представлена комбинацией чешуйчатой и параллельной. Длина негатива ретуши – 15,69 мм. Размеры артефакта – 69,362×22,72×6,902 мм. Вес – 11 г. Рис. 2.79.	Культовый комплекс. Слой 15.

КАТАЛОГ АРХИТЕКТУРНО-КОНСТРУКТИВНЫХ ДЕТАЛЕЙ

1. Плита каменная от сводчатого перекрытия (сл. 4, кв. 2Е-Ф). Деталь имеет форму уплощённой призмы с четырёхугольным основанием. В продольном сечении она слегка трапециевидная, немного утолщается с тыльной стороны. Изделие вытесано из плотного известкового туфа с многочисленными порами средней величины и кавернами. Обработка всех граней относительно небрежная, плоскости сформированы чётко выраженными сколами от ударов лопатки инструмента глубиной местами до 5 мм. Передний торец плиты идентифицируется исключительно по наличию остатков известковой штукатурки в порах. Повреждены угловые участки детали.

Размеры: 12,0-15,4×30,3×39,0 см. Рис. 2.11.

2. Плита каменная от сводчатого перекрытия (сл. 4, кв. 2Е-Ф). По физическим, конструктивным и технологическим характеристикам деталь аналогична предыдущему изделию. Передний торец плиты идентифицируется исключительно по наличию еле заметных остатков известковой штукатурки в порах. Лицевая поверхность детали почти полностью утрачена вследствие повышенного количества каверн в структуре туфа, сколоты все угловые участки и повреждена поверхность камня.

Размеры: 9,5-11,5×38,0×36,0 см. Рис. 2.11.

3. Плита каменная от сводчатого перекрытия (сл. 4, кв. 2Е-Ф). Деталь имеет форму уплощённой призмы с четырёхугольным основанием. В продольном сечении она слегка трапециевидная, немного утолщается с тыльной стороны. Изделие вытесано из плотного известкового туфа с многочисленными порами средней величины и кавернами. Обработка всех граней относительно небрежная, плоскости сформированы чётко выраженными сколами от ударов лопатки инструмента глубиной местами до 5 мм. Кривизна лицевого торца плиты оттёской практически не выражена, идентифицируется исключительно по наличию известковой штукатурки, насыщенной растительными волокнами. Частично уцелела поверхность последней, которая густо покрыта характерными мелкими бороздками от выравнивания пучком травы. Толщина штукатурного слоя – 1,5-2 мм. На всех остальных гранях изделия отсутствуют признаки какого-либо раствора. Утрачены угловые участки переднего торца плиты.

Размеры: 9,5-11,5×28,0×37,0 см. Рис. 2.11.

4. Плита каменная от сводчатого перекрытия (сл. 4, кв. 2Е-Ф). По физическим, конструктивным и технологическим характеристикам деталь аналогична предыдущему изделию. Лицевой торец плиты идентифицируется исключительно по наличию остатков известковой штукатурки в порах. Утрачены угловые участки переднего торца плиты, на отдельных местах боковых граней повреждена поверхность камня.

Размеры: 8,0-10,6×28,2×38,5 см. Рис. 2.11.

5. Плита каменная от сводчатого перекрытия (сл. 4, кв. 2Е-Ф, п.о. 532). Деталь имеет форму уплощённой призмы с трапециевидным основанием. В продольном сечении она немного утолщается с тыльной стороны. Изделие вытесано из плотного известкового туфа с многочисленными порами средней величины. Обработка всех граней относительно небрежная, плоскости сформированы чётко выраженными сколами от ударов лопатки инструмента. Кривизна лицевого торца плиты с небольшим локальным изломом поверхности хорошо выражена. На всех без исключения гранях изделия отсутствуют даже малейшие признаки какого-либо раствора. Утрачен угловой участок тыльного торца плиты. На поверхности одной из широких сторон детали в результате высокотемпературного воздействия по всей площади образовался прокал камня.

Размеры: 6,0-7,5×22,8×22,5-27,5 см. Рис. 2.11.

6. Плиты каменной от сводчатого перекрытия фрагмент (сл. 2, кв. 4С, п.о. 464). Сохранился угловой участок переднего торца изделия. Деталь имела форму уплощённой призмы с четырёхугольным основанием. Плита вытесана из плотного известкового туфа с многочисленными порами средней величины. Обработка всех граней относительно небрежная, плоскости сформированы чётко выраженными сколами от ударов лопатки инструмента. На всех без исключения поверхностях изделия отсутствуют даже малейшие признаки какого-либо раствора.

Размеры фрагмента: 11,5×9,0×11,0 см. Рис. 2.11.

7. Плиты каменной от сводчатого перекрытия фрагмент (сл. 2б, кв. 1В, п.о. 516). Сохранился угловой участок переднего торца изделия. Деталь имела форму уплощённой призмы с четырёхугольным основанием. В продольном сечении она трапециевидная, утолщается с тыльной стороны. Плита вытесана из плотного известкового туфа с многочисленными порами средней величины. Обработка всех граней относительно небрежная, плоскости сформированы чётко выраженными сколами от ударов лопатки инструмента. На всех без исключения поверхностях изделия отсутствуют даже малейшие признаки какого-либо раствора.

Размеры фрагмента: 8,5×18,0×16,0 см. Рис. 2.11.

8. Плита каменная (протесис? жертвенник?) (северный неф, пачка слоев 6, кв. 2С). Плоская гладкая булыга песчаника таврической серии сложной конфигурации. В плане она условно ромбовидная с криволинейным абрисом углов и сторон. Лицевая и тыльные стороны детали относительно ровные, все края в сечении округлые. Камень необработан, нижняя часть одного из торцов сколота. Низ плиты почти повсеместно заизвесткован.

Размеры: 10,5×72,5×58,5 см. Вес – 75 кг. Рис. 2.46.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПТИКО-ЭМИССИОННОЙ СПЕКТРОГРАФИИ СТЕКЛА

(за значимые приняты содержания от 0,01%, для значений ниже 1% приводится одна значащая цифра, выше – две, достижимая чувствительность по K_2O около 1%).

Шифр лаборат.	831-53	831-54	831-55	831-56	831-57	831-58
Предмет	сосуд	сосуд	сосуд	сосуд	сосуд	сосуд
№ образца	1	2	3	4	5	6
Цвет	б/ц	б/ц	б/ц	б/ц	б/ц	син
SiO_2	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.
Na_2O	15	16	16	17	14	15
K_2O	1,6	1,6	2,2	3,5	1,6	2,5
CaO	11	9,3	9,7	6,7	16	10
MgO	0,6	1,0	1,6	1,8	1,8	0,5
Al_2O_3	2,8	2,9	3,7	3,0	4,4	3,8
Fe_2O_3	1,6	2,1	2,3	1,2	1,0	1,6
MnO	0,8	1,0	2,3	0,6	1,4	1,7
TiO_2	0,1	0,1	0,09	0,07	0,2	0,5
PbO	1,2	0,5	0,5	-	0,07	1,1
SnO_2	0,05	0,05	0,05	-	-	0,06
CuO	-	-	-	-	-	0,3
CoO	-	-	-	-	-	0,02
Sb_2O_3	-	-	-	-	-	-
Ag_2O	-	-	-	-	-	-
NiO	-	-	-	-	-	0,01

Заключение.

Состав стекла производит двойственное впечатление. По соотношению натрия и калия образцы занимают среднее положение между содовыми стеклами и стеклами, сваренными на золе солончаковых растений, иначе галофитов, и лишь образец № 4 по этому показателю может быть отнесен к зольному стеклу. По отношению кальция к магнию все образцы, кроме № 4, следует отнести к содовому стеклу. Наименьшее соотношение натрия к калию и кальция к магнию в образце № 4 позволяет отнести его к зольным стеклам, он также выделяется отсутствием свинца и олова, которые присутствуют во всех других образцах, за исключением образца № 5, где олово не обнаружено. Стекло образца № 6 окрашено кобальтом, при этом медь, никель и, возможно, марганец присутствуют как примеси к кобальтовому красителю.

Принимая во внимание все показатели, можно заключить, что стекло образца № 4 сварено на золе галофитов, в то время как остальные стекла являются содовыми. Повышенное содержание в содовых стеклах железа, что потребовало введение и марганца для обесцвечивания, а также повышенное содержание калия свидетельствует о том, что для варки стекла был использован песок невысокой степени чистоты.

Список образцов фрагментов стекла.

Номер образца	Полевой номер	Описание образца	Контекст
1	Без номера	Фрагмент придонной части стеклянного сосуда зелёного цвета толщиной 3-4 мм	Подъемный материал
2	11	Фрагмент придонной части тонкостенного прозрачного сосуда с радужными разводами	кв. 3D, слой 2
3	761	Фрагмент придонной части тонкостенного сосуда прозрачно-зеленоватого стекла с радужными разводами	кв. 3D, слой 13
4	245	Фрагмент верхнего края сосуда с синим бортиком по окружности и с радужными разводами	кв. 4С, слой 5
5	762	Фрагмент сосуда с элементами округлого бортика с радужными разводами	кв. 3D, слой 13
6	153	Фрагмент придонной части сосуда синеватого цвета, толщина 1,5 мм	кв. 4С, слой 5

АНАЛИЗ КРЕМНЕВЫХ НАХОДОК

Слой 2

В слое обнаружена одна фрагментированная чешуйка (Табл. 1). Ударная площадка – гладкая, расположена под прямым углом к плоскости скалывания. Карниз между ударной площадкой и вентральной поверхностью (липс) отсутствует, ударный бугорок и точка удара четко выражены.

Слой 2б

Обнаружен целый трапециевидный удлиненный отщеп, длиной немногим более 3 см (см. Табл. 1). Ударная площадка покрыта коркой, с выраженным липсом, скошена.

Слой 4

В слое найдено 17 кремнёвых находок: 2 обломка кремня, 3 обломка кремня с ретушью, 2 отщепов с ретушью, 8 чешуек и 2 чешуйки с ретушью (Табл. 1). На одном из неретушированных обломков, обоих отщепов и 4 чешуйках сохранились участки желвачной корки, ни в одном из случаев не занимающие более 50% поверхности кремней. Среди чешуек преобладают изделия трапециевидных форм. В основном, оси скалывания не совпадают с наибольшей длиной чешуек. Из 6 сохранившихся ударных площадок сколов, 5 относятся к гладким и 1 – к двугранным. Только в двух случаях обнаружены липсы. Четыре площадки скошены и 3 прямые.

Для обработки, как обломков, так и сколов использовалась чешуйчатая ретушь. На сколах обнаружена только дорсальная ретушь. В двух случаях (отщеп и обломок) ретушью было изготовлено зубчатое лезвие (см. Табл. 1).

Слой 5

В этих слоях обнаружена самая многочисленная коллекция кремней (253 ед.) (см. Табл. 1). Среди кремнёвых находок преобладают чешуйки. На втором месте – обломки. Остальные категории инвентаря представлены единичными изделиями (Табл. 2). Единственный нуклеус относится к типу параллельных треугольных. Скошенная ударная площадка нуклеуса обработана несколькими снятиями. Рабочая поверхность – объёмная. Ни один из параметров нуклеуса не достигает 2 см. Такие же и еще меньшие размеры характерны и для обломков кремня (см. Табл. 1).

Для всех кремнёвых находок характерно отсутствие желвачной корки (Табл. 3). Только около четверти кремневых изделий сохранили участки желвачной корки. При этом участки корки редко достигают 25-50%, в основном, составляя 1-25% дорсальных поверхностей (см. Табл. 1).

Среди сколов (чешуек, отщепов, пластин) преобладают трапециевидные и прямоугольные формы, ось скалывания которых часто не совпадает с наибольшей длиной изделий (Табл. 4 и 5).

Наиболее характерной чертой ударных площадок сколов является наличие четко выраженных точки удара и ударного бугорка. Соответственно, подавляющее большинство сколов лишено липсов (Табл. 6). Совокупность неподготовленных площадок (покрытые коркой и гладкие) составляет 80% всех сохранившихся площадок (Табл. 7). Немногим меньше площадок – около 70% – расположенных под прямым углом к плоскости скалывания (Табл. 8).

Среди ретушированных кремней преобладают чешуйки и обломки (Табл. 9). За ними следуют отщепы с ретушью. Остальные изделия с ретушью единичны. Основной тип ретуши: дорсальная / чешуйчатая или маргинальная / крутая. В нескольких случаях такой ретушью был оформлен зубчатый рабочий край (см. Табл. 1). Обнаружено два скребка: округлый и фрагмент терминальной части прямоугольного. Оба скребка обработаны чешуйчатой крутой ретушью и вентральными утончениями. Также обнаружена одна чешуйка с вентральным утончением. Еще на одной чешуйке была тронкирована терминальная часть, что привело к получению дорсально оформленного шипа на дистальной части чешуйки.

В заключение анализа кремнёвого комплекса слоя 5, необходимо отметить очень маленькие размеры находок. Нет ни одного кремня с максимальным размером более 30 мм (см. Табл. 1). Средняя длина всех кремнёвых находок – 11,24 мм, средняя ширина – 10,16 мм, средняя толщина – 3,58 мм.

Приведённые характеристики свидетельствуют об отсутствии первичного расщепления на раскопанном участке. Здесь использовался кремень с ранее снятой желвачной коркой. Весь принесенный кремень был крайне незначительных размеров. Технологически значимые признаки ударных площадок позволяют сделать вывод о том, что основная часть сколов была получена с неподготовленных мелких желваков при помощи жёсткого отбойника с узким рабочим участком. Скорее всего, коллекция сколов образовалась в результате высечения огня металлическим кресалом с кремнёвых обломков. Также не исключено, что металлическим кресалом была нанесена «ретушь» на часть сколов и «округлый скребок». Происхождение прямоугольного скребка не ясно.

Слой 6

В слое 6 найдено четыре кремнёвых изделия: чешуйка, отщеп, отщеп с утончением и фрагмент лезвия орудия на сколе (см. Табл. 1). Чешуйка была снята с двустороннего орудия. Утончение на отщепе – билатеральное с вентраль-

ной стороны скола. Незначительное количество изделий не позволяет сделать вывод об их происхождении.

Слой 7

В данном слое обнаружены отщеп и чешуйка (см. Табл.1).

Слой 7а

Из этого слоя происходит фрагмент чешуйки (см. Табл. 1).

Слой 11

Обнаружены фрагмент чешуйки и обломок кремня (см. Табл. 1).

Слой 12а

Кремнёвый инвентарь слоя 12а представлен одной чешуйкой (см. Табл. 1).

Слой 13

Коллекция каменных изделий слоя 13 представлена отщепом с ретушью, обломком с ретушью и фрагментом пластины (см. Табл. 1). Отщеп с ретушью и обломок с ретушью изготовлены из кремня, пластина – из сланца.

Могила 1

В заполнении могильной ямы над плитами перекрытия найден фрагмент параллельного тыльно-плоскостного нуклеуса. Нуклеус изготовлен из отщепа (см. Табл. 1).

Слой 15

Здесь найдено два двусторонних орудия и одна заготовка двустороннего орудия (Рис. 2.79). Двусторонние орудия представлены вкладышем серпа бондарихинского типа (Колесник, Гершкович 2001) и листовидным наконечником. Все изделия технологически близки. Технологические характеристики приведены в Таблице 10. На территории Донбасса вкладыши серпов бондарихинского типа датируются XII–X вв. до н. э. Во всех слоях и на всей раскопанной территории нет свидетельств процесса изготовления данных орудий. Кремнёвые плитки, из которых были сделаны вкладыши серпов и наконечник, скорее всего, происходят с сарыкайского (с. Цветочное – с. Вишенное, Белогорский район, Крым) или альминского (с. Каштановое, Симферопольский район, Крым) месторождений кремня.

Таблица 1. Данные анализа технологически значимых признаков кремнёвых находок.

Слой	Квадрат	№ артефакта	Тип артефакта	Фрагментированность	Корка, положение	Корка, %	Ось скалывания	Форма	Площадка	Карниз	Размеры, мм			Угол площадки	Вес, гр	Примечания
											Ширина	Толщина	L W Th			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	
2	4С	б/н	Чешуйка	Слом, шир	Нет	–	Неопределена	Неопределена	Гладкая	Без липса	6,44	12,86	16,25	1,66	<1	–
2Б	2С	б/н	Отщеп	Целый	Лагерально-проксимальная	1-25%	По оси	Трапециевидная, удлиненная	Корка	Липса	10,84	33,86	21,58	6,27	5	–
4	4С	452	Обломок с ретушью	–	Нет	–	–	–	–	–	–	16,43	10,83	6,78	1	Ретушь: двусторонняя, чешуйчатая, зубчатая
4	4С	б/н	Отщеп с ретушью	Слом, дл.	Лагеральное	1-25%	Вне оси	Трапециевидная	Сломана	–	–	14,13	22,91	8,11	2	Ретушь по 3 сторонам: дорсальная, чешуйчатая, зубчатая
4	4С	б/н	Чешуйка с ретушью	Целый	Нет	–	Вне оси	Аморфная	Ретуширована	–	–	13,02	10,04	2,35	<1	Ретушь: дорсальная, микро-чешуйчатая, нерегулярная
4	4С	б/н	Чешуйка	Целый	Лагеральное	26-50%	По оси	Трапециевидная, удлиненная	Гладкая	Липса	5,53	12,53	5,17	2,32	<1	–
4	2Е	б/н	Обломок	–	Билатеральное	26-50%	–	–	–	–	–	26,69	18,14	9,03	5	–
4	3D	12	Чешуйка	Целый	Лагеральное	1-25%	По оси	Трапециевидная	Гладкая	Без липса	3,40	9,94	10,21	1,95	<1	–
4	3D	111	Чешуйка	Слом, дл/шир.	Нет	–	Неопределена	Неопределена	Сломана	–	–	10,04	6,38	2,33	<1	–
4	3А	617	Чешуйка	Целый	Лагеральное	26-50%	По оси	Овальная	Забита	Без липса	–	7,75	6,52	1,48	<1	–
4	4Е	786	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Прямоугольная	Забита	Без липса	–	11,66	7,65	1,28	<1	–
4	4Е	787	Чешуйка	Целый	Лагеральное	1-25%	Вне оси	Треугольная	Гладкая	Без липса	8,43	13,15	15,04	3,10	<1	–
4	4D	130	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Трапециевидная	Гладкая	Без липса	2,28	13,43	7,80	2,35	<1	–
4	4D	128	Обломок с ретушью	–	Нет	–	–	–	–	–	–	17,86	14,66	9,09	4	Ретушь по 2 сторонам: чешуйчатая, нерегулярная
4	4D/3D	444	Чешуйка с ретушью	Слом, дл/шир.	Нет	–	Неопределена	Неопределена	Сломана	–	–	6,98	6,48	2,16	<1	Обожжён
4	4D	445	Обломок с ретушью	–	Нет	–	–	–	–	–	–	15,86	12,13	9,78	<1	Ретушь по 2 сторонам: чешуйчатая, зубчатая
4	4С	448	Отщеп с ретушью	Целый	Центральное	1-25%	По оси	Прямоугольная	Гладкая	Без липса	10,93	18,74	15,62	9,41	3	Ретушь: дорсальная, чешуйчатая

Продолжение таблицы 1. Данные анализа технологически значимых признаков кремнёвых находок.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16			
4	4С	451	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Трапециевидная удлиненная	Двугранная	Липс	3,08	1,13	10,58	6,95	1,22	Скошенный	<1	-
4	4С	447	Обломок	-	Нет	-	-	-	-	-	-	-	18,24	11,32	9,88	-	3	-
4	4В, яма 2	801	Нуклеус	Слом, длина	Латеральное	1-25%	Неопределена	Неопределена	Гладкая	Неопределен	39,54	20,58	25,02	39,62	17,61	Скошенный	22	Нуклеус, параллельный, тыльно-плоскостной (на отщепе?)
5	4D	144	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Трапециевидная	Забитая	Без липса	-	-	8,77	7,55	0,95	Неопределен	<1	-
5	4D	137	Обломок	-	Нет	-	-	-	-	-	-	-	17,50	15,44	7,41	-	1	-
5	4D	157	Обломок с ретулью	-	Латеральное	1-25%	-	-	-	-	-	-	18,06	13,56	4,19	-	1	Ретушь: микро-чешуйчатая, неретульчатая
5	4D	150	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Треугольная	Забитая	Без липса	-	-	11,04	11,44	4,33	Неопределен	<1	-
5	4D	153	Обломок	-	Нет	-	-	-	-	-	-	-	8,61	4,59	3,44	-	<1	-
5	4D	154	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Трапециевидная	Забитая	Без липса	-	-	7,18	8,44	1,98	Прямой	<1	-
5	4D	135	Чешуйка	Целый	>76%	>76%	Вне оси	Трапециевидная	Забитая	Неопределенная	-	-	10,97	16,98	3,47	Неопределен	1	-
5	4D	136	Чешуйка	Слом, дл.	Нет	-	Неопределена	Овальная	Сломана	Неопределенная	-	-	9,01	9,86	1,47	Неопределен	<1	-
5	4D	158	Обломок	-	Латеральное	1-25%	-	-	-	-	-	-	8,05	4,55	4,57	-	<1	-
5	4D	161	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Трапециевидная удлиненная	Гладкая	Без липса	10,51	2,55	10,72	8,60	3,34	Скошенный	<1	-
5	4D	162	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Прямоугольная	Гладкая	Без липса	4,19	4,01	9,87	8,67	4,21	Прямой	<1	-
5	4D	160	Чешуйка	Целый	Нет	-	По оси	Прямоугольная	Гладкая	Без липса	3,42	1,91	9,01	6,19	2,44	Скошенный	<1	-
5	4D	159	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Сегментовидная	Забитая	Без липса	-	-	9,24	6,70	1,98	Неопределен	<1	-
5	4D	199	Обломок	-	Нет	-	-	-	-	-	-	-	15,88	11,66	4,41	-	1	-
5	4D	186	Чешуйка с ретулью	Целый	Нет	-	Вне оси	Трапециевидная	Ретулированная	Без липса	-	-	15,24	14,50	4,21	Неопределен	1	Ретушь: проксимальная, дорсальная, микрочешуйчатая
5	4D	234	Чешуйка	Целый	Нет	-	По оси	Листовидная	Забитая	Без липса	-	-	14,06	7,19	3,03	Неопределен	<1	-
5	4D	233	Чешуйка	Целый	Латеральное	1-25%	Вне оси	Трапециевидная	Забитая	Без липса	-	-	19,59	7,19	2,74	Неопределен	<1	-
5	4D	205	Отщеп с ретулью	Целый	Нет	-	По оси	Прямоугольная	Ретулированная	Без липса	-	-	12,76	21,49	5,15	Неопределен	1	Ретушь: латеральная/проксимальная, альтернативная, чешуйчатая
5	4D	202	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Аморфная	Гладкая	Без липса	2,88	2,32	9,34	11,58	0,91	Скошенный	<1	-
5	4D	201	Чешуйка	Целый	Нет	-	По оси	Прямоугольная	Гладкая	Без липса	8,59	2,54	7,32	10,85	2,83	Прямой	<1	-
5	4D	200	Чешуйка	Целый	Латеральное	26-50%	Вне оси	Треугольная	Гладкая	Без липса	3,13	1,43	12,64	6,18	2,16	Скошенный	<1	-

Продолжение таблицы 1. Данные анализа технологически значимых признаков кремнёвых находок.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
5	4D	222	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Прямоугольная	Забитая	Неопределенная	–	7,91	Неопределенный	<1	–
5	4D	223	Чешуйка	Целый	Центральное	1-25%	Вне оси	Аморфная	Гладкая	Без липса	3,51	11,22	Прямой	<1	–
5	4D	224	Чешуйка	Слом, дл/шир.	Нет	–	Неопределенная	Неопределенная	Сломана	Неопределенная	–	9,26	Неопределенный	<1	–
5	4D	194	Чешуйка с ретушью	Целый	Центральное	51-75%	Вне оси	Трапециевидная	Гладкая	Без липса	7,09	11,01	Скошенный	2	Ретушь: дистальная, дорсальная, микро-чешуйчатая
5	4D	261	Чешуйка	Слом, дл.	Нет	–	По оси	Прямоугольная	Гладкая	Без липса	6,37	10,29	Прямой	<1	–
5	4D	193	Чешуйка	Целый	Нет	–	По оси	Прямоугольная	Гладкая	Без липса	4,22	9,32	Прямой	<1	–
5	4D	191	Чешуйка	Слом, дл.	Нет	–	Неопределенная	Неопределенная	Гладкая	Без липса	3,91	4,10	Скошенный	<1	–
5	4D	184	Чешуйка	Целый	Нет	–	По оси	Трапециевидная	Гладкая	Без липса	3,41	5,33	Прямой	<1	–
5	4D	185	Обломок	–	Латеральное	1-25%	–	–	–	–	–	17,81	–	4	–
5	4D	466	Чешуйка с ретушью	Целый	Дистальное	51-75%	Вне оси	Прямоугольная	Гладкая	Без липса	7,30	18,71	Прямой	2	Ретушь: латеральная, дорсальная, чешуйчатая
5	4D	457	Обломок	–	Латеральное	26-50%	–	–	–	–	–	19,77	–	1	–
5	4D	493	Чешуйка	Целый	Латеральное	1-25%	Вне оси	Трапециевидная	Забитая	Без липса	–	14,14	Неопределенный	1	–
5	4D	473	Чешуйка	Целый	Нет	–	По оси	Листовидная	Гладкая	Без липса	1,70	11,18	Прямой	<1	–
5	4D	468	Чешуйка	Слом, дл.	Латеральное	26-50%	По оси	Треугольная	Забитая	Без липса	–	10,81	Неопределенный	<1	–
5	4D	494	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Трапециевидная	Забитая	Без липса	–	13,07	Скошенный	<1	–
5	4D	472	Чешуйка	Целый	Нет	–	По оси	Прямоугольная	Многогранная	Без липса	8,92	6,91	Прямой	<1	–
5	4D	458	Чешуйка с ретушью	Целый	Нет	–	По оси	Овальная	Гладкая	Без липса	8,89	9,74	Прямой	1	Ретушь: дистальная, дорсальная, маргинальная
5	4D	465	Обломок	–	Нет	–	–	–	–	–	–	12,26	–	1	–
5	4D	464	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Треугольная	Забитая	Без липса	–	5,72	Неопределенный	<1	–
5	4C	96	Чешуйка	Целый	Нет	–	По оси	Прямоугольная	Двугранная	Без липса	7,15	15,05	Скошенный	1	–
5	4C	484	Обломок	–	Нет	–	–	–	–	–	–	12,60	–	1	–
5	4C	479	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Трапециевидная	Гладкая	Без липса	4,04	13,01	Прямой	1	–
5	4C	476	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Трапециевидная	Гладкая	Без липса	3,47	9,92	Прямой	<1	–
5	4C	485	Обломок с ретушью	–	Нет	–	–	–	–	–	–	10,94	–	<1	Ретушь: билатеральная, маргинальная
5	4C	486	Чешуйка	Целый	Проксимальное	26-50%	По оси	Сегментовидная	Корка	Без липса	9,02	4,64	Прямой	<1	–

Продолжение таблицы 1. Данные анализа технологически значимых признаков кремнёвых находок.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
5	4С	577	Чешуйка	Слом, псевдорезец	Центральное	51-75%	Неопределённая	Неопределённая	Гладкая	Полу-липа	4,79	18,15	Прямой	1	-
5	4С	487	Чешуйка	Целый	Дистальное	1-25%	Вне оси	Треугольная	Гладкая	Без липса	2,12	7,53	Прямой	<1	-
5	4С	483	Обломок	-	Центральное	26-50%	-	-	-	-	-	10,72	-	<1	-
5	4С	481	Чешуйка	Целый	Нет	-	По оси	Листовидная	Многогранная	Без липса	8,62	6,38	Прямой	<1	-
5	4С	489	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Треугольная	Забитая	Без липса	-	7,98	Неопределённый	<1	-
5	4С	463	Чешуйка	Целый	Нет	-	По оси	Листовидная	Забитая	Без липса	-	11,77	Неопределённый	<1	-
5	4С	491	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Аморфная	Фасетированная выпуклая	Без липса	4,00	7,85	Прямой	<1	-
5	4С	475	Чешуйка	Целый	Центральное	1-25%	Вне оси	Трапециевидная	Гладкая	Липса	5,05	13,76	Скошенный	2	-
5	4С	477	Чешуйка	Слом, дл.	Нет	-	Неопределённая	Неопределённая	Сломана	Неопределённая	-	15,87	Неопределённый	<1	-
5	4С	474	Чешуйка	Целый	Латеральное	1-25%	Вне оси	Трапециевидная	Гладкая	Без липса	7,23	14,62	Скошенный	2	-
5	4С	480	Чешуйка	Слом, дл.	Нет	-	Неопределённая	Неопределённая	Сломана	Неопределённая	-	7,74	Неопределённый	<1	-
5	4С	46	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Трапециевидная	Забитая	Без липса	-	8,04	Неопределённый	<1	-
5	4С	45	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Прямоголовая	Забитая	Без липса	-	9,88	Неопределённый	<1	-
5	4С	58	Чешуйка с ретушью	Целый	Нет	-	По оси	Овальная	Гладкая	Без липса	8,77	13,73	Скошенный	1	Ретушь: дистальная, маргинальная
5	4С	59	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Аморфная	Забитая	Без липса	-	10,90	Неопределённый	<1	-
5	4С	80	Обломок	-	Нет	-	-	-	-	-	-	18,35	-	1	-
5	4С	87	Обломок с ретушью	-	Нет	-	-	-	-	-	-	18,32	-	3	Ретушь: маргинальная
5	4С	55	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Трапециевидная удлинённая	Гладкая	Без липса	4,85	11,31	Прямой	<1	-
5	4С	54	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Трапециевидная	Забитая	Без липса	-	10,53	Неопределённый	<1	-
5	4С	62	Чешуйка	Слом, шир.	Нет	-	Неопределённая	Неопределённая	Сломана	Неопределённая	-	12,82	Неопределённый	<1	-
5	4С	85	Обломок	-	Нет	-	-	-	-	-	-	11,59	-	1	-
5	4С	64	Обломок	-	Нет	-	-	-	-	-	-	12,97	-	1	-
5	4С	65	Чешуйка	Целый	Нет	-	Неопределённая	Треугольная	Забитая	Неопределённая	-	13,98	Неопределённый	<1	-
5	4С	66	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Трапециевидная	Гладкая	Без липса	3,07	9,81	Прямой	1	-
5	4С	69	Чешуйка	Целый	Нет	-	По оси	Трапециевидная	Забитая	Без липса	-	12,02	Неопределённый	1	-
5	4С	74	Чешуйка	Целый	Нет	-	По оси	Прямоголовая	Гладкая	Без липса	8,02	11,85	Скошенный	1	-

Продолжение таблицы 1. Данные анализа технологически значимых признаков кремнёвых находок.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
5	4С	70	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Трапещидная	Гладкая	Без липса	4,63	14,33	13,32	1,86	–
5	4С	89	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Трапещидная удлинённая	Гладкая	Без липса	3,00	12,93	8,58	3,84	–
5	4С	387	Нуклеус	Целый	Нет	–	Неопределена	Треугольная	Многогранная	Неопределенная	16,23	13,00	18,57	15,85	11,27
5	4С	393	Чешуйка	Целый	Нет	–	По оси	Овальная	Гладкая	Без липса	4,01	1,88	7,87	8,49	1,73
5	4С	404	Обломок с ретушью	–	Нет	–	–	–	–	–	–	–	17,64	6,40	7,35
5	4С	403	Чешуйка	Целый	Нет	–	По оси	Овальная	Гладкая	Без липса	4,23	1,62	14,07	13,57	0,95
5	4С	336	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Овальная	Гладкая	Без липса	6,21	2,07	17,66	3,56	–
5	4С	320	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Сегментовидная	Забитая	Без липса	–	–	8,86	4,64	2,31
5	4С	348	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Овальная	Забитая	Без липса	–	–	8,42	11,94	1,61
5	4С	388	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Овальная	Гладкая	Без липса	5,90	3,49	10,11	10,15	2,87
5	4С	318	Чешуйка	Целый	Нет	–	По оси	Прямоугольная	Гладкая	Без липса	3,21	0,72	10,98	8,19	1,61
5	4С	324	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Трапещидная	Гладкая	Без липса	7,93	2,77	12,21	9,92	2,03
5	4С	335	Обломок	–	Нет	–	–	–	–	–	–	–	21,13	14,88	10,04
5	4С	341	Чешуйка	Целый	Дистальное	1-25%	По оси	Прямоугольная	Двугранная	Без липса	7,46	3,17	7,85	7,88	2,40
5	4С	355	Орудие на чешуйке	Слом, дл.	Лагеральное	1-25%	По оси	Овальная	Ретушированная	Неопределенная	–	–	16,57	14,29	4,08
5	4С	402	Чешуйка с ретушью	Слом, шир.	Проксимальное	1-25%	Неопределена	Неопределенная	Корка	Липс	9,93	3,24	11,59	14,05	3,65
5	4С	314	Чешуйка	Слом, шир.	Нет	–	Неопределена	Неопределенная	Сломана	Неопределенная	–	–	11,39	5,65	2,00
5	4С	381	Орудие на чешуйке	Слом, дл.	Центральное	>76%	Неопределена	Неопределенная	Сломана	Неопределенная	–	–	10,40	17,40	5,62
5	4С	411	Чешуйка	Слом, дл/шир.	Нет	–	Неопределена	Неопределенная	Сломана	Неопределенная	–	–	14,79	5,03	2,96
5	4С	361	Чешуйка	Целый	Нет	–	По оси	Прямоугольная	Двугранная	Без липса	4,80	1,89	7,78	6,69	1,81

Продолжение таблицы 1. Данные анализа технологически значимых признаков кремнёвых находок.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
5	4С	360	Чешуйка	Целый	Проксимальное	51-75%	Неопределённая	Неопределённая	Сломана	Неопределённая	-	10,19	Неопределённый	1	-
5	4С	410	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Треугольная	Забитая	Неопределённая	-	9,01	Неопределённый	<1	-
5	4С	409	Чешуйка	Целый	Нет	-	По оси	Овальная	Забитая	Без липса	-	10,78	Неопределённый	<1	-
5	4С	376	Чешуйка	Целый	Латеральное	26-50%	Вне оси	Тrapeциевидная удлинённая	Забитая	Неопределённая	-	15,50	Неопределённый	<1	-
5	4С	377	Чешуйка	Целый	Латеральное	26-50%	Вне оси	Треугольная	Забитая	Без липса	-	9,58	Неопределённый	<1	-
5	4С	322	Обломок	-	Нет	-	-	-	-	-	-	11,68	-	2	-
5	4С	323	Чешуйка	Целый	Нет	-	По оси	Тrapeциевидная	Гладкая	Без липса	7,60	10,34	Прямой	1	-
5	4С	371	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Овальная	Забитая	Неопределённая	-	3,50	Неопределённый	<1	-
5	4С	372	Чешуйка	Слом, дл.	Латеральное	26-50%	Вне оси	Тrapeциевидная	Сломана	Неопределённая	-	10,54	Неопределённый	<1	-
5	4С	373	Чешуйка	Целый	Нет	-	По оси	Овальная	Гладкая	Без липса	4,76	13,77	Прямой	1	-
5	4С	370	Чешуйка	Слом, дл.	Дистальное	1-25%	Неопределённая	Неопределённая	Сломана	Неопределённая	-	6,81	Неопределённый	<1	-
5	4С	383	Чешуйка	Целый	Латеральное	1-25%	Вне оси	Сегментовидная	Двугранная	Без липса	8,55	17,06	Прямой	1	-
5	4С	382	Чешуйка	Слом, шир.	Проксимальное	1-25%	Неопределённая	Неопределённая	Корка	Без липса	9,06	7,82	Скошенный	<1	-
5	4С	385	Чешуйка	Слом, шир.	Нет	-	Неопределённая	Неопределённая	Сломана	Неопределённая	-	7,88	Неопределённый	<1	-
5	4Е	683	Чешуйка	Целый	Нет	-	По оси	Тrapeциевидная	Забита	Без липса	0,00	4,80	Прямой	<1	-
5	4Е	705	Чешуйка	Целый	Нет	-	По оси	Прямоугольная	Многогранная	Без липса	5,50	11,44	Прямой	1	-
5	4Е	721	Чешуйка	Целый	Проксимальная	1-25%	По оси	Тrapeциевидная	Корка	Без липса	4,15	6,78	Прямой	<1	-
5	4Е	685	Чешуйка	Слом, псевдорезец	Проксимальная	1-25%	Неопределённая	Неопределённая	Корка	Без липса	2,44	7,64	Прямой	<1	-
5	4Е	656	Чешуйка	Слом, дл./шир.	>76%	>76%	Неопределённая	Неопределённая	Гладкая	Без липса	13,05	5,82	Прямой	2	-
5	4Е	619	Обломок с ретушью	Целый	Центральная	26-50%	-	-	-	-	0,00	15,03	-	2	Ретушь: чешуйчатая
5	4Е	618	Чешуйка	Целый	Нет	-	По оси	Овальная	Многогранная	Липс	9,10	2,34	Прямой	<1	-
5	4Е	658	Отщеп с ретушью	Слом, дл./шир.	>76%	>76%	Неопределённая	Неопределённая	Сломана	Неопределённая	0,00	0,00	Неопределённый	2	Конвергентное орудие: ретушь: дорсальная, чешуйчатая, кругая
5	4Е	661	Чешуйка	Целый	Дистальная	1-25%	Вне оси	Овальная	Гладкая	Без липса	6,08	1,98	Прямой	1	-
5	4Е	708	Обломок	Целый	Нет	-	-	-	-	-	0,00	0,00	-	2	Обожжён
5	4Е	686	Чешуйка	Слом, дл.	Нет	-	По оси	Прямоугольная	Сломана	Неопределённая	0,00	0,00	Неопределённый	<1	-

Продолжение таблицы 1. Данные анализа технологически значимых признаков кремнёвых находок.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16			
5	4E	687	Чешуйка	Целый	Нет	–	По оси	Прямоугольная	Гладкая	Без липса	2,46	7,38	3,07	Скошенный	<1	–		
5	4E	716	Чешуйка	Целый	Нет	–	По оси	Трапециевидная	Гладкая	Без липса	5,35	12,40	14,99	Скошенный	1	Обожжён		
5	4E	657	Чешуйка	Целый	Нет	–	По оси	Прямоугольная	Забита	Неопределённый	0,00	8,16	6,22	Неопределённый	<1	–		
5	4E	678	Чешуйка	Слом, дл.	Нет	–	По оси	Прямоугольная	Гладкая	Липс	4,87	9,94	6,18	Скошенный	<1	–		
5	4E	709	Чешуйка	Целый	Нет	–	По оси	Листовидная	Забита	Unknown	0,00	9,50	4,89	Неопределённый	<1	–		
5	4E	677	Пластина с ретулью	Целый	Проксимальная	1-25%	Вне оси	Сегментовидная	Корка	Полу-липс	4,74	24,86	11,47	Прямой	3	Ретуль: дорсальная, чешуйчатая. Зубчатое лезвие.		
5	4E	660	Чешуйка	Целый	Нет	–	По оси	Трапециевидная	Гладкая	Без липса	4,40	10,18	10,53	Прямой	<1	–		
5	4E	699	Чешуйка	Слом, псевдо-резец	Нет	–	Неопределённая	Неопределённая	Забита	Неопределённый	0,00	13,46	6,94	Неопределённый	1	–		
5	4E	671	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Трапециевидная	Гладкая	Липс	8,05	2,29	3,62	Скошенный	<1	–		
5	4E	681	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Трапециевидная	Гладкая	Без липса	8,33	3,00	11,03	Прямой	1	–		
5	4E	684	Чешуйка	Слом, псевдо-резец	Нет	–	Вне оси	Аморфная	Забита	Неопределённый	0,00	10,70	1,59	Неопределённый	<1	–		
5	4E	664	Чешуйка	Слом, дл./шир.	Нет	–	Неопределённая	Неопределённая	Сломана	Неопределённый	0,00	14,11	5,61	Неопределённый	<1	–		
5	4E	682	Чешуйка	Целый	Нет	–	По оси	Трапециевидная	Гладкая	Без липса	2,56	1,51	6,01	Прямой	<1	–		
5	4E	720	Чешуйка	Слом, дл./шир.	Дистальная	1-25%	Неопределённая	Неопределённая	Сломана	Неопределённый	0,00	12,64	11,32	Неопределённый	<1	Обожжён		
5	4E	717	Чешуйка	Целый	Нет	–	Неопределённая	Неопределённая	Сломана	Неопределённый	0,00	16,97	8,66	Неопределённый	<1	–		
5	4E	701	Обломок с ретулью	Целый	Нет	–	–	–	–	–	0,00	20,58	13,39	12,85	3	Ретуль: скалярная/маргинальная		
5	4E	714	Обломок	Целый	Нет	–	–	–	–	–	0,00	15,96	7,72	4,98	1	Обожжён		
5	4E	0	Чешуйка	Целый	Проксимальная	1-25%	По оси	Трапециевидная	Корка	Без липса	5,44	2,44	10,86	10,15	1,83	Прямой	<1	–
5	4E	713	Обломок	Целый	Лагеральная	26-50%	–	–	–	–	0,00	12,17	7,33	7,66	2	Обожжён		
5	4E	639	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Трапециевидная удлинённая	Гладкая	Без липса	2,56	1,73	13,93	12,64	1,30	Прямой	<1	–
5	4E	652	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Треугольная	Гладкая	Без липса	2,80	0,70	11,65	13,67	2,82	Прямой	<1	–
5	4E	636	Обломок	Целый	Нет	–	–	–	–	–	0,00	10,83	7,04	1,76	<1	–		
5	4E	648	Чешуйка	Целый	Нет	–	По оси	Трапециевидная	Гладкая	Без липса	4,18	2,53	7,30	9,66	1,67	Скошенный	<1	–
5	4E	650	Чешуйка	Слом, дл.	Нет	–	Неопределённая	Неопределённая	Сломана	Неопределённый	0,00	0,00	3,78	13,26	2,87	Неопределённый	<1	–
5	4E	637	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Аморфная	Забита	Без липса	0,00	0,00	10,74	15,63	2,77	Прямой	1	–

Продолжение таблицы 1. Данные анализа технологически значимых признаков кремнёвых находок.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16			
5	4E	634	Чешуйка	Целый	Нет	-	По оси	Овальная	Гладкая	Без липса	3,17	0,39	4,96	3,10	0,65	Скошенный	<1	-
5	4E	632	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Треугольная	Забита	Без липса	0,00	0,00	10,97	11,78	3,68	Неопределённый	<1	-
5	4E	640	Обломок	Целый	Нет	-	-	-	-	-	0,00	0,00	18,89	11,63	7,94	-	3	-
5	4E	628	Обломок	Целый	Нет	-	-	-	-	-	0,00	0,00	12,40	12,85	6,85	-	3	-
5	4E	627	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Треугольная	Фасетированная прямая	Без липса	12,65	3,89	11,17	15,91	2,94	Прямой	1	-
5	4E	647	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Тrapeциевидная удлиненная	Забита	Неопределённый	0,00	0,00	12,34	5,77	3,31	Неопределённый	<1	-
5	4E	645	Обломок	Целый	Нет	-	-	-	-	-	0,00	0,00	13,26	5,67	5,27	-	1	-
5	4E	625	Обломок	Целый	Нет	-	-	-	-	-	0,00	0,00	13,46	11,02	6,86	-	2	-
5	4E	638	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Тrapeциевидная	Гладкая	Без липса	3,10	1,27	4,55	8,07	1,53	Прямой	<1	-
5	4E	635	Чешуйка	Слом, дл./шир.	Нет	-	Неопределённая	Неопределённая	Сломана	Неопределённый	0,00	0,00	6,80	4,83	2,16	Неопределённый	<1	-
5	4E	620	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Сегментовидная	Забита	Без липса	0,00	0,00	8,83	6,02	2,40	Неопределённый	<1	-
5	4E	730	Обломок	Целый	Нет	-	-	-	-	-	0,00	0,00	8,42	5,64	3,01	-	<1	-
5	4E	729	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Аморфная	Гладкая	Без липса	4,48	1,19	7,32	11,97	2,23	Прямой	<1	-
5	4E	653	Чешуйка	Слом, дл.	Нет	-	Неопределённая	Неопределённая	Забита	Неопределённый	0,00	0,00	7,77	11,68	2,08	Неопределённый	1	-
5	4E	649	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Сегментовидная	Многогранная	Без липса	5,77	2,74	13,61	14,83	3,62	Прямой	1	-
5	3D	112	Чешуйка с угончением	Целый	Латеральная/проксимальная	1-25%	По оси	Прямуюгальная	Гладкая	Без липса	9,72	3,45	14,18	13,07	3,46	Скошенный	2	Утончение: билатеральное, венгральное
5	3D	114	Обломок с ретулью	Целый	Латеральная	1-25%	-	-	-	-	0,00	0,00	19,18	12,05	10,46	-	2	Ретушь: чешуйчатая/маргинальная
5	3D	117	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Тrapeциевидная	Фасетированная прямая	Без липса	8,95	1,94	6,46	13,39	1,58	Прямой	<1	-
5	3D	118	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Тrapeциевидная	Многогранная	Без липса	4,70	1,89	9,48	8,46	2,29	Прямой	<1	-
5	3D	115	Чешуйка	Целый	Нет	-	По оси	Прямуюгальная	Забита	Без липса	0,00	0,00	13,12	7,10	4,40	Прямой	1	-
5	3D	113	Чешуйка с ретулью	Целый	Нет	-	Вне оси	Тrapeциевидная	Гладкая	Без липса	7,41	1,67	16,16	14,98	4,56	Скошенный	2	Ретушь: чешуйчатая/маргинальная. Зубчатое лезвие.
5	3D	26	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Сегментовидная	Фасетированная выпуклая	Без липса	16,70	4,29	11,05	15,93	3,81	Прямой	2	-
5	3D	122	Чешуйка	Слом, дл.	Нет	-	Неопределённая	Неопределённая	Сломана	Неопределённый	0,00	0,00	7,40	13,90	3,40	Прямой	<1	-
5	3D	121	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Треугольная	Гладкая	Без липса	6,02	4,10	4,09	5,94	1,88	Скошенный	<1	-
5	3D	40	Обломок	Целый	Латеральная/проксимальная	1-25%	-	-	-	-	0,00	0,00	16,67	10,78	6,24	-	2	-
5	3D	44	Чешуйка	Целый	Латеральная/проксимальная	1-25%	По оси	Прямуюгальная	Гладкая	Полу-липе	4,35	1,73	8,24	5,11	1,44	Прямой	<1	-

Продолжение таблицы 1. Данные анализа технологически значимых признаков кремнёвых находок.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	
5	4D	37	Чешуйка прокирванная	Целый	Нет	–	По оси	Треугольная	Забита	Без липса	0,00	9,54	12,89	Прямой	1	Дорсальное тронкирование дистальной части
5	3D	30	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Аморфная	Забита	Без липса	0,00	5,25	8,51	Прямой	<1	–
5	3D	28	Чешуйка	Целый	Проксимальная	1-25%	По оси	Овальная	Гладкая	Без липса	3,17	7,86	9,43	Прямой	<1	–
5	3D	39	Пластина с ретушью	Слом, дл.	Нет	–	Неопределена	Неопределенная	Сломана	Неопределенный	0,00	20,81	13,24	Неопределенный	4	Ретушь: билатеральная, дорсальная, чешуйчатая/маргинальная
5	3D	42	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Трапециевидная	Двугранная	Полу-липса	5,39	9,45	12,57	Прямой	1	–
5	3D	38	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Аморфная	Забита	Без липса	0,00	15,94	5,92	Неопределенный	2	–
5	3D	27	Чешуйка	Целый	Нет	–	По оси	Прямоугольная	Забита	Неопределенный	0,00	12,16	8,73	Неопределенный	1	–
5	3D	35	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Трапециевидная	Гладкая	Без липса	4,65	5,68	6,18	Прямой	<1	–
5	3D	29	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Трапециевидная	Забита	Без липса	0,00	12,29	14,21	Неопределенный	2	–
5	3D	33	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Прямоугольная	Гладкая	Без липса	6,99	14,27	9,22	Прямой	1	–
5	3D	41	Чешуйка	Целый	Нет	–	По оси	Прямоугольная	Двугранная	Без липса	5,09	12,86	11,55	Прямой	<1	–
5	3D	34	Чешуйка	Слом, псевдо-резец	Латеральная	26-50%	Неопределена	Неопределенная	Забита	Неопределенный	0,00	14,23	5,38	Неопределенный	<1	–
5		739	Отщеп с ретушью	Слом, дл.	Дистальная	1-25%	Неопределена	Неопределенная	Сломана	Неопределенный	0,00	15,55	18,30	Неопределенный	4	Ретушь: билатеральная, дорсальная, чешуйчатая/маргинальная
5	3E	52	Чешуйка	Слом, дл.	Нет	–	Неопределена	Неопределенная	Сломана	Неопределенный	0,00	10,54	8,79	Неопределенный	1	–
5	3E	88	Чешуйка	Целый	Нет	–	По оси	Трапециевидная	Гладкая	Без липса	7,90	10,27	15,16	Прямой	2	–
5	4D	195	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Трапециевидная	Гладкая	Без липса	5,97	6,59	8,58	Скошенный	<1	–
5		738	Обломок	Целый	Нет	–	–	–	–	–	0,00	11,55	6,69	–	<1	–
5	4C	258	Обломок	–	Латеральное	26-50%	–	–	–	–	–	20,35	14,24	–	5	–
5	4C	281	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Треугольная	Гладкая	Без липса	17,28	17,38	11,90	Прямой	2	–
5	4C	264	Чешуйка	Целый	Нет	–	По оси	Прямоугольная	Забита	Неопределенный	–	11,08	7,63	Неопределенный	<1	–
5	4C	284	Пластина	Слом, дл.	Латеральное	26-50%	Неопределена	Неопределенная	Гладкая	Полу-липса	6,92	15,17	10,05	Скошенный	5	–
5	4C	242	Чешуйка	Целый	Нет	–	По оси	Трапециевидная	Забита	Неопределенный	–	7,14	6,20	Неопределенный	<1	–
5	4C	235	Чешуйка	Слом, дл.	Нет	–	Неопределена	Неопределенная	Сломана	Неопределенный	–	5,92	13,53	Неопределенный	<1	–
5	4C	250	Отщеп с ретушью	Слом, дл.	Латеральное	26-50%	Неопределена	Неопределенная	Сломана	Неопределенный	–	14,11	18,14	Неопределенный	1	Ретушь: билатеральная, дорсальная, маргинальная

Продолжение таблицы 1. Данные анализа технологически значимых признаков кремнёвых находок.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16		
5	4C	236	Чешуйка	Целый	Нет	-	По оси	Треугольная	Забита	Неопределен	-	7,53	9,69	2,37	Неопределен	<1	
5	4C	283	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Трапециевидная	Гладкая	Полу-липс	12,25	4,11	8,47	13,74	2,32	Скошенный	1
5	4C	282	Чешуйка	Целый	Проксимальное	1-25%	По оси	Прямоугольная	Корка	Без липса	7,60	3,19	10,16	9,63	1,64	Прямой	<1
5	4C	272	Чешуйка	Слом, дл.	Нет	-	Неопределен	Неопределен	Сломана	Неопределен	-	-	5,01	3,61	0,63	Неопределен	<1
5	4C	274	Чешуйка	Слом, дл.	Нет	-	Неопределен	Неопределен	Сломана	Неопределен	-	-	8,70	6,90	1,13	Неопределен	<1
5	4C	273	Чешуйка	Слом, шир.	Нет	-	Неопределен	Неопределен	Гладкая	Без липса	3,90	9,59	9,16	8,61	2,00	Прямой	<1
5	4C	242	Чешуйка	Целый	Нет	-	По оси	Треугольная	Гладкая	Полу-липс	3,26	2,85	6,93	5,77	1,70	Прямой	<1
5	4C	296	Чешуйка	Целый	Нет	-	По оси	Прямоугольная	Фасетированная прямая	Без липса	9,88	3,53	14,07	11,10	3,03	Прямой	2
5	4C	297	Обломок	-	Нет	-	-	-	-	-	-	-	11,24	6,69	3,43	-	1
5	4C	298	Чешуйка	Слом, дл.	Нет	-	Неопределен	Неопределен	Сломана	Неопределен	-	-	3,32	9,71	1,85	Неопределен	<1
5	4C	256	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Аморфная	Многогранная	Без липса	6,18	2,21	11,80	8,46	3,10	Прямой	1
5	4C	253	Чешуйка	Слом, дл.	Дистальное	26-50%	Неопределен	Неопределен	Сломана	Неопределен	-	-	6,08	13,72	4,10	Неопределен	1
5	4D	536	Чешуйка	Целый	Нет	-	По оси	Прямоугольная	Забита	Без липса	-	-	13,12	14,48	2,08	Неопределен	1
5	4D	541	Чешуйка	Целый	Лагерально-проксимальное	1-25%	По оси	Прямоугольная	Корка	Без липса	4,24	1,35	11,94	10,78	2,08	Прямой	<1
5	4D	514	Чешуйка	Целый	Нет	-	По оси	Листовидная	Забита	Без липса	-	-	12,64	7,37	1,07	Неопределен	<1
5	4D	510	Чешуйка с ретушью	Слом, дл.	Нет	-	Вне оси	Аморфная	Сломана	Неопределен	-	-	17,19	8,89	5,73	Неопределен	2
5	4D	512	Чешуйка	Слом, дл.	Нет	-	По оси	Прямоугольная	Гладкая	Без липса	2,73	3,17	9,21	4,41	1,49	Прямой	<1
5	4D	527	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Прямоугольная	Забита	Без липса	-	-	7,22	6,08	2,64	Неопределен	<1
5	4D	583	Чешуйка	Целый	Нет	-	По оси	Трапециевидная	Гладкая	Без липса	5,31	1,56	10,04	10,89	2,29	Прямой	1
5	4D	524	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Трапециевидная	Гладкая	Без липса	5,68	1,26	8,44	8,89	0,99	Прямой	<1
5	4D	526	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Прямоугольная	Забита	Без липса	-	-	9,78	9,94	2,61	Неопределен	<1
5	4D	511	Чешуйка	Слом, дл.	Нет	-	Неопределен	Неопределен	Сломана	Неопределен	-	-	7,34	14,16	3,90	Неопределен	2
5	4D	505	Отщеп	Целый	>76%	>76%	Вне оси	Аморфная	Забита	Без липса	-	-	21,96	14,37	4,59	Неопределен	2
5	4D	581	Чешуйка	Слом, дл.	Нет	-	Неопределен	Неопределен	Сломана	Неопределен	-	-	6,61	6,34	3,13	Неопределен	<1
5	4D	580	Чешуйка	Слом, дл.	Нет	-	Неопределен	Неопределен	Сломана	Неопределен	-	-	10,29	7,58	3,09	Неопределен	<1
5	4D	568	Чешуйка	Целый	Нет	-	По оси	Трапециевидная	Гладкая	Без липса	3,33	1,87	8,01	7,74	2,87	Прямой	<1

Ретушь: билатеральная, дорсальная, чешуйчатая. Зубчатое лезвие

Продолжение таблицы 1. Данные анализа технологически значимых признаков кремнёвых находок.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13		14	15	16		
5	4D	566	Чешуйка	Целый	Нет	–	По оси	Прямоугольная	Гладкая	Без липса	10,31	5,32	13,50	11,99	5,20	Скошенный	2	–
5	4D	578	Чешуйка	Целый	Латеральное	1-25%	Вне оси	Трапециевидная	Забита	Без липса	–	–	8,75	8,56	1,76	Неопределен	<1	–
5	4D	516	Обломок	–	Нет	–	–	–	–	–	–	–	10,67	9,50	6,38	–	2	–
5	4D	525	Чешуйка	Целый	Нет	–	По оси	Треугольная	Гладкая	Полу-липса	2,19	1,11	11,25	9,27	2,09	Прямой	1	–
5	4D	540	Чешуйка	Целый	Нет	–	По оси	Овальная	Гладкая	Без липса	4,16	1,16	11,97	12,14	1,85	Прямой	<1	–
5	4D	567	Чешуйка	Слом, дл.	Нет	–	Неопределена	Неопределенная	Сломана	Неопределен	–	–	7,00	10,63	2,21	Неопределен	<1	–
5	4D	539	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Прямоугольная	Гладкая	Без липса	6,36	4,08	11,33	10,74	3,55	Скошенный	1	Обожжена
5	4D	52	Чешуйка	Целый	Латеральное	26-50%	Вне оси	Трапециевидная удлинённая	Двугранная	Без липса	6,24	2,59	9,31	6,68	1,74	Прямой	<1	–
5	4D	533	Обломок	–	Нет	–	–	–	–	–	–	–	9,04	7,25	4,36	–	<1	–
5	4D	563	Обломок	–	Нет	–	–	–	–	–	–	–	12,61	11,37	3,92	–	<1	Обожжён
5	4D	543	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Прямоугольная	Фасетированная прямая	Без липса	3,65	1,31	6,56	5,72	1,53	Прямой	<1	–
5	4D	544	Чешуйка	Слом, дл.	Нет	–	Неопределена	Неопределенная	Сломана	Неопределен	–	–	2,84	6,36	2,22	Неопределен	<1	–
5	4D	534	Обломок	–	Латеральное	26-50%	–	–	–	–	–	–	16,13	9,46	6,00	–	2	–
5	4D	542	Чешуйка	Слом, дл.	Нет	–	Неопределена	Неопределенная	Сломана	Неопределен	–	–	9,50	10,13	2,96	Неопределен	<1	–
5	4D	557	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Трапециевидная	Забита	Без липса	–	–	5,77	6,51	1,10	Неопределен	<1	–
5	4D	558	Обломок	–	Нет	–	–	–	–	–	–	–	8,72	3,93	2,68	–	<1	–
5	4D	438	Обломок	–	Нет	–	–	–	–	–	–	–	8,19	11,98	5,97	–	2	–
5	4D	437	Обломок	–	Нет	–	–	–	–	–	–	–	9,16	5,39	2,98	–	<1	–
5	4D	537	Обломок	–	Нет	–	–	–	–	–	–	–	11,85	9,67	8,48	–	2	–
5	4D	584	Чешуйка	Целый	Нет	–	Вне оси	Трапециевидная	Забита	Без липса	–	–	10,32	12,02	2,00	Неопределен	<1	Обожжена
5	4D	504	Обломок	–	Нет	–	–	–	–	–	–	–	11,41	10,70	9,72	–	2	–
5	4D	550	Обломок с ретушью	–	Нет	–	–	–	–	–	–	–	14,34	11,06	9,04	–	3	Ретушь: чешуйчатая. Зубчатый край
5	4D	546	Обломок с ретушью	–	Нет	–	–	–	–	–	–	–	22,72	21,49	10,95	–	5	Ретушь: чешуйчатая. Зубчатый край
5	4D	587	Чешуйка	Целый	Дистальное	26-50%	Вне оси	Прямоугольная	Забита	Без липса	–	–	16,06	17,40	4,37	Неопределен	1	–
5	4D	517	Обломок	–	Латеральное	1-25%	–	–	–	–	–	–	18,27	12,12	12,36	–	3	–
5	4D	555	Обломок с ретушью	–	Нет	–	–	–	–	–	–	–	14,25	8,41	5,12	–	1	Ретушь: чешуйчатая. Зубчатый край
5	4D	594	Чешуйка с ретушью	Целый	Дистальное	1-25%	По оси	Прямоугольная	Гладкая	Без липса	5,10	2,20	19,46	15,74	7,41	Прямой	2	Ретушь: билатеральная, чешуйчатая/маргинальная. Утончение: вентральное. Зубчатое лезвие

Продолжение таблицы 1. Данные анализа технологически значимых признаков кремнёвых находок.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16			
5	4D	592	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Сегментовидная	Гладкая	Без липса	5,43	1,91	14,14	8,64	2,92	Прямой	1	-
5	4D	593	Чешуйка	Целый	Нет	-	По оси	Прямоугольная	Гладкая	Без липса	2,28	0,79	18,62	9,31	8,63	Прямой	2	-
5	4D	434	Чешуйка	Целый	Нет	-	По оси	Трапезиевидная	Гладкая	Без липса	3,54	1,94	9,87	10,68	1,39	Прямой	<1	-
5	4D	433	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Сегментовидная	Гладкая	Без липса	7,88	3,18	11,20	17,98	3,43	Скошенный	1	-
5	4D	430	Чешуйка	Целый	Дистальное	1-25%	По оси	Прямоугольная	Гладкая	Липс	3,52	2,52	17,00	9,15	4,21	Прямой	2	-
5	4D	432	Чешуйка	Целый	Латеральное	1-25%	Вне оси	Прямоугольная	Многогранная	Липс	7,19	5,75	13,12	11,94	4,05	Скошенный	2	-
5	4D	435	Чешуйка	Целый	>76%		По оси	Листовидная	Гладкая	Без липса	14,13	4,12	6,91	16,23	2,07	Тупой	<1	-
5	4D	431	Чешуйка	Целый	Дистальное	1-25%	По оси	Трапезиевидная	Двугранная	Без липса	7,30	1,90	6,29	11,99	1,29	Скошенный	<1	-
6	3A	795	Отщеп с уточнением	Целый	Латеральная	26-50%	По оси	Прямоугольная	Забита	Неопределен	0,00	0,00	27,97	18,54	6,55	Неопределен	4	Утончение: билатеральное, вентральное, в т.ч. со стороны, покрытой коркой
6	1B	777	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Овальная	Гладкая	Липс	6,48	2,43	10,01	5,79	1,16	Скошен	<1	Скол обработки лезвия двустороннего орудия
6	2A	800	Отщеп	Слом, дл.	Латеральная-проксимальная	1-25%	Вне оси	Прямоугольная	Гладкая	Без липса	6,18	2,11	28,01	22,30	4,20	Прямой	4	-
6	2A	796	Орудие неопределенное	Слом, дл./шир.	Нет	-	Неопределен	Неопределенная	Сломана	Неопределен	0,00	0,00	9,72	7,93	8,92	Неопределен	1	Фрагмент лезвия. Ретушь: дорсальная, чешуйчатая, полукруглая
7	3B	736	Чешуйка	Целый	Нет	-	Вне оси	Овальная	Многогранная	Полу-липс	9,79	3,34	8,51	11,59	1,82	Скошен	<1	-
7	2E	499	Отщеп	Слом, дл./шир.	Нет	-	Неопределен	Неопределен	Сломана	Неопределен	-	-	21,01	24,69	4,18	Неопределен	2	-
7A	4D	595	Чешуйка	Слом, дл./шир.	Нет	-	Неопределен	Неопределен	Сломана	Неопределен	-	-	6,88	14,15	2,11	Неопределен	<1	-
11	3C	417	Чешуйка	Слом, дл.	Нет	-	Неопределен	Неопределен	Сломана	Неопределен	-	-	3,60	9,72	1,17	Неопределен	<1	-
11	3C	365	Обломок	-	Нет	-	-	-	-	-	-	-	11,02	6,26	3,69	-	<1	-
12a	2D	0	Чешуйка	Целый	Дистальное	1-25%	Вне оси	Трапезиевидная	Гладкая	Без липса	2,51	0,95	6,32	12,86	0,93	Прямой	<1	-
13	2D	749	Отщеп с ретушью	Целый	Нет	-	Вне оси	Трапезиевидная	Гладкая	Без липса	21,08	6,17	16,62	22,61	5,68	Скошенный	2	Ретушь: латеральная, вентральная, чешуйчатая/маргинальная
13	2E	615	Обломок с ретушью	-	Нет	-	-	-	-	-	-	-	11,07	8,12	6,14	-	1	Ретушь: чешуйчатая/параллельная
13	3D	616	Пластина	Слом, дл.	Латерально-проксимальное	51-75%	По оси	Прямоугольная	Многогранная	Полу-липс	12,16	2,98	31,25	14,72	3,23	Прямой	3	Сланец
3C	б/н	Отщеп	Слом, дл./шир.	Слом, дл./шир.	Нет	-	Неопределен	Неопределен	Двугранная	Без липса	6,40	5,84	11,46	8,95	6,64	Прямой	1	-
3C	б/н	Чешуйка	Целый	Целый	Нет	-	По оси	Трапезиевидная	Многогранная	Без липса	11,99	4,40	11,32	12,78	2,22	Прямой	1	-

Таблица 2. Культурный слой 5: структура кремнёвых находок.

	Кол-во	%
Нуклеусы	1	0,39
Обломки	37	14,64
Обломки с ретушью	10	3,95
Чешуйки	184	72,73
Чешуйки с ретушью	9	3,57
Чешуйки с утончением	1	0,39
Чешуйки тронкированные	1	0,39
Отщепы	1	0,39
Отщепы с ретушью	4	1,58
Пластины	1	0,39
Пластины с ретушью	2	0,79
Орудия односторонние	2	0,79
ВСЕГО:	253	100,00

Таблица 3. Культурный слой 5: сколы и обломки, положение желвачной корки.

	Кол-во	%
0%	190	75,09
Дистальное	12	4,74
Латеральное	26	10,28
Латеральное/проксимальное	3	1,19
Проксимальное	10	3,95
Центральное	7	2,77
>76%	5	1,98
ВСЕГО:	253	100,00

Таблица 4. Культурный слой 5: сколы, ось скалывания.

	Кол-во	%
Вне оси	89	55,63
По оси	71	44,37
ВСЕГО:	160	100,00
Неопределимая	45	

Таблица 5. Культурный слой 5: сколы, форма.

	Кол-во	%
Аморфная	12	7,41
Листовидная	7	4,32
Овальная	17	10,49
Прямоугольная	42	25,93
Сегментовидная	10	6,17
Трапециевидная	48	29,63
Трапециевидная удлинённая	8	4,94
Треугольная	18	11,11
ВСЕГО:	162	100,00
Неопределимая	43	

Таблица 6. Культурный слой 5: сколы, характер вентрального карниза.

	Кол-во	%
Без липса	136	90,07
Полу-липс	8	5,29
Липс	7	4,64
ВСЕГО:	151	100,00
Неопределимый	54	

Таблица 7. Культурный слой 5: сколы, обработка ударных площадок.

	Кол-во	%
Корка	9	8,18
Гладкая	79	71,82
Двугранная	8	7,27
Многогранная	8	7,27
Фасетированная прямая	4	3,64
Фасетированная выпуклая	2	1,82
ВСЕГО:	110	100,00
Ретуширована	3	
Забита	56	
Сломана	36	

Таблица 8. Культурный слой 5: сколы, углы ударных площадок.

	Кол-во	%
Прямой	83	70,34
Скошенный	34	28,81
Тупой	1	0,85
ВСЕГО:	118	100,00
Неопределимый	87	

Таблица 9. Культурный слой 5: ретушированные изделия.

	Кол-во	%
Скребки	2	6,89
Пластины с ретушью	2	6,89
Отщепы с ретушью	5	13,80
Обломки с ретушью	10	34,48
Чешуйки с ретушью	10	31,04
Чешуйки с утончением	1	3,45
Чешуйки тронкированные	1	3,45
ВСЕГО:	31	100,00

Таблица 10. Данные анализа технологически значимых признаков двусторонних орудий.

СЛОЙ	КВ.	№	Наименование	Основание	Техника изготовления	Ретушь	Мах длина негатива ретуши, мм	Размеры артефактов, мм			Вес, г	Примечания
								L	W	Th		
Слой 15	3А	751	Серп бондарихинского типа, сегментовидный	основание и острие не обработаны	бифасиальная, плоско-выпуклая	комбинация чешуйчатой и параллельной	16,74	78,41	28,19	8,17	18	Изготовлен из кремневой плитки. Не исключено, что не завершена отделка прямого лезвия.
Слой 15	3А	752	Заготовка двустороннего орудия	не обработано	бифасиальная, двояково-выпуклая	чешуйчатая, на лезвиях есть не ретушированные участки	22,69	104,61	42,25	14,67	62	Изготовлен из кремневой плитки. Не завершена отделка лезвий.
Слой 15	3А	753	Наконечник, листовидный	закруглённое	бифасиальная, двояково-выпуклая	комбинация чешуйчатой и параллельной	15,69	69,36	22,72	6,90	11	Вероятно, изготовлен из кремневой плитки.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ CONTRIBUTORS

Ирина Борисовна Тесленко – научный сотрудник Института археологии НАН Украины (Киев), к.и.н.; iryna_teslenko@hotmail.com

Irina Teslenko – Institute of Archaeology, National Ukrainian Academy of Sciences, Kiev

Александр Евгеньевич Мусин – ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры Российской Академии наук (Санкт-Петербург), д.и.н., кандидат богословия; aleksandr_musin@mail.ru

Alexander Musin – Institute for the history of material culture, Russian Academy of Sciences, St Petersburg

Владимир Петрович Кирилко – старший научный сотрудник Государственного бюджетного научного учреждения Республики Крым «Институт археологии Крыма» (Симферополь), архитектор, к.и.н.; kir.vlad33@gmail.com

Vladimir Kirilko – State Budget Scientific Institution «Institute of Archaeology of Crimea», Simferopol

Глеб Георгиевич Гаврись – заведующий отделом фауны и систематики позвоночных Института зоологии им. И.И. Шмальгаузена НАНУ, старший научный сотрудник (Киев), к.б.н.; gavris@izan.kiev.ua
Gleb Gavris – Institute of Zoology, National Ukrainian Academy of Sciences, Kiev

Виталий Николаевич Логвиненко – старший научный сотрудник Палеонтологического музея Национального научно-природоведческого музея НАН Украины (Киев), к.б.н.; mamuthus@mail.ru

Vitaliy Logvinenko – Paleontological Museum of National Science and Natural History Museum, National Ukrainian Academy of Sciences, Kiev

Сергей Владиславович Леонов – доцент кафедры экологии и зоологии Таврической Академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, научный сотрудник Научно-образовательного центра ноосферологии и устойчивого ноосферного развития КФУ им. В.И. Вернадского, к.б.н.; malacology@yandex.ru

Sergei Leonov – Taurian Academy, Crimean Federal V. Vernadsky University, Research and Education Center noosferologii, noosphere and sustainable development, Simferopol

Виктор Петрович Чабай – заведующий отделом археологии Крыма Института археологии НАН Украины (Киев), д.и.н., член-корреспондент НАН Украины; v.chabai@bigmir.net

Viktor Chabai – Institute of Archaeology, National Ukrainian Academy of Sciences, Kiev

Александр Николаевич Егорьков – заведующий лабораторией археологической технологии Института истории материальной культуры Российской Академии наук (Санкт-Петербург), к.т.н.; yegorkov@mail.ru

Alexander Egor'kov – Institute for the history of material culture, Russian Academy of Sciences, St Petersburg

Наталья Петровна Турова – старший научный сотрудник Муниципального казенного учреждения культуры «Ялтинский историко-литературный музей» (Ялта); turova.n@gmail.com

Natalia Turova – Municipal State-Owned Cultural Institution “Yalta Historical-Literary Museum”, Yalta

Ольга Владимировна Игнатенко – младший научный сотрудник Государственного бюджетного научного учреждения Республики Крым «Институт археологии Крыма» (Симферополь); olyushka19@gmail.com

Olga Ignatenko – State Budget Scientific Institution «Institute of Archaeology of Crimea», Simferopol

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

WRITTEN SOURCES

Васильевский В.Г. 1909. Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян. В: Васильевский В.Г. *Труды*. Т. 2. Вып. 1. Санкт-Петербург: Изд-во Имп. Акад. Наук, 213-295.

Васильевский В.Г. 1912а. Житие Стефана Нового. В: Васильевский В.Г. *Труды*. Т. 2: *Русско-византийские отрывки*. Вып. 2. Санкт-Петербург: Изд-во Имп. Акад. наук, 297-350.

Васильевский В.Г. 1912б. Житие Иона Готского. В: Васильевский В.Г. *Труды*. Т. 2: *Русско-византийские отрывки*. Вып. 2. Санкт-Петербург: Изд-во Имп. Акад. наук, 396-427.

Васильевский В.Г. 1915а. Житие св. Георгия Амастридского. В: Васильевский В.Г. *Труды*. Т. 3: *Русско-византийские исследования: Жития святых Георгия Амастридского и Стефана Сурожского*. Санкт-Петербург: Изд-во Имп. Акад. наук, 1-71.

Васильевский В.Г. 1915б. Краткое житие св. Стефана Сурожского. В: Васильевский В.Г. *Труды*. Т. 3: *Русско-византийские исследования: Жития святых Георгия Амастридского и Стефана Сурожского*. Санкт-Петербург: Изд-во Имп. Акад. наук, 72-98.

Геродот. 1972. *История в девяти книгах*. Стратановский Г.А. (пер., прим.), Утченко С.Л. (ред.). Ленинград: Наука.

Голб Н., Прицак О. 2003. *Хазарско-еврейские документы X века*. Москва: Мосты культуры, Гринберг.

Горский А.В., протоиерей, Невоструев К.К. 1869. *Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки*. Отд.3: *Книги богослужебные*. Часть 1. Москва: Синод. тип.

Домострой. Колесов В.В., Рождественская В.В. (изд.). 1994. Санкт-Петербург: Наука.

Евхологий Барберини. Gr. 336. Велковска Е., Паренти С. (ред.). С. Голованов (пер. с итал.). 2011. Омск: Голованов.

Житие Константина. 1981. В: Королюк В.Д. (отв.ред.), Флоря Б.Н. (вступ. ст., пер., коммент.). *Сказания о начале славянской письменности*. Москва: Наука, 70-92.

Иоанн, митрополит. 1880. Канонические ответы (1080-1089). В: Павлов А.С. (ред.). *Памятники древнерусского канонического права*. Ч. 1: *Памятники XI-XV в.* Русская историческая библиотека 6. Санкт-Петербург: Археографическая Комиссия, 1-20.

Иоанн Мосх. 1848. *Луг духовный*. Пер. с греч. Москва: Унив. тип.

Казанский П.С. 1878. *Типик женского монастыря Пресвятой Богородицы Благодатной, основанного и устроенного императрицей Ириной, женой императора Алексея Комнена, по ее повелению и мысли составленный и изданный*. Москва: Имп. Моск. Арх. общ-во.

Кокцов П.К. 1932. *Еврейско-хазарская переписка в X веке*. Ленинград: Изд-во АН СССР.

Красносельцев Н.Ф. 1884. Объяснение Литургии, составленное Феодором, епископом Андидским: Памятник византийской духовной литературы XII в. *Православный собеседник* 1, 370-415.

Лаврентьевская летопись. 2001. Полное собрание русских летописей 1. Москва: Языки русской культуры.

Ламберти Анджело. 1877. Описание Колхиды или Мингрелии о. Ламберти, миссионера Конгрегации для распространения Христианской веры. Юрченко П. (изд.). *ЗООИД* 10, 178-224.

Латышев В.В. 1896. *Сборник греческих надписей христианских времен из южной России*. Санкт-Петербург: Изд-во. Имп. Акад. Наук.

Никифор, митрополит Киевский. 2007. Послание от Никифора, митрополита Киевского [и] всей Русской земли, написанное на латину к Ярославу, князю Муромскому Святославичу [Ярославу Святополчичу], сыну Ярослава, о ересях. В: Мильков В.В. и др. (ред.). *Митрополит Никифор: исследования, древнерусские тексты, переводы, комментарии*. Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты 5. Санкт-Петербург: Мирь, 480-486.

Никодим (Милаш), епископ. 1994. *Правила Православной Церкви с толкованиями*. Т. 1. Москва: Междунар. Издат. центр. православ. литературы.

Олеарий Адам. 2003. *Описание путешествия в Московию*. Ловягин А.М. (пер. с нем.). Смоленск: Русич.

Павлов А.С. 1895. Канонические ответы Никиты, митрополита Солунского (XII века?). *Византийский временник* 2, 378-387.

Паломничество по святым местам IV в. Помяловский И.В. (изд.). 1889. Православный палестинский сборник 20. Санкт-Петербург: Тип. Имп. акад. наук.

- Пентковский А.М. 2001. *Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси*. Москва: Изд-во Моск. патриархии.
- Прокопий Кесарийский. 1939. О постройках. Кондратьев С. П. (пер. с греч.). *Вестник древней истории* 4, 203-283.
- Прокопий Кесарийский. 1996. *Война с готами. О постройках*. Москва: Арктос.
- Савваитов П.И. 1872. *Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград*. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук.
- Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР (XI–XIII вв.)*. 1984. Москва: Наука.
- Сократ Схоластик. 1850. *Церковная история*. Санкт-Петербург: тип. Фишера.
- Струков Д. 1882. *Жития святых Таврических (Крымских) чудотворцев*. Москва: тип. Л.Ф. Снегирева.
- Успенский Ф.И. 1892. Типик монастыря св. Маманта в Константинополе. *Летопись Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете*. Т. 2. Византийское отделение. Ч. 1, 25-84.
- Эрмий Созомен. 1851. *Церковная история*. Санкт-Петербург: тип. Фишера.
- Auzépy M.-F. (introd., éd., trad.). 1997. *La vie d'Etienne le Jeune par Etienne le Diacre*. Birmingham Byzantine and Ottoman monographs 3. Aldershot: Variorum.
- Auzépy M.-F. 2006. La Vie de Jean de Gothie (BHG 891). In: Zuckerman C. (éd.). *La Crimée entre Byzance et le Khaganat khazar*. Actes du colloque « La Crimée entre Byzance et le Khaganat khazar », Paris, Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance, Collège de France, 28 et 29 novembre 2005. Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance. Monographies 25. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance, 69-86.
- Constantine Porphyrogenitus. *De cerimoniis aulae Byzantinae*. Reiske I. (ed.). 2 vol. 1829. Bonn: Weber.
- Egeria's travels to the Holy Land*. Wilkinson J. (ed.). 1981. Jerusalem: Ariel.
- Gautier P. 1981. La diataxis de Michel Attaliat. *Revue des études byzantines* 39, 5-143.
- Gautier P. 1985. Le typikon de la Théotokos Kécharitoméné. *Revue des études byzantines* 43, 5-165.
- Itinerarium Aetherie. 1948. *Etherie: Journal de voyage*. Pétré H. (éd., trad.). Sources Chrétiennes 21. Paris: Ed. du Cerf.
- Itinerarium Aetherie. 1982. *Egérie, Journal de voyage: Itinéraire*. Maraval P. (éd., trad.). Sources Chrétiennes 296. Paris: Ed. du Cerf.
- Ivanov S. 2006. The Slavonic life of St Stefan of Surozh. In: Zuckerman C. (éd.). *La Crimée entre Byzance et le Khaganat khazar*. Actes du colloque « La Crimée entre Byzance et le Khaganat khazar », Paris, Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance, Collège de France, 28 et 29 novembre 2005. Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance. Monographies 25. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance, 109-167.
- Jordan R. 2000. No 27. Kecharitomene: Typikon of Empress Irene Doukaina Komnene for the Convent of the Mother of God Kecharitomene in Constantinople. In: Thomas J., Constantinides Hero A., Constable G. (eds.). *Byzantine Monastic Foundation Documents: A Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments*. Dumbarton Oaks Studies 35. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 649-724.
- Michael Psellos. 2006. Funeral oration for this daughter Styliane, who died before the age of marriage. In: Kaldellis A., Jenkins D., Papaioannou S. *Mothers and Sons, Fathers and Daughters: The Byzantine Family of Michael Psellos*. Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press, 111-138.
- Photius Patriarcha Constantinopolitanus Epistola XIII. 1900. In: Migne J.P. (ed.). *Photii Constantinopolitani Patricar-chae opera omnia*. Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca 102. Paris: Garnier Fratres Editores, J.-P. Migne Succesores, 721-741.
- Pitra J.-B. (ed.). 1864. *Iuris ecclesiastici Graecorum historia et monumenta*. T. I: *a primo p.C.n. ad VI saeculum*. Rome: Typis Collegii Urbani.
- Pitra J.-B. (ed.). 1868. *Iuris ecclesiastici Graecorum historia et monumenta*. T. II: *a VI ad IX saeculum*. Rome: Typis Collegii Urbani.
- Procopius Caesariensis. 1838. *De aedificiis*. In: Procopius Caesariensis. *Opera Omnia*. Vol. 3. Dindorfius G. (ed.). Corpus scriptorum historiae Byzantinae 45. Bonn: Weber, 167-344.
- Ševčenko I., Ševčenko N.P. (eds.). 1984. *The Life of Saint Nicolas of Sion*. Brookline, MSH: Hellenic College Press.
- Talbot A.-M. 2000. No 19. Rule of Michael Attaleiates for his Almshouse in Rhaidestos and for the Monastery of Christ Panoiktirmon in Constantinople. In: Thomas J., Constantinides Hero A., Constable G. (eds.). *Byzantine Monastic Foundation Documents: a Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments*. Dumbarton Oaks Studies 35. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 326-376.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ARCHIVE DOCUMENTS

Арциховский А.В. *Отчет об археологических работах в Новгороде в 1947 г.* Научно-отраслевой архив Института археологии РАН, г. Москва. Ф-1. Р-1. № 144. 99 л.

Баранов И.А. *Отчет об археологических исследованиях в Судакской крепости и на мысе Ай-Фока в 1989 г.* Научный архив Крымского филиала Института археологии НАНУ. Инв. № 1150. Папка № 1498. 34 с. 89 илл.

Веймарн Е.В. *Отчет о работах Бахчисарайского горного отряда Тавроскифской экспедиции в 1947 г.* Научный архив Крымского филиала Института археологии НАНУ. Инв. А. № 1. Папка № 1.

Веймарн Е.В., Кацур К.П. Южнобережная полоса Крымского полуострова (Ласпи – Алушта) №№ 1-73. В: *Археологическая карта средневековых памятников Крыма [1952]*. Научный архив Крымского филиала Института археологии НАНУ. Инв. В. № 11.

Домбровский О.И. [б.д.]. *Храм Спасителя в урочище Сотера.* Научный архив Крымского филиала Института археологии НАНУ. Инв. № 865. Папка № 1310. 28 л. 3 илл.

Домбровский О.И. *Отчет об археологической разведке в районах горного Крыма в 1956 г.* Научный архив Крымского филиала Института археологии НАНУ. Инв. № 28. Папка № 58.

Лысенко А.В., Тесленко И.Б. *Отчет о разведках на территории Алуштинского горсовета в 2005 г.* Научный архив Института археологии НАНУ. № 2005/30. 207 с. 197 илл.

Лысенко А.В., Тесленко И.Б. *Отчет о разведках на территории Алуштинского горсовета в 2006 г.* Научный архив Крымского филиала Института археологии НАНУ. Инв. № 1287. Папка № 1640. 129 с. 159 илл.

Материалы для ближайшего познания горной части Крыма: Путевые заметки П.И. Кеппена. СПбФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 344. 225 л.

Мыц В.Л., Кирилко В.П. *Отчет об археологическом исследовании укрепления, поселения и некрополя Фуны в 1991 г.* Научный архив Крымского филиала Института археологии НАНУ. Инв. № 312. Папка № 603. 62 с. 62 илл.

Мыц В.Л., Смекалова Т.Н., Татарцев С.В. *Отчет об археологических разведках в Канакской балке в 1992 г.* Научный архив Крымского филиала Института археологии НАНУ. Инв. № 247. Папка № 546. 23 с. 19 илл.

Платонова Н.И. *Отчет о полевых исследованиях в Ленинградской и Новгородской областях в 1983 г.* Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. г. Москва. Ф-1. Р-1. № 10653. 66 л.; № 10653 А. 43 л.; № 10653 Б. 17 л.

Платонова-Залевская Н.И. *Отчет об археологических раскопках Лужского отряда Ильменской экспедиции ИА АН СССР в 1981 г.* Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. г. Москва. Ф-1. Р. 1. № 8740. 19 л.; № 8740 А. 19 л.; № 8740 Б. 13 л.

Скобелев Ю.Н. Археологическая разведка средневековых поселений в окрестностях посёлка Малый Маяк Алуштинского района в 1969 г. В: *Отчет об археологических исследованиях на Южном берегу Крыма с 1965 по 1969 гг.* Научный архив Крымского филиала Института археологии НАНУ. Инв. № 547. Папка № 911, 301-310.

Теліженко С.А. *Звіт про проведення археологічних досліджень (розкопки, шурфування) в м. Алушта (вул. Леніна, 2) в 2010 році.* Научный архив Крымского филиала Института археологии НАНУ. Инв. № 1386. Папка № 1750. 189 с.

Тесленко И.Б., Лысенко А.В. *Отчет о разведках на территории Алуштинского горсовета в 2002 г.* Научный архив Крымского филиала Института археологии НАНУ. Инв. № 750. Папка № 1167. 67 с. 50 илл.

Тесленко И.Б., Лысенко А.В. *Отчет о разведках на территории Алуштинского горсовета в 2003 г.* Научный архив Крымского филиала Института археологии НАНУ. Инв. № 837. Папка № 1269. 69 с. 64 илл.

Тесленко И.Б., Лысенко А.В. *Отчет о разведках на территории Ялтинского и Алуштинского горсоветов в 2004 г.* Научный архив Крымского филиала Института археологии НАНУ. Инв. № 1121. Папка № 1468. 134 с. 138 илл.

Тесленко И.Б., Лысенко А.В. *Отчет о раскопках средневекового храма и некрополя в с. Семидворье Лучистовского сельсовета (Алуштинский горсовет, АРК) в 2007 г. Часть I. Раскопки раннесредневекового некрополя.* Научный архив Крымского филиала Института археологии НАНУ. Инв. № 1385. Папка № 1749. 245 с. 340 илл.

Тесленко И.Б., Семин С.В. *Отчет об археологических исследованиях крепости Алустон в 1998 г.* Научный архив Крымского филиала Института археологии НАНУ. Инв. № 581. Папка № 959. 116 с. 89 илл.

Черныш С.А., Турова Н.П. *Полевой отчет об охранных раскопках раннесредневекового могильника в урочище Алония близ Ялты и разведках в Ялтинской котловине в 2001 г.* Научный архив Крымского филиала Института археологии НАНУ. Инв. № 815. Папка № 1244/1245. 47 с. 99 илл.

Янин В.Л., Хорошев А.С., Рыбина Е.А., Сорокин А.Н. *Отчет Новгородской археологической экспедиции за 1999 г. Раскоп Троицкий – XII.* Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. г. Москва. Ф-1. Р-1. № 22642. 189 л.

ЛИТЕРАТУРА BIBLIOGRAPHY

- Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. 1989. Три погребальные камеры из Гнездова. В: Федоров-Давыдов Г.А. (ред.). *История и культура древнерусского города*. Москва: Изд-во МГУ, 199-205.
- Адаксина С.Б. 2002. *Монастырский комплекс X–XVI веков на горе Аю-Даг*. Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. 1. Санкт-Петербург: Изд-во Государственного Эрмитажа.
- Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. 2006. *Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2005 году*. Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. 5. Санкт-Петербург; Симферополь: Изд-во Государственного Эрмитажа.
- Адаксина С.Б., Мыц В.Л. 2007. *Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2006 году*. Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. 6. Санкт-Петербург; Симферополь: Изд-во Государственного Эрмитажа.
- Адаксина С.Б., Мыц В.Л. 2008. *Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2007 году*. Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. 7. Санкт-Петербург; Симферополь: Изд-во Государственного Эрмитажа.
- Адаксина С.Б., Мыц В.Л., Ушаков С.В. 2010. *Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2008-2009 гг.* Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. 8. Санкт-Петербург; Симферополь: Изд-во Государственного Эрмитажа.
- Айбабин А.И. 1991. Основные этапы истории городища Эски-Кермен. В: Айбабин А.И. (ред.). *МАИЭТ*. Вып. II. Симферополь, 43-51.
- Айбабин А.И. 1993. Могильники VIII – начала X в. в Крыму. В: Айбабин А.И. (ред.). *МАИЭТ*. Вып. III. Симферополь, 121-134.
- Айбабин А.И. 1999. *Этническая история ранневизантийского Крыма*. Симферополь: ДАР.
- Айбабин А.И. 2003. Степь и Юго-Западный Крым. В: Макарова Т.И., Плетнева С.А. (отв. ред.). *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII вв.* Москва: Наука, 59-64.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. 2008. *Могильник у с. Лучистое*. Т. I: *Раскопки 1977, 1982-1984 гг.* Симферополь; Керчь: ИД «АДЕФ-Украина».
- Айбабина Е.А. 1991. Двухапсидный храм близ крепости Фуна. В: Толочко П.П. (отв. ред.). *Византийская Таврика*: Сборник научных трудов (к XVIII конгрессу византинистов). Киев: Наукова думка, 194-205.
- Айбабина Е.А. 1993. Об этнической атрибуции могильника Узен-Баш. В: Айбабин А.И. (ред.). *МАИЭТ*. Вып. III. Симферополь, 118-121.
- Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. 1997. Раскопки в Феодосии. В: Кутайсов В.А. (отв. ред.). *АИК 1994 г.* Симферополь, 16-18.
- Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. 2002. Греческие церкви средневековой Каффы. В: Юрочкин В.В. (ред.). *Православные древности Таврики*: Сборник материалов по церковной археологии. Киев: Стилоз, 159-168.
- Айналов Д.В. 1905. *Развалины храмов. Памятники христианского Херсонеса*. Вып. 1. Москва: тов. тип. А.И. Мамонтова.
- Акаба Л.Х. 1955. Абхазы Очамчирского района. В: Косвен М.О. (отв. ред.). *Кавказский этнографический сборник*. Т. I. Москва: Изд-во АН СССР, 48-112.
- Акімов І.А. (ред.). 2009. *Червона книга України: Тваринний світ*. Київ: «Глобалконсалтінг».
- Аладжов Ж. 1996. Осветителни тела от Велики Преслав. *Археология* [София] 2-3, 79-83.
- Алексеева Е.М. 1982. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Свод археологических источников. Вып. Г1-12. [Ч.1]. Москва: Наука.
- Алексеевко Н.А. 2006. Монеты. В: Бернацки А.Б., Клемина Е.Ю. (ред.). *Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна в квартале VII (IX–XI вв.)*. Хсб. Sup. I. Севастополь: ИД Максим, 85-94.
- Алмазов А.И. 1904. *Святые – покровители сельскохозяйственных занятий (Из истории относящихся к ним греческих последований)*. Одесса: Экономическая тип.
- Альтшуллер Б.Л. 1977. Бесстолпные храмы XIV века в Коломне. *СА* 4, 156-173.
- Амброз А.К. 1988. Основы периодизации южнокрымских могильников типа Суук-Су. В: Тимошук Б.А. (отв. ред.). *Древности славян и Руси*: Сборник статей. Москва: Наука, 5-12.
- Амброз А.К. 1994. Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. В: Айбабин А.И. (ред.). *МАИЭТ*. Вып. IV. Симферополь, 31-88.
- Андрощук Ф.О. 1995. Топографія та хронологія Шестовицького могильника. *Археологія* 3, 115-122.

- Андрющенко Ю.А. 2009. Дрохва. В: Акімов І.А. (ред.). *Червона книга України. Тваринний світ*. Киев: «Глобалконсалтінг», 444.
- Андрющенко Ю.А., Стадниченко И.С. 1999. Современное состояние и особенности местообитаний дрофы, стрепета и авдотки на юге Украины. В: Черничко И.И. (ред.). *Бранта*: Сборник научных трудов Азово-Черноморской орнитологической станции. Вып. 2. Мелитополь; Симферополь, 135-151.
- Анистратенко В.В., Анистратенко О.Ю., Костенко Н.С. 2008. *Атлас моллюсков Карадага. Хитоны и Брюхоногие*. Симферополь: СОНАТ.
- Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. 1971. Средневековые амфоры Херсонеса. *АДСВ* 7, 81-101.
- Армарчук Е.А. 2010. Христианский храм на горе Сахарная головка под Адлером: планировка и строительные особенности. В: Ёлшин Д.Д. (ред.). *Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков*. Труды Государственного Эрмитажа 53. Санкт-Петербург: Изд-во Государственного Эрмитажа, 180-195.
- Арранц М. 1978. *Историческое развитие Божественной Литургии: Опыт*. Ленинград: ЛДА.
- Арранц М. 2003. *Евхаристия Востока и Запада: Исторический опыт. Избранные сочинения по литургике*. Т. 1: Таинства Византийского Евхология. Рим: Пап. вост. ин-т; Москва: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы.
- Артамонов М.И. 2001. *История хазар*. 2-е изд. Санкт-Петербург: Лань.
- Архипова Е. 2009. Церковные осветительные приборы XI–XIII вв. из Переславы Южного. В: Коцур В.П. (ред.). *Наукові записки з української історії: Збірник наукових статей*. Вып. 20. Переяслав-Хмельницький, 244-257.
- Асратян И. 1989. Раннесредневековые зальные церкви с обходом Грузии и Армении (композиционные параллели). В: Беридзе В.В. (ред.). *Международный симпозиум по грузинскому искусству, Тбилиси, 23.5-2.6 1983*. Сборник докладов. Т. 2. Тбилиси: Академия наук Грузинской ССР, 79-96.
- Атанасов Г. 1991. Средневековни църковни кръстове от южна Добруджа. *Известия на Народния музей Варна* 27 (42), 77-97.
- Афанасьева Т.И. 2007. Особенности последования литургий Иоанна Златоуста и Василия Великого в древнерусских служебниках XIII–XIV вв. *Ruthenica* 6, 207-242.
- Афанасьева Т.И. 2012. *Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв.* Москва: Изд-во «Дмитрий Пожарский».
- Афиногенов Д.Е. 2004. Наименования культовых сооружений и их частей в церковнославянском переводе Жития св. Феодора Сикеота. В: Бабинов Ю.А. (ред.). *Культовые памятники в мировой культуре (археологический, исторический и философский аспекты)*: Сборник научных трудов. Севастополь: ЧП Арефьев, 106-111.
- Афиногенов Д.Е., Мусин А.Е., Торопова Е.В. (ред.). 2007. *В поисках утраченной Византии. Культура средневекового Новгорода и Древней Руси как источник для синхронно-стадиальной реконструкции византийской цивилизации IX–XV вв.* Материалы конференции, Великий Новгород, 26-28.07.2007 = *In search of a lost Byzantium. The cultural heritage of old Russia as a source for the synchronous-stadial reconstruction of the Byzantine civilization*. Proceedings of the conference, Velikiy Novgorod, 26-28. 07. 2007. Санкт-Петербург: ИИМК РАН; Великий Новгород: НовГУ.
- Бабенчиков В.П. 1953. Средневековое поселение близ села Планерское (раскопки 1949-1951 гг.). *КСИИМК* 49, 104-116.
- Бабенчиков В.П. 1958. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень. В: Смирнов А.П. (ред.). *История и археология средневекового Крыма*: Сборник статей. Москва: Изд-во АН СССР, 88-146.
- Байер Х.-Ф. 2001. *История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.
- Бакстон Д. 2002. *Абиссинцы. Потомки царя Соломона*. Зотина Н.А. (пер. с англ.). Москва: Центрполиграф.
- Барабанов Н.Д. 2002. Традиции публичных жертвоприношений в византийском приходском православии VI–VII вв. В: Герман (Тимофеев), митрополит (отв.ред.). *Мир Православия*: Сборник научных статей. Вып. 4. Волгоград, 22-50.
- Барабанов Н.Д. 2004. Благочестивые заклания. Традиции публичных жертвоприношений в византийском приходском православии. *Византийский временник* 63 (88), 89-113.
- Баранов И.А. 1979. Раннесредневековая гончарная печь в урочище Суат. *АДСВ* 16: Социальное развитие Византии, 112-118.
- Баранов И.А. 1986. Памятники раннесредневекового Крыма. В: Артеменко И.И. (гл. ред.). *Археология Украинской ССР*. Т. 3. Киев: Наукова думка, 231-248.
- Баранов И.А. 1990. *Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура)*. Киев: Наукова думка.
- Баранов И.А. 1991. Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи. В: Рашев Р. (ред.). *Проблеми на прабългарската история и култура*. Т. 2. София: Национален археологически институт с музей, Българската академия на науките, 145-159.

- Баранов И.А. 1994. Археологическое изучение Сугдеи-Солдайи. В: Кутайсов В.А. (отв. ред.). *АИК 1993*. Симферополь, 39-41.
- Баранов И.А., Майко В.В. 1996. Комплексът салтовски съоръжения в Судацката крепост. В: Тодоров П. (отв. ред.). *Българите в Северното Причерноморие*. Т. 5. Велико Търново: Университетското издателство «Св. св. Кирил и Методий», 71-88.
- Баранов И.А., Майко В.В. 2000. Праболгарские горизонты Судацкого городища середины VIII – первой половины X вв. В: Тодоров П. (отв. ред.). *Българите в Северното Причерноморие*. Т. 7. Велико Търново: Университетското издателство «Св. св. Кирил и Методий», 83-99.
- Барсамов Н.С. 1926. Феодосийский музей краеведения. *Крым* 2, 185.
- Барсамов Н.С. 1932. *Сообщения об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле 1929-1931 гг.* Феодосия: 3 гостиполит.
- Безбородов М.А., Якобсон А.Л. 1960. Химическое исследование средневековых стекол из Байлакана. *СА* 4, 194-196.
- Белецкий Д.В. 2004. Заметки о Нузальском храме. *Историко-филологический архив* 2, 22-57.
- Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. 2010. Христианская архитектура Алании: Типология, география, хронология. В: Ёлшин Д.Д. (ред.). *Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков*. Труды Государственного Эрмитажа 53. Санкт-Петербург: Изд-во Государственного Эрмитажа, 196-213.
- Белый А.В. 1992. Новый христианский памятник в районе Кыз-Кермена. В: Могаричев Ю.М. (ред.-сост.). *Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму*: Сборник БГИКЗ. Симферополь: Таврия, 142-151.
- Белый А.В. 1993. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 2. В: Могаричев Ю.М. (отв. ред.). *История и археология Юго-Западного Крыма*: Сборник научных трудов. Симферополь: Таврия, 49-58.
- Белый А.В. 2001. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек №№ 3, 4, 7. В: Могаричев Ю.М., Храпунов И.Н. (ред.-сост.). *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Вып. 2. Симферополь: Таврия-Плюс, 189-229.
- Белый А.В., Назаров В.В. 1992. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 1. В: Могаричев Ю.М. (ред.-сост.). *Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму*: Сборник БГИКЗ. Симферополь: Таврия, 132-142.
- Беляев Л.А. 2005. Каменные «подушки» монашеских погребений и их ветхозаветный прототип. *РА* 4, 171-175.
- Белянский И.Л. 2010. По хоженому Крыму. В: Суперанская А.В. (пред. ред. кол.). *Топонимика Крыма 2010*: Сборник статей памяти И.Л. Белянского. Симферополь: Универсум, 127-146.
- Бертье-Делагард А.Л. 1893. *Раскопки Херсонеса. Древности Южной России*. Материалы по археологии России 12. Санкт-Петербург: Имп. Археол. комиссия.
- Бертье-Делагард А.Л. 1907. *О Херсонесе: Крестообразный храм. Крепость. Крепостная ограда*. Известия Императорской Археологической комиссии 21. Санкт-Петербург: Имп. Археол. комиссия.
- Бертье-Делагард А.Л. 1920. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. *ИТУАК* 57, 1-134.
- Бескаравайный М.М. 2008. *Птицы морских берегов Южного Крыма*. Симферополь: Нижняя Ореанда.
- Бетев, Оберг 1842. *Топографическая карта полуострова Крым, составлена в 1/210 000 долю настоящей величины и гравирована при военно-топографическом депо со съемок тригонометрической ген. штаба подполк. Оберга, топографической ген. штаба полковника Бетева*. Санкт-Петербург: ВТД.
- Бибиков С.Н. 1981. Эпоха мезолита (эпипалеолита). В: Кондуфор Ю. (гл. ред.). *История УССР*. Т. 1: *Первобытнообщинный строй и зарождение классового общества. Киевская Русь (до второй половины XIII в.)*. Киев: Наукова думка, 45-54.
- Бибиков С.Н., Станко В.Н., Коен В.Ю. 1994. *Финальный палеолит и мезолит горного Крыма*. Одесса: Изд-во «Весть».
- Бліфельд Д.І. 1977. *Давньоруські пам'ятки Шестовиці*. Київ: Наукова думка.
- Бобринский А.А. 1978. *Гонимостъ Восточной Европы*. Москва: Наука.
- Болотов В.В. 1917. *Лекции по истории древней Церкви*. Т. IV: *История Церкви в период Вселенских соборов*. 3: *История богословской мысли*. Санкт-Петербург: тип. М. Меркушева.
- Болтачев А.Р., Карпова Е.П. 2012. *Морские рыбы Крымского полуострова*. Симферополь: Бизнес-Информ.
- Бочаров С.Г. 2004. Описание средневековых храмов региона Алушты в архивных материалах П.И. Кеппена. В: Мыц В.Л. (гл. ред.). *«О древностях Южного берега и гор Таврических»*: Сборник научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). Киев: ИД «Стилос», 43-57.
- Брандт А.А. 1914. Заметки по археологии Крыма. *Известия Императорской Археологической комиссии* 54, 109-116.
- Булгаков В.В. 2000. Византийские амфоры IX–XIV вв.: основные типы. *Восточноевропейский археологический журнал* 4 (5) (<http://archaeologie.kiev.ua/journal/040700/bulgakov.htm>).

Буркерт В. 2000. Номо песанс. Жертвоприношение в древнегреческом ритуале и мифе. В: Акимова Л.И. (ред.-сост.). *Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней*. Москва: Языки русской культуры, 405-478.

Бурчак-Абрамович Н.И. 1962. К изучению птиц античной эпохи Боспорского царства. В: Ларионов В.Ф. (ред.). *Орнитология: Сборник статей*. Вып. 5. Москва: Изд-во МГУ, 438-442.

Бусева-Давыдова И.Л. 1989. Символика архитектуры по древнерусским письменным источникам XI–XVII вв. В: Демин А.С. (ред.). *Герменевтика древнерусской литературы: Сборник статей*. Вып. 2: XVI – начало XVIII веков. Москва: Гос. Библиотека СССР, 279-300.

Бюллетень регионального орнитологического мониторинга: Итоги среднезимних учетов водно-болотных птиц 2005, 2007-2010 годов в Азово-Черноморском регионе Украины. Андрищенко Ю.А. (ред.). 2011. Вып. 7. Мелитополь.

Веймарн Е.В. 1980. От кого могли защищать готов в Крыму «длинные стены» Прокопия? *АДСВ 17: Античные традиции и византийские реалии*, 19-33.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. 1993. *Скалистинский могильник*. Киев: Наукова думка.

Вениамин (Румовский-Краснопевков), архиепископ. 1803. *Новая Скрижаль, или Пополнительное объяснение о церкви, о литургии, и о всех службах, и утварях церковных*. Т. 1-4. Санкт-Петербург: Синодальная тип.

Виноградов А.Ю. 2010. Строительство в Херсонской феме по данным эпиграфики. В: Алексеенко Н.А. (ред.). *II Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 31 мая-4 июня 2010 г. Тезисы докладов и сообщений*. Севастополь: НМЗХТ, 8-10.

Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е., Желтов М.С. 2005. Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии. *РА 1*, 72-80.

Властов Б. В., Матеев П. В. 1968. Класс Брюхоногие. В: Зенкевич Л.А. (ред.). *Жизнь животных*. Т. 2. Москва: Просвещение, 20-91.

Воїнственський М. А. 1958. Орнітофауна Ольвії. В: *Археологічні пам'ятки Української РСР*. Т. 7. Київ: Вид-во АН УРСР, 156-158.

Воинственский М.А. 1963. Ископаемая орнитофауна Крыма. В: *Труды комплексной карстовой экспедиции Академии наук УССР*. Вып. 1. Киев: Изд-во АН УССР, 106-123.

Воинственский М.А. 1967. Ископаемая орнитофауна Украины. В: Пидопличко И.Г. (ред.). *Природная обстановка и фауны прошлого*. Вып. 3. Киев: Наукова думка, 3-76.

Волков И.В. 1992. *Керамика Азова XIV–XVIII вв. (классификация и датировка)*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва: МГУ.

Волков И.В. 2005. Поливная керамика комплекса Кабарди. В: Бочаров С.Г., Мыц В.Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.*: Сборник научных трудов. Т. 1. Киев: ИД «Стилос», 122-159.

Воронов Ю.Н. 2002. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.). *Проблемы истории, филологии, культуры* 12. Москва; Магнитогорск, 334-362.

Высоцкий С.А. 1976. *Средневековые надписи Софии Киевской (По материалам граффити XI–XVII вв.)*. Киев: Наукова думка.

Гайдуков Н. Е., Желтов М.С., диакон. 2006. Престолы пещерных храмов Юго-Западного Крыма. В: Куковальская Н.М. (ред.). *Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы III Судакской международной научной конференции*. Т. 2. Киев; Судак: Академперіодика, 76-85.

Галибин В.А. 2001. *Состав стекла как археологический источник*. Труды Института истории материальной культуры РАН 4. Санкт-Петербург: Изд-во «Петербургское востоковедение».

Гаряев Р.М. 1978. К вопросу об ориентации русских церквей. *КСИА* 155, 40-44.

Гептнер В.Г., Насимович А.А., Банников А.Г. 1961. *Млекопитающие Советского Союза*. Т. 1: *Парнокопытные и непарнокопытные*. Москва: Высшая школа.

Герцег А.Б. 1983. *Охота в иллюстрациях*. Bratislava: Priroda.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. 1991. О возникновении Готской епархии в Таврике. В: Айбабин А.И. (ред.). *МАИ-ЭТ*. Вып. II. Симферополь, 119-130.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. 1992. Иконоборческая Таврика. *АДСВ 26: Византия и средневековый Крым*, 180-190.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. 2001. Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун. *АДСВ 32*, 127-147.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. 2005. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангула. В: Бочаров С.Г., Мыц В.Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.*: Сборник научных трудов. Т. I. Киев: ИД «Стилос», 257-287.

Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. 2006. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп). В: Айбабин А.И., Зинько В.Н. (ред.). *МАИЭТ*. Вып. XII. Симферополь, 371-497.

Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е. 2010. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX – начало X в.). В: Айбабин А.И., Зинько В.Н. (ред.). *МАИЭТ*. Вып. XVI. Симферополь, 240-295.

Гинькут Н.В. 2002. Керамика IX – первой половины X в. с места кораблекрушения близ Учкеевки (Севастопольский прибрежный район). В: Лебединский В.В. (ред.). *Подводная археология: сто лет исследований*. Материалы международной научно-практической конференции «К 100-летию подводной археологии» 6-8 февраля 2002 г. Москва: Ин-т Востоковедения РАН, 24-31.

Голофаст Л.А. 2001. Стекло ранневизантийского Херсонеса. В: Айбабин А.И., Зинько В.Н. (ред.). *МАИЭТ*. Вып. VIII. Симферополь, 92-260.

Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. 2003. Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса. В: Айбабин А.И., Зинько В.Н. (ред.). *МАИЭТ*. Вып. X. Симферополь, 182-260.

Голубева Л.А. 1949. Киевский некрополь. В: Воронин Н.Н. (ред.). *Материалы и исследования по археологии древнерусских городов*. Т. 1. Материалы и исследования по археологии СССР 11. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 103-108.

Гомелаури И. 1982. *Мгвимеви. Памятник грузинской архитектуры XIII века*. Тбилиси: Мецниереба.

Григоров В. 2010. *Крепостта Красен до Панагюрище*. Разкопки и проучвания 40. София: Национален археологически институт с музей, Българска академия на науките.

Гринченко А.Б. 2005. Современные данные о динамике пролета и ареале гнездования коростеля в Крыму. В: Черничко И.И. (ред.). *Бранта*: Сборник научных трудов Азово-Черноморской орнитологической станции. Вып. 8. Мелитополь, 128-132.

Гринченко А.Б. 2009. Изменения гнездовой фауны гусеобразных Крыма, связанные с антропогенной сукцессией Сиваша и степной части полуострова. В: Черничко И.И. (ред.). *Бранта*: Сборник научных трудов Азово-Черноморской орнитологической станции. Вып. 12. Мелитополь, 59-70.

Гринцер П.А. 2003. Шива. В: Токарев С.А. (гл.ред.). *Мифы народов мира*. Энциклопедия. Т. 2. Москва: «Большая Российская энциклопедия», 642-644.

Дагрон Ж. 2010. *Император и священник: этюд о византийском цезарепапизме*. Мусин А.Е. (пер. с фр.). Санкт-Петербург: Изд-во Филологического факультета СПбГУ.

Джанов А.В. 2004. Сугдея в III–VII вв. В: Куковальская Н.М. (гл. ред.). *Сугдейский сборник*. Вып. I. Киев; Судак: Академперіодика, 45-74.

Дмитревский И.И. 1812. *Историческое, догматическое и таинственное изъяснение Божественной Литургии*. 5-е изд. Санкт-Петербург: Синод. тип.

Дмитриевский А.А. 1884. *Богослужение в Русской Церкви в XVI в.: Историко-археологическое исследование*. Ч. 1: Службы круга седмичного и годичного и чинопоследования таинств. Казань: тип. Имп. Ун-та.

Дмитриевский А.А. 1901. *Древнейшие патриаршие типиконы Святотроубский Иерусалимский и Великой Константинопольской Церкви. Критико-библиографическое исследование*. Киев: тип. И.И. Горбунов.

Дмитриенко В.Н., Масловский А.Н. 2006. Комплекс 1310-х годов из раскопок Азака. В: Кияшко В.Я. (отв. ред.). *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г.* Вып. 22. Азов: Азовский музей-заповедник, 231-257.

Домбровский О.И. 1974. Средневековые поселения и «Исары» Крымского Южнобережья. В: Бибииков С.Н. (отв. ред.). *Феодальная Таврика*. Киев: Наукова думка, 5-56.

Дончева-Петкова Л. 2011. *Средновековни кръстове-енколтиони от България (IX–XIV в.)*. София: Проф. Марин Дринов.

Дрампян И.Р. 1979. *Фрески Кобайра*: Альбом. Ереван: Советакан грох, 1979.

Драчук В.С. 1975. *Системы знаков Северного Причерноморья: тамгообразные знаки Северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры*. Киев: Наукова думка.

Дударев П.И. 1903. «Новая Скрижаль»: (Ист.-библиогр. очерк по поводу исполнившегося столетия со дня ее первого издания 1803-1903 г.). Новочеркасск: Частн. Донская тип.

Дьячков С.В. 2004. «Консульская церковь» крепости Чембало (XIV–XV вв.). В: Мыц В.Л. (гл. ред.). «О древностях Южного берега и гор Таврических»: Сборник научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). Киев: ИД «Стилос», 246-255.

Егорьков А.Н. 2011. Взгляд на некоторые проблемы интерпретации состава древнего стекла. В: Гайдуков П.Г. (отв.

ред.). *Стекло Восточной Европы в древности, Средневековье и Новое время: изучение и реставрация*. Тезисы докладов международной научной конференции 23-25 марта 2011 г. Москва: ИА РАН, 8.

Ельников М.В. 2001. *Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследования 1989-1992 гг.)*. Запорожье: Запорожский гос. ун-т.

Желтов М.С. 2004. Брак и Евхаристия: История православного чина венчания. *Журнал Московской Патриархии* 11, 44-53.

Желтов М.С. 2005а. Вопросы соответствия митрополита Илии Критского: свидетельство об особенностях совершения божественной литургии в начале XII века. *Вестник ПСТГУ. I: Богословие. Философия* 14, 23-53.

Желтов М.С. 2005б. Чин венчания и таинство Евхаристии – взаимоотношение последований. В: *Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института*: Материалы 2004 г. Москва: ПСТБИ, 156-165.

Желтов М.С., священник. 2007. Чин Божественной литургии в древнейших (XI–XIV вв.) славянских Службениках. *Богословские труды* 41, 272-359.

Желтов М.С., священник. 2009. Обзор истории чинов благословения брака в православной традиции. В: Желтов М.С., священник (ред.). *Православное учение о церковных таинствах*: Материалы V Международной богословской конференции РПЦ (Москва, 13–16 ноября 2007 г.). Т. 3. Москва: Синодальная библейско-богословская комиссия, 109-126.

Желтов М.С., священник. 2010. Чины обручения и венчания в древнейших славянских рукописях. *Palaeobulgarica* 1, 25-43.

Журавльов О.П. 1983. Кісткові рештки ссавців в Ольвії та на Березані (дослідження 1972-1976 рр.). *Археологія* 42, 80-85.

Завадская И.А. 2008. Серия черепиц с ремесленными знаками из Эски-Кермена (по материалам раскопок 2003-2004 гг.). В: Айбабин А.И., Зинько В.Н. (ред.). *МАИЭТ*. Вып. XIV. Симферополь, 291-315.

Завадская И.А. 2010. Проблемы изучения кровельного материала средневековых центров Юго-Западного Крыма. В: Ёлшин Д.Д. (ред.). *Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков*. Труды Государственного Эрмитажа 53. Санкт-Петербург: Изд-во Государственного Эрмитажа, 254-268.

Заграевский С.В. 2011. О научной обоснованности «азимутного метода» (метода определения дат и посвящений древнерусских храмов по азимуту их алтарей). В: *Архитектор. Город. Время. Материалы Ежегодной международной научно-практической конференции (Великий Новгород – Санкт-Петербург)*. Объединенный выпуск XIII и XIV конференций. Санкт-Петербург: ООО Газета «St. Petersburg Today», ЛЕМА, 69-74.

Залеская В.Н. 1984. Византийские белоглиняные расписные кружки и киликовидные чашки. *СА* 4, 117-123.

Засецкая И.П. 2008. *Стеклянная посуда некрополя Боспора второй половины IV – рубежа VI–VII вв. н.э. (из собрания Государственного Эрмитажа)*. Боспорские Исследования. Вып. XX. Симферополь; Керчь: КФ ИВ НАНУ, БФ «Деметра».

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. 1999. Гончарная керамика VIII–IX веков с сельской округи Боспора. В: Федосеев Н.Ф. (ред.-сост.). *Археология и история Боспора*. Т. III. Керчь: [s.n.], 185-211.

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. 2000. Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи. В: Айбабин А.И., Зинько В.Н. (ред.). *МАИЭТ*. Вып. VII. Симферополь, 186-200.

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. 2005. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка–2 у пос. Эльтиген. В: Айбабин А.И. (гл. ред.). *Боспорские Исследования*. Вып. 10. Симферополь; Керчь, 236-267.

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. 2007. Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-1. В: Айбабин А.И., Зинько В.Н. (ред.). *МАИЭТ*. Вып. XIII. Симферополь, 183-196.

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. 2009. *Тиритака. Раскоп XXVI*. Т. I: *Археологические комплексы VIII–X вв.* Симферополь; Керчь: ИД «АДЕФ-Украина».

Зоценко В.Н. 2010. Киевский некрополь-II: место в исторической топографии города, типология погребального обряда, хронология. В: Пескова А.А., Щеглова О.А., Мусин А.Е. (ред.-сост.). *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки*. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной, Санкт-Петербург, 10-15 апреля 2006 г. Санкт-Петербург: Нестор-История, 455-477.

Зоценко В., Звіздецький Б. 2006. Типологія та хронологія артефактів «скандинавського» типу із розкопок стародавнього Іскоростеня. В: Толочко П.П. и др. (ред.). *Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування давньоруської держави) IX–XI ст.* Матеріали Міжнар. польового семінару, 20-23 липня, 2006 року, Чернігів – Шесто-виця. Чернігів: Сіверянська Думка, 87-105.

Игошев В.В. 2001. История бытования вотивных подвесок в России в XVII – начале XX в. В: Гнутова С.В., Зотова Е.Я., Шемаханская М.С. (ред.). *Художественный металл России*: Материалы конференции памяти Г.Н. Бочарова. Москва: Издат. Центр РГГУ, 255-275.

Иоаннисян О.М. 2013. Однефные храмы в архитектуре Армении и Византии (Константинополь, Малая Азия, Греция). Функции и типология. В: Залеская В.Н. (науч. ред.). *Византия в контексте мировой культуры*: сб. научных трудов, посвященный памяти А.В. Банк (1906-1984). Труды Государственного Эрмитажа 69. Санкт-Петербург: Изд-во Государственного Эрмитажа, 64-116.

Івакін Г., Козюба В. 2003. Нові поховання X–XI ст. Верхнього Києва (з розкопок архітектурно-археологічної експедиції 1997-1999 рр. В: П.П. Толочко *и др.* (ред.). *Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст.*, Матеріали Міжнар. польового семінару, 17-20 липня, 2003 року, Чернігів – Шестовиця. Чернігів: Сіверянська Думка, 38-50.

Йотов В. 2004. *Въоръжението и снаряжението от Българското средновековие (VII–XI век)*. Варна: Зограф; Велико Търново: Абагар.

Йотов В., Атанасов Г. 1998. *Скала. Крепост от X–XI век до с. Кладенци, Тервелско*. София: Pensoft.

Каменецкая Е.В. 1991. Заольшанская курганная группа Гнездова. В: Авдусин Д.А. (ред.). *Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города)*: Сборник. Москва: Изд-во МГУ, 125-174.

Карабинов И.А. 1910. *Постная Триодь: Исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов*. Санкт-Петербург: тип. В.Д. Смирнова.

Каргер М.К. 1958. *Древний Киев: очерки по истории материальной культуры древнерусского города*. Т. I. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР.

Кеппен П.И. 1837. *Крымский сборник. О древностях Южного берега и гор Таврических*. Санкт-Петербург: Изд-во Имп. Акад. наук.

Кириков С.В. 1959. *Изменения животного мира в природных зонах СССР. Степная зона и лесостепь*. Москва: Изд-во АН СССР.

Кирилко В.П. 2005а. *Крепостной ансамбль Фуны (1423-1475 гг.)*. Киев: ИД «Стилос».

Кирилко В.П. 2005б. К вопросу об авторской идентификации некоторых средневековых керамических изделий. В: Бочаров С.Г., Мыц В.Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.*: Сборник научных трудов. Т. I. Киев: ИД «Стилос», 349-358.

Кирилко В.П. 2008. Памятники армянской архитектуры Солхата. В: Авакян Т.А., Габриелян О.А. (ред.). *Исследования по арменистике в Украине*. Вып. 1. Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 37-43.

Кирилко В.П. 2010. Фунская часовня № 1. В: Зайцев Ю.П., Пуздровский А.Е. (отв. ред.). *Древняя и средневековая Таврика*. Археологический альманах 22. Донецк: «Донбасс», 311-322.

Кирилко В.П. 2011. Двухапсидный храм Сотеры: версия О.И. Домбровского. В: Карпов С.П. (ред.). *Российское византиноведение: Традиции и перспективы*. Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов, Москва 27-29 января 2011 года. Москва: МГУ, 114-117.

Кирилко В.П. 2012. Двухапсидные храмы Таврики. В: Майко В.В. (отв. ред.). *Древняя и средневековая Таврика*. Археологический альманах 28. Донецк: «Донбасс», 189-223.

Кирилко В.П. 2015. Строительная история двухапсидного храма Сотеры. В: Рудницкая В.Г., Тесленко И.Б. (ред.). *Terra Alustiana*. Киев: ИД «Стилос», в печати.

Кирилко В.П., Мыц В.Л. 2004. Укрепление Чобан-Куле (по материалам раскопок 1992-1993 гг.). В: Мыц В.Л. (гл. ред.). *«О древностях Южного берега и гор Таврических»*: Сборник научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). Киев: ИД «Стилос», 205-245.

Коваль В.Ю. 2010. *Керамика Востока на Руси: конец IX–XVII века*. Москва: Наука.

Ковнурко Г.М. 1968. Петрографический анализ средневековых амфор из Крыма и Приазовья. *КСИА* 113, 119-122.

Когонашвили К.К., Махнева О.А. 1974. Средневековая Фуна. В: Бибиков С.Н. (отв. ред.). *Феодальная Таврика*. Киев: Наукова думка, 111-123.

Коковцов П.К. 1913. *Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X веке*. Санкт-Петербург: Сенат. тип.

Колесник А.В., Гершкович Я.П. 2001. Традиция кремнеобработки в эпоху поздней бронзы в Донбассе и северо-восточном Приазовье. В: Колесник А.В. (ред.). *Археологический альманах* 10. Донецк: «Донбасс», 97-118.

Колосов Ю.Г. 1963. Некоторые вопросы истории неолита Крыма. *СА* 3, 257-265.

Колосов Ю.Г. 1985. Неолит Крыма. В: Телегин Д.Я. (ред.). *Археология Украинской ССР*. Т. 1: *Первобытная археология*. Киев: Наукова думка, 150-156.

Колотухин В.А. 1996. *Горный Крым в эпоху поздней бронзы – раннего железного века (Этнокультурные процессы)*. Киев: Южногородские ведомости.

Колотухин В.А. 2003. *Поздний бронзовый век Крыма*. Киев: ИД «Стилос».

Колотухин В.А., Тошев Г.Н. 2000. *Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1983-1986 гг. Сакский район Крымской области)*. Т. III. Запорожье: Крымский филиал Института археологии НАНУ, Запорожский гос. ун-т.

Колтухов С.Г. 2012. *Скифы Северо-Западного Крыма в VII–IV до н. э. (погребальные памятники)*. Археологический альманах 27. Донецк: «Донбасс».

- Кондараки В.Х. 1873. *Универсальное описание Крыма*. Ч. 1. Николаев: Типография В.М. Краевского.
- Корзухина Г.Ф. 1954. *Русские клады IX–XIII вв.* Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. 2003. *Древнерусские кресты-энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв.* Труды Института истории материальной культуры РАН 7. Санкт-Петербург: Изд-во «Петербургское востоковедение».
- Костин Ю.В. 1983. *Птицы Крыма*. Москва: Наука.
- Кравченко А.А. 1986. *Средневековый Белгород на Днестре*. Киев: Наукова думка.
- Кравченко Э.Е. 2011. Керамика Сидоровского археологического комплекса. В: [б.р.]. *Международный научный семинар «Керамика хазарского каганата (VII–X вв.) и проблема идентификации болгарской керамики в странах Причерноморья и Поволжье», г. Ялта (Украина), 16 сентября – 20 октября 2011 г. Тезисы*. Симферополь: [s.n.], 66–73.
- Красносельцев Н.Ф. 1878. «Толковая служба» и другие сочинения, относящиеся к объяснению богослужения в Древней Руси до XVIII века (библиографический обзор). *Православный собеседник* 2, 3–43.
- Красносельцев Н.Ф. 1885. Древние толкования литургии как источник ее истории. В: Красносельцев Н.Ф. *Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки*. Казань: тип. Имп. ун-та, 305–375.
- Крупнов Е.И. 1947. Грузинский храм «Тхаба-Ерды» на Северном Кавказе. *КСИИМК* 15, 116–125.
- Крупнов Е.И. 1963. Христианский храм XII в. на городище Верхний Джулат. В: Крупнов Е.И. (ред.). *Средневековые памятники Северной Осетии. Труды Северо-Кавказской экспедиции 1958–1960 гг.* Т. 2. Материалы и исследования по археологии СССР 114. Москва: Изд-во АН СССР, 48–65.
- Крупнов Е.И. 1971. *Средневековая Ингушетия*. Москва: Наука.
- Кузнецов В.А. 1980. Актуальные вопросы истории средневекового зодчества Северного Кавказа. В: Марковин В.И. (ред.). *Северный Кавказ в древности и в средние века*. Москва: Наука, 162–177.
- Кузнецов В.А. 1993. *Нижний Архыз в X–XII веках: к истории средневековых городов северного Кавказа*. Ставрополь: Кавказская библиотека.
- Кузнецов В.А. 2002. *Христианство на Северном Кавказе до XV века*. Владикавказ: Ир.
- Кулаковский Ю.А. 1906. *Прошлое Тавриды*. Киев: Типолитография товарищества И.Н. Кушнерев.
- Куликовский П.Г. 2002. *Справочник любителя астрономии*. Москва: УРСС.
- Кутайсов В.А. 2008. Раннесредневековое погребение городища Калос-Лимен. В: Куковальская Н.М. (пред. ред. сов.). *Сугдейский сборник*. Вып. III. Киев; Судак: Академперіодика, 463–465.
- Лабутина И.К., Малышева Н.Н., Закурина Т.Ю., Яковлева Е.А., Михайлов А.В. 2009. Древнерусский некрополь Пскова. В: Макаров Н.А. (ред.). *Археологические открытия. 1991–2004 гг. Европейская Россия*. Москва: ИА РАН, 386–407.
- Лебедев И.Г., Константинов В.М. 1996. Врановые в русском фольклоре. В: Константинов В.М., Ивлиев В.Г. (отв. ред.). *Экология и численность врановых птиц России и сопредельных государств: Материалы IV совещания по экологии врановых птиц*. Казань: Казан. ГУ, 14–15.
- Леонов С.В. 2001. Распространение обыкновенной улитки по Крыму и определение биомассы отдельных поселений. *Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского* 14 (53): 1, 75–79.
- Леонов С.В. 2005. К истории использования наземных улиток человеком в Крыму. *Крымский малакологический сайт Сергея Леонова*, <http://malacology.crimea.edu/articles/traditions.php>
- Леонов С.В. 2006. Исторические аспекты использования наземных улиток в Крыму. В: Чернобай Ю.Н., Сверлова Н.В. (ред.). *Фауна, экология и внутривидовая изменчивость наземных моллюсков в урбанизированной среде*. Львов: Государственный природоведческий музей НАНУ, 180–188.
- Ложкин М.Н., Малахов С.Н. 1996. Железные кресты византийско-кавказского типа из Отрадненского музея. В: Мунчаев Р.М. (отв. ред.). *Историко-археологический альманах*. Вып. 2. Москва; Армавир, 202–209.
- Лордкипанидзе И.Г. 1978. Роспись придела Вамека Даддани в Хоби. В: Алибегашвили Г.В. и др. (ред.). *Средневековое искусство. Русь. Грузия*. Сборник. Москва: Наука, 131–144.
- Лосицкий Ю.Г. 1990. До питання типологічної еволюції монументальної архітектури середньовічного Криму. *Археологія* 2, 33–47.
- Лосицкий Ю.Г. 2002. Реконструкция храма в Сотере. В: Рудницкая В.Г., Тесленко И.Б. (ред.-сост.). *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней*. Киев: СтилоС, 132–138.
- Лысенко А.В. 2011. Позднеантичный – средневековый культовый комплекс на горе Пахкал-Кая. В: Козак Д.Н. (гол. ред.). *АДУ 2010*. Київ; Полтава: ПП Видавництво «Друкарня «Гротеск», 223–224.
- Лысенко А.В. 2012. О формировании нумизматического комплекса святилища римского времени в Аутке (Южный Крым). *Stratum plus* 6, 81–104.
- Лысенко А.В., Тесленко И.Б. 2002а. Археологические разведки в Горном Крыму. В: Гаврилюк Н.О. (ред.). *АВУ 2000–2001 pp*. Київ: Інститут археології НАНУ, 259–251.
- Лысенко А.В., Тесленко И.Б. 2002б. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг. В: Рудницкая В.Г., Тес-

- ленко И.Б. (ред.-сост.). *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней*. Киев: Стилос, 59-88.
- Лысенко А.В., Тесленко И.Б. 2007. Исследования на скале Ай-Йорн в 2005 г. В: Гаврилюк Н.О. (ред.). *АДУ 2005–2007 гг.* Запоріжжя: Дике Поле, 41-45.
- Лысенко А.В., Тесленко И.Б. 2010. Исследования средневекового укрепления на холме Кале-Поти. В: Зайцев Ю.П., Пуздровский А.Е. (отв. ред.). *Древняя и средневековая Таврика*. Археологический альманах 22. Донецк: «Донбасс», 323-346.
- Лысенко А.В., Тесленко И.Б. 2012. Комплекс археологических объектов в балке Еди-Евлер и ее ближайших окрестностях (краткие итоги исследований 2003-2007 гг.). В: Майко В.В. (отв. ред.). *Древняя и средневековая Таврика*. Археологический альманах 28. Донецк: «Донбасс», 103-122.
- Лысенко В.И. 1991. *Гусеобразные*. Фауна Украины 5: Птицы. Вып. 3. Киев: Наукова думка.
- Мазуров А.Б. 2001. *Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI в.: комплексное исследование региональных аспектов становления единого русского государства*. Москва: Александрия.
- Майко В.В. 2000. Керамический комплекс VIII–X вв. праболгарского городища Тепсень в Юго-Восточном Крыму (предварительная типология). В: Тодоров П. (отв. ред.). *Българите в Северното Причерноморие*. Исследования и материалы. Велико Търново: Университетското издателство «Св. св. Кирил и Методий», 101-123.
- Майко В.В. 2002а. К вопросу о зольнике Алустона второй половины X в. В: Рудницкая В.Г., Тесленко И.Б. (ред.-сост.). *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней*. Киев: Стилос, 48-58.
- Майко В.В. 2002б. О локализации Фулл и Фулльской епархии в раннесредневековой Таврике. В: Юрочкин В.Ю. (ред.-сост.). *Православные древности Таврики*: Сборник материалов по церковной археологии. Киев: Стилос, 133-145.
- Майко В.В. 2004. *Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму*. Киев: Академперіодика.
- Майко В.В. 2005. Проблемы салтовской культуры Крыма и Кембриджский аноним. *Хазарский альманах* 4. Харьков, 96-104.
- Майко В.В. 2007. *Средневековые некрополи Судакской долины*. Киев: Академперіодика.
- Майко В.В. 2009. Археологические материалы для реконструкции посада раннесредневековой Сугдеи. В: Кадеев В.И. (гл. ред.). *Древности*. Вып. 8. Харьков, 263-272.
- Майко В.В. 2010а. Таврика VIII–XI вв. Между Византией, Хазарией и Русью. В: Івакін Г.Ю. (відп. ред.). *Археологія і давня історія України*. Вип. 1. Проблеми давньоруської та середньовічної археології. Київ: Інститут археології НАНУ, 266-272.
- Майко В.В. 2010б. Юго-Восточный Крым VIII–XI вв. Два примера провинциально-византийской культуры. В: Залеская В.Н. (науч.ред.). *Византия в контексте мировой культуры*: материалы конференции, посвященной памяти А.В. Банк (1906-1984). Труды Государственного Эрмитажа 51. Санкт-Петербург: Изд-во Государственного Эрмитажа, 428-437.
- Майко В.В. 2012а. *Південно-Східний Крим у другій половині X–XII ст.* Автореф. дис. ... д. іст. наук. Київ.
- Майко В.В. 2012б. Сугдея во второй половине VII – первой половине VIII вв. Обзор археологической ситуации. В: Свистун Г.С. (ред.). *Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження*: зб. наук. праць. Харків: О.О. Савчук, 54-62.
- Макаренко М. 1933. *Маріопільський могильник*. Київ: Видавництво Всеукраїнської Академії Наук.
- Макаров Н.А. 1981. Каменные подушки в погребениях древнерусских некрополей. *СА* 2, 111-116.
- Макаров Н.А. 1990. *Население Русского Севера в XI–XIII вв.: по материалам могильников Восточного Прионежья*. Москва: Наука.
- Макаров Н.А. 1997. *Колонизация северных окраин древней Руси в XI–XIII вв.: по материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья*. Москва: Науч.-изд. центр «Скрипторий».
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. 2001. *Средневековое расселение на Белом озере*. Москва: Языки русской культуры.
- Макарова Т.И. 1967. *Поливная посуда: Из истории керамического импорта и производства Древней Руси*. Свод археологических источников. Вып. Е1-38. Москва: Наука.
- Мансветов И.Д. 1882. *Митрополит Киприан в его литургической деятельности: Историко-литургическое исследование*. Москва: тип. М.Н. Лаврова и К°.
- Мансветов И.Д. 1884. *Устав Иерусалимский и его судьба на Востоке и в землях славянских*. Москва: тип. М.Г. Волчанинова.
- Мансветов И.Д. 1885. *Церковный устав (типик), его образование и судьба в греческой и русской церкви*. Москва: тип. Э. Лиснера и Ю. Романа.
- Маркевич А.И. 1889. Экскурсия на гору Бакла и в дер. Мангуш. *ИТУАК* 8, 108-113.
- Маркевич А.И. 1909. Островок в Казачьей бухте как предполагаемое место кончины св. Климента, папы римского. *ИТУАК* 43, 105-114.

- Марковин В.И. 1996. Исследование Сентинского храма и некрополя у реки Теберды в Карачаево-Черкесии. В: Мунчаев Р.М. (отв. ред.). *Историко-археологический альманах*. Вып. 2. Москва; Армавир, 180-202.
- Марјановић-Вујовић Г. 1987. *Крстови од VI до XIII века из збирке Народног музеја*. Средњи век 1. Београд: Нар. музеј.
- Масловский А.Н. 2006. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика. В: Кияшко В.Я. (отв. ред.). *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г.* Вып. 21. Азов: Азовский музей-заповедник, 308-472.
- Масловский А.Н. 2007. Восточнокрымский поливной импорт в Золотоордынском Азаке. В: *Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв.: II междунар. науч. конф. (Ялта, 19-23 ноября 2007 г.)*. Тезисы конференции. Ялта: [с.п.], 86-87.
- Медведев А.Ф. 1966. *Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв.* Свод археологических источников. Вып. Е1–36. Москва: Наука.
- Медынцева А.А. 1978. *Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV века*. Москва: Наука.
- Мельник А.Г. 1991. К вопросу о символике наружных форм храма XVII в. В: [б.р.] *Сообщения Ростовского музея* 1. Ростов: Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль», 145-151.
- Меч и златник: к 1150-летию зарождения Русского государства*. Каталог выставки. Мурашева В.В., Журавлев Д.В., Игумнова Т.Г. (ред.) 2012. Москва: Кучково поле.
- Милинковић М. 2010. *Градина на Јелици: рановизантијски град и средњовековно насеље*. Београд: Завод за удјбенике и наставна средства.
- Милинковић М. 2011. Прилог проучавању тзв. ранохришћанских полијелеја у Србији. В: Ракоција М. (ред.). *Ниш и Византија. Девети научни Скуп: Дани св. цара Константина и царице Јелене, Ниш, 3-5. Јун 2010*. Зборник Радова. 9. Ниш, 73-84.
- Миллер В.Ф. 1888а. *Терская область. Археологические экскурсии*. Материалы по археологии Кавказа 1. Москва: Имп. Моск. Археол. общ-во.
- Миллер В.Ф. 1888б. Археологические разведки в Алуште и ее окрестностях в 1886 г. *Древности: Труды ИМАО* 12, 118-140.
- Милорадович О.В. 1963. Христианский могильник на городище Верхний Джулат. В: Крупнов Е.И. (отв. ред.). *Средневековые памятники Северной Осетии. Труды Северо-Кавказской экспедиции 1958–1960 гг.* Т. II. Материалы и исследования по археологии СССР 114. Москва: Изд-во АН СССР, 87-106.
- Минаева Т.М. 1951. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. В: Крупнов Е.И. (ред.). *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. Материалы и исследования по археологии СССР 23. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 273-301.
- Мовчан Ю.В. 2009. Осетр російський. Севрюга звичайна. Білуга звичайна. В: Акімов І.А. (ред.). *Червона книга України. Тваринний світ*. Киев: «Глобалконсалтинг», 313, 314, 315.
- Могаричев Ю.М. 2002. К вопросу о политической ситуации в Таврике в середине IX в. *Сборник Русского исторического общества* 4 (152), 48-55.
- Могаричев Ю.М. 2004. О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. *Хсб.* XIII. 163-180.
- Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. 2007. *Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода»*. Симферополь: АнтикВА.
- Моисеев Д.А. 2011. Археологический комплекс строительной керамики IX–X вв. из раскопок поселения в Лагерной Балке (Мангуп). В: *Древности*. Вып. 10. Харьков, 172-190.
- Мордвинцев В.М., Кисиль И.А. 2002. Двухапсидные храмы Крыма. В: Куковальская Н.М. (ред.). *Суддея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Украины-Руси*: Материалы научной конференции. Киев; Судак: Академперіодика, 187-191.
- Морозов В.Ю. 1998. Использование находок сасанидских монет для хронологии археологических памятников Поволжья и Прикамья. В: Стащенко Д.А. (ред.). *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии)*. Самара: Областной историко-краеведческий музей, 378-386.
- Мужухоев М.Б. 1980. Таргимский храм. В: Марковин В.И. (отв. ред.). *Северный Кавказ в древности и в средние века*: Сборник статей. Москва: Наука, 177-183.
- Муретов С.Д. 1894а. Чин проскомидии в греческой Церкви с XII до половины XIV века (до патриарха Филофея). *Чтения в Обществе любителей духовного просвещения* 2, 192-216.
- Муретов С.Д. 1894б. Сказание св. Григория Декаполита о чудесном видении одного сарацина, его обращении в христианство, подвижнической жизни и мученической кончине. *Чтения в Обществе любителей духовного просвещения* 3-6, 1-28.

- Муретов С.Д. 1894в. Чин проскомидии в Русской Церкви с XII по XIV вв. (до митрополита Киприана †1406). *Чтения в Обществе любителей духовного просвещения* 9, 485-528.
- Муретов С.Д. 1895. *Исторический обзор чинопоследования проскомидии до «Устава литургии» Константинопольского Патриарха Филофея: Опыт историко-литургического исследования*. Москва: печатня А.Н. Снегиревой.
- Муретов С.Д. 1897. *Последование проскомидии, великого входа и причащения в славяно-русских Служебниках XII–XIV вв.* Москва: Общ-во истории и древностей Российских при Московском ун-те.
- Мусин А.Е. 1997. Функциональность и символизм как формообразующие принципы в православной традиции. В: Афанасьева А.И. и др. (ред.). *Рябининские чтения-95*. Международная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера. Сборник докладов. Петрозаводск: музей-заповедник «Киж», 357-361.
- Мусин А.Е. 2000. О некоторых особенностях древнерусского богослужения XI–XIII вв. (Церковь Преображения Господня на Нередицком холме в литургическом контексте эпохи). *Новгородский исторический сборник* 8 (18), 215-239.
- Мусин А.Е. 2002а. *Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности*. Труды Института истории материальной культуры РАН 5. Санкт-Петербург: Изд-во «Петербургское востоковедение».
- Мусин А.Е. 2002б. Богословие образа и эволюция стиля. К вопросу о догматической и канонической оценке церковного искусства XVIII–XIX вв. *Искусствознание* 2, 279-302.
- Мусин А.Е. 2004а. *Ex Oriente Lux: Возвращение христианской археологии*. Рец. на: Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М.: Наука, 2002. 500 с. *Археологические вести* 11, 358-365.
- Мусин А.Е. 2004б. Послесловие литургиста. В: Чукова Т.А. *Алтарь древнерусского храма конца X – первой трети XIII в. Основные архитектурные элементы по археологическим данным*. Санкт-Петербург: Изд-во «Петербургское востоковедение», 135-154.
- Мусин А.Е. 2004в. Усадьба «И» Неревского раскопа. Опыт комплексной характеристики христианских древностей. В: Янин В.Л. (ред.). *Новгородские археологические чтения – 2*. Материалы научной конференции, посвященной 70-летию археологического изучения Новгорода и 100-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховского, г. Великий Новгород, 21-24 сентября 2002 г. Великий Новгород: НГОМЗ, 137-151.
- Мусин А.Е. 2005. *Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозно-го менталитета*. Санкт-Петербург: Изд-во «Петербургское востоковедение».
- Мусин А.Е. 2006. Археология «личного благочестия» в христианской традиции Востока и Запада. В: Мусин А.Е. (ред.-сост.). *Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси*. Санкт-Петербург: Изд-во «Петербургское востоковедение», 163-222.
- Мусин А.Е. 2010а. *Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование*. Санкт-Петербург: Изд-во Филологического факультета СПбГУ.
- Мусин А.Е. 2010б. Находки херсоно-византийских монет на территории Древней Руси и «путь из Варяг в Греки». В: Хвощинская Н.В., Мусин А.Е. (ред.-сост.). *Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова*. Санкт-Петербург: Изд-во «Дмитрий Буланин», 35-45.
- Мусин А.Е. 2012. Скандинавское язычество на Востоке по данным археологии: общее и особенное. *Российский археологический ежегодник* 2, 592-639.
- Мыц В.Л. 1988. Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна. В: Бибиков С.Н. (отв. ред.). *Архитектурно-археологические исследования в Крыму*. Киев: Наукова думка, 97-115.
- Мыц В.Л. 1990. Крестообразный храм Мангупа. *СА* 1, 224-242.
- Мыц В.Л. 1991. *Укрепления Таврики X–XV вв.* Киев: Наукова думка.
- Мыц В.Л. 2002. Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50-70-е гг. XV в. В: Рудницкая В.Г., Тесленко И.Б. (ред.-сост.). *Алушта и алуштинский регион с древнейших времен до наших дней*. Киев: Стилос, 139-189.
- Мыц В.Л., Лысенко А.В., Шукин М.Б., Шаров О.В. 2006. *Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму*. Санкт-Петербург: СПбИИ РАН, Нестор-История.
- Науменко В.Е. 1997. Раскопки раннесредневекового поселения у подножья Мангупа. В: Храпунов И.Н. (ред.-сост.). *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Вып. 1. Симферополь, 324-340.
- Науменко В.Е. 1998. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике. В: Айбабин А.И., Зинько В.Н. (ред.). *МАИЭТ*. Вып. VI. Симферополь, 689-700.
- Науменко В.Е. 2007. Византийская фема и политические процессы в Таврике в середине IX – начале X в. В: Зинько В.Н. (ред.-сост.). *Боспорские исследования*. Вып. XVI. Симферополь; Керчь, 259-281.
- Науменко В.Е. 2009а. Амфоры. В: Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. *Тиритака. Раскоп XXVI*. Т. I. *Археологические комплексы VIII–X вв.* Симферополь; Керчь: ИД «АДЕФ-Украина», 35-50.

- Науменко В.Е. 2009б. Высокогорные кувшины с широкими плоскими ручками. В: Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. *Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв.* Симферополь; Керчь: ИД «АДЕФ-Украина», 50-58.
- Науменко В.Е. 2009в. Фляги. В: Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. *Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв.* Симферополь; Керчь: ИД «АДЕФ-Украина», 58-60.
- Науменко В.Е. 2009г. Столовая посуда. В: Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. *Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв.* Симферополь; Керчь: ИД «АДЕФ-Украина», 60-64.
- Науменко В.Е. 2011. Некоторые ключевые вопросы истории Таврики X–XI вв.: политико-административный аспект. *АДСВ* 40, 165-187.
- Науменко В.Е., Моисеев Д.А., Смекалова Т.Н., Чудин А.В. 2012. Новые средневековые гончарные центры в округе Мангупского городища: предварительные результаты комплексных археологических и геофизических исследований. В: Алексеев Н.А. (ред.). *Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы.* Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, национальный заповедник «Херсонес Таврический» 30 сентября – 5 октября 2012 г. Севастополь: [s.n.], 52-54.
- Национален исторический музей. София.* [s.a.]. София: [s.n.].
- Недошивина Н.Г. 1983. Средневековые крестовидные подвески из листового серебра. *СА* 4, 222-225.
- Недошивина Н.Г., Зозуля С.С. 2012. Курганы Ярославского Поволжья. В: Макаров Н.А. (ред.). *Русь в IX–XI веках: археологическая панорама.* Москва; Вологда: Древности Севера, 179-193.
- Нессель В.А. 2006. Керамический комплекс. В: Бернацки А.Б., Кленина Е.Ю. (ред.). *Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна в квартале VII (IX–XI вв.).* Хсб. Сер. I. Севастополь: ИД Максим, 95-139.
- Нидзельницкая Л.Ю. 2009. Византийские амфоры с гладким корпусом и зональным орнаментом V – начала IX вв. (по материалам донских музеев). В: Ключников В.В., Коваленко А.Н. (ред.). *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время.* Сборник статей по материалам XII международной научной конференции. Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 257-282.
- Никольский К.Т. 1882. Составление первого русского руководства по церковной археологии. *Известия Императорского Русского археологического общества* 10 (2), 93-118.
- Никольский К.Т. 1894. *Пособие к изучению Устава Богослужения Православной Церкви.* Санкт-Петербург: Гос. типография.
- Новиченкова Н.Г. 2002. Раннесредневековое поселение в Ливадии. В: Ливицкая З.Г. (ред.-сост.). *VI Дмитриевские чтения. История Южного берега Крыма: Сборник научных трудов.* Симферополь: Таврия-Плюс, 3-8.
- Новиченкова Н.Г. 2005. Комплекс находок из раскопок христианских культовых сооружений на Гурзуфском Седле. В: Петренко Л.В. (ред.-сост.). *VIII Дмитриевские чтения (27-28 марта 2003 г.). История южного берега Крыма: Сборник научных трудов.* Симферополь: ИПЦ «Магистр», 16-20.
- Одинцов Н.Ф. 1881. *Порядок общественного и частного богослужения в древней России до XVI века: Церковно-историческое исследование.* Санкт-Петербург: И.Л. Тузов.
- Отчет Императорской Археологической комиссии за 1890 год.* 1893. Санкт-Петербург: Типография Имп. Акад. наук.
- Оустерхаут Р. 2005. *Византийские строители.* Беляев Л.А. (пер., ред., коммент.), Ивакин Г.Ю. (ред., коммент.). Киев; Москва: «КОРВИН ПРЕСС».
- Павлинов П.С. 2010. Опыт типологии православной архитектуры в Албании. *Вестник ПСТГУ. Серия 5: Вопросы истории и теории христианского искусства.* Вып. 3 (3), 64-77.
- Павлинов И.Я., Крускоп С.В., Варшавский А.А., Борисенко А.В. 2002. *Наземные звери России. Справочник-определитель.* Москва: Изд. КМК.
- Павлов В. 2010. Крымский русак – не такой как все... *Крымская охотничья газета* 10 (89).
- Паршина Е.А. 1974. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965-1969 гг.). В: Бибиков С.Н. (отв. ред.). *Феодальная Таврика.* Киев: Наукова думка, 56-94.
- Паршина Е.А. 1988. Эски-Керменская базилика. В: Бибиков С.Н. (отв. ред.). *Архитектурно-археологические исследования в Крыму.* Киев: Наукова думка, 36-60.
- Паршина Е.А. 1991. Торжище в Партенитах. В: Толочко П.П. (отв. ред.). *Византийская Таврика: Сборник научных трудов (к XVIII конгрессу византистов).* Киев: Наукова думка, 64-100.
- Паршина Е.А. 2002а. Древний Партенит (по материалам раскопок 1985-1988 гг.). В: Рудницкая В.Г., Тесленко И.Б. (ред.-сост.). *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней.* Киев: Стилос, 89-109.
- Паршина Е.А. 2002б. Средневековое поселение в урочище Сотера. В: Рудницкая В.Г., Тесленко И.Б. (ред.-сост.). *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней.* Киев: Стилос, 117-131.
- Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. 2001. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. В: Гладких М.И. (гл. ред.). *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї.* Киев: Стилос, 52-81.
- Пекарська Л.В., Павлова В.В. 2004. Процесійний хрест із Київського дитинця. *Археологія* 4, 94-100.
- Пескова А.А., Строкова Л.В. 2010. Византийские процессионные кресты из коллекции Б.И. и В.Н. Ханенко в со-

брании Национального музея истории Украины. В: Залеская В.Н. (науч. ред.). *Византия в контексте мировой культуры: материалы конференции, посвященной памяти А.В. Банк (1906-1984)*. Труды Государственного Эрмитажа 51. Санкт-Петербург: Изд-во Государственного Эрмитажа, 164-181.

Пескова А.А., Строкова Л.В. 2012. *Христианские древности Византии в «сирийской коллекции» Б.И. и В.Н. Ханенко*. Санкт-Петербург; Киев: Изд-во «Петербургское востоковедение».

Петров Н. 1882. Известия Церковно-археологического Общества при Киевской духовной академии за март и апрель 1882 г. *Труды Киевской Духовной Академии* 2, 221-232.

Петров В.П. 1984. *Сложные загадки простого строительного камня*. Москва: Недра.

Петровский А.В. 1904. Древний акт приношения вещества для таинства Евхаристии и последование проскомидии. *Христианское чтение* 3, 406-431.

Петровский А.В., священник. 1907. Рецензия на: Соколов П. Агапы или вечера любви в древне-христианском мире. Сергиев Посад. 1906. *Христианское чтение* 4, 572-580.

Петровский А.В., священник. 1908. К истории обрядовой стороны чина венчания. *Христианское чтение* 2, 1599-1618.

Пищулина В.В. 2007а. Регионально-этнические варианты христианского храмоустройства на территории Северного Кавказа в период XIII–XIV вв. *Культурная жизнь Юга России* 2, 32-37.

Пищулина В.В. 2007б. Регионально-этнические варианты христианского храмоустройства на территории Северной Осетии. *Архитектурное наследие* 47, 20-33.

Платонова Н.И. 1998. Камерные погребения XI – начала XII вв. в Новгородской земле (анализ погребального обряда). В: Седов В.В. (ред.). *Общество, экономика, культура и искусство славян*. Труды VI Международного конгресса славянской археологии 4. Москва: Эдиториал УРСС, 372-380.

Плетнева А.С. 1989. *На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс*. Москва: Наука.

Подгородецкий П.Д. 1988. *Крым: Природа*. Симферополь: Таврия.

Пономарев Л.Ю. 2003а. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное. В: Зинько В.Н. (ред.-сост.). *Боспорские исследования*. Вып. III. Симферополь; Керчь, 264-282.

Пономарев Л.Ю. 2003б. К характеристике салтовского керамического комплекса поселений Керченского полуострова. В: Зинько В.Н. (ред.). *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья*. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь: [s.n.], 217-224.

Пономарев Л.Ю. 2004. Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген. В: В.Н. Зинько (ред.-сост.). *Боспорские исследования*. Вып. V. Симферополь; Керчь, 445-475.

Постникова-Лосева М.М., Платонова Н.Г., Ульянова Б.Л. 1983. *Золотое и серебряное дело XV–XX вв*. Москва: Наука.

Приходнюк О.М. 2001. *Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н.е.)*. Чернівці: Прут.

Протасов Н.Д. 1929. Раскопки в Судакке летом 1928 г.: предварительное сообщение. *Крым* 1 (9), 86-97.

Пузанов И.И. 1927. Материалы к познанию наземных моллюсков Крыма. Ч. III. Состав, распределение и генезис крымской малакофауны. *Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологии* 36, 221-282.

Пузанов И.И. 1932. *Крымская охота. Современное состояние и перспективы*. Симферополь: Крымиздат.

Путь из варяг в греки и из грек... Каталог выставки. Егоров В.Л., Асташова Н.И. (ред.). 1996. Москва: ГИМ.

Пуцко В.Г. 2003. Византийско-русские бронзовые богослужебные кресты XII–XIII веков. В: Гнутова С.В. (ред.-сост.). *Ставрографический сборник*. Кн. II: *Крест в Православии*. Сборник статей. Москва: Изд-во Московской Патриархии, «Древлехранилище», 87-104.

Равдина Т.В. 1988. *Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси*. Каталог. Москва: Наука.

Раевская И.Г. 1996. Календарные праздники греков Кубани. *Кунсткамера. Этнографические тетради* 10, 118-129.

Раппопорт П.А. 1974. Ориентация древнерусских церквей. *КСИА* 139, 43-48.

Раппопорт П.А. 1994. *Строительное производство Древней Руси (X–XIII вв.)*. Санкт-Петербург: Наука.

Ратцель Ф. 1904. *Народоведение*. Т. 1. Санкт-Петербург: Книгоиздательское т-во «Просвещение».

Ревков Н.К., Костенко Н.С., Киселева Г.А., Анистратенко В.В. 2004. Фауна. Тип моллюски. В: *Карадаг. Гидробиологические исследования*. Сборник научных трудов, посвященный 90-летию Карадагской научной станции им. Т.И. Вяземского и 25-летию Карадагского природного заповедника НАН Украины. Кн. 2. Симферополь: СОНАТ, 399-435.

Репников Н.И. 1906. Некоторые могильники области крымских готов. *Известия Императорской Археологической комиссии* 19, 1-80.

- Репников Н.И. 1909. Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 году. *Известия Императорской Археологической комиссии* 30, 99-55.
- Репников Н.И. 1935. Работы на Южном берегу Крыма (Гипрогор): Археологические памятники. *ИГАИМК* 109, 195-200.
- Романчук А.И. 1977. Черепицы со знаками из раскопок на Мангупе. *СА* 2, 181-192.
- Романчук А.И. 2000. *Очерки истории и археологии византийского Херсона*. Екатеринбург: УрГУ.
- Романчук А.И. 2004. *Строительные материалы византийского Херсона*. Екатеринбург: УрГУ.
- Романчук А.И., Омелькова Л.А. 1979. Средневековое поселение на левом берегу реки Бельбек. *АДСВ* 16: Социальное развитие Византии, 94-118.
- Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. 1995. *Амфоры из комплексов византийского Херсона*. Екатеринбург: УрГУ.
- Романчук А.И., Седикова Л.В. 1991. «Темные века» и Херсон: Проблемы репрезентативности источников. В: Толочко П.П. (отв. ред.). *Византийская Таврика: Сборник научных трудов (к XVIII конгрессу византинистов)*. Киев: Наукова думка, 30-46.
- Руденко К.А. 2010. *Средневековое оружие Волго-Камья: железные наконечники стрел VIII–XVII вв. н.э. (справочник-определитель археологического материала)*. Руководство для практических работ. Уфа: Академия ВЭГУ.
- Рыжов С.Г., Седикова Л.В. 1999. Комплексы X века из раскопок квартала X «б» северного района Херсонеса. *Хсб. X*, 312-329.
- Савинов Д.Г., Подольский М.Л. (ред.-сост.). 1997. *Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология*. Санкт-Петербург: СПбГУ; Петро-РИФ.
- Сазанов А.В. 2000. Базилика 1987 г. и некоторые проблемы интерпретации памятников христианского Херсонеса. В: Карпов С.П. (ред.). *Причерноморье в средние века*. Вып. 4. Санкт-Петербург: Алетейя, 276-310.
- Сазанов А.В. 2001. Керамический комплекс начала IX в. из Херсонеса (амфоры, пифосы и простая гончарная керамика). В: Могаричев Ю.М., Храпунов И.Н. (ред.-сост.). *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Вып. 2. Симферополь: Таврия-Плюс, 229-256.
- Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. 1994. Исследования средневековой Каффы в 1991-1992 гг. В: Паромов Я.М. (ред.). *Боспорский сборник*. Вып. 4. Москва: НИИЦ «Фарсал», 179-186.
- Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. 1995. Хронология слоев генуэзской Каффы. В: Карпов С.П. (ред.). *Причерноморье в средние века*. Вып. 2. Москва: Изд-во МГУ, 117-130.
- Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. 2004. Крым и Хзарский каганат в первой половине-середине VIII в. В: Степаненко В.П. и др. (ред.). *Россия – Крым – Балканы: диалог культур*. Екатеринбург: НПМП «Волот», 88-92.
- Севостьянова А.В. 2010. Изучая древность и сохраняя память: проблемы истории материальной культуры и охраны памятников в научном наследии членов российского общества по изучению Крыма (1922-1932 гг.). *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского*. Серия «Исторические науки». Т. 23 (62), 1: спецвыпуск «История Украины», 168-179.
- Седикова Л.В. 1993. Столовая посуда первой половины IX в. из засыпи водохранилища в Херсонесе. В: Айбабин А.И. (ред.). *МАИЭТ*. Вып. III. Симферополь, 134-136.
- Седикова Л.В. 1995. Керамический комплекс первой половины IX века из раскопок водохранилища в Херсонесе. *РА* 2, 170-177.
- Седикова Л.В. 1996. Керамический комплекс 2-й половины IX в. из цитадели в Херсонесе. В: Могаричев Ю.М., Храпунов И.Н. (ред.-сост.). *Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма*. Симферополь: Таврия, 123-124.
- Седикова Л.В. 1997. *Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в.* Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва.
- Сидоренко В.А. 2002. Подражания аббасидским дирхемам и динарам в монетном обращении Таврики хазарского времени. В: Айбабин А.И., Зинько В.Н. (ред.). *МАИЭТ*. Вып. IX. Симферополь, 429-454.
- Скабалланович М. 1910. *Толковый титикон*. Киев: тип. Н.Т. Корчак-Новицкого.
- Скржинская Е.Ч. 2006. *Судакская крепость. История-археология-эпиграфика. Сборник работ и материалов*. Киев; Судак; Санкт-Петербург: Академперіодика.
- Словарь ойконимов Крыма*. Белянский И.Л., Усеинов С.М. (сост.). 2010. В: Суперанская А.В. (пред. ред. кол.). *Топонимика Крыма 2010: Сборник статей памяти И.Л. Белянского*. Симферополь: Универсум, 153-300.
- Смекалова Т.Н., Мыц В.Л. 1997. Методика магнитометрического изучения гончарных центров средневековой Таврики. *Археология Крыма* 1, 129-153.
- Смирнов А.П. 1975. Выносной чеканный крест греческой работы XI–XII веков. В: Попов Г.В. (ред.). *Древнерусское искусство. Зарубежные связи*. Москва: Наука, 27-44.

- Смирнов А.П. (ред.) 1963. *Ярославское Поволжье X–XI вв.* Москва: Советская Россия.
- Смирнов Ю.А. 1997. *Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения.* Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.
- Сорочан С.Б. 2005а. О храме св. Апостолов и епископальном архитектурном комплексе на северо-восточном берегу Византийского Херсона. В: Куковальская Н.М. (гл. ред.). *Сугдейский сборник.* Вып. II. Киев; Судак: Академперіодика, 328-356.
- Сорочан С. Б. 2005б. *Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры.* Ч. 1-2. Харьков: Майдан.
- Сосногорова-Славич М.А. 1880. *Путеводитель по Крыму для путешественников.* 3-е изд. Одесса: тип. Л. Нитче.
- Спицын А.А. 1896. *Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л.К.Ивановского.* Материалы по археологии России 20. Санкт-Петербург: тип. Гл. упр. Уделов.
- Спицын А.А. 1905. Владимирские курганы. *Известия Императорской Археологической комиссии* 15, 84-172.
- Степанян Л.С. 2003. *Конспект орнитологической фауны России и сопредельных территорий.* Москва: ИКЦ «Академкнига».
- Стерлигова И.А. 1996. Памятники серебряного и золотого дела в Новгороде XI–XII вв. В: Стерлигова И.А. (ред.-сост.). *Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI–XV века.* Москва: Наука, 26-68.
- Столяренко Е.Н. 2010. Пуговицы из захоронений «Консульской церкви» крепости Чембало (XIV–XV вв.). В: Каде-ев В.И. (гл. ред.). *Древности.* Вып. 10. Харьков, 290-302.
- Стричевий Ї. 1958-1959. Ѓиаконикон и протезис у ранохришћанским церквама. *Старинар* IX–X, 59-66.
- Сукина Л.Б. 2003. «Корсунский» запрестольный крест из Переславского Никольского монастыря. В: Гнутова С.В. (ред.-сост.). *Ставрографический сборник.* Кн. II: *Крест в Православии.* Сборник статей. Москва: Изд-во Московской Патриархии, «Древлехранилище», 157-163.
- Сумцов Н.Ф. 1889. Живой или Божий огонь. *Киевская старина* 8 (26), 408-410.
- Табакова Л. П. 2007. *Частная зоотехния и технология производства продукции животноводства.* Москва: КолосС.
- Талис Д.Л. 1976. Поливная керамика Баклинского городища. *СА* 4, 63-87.
- Татищев В.Н. 1963. *История Российская.* Т. 2. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Телиженко С.А., Тесленко И.Б., Лысенко А.В. 2010. Исследования на посаде крепости Алустан в 2009 г. В: Козак Д.Н. (гол. ред.). *АДУ 2009.* Київ; Луцьк: Академперіодика, 425-428.
- Телиженко С.А., Тесленко И.Б., Чабай В.П. 2010. Исследования на территории Партенита в 2009 г. В: Козак Д.Н. (гол. ред.). *АДУ 2009.* Київ; Луцьк: Академперіодика, 429-431.
- Теліженко С.А., Тесленко І.Б., Лисенко О.В. 2010. Дослідження в урочищі Сотера в 2009 р. В: Козак Д.Н. (гол. ред.). *АДУ 2009.* Київ; Луцьк: Академперіодика, 421-424.
- Теліженко С.А. 2011а. Дослідження на території середньовічного поселення Сотера. В: Козак Д.Н. (гол. ред.). *АДУ 2010.* Київ; Полтава: ПП Видавництво «Друкарня «Гротеск», 342-343.
- Теліженко С.А. 2011б. Розкопки в м. Алушта по вул. Леніна, 2. В: Козак Д.Н. (гол. ред.). *АДУ 2010.* Київ; Полтава: ПП Видавництво «Друкарня «Гротеск», 336-337.
- Теліженко С.А. 2011в. Дослідження в м. Алушта по ул. Червонофлотська, 1. В: Козак Д.Н. (гол. ред.). *АДУ 2010.* Київ; Полтава: ПП Видавництво «Друкарня «Гротеск», 338-339.
- Тесленко И.Б. 2010а. Поливная посуда Крыма XV в. (местное производство до турецкого периода). Часть I. Типология, распространение, происхождение. В: Кадеев В.И. (гл. ред.). *Древности.* Вып. 9. Харьков, 216-234.
- Тесленко И.Б. 2010б. Господарська керамічна тара Таврії XV ст. В: Титова О.М. та ін. (ред.). *Праці центру пам'яткознавства: збірн. наук. праць.* Вип. 17. Київ: Центр пам'яткознавства НАНУ і УТОПІК, 95-106.
- Тесленко И.Б. 2012. Поливная посуда Крыма XV в. (местное производство до турецкого периода). Ч. II. Хронология. В: Кадеев В.И. (гл. ред.). *Древности.* Вып. 11. Харьков, 223-236.
- Тесленко И.Б., Лысенко А.В. 2002. Средневековые храмы на г. Аю-Даг. В: Мыц В.Л. (отв. ред.). *Церковная археология Южной Руси.* Сборник материалов международной конференции «Церковная археология: проблемы, поиски, открытия» (Севастополь, 2001 г.). Симферополь: [s.n.], 139-147.
- Тесленко И.Б., Лысенко А.В. 2003а. К вопросу о локализации средневековых храмовых комплексов на г. Аю-Даг. В: Дмитрієнко М.Ф. (відп. ред.). *Історико-географічні дослідження в Україні.* Зб. наук. праць. Число 6. Київ: Інститут історії України НАНУ, 114-135.

- Тесленко И.Б., Лысенко А.В. 2003б. Археологические разведки на Южном берегу Крыма в 2002 г. В: Гаврилюк Н.О. (ред.). *АВУ 2001-2002 pp.* Київ: Шлях, 270-273.
- Тесленко И.Б., Лысенко А.В. 2004а. Археологические разведки на Южном берегу Крыма в 2003 г. В: Гаврилюк Н.О. (ред.). *АВУ 2002-2003 pp.* Київ: Шлях, 303-305.
- Тесленко И.Б., Лысенко А.В. 2004б. Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение. В: Мыц В.Л. (отв. ред.). *«О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических»*: Сборник научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кеппена). Киев: ИД «Стилос», 260-296.
- Тесленко И.Б., Лысенко А.В. 2005а. Археологические разведки на территории Маломаякского сельсовета (АРК) в 2004 г. В: Гаврилюк Н.О. (ред.). *АДУ 2003-2004 pp.* Запоріжжя: Дике Поле, 290-294.
- Тесленко И.Б., Лысенко А.В. 2005б. Археологические разведки на территории Ялтинского горсовета в 2004 г. В: Гаврилюк Н.О. (ред.). *АДУ 2003-2004 pp.* Запоріжжя: Дике Поле, 295-297.
- Тесленко И.Б., Лысенко А.В. 2006. Погребение священника в одном из средневековых храмов горы Аю-Даг. В: Ясельская Л. (отв. ред.). *Духовное наследие Крыма: Материалы [I] Международной церковно-исторической конференции памяти преподобного Иоанна, епископа Готфского. 7-10 июля 2005 г., пос. Партенит. Симферополь*: Издательство Симферопольской и Крымской епархии, ООО «Форма», 132-144.
- Тиханова М.А. 1953. Черепицы с метками из раскопок 1938 г. В: Скрижинская Е.Ч. (ред.). *Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангун)*. Материалы и исследования по археологии СССР 34. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 430-432.
- Токарский Н.М. 1973. *По страницам истории армянской архитектуры*. Ереван: Айастан.
- Толочко О.П., Толочко П.П. 1998. *Київська Русь*. Київ: Альтернативи.
- Толочко П.П. (ред.). 1996. *Церква Богородиці Десятинна в Києві. До 1000 ліття освячення*. Київ: АртЕк.
- Топачевський В.О. 1956. Фауна Ольвії. *Збірник праць Зоологічного музею* 26, 61-129.
- Тотев К. 2002. Три византийски процесийни кръста от Преслав. *Археология [София]* 43 (3), 57-65.
- Тоцев Г.Н. 2007. *Крым в эпоху бронзы*. Запорожье: Запорожский гос. ун-т.
- Трапш М.М. 1961. Археологические раскопки в Анакопии 1957-1958 гг. *Византийский временник* 19, 260-282.
- Троицкий И.Е. 1875. *Изложение веры церкви армянской, начертанное Нерсесом, кафеликосом армянским, по требованию боголюбивого государя греков Мануила: Историко-догматическое исследование в связи с вопросом о воссоединении армянской церкви с православной*. Санкт-Петербург: Тип. Ф.Г. Елеонского и А.И. Поповицкого.
- Турова Н.П. 2012. Исследования на территории Большой Ялты. В: Козак Д.Н. (гол. ред.). *АДУ 2011*. Луцьк: Волинські старожитності, 132-136.
- Уваров А.С. 1871. Меряне и их быт по курганным раскопкам. В: Уваров А.С. (ред.). *Труды I-го Археологического съезда в Москве. 1869 г.* Т.2. Москва: Синодальная типография, 633-847.
- Успенский Н.Д. 2008. К истории обряда Святого Огня, совершаемого в Великую Субботу в Иерусалиме. В: Бычков С.С., Мусин А.Е. *Благодатный огонь: миф или реальность?* Москва: [s.n.], 45-83.
- Фехнер М.В. 1968. Крестовидные подвески «скандинавского типа». В: Крупнов Е. И. (ред.). *Славяне и Русь*. Сборник статей. Москва: Наука, 210-214.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1966. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники*. Москва: Изд-во МГУ.
- Филарет (Гумилевский), архиепископ. 1847. *Богослужение Русской Церкви домонгольского времени*. Москва: Императорского историко-древностей российских при Моск. ун-те. (= Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1846-1847. Кн. 7).
- Фирсов Л.В. 1979. О положении страны Дори в Таврике. *Византийский временник* 40, 104-113.
- Фирсов Л.В. 1990. *Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма*. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение.
- Флеров К.К. 1952. *Кабарги и олени*. Фауна СССР: Млекопитающие. Т. I. Вып. 2. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Флеров К.К. 1972. Древнейшие представители и история рода Bison. В: *Териология*. Т. 3. Ч. 1. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 81-86.
- Флеров В.С. 1994. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987-1988, 1990. В: Айбабин А.И. (ред.). *МАИЭТ*. Вып. IV. Симферополь, 441-516.
- Френкель Я.В. 2011. Методические проблемы интерпретации результатов археометрических анализов древних стекол. В: Гайдуков П.Г. (отв. ред.). *Стекло Восточной Европы в древности, Средневековье и Новое время: изучение и реставрация*. Тезисы докладов международной научной конференции 23-25 марта 2011 г. Москва: ИА РАН, 9.

- Фронджуло М.А. 1968а. Раскопки средневекового поселения на окраине Планерское 1957-1959 гг. В: Домбровский О.И. (ред.). *Археологические исследования средневекового Крыма*. Киев: Наукова думка, 99-132.
- Фронджуло М.А. 1968б. О раннесредневековом ремесленном производстве в Юго-Восточном Крыму. В: Домбровский О.И. (ред.). *Археологические исследования средневекового Крыма*. Киев: Наукова думка, 133-151.
- Хайрединова Э.А. 2007. Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма. В: Айбабин А.И., Зинько В.Н. (ред.). *МАИЭТ*. Вып. XIII. Симферополь, 151-182.
- Халпахчян О.Х. 1954. Двухапсидные базилики Армении. *Известия Академии Наук Армянской ССР* 8, 51-62.
- Халпахчян О.Х. 1966. Архитектура Армении. В: Яралов Ю.С. и др. (ред.). *Всеобщая история архитектуры*. Т. 3: *Архитектура Восточной Европы. Средние века*. Ленинград; Москва: Стройиздат, 197-299.
- Хамайко Н.В. 2010. Древнерусская бронзовая ювелирная форма из раскопок на Киевском Подоле. В: Пескова А.А., Щеглова О.А., Мусин А.Е. (ред.-сост.). *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки*. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной, Санкт-Петербург, 10-15 апреля 2006 г. Санкт-Петербург: Нестор-История, 420-429.
- Ханенко Б.И. и В.Н. 1902. *Древности Поднепровья*. Вып. 5: *Эпоха славянская (VI–XIII вв.)*. Киев: фототипия и тип. С.В. Кульженко.
- Хапаев В.В. 2010. *Візантійський Херсон у другій половині X – першій половині XI ст.: проблема руйнування міста*. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Дніпропетровськ.
- Харенгрубер Дж. 2002. Традиционное платье Кроу – статус и стиль. http://viktor-wind.narod.ru/indians/article_9.files/3.htm
- Христиане на Востоке: искусство мелькитов и инославных христиан. Каталог выставки*. Пиотровский М.Б. (ред.). 1998. Санкт-Петербург: Изд-во Государственного Эрмитажа.
- Хрушкова Л.Г. 2002. *Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века)*. Москва: Наука.
- Цалкин В.И. 1962. *Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Европы в раннем железном веке*. Материалы и исследования по археологии СССР 107. Москва: Наука.
- Цукерман К. 1997. К вопросу о ранней истории фемы Херсона. В: Могаричев Ю.М., Храпунов И.Н. (ред.-сост.). *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Вып. 1. Симферополь: Таврия, 312-323.
- Цукерман К. 1998. Венгры в стране Ливедии: новая держава на границе Византии и Хазарии ок. 836-889 гг. В: Айбабин А.И., Зинько В.Н. (ред.). *МАИЭТ*. Вып. IV. Симферополь, 663-668.
- Цукерман К. 2001. Хазары и Византия: первые контакты. В: Айбабин А.И., Зинько В.Н. (ред.). *МАИЭТ*. Вып. VIII. Симферополь, 312-333.
- Чубинашвили Г.Н. 1969. *Цроми: Из истории грузинской архитектуры первой трети VII века*. Москва: Наука.
- Чубинашвили Н.Г. 1978. Двани. Храмы Грузии типа «сгоix libre» и «вписанного в прямоугольник креста» в VI и VII вв. В: Алибегашвили Г.В. и др. (ред.). *Средневековое искусство. Русь. Грузия*. Сборник. Москва: Наука, 7-20.
- Чукова Т.А. 2004. *Алтарь древнерусского храма конца X – первой трети XIII в. Основные архитектурные элементы по археологическим данным*. Санкт-Петербург: Изд-во «Петербургское востоковедение».
- Чхайдзе В.Н. 2008. *Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове*. Москва: ТАУС.
- Шилейко А.А. 1978. Наземные моллюски надсемейства *Helicoidea*. Фауна СССР. Т. 3. Вып. 6. Ленинград: Наука.
- Шилейко А.А. 1984. Наземные моллюски подотряда *Pupillina* фауны СССР (*Gastropoda, Pulmonata, Geophila*). Фауна СССР. Т. 3. Вып. 3. Ленинград: Наука.
- Ширинский-Шихматов А.А. 1906. Федовский могильник. В: *Труды II областного тверского Археологического съезда 1903 г.* [Тверь]: [s.n.], 53-62.
- Щапова Ю.Л. 1963. Стекланные изделия древнего Новгорода. В: Арциховский А.В., Колчин Б.А. (ред.). *Новые методы в археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции*. Т. III. Материалы и исследования по археологии СССР 117. Москва: Изд-во АН СССР, 104-147.
- Щапова Ю.Л. 1972. *Стекло Киевской Руси*. Москва: Наука.
- Щапова Ю.Л. 1998. *Византийское стекло: Очерки истории*. Москва: Едиториал УРСС.
- Щеглов А.Н. 1978. *Северо-Западный Крым в Античную эпоху*. Ленинград: Наука.
- Элизбарашвили И. 1989. К вопросу об эволюции двухневных церквей Грузии. В: Беридзе В.В. (ред.). *Международный симпозиум по грузинскому искусству, Тбилиси, 23.5-2.6 1983*. Сборник докладов. Т. 2. Тбилиси: Академия наук Грузинской ССР, 241-253.
- Якобсон А.Л. 1950. *Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.)*. Материалы и исследования по археологии СССР 17. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Якобсон А.Л. 1964. Новый памятник раннесредневековой архитектуры в Крыму. *КСИА* 99, 65-72.

- Якобсон А.Л. 1966. Средневековые пифосы Северного Причерноморья. *СА* 2, 189-202.
- Якобсон А.Л. 1970. *Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики*. Материалы и исследования по археологии СССР 168. Ленинград: Наука.
- Якобсон А.Л. 1979. *Керамика и керамическое производство средневековой Таврики*. Ленинград: Наука.
- Якобсон А.Л. 1983. *Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры*. Москва: Наука, Ленингр. отделение.
- Якобсон А.Л., Таманян Ю.А. 1992. *Армянская архитектура в Крыму*. Ереван: Айтастан.
- Яковлева Е.А. 2006. Камерное погребение X в. из Старовознесенского раскопа. В: Лабутина И.К. (отв. ред.). *Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы 51 научного семинара: Сборник статей*. Псков: Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 66-78.
- Яшаева Т.Ю. 1996. Раскопки позднесредневекового христианского скита на мысе Виноградный. В: Могаричев Ю.М., Храпунов И.Н. (ред.-сост.). *Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма*. Симферополь: Таврия, 271-281.
- Яшаева Т.Ю. 1999. Раннесредневековые поселения в предместье Херсона на Гераклейском полуострове. *Хсб. X*, 349-358.
- Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залеская В., Журавлев Д. 2011. *Наследие византийского Херсона*. Севастополь: Телескоп; Остин: ИКА Техасского ун-та.
- Açar M., Olcaç B.Y. 1998. Bizans Döneminde Aydınlatma. Düzeni ve Demre Aziz Nikolaos Kilisesi'nde Kullanılan Aydınlatma Gereçleri. *Adalya* 2, 249-266.
- Aisa M.G., Corrado M., De Vingo P. 2003. Note preliminari sul sepolcreto altomedievale di Cropani (CZ) – località Basilicata: i materiali rinvenuti nelle sepolture. In: Fiorillo R., Peduto P. (eds.). *III Congresso Nazionale di Archeologia Medievale, Castello di Salerno, Complesso di Santa Sofia (Salerno, 2-5 ottobre 2003)*. Vol. 2. Firenze: All'Insegna del Giglio, 741-446.
- Akyürek E. 2001a. Antalya'nın Doyran beldesinde bir Bizans manastırı. In: Karamağaralı B., Arık O., Bakirer Ö., Parman E., Acun H. (eds.). *V. Ortaçağ ve Türk Dönemi Kazı ve Araştırmaları Sempozyumu*. Ankara: Hacettepe Üniversitesi, Edebiyat Fakültesi Sanat Tarihi Bölümü, 13-27.
- Akyürek E. 2001b. A Middle Byzantine Monastery near Doyran Village (Antalya, Turkey). In: *Twenty-Seventh Annual Byzantine Studies Conference. Abstracts of Papers*. November 9-11, 2001. Madison: Madison University Press, 37.
- Akyürek E. 2008. Palamutdüzü: A Medieval Byzantine Village Settlement in the Bay Mountains. *Adalya* 11, 295-319.
- Akyürek E., Tiryaki A., Kızılkayak G. 2003. Antalya'nın Doyran ve Aşağıkaraman köylerindeki Bizans mimari varlığı. *Arkeoloji ve Sanat* 112 (25), 13-26.
- Alliata E. 1991. Ceramica dal complesso di S.Stefano a Umm al-Rasas. *Liber Annuus* 41, 365-422.
- Alpago-Novello A. 1978. Armenische Monumente im Iranischen Aserbaïdchan. В: Зарян Р.В. и др. (ред.). *Второй международный симпозиум по армянскому искусству. Ереван, 12-18 сентября 1978 г. Секция 2: Средневековая архитектура*. Сборник докладов. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 195-200.
- Androschuk F. 2011. Symbols of Faith or Symbols of Status? Christian Objects in Tenth-Century Rus. In: Garipzanov I., Tolochko O. (eds.). *Early Christianity on the way from the Varangians to the Greeks*. Ruthenica, Supplementum 4. Kiev: Institute of Ukrainian History, 70-89.
- Antonaras A.C. 2010 Early Christian and Byzantine glass vessels: form and uses. In: Daim F., Drauschke J. (eds.). *Byzanz – das Römerreich im Mittelalter*. T. 1: *Welt der Ideen, Welt der Dinge*. Monographien. Römisch-Germanisches Zentralmuseum zu Mainz, Forschungsinstitut für Vor- und Frühgeschichte 84.1. Mainz: Verlag des Römisch Germanisches Zentralmuseum, 383-430.
- Arbman H. 1940. *Birka : Untersuchungen und Studien*. Bd. 1: *Die Gräber: Tafeln*. Stockholm : Vitterhets-, historie- och antikvitetsakad.
- Arslan N., Arslan-Böhlendorf B., Türk H., Koçyiğit O., Müller K. 2011. Assos Kazısı 2009 Yılı Kazı Restorasyon ve Onarım Çalışmaları. *Kazı Sonuçları Toplantısı* 32, 235-250.
- Arthur P. 1998. Eastern Mediterranean amphorae between 500 and 700: a view from Italy. In: Saguì L. (ed.). *Ceramica in Italia: VI–VII secolo*. Atti del Convegno in onore di John W. Hayes (Roma 1995). Firenze: All'insegna del giglio, 157-184.
- Asutay-Effenberger N. 1998. *Byzantinische Apsisnebenräume: Untersuchung zur Funktion der Apsisnebenräume in den Höhlenkirchen Kappadokiens und in den mittelbyzantinischen Kirchen Konstantinopels*. Weimar: Verlag und Datenbank für Geisteswissenschaften.
- Auzépy M.-F. 1999. *L'hagiographie et l'iconoclasme byzantin : le cas de la Vie d'Etienne le Jeune*. Birmingham Byzantine and Ottoman monographs 5. Aldershot: Ashgate.
- Auzépy M.-F. 2007. Gothie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques. In : Auzépy M.-F. *L'histoire des iconoclastes*. Bilans de recherche. Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance 2. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance, 199-207.
- Babić G. 1969. *Les chapelles annexes des églises Byzantines: fonction liturgique et programmes iconographiques*. Bibliothèque des cahiers archéologiques 3. Paris: Klincksieck.

- Baldovin J. F. 1987. *The urban character of Christian worship: the origins, development and meaning of stationary liturgy*. *Orientalia christiana analecta* 228. Roma: Pontificium Institutum Studiorum Orientalium.
- Ballance S. 1960. The Byzantine Churches of Trebizond. *Anatolian Studies* 10, 141-175.
- Bandman G. 1954. Doppelbasilika. In: Schmitt O., Wirth K.-A. (red.). *Reallexikon zur deutschen Kunstgeschichte*. 3: *Buchpult – Dill*. München: Beck, 196-215.
- Baratte F., Caseau B., Campagnelo-Poithou M. et al. (eds.). 2011. *Antiquités paléochrétiennes et byzantines, IIIe–XIVe siècles: collections du Musée d'art et d'histoire*. Collections byzantines du MAH, Genève 2. Genève: Musée d'art et d'histoire.
- Barmine A. 2000. Une source méconnue des Dialogues de Nicéas de Maronée. *Revue des études byzantines* 58, 231-243.
- Barsanti C. 1993. Calice, area bizantina. In: Romanini A.M. (dir.). *Enciclopedia dell'Arte Medievale*. T. 4. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 80-82.
- Baumel J.J., King, A.S., Breazile, J.E., Evans, H.E., Vanden Berge J.C. 1993. *Handbook of Avian Anatomy: Nomina Anatomica Avium*. Publications of the Nuttall ornithological club 23. Cambridge, MSH: Nuttall Ornithological Club. 2nd ed.
- Baumstark A. 1900. Altarkreuze in nestorianischen Klöstern des VI. Jahrhunderts. *Römische Quartalschrift* 14, 70-71.
- Baykan D. 2011. Metal Finds from Nif (Olympos). In: *Second International conference on the archaeology of Ionia. Landscapes of Ionia: Towns in Transition, May 30-June 2, 2011*. Izmir, Turkey (in print).
- Berger A. 1998. Viranşehir (Mokisos), eine frühbyzantinische Stadt in Kappadokien. *Istanbul Mitteilungen* 48, 349-429.
- Bianchi G. 2008. Archeologia dell'architettura degli edifici religiosi rurali: il caso della Maremma settentrionale Toscana (Italia). *Hortus atrium Medievalium* 14: Rural churches in transformation and the creation of the medieval landscape, 49-62.
- Blid J. 2012a. *Felicium temporum reparatio: Labraunda in Late Antiquity (c. AD 300-600)*. University dissertation. Department of Archaeology and Classical Studies, Stockholm University. Stockholm.
- Blid J. 2012b. Sacred Movement to Labraunda - an archaeological Perspective. *Herom* 1:1, 157-195.
- Blindheim C. 1982. Slemmedalskatten: en liten orientering om et stort funn. *Viking* 45, 5-31.
- Blindheim C., Heyerdahl-Larsen B. 1995. *Kaupang-funnene*. Bd. 2: *Gravplassene i Bikjholbergene/Lamøya: undersøkelsene 1950-1957*, D. A. Gravskikk. Norske oldfunn 16. Oslo: Univ. oldsaksamling.
- Böhlendorf-Arslan B. 2012. Das bewegliche Inventar eines mittelbyzantinischen Dorfes: Kleinfunde aus Boğazköy. In: Böhlendorf-Arslan B., Ricci A. (eds.). *Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts*. Byzas: Veröffentlichungen des Deutschen Archäologischen Instituts Istanbul 15. İstanbul: Yayınları, 351-368.
- Böhner K. 1958. *Die fränkischen Altertümer des Trierer Landes*. *Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit. Serie B. Die fränkischen Altertümer des Rheinlandes* 1. 2 vol. Berlin: Mann.
- Borisov B.D., Katinčarov R., Best J.G.P., Fol A.N. 1989. *Djadovo: Bulgarian, Dutch, Japanese expedition*. Vol. 1: *Mediaeval settlement and necropolis (11th–12th century)*. Tokyo: Tokai Univ. Press.
- Borkopp B., Kahsnitz R., Restle M. (eds.). 1998. *Rom und Byzanz: Schatzkammerstücke aus bayerischen Sammlungen*. [Katalog zur Ausstellung der Prähistorischen Staatssammlung München, 20. Oktober bis 14. Februar 1999]. München: Hirmer.
- Bornert R. 1966. *Les commentaires byzantins de la divine Liturgie du VIIe au XVe siècle*. Archives de l'Orient chrétien 9. Paris: Institut français d'études byzantines.
- Bouras L. 1982. Byzantine Lighting Devices. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik* 32 (3), 479-491.
- Bouras L., Parani M. 2008. *Lighting in Early Byzantium*. *Dumbarton Oaks Byzantine Collection*. Publications 11. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, Harvard University Press.
- Braun F. 1890. Die Letzten Schicksale der Krimgoten. *Jahresbericht der Reformierten Kirchenschule zu St. Petersburg* 1889-1890, 1-88.
- Brightman F.E. 1965. *Liturgies Eastern and Western: being the texts original or translated of the principal liturgies of the church*. Oxford: Clarendon Press.
- Brogio G.P., Chavarria Arnau A. 2008. Chiese, territorio e dinamiche del popolamento nelle campagne tra tardoantico e altomedioevo. *Hortus atrium Medievalium* 14: Rural churches in transformation and the creation of the medieval landscape, 7-28.
- Brubaker L. 2012. *Inventing Byzantine Iconoclasm*. London: Bristol Classical Press.
- Brubaker L., Haldon J. 2011. *Byzantium in the Iconoclast Era*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bruce-Mitford R.L.S. 1956. The Pectoral Cross. In: Battiscombe C.F. (ed.). *The relics of Saint Cuthbert*. Oxford: [s.n.], 308-325.

Bruno B. 2003. Le chiese medievali a due absidi nel Salento: primi dati. In: Fiorillo R., Peduto P. (eds.). *III Congresso Nazionale di Archeologia Medievale, Castello di Salerno, Complesso di Santa Sofia (Salerno, 2-5 ottobre 2003)*. Vol. 1. Firenze: All'Insegna del Giglio, 446-450.

Bryer A. 1982. Une église « à la demande du client » à Trébizonde. *Proche-Orient Chrétien* 32 (3-4), 216-232 (= People and settlements in Anatolia and the Caucasus, 800-1900. Variorum reprint. London 1988).

Bryer A., Winfield D. 1985. *The Byzantine monuments and topography of the Pontos*. Dumbarton Oaks Studies 20. Vol. 1-2. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.

Buchwald H. 2010. Christian basilicas with isolated aisles in Asia Minor. В: Ёлшин Д.Д. (ред.). *Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков*. Труды Государственного Эрмитажа 53. Санкт-Петербург: Изд-во Государственного Эрмитажа, 35-57.

Burkert W. 1983. *Homo Necans: The Anthropology of Ancient Greek Sacrificial Ritual and Myth*. Berkeley: University of California.

Burkert W. 1997. *Homo necans. Interpretationen altgriechischer Opferriten und Mythen*. Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten 32. 2nd ed. Berlin: de Gruyter.

Buxton D. 1970. *The Abyssinians*. Ancient peoples and places 71. New York: Thames and Hudson.

Byzantine magic. Maguire H.P. (ed.). 1995. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, Harvard University Press.

Calder W.M., Cormack J.M.R. 1962. *Monuments from Lycaonia, the Pisido-Phrygian borderland, Aphrosias*. Monumenta Asiae Minoris antiquae 8. Publications of the American Society for Archaeological Research in Asia Minor 8. London: Society for the Promotion of Roman Studies.

Caprara R. 1979. Recensione a: Dîmitrokallî G. Oi dikoghoi hristianikoi naoi, Athînai, 1976. *Rivista di Archeologia Cristiana* 55: 3.4, 377-390.

Čaval S., Šprajc I. 2011. Astronomical orientation of churches at Tonovce grad. In: Ciglencečki S., Modrijan Z., Milavec T. *Late Antique Fortified Settlement Tonovcov grad pri Kobaridu. Settlement remains and interpretation*. Opera Instituti Archaologici Sloveniae 23. Ljubljana: Inštitut za arheologijo ZRC SAZU, Založba ZRC, 247-255.

Ciglencečki S. 2008. Monumenti del primo cristianesimo nella Savia e nella provincia Valeria Media. In: Piussi S. (ed.). *La cristianizzazione fra IV e V secolo*. Catalogo. Roma. Cromazio di Aquileia, 388-408: al crocevia di genti e religioni Catalog of an exhibition held at the Palazzo patriarcale, Museo Diocesano e Gallerie del Tiepolo, Udine, Italy, Nov. 6, 2008-Mar. 8, 2009. Milano: Silvana, 440-447.

Ciglencečki S., Modrijan Z., Milavec T. 2011. *Late Antique Fortified Settlement Tonovcov grad pri Kobaridu. Settlement remains and interpretation*. Opera Instituti Archaologici Sloveniae 23. Ljubljana: Inštitut za arheologijo ZRC SAZU, Založba ZRC.

Cochet J. B. D., abbé. 1857. *Sépultures gauloises, romaines franque et normande, faisant suite à «la Normandie souteraine»*. Paris: Derache.

Çömezoğlu Ö. 2004. Bizans dönemi'nde cam yapimi ve süslemesi. *Arkeoloji ve Sanat* 118 (26), 51-63.

Çömezoğlu Ö. 2007. *Akdeniz çevresi ortaçağ camcılığı ışığında Demre Aziz Nikolaos Kilisesi cam buluntuları*. Doktora. İstanbul Üniversitesi. İstanbul.

Constantelos D. 1970. Cannon 62 of the Synod in Trullo and the Slavic Problem. *Byzantina: Annual review of the Center of Byzantine Studies of the School of Philosophy, University of Thessaloniki* 2, 23-35.

Constantelos D. 1978. Paganism and the State in the Age of Justinian. *Catholic Historical Review* 22, 217-234.

Contardi S. 2009. Late Antique Glass from Iasos (Caria). In: Laffi E. (ed.). *Late Antique/Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*. Colloquia Anatolica et Aegaea, Acta Congressus Communis Omnium Gentium Smyrnae 2. Izmir: Dokuz Eylül University, Faculty of Arts, Department of Archaeology, 123-132.

Conybeare F.C. 1901. Les sacrifices d'animaux dans les anciennes églises chrétiennes. *Revue de l'histoire des religions* 44.1, 111-112.

Coroneo R. 2008. Problematica delle chiese biabsidate. Contributo allo studio del tipo in area tirrenica. In: Quintavall A.C. (ed.). *Medioevo - arte e storia : atti del convegno internazionale di studi, Parma, 18-22 settembre 2007*. I Convegni di Parma 10. Milano: Electa, 247-260.

Corrado M. 2009. Sistemi metallici di sospensione e lampade vitree pensili in Calabria dalla tarda antichità al medioevo. *Temporis Signa* 4, 139-169.

Cotsonis J. 1994. *Byzantine figural processional crosses*. Catalogue of the exhibition. Dumbarton Oaks, 23 September 1994 – 29 January 1995. Dumbarton Oaks Byzantine Collection. Publications 10. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.

Cotsonis J. 2009. Narrative scenes on Byzantine lead seals (Sixth-Twelfth centuries): Frequency, iconography, and clien-

tele. *Gesta: International center of medieval art* 48 (1), 55-86.

Ćurčić S. 1971. The Twin- Domed Narthex in Paleologan Architecture. *Зборник Радова Византинолошког института* 13, 313-323.

Ćurčić S. 1977. Architectural Significance of Subsidiary Chapels in Middle Byzantine Churches. *Journal of the Society of Architectural Historians* 36:2, 94-110.

Ćurčić S. 1993. What was a Real Function of the Late Byzantine Kathechoumena? In: *Nineteenth Annual Byzantine Studies Conference. Abstracts of Papers*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 8-9.

Ćurčić S. 2003. The role of late Byzantine Thessalonike in church architecture in the Balkans. *Dumbarton Oaks Papers* 57, 65-84.

Ćurčić S. 2010. *Architecture in the Balkans. From Diocletian to Süleyman the Magnificent*. New Haven; London: Yale University Press.

D'Angela C. 2000. Una scoperta altomedievale nella cattedrale di Taranto. In: Fonseca C.D., Sivo V. (eds.). *Studi in onore di Giosuè Musca*. Bari: Dedalo, 129-135.

Davidson G.R. 1952. *Corinth. Results of excavations conducted by the American school of classical studies at Athens*. Vol. 12: *The minor objects*. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens.

Degryse P., Freestone I. C., Schneider J., Jennings S. 2010. Technology and provenance of Levantine plant ash glass using Sr-Nd isotope analysis. In: Drauschke J., Keller D. (eds.). *Glass in Byzantium: production, usage, analyses: international workshop organised by the Byzantine Archaeology Mainz, 17th-18th of January 2008, Römisch-Germanisches Zentralmuseum*. Römisch-Germanisches Zentralmuseum Tagungen 8. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums; Regensburg: Schnell und Steiner, 83-92.

Dell'Era F. 2012. Small Finds from Zeytinli Bahce - Birecik (Urfa). In: Böhlendorf-Arslan B., Ricci A. (eds.). *Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts*. Byzas: Veröffentlichungen des Deutschen Archäologischen Instituts Istanbul 15. Istanbul: Yayinlari, 393-406.

Descoedres G. 1983. *Die Pastophorien im syro-byzantinischen Osten. Eine Untersuchung zu architektur- und liturgiegeschichtlichen Problemen*. Schriften zur Geistesgeschichte des östlichen Europa 16. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.

Dimitrokallis G. 1976. Les églises chrétiennes biconques. In: Δημητροκάλλης Γ. Οι δίκωγοι χριστιανικοί ναοί. Αθήνα: Γρηγόρη, 543-547.

Dirimtekin F. 1961. Le Skevophylakion de Sainte-Sophie. *Revue des études byzantines* 19: Mélanges Raymond Janin, 390-400.

Dodd E.C. 1987. Three early byzantine silver crosses. *Dumbarton Oaks Papers* 41, 165-179.

Doğan S. 2005. Alanya ve Çevresinde Bizans Araştırmaları 2004. *Araştırma Sonuçları Toplantısı* 23.2, 135-146.

Doğan S. 2008. Alanya ve Çevresinde Bizans Araştırmaları 2006. *Araştırma Sonuçları Toplantısı* 25.1, 381-394.

Drauschke J., Greiff S. 2010. Chemical aspects of Byzantine glass from Caričin Grad/Iustiniana Prima (Serbia). In: Drauschke J., Keller D. (eds.). *Glass in Byzantium: production, usage, analyses: international workshop organised by the Byzantine Archaeology Mainz, 17th-18th of January 2008, Römisch-Germanisches Zentralmuseum*. Römisch-Germanisches Zentralmuseum Tagungen 8. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums; Regensburg: Schnell und Steiner, 25-46.

Dular J., Ciglencečki S., Dular A. 1995. *Kučar: Zeleznodobno naselje in zgodnjekrščanski stavbni kompleks na Kučarju pri Podzemlju*. Opera instituti archaeologici Sloveniae 1. Ljubljana: Znanstvenoraziskovalni center SAZU.

Duncan J. 1983. *Coislin 213: Euchologe de la Grande Église*. Rome: Pontificiae Universitatis Gregoriana.

Duval N. 1971. *Les églises africaines à deux absides: recherches archéologiques sur la liturgie chrétienne en Afrique du Nord*. [I] : *Recherches archéologiques à Sbeitla. I: Les basiliques de Sbeitla à deux sanctuaires opposés (basiliques I, II et III)*. Bibliothèque des Ecoles françaises d'Athènes et de Rome 218. Paris: de Boccard.

Duval N. 1973. *Les églises africaines à deux absides: recherches archéologiques sur la liturgie chrétienne en Afrique du Nord*. T. II : *Inventaire des monuments, interprétation*. Bibliothèque des Ecoles françaises d'Athènes et de Rome 218bis. Paris: de Boccard.

Duval N. 1996. Les églises doubles d'Afrique du Nord. *Antiquité Tardive* 4, 179-188.

Duval N. 2000. Les relations entre l'Afrique et l'Espagne dans le domaine liturgique: existe-t-il une explication commune pour les «contre-absides» et «contre-choeurs»? *Rivista di Archeologia Cristiana* 76, 477-539.

Elbern V.H. 1962. Ein christliches Kultgefäß aus Glas in der Dumbarton Oaks Collection. *Jahrbuch der Berliner Museen* 4, 17-41.

Elmslie L. J. 1982. Snails and snails farming. *World Animal Review* 41, 20-26.

Epstein A.W. 1981. The Middle Byzantine sanctuary barrier: Templon or Iconostasis? *Journal of the British archaeological Association* 134, 1-28.

- Erzen A. 1985. 1984 yılı Enez kazisi çalışmaları. *Kazı Sonuçları Toplantısı* 7, 603-617.
- Eyice S. 1968. La ruine byzantine dite Üçayak (Utch-aiak) près de Kirşehir en Anatolie centrale. *Cahiers archéologiques* 18, 137-155.
- Forrer R. 1893. *Die Frühchristlichen Altertümer aus der Gräberfelde von Achmim-Panopolis (nebst analogen unedirten Funden aus Köln etc.)*. Strassburg: Selbstverlag.
- Forsyth G.H., Weitzmann K. 1973. *The monastery of Saint Catherine at Mount Sinai. The church and fortress of Justinian*. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
- Freestone I.C. 2002. Composition and Affinities of Glass from the Furnaces on the Island Site, Tyre. *Journal of Glass Studies* 44, 67-77.
- Freestone I.C. 2005. The provenance of ancient glass through compositional analysis. In: Vandiver P.B., Mass J.L., Murray A. (eds.). *Materials Issues in Art and Archaeology VII*. Materials Research Society 7th Symposium on Materials Issues in Art and Archaeology, held at the 2004 MRS Fall Meeting Boston, MA. Boston: Materials Research Society, 195-208.
- Freestone I.C. 2006. Glass Production in Late Antiquity and the Early Islamic Period: A Geochemical Perspective. In: Maggetti M., Messiga B. (eds.). *Geomaterials in Cultural History*. London: Geological Society of London, 201-216.
- Garipzanov I., Tolochko O. 2011. Introduction. Early Christianity on the way from the Varangians to the Greeks. In: Garipzanov I., Tolochko O. (eds.). *Early Christianity on the way from the Varangians to the Greeks*. Ruthenica, Supplementum 4. Kiev: Institute of Ukrainian History, 9-16.
- Gavris G., Taykova S. 2004. Aves from Karabi Tamchin. In: Chabai V.P., Monigal K., Marks A. E. (eds.). *The Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic of Eastern Crimea*. The Paleolithic of Crimea 3. Liège: ERUAL, 295-298.
- Geake H. 1997. *The use of grave-goods in conversion-period England c. 600-850 A.D.* British archaeological reports. British series 261. Oxford: Hedges.
- Georgoudi S. 1979. L'égorgement sanctifié en Grèce moderne: les « Kourbania » des saints. In: Detienne M., Vernant J.-P. et al. (eds.). *La cuisine du sacrifice en pays grec*. Paris: Gallimard, 271-307.
- Gerstel S. 2005. The Byzantine village church: observations on its location and on agricultural aspects of its program. In: Lefor J., Morrisson C., Sodini J.-P. (eds.). *Les villages dans l'empire Byzantine: IVe – XVe siècle*. Réalités byzantines 11. Paris: Lethielleux, 165-178.
- Gerstel S., Talbot A.-M. 2006. The culture of lay piety in medieval Byzantium 1054-1453. In: Angold M. (ed.). *The Cambridge history of Christianity 5: Eastern Christianity*. Cambridge: Cambridge University Press, 79-100.
- Ghigonetto S. 2000. *Storia dell'architettura medievale: una tipologia riscoperta, le chiese a doppia-abside (forme e funzioni)*. Paris: Éditions de Félon.
- Gill M.A.V., Lightfoot C. S., Ivison E.A., Wypyski. M.T. 2002. *Amorium Reports. Finds. I: The Glass (1987-1997)*. British archaeological reports. International Series 1070. Oxford: Archaeopress.
- Giostra C. 2010. Le croci in lamina d'oro: origine, significato e funzione. In: Sannazaro M., Giostra C. (eds.). *Petala aurea. Lamina di ambito bizantino e longobardo della Collezione Rovati*. Monza: Johan&Levi, 129-140.
- Giuffra E., Kijas J.M., Amarger V., Carlborg O., Jeon J.T., Andersson L. 2000. The origin of the domestic pig: independent domestication and subsequent introgression. *Genetics* 154: 4, 1785-1791.
- Gorin-Rosen Y., Winter T. 2010. Selected insights into Byzantine glass in the Holy Land. In: Drauschke J., Keller D. (eds.). *Glass in Byzantium: production, usage, analyses: international workshop organised by the Byzantine Archaeology Mainz, 17th-18th of January 2008, Römisch-Germanisches Zentralmuseum*. Römisch-Germanisches Zentralmuseum Tagungen 8. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums; Regensburg: Schnell und Steiner, 165-182.
- Gough M. 1985. *Alahan. An Early Christian Monastery in Southern Turkey*. Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies.
- Grabar A. 1969. La précieuse croix de la Lavra Saint Athanase au Mont Athos. *Cahiers archéologiques* 19, 99-125.
- Gräslund A.-S. 1984. Kreuzanhänger, Kruzifix und reliquiar-Anhänger. In: Arwidsson G. (ed). *Systematische Analysen der Gräberfunde*. 1. Birka: Untersuchungen und Studien 2. Stockholm: Almqvist & Wiksell international, 111-118.
- Greenewelt C.H. 2003. Sardis: archaeological research and conservation projects in 2001. *Kazı Sonuçları Toplantısı* 24.2, 149-158.
- Günsenin N. 1990. *Les amphores Byzantines (Xe–XIIIe siècle): Typologie, production, circulations d'après les collections turques*. Thèse de doctorat en archéologie. Université Paris I - Panthéon-Sorbonne. 2 vol. Paris.
- Guyot S. 1910. Ala Kilise, ein kleinasiatischer Bau des V. Jahrhunderts. *Zeitschrift für Geschichte der Architektur* Oktober 1909-September 1910 (Jahrgang 3), 192-199.
- Hadad S. 1998. Glass Lamps from the Byzantine through Mameluk Periods at Bet Shean, Israel. *Journal of Glass Studies* 40, 63-76.
- Hadjityrphonos E. 2006. 'Divinity' and 'World'. Two Spacial Realms in the Byzantine Church. В: Лидов А.М. (ред-сост.).

Иерототия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. Москва: Прогресс-Традиция, 237-259.

Harl K.W. 1990. Sacrifice and Pagan Belief in Fifth- and Sixth-Century Byzantium. *Past and Present* 128, 7-27.

Hampe R., Winter A. 1962. *Bei Töpfen und Töpferinnen in Kreta Messenien und Zypern.* Mainz: Verlag des Römisch-Germanisches Zentralmuseums.

Hampe R., Winter A. 1965. *Bei Töpfen und Ziegeln in Süditalien, Sizilien und Griechenland.* Mainz: Verlag des Römisch-Germanisches Zentralmuseums.

Harrison R. M., Firatli N., Hayes J.W. 1968. Excavations at Saraçhane in Istanbul: Fifth Preliminary Report, with a Contribution on a Seventh-Century Pottery Group. *Dumbarton Oaks Papers* 22, 196-201.

Hattersley-Smith K.M. 1996. *Byzantine public architecture between the fourth and early eleventh centuries AD, with special reference to the towns of Byzantine Macedonia.* Thessaloniki: Society for Macedonian Studies.

Hayes J.W. 1992. *Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2: The Pottery.* Princeton, N.J.: Princeton University Press; Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.

Hellström P. 1987. Labraunda 1985. *Araştırma Sonuçları Toplantısı* 4, 157-166.

Hetherington P. 2001. *The Greek islands: guide to the byzantine and medieval buildings and their art.* London: Quiller Press.

Hirschfeld Y. 2000. The monastery of Chariton. Survey and Excavation. *Liber Annuus* 50, 315-362.

Israeli Y., Mevorah D. (eds.). 2000. *Cradle of Christianity.* Jerusalem: The Israel Museum.

Ivakin H. 2007. Excavations at St Michael Golden Domes Monastery in Kiev. In: Aibabin A., Ivakin H. (eds.). *Kiev – Cherson – Constantinople.* Kiev; Simferopol; Paris: Ukrainian National Committee for Byzantine Studies, 177-220.

Janson H. 2005. Nordens kristnande och Skytiens undergång. In: Janson H. (red.). *Från Bysans till Norden: östliga kyrko-influenser under vikingatid och tidig medeltid.* Skellefteå: Artos, 174-175.

Jansson I. 2005. Situationen i Norden och Östeuropa för 1000 år sedan – en arkeologs synpunkter på frågan östkristna inflytanden under missiostiden. In: Janson H. (red.). *Från Bysans till Norden: östliga kyrko-influenser under vikingatid och tidig medeltid.* Skellefteå: Artos, 37-95.

Jennings S. 2010. A group of glass ca. 800 A.D. from tower 2 on the Western Defences, Butrint, Albania. In: Drauschke J., Keller D. (eds.). *Glass in Byzantium: production, usage, analyses: international workshop organised by the Byzantine Archaeology Mainz, 17th-18th of January 2008, Römisch-Germanisches Zentralmuseum.* Römisch-Germanisches Zentralmuseum Tagungen 8. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums; Regensburg: Schnell und Steiner, 225-236.

Jessup R. 1950. *Anglo-Saxon Jewellery.* London: Faber.

Karlsson L., Carlsson S. (eds.). 2011. *Labraunda & Karia.* Proceedings of the International Symposium Commemorating Sixty Years of Swedish Archaeological Work in Labraunda. The Royal Swedish Academy of Letters, History and Antiquities, Stockholm, November 20-21, 2008. Acta Universitatis Upsaliensis: Boreas. Uppsala Studies in Ancient Mediterranean and Near Eastern Civilizations 32. Uppsala: Uppsala University.

Kazhdan A., Epstein A. 1985. *Change in Byzantine culture in the Eleventh and Twelfth Century.* The Transformation of the classical heritage 7. Berkeley; London: University of California Press.

Keller D. 2010. Abbots' orders, pilgrims' donations, glass collection. The supply of glass lamps for a monastic/pilgrimage church in Southern Jordan. In: Drauschke J., Keller D. (eds.). *Glass in Byzantium: production, usage, analyses: international workshop organised by the Byzantine Archaeology Mainz, 17th-18th of January 2008, Römisch-Germanisches Zentralmuseum.* Römisch-Germanisches Zentralmuseum Tagungen 8. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums; Regensburg: Schnell und Steiner, 183-198.

Keller D. 2011. Glaslampen im frühbyzantinischen Kirchenraum. Künstliche Beleuchtung im Kontext von architektonischen und liturgischen Veränderungen. In: Schneider P.I., Wulf-Rheidt U. (eds.). *Licht: Konzepte in der vormodernen Architektur.* Diskussionen zur Archäologischen Bauforschung 10. Regensburg: Schnell & Steiner, 255-270.

Keller D., Lindblom J. 2008. Glass Finds from the Church and the Chapel. In: Fiema Z.T., Frösén J. (eds.). *Petra – The Mountain of Aaron: the Finnish archaeological project in Jordan.* Vol. 1: *The Church and the Chapel.* Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, 331-375.

Khairedinova E.A. 2012. Early Medieval Crosses from the South-Western Crimea. In: Böhlendorf-Arslan B., Ricci A. (eds.). *Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts.* Byzas: Veröffentlichungen des Deutschen Archäologischen Instituts Istanbul 15. İstanbul: Yayinlari, 417-440.

Khatchatrian A. 1962. *Les baptistères paléochrétiens: plans, notices et bibliographie.* Paris: Klincksieck.

Kienast H.J. 2001. Der Turm des Sarakini auf Samos. *Archäologischer Anzeiger* 14, 525-557.

Knific T., Sagadin M. 1991. *Pismo brez pisav: Arheologija o prvih stoletjih krscanstva na Slovenskem.* Ljubljana: Narodni muzej.

- Kovaltchuk E. 2008. The Encaenia of St Sophia: Animal Sacrifice in a Christian Context. In: Baranov V., Lourié B. (eds.). *Patrologia Pacifica: Selected papers presented to the Western Pacific Rim Patristics Society 3rd Annual Conference (Nagoya, Japan, September 29 – October 1, 2006) and other patristic studies*. Scrinium: Revue de patrologie, d'hagiographie critique et d'histoire ecclésiastique 4. Санкт-Петербург: Аxiōma, 161-203.
- Köroğlu G. 1997. Kappadokya'dan çok tanınmayan bir kaya kilisesi hagios Basileos. *Arkeoloji ve Sanat* 79 (19), 28-32.
- Köroğlu G. 2002a. Yumuktepe Höyüğü Ortaçağ Kazılarında Küçük Buluntular. *İçel Sanat Kulübü Bülteni, Arkeoloji Eki* [8] (Temmuz), 3-20.
- Köroğlu G. 2002b. Yumuktepe Höyüğü Ortaçağ Kazılarında Küçük Buluntular. In: Denктаş M., Özbek Y., Sağiroğlu Arslan A. (eds.). *VI. Ortaçağ ve Türk Dönemi Kazı Sonuçları ve Sanat Tarihi Sempozyumu*. Kayseri: Erciyes Üniversitesi Fen, Edebiyat Fakültesi Sanat Tarihi Bölümü, 515-535.
- Krautheimer R. 1975. *Early Christian and Byzantine architecture*. Harmondsworth: Penguin Books.
- Lafontaine-Dosogne J. (ed.). 1982. *Splendeur de Byzance: 2 octobre – 2 décembre 1982, Musées royaux d'art et d'histoire*. Europalia 82, Hellas-Grèce. Bruxelles: Musées royaux d'art et d'histoire.
- Lassus J. 1947. *Sanctuaires chrétiens de Syrie: Essai sur la genèse, la forme et l'usage liturgique des édifices du culte chrétien, en Syrie, du IIIe siècle à la conquête musulmane*. Bibliothèque archéologique et historique. Institut français d'archéologie de Beyrouth 42. Paris: P. Geuthner.
- Larson G., Albarellad U., Dobney K., Rowley-Conwy P., Schibler J., Tressetg A., Vigneg J.-D., Edwardsh C.J., Schlumbaumf A., Dinui A., Balacescu A., Dolmank G., Tagliacozzo A., Manaseryan N., Miraclen P., Van Wijngaarden-Bakker L., Masseti M., Bradley D.G., Cooper A. 2007. Ancient DNA, pig domestication, and the spread of the Neolithic into Europe. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 104 (39), 15276-15281.
- Lauwers V., Degryse P., Waelkens M. 2010. Middle Byzantine (10th-13th century A.D.) glass bracelets at Sagalassos (SW Turkey). In: Drauschke J., Keller D. (eds.). *Glass in Byzantium: production, usage, analyses: international workshop organised by the Byzantine Archaeology Mainz, 17th-18th of January 2008, Römisch-Germanisches Zentralmuseum*. Römisch-Germanisches Zentralmuseum Tagungen 8. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums; Regensburg: Schnell und Steiner, 145-152.
- Lawson J.C. 1910. *Modern Greek Folklore and Ancient Greek Religion. A Study in Survivals*. Cambridge: [s.n.] (2nd ed. New York: New Hyde Park, 1964).
- Leclercq H. 1910. Calice. In: Cabrol F., Leclercq H. (eds.). *Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie*. T. 2: 2. Paris: Letouzey et Ané, 1595-1645.
- L'eucologio Barberini gr. 336*. Parenti S., Velkovska E. (ed.). Bibliotheca Ephemerides Liturgicae, Subsidia 80. 2nd ed. 2000. Roma: CLV.
- Lewandowska J., Mietz A., Woźny J. 2008. *Wiara z demonem w tle. Studia nad materialnymi śladami przekazu informacji na ziemiach Polskich do schyłku XVIII wieku*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek.
- Lightfoot C.S., Mergen Y., Olcay B.Y., Witte-Orr J. 2003. *The Amorium Project: Research and Excavation in 2000*. *Dumbarton Oaks Papers* 57, 279-292.
- Limoncelli M. 2003. Dallo scavo archeologico alla riprogettazione virtuale di un edificio: la chiesa a doppia abside del casale di Quattro Macine, Giuggianello (LE). In: Fiorillo R., Peduto P. (ed.). *III Congresso Nazionale di Archeologia Medievale, Castello di Salerno, Complesso di Santa Sofia (Salerno, 2-5 ottobre 2003)*. Vol. 1. Firenze: All'Insegna del Giglio, 458-463.
- Macchiarella G. 2009. Il monastero bizantino e la chiesa di San Nicola a Mesopotam: un caso a sé. In: Macchiarella G. *Albania e Adriatico Meridionale: Studi per la conservazione del patrimonio culturale (2006-2008)*. Vol. 1. Firenze: Alinea, 22-27.
- Macchiarella G. 2011. Un caso a sé: San Nicola di Mesopotam (Albania). In: Derosa L., Gelao C. (eds.). *Tempi e forme dell'arte. Miscellanea di Studi offerti a Pina Belli D'Elia*. Vol. 1. Foggia: Claudio Grenze Editore, 123-136.
- Magdalino P. 1990. Church, Bath and Diakonia in Medieval Constantinople. In: Morris R. (ed.). *Church and people in Byzantium*. Society for the Promotion of Byzantine Studies; Twentieth Spring Symposium of Byzantine Studies, Manchester, 1986. Birmingham: University Centre for Byzantine, Ottoman and Modern Greek Studies, 165-188.
- Maguire H.P. 1994. Magic and geometry in Early Christian floor mosaics and textiles. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik* 44, 265-274.
- Maguire H.P. 1995. The cage of crosses: Ancient and Medieval sculptures on the «Little Metropolis» in Athens. In: Maguire H.P. *Rhetoric, nature and magic in Byzantine art*. Variorum collected studies series 603. Aldershot: Ashgate, IX.
- Maguir H.P., Dauterman Maguire E., Duncan-Flowers M.J., Gonosova A., Oehlschlaeger-Garvey B. 1989. *Art and Holy Powers in the Early Christian House*. Illinois Byzantine Studies 2. Urbana-Champaign: Krannert Art Museum, University of Illinois Press.

- Mandalà M. 1935. *La protesi della liturgia nel rito bizantino-greco*. Grottaferrata: Scuola tipografica italo-orientale S. Nilo.
- Mango C. 1995. The Water Supply of Constantinople. In: Mango C., Dagron G., Greatrex G. (eds.). *Constantinople and its hinterland*. Papers from the twenty-seventh Spring Symposium of Byzantine Studies, Oxford, April 1993. Society for the Promotion of Byzantine Studies. Publications 3. Aldershot: Variorum, 9-18.
- Mango C., Hawkins E.J.W., Boyd S. 1990. The Monastery of St. Chrysostomos at Koutsovendis (Cyprus) and its Wall Paintings. Part I: Description. *Dumbarton Oaks Papers* 44, 63-94.
- Manolev V., Simovski Z. 2000. *Macedonia – a Biblical Land: a presentation of 200 crosses in honor of 2000 years of Christianity*. Skopje: Profoto-Marketing,
- Margalit S. 1990. The bi-apsidal Churches in Palestine, Jordan, Lebanon and Cyprus. *Liber Annuus* 40, 321-334.
- Margalit S. 1995. The binated churches and the hybrid binated church complexes in Palestine. *Liber Annuus* 45, 357-400.
- Marksteiner Th., Niewöhner Ph., Yener-Marksteiner B. 2009. Der Burgberg von Inisdibi bei Isthada in Zentrallykien: antike Festung und byzantinische Kapelle. *Mitteilungen zur christlichen Archäologie* 15, 85-102.
- Mateos J. 1965. Evolution historique de la liturgie de saint Jean Chrysostome. Première partie: De la bénédiction initiale au trisagion. *Prêche Orient Chrétien* 15, 333-351.
- Mateos J. 1971. *La célébration de la Parole dans la liturgie byzantine: étude historique*. Orientalia christiana analecta 191. Roma: Pontificium Institutum Studiorum Orientalium.
- Mathews Th.F. 1971. *The early churches of Constantinople: architecture and liturgy*. London: The Pennsylvania State University Press.
- Mathews Th.F. 1982. "Private" Liturgy in Byzantine Architecture: Toward a Re-appraisal. *Cahiers archéologiques* 30, 125-138.
- Mathews T.F. 1995. *Art and architecture in Byzantium and Armenia: liturgical and exegetical approaches*. Collected studies series 510. Aldershot: Variorum.
- Mazzucchelli G. 2006. *Le chiese a doppia abside e le Tavole della Legge. Airolo, Ginevra, Olivone e Leontica: occasioni mancate Ghiffa (Italia): tutto da scoprire*. Dongio: Pietra e Storia.
- McNicoll A. 1983. *Taşkun Kale: Keban Rescue Excavations, Eastern Anatolia*. British archaeological reports. International Series 168; British Institute of Archaeology at Ankara 6. Oxford: A.R. Hands, D.R. Walker.
- Megas G. A. 1958. *Greek Calendar Customs*. Athens: [s.n.].
- Megaw A.H.S. 1964. The Original Form of the Theotokos Church of Constantine Lips. *Dumbarton Oaks Papers* 18, 279-298.
- Meyendorff J. 1990. Christian marriage in Byzantium: the canonical and liturgical tradition. *Dumbarton Oaks Papers* 44, 99-107.
- Mikulcic I. 2002. *Spätantike und frühbyzantinische Befestigungen. Nordmakedonien: Städtte, Vici, Refugien, Kastelle*. Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte 54. München: Beck.
- Milavec T. 2012. Sacred places? 8th century graves near 6th century churches at Tonovcov grad (Slovenia). In: Salamon M., Wołoszyn M., Musin A., Špehar P., Hardt M., Kruk M.P., Sulikowska-Gąska A. (eds.). *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence*. U Źródł Europy Środkowo-Wschodniej – Frühzeit Ostmitteleuropas. 1: 1. Vol. 1. Kraków; Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk; Leipzig: Geisteswissenschaftliches Zentrum Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas; Rzeszów: Instytut Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego, 475-487.
- Militsi E. 2012. Small Finds from the Early Christian Settlement of Kefalos in Cos, Dodecanese. In: Böhlendorf-Arslan B., Ricci A. (eds.). *Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts*. Byzas: Veröffentlichungen des Deutschen Archäologischen Instituts Istanbul 15. İstanbul: Yayinlari, 263-275.
- Mirrabella-Roberti M. 1961. Il battistero dell'isola Comacina. *Sirbium* 5-6, 85-91.
- Moore J. 1993. *Tille Höyük. I. The Medieval period*. British Institute of Archaeology at Ankara. Monograph 14. London: British Institute of Archaeology at Ankara.
- Morales J., Soria D. 1995. Artiodáctilos. In: Meléndez B. (ed.). *Paleontologia*. T. 3. Vol. 1: *Mamíferos*. Madrid: Paraninfo, 27-90.
- Mourelatos D. 2012. Metal Small Finds from Sinai. Preliminary Remarks. In: Böhlendorf-Arslan B., Ricci A. (eds.). *Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts*. Byzas: Veröffentlichungen des Deutschen Archäologischen Instituts Istanbul 15. İstanbul: Yayinlari, 457-462.
- Munsell soil color charts*. Revised washable edition. New Windsor. 2000.

Musin A. 1998. Two Churches or two Traditions: Common Traits and Peculiarities in Northern and Russian Christianity before and after 1054 AD through the Archaeological Evidence. A View from the East. In: Müller-Wille M. (ed.). *Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenwechsel im Ostseeraum während des 8.-14. Jahrhunderts*. Bd. 2. *Internationale Fachkonferenz der Deutschen Forschungsgemeinschaft in Verbindung mit der Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Mainz, Kiel, 18.-25. September 1994*. Abhandlungen der Geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse. Akademie der Wissenschaften und der Literatur, 1997:3:2. Stuttgart: Steiner, 275-296.

Musin A. 2010a. Byzantine Church rituals and Barbarian Burial customs. Meaning and origin of silver cross-pendants in Russian and Scandinavian graves in 10th–11th century. In: Dzieduszycki W., Wrzesiński J. (eds.). *Ta więc po owocach poznać ich*. *Funeralia Lednicka 12*. Poznań: Stowarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich, 221-228.

Musin A. 2010b. Byzantine relics and reliquaries and the formation of Christian culture in Europe. In: Salamon M., Hardt M., Kruk M.P., Musin A., Špehar P., Sulikowska-Gąska A., Wołoszyn M. (eds.). *Rome, Constantinople and Newly – Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence, Cracow, Poland, 21-25 September 2010*. Book of abstracts and addresses. Kraków; Rzeszów: Polska Akademia Umiejętności, Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, Instytut Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego, 74-78.

Musin A. 2012a. The Christianization of Eastern Europe in the Archaeological Perspective. In: Heinrich-Tamaska O., Krohn N., Ristow S. (eds.). *Christianisierung Europas. Entstehung, Entwicklung und Konsolidierung im archäologischen Befund. Internationale Tagung im Dezember 2010 in Bergisch-Gladbach*. Regensburg: Schnell und Steiner, 497-518.

Musin A. 2012b. Byzantine relics and reliquaries and the formation of Christian culture in Europe. In: Salamon M., Wołoszyn M., Musin A., Špehar P., Hardt M., Kruk M.P., Sulikowska-Gąska A. (eds.). *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence*. Vol. 2. U Źródeł Europy Środkowo-Wschodniej – Frühzeit Ostmitteleuropas. 1: 2. Kraków; Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk; Leipzig: Geisteswissenschaftliches Zentrum Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas; Rzeszów: Instytut Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego, 61-94.

Müller W. 1986. Archäologische Zeugnisse frühen Christentums zwischen Taunus und Alpenkamm. *Helvetica archaeologica: Archäologie in der Schweiz* 65/66, 3-77.

Neve P. 1983. Die Ausgrabungen in Boğazköy-Hattuša 1982. *Archäologischer Anzeiger* 3, 427-454.

Neve P. 1984. Die Ausgrabungen in Boğazköy-Hattuša 1983. *Archäologischer Anzeiger* 3, 329-381.

Neve P. 1985. Die Ausgrabungen in Boğazköy-Hattuša 1984. *Archäologischer Anzeiger* 3, 323-352.

Neve P. 1991. Bogazköy-Hattusa in byzantinischer Zeit. In: Kravari V., Lefort J., Morrisson C. (dir.). *Hommes et richesses dans l'Empire byzantin, VIII–XV siècle*. *Realités Byzantines* 3. Paris: Lethielleux, 91-111.

Niewöhner Ph. 2007. *Aizanoi, Dokimion und Anatolien: Stadt und Land, Siedlungs und Steinmetzwesen vom späteren 4. bis ins 6. Jahrhundert n. Chr.* *Archäologische Forschungen* 23; Aizanoi 1. Wiesbaden: Reichert Verlag.

Niewöhner Ph. 2008. Mittelbyzantinische Templonanlagen aus Anatolien. Die Sammlung des Archäologischen Museums Küahya und ihre Kontexte. *Istanbuler Mitteilungen* 58, 285-345.

Nilsson M.P. 1940. *Greek Popular Religion*. Lectures on the history of religions, N.S., 1. New York: Columbia University Press.

Nilsson M.P. 1961. *Greek folk religion*. New York: Harper.

Nuber H.U. 1980. *Ausgrabungen in Bad Gögging, Stadt Neustadt an der Donau, Landkreis Kelheim: römisches Staatsheilbad und frühmittelalterliche Kirchen*. Landshut: Bezirk Niederbayern.

Nuber H.U. 2010. Römische Heilbäder - frühe Kirchen? In: Krohn N. (ed.). *Kirchenarchäologie heute. Fragestellungen – Methoden – Ergebnisse*. Veröffentlichung des Alemannischen Instituts Freiburg im Breisgau 76. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 15-24.

Oğuz Alp A. 2010. The newly discovered middle byzantine churches from Phrygia. В: Ёлшин Д.Д. (ред.). *Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков*. Труды Государственного Эрмитажа 53. Санкт-Петербург: Изд-во Государственного Эрмитажа, 9-20.

Osca Y. 2001. Lighting methods in the Byzantine period and findings of glass lamps in Anatolia. *Journal of Glass Studies* 43, 77-87.

Ötügen Y. 1982. Zweischiffige Kirchen in Kappadokien und in des angrenzenden Gebieten. In: Raasted J. et al. (eds.). *Akten: XVI. Internationaler Byzantinistenkongress, Wien, 4-9 Oktober 1981*. Vol. II. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik* 32. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 543-552.

Ousterhout R. 1987. *The architecture of the Kariye Camii in Istanbul*. *Dumbarton Oaks Studies* 25. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.

- Ousterhout R. 2001. Architecture, art and Komnenian ideology at the Pantokrator monastery. In: Necipoğlu N. (ed.). *Byzantine Constantinople: monuments, topography and everyday life*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 133-150.
- Ousterhout R. 2005. *Byzantine settlement in Cappadocia*. Dumbarton Oaks studies 42. Washington, D.C: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.
- Paley S.M. 2006. The excavations at Çadır Höyük, 2004. *Kazı Sonuçları Toplantısı* 27.1, 351-366.
- Papacostas T.C. 2007. The History and Architecture of the Monastery of St. John Chrysostom at Koutsovendis, Cyprus. *Dumbarton Oaks Papers* 61, 29-148.
- Parémi Á. 2009. Das Gräberfeld der Keszthely-Kultur in Lesencetomaj-Piroskereszt. In: Heinrich-Tamáška O., Straub P. (eds.). *Keszthely-Fenékpuszta im Spiegel des Jahrtausende*. Leipzig; Zalaegerszeg: Geisteswissenschaftliches Zentrum Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas.
- Pastore I. 1992. Doni funerari. In: Peduto P. (ed.). *San Giovanni di Pratola Serra. Archeologia e storia nel ducato longobardo di Benevento*. Fonti archeologiche per la Storia del Mezzogiorno 1. Vol. 1. Salerno: P. Lavegia, 349-366.
- Peduto P. 1992. Le scoperte di Pratola Serra e l'evoluzione dei Longobardi in Campania. La caratterizzazione culturale attraverso l'analisi dei reperti funerari. In: Peduto P. (ed.). *San Giovanni di Pratola Serra. Archeologia e storia nel ducato longobardo di Benevento*. Fonti archeologiche per la Storia del Mezzogiorno 1. Vol. 1-2. Salerno: P. Lavegia, 43-49.
- Pekak S. 1999. Niğde-andaval (Aktas)'daki Konstantin-Helena kilisesi 1997 çalışmaları. *Kazı Sonuçları Toplantısı* 20.2, 505-524.
- Pergola P. 1979. Une pieve rurale corse: S. Mariona di Talcini, problèmes d'archéologie et de topographie médiévales insulaires. *Mélanges de l'Ecole Française de Rome – Moyen Age* 91, 89-111.
- Peschlow U. 2008. Observations in the so-called Skevophylakion of Ayasofya in İstanbul. *Araştırma Sonuçları Toplantısı* 26 (2), 391-396.
- Petrauskas A. 2009. A Byzantine Solidus Coin from the Research of B.A. Zvizdec'kyj in Iskorosten. In: Wołoszyn M. (ed.). *Byzantine coins in Central Europe between the 5th and 10th century*. Proceedings from the conference organised by Polish Academy of arts and Sciences and Institute of Archaeology University of Rzeszow under the patronage of Union Academique International (Programme No. 57 Moravia Magna) Krakow, 23-26 IV 2007. Moravia Magna, Seria Polona 1. Kraków: Polska Akademia Umiejętności; Rzeszów: Instytut Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego, 653-658.
- Piva P. 1990. *La cattedrale doppia. Una tipologia architettonica e liturgica del Medioevo*. Bologna: Pàtron.
- Piva P. 1995. Basilica doppia: appunti sulla storiografia dell'ultimo decennio. *Hortus Artium Medievalium* 1, 111-116.
- Piva P. 1996. La cattedrale doppia e la storia della liturgia. *Antiquité tardive* 4, 56-60.
- Piva P. 2001. Le due chiese di Quingentole: "quadri" storici, tipologie architettoniche, contesti funzionali. In: Manicardi A. (ed.). *San Lorenzo di Quingentole. Archeologia, storia ed antropologia*. Documenti di archeologia 25. Mantova: Società archeologica padana, 115-144.
- Piccirillo M., Alliata E. 1994. *Umm al-Rasas Mayfa'ah*. Vol.I: *Gli scavi del complesso di Santo Stefano*. Studium Biblicum Franciscanum, Collectio maior 28. Jerusalem: Studium Biblicum Franciscum.
- Pitarakis B. 2006. *Les croix – reliquaires pectorales byzantines en bronze*. Bibliothèque des Cahiers archéologiques 16. Paris: Picard.
- Podskalsky G. 1992. Religion and religious life in Eleventh-Century Byzantium. In: Vryonis S. (ed.). *Byzantine studies: Essays on the Slavic World and the Eleventh century*. Hellenism: ancient, medieval, modern 9. New Rochell: Caratzas, 153-173.
- Poláček L. 2012. Mikulčice und das Christentum in Mähren im 9. Jahrhundert. In: Salamon M., Wołoszyn M., Musin A., Špehar P., Hardt M., Kruk M.P., Sulikowska-Gąska A. (eds.). *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence*. Vol. 1. U źródeł Europy Środkowo-wschodniej. Frühzeit Ostmitteleuropas 1: 1. Kraków; Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk; Leipzig: Geisteswissenschaftliches Zentrum Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas; Rzeszów: Instytut Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego, 109-124.
- Poulou-Papadimitriou N., Tzavella E., Ott J. 2012. Burial practices in Byzantine Greece: archaeological evidence and methodological problems for its interpretation. In: Salamon M., Wołoszyn M., Musin A., Špehar P., Hardt M., Kruk M.P., Sulikowska-Gąska A. (eds.). *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence*. U źródeł Europy Środkowo-Wschodniej – Frühzeit Ostmitteleuropas. 1: 1. Vol. 1. Kraków; Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk; Leipzig: Geisteswissenschaftliches Zentrum Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas; Rzeszów: Instytut Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego, 377-428.
- Pralong A. 1994. La basilique de l'acropole d'Amathonte (Chypre). *Rivista di Archeologia Cristiana* 70, 411- 455.
- Radt W. 1990a. Pergamon: Vorbericht über die Kampagne 1989. *Archäologischer Anzeiger* 3, 397-424.
- Radt W. 1990b. Pergamon 1989 kampanyasi raporu. *Kazı Sonuçları Toplantısı* 12.2, 195-210.
- Rathke H. 1837. Zur Fauna der Krym. Ein Beitrag. *Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences, St. Pétersbourg, Savants Étrangers* 3, 291- 454.

- Ratynski Z. 1982. Hand and pectoral crosses from Faras. In: S. Jakobielski (ed.). *Nubia Christiana*. T.1. Warszawa: Akademia teologii Katolickiej, 223-282.
- Rehren T., Marii F., Schibille N., Stanford L., Swan C. 2010. Glass supply and circulation in Early Byzantine Southern Jordan. In: Drauschke J., Keller D. (eds.). *Glass in Byzantium: production, usage, analyses: international workshop organised by the Byzantine Archaeology Mainz, 17th-18th of January 2008, Römisch-Germanisches Zentralmuseum*. Römisch-Germanisches Zentralmuseum Tagungen 8. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums; Regensburg: Schnell und Steiner, 65-82.
- Restle M. 1979. *Studien zur frühbyzantinischen Architektur Kappadokiens*. Veröffentlichungen der Kommission für die Tabula Imperii Byzantini 3; Thesaurus nummorum Romanorum et Byzantinorum 3; Veröffentlichungen der Numismatischen Kommission 9; Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Denkschriften 138-140. 2 vol. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Rheidt K. 1993. Bogazköy und Pergamon: zur byzantinischen Klosterarchitektur in Kleinasien. *Istanbuler Mitteilungen* 43, 479-485.
- Ristow S. 1998. *Frühchristliche Baptisterien*. Jahrbuch für Antike und Christentum, Ergänzungsband 27. Münster: Aschendorff.
- Rogerson A., Dallas C. 1984. *Excavations in Thetford 1948-1959 and 1973-1980*. East Anglian Archeology 22. Norwich: Norfolk Archaeological Unit.
- Roesdahl E., Wilson D.M. (eds.). 1992. *From Viking to Crusader: the Scandinavians and Europe 800-1200*. Council of Europe exhibition 22. København: Nordisk Ministerråd.
- Ross M.C. 1964. Byzantine Bronze Hands Holding Crosses. *Archaeology* 17 (2), 101-103.
- Roux G. 1998. *La basilique de la Campanopetra en Chypre*. Salamine de Chypre 15. Paris : Bocard.
- Salamon M. 2012. Byzantine Missionary Policy. Did It Exist ? In: Salamon M., Wołoszyn M., Musin A., Špehar P., Hardt M., Kruk M.P., Sulikowska-Gaska A. (eds.). *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence*. U Źródeł Europy Środkowo-Wschodniej – Frühzeit Ostmitteleuropas. 1: 1-2. Vol. 1. Kraków; Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk; Leipzig: Geisteswissenschaftliches Zentrum Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas; Rzeszów: Instytut Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego, 43-53.
- Salin É. 1959. *La Civilisation mérovingienne d'après les sépultures, les textes et le laboratoire. 4e partie : Les Croyances, conclusions, index général*. Paris: A. et J. Picard et Cie.
- Saller S.J. 1941. *The memorial of Moses on Mount Nebo*. 2 vol. Jerusalem: Franciscan Press.
- Sandin K.A. 1995. *Middle Byzantine bronze crosses of intermediate size: form, use and meaning*. Ann Arbor: University Microfilms International.
- Sarah M. 1998. *Nelson Ancestors for the Pigs. Pigs in prehistory*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology.
- Sayre E.V., Smith R.W. 1961. Compositional Categories of Ancient Glass. *Science* 133, 1824-1826.
- Sazanov A. 1997. Les amphores de l'antiquité tardive et du moyen âge: continuité ou rupture? Le cas de la mer Noire. In: Démians d'Archimbaud G. (éd.). *La céramique médiévale en Méditerranée. Actes du VIe congrès de l'Association Internationale pour l'étude des céramiques médiévales méditerranéennes (AIECM2) Aix-en-Provence (13-18 novembre 1995)*. Aix-en-Provence: Narration Editions, 87-102.
- Sciallano M., Sibella P. 1991. *Amphores: comment les identifier?* Aix-en-Provence: Edisud.
- Schneeweis E. 1961. *Serbokroatische Volkskunde*. Bd. 1: *Volks Glaube und Volksbrauch*. Grundriss der slawischen Philologie und Kulturgeschichte 14. Berlin: W. de Gruyter.
- Ševčenko I. 1966. The early period of the Sinai monastery in the light of its inscriptions. *Dumbarton Oaks Papers* 20, 255-264.
- Sinkević I. 2002. Western chapels in Middle Byzantine churches: Meaning and significance. *Starinar* 52, 79-92.
- Sharf A. 1982. Animal Sacrifice in the Armenian Church. *Revue des études arméniennes* 16, 417-449.
- Sodini J.-P., Kolokotsas K. 1984. *Aliki. II. La basilique double*. Études thasiennes 10. 2 vol. Athènes: Ecole Française d'Athènes; Paris: Bocard.
- Sposób odprawiania obrzędów kościelnych w trzy dni ostatnie Wielkiego Tygodnia, gdy jeden kapłan administruje dwie samodzielne parafie. *Przegląd Kościelny: pismo miesięczne poświęcone nauce katolickiej i życiu kościelnemu* [Poznań] 16.1 (1894), 197-199.
- Staecker J. 1997. Legends and mysteries: reflections on the evidence for the early mission in Scandinavia. In: Andersson H., Carelli P., Ersgård L. (eds.). *Visions of the past: trends and traditions in Swedish medieval archaeology*. Lund Studies in Medieval Archaeology 19; Riksantikvarieämbetet, Arkeologiska undersökningar, Skrifter 2. Stockholm: Riksantikvarieämbetet, 419-454.
- Staecker J. 1999. *Rex regum et dominus dominorum. Die wikingerzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Altdanemark und Schweden*. Lund Studies in Medieval Archaeology 23. Stockholm: Almqvist & Wiksell International.

Staecker J. 2003. The Cross goes North: Christian Symbols and Scandinavian Women. In: Carver M. (ed.). *The Cross Goes North: Processes of Conversion in Northern Europe, AD 300-1300*. York: York Medieval Press, 462-482.

Taft R.F. 1975. *The Great Entrance. A History of the Transfer of Gifts and other Preanaphoral Rites of the Liturgy of St. John Chrysostom*. A History of the Liturgy of St. John Chrysostom 1. Orientalia Christiana Analecta 200. Roma: Pontificium Institutum Studiorum Orientalium.

Taft R.F. 2000. *The Precommunion Rites*. A History of the Liturgy of St. John Chrysostom 5. Orientalia Christiana Analecta 261. Roma: Pontificio Istituto Orientale.

Tautavičius A. (ed.). 1978. *Lietuvos Tarybų Socialistinė Respublika archeologijos atlasas*. Vol. IV: I-XIII amžiuje ra-diniai. Vilnius: Mokslas.

Tchalenko G. 1990. *Eglises syriennes à bêma* [Eglises de village de la Syrie du Nord. Texte]. Institut français d'archéologie du Proche-Orient. Bibliothèque archéologique et historique 105. Paris: P. Geuthner.

Tchalenko G., Baccache E. 1979. *Églises de village de la Syrie du Nord, Planches*. Institut français d'archéologie du Proche-Orient. Bibliothèque archéologique et historique 105. Documents d'archéologie: la Syrie à l'époque de l'Empire romain d'Orient 1. Paris: P. Geuthner.

Teslenko I. 2009. Vessel for Wine-storage from Archaeological Complexes of the 14th-15th centuries in the Crimea. In: Zozaya Stabel-Hansen J., Retuerce Velasco M., Hervás Herrera M.A., de Juan García A. (eds.). *Actas del VIII Congreso Internacional de Cerámica Medieval en el Mediterráneo (Ciudad Real-Almagro, del 27 de febrero al 3 de marzo de 2006)*. T. 2. Ciudad Real: Asociación Española de Arqueología Medieval, 869-880.

Teteriatnikova N. 1992. The frescoes of the Chapel of St. Basil in Cappadocia: Their date and context reconsidered. *Cahiers archéologique* 40, 99-114.

Teteriatnikova N. 1996. *The liturgical planning of Byzantine churches in Cappadocia*. Orientalia christiana analecta 252. Roma: Pontificio Istituto orientale.

Teteriatnikova N. 1998. Devotional crosses in the columns and walls of Hagia Sophia. *Byzantion* 68, 419-445.

Teteriatnikova N. 2003. Relics in the walls, pillars and columns of Byzantine churches. В: Лидов А.М. (ред.). *Восточно-христианские реликвии*. Москва: Прогресс-Традиция, 77-92.

Teteriatnikova N. 2008. Mittelbyzantinische Templonanlagen aus Anatolien. Die Sammlung des Archäologischen Museums Kūahya und ihre Kontexte. *Istanbulur Mitteilungen* 58, 285-345.

Tezcan H. 1989. *Topkapi sarayı ve çevresinin Bizans devri arkeolojisi*. Istanbul: Türkiye Turing ve Otomobil Kurumu.

Thierry N. 1984. Les églises arméniennes à double apside. *Revue des études arméniennes* 18, 515-516.

Tiryaki A. 2007. *Kislecukuru Manastırı, Antalya'nın Doyran Beldesi'nde bir Ortaçağ yapı topluluğu*. Doktora. İstanbul Üniversitesi. İstanbul.

Toksoy A. 2007. Yenikapı'da inanç. In: Karamani Pekin A. (ed.). *Gün Işığında İstanbul'un 8000 Yılı: Marmaray, Metro, Sultanahmet Kazıları*. İstanbul: Vehbi Koç Vakfı yayını, 230-235.

Tsafir Y. 2003. The loca sancta and the invention of relics in Palestine from the 4th to 7th centuries: their impact on the ecclesiastical architecture of the Holy land. В: Лидов А.М. (ред.). *Восточно-христианские реликвии*. Москва: Прогресс-Традиция, 56-76.

Türker A. 2008. Güllüdere Vadisi'ndeki Ayvalı Kilise. *Arkeoloji ve Sanat* 127 (30), 85-104.

Türkoğlu S. 1983. Excavation of the Saint Sophia Skevophylakion. *Ayasofya Müzeleri Yıllığı* 9, 25-35.

Tyszkiewicz J. 1976. "Nowy ogien" na wiosnę. In: Kuczyński S.K. (ed.). *Cultus et cognitio. Studia z dziejów średnio-wiecznej kultury*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 591-597.

Uhlir K., Melcher M., Schreiner M., Czurda-Ruth B., Krinzinger F. 2010. SEM/EDX and μ -XRF investigations on ancient glass from Hanghaus 1 in Ephesos/Turkey. In: Drauschke J., Keller D. (eds.). *Glass in Byzantium: production, usage, analyses: international workshop organised by the Byzantine Archaeology Mainz, 17th-18th of January 2008, Römisch-Germanisches Zentralmuseum*. Römisch-Germanisches Zentralmuseum Tagungen 8. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums; Regensburg: Schnell und Steiner, 47-64.

Vakarelski Ch.T. 1969. *Bulgarische Volkskunde*. Grundriss der slawischen Philologie und Kulturgeschichte 15. Berlin: W. de Gruyter.

Vida T. 1998. Neue Beiträge zur Forschung der Fruchristlichen Funde der Awarenzeit. In: Cambi N., Marin E. (eds.). *Acta XIII Congressus Internationalis archaeologiae christianae. Split-Porec (25.9-1.10. 1994)*. Studi di Antichità Cristiana 54; Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku. Supl. vol., 87-89. Vol. 2. Città del Vaticano: Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana; Split: Arheoloski Muzej, 529-540.

Vikan G., Nesbitt J. 1980. *Security in Byzantium: locking, sealing, weighing*. Dumbarton Oaks Byzantine Collection. Publications 2. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, Harvard University Press.

Volkaitė-Kulikauskienė R. (ed.). 1978. *Lietuvių materialine kultūra IX–XIII amžiuje*. 2 vol. Vilnius: Mokslas.

- Vorontsova L., Yakovleva E. 2010. Mobilier funéraire d'une tombe de Pskov. In: Durand J., Giovannoni D., Rapti I. (dir.). *Sainte Russie. L'art russe des origines à Pierre le Grand*. [Catalogue d'exposition]. Paris: Somogy éditions d'art, 63-65.
- Vroom J. 2005. *Byzantine to modern pottery in the Aegen – 7th to 20th century*. Bijleveld: Parnasus press.
- Vryonis S. 1972. Religious Changes and Patterns in the Balkans, 14th-16th centuries. In: Birnbaum H., Vryonis S. (eds.). *Aspects of the Balkans: Continuity and Change. Contributions to the International Balkan conference held at UCLA, October 23-28, 1969*. Slavistic printings and reprintings 270. The Hague: Mouton Press, 151-176.
- Vryonis S. 1988. The Byzantine Legacy in Folk Life and Tradition in the Balkans. In: Clucas L. (ed.). *The Byzantine legacy in Eastern Europe*. East European monographs 230. Boulder: East European Monographs; New-York: Columbia University Press, 107-148.
- Xanthopoulou M. 1998. Le mobilier ecclésiastique métallique de la basilique de Saint-Tite à Gortyne (Crète centrale). *Cahiers archéologiques* 46, 103-119.
- Walter Ch. 2000. The Byzantine sanctuary - A word list. In: Walter Ch. *Pictures as language: How the Byzantines exploited them*. London: The Pindar Press, XV.
- Waywell G.B., Wilkes J.J., Powell A.D., Fradgley N., Hayes J.W., Sanders G.D.R., Walker S.E.C. 1995. Excavations at the ancient theatre of Sparta 1992-1994: preliminary report. *Annual of the British School at Athens* 90, 435-460.
- Weitzmann K., Ševčenko I. 1963. The Moses Cross at Sinai. *Dumbarton Oaks Papers* 17, 385-398.
- Williams C.K., Zervos O.H. 1993. Frankish Corinth: 1992. *Hesperia* 62.1, 1-52.
- Williams C.K., Zervos O.H. 1995. Frankish Corinth: 1994. *Hesperia* 64.1, 1-60.
- Wilson D.M. (ed.). 1964. *Anglo-Saxon ornamental metalwork 700-1100 in the British museum*. Catalogue of antiquities of the later Saxon period 11. London: British museum.
- Winfield D., Wainwright J. 1962. Some Byzantine churches from the Pontus. *Anatolian Studies* 12, 131-161.
- Yalçın A-B. 2011. The Nif (Nymphaion) mountain project: a new Byzantine complex discovered. In: Nikolov A. et al. (eds.). *Proceeding of the 22nd International Congress of Byzantine Studies, Sofia, 22-27 August 2011*. Vol.3: *Abstracts of free communications*. Sofia: Bulgarian Historical Heritage Foundation, 23.
- Δημητροκάλλης Γ. 1976. *Οι δίκωγχοι χριστιανικοί ναοί*. Αθήνα: Γρηγόρη.
- Λουκόπουλου Δ., Πετρόπουλου Δ. 1949. *Η λαϊκή λατρεία των Φαράσων*. Αθήνα: Γαλλικό Ινστιτούτο.
- Χατζητρύφωνος Ε. 2000. *Το περίστωο στην εκκλησιαστική αρχιτεκτονική της όψιμης περιόδου της Βυζαντινής Αυτοκρατορίας: μια τυπολογική προσέγγιση*. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης.
- Χατζητρύφωνος Ε. 2004. *Το περίστωο στην υστεροβυζαντινή εκκλησιαστική Αρχιτεκτονική. Σχεδιασμός-Λειτουργία. – Ευρωπαϊκό κέντρο Βυζαντινών και Μεταβυζαντινών μνημείων 1*. Θεσσαλονίκη: Ευρωπαϊκό κέντρο Βυζαντινών και Μεταβυζαντινών μνημείων.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ *LIST OF ABBREVIATIONS*

АВУ	Археологічні відкриття в Україні. Київ.
АДСВ	Античная древность и средние века. Свердловск. Екатеринбург.
АДУ	Археологічні дослідження в Україні. Київ. Запоріжжя. Луцьк. Полтава.
АИК	Археологические исследования в Крыму. Симферополь.
АН СССР	Академия наук Союза Советских Социалистических республик.
АР	Автономная республика
БГИКЗ	Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник, г. Бахчисарай.
ГИМ	Государственный исторический музей, г. Москва.
ГЭ	Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург.
ед.	единица учета
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИА НАНУ	Институт археологии Национальной академии наук Украины, г. Киев.
ИА РАН	Институт археологии Российской академии наук, г. Москва.
ИГАИМК	Известия Государственной академии истории материальной культуры. Ленинград.
ИИМК РАН	Институт истории материальной культуры Российской академии наук, г. Санкт-Петербург.
ИМАО	Императорское Московское археологическое общество, г. Москва.
ИТУАК	Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
кв.	квадрат
квв.	квадраты
кл.	кладка
КСИА	Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР / РАН. Москва.
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. Ленинград. Москва.
КФ ИА НАНУ	Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины, г. Симферополь.
КФ ИВ НАНУ	Крымский филиал Института востоковедения Национальной академии наук Украины, г. Симферополь.
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь.
МАИАСК	Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Симферополь. Севастополь. Тюмень.
МГУ	Московский государственный университет, г. Москва.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград. Москва.
МОИП	Московское общество испытателей природы, г. Москва.
МОНМС	Министерство образования, науки, молодежи и спорта Украины, г. Киев.

НГОМЗ	Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, г. Великий Новгород.
НМЗХТ	Национальный музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь.
ННПМ НАНУ	Национальный научно-природоведческий музей Национальной академии наук Украины, г. Киев.
НовГУ	Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.
ОАСА	Отдел античной и средневековой археологии Крыма Института археологии АН УССР, г. Киев.
п.	поселок
пгт.	поселок городского типа
ПСТБИ	Православный Свято-Тихоновский богословский институт, г. Москва.
ПСТГУ	Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва.
р.	река
РА	Российская археология. Москва.
РАН	Российская академия наук.
РГГУ	Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва.
РПЦ	Русская Православная Церковь.
НАНУ	Национальная академия наук Украины.
с.	село
СА	Советская археология. Москва; Ленинград. Москва.
САИ	Свод археологических источников. Москва. Ленинград.
СПбГУ	Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург.
СПбФА РАН	Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, г. Санкт-Петербург.
ТНУ	Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь.
Хсб	Херсонесский сборник. Севастополь.
ФО НА ИИМК РАН	Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук.
ЮБК	Южный берег Крыма.
ЮВК	Юго-Восточный Крым.
ЮЗК	Юго-Западный Крым.

Наукове видання

Археологічний альманах, № 30

**СТАРОЖИТНОСТІ СЕМИДВІР'Я І
Середньовічний двохапсидний храм
в урочищі Єді-Євлер (Алушта, Крим):
дослідження і матеріали.**

Колективна монографія

Російською мовою

Головні редактори:
В.П. Чабай, О.В. Колесник

Редактори-упорядники:
І.Б. Тесленко, О.Є. Мусін

Технічний редактор:
О.Д. Арламов

Оригінал-макет
ТОВ «РА «Ваш імідж»

Підписано до друку 21.07.2015.
Формат 60x84/8. Папір офсетний.
Друк цифровий. Гарнітура Times.
Ум. друк. арк. 26,51. Обл. вид. арк. 29,78. Тираж 300 прим. Зам. № .

Видавець: ТОВ «Видавничий дім „Антиквар“»
Вул. Володимирська, буд. 5, оф. 6, Київ, 01001. Тел.: +380 (44) 278 39 28
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного реєстру видавців,
виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції: серія ДК №4651 від 07.11.2013 р.

Виготовник: «Видавничий дім „АДЕФ-Україна“»
Вул. Б. Хмельницького, 32, оф. 40а, Київ, 01030. Тел.: +380 (44) 284 08 60
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного реєстру видавців,
виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції: серія ДК №4605 від 28.08.2013 р.